ИСТОРІЯ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ.

Б. ЧИЧЕРИНА.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. домъ.
1902.

ИСТОРІЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ.

Б. ЧИЧЕРИНА.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. домъ.
1902.

...исок книг Б.Н. Чичерина, имеющихся по...

Областные учреждения России 1856 г. в XVII в.

Опыты по истории Русского права 1887 г.

Очерки Англии и Франции 1858 г.

Несколько современных вопросов 1862 г.

История политических учений часть 2-я 1873

" " " " 3 1874 г.

" " " " 4 1877 г.

" " " " 5 1902 г.

Собственность и государство часть 1 — 1882 г.

" " " " 2 — 1883 г.

Положительная философия и единство науки 1892 г.

Основание логики и метафизики 1894 г.

Курс государств. науки ч. 1 1894

" " " " 2 1891

" " " " 3) 1898

Философия права — 1900 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Идеализмъ въ Германіи.

(Продолженіе.)

Идеализмъ во Франціи.

Weiss

Идеализмъ въ Германіи.

(Продолженіе.)

д. Абсолютный идеализмъ.

2. ГЕГЕЛЬЯНЦЫ.

Философія права Гегеля мало была разработана его учениками. Изъ ближайшихъ его послѣдователей полную систему выработалъ Мишле. Онъ изложилъ ее въ сочиненіи, изданномъ въ 1866 году подъ заглавіемъ: *Естественное право или Философія права* (Naturrecht oder Rechtsphilosophie, von C. L. Michelet). Нельзя, однако, сказать, что эта попытка была успѣхомъ въ наукѣ. Скорѣе она представляетъ искаженіе, нежели развитіе мыслей Гегеля. Мишле строго придерживается діалектической методы и формальнаго построенія системы своего учителя; онъ почти цѣликомъ усвоиваетъ себѣ основныя его воззрѣнія на волю, на право и нравственность. Но въ политикѣ онъ склоняется къ демократіи, то-есть, вмѣсто сочетанія противоположностей, составляющаго существо идеализма, является опять односторонній индивидуализмъ. Это, очевидно, противорѣчитъ основнымъ воззрѣніямъ Гегеля. Хотя Мишле, подъ вліяніемъ гегельянскихъ идей, самъ возстаетъ противъ односторонняго индивидуализма и требуетъ соглашенія личнаго начала съ общественнымъ, однако послѣднее является у него произведеніемъ перваго и сводится къ свободному товариществу (I, стр. 86—87). Поэтому онъ усвоиваетъ себѣ лозунгъ современной демократіи: свобода, равенство и братство, которые онъ выдаетъ за коренныя начала права (стр. 137). Вообще, Мишле склоняется къ тому направленію, которое, подъ именемъ лѣвой стороны гегелевой школы, привело на-

конецъ къ матеріалистическому реализму и къ полному отрицанію философіи.

Въ отдѣльныхъ частяхъ сочиненіе Мишле имѣетъ, впрочемъ, свои достоинства. Строгое или отвлеченное право разработано полнѣе, нежели у Гегеля, хотя здѣсь не встрѣчается ничего существенно новаго. Мораль же въ особенности подверглась тщательной передѣлкѣ. Мишле основательно отнесъ ученіе о винѣ и намѣреніи къ опредѣленіямъ общимъ праву и морали. Въ замѣнъ того, онъ ввелъ въ область морали ученіе о добродѣтели и объ обязанностяхъ. При всемъ томъ, и эта часть осталась далеко неудовлетворительною. Ученіе о добродѣтели Мишле прямо заимствовалъ у Аристотеля. Существо добродѣтели полагается въ подчиненіи влеченій разуму и самая добродѣтель въ соблюденіи середины между крайностями влеченій (стр. 256). Но у Аристотеля построеніе системы совершенно иное; мораль не является у него отвлеченно общимъ началомъ, противоположнымъ праву. Это противоположеніе было плодомъ позднѣйшаго развитія мысли. Поэтому и ученіе Аристотеля о добродѣтели нельзя было всецѣло прилагать къ новому воззрѣнію. Существо добродѣтели слѣдовало искать въ свойствахъ отвлеченно общаго начала, то-есть разума, а никакъ не влеченій. Самъ Мишле не находитъ возможнымъ подвести подъ это опредѣленіе высшую изъ добродѣтелей, мудрость. Онъ полагаетъ ее въ отрицаніи влеченій, что и составляетъ переходъ отъ добродѣтели къ обязанностямъ (стр. 267). Но если такъ, то добродѣтель перестаетъ быть силою, производящею добро; она является недостаточнымъ опредѣленіемъ, которое отрицается дальнѣйшимъ развитіемъ мысли. Ясно, что такой діалектическій пріемъ здѣсь не приложимъ. Умѣреніе влеченій, также какъ и ихъ отрицаніе, равно можетъ быть содержаніемъ и добродѣтели и обязанности. Эти два начала не отрицаютъ, а восполняютъ другъ друга: одно есть дѣйствующая сила, другое — управляющій дѣйствіемъ законъ.

Опредѣливши обязанность как отрицаніе влеченій, Мишле вслѣдъ затѣмъ все-таки дѣлаетъ влеченія содержаніемъ обязанности. Основаніе то, что чистая обязанность—начало формальное, отвлеченно общее, а потому безсодержательное; всякое же опредѣленное дѣйствіе непремѣнно относится къ какому-нибудь естественному влеченію, безъ котораго, слѣдовательно, обязанность обойтись не можетъ

(стр. 268). Мишле видитъ въ этомъ внутреннее противорѣчіе начала обязанности; но въ сущности противорѣчіе заключается только въ мысляхъ автора. Онъ бездоказательно утверждаетъ, что обязанность есть отрицаніе влеченій, и затѣмъ столь же бездоказательно утверждаетъ, что обязанность не можетъ имѣть иного содержанія, кромѣ влеченій. Если обязанность состоитъ въ исполненіи требованій разума, то оно имѣетъ и свое собственное содержаніе, именно, самыя эти требованія. Поэтому она отрицаетъ только тѣ влеченія, которыя противорѣчатъ этому содержанію, а не тѣ, которыя съ ними согласны. Никакая система обязанностей не отвергаетъ влеченія любви. Если обязанность требуетъ, чтобы побудительною причиною дѣйствія было общее начало, а не личная цѣль, то это признаетъ и Мишле, когда онъ говоритъ, что обязанности отличаются отъ влеченій только побужденіемъ (стр. 269). Но побужденіе есть цѣль, слѣдовательно содержаніе; влеченія же низводятся на степень средства, и это все, что требуется обязанностью. Противорѣчія тутъ нѣтъ никакого. Во всемъ этомъ построеніи справедливо то, что собственное содержаніе обязанности все-таки остается формальнымъ; но надобно было развить эти опредѣленія, а Мишле этого не сдѣлалъ, также какъ и Гегель. Вмѣсто того, онъ прямо далъ обязанности чуждое разуму содержаніе.

Вслѣдствіе такого взгляда Мишле не могъ развить третьяго, высшаго начала морали, именно, добра или совершенства. Онъ совершенство относитъ къ области влеченій (стр. 100, 269), между тѣмъ какъ это, очевидно, нравственная идея. У Гегеля, по крайней мѣрѣ, высшую ступень морали составляетъ отвлеченное начало добра; у Мишле же мы не находимъ ничего, кромѣ чисто субъективной совѣсти, которая, заключая въ себѣ возможность зла, оказывается недостаточною, а потому требуетъ перехода отъ морали къ нравственности (стр. 278 и сл.).

И такъ, если въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обработка морали у Мишле представляетъ большую полноту, нежели у Гегеля, то во всякомъ случаѣ улучшеніе здѣсь незначительное. Въ основныхъ взглядахъ успѣха не видать. Еще менѣе можно одобрить развитіе начала нравственности (Sittlichkeit). Тутъ уже мы видимъ шагъ не впередъ, а назадъ. Самое построеніе этого начала представляетъ странную смѣсь противорѣчащихъ опредѣленій. Также какъ Гегель, Мишле ви-

дить въ нравственности сочетаніе права и морали; но у Гегеля это—начало общественное, развивающееся въ тройственности человѣческихъ союзовъ; Мишле же не только строгое право и мораль, но и самую нравственность и даже семейство относитъ къ области личнаго права, въ противоположность которому общественное право развивается въ трехъ ступеняхъ, какъ система благосостоянія, какъ гражданское общество и какъ политика. Между тѣмъ, самъ Мишле, вслѣдъ за Гегелемъ, опредѣляетъ нравственность, какъ начало общее, выходящее за предѣлы единичной особи. Послѣдняя перестаетъ здѣсь властвовать надъ содержаніемъ, но становится членомъ высшаго цѣлаго. Нравъ есть добро, ставшее привычкою въ благоустроенномъ обществѣ, вслѣдствіе чего дѣятельность отдѣльныхъ членовъ является выраженіемъ общаго духа и единичное лице становится представителемъ общей воли (стр. 286—288). Противорѣчіе тутъ слишкомъ очевидно.

Столь же несостоятельно отнесеніе семейнаго союза къ области личнаго права. Самъ Мишле, опредѣляя развитіе общественнаго начала, говоритъ, что въ семействѣ имѣется въ виду единство нравственной цѣли, при полной зависимости лицъ; съ разложеніемъ же семейнаго союза, лица снова пріобрѣтаютъ самостоятельность, и тогда задачею ихъ становится возстановленіе утраченнаго единства, но уже путемъ свободы (II, стр. 2). Слѣдовательно, признается, что въ семействѣ лица имѣютъ менѣе самостоятельности, нежели въ экономическомъ и гражданскомъ обществѣ, а между тѣмъ первое относится къ области личнаго права, а оба другія къ праву общественному!

Это противорѣчіе не могло не отразиться и на ученіи объ общественномъ или публичномъ правѣ. Съ одной стороны, въ низшей своей формѣ, оно представляется какъ соединеніе интересовъ отдѣльныхъ семействъ, съ другой стороны, признается, сообразно съ дѣйствительностью, что имѣется въ виду благосостояніе отдѣльныхъ лицъ, которыя связываются только необходимостью сожительства (II, стр. 3).

Мы видѣли, что общественное право развивается у Мишле въ трехъ ступеняхъ: какъ благосостояніе или экономическій союзъ, какъ гражданское общество и, наконецъ, какъ государство. Отличіе экономическаго союза отъ гражданскаго общества онъ полагаетъ въ томъ,

что въ первомъ связь лицъ является, только какъ внутренняя, безсознательная необходимость, въ силу взаимности интересовъ; во второмъ же эта связь сознательная, хотя и тутъ имѣется въ виду благосостояніе отдѣльныхъ лицъ, а не цѣлаго (тамъ же). Гражданское общество представляется также, какъ форма, осуществляющая содержаніе экономическаго союза (стр. 50). Ни то, ни другое отличіе не оправдывается, однако, изложеніемъ содержанія обоихъ союзовъ. Къ первому Мишле относитъ не только чисто экономическія отношенія, но и правосудіе, полицію и свободныя товарищества, однимъ словомъ, все то, что у Гегеля входитъ въ составъ гражданскаго общества. Ясно, что это болѣе, нежели безсознательная необходимость или безформенное содержаніе. Къ гражданскому же обществу онъ относитъ твердые союзы, округъ, общину и область, которые образуютъ связь спеціальныхъ интересовъ. Но не видать, чѣмъ эти союзы отличаются отъ товариществъ, имѣющихъ въ рукахъ судъ и полицію. Экономическія товарищества прямо включаются въ составъ мѣстныхъ союзовъ, какъ подчиненные члены. Опредѣленія Гегеля очевидно точны. Можно было экономическія отношенія отдѣлить отъ юридическихъ, какъ содержаніе отъ формы, но нельзя было сдѣлать изъ этого отношенія два разныхъ союза, и еще менѣе можно было къ первымъ отнести судъ и полицію, оставивъ для гражданскаго общества одни мѣстные союзы. Тутъ исчезаетъ всякое ясное различіе. Поводомъ къ такому раздѣленію послужило, повидимому, чисто формальное требованіе. Такъ какъ семейство было отнесено къ области личнаго права, то приходилось замѣнить его чѣмъ-нибудь другимъ для составленія трехъ ступеней въ развитіи общественнаго начала, и для этого Мишле прибѣгнулъ къ раздвоенію гражданскаго общества, отдѣливъ отъ него экономическія отношенія.

Еще менѣе, нежели формальное различеніе союзовъ, удовлетворительно развитіе содержанія общественнаго права, начиная съ первой ступени. Свои экономическія идеи Мишле заимствуетъ главнымъ образомъ у Прудона и Бастіа, стараясь согласить *экономическія противорѣчія* перваго съ *экономическими гармоніями* послѣдняго. Мы впослѣдствіи разберемъ воззрѣніе Прудона и знаменитый споръ его съ Бастіа. Здѣсь достаточно сказать, что Мишле, держась системы Гегеля, видитъ въ развитіи экономическихъ отношеній стремленіе къ окончательной гармоніи путемъ противорѣчій; но эту гармонію онъ

полагаетъ не въ приложенiи соцiалистическихъ идей, тѣмъ онъ существенно отличается отъ Прудона и другихъ соцiалистовъ, а въ развитiи полной свободы, согласно съ мыслями Бастiа. Главнымъ для этого орудiемъ должно служить свободное товарищество (стр. 87—8, 131—2). Но тутъ же оказывается недостаточность этого начала, ибо экономическая гармонiя, по мысли Мишле, должна осуществиться посредствомъ суда и полицiи, то-есть, двухъ учрежденiй по существу своему не свободныхъ, а принудительныхъ. Спрашивается: какое свободное товарищество можетъ имѣть право арестовать человѣка, наказать его, издавать обязательныя полицейскiя постановленiя (стр. 127), однимъ словомъ, дѣлать все то, что, по самому понятiю, принадлежитъ только общественной власти? Будь эта власть выборная или назначаемая сверху, характеръ ея не измѣняется. Принужденiе же все же остается принужденiемъ, а не свободою. Самые мѣстные союзы Мишле превращаетъ въ добровольные. «Всѣ жители округа,—говоритъ онъ,—которые добровольно о томъ заявляютъ, образуютъ собственно этотъ союзъ, ибо принудить къ тому, разумѣется, никого нельзя. Всѣ способные имѣть голосъ члены, къ которымъ мы предварительно причисляемъ однихъ взрослыхъ мужчинъ, установляютъ въ общемъ собранiи основной законъ, избираютъ начальниковъ союза, даютъ согласiе на взиманiе денегъ, разсматриваютъ отчеты и т. д.» (стр. 152). Мишле не говоритъ, какъ поступаютъ съ остальными, которые о себѣ не заявляютъ: подчиняютъ ли ихъ установленнымъ правиламъ или предоставляютъ имъ право дѣлать что хотятъ? Взимаютъ ли съ нихъ деньги, напримѣръ, на мощенiе, на освѣщенiе улицъ или запрещаютъ имъ ходить по улицамъ мощенымъ и освѣщеннымъ на чужой счетъ? Очевидно, что добровольный мѣстный союзъ возможенъ только на весьма низкой ступени развитiя, а съ этимъ вмѣстѣ вся теорiя Мишле оказывается несостоятельною. Свободныя товарищества играютъ весьма важную роль въ развитiи экономическихъ отношенiй, но они одни отнюдь не способны водворить всеобщую гармонiю интересовъ, а еще менѣе можно основать на нихъ гражданскiй порядокъ.

Проводя послѣдовательно свою мысль, Мишле самое государство подводитъ подъ тѣже начала. «Община,—говоритъ онъ,—есть, вообще, государство въ маломъ видѣ, и по существу своему не отличается отъ послѣдняго... Вся задача заключается въ томъ, чтобы

эти   ленькія вольныя государства соединить въ большое цѣлое государственной жизни» (стр. 159). Первый шагъ къ тому составляетъ область (der Kreis), которая образуется изъ соединенія общинъ одного племени, также какъ государство образуется изъ соединенія нѣсколькихъ племенъ, представляя личность цѣлаго народа (стр. 159—165). При этомъ Мишле ставитъ общимъ правиломъ, что каждый частный союзъ самостоятельно удовлетворяетъ своимъ собственнымъ потребностямъ; высшіе же союзы представляютъ только совокупленіе низшихъ (стр. 160). Но когда онъ доходитъ до государства, у него неожиданно является чисто гегелевскій взглядъ, даже въ преувеличенномъ видѣ. Онъ видитъ въ государствѣ высшую ступень развитія свободы, гдѣ частные интересы семействъ, обществъ, сословій и племенъ частью исчезаютъ и частью сохраняются. Хотя государство, повидимому, вытекаетъ изъ семейства и гражданскаго общества, но въ сущности оно составляетъ ихъ основу. Частные интересы служатъ выраженіемъ общаго. Государство даетъ отдѣльнымъ лицамъ нравственное содержаніе и указываетъ имъ ихъ назначеніе въ жизни цѣлаго; лицо же является только формою, осуществляющею это содержаніе. И хотя въ дѣйствительности важно не отвлеченное понятіе, а его осуществленіе, но въ этомъ осуществленіи дѣло идетъ не объ удовлетвореніи личныхъ стремленій, а о томъ, чтобы лица находили высшій свой интересъ и цѣль своего бытія въ исполненіи совокупными силами общаго назначенія народа. Каждый народъ имѣетъ свое призваніе во всемірной исторіи. Осуществленіе этого призванія есть благо цѣлаго, составляющее высшій законъ для государства, законъ, которому должны подчиняться всѣ второстепенныя цѣли, однако не подавленіемъ ихъ во имя общаго начала, а приведеніемъ ихъ къ гармоническому соглашенію. Поэтому въ истинномъ государствѣ противоположеніе личныхъ цѣлей общественнымъ не имѣетъ смысла. Общая цѣль есть вмѣстѣ цѣль отдѣльныхъ лицъ, ибо въ цѣломъ лица находятъ высшее свое назначеніе (стр. 166—8).

Ясно, что этотъ взглядъ противорѣчитъ мыслямъ, положеннымъ въ основаніе всего развитія общественнаго права. Здѣсь частное является выраженіемъ общаго, тогда какъ тамъ общее являлось произведеніемъ и сочетаніемъ частнаго. И къ довершенію противорѣчія, вмѣсто того, чтобы, противополагая государство гражданскому обще-

ству, строить каждое на свойственныхъ ему началахъ, какъ дѣлалъ Гегель, Мишле самое построеніе государства основываетъ на началахъ, приличныхъ только гражданскому обществу. Развивши существо государства сообразно съ мыслями Гегеля, онъ снова возвращается къ индивидуализму, не замѣчая противорѣчія между тѣмъ и другимъ. Въ образцовомъ государственномъ устройствѣ, — говоритъ онъ, — «потокъ воли или свободы идетъ вообще снизу вверхъ» (стр. 196). Это именно тотъ взглядъ, который Гегель, по признанію самого Мишле, обвинялъ въ поверхностности, взглядъ, коренящемся въ чистомъ индивидуализмѣ и дѣлающій волю массы основаніемъ всего государственнаго устройства.

Вслѣдствіе этого, то идеальное государство, которое строитъ Мишле, вовсе не конституціонная монархія, какъ у Гегеля, а республика на самыхъ широкихъ основаніяхъ, въ которой всѣ власти общинъ истекаютъ изъ народа (стр. 185). Законодательство ввѣряется здѣсь собранію представителей, избираемыхъ всеобщею подачею голосовъ. Мишле утверждаетъ, что въ большинствѣ, скорѣе нежели въ меньшинствѣ, можно предполагать разумную волю, а если и случится, что меньшинство разумнѣе, то ему предоставляется возможность убѣдить большинство (стр. 179—180). Онъ не замѣчаетъ, что такое предположеніе возможно только при равной степени развитія всѣхъ членовъ государства, а никакъ не приложимо къ такому состоянію общества, гдѣ силою вещей, высшее образованіе составляетъ удѣлъ меньшинства, посвящающаго себя духовной дѣятельности, тогда какъ масса, по условіямъ земной жизни, имѣетъ своимъ назначеніемъ физическую работу. Мишле возстаетъ даже противъ системы двухъ палатъ, какъ противорѣчащей народному единству. Различіе интересовъ въ обществѣ должно быть представлено въ единомъ собраніи; иначе отдѣльный консервативный интересъ будетъ служить препятствіемъ прогрессу (стр. 182—3).

Правительственная власть, съ которою Мишле, по примѣру Гегеля, соединяетъ и судебную, вручается также выборному собранію, государственному совѣту, или сенату, составленному изъ представителей отдѣльныхъ областей. Ему принадлежитъ рѣшеніе всѣхъ дѣлъ, въ которыхъ требуется приложеніе закона къ отдѣльнымъ случаямъ (стр. 172, 191, 195). Что же это за дѣла? На этотъ счетъ мы яснаго опредѣленія не находимъ. Каждый мѣстный союзъ и каждый отдѣль-

ный интересъ, какъ-то: земледѣліе, торговля, искусство, наука, церковь, самостоятельно управляютъ своими дѣлами; даже надзоръ со стороны государства совершенно устраняется. Послѣднему предоставляется только содержаніе войска, флота, внѣшнія сношенія и финансы (стр. 177, 191). Но и эти дѣла вѣдаются собственно не правительственною, а отличною отъ нея исполнительною властью (стр. 495). Что же остается дѣлать сенату? Мишле предоставляетъ ему: 1) рѣшеніе въ высшей инстанціи спорныхъ дѣлъ по всѣмъ частямъ управленія; 2) въ противорѣчіе съ предыдущимъ, управленіе собственно государственными интересами, къ которымъ онъ причисляетъ не только войско, внѣшнія сношенія и финансы, но также искусство, религію и науку. Кромѣ того, на сенатъ возлагается подача необязательныхъ, впрочемъ, мнѣній обо всѣхъ законахъ и о дѣлахъ чисто исполнительныхъ, по которымъ исполнительная власть пожелаетъ имѣть сужденіе свѣдующихъ людей (стр. 191—4). Ясно, что тутъ собственно объ управленіи нѣтъ рѣчи, ибо отдѣльные интересы всецѣло и безконтрольно находятся въ рукахъ частныхъ и мѣстныхъ союзовъ; въ общихъ же государственныхъ вопросахъ сенатъ играетъ только роль совѣтника. Собственно онъ остается лишь высшей судебной инстанціей.

Наконецъ, и такъ называемая исполнительная власть лишена всякой самостоятельности. Она является чисто служебною, слѣпымъ орудіемъ общей воли народа для охраненія закона (стр. 202). И несмотря на то, ее то Мишле дѣлаетъ представительницею воли государства, ибо, по принятой имъ схемѣ, законодательная власть изображаетъ собою умъ, правительственная—разсудокъ, а исполнительная—волю (стр. 172). Внутри государства задача послѣдней не ограничивается охраненіемъ верховенства каждой отдѣльной сферы (стр. 202); но такъ какъ въ этомъ отношеніи всякое рѣшеніе зависитъ отъ сената, то ей предоставляется только выборъ способовъ исполненія (стр. 194). Во внѣшнихъ же сношеніяхъ и въ управленіи войскомъ она дѣйствуетъ подъ собственною отвѣтственностью; но и тутъ охраненіе внутренняго порядка ввѣряется мѣстнымъ войскамъ, состоящимъ подъ начальствомъ мѣстныхъ выборныхъ властей, а въ случаѣ народной войны, всеобщее ополченіе само выбираетъ своихъ начальниковъ (стр. 210); слѣдовательно, и военная власть доводится до ничтожества. Къ этому надобно прибавить, что потреб-

ныя на войска и на внѣшнія сношенія деньги всегда зависятъ отъ законодательной палаты (стр. 177—8). При такомъ положеніи исполнительная власть, конечно, можетъ быть только выборная. «Въ нашемъ государствѣ,—говоритъ Мишле,—мы до сихъ поръ всѣ сферы, стороны и власти производили изъ выбора; почему же эта одна должна составлять исключеніе» (стр. 206)?

Глава исполнительной власти назначаетъ министровъ, но такъ какъ они низведены на степень простыхъ орудій, то для парламентскаго правленія, разумѣется, нѣтъ мѣста. Мишле считаетъ его совершенно излишнимъ. Онъ требуетъ не только раздѣленія (Theilung) властей, но ихъ разобщенія (Trennung). Каждая въ своей области верховна и не вмѣшивается въ чужія дѣла (стр. 174, 178). Каждая власть, говоритъ Мишле, мететъ передъ своею дверью, почему и не можетъ быть между ними розни (стр. 188). Между тѣмъ, онъ отнюдь не допускаетъ механическаго отношенія и равновѣсія властей. Разобщенныя учрежденія должны тѣмъ не менѣе дѣйствовать согласно, чувствуя себя живыми членами единаго организма (стр. 173, 175). Какимъ образомъ должно быть произведено это вожделѣнное согласіе, Мишле не говоритъ.

Это противорѣчіе завершаетъ собою всю цѣпь несообразностей, которыми переполнена эта система. Свободно начертанный первообразъ государства, какъ выражается Мишле, не имѣетъ ни теоретическаго, ни практическаго значенія. Мысли Гегеля, которыя являются тутъ безъ всякой связи съ остальнымъ, служатъ единственно къ тому, чтобы ярче высказать всю внутреннюю несостоятельность этого демократическаго идеала.

Надъ отдѣльнымъ государствомъ Мишле ставитъ союзное государство, затѣмъ надъ послѣднимъ союзъ государствъ, принадлежащихъ къ одной расѣ, наконецъ, все это завершается ареопагомъ человѣчества, которому, кромѣ охраненія мира по всей землѣ, поручается управленіе общими дѣлами всемірнаго искусства, всемірной религіи и всемірной науки (стр. 224—9, 244). Въ заключеніе изображается всемірно-историческое развитіе права, котораго цѣль состоитъ въ осуществленіи идеальнаго государственного устройства. Мишле хотѣлъ устранить упрекъ, который дѣлали гегелевской школѣ, будто она ограничивалась отвлеченными категоріями права, не проводя ихъ по историческимъ явленіямъ (I, стр. 83). Но, конечно, представлен-

ный имъ поверхностный образъ политическихъ и юридическихъ учрежденій важнѣйшихъ народовъ не въ состояніи восполнить этотъ недостатокъ. Философская исторія права требуетъ гораздо болѣе основательной обработки. Единственное достоинство, которое можетъ имѣть такой бѣглый очеркъ, это—послѣдовательное проведеніе мысли; но и этого мы не находимъ у Мишле. Здѣсь опять встрѣчаются два противорѣчащія другъ другу направленія, которыми страдаетъ вся его теорія. Не говоря о фантастическомъ построеніи до государственнаго развитія человѣчества, въ которомъ первобытное патріархальное состояніе, вслѣдствіе измѣненія положенія земли относительно солнца, смѣняется разобщеніемъ народовъ и погруженіемъ ихъ въ варварство, пока, наконецъ, разнузданность дикихъ политическихъ силъ подавляется государствомъ,—построенія, для котораго нѣтъ ни практическихъ, ни историческихъ данныхъ,—основная мысль, на которой Мишле воздвигаетъ свое историческое зданіе, состоитъ въ томъ, что въ древности личность, сначала погруженная въ общую субстанцію мало-по-малу изъ нея выдѣляется; въ новомъ мірѣ, напротивъ, развившаяся до крайности личность строитъ изъ себя весь объективный міръ. Мишле изображаетъ этотъ процессъ въ видѣ двухъ прикасающихся вершинами пирамидъ (I, стр. 167—8; II, стр. 269). Этимъ взглядомъ объясняется и собственная его политическая система. Однако, при изложеніи историческаго хода оказывается, что поворотная точка представляетъ вовсе не точку, а раздвоеніе. Мишле вѣрно опредѣляетъ средневѣковой порядокъ какъ противоположность гражданскаго общества и церкви, частнаго права и всемірнаго. Единство обоихъ онъ опять же правильно видитъ въ правѣ государственномъ, которое вслѣдствіе этого является руководящимъ началомъ новой исторіи (II, стр. 342—4). Но здѣсь развитіе снова неожиданно принимаетъ иной оборотъ. Не только церковь, но и государство представляется воплощеніемъ средневѣковой лжи, налагающей внѣшнія узы на человѣческую личность. То, что прежде присвоивалось папѣ и монархамъ, должно принадлежать всѣмъ. Каждый хочетъ самъ быть непогрѣшимымъ и создать изъ себя общую волю. Вслѣдствіе этого личность вступаетъ въ борьбу съ церковью и государствомъ, какъ остаткомъ старины. Въ Европѣ эта борьба не привела еще къ желанному результату; въ Америкѣ же этотъ споръ уже конченъ, личность и общее начало пришли къ полному примиренію.

(II, стр. 391). Мишле упрекаетъ американскія учрежденія лишь въ томъ, что въ нихъ не проведена еще мысль о полномъ разобщеніи властей. Онъ надѣется, что это завершеніе политическаго идеала достигнется при переходѣ исторіи черезъ южную Америку въ Австралію, послѣ чего историческое движеніе снова возвратиться къ Европѣ, гдѣ утвердится ареопагъ человѣчества, представляющій воплощеніе личности земного шара. Для его мѣстопребыванія Мишле предлагаетъ Дельфы, какъ древнее жилище разумнаго бога (стр. 438—444).

Такого рода мечтанія, конечно, не могли бы придти въ голову здравомыслящему политику. Они составляютъ достойное заключеніе книги, въ которой формальные пріемы и основныя мысли Гегеля служатъ подставкою для политическихъ воззрѣній весьма далекихъ отъ гегелизма.

Гораздо ближе къ взглядамъ великаго мыслителя стоитъ другой его ученикъ, Эрдманъ, котораго можно считать представителемъ такъ называемой правой стороны гегелевской школы. Въ своихъ *Философскихъ чтеніяхъ о государствѣ* (Philosophische Vorlesungen über den Staat), изданныхъ въ 1851 году, онъ популяризировалъ мысли Гегеля, прилагая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ политическимъ вопросамъ, занимавшимъ въ то время Германію.

Въ основаніе своихъ воззрѣній онъ получаетъ добытый философіей результатъ, что *государство есть высшій нравственный организмъ*. Все остальное должно вытекать изъ этого опредѣленія, какъ его послѣдствія. Во-первыхъ, государство есть *организмъ*. Это означаетъ, что оно составляетъ не простое внѣшнее соединеніе разнородныхъ частей, но такое соединеніе, въ которомъ части становятся членами единаго цѣлаго и въ этомъ только цѣломъ получаютъ свое значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако разнообразіе частей не исчезаетъ, а сохраняется. Постоянное объединеніе разнороднаго и расчлененіе единаго составляютъ существо организма. Это объединяющее начало въ естественномъ организмѣ называется душою, въ нравственномъ организмѣ—духомъ. И такъ какъ духъ объединяетъ естественно данное разнообразіе, то въ государствѣ общій духъ побѣждаетъ прирожденный къ человѣку эгоизмъ и дѣлаетъ его членомъ высшаго цѣлаго. Слѣдовательно, положеніе, что государство есть организмъ, означаетъ, что члены его проникнуты единымъ духомъ, и, наоборотъ, единый духъ выражается въ многообразіи членовъ.

Во-вторыхъ, государство есть организмъ *нравственный*. Слово нравственный означаетъ не только извѣстное проявленіе свободы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отношеніе этого проявленія къ извѣстнымъ требованіямъ разума, которыми опредѣляется его достоинство: оно считается хорошимъ или дурнымъ, смотря по тому, разумно ли содержаніе воли или нѣтъ. Но и самая доброта дѣйствія можетъ имѣть различныя значенія, смотря по тому, къ какой нравственной области оно относится. Дѣйствіе правомѣрно, если оно сообразно съ добромъ, какъ съ внѣшнимъ, даннымъ человѣку закономъ; оно морально, если оно сообразно съ добромъ, какъ съ внутреннимъ опредѣленіемъ совѣсти. Первое есть опредѣленіе объективное и въ случаѣ нужды принудительное, второе—опредѣленіе субъективное, положительное, исключающее всякое принужденіе. Въ послѣднемъ поэтому проявляется чисто личное начало, а такъ какъ личное начало есть вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальное, данное природою, то мораль составляетъ первое, естественное опредѣленіе нравственнаго существа человѣка, а право второе—искусственное. Ни то, ни другое не заключаетъ въ себѣ однако всей полноты нравственныхъ началъ. Есть явленія, въ которыхъ оба опредѣленія соединяются не внѣшнимъ только образомъ, а проникая другъ друга. Это и есть высшая область, которую Гегель назвалъ *нравственностью* (Sittlichkeit) въ строгомъ смыслѣ. Сюда принадлежатъ семейство и государство. Послѣднее не есть поэтому чисто юридическое учрежденіе, въ которомъ требуется только внѣшнее исполненіе закона, а духъ гражданъ остается безразличнымъ; но оно и не чисто моральный союзъ, а соединеніе того и другаго. Въ этомъ смыслѣ и говорится, что оно есть нравственный организмъ.

Въ-третьихъ, изъ нравственныхъ союзовъ государство есть *высшій*. Тамъ, гдѣ сочетаются два различныхъ элемента, возможно преобладаніе того или другаго. Это мы и видимъ въ нравственной области. Въ семействѣ преобладаетъ естественное, моральное начало, въ гражданскомъ обществѣ—искусственное, юридическое; государство же стоитъ выше того и другаго, какъ полное гармоническое сочетаніе обоихъ элементовъ. Оно не только заключаетъ въ себѣ оба предыдущіе союза, подчиняя ихъ частныя цѣли своей цѣли, какъ высшей, но оно совмѣщаетъ въ себѣ самую ихъ природу, такъ что они являются отдѣльными его сторонами. Поэтому и самое государство можетъ имѣть различный характеръ, что и подаетъ поводъ къ раз-

личнымъ на него воззрѣніямъ. Сходство съ семействомъ порождаетъ теорію патріархальнаго государства, сходство съ гражданскимъ обществомъ—теорію полицейскаго государства, ибо полиція есть высшее опредѣленіе гражданскаго общества. Но оба эти воззрѣнія односторонни; истинная теорія государства должна имѣть въ виду не ту или другую его сторону, а ихъ полноту и высшее единство. Таковъ смыслъ положеннаго въ основаніе опредѣленія государства (2-te Vorles.).

Въ этихъ мысляхъ Эрдмана выражается и достоинство, и недостатки философіи права Гегеля. Понятіе о государствѣ, какъ о высшемъ нравственномъ организмѣ со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями, можно считать прочнымъ достояніемъ науки, если только не прилагать къ этому понятію свойствъ организма естественнаго, а видѣть въ немъ, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, союзъ свободныхъ лицъ, которые не только являются членами высшаго цѣлаго, но и остаются каждое само себѣ цѣлью. Съ этимъ ограниченіемъ можно сказать, что въ школѣ Гегеля понятіе о государствѣ достигаетъ своей полноты. Одностороннія опредѣленія юридической школы и нравственной были равно отвергнуты. Но у Эрдмана, также какъ и у Гегеля, оказываются недостатки построенія: признаніе трехъ союзовъ, вмѣсто четырехъ, повело къ нѣкоторымъ невѣрнымъ выводамъ. Эрдманъ хотѣлъ отдѣльные союзы привести въ соотношеніе съ основными опредѣленіями этики, что̀ требовалось системою и что̀ Гегелемъ не было сдѣлано. А такъ какъ церкви въ развитіи союзовъ не оказывалось, то оставалось опредѣлить семейство, какъ преимущественно моральный союзъ. Но семейство, очевидно, есть союзъ первоначальный, естественный; вслѣдствіе этого Эрдманъ, въ отличіе отъ Гегеля, дѣлаетъ мораль первымъ, естественнымъ опредѣленіемъ нравственной области, а право онъ считаетъ вторымъ, искусственнымъ. Но этимъ извращается характеръ того и другаго. Право и мораль относятся другъ къ другу не какъ искусственное и естественное, а какъ личное начало и отвлеченно общее, составляющія область внѣшней свободы и внутренней. Мораль отнюдь не есть личное начало, а право общій, извнѣ данный законъ, какъ утверждаетъ Эрдманъ. Наоборотъ, мораль подчиняетъ личныя стремленія общему закону, а право узаконяетъ требованія личной свободы. Отсюда, далѣе, невѣрное пониманіе гражданскаго общества и сходнаго съ нимъ государства, какъ полицейскаго порядка. Гражданское

общество, какъ самостоятельный союзъ, дѣйствительно зиждется на одностороннихъ началахъ права, но не полиція составляетъ характеристическій его признакъ, а господство личной свободы и договорныхъ отношеній. Отсюда вытекаетъ теорія не полицейскаго, а юридическаго государства.

Эти ошибки отразились и на дальнѣйшемъ изложеніи Эрдмана. Онъ видитъ въ государствѣ сторону естественную, выражающуся въ землѣ и связанной съ нею національности, и сторону искусственную, нажитую историческимъ процессомъ и договорными отношеніями, въ силу которыхъ государство получаетъ искусственныя границы и образуется единый, входящій въ составъ его народъ. Надъ тѣмъ и другимъ возвышается верховенство, начало собственно государственное, которое, по этому самому, принадлежитъ не народу, а государству. Всѣ эти элементы должны быть принимаемы въ расчетъ здравою политикою; иначе государственные люди неизбѣжно впадаютъ въ односторонность. Пренебреженіе къ естественнымъ и историческимъ основамъ государства ведетъ къ политикѣ отвлеченной, которая гоняется за общечеловѣческими идеалами и считаетъ возможнымъ переносить учрежденія одного народа на другой. Съ другой стороны, политика, которая держится исключительно историческихъ началъ, пренебрегая національностью, есть политика легитимистовъ, которые стоятъ за полицейское государство. Наконецъ, чисто національныя стремленія клонятся къ патріархальной идилліи. Избранная политика старается сочетать оба элемента, естественный и историческій, принимая за основаніе положеніе государства среди другихъ и призваніе его во всемірной исторіи, призваніе, которое можетъ отнюдь не совпадать съ требованіями исключительной національности (3 Vorles.).

Эрдманъ поясняетъ это примѣромъ Германіи, которой призваніе указано ей самымъ ея положеніемъ въ центрѣ Европы, на перекрестномъ пути различныхъ народностей. Отсюда уже ясно, что она должна служить между ними посредникомъ, смягчая столкновенія и объединяя идеи. Такова и была ея историческая роль. Поэтому полезно, чтобы нѣмецкія племена входили въ составъ другихъ государствъ и, наоборотъ, чтобы въ Германію входили чуждыя ей національности. Въ связи съ этимъ находится и самое созданное исторіею устройство нѣмецкой земли. Въ немъ господствуетъ свойственный

нѣмецкому племени индивидуализмъ, благопріятствующій образованію мелкихъ центровъ, а вслѣдствіе того повсемѣстному распространенію просвѣщенія и разнообразію идей. Германія призвана быть союзомъ государствъ. Между тѣмъ, провозглашенная въ 1848 году національная политика идетъ всему этому наперекоръ. Вопреки свойствамъ націи и результатамъ исторіи, она требуетъ исключительной народности и единаго государства (4 Vorles.).

Въ этихъ мысляхъ Эрдмана опять много вѣрнаго, но никакъ нельзя согласиться съ нимъ, когда онъ національныя стремленія ставитъ въ соотношеніи съ патріархальнымъ взглядомъ, а легитимизмъ съ требованіями гражданскаго общества. Въ дѣйствительности, приверженцами законной монархіи являются защитники нравственнаго порядка, господствующаго надъ лицами, а представителями національныхъ стремленій—друзья свободы, которые требуютъ для народовъ права самимъ установлять управляющій ими законъ. Построеніе Эрдмана противорѣчитъ даже собственнымъ его положеніямъ насчетъ духа, господствующаго въ гражданахъ и опредѣляющаго отношенія ихъ къ государству. И здѣсь является у него противоположность охранительнаго духа и прогрессивнаго; но первый приводится въ соотношеніе съ семейнымъ началомъ, порождающимъ въ людяхъ уваженіе къ преданіямъ и дѣламъ отцовъ, второй же признается принадлежностью расчетливаго гражданскаго общества, пекущагося болѣе о будущемъ, нежели о прешедшемъ. Истинный политическій духъ долженъ состоять въ сочетаніи обоихъ (5 Vorles.). Тутъ, слѣдовательно, либерализмъ, а не законный порядокъ и не полицейское государство являются представителемъ гражданскаго общества, что болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ отношеніямъ.

Что касается до собственно государственнаго начала, до верховенства, то оно выражается въ системѣ раздѣльныхъ властей, представляющихъ собою различныя отправленія государственной жизни. Только на низшихъ ступеняхъ органическаго развитія одинъ и тотъ же органъ служитъ различнымъ отправленіямъ. Такова восточная деспотія. Тоже явленіе повторяется и при разложеніи государства, то-есть, въ состояніи анархіи. При нормальномъ же развитіи каждое отправленіе получаетъ и соотвѣтствующій ему органъ, и всѣ эти отправленія связаны между собою, какъ различныя стороны одного и того же организма (3 Vorles.).

Эрдманъ цѣликомъ принимаетъ раздѣленіе Гегеля. Первая власть есть законодательная. Въ ней выражается воля народа или государства насчетъ того, что должно считаться правомъ. Кто же можетъ служить приличнымъ органомъ этой воли. Вообще говоря, тѣ, въ комъ она всего лучше выражается, а именно, разумные патріоты, соединяющіе уваженіе къ старинѣ съ мыслью о будущемъ. Но кто именно эти разумные патріоты, это такой вопросъ, на который невозможно дать общаго отвѣта. При основаніи государства естественнымъ законодателемъ является самъ его основатель. Тамъ же, гдѣ государство упрочилось и требуется только спокойное развитіе, все зависитъ отъ состоянія общества. При несложныхъ отношеніяхъ и большемъ или меньшемъ однообразіи массы, когда притомъ въ народѣ господствуетъ полное довѣріе къ правительству, лучшими органами законодательства служатъ тѣ, которые спеціально посвящаютъ себя общественнымъ дѣламъ, то-есть, правительственныя лица; изъ нихъ образуются законодательныя коллегіи. Но съ осложненіемъ отношеній такой порядокъ становится недостаточнымъ; нужно призвать самихъ заинтересованныхъ лицъ къ участію въ законодательствѣ. Составленіе законовъ переходитъ въ руки представителей народа. Такъ какъ государство имѣетъ двоякую задачу, юридическую—установленіе права, и нравственную—призваніе всѣхъ къ участію въ общемъ дѣлѣ, то и задача представительства двоякая: установленіе законовъ и утвержденіе налоговъ. Эти два права имѣютъ различный характеръ. Такъ какъ верховенство государства ограничивается только логическою, нравственною и физическою невозможностью, то, въ этихъ предѣлахъ, законодательная власть народныхъ представителей безгранична. Второе же право подлежитъ ограниченію. Существенныя нужды государства непремѣнно должны быть удовлетворены. Современное поколѣніе не имѣетъ права отказывать въ издержкахъ, необходимыхъ для жизни политическаго тѣла, которое его переживаетъ. Поэтому существенные расходы должны быть установлены разъ на всегда; только новыя издержки подлежатъ обсужденію представителей (8 Vorles.).

Этотъ взглядъ Эрдмана, взглядъ, который, впрочемъ, высказывался уже и Гегелемъ [1]), прямо касался вопроса, въ то время занимавшаго

---

[1]) Werke, VII, стр. 417—419.

умы въ Пруссіи. Именно этого воззрѣнія держалась реакціонная партія. Нельзя однако сказать, чтобы оно вытекало изъ требованій государства, какъ высшаго нравственнаго организма. Каждое изъ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній носитъ въ себѣ всю полноту верховной власти, а потому равно неограниченно въ законодательствѣ и въ опредѣленіи повинностей. Собственно говоря, тутъ вовсе не идетъ рѣчь о правѣ поколѣній, а объ отношеніи представительства къ монарху. Никто не отвергаетъ права представителей отмѣнять какія угодно издержки съ согласія монарха. Вопросъ идетъ лишь о томъ, насколько первые имѣютъ право одностороннимъ актомъ отказывать въ податяхъ. Законъ, по существу своему, установляется на неопредѣленное время и можетъ быть отмѣненъ только съ согласія короля. Повинности же взимаются періодически, а потому и установляются на извѣстный срокъ, по истеченіи котораго требуется новое соглашеніе. Ограничить представительство правомъ давать согласія только на новыя издержки значитъ поставить правительство въ совершенную отъ него независимость и лишить граждамъ самаго существеннаго ихъ права, права располагать своимъ карманомъ. Что этимъ правомъ можно злоупотреблять, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но предупредить злоупотребленія верховныхъ властей можно не иначе, какъ лишивши ихъ верховенства.

Относительно устройства народнаго представительства Эрдманъ, вслѣдъ за Гегелемъ, принимаетъ представительство интересовъ. На этомъ онъ основываетъ и раздѣленіе законодательной власти на двѣ палаты. Это раздѣленіе, говоритъ онъ, умѣстно тамъ, гдѣ оно соотвѣтствуетъ группировкѣ интересовъ въ самомъ обществѣ. Въ Англіи существенна противоположность земледѣлія и промышленности. Первая представляется лордами, вторая—общинами. Но во избѣжаніе слишкомъ рѣзкаго противорѣчія, оба элемента имѣютъ представителей въ обѣихъ палатахъ, хотя въ разной мѣрѣ. Съ одной стороны, въ нижней палатѣ къ городскимъ общинамъ присоединяются и сельскія, съ другой стороны, въ верхней—одна партія представляетъ преимущественно интересы землевладѣльческіе, другая—интересы промышленные. Въ Америкѣ, на первомъ планѣ стоитъ противоположность мѣстныхъ интересовъ и общихъ; на этомъ и основывается различное устройство Сената и Палаты представителей. Въ Бельгіи, наконецъ, какъ странѣ преимущественно промышленной, всего ярче выступаетъ

противоположность богатыхъ и бѣдныхъ, которые поэтому и должны имѣть разное представительство. Въ Пруссіи, говоритъ Эрдманъ, требуется сочетаніе всѣхъ этихъ элементовъ. Слѣдовательно, такое устройство полезно не само по себѣ, а только тамъ, гдѣ оно соотвѣтствуетъ состоянію общества (9 Vorles.).

Эрдманъ не говоритъ, почему группировка общественныхъ интересовъ непремѣнно требуетъ раздѣленія на двѣ палаты, а не на большее число. Дѣло въ томъ, что за исключеніемъ союзныхъ государствъ, гдѣ основаніе иное, раздѣленіе представительства на двѣ палаты соотвѣтствуетъ присущей всякому обществу противоположности двухъ элементовъ, аристократическаго и демократическаго. Устройство же верхней палаты можетъ быть различно, смотря по тому, изъ чего составляется аристократическій элементъ, образуется ли онъ изъ наслѣдственнаго сословія или изъ высшихъ сановниковъ, или, наконецъ, изъ богатѣйшихъ гражданъ.

Для устройства нижней палаты Эрдманъ находитъ всего болѣе цѣлесообразнымъ выборъ корпораціями, которыя естественно будутъ избирать людей, занимавшихъ уже въ нихъ общественныя должности. Но такъ какъ въ настоящее время атомистическій эгоизмъ произвелъ разложеніе корпоративнаго духа, то остается довольствоваться установленіемъ избирательныхъ округовъ. Здѣсь прежде всего возникаетъ вопросъ: кто долженъ быть избирателемъ? Избирательное право должно считаться честью, слѣдовательно, достигаться не легко. Если оно опредѣляется цензомъ, то цензъ долженъ по крайней мѣрѣ указывать на привязанность человѣка къ мѣстности, то-есть, онъ долженъ быть поземельный. Къ этому можно присоединить развѣ только долговременное исполненіе должности или занятіе извѣстнымъ ремесломъ Тамъ, гдѣ введена уже всеобщая подача голосовъ, такъ что измѣнить ее нельзя, нужно по крайней мѣрѣ ввести выборъ въ двухъ степеняхъ, съ тѣмъ, чтобы непосредственные избиратели состояли изъ людей высшаго разряда, изъ землевладѣльцевъ и должностныхъ лицъ. Еще высшія условія должны быть постановлены для избираемости. Представители должны быть люди привязанные къ обществу, къ своему округу, неимѣющіе въ виду личныхъ интересовъ и не гоняющіеся непремѣнно за новизною. Поэтому между ними и избирателями должна быть самая тѣсная связь; каждому округу слѣдуетъ предоставить одного депутата. Наконецъ, устраняется всякое

вознагражденіе. Предсѣдательство должно быть жертвою, а не выгоднымъ ремесломъ. Этимъ только путемъ представители могутъ пріобрѣсти довѣріе народа (10 Vorles.).

Замѣтимъ, что Эрдманъ стоитъ здѣсь за представительство интересовъ, возставая противъ представительства мнѣній. Между тѣмъ какъ увидимъ ниже, онъ самъ въ нормальномъ порядкѣ допускаетъ парламентское правленіе, котораго существенное условіе состоитъ именно въ томъ, чтобы общественное мнѣніе распадалось на двѣ противоположныхъ системы. Если послѣднее согласно съ существомъ конституціоннаго государства, то, очевидно, представительство интересовъ тутъ неумѣстно.

По примѣру Гегеля, Эрдманъ отъ законодательной власти отличаетъ правительственную, смѣшивая съ нею и судебную. Задача правительства осуществляетъ государственную цѣль, подчиняя отдѣльныя лица выраженной въ законѣ общей волѣ народа. Но такъ какъ законодательная власть имѣетъ двоякую дѣятельность: установленіе закона и опредѣленіе повинностей, то и вѣдомство правительственной власти распадается на два отдѣла: она должна охранять законъ и наблюдать за отправленіемъ повинностей. Первое есть дѣло юстиціи, второе—составляетъ собственно предметъ администраціи. Отсюда различное устройство этихъ двухъ отраслей управленія. Обѣ находятся въ вѣдомствѣ сословія чиновниковъ, такъ какъ для управленія требуется умѣніе и опытность; но судьи должны быть прежде всего безпристрастны, слѣдовательно, независимы отъ какихъ бы то ни было чуждыхъ вліяній. Поэтому имъ присвоивается несмѣняемость. Напротивъ, существенный характеръ административныхъ чиновниковъ состоитъ въ томъ, что они подлежатъ отвѣтственности за исполненіе возложеннаго на нихъ дѣла. Поэтому они назначаются и смѣняются высшею властью и подлежатъ ея контролю. Дать имъ нѣкоторую самостоятельность можно, только предоставивъ отдѣльнымъ интересамъ и корпораціямъ извѣстную долю самоуправленія (11 Vorles.).

Изъ этихъ опредѣленій Эрдмана ясно оказывается недостаточность принятаго имъ раздѣленія властей. На долю администраціи выпадаетъ одно взиманіе повинностей, что слишкомъ стѣсняетъ ея значеніе и не объясняетъ названія власти правительственной, то-есть, направляющей общество сообразно съ государственною цѣлью, по

выраженію самого Эрдмана. Полиція, которая, также какъ юстиція, охраняетъ законъ отъ нарушенія, совершенно исчезаетъ въ этомъ дѣленіи. Съ другой стороны, требуемая самостоятельность юстиціи указываетъ на то, что она составляетъ нѣчто совершенно отличное отъ управленія, хотя нѣкоторыми сторонами связанное съ послѣднимъ.

Эрдманъ обсуждаетъ вопросъ объ отношеніи законодательной власти къ правительственной. Преобладаніе чиновничества, или бюрократическій деспотизмъ и совершенное отрицаніе бюрократическаго элемента равно односторонни. Обѣ власти необходимы въ государствѣ и не только онѣ не должны вступаться одно въ вѣдомство другаго, но обѣ должны идти рука объ руку. Это возможно лишь въ томъ случаѣ, когда обѣ служатъ выраженіемъ единой воли и слѣдуютъ одной системѣ. Какъ скоро наступаетъ разладъ, приходится или распустить палату или смѣнить министерство. Поэтому у приверженцевъ конституціоннаго правленія утвердилось мнѣніе, что министерство, побитое въ нижней палатѣ, непремѣнно должно подать въ отставку. Но этотъ способъ примиренія, совершенно умѣстный въ Англіи, далеко не вездѣ приложимъ. Для этого требуются два условія: 1) чтобы представители дѣйствительно выражали мнѣніе страны; 2) чтобы это мнѣніе распадалось на двѣ противоположныя системы воззрѣній. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, гдѣ большинство въ палатахъ составляется случайно, тамъ не можетъ быть и рѣчи о парламентскомъ правленіи. Тогда правительству остается твердо держаться указанной преданіями и обстоятельствами государственной цѣли, прислушиваясь вмѣстѣ съ тѣмъ къ общественному голосу (12 Vorles.).

Всего этого, однако, мало. Законодательная и правительственная власть все же остаются отдѣльными властями; полновластіе государства въ нихъ не выражается. Поэтому необходима третья власть, соединяющая въ себѣ обѣ первыя. Это не исполнительная власть, какъ думаютъ нѣкоторые, ибо исполнитель—простое орудіе; это—власть царская, или господская (Herrschergewalt). Ей присвоивается послѣднее, безпричинное рѣшеніе свободной воли, рѣшеніе, которое вытекаетъ не изъ тѣхъ или другихъ побужденій, а изъ внутренняго существа человѣческой личности. Въ ней государство становится лицомъ, получаетъ свое *я*. Поэтому и въ устройствѣ этого органа должны выражаться всѣ элементы государства, не одни только граж-

данскія, договорныя отношенія, но прежде всего начало естественной преемственности, которое лежитъ въ основаніи государства. Этому не соотвѣтствуетъ избирательная монархія, которая ставитъ государя въ зависимое положеніе и влечетъ за собою перерывъ власти; не соотвѣтствуетъ и республика, которая, какъ форма приличная гражданскому обществу, умѣстна только въ мелкихъ государствахъ, имѣющихъ характеръ общины, или въ большихъ государствахъ, составленныхъ изъ сбора всякихъ народностей, связанныхъ договорными отношеніями. Истинной идеѣ государства соотвѣтствуетъ только наслѣдственная монархія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она одна ставитъ органъ верховной власти выше всякихъ личныхъ интересовъ, выше интересовъ сословій и партій. Личный интересъ наслѣдственнаго монарха связанъ съ интересомъ самого государства, какъ преемственнаго союза; въ глазахъ же подданныхъ съ лицомъ монарха связано понятіе объ исторіи, славѣ и благоденствіи отечества (13 Vorles.).

Такимъ образомъ, монархъ завершаетъ собою дѣятельность остальныхъ органовъ власти. Онъ не составляетъ и не обсуждаетъ законовъ, не вмѣшивается въ управленіе, но все освящаетъ окончательною своею волею, своимъ: *я хочу*. Поэтому онъ служитъ соединительнымъ звеномъ между двумя другими органами. При столкновеніяхъ отъ него зависитъ распущеніе выборныхъ палатъ или смѣна министерства. Онъ является верховнымъ регуляторомъ и умѣрителемъ государственной жизни. Но, кромѣ того, у него есть и своя собственная дѣятельность. Она проявляется тамъ, гдѣ требуется верховное рѣшеніе, выходящее изъ предѣловъ права. Поэтому ему присвоивается помилованіе, которымъ внутренняя правда становится выше строгаго закона; онъ объявляетъ и ведетъ войну, ибо здѣсь вопросъ рѣшается внѣшнею силою; наконецъ, ему принадлежитъ заключеніе мира, ибо тутъ все уступаетъ высшему интересу государства. Всѣ эти функціи въ совокупности дѣлаютъ его полновластнымъ монархомъ, истиннымъ представителемъ государства (14 Vorles.).

Таково ученіе Эрдмана. Оно представляетъ послѣдовательное и талантливое развитіе идей Гегеля. Можно возражать противъ частностей, но въ общемъ итогѣ, оно несомнѣнно составляетъ результатъ всего предшествующаго развитія политической мысли. Какъ таковой, эти идеи были усвоены даже писателями, непринадлежащими не-

посредственно къ Гегелевой школѣ. На нихъ всего лучше можно изучать вліяніе философіи Гегеля на развитіе политическихъ теорій.

3. ШМИТТГЕННЕРЪ.

Изъ теоретиковъ государственнаго права, не примыкавшихъ собственно къ школѣ Гегеля, но находившихся подъ сильнымъ вліяніемъ выработанныхъ имъ идей, видное мѣсто занимаетъ Шмиттгеннеръ, авторъ неоконченной энциклопедіи государственныхъ наукъ, изданной въ 1839—43 годахъ, подъ заглавіемъ *Двѣнадцать книгъ о государствѣ* (Zwölf Bücher vom Staate) [1].

Шмиттгеннеръ—не мыслитель и даже не самостоятельный изслѣдователь, а добросовѣстный нѣмецкій ученый, который сводилъ къ общему итогу все добытое до него наукой и практикой, отвергая всякую односторонность. Въ особенности въ позднѣе изданной части его сочиненія, онъ возстаетъ противъ чисто умозрительной философіи, какъ способной породить однѣ только фантазіи. Единственными руководителями ученаго, по его мнѣнію, должны быть наведеніе и опытъ (III, § 60, стр. 255—6). Поэтому онъ отвергаетъ діалектическую методу Гегеля. Тѣмъ не менѣе, онъ признаетъ за великимъ философомъ безсмертныя заслуги въ наукѣ права и государства. Гегель, говоритъ онъ, въ противоположность отвлеченнымъ, чисто отрицательнымъ, формальнымъ воззрѣніямъ критической и либеральной школы, понялъ политическія формаціи, какъ положительныя, конкретныя явленія (I, § 83, стр. 131—2). Онъ вполнѣ выяснилъ и значеніе идеи, развивающей изъ себя свои различія или моменты, которые, получая внѣшнее бытіе, содержатся, однако, въ общемъ элементѣ. Этимъ онъ проложилъ путь истинному пониманію органическаго разъясненія и духовнаго развитія, чѣмъ навсегда опровергается пагубное ученіе о раздѣленіи властей (I, § 219 прим.). Шмиттгеннеръ упрекаетъ только Гегеля въ томъ, что у него въ исторіи и государствѣ совершенно устраняется свободное начало, вслѣдствіе чего государство является не нравственнымъ союзомъ, а явленіемъ природы, развивающимся чисто органически (§ 10, стр. 17, § 83, стр. 132), упрекъ, основанный на невѣрномъ пониманіи мыслей великаго философа.

---

[1]) Вышли только первая и третья части.

Самъ Шмиттгеннеръ хочетъ сочетать методы исторической и раціональной школы. Отвергая чисто умозрительное познаніе идеи, онъ признаетъ необходимость познавать ее въ ея проявленіяхъ посредствомъ конкретнаго мышленія, соединяющаго въ себѣ сознаніе абсолютнаго назначенія съ непосредственнымъ созерцаніемъ (§ 11, стр. 22, § 83, стр. 134). Идея же, по опредѣленію Шмиттгеннера, есть духовный первообразъ того, что должно быть. Объективная идея есть истекающій изъ божественнаго разума первообразъ, присущій самимъ вещамъ, какъ внутренняя цѣль ихъ существованія. Она составляетъ основаніе всякой жизни. Стремленіе ея къ изложенію своихъ моментовъ есть источникъ развитія; полное же ея проявленіе въ дѣйствительности, раскрытіе всѣхъ ея тайнъ представляетъ совершенный организмъ (III, стр. 256). Сообразно съ этимъ Шмиттгеннеръ выводитъ право и государство изъ нравственной идеи, то-есть идеи, относящейся къ волѣ, какъ должное. Правомѣрно то, что въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ идеѣ. Поэтому право есть осуществленіе идеи въ области свободы (III, стр. 258). Но право является только подчиненнымъ моментомъ въ идеѣ государства, которая соединяетъ въ себѣ всѣ стороны жизни человѣка, какъ физическаго, духовнаго и нравственнаго существа, то-есть, благосостояніе, культуру и право (III, стр. 259; ср. I, §§ 1, 4). Государство есть организмъ, самъ въ себѣ носящій свое жизненное начало или душу, и такъ какъ оно управляется волею, то это — организмъ нравственный (I, § 3). Въ жизни представляются три такихъ организма, а именно: семейство, гражданская и религіозная община, наконецъ государство. Послѣднее есть та истина нравственной жизни, въ которой народъ долженъ пріобрѣсти полное довольство земного бытія и достигнуть идеи или назначенія человѣчества. Какъ носящее въ себѣ собственную свою идею или внутреннее опредѣленіе своей жизни, оно является лицемъ (III, стр. 263, 279; II, стр. 306). Въ другомъ мѣстѣ Шмиттгеннеръ между семействомъ и государствомъ ставитъ гражданское общество, какъ нравственный союзъ нѣсколькихъ семействъ и общинъ для охраненія своего физическаго и нравственнаго существованія и для удовлетворенія своихъ потребностей посредствомъ соединенія силъ, раздѣленія труда и обмѣна произведеній. Отсюда онъ выводитъ различное разчлененіе народа, естественное, экономическое и политическое (I, стр. 217 и сл.).

Во всемъ этомъ, очевидно, полное усвоеніе идей Гегеля, къ которымъ присоединяется и вліяніе Аристотеля. Сообразно съ этимъ Шмиттгеннеръ разсматриваетъ государство, какъ систему общественныхъ отправленій, совершающихся через посредство извѣстныхъ органовъ (III, стр. 264). Начало, управляющее этою системою, есть общественная власть, которая состоитъ въ правѣ располагать принадлежащими союзу лицами и вещами, сообразно съ цѣлью или идеею союза (III, стр. 277, 279). Поэтому и юридическое ея основаніе заключается въ самой идеѣ союза (стр. 283). Это—власть верховная, совершенная, однако не безграничная. Какъ нравственная форма жизни, она находитъ свои границы въ той самой идеѣ, которую она призвана осуществлять (стр. 287). Она можетъ требовать безусловнаго повиновенія только во имя общественной цѣли. Требованіямъ же, основаннымъ на личныхъ видахъ подданные не обязаны повиноваться (III, стр. 377). Эти границы могутъ быть не только нравственныя, но и юридическія. Поэтому, въ системѣ общественныхъ отправленій, рядомъ съ правительственною властью должна стоять система народныхъ правъ, ограждающихъ свободу. Идея государства требуетъ противоположеніе этихъ двухъ началъ (стр. 288, 412, 559).

Съ тѣмъ вмѣстѣ, Шмиттгеннеръ признаетъ и раздѣленіе общественной власти на отдѣльныя отрасли. Онъ возстаетъ противъ раздѣленія, сдѣланнаго Гегелемъ, на томъ основаніи, что оно представляетъ насильственное наложеніе отвлеченныхъ категорій на органическую жизнь, которая, по существу своему, не подчиняется строгой необходимости, а развиваетъ изъ себя свободное разнообразіе (стр. 478, прим.). Но самъ онъ, установивши множество чисто отвлеченныхъ раздѣленій общественной власти, окончательно приходитъ къ раздѣленію властей законодательной, правительственной и судебной, какъ органическихъ системъ, на которыя расчленяется государственная власть. При томъ, такъ какъ въ организмѣ всѣ органы должны направляться къ единой цѣли, то раздѣленіе ихъ не должно быть полнымъ разобщеніемъ, что повело бы къ механическому отношенію частей. Раздѣльныя власти должны соединяться въ высшемъ единствѣ. Въ монархическомъ правленіи живымъ средоточіемъ ихъ служитъ княжеская власть, въ республикѣ—законодательное собраніе (стр. 414—5, 476—480).

При всемъ томъ, Шмиттгеннеръ не признаетъ общаго типа государственнаго устройства, который служилъ бы образцомъ для всѣхъ. Идея, говоритъ онъ, есть нѣчто конкретное, индивидуальное. Каждый народъ и каждое государство имѣютъ свою идею, которую они призваны осуществить. Поэтому нѣтъ идеальнаго государства, приложимаго ко всѣмъ, и политическаго устройства, которое одно было бы способно осчастливить людей. Различіе мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ требуетъ и различнаго устройства, и то, что приходится одному народу, не приходится другому (I, стр. 21—22). Однако, когда онъ обсуждаетъ различные образы правленія, онъ признаетъ смѣшанную монархію лучшимъ изъ всѣхъ. Демократія всѣхъ болѣе удаляется отъ идеи государства; здѣсь все политическое устройство ставится въ зависимость отъ колеблющейся воли и ограниченнаго разумѣнія массы. Моментъ послѣдняго, высшаго рѣшенія здѣсь отсутствуетъ. Съ другой стороны, аристократія страдаетъ недостатками сословнаго управленія; она необходимо становится подозрительною, несправедливою и притѣснительною. Монархія же, когда она не извращается въ тираннію, можетъ имѣть характеръ аристократическій, демократическій или смѣшанный. Первыя двѣ формы носятъ на себѣ недостатки тѣхъ чистыхъ образовъ проявленія, съ которыми онѣ сходствуютъ; послѣдняя же представляетъ совершеннѣйшее государство, ибо въ ней различныя общественныя начала получаютъ полное свое значеніе (III, §§ 133, 134). Разсматривая происхожденіе и развитіе общественной власти въ европейскихъ государствахъ, Шмиттгеннеръ видитъ въ нихъ одновременное развитіе королевской власти, независимой отъ воли народной, слѣдовательно, управляющей по божественному праву и самостоятельныхъ народныхъ правъ. Въ этой независимости королевской власти состоитъ такъ называемое монархическое начало, на которое опираются законныя монархіи (III, § 135). Оба начала, королевская власть и народная свобода покоятся на независимой отъ человѣческаго произвола священной основѣ (III, стр. 560).

Шмиттгеннеръ не строитъ, однако, общей теоріи конституціонной монархіи. Не государственное право, а политика, говоритъ онъ, должна рѣшить, какая представительная форма прилична тому или другому народу (стр. 559). Но политики онъ не издалъ; въ изложеніи же государственнаго права онъ ограничивается исчисленіемъ

народныхъ правъ и формъ представительства, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ общихъ замѣчаній. Представительство должно изображать собою политическую организацію самого народа. Оно должно быть сообразно съ началомъ государственнаго устройства и съ историческими его основами, слѣдовательно, въ монархіи оно опредѣдѣляется не народнымъ полновластіемъ, а независимостью монархическаго элемента. Прилагая эти мысли къ Германіи, Шмиттгеннеръ замѣчаетъ, что при данныхъ обстоятельствахъ, нѣмецкимъ государствамъ приходится нѣчто среднее между феодальными чинами и чисто представительными учрежденіями (стр. 578). Далѣе, говоря объ отношеніяхъ чиновъ къ правительству, онъ утверждаетъ даже, что совмѣстное правленіе вытекаетъ изъ начала народнаго полновластія, съ монархическимъ же принципомъ согласуется только свобода, какъ отрицательное ограниченіе правительственной власти. Истинно органическая, то-есть, сообразная съ идеею государства, а вмѣстѣ и подтвержденная исторіею система, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что монархическая власть, сдержанная въ извѣстныхъ предѣлахъ, должна быть въ предоставленной ей области совершенно абсолютна и независима отъ народной воли, а съ своей стороны, граждане должны точно также имѣть твердо опредѣленныя и огражденныя отъ всякаго посягательства права (III, § 176). Спрашивается: гдѣ же органическая связь того и другого? Тутъ является разобщеніе, а никакъ не единство. Но при отрывочности этого взгляда, невозможно подвергнуть его обстоятельной критикѣ.

Въ итогѣ, сочиненіе Шмиттганнера не представляетъ ничего самостоятельнаго и новаго, хотя оно и не можетъ не быть признано почтеннымъ трудомъ. Это болѣе эклектическое, нежели самобытное произведеніе. Возставая противъ умозрительной философіи, Шмиттгеннеръ усвоиваетъ себѣ существенные ея результаты. Въ исторіи политической мысли книга его имѣетъ интересъ только какъ подтвержденіе идей Гегеля добросовѣстнымъ изученіемъ предмета.

4. ЛОРЕНЦЪ ШТЕЙНЪ.

Совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать о другомъ писателѣ, который точно также, хотя и не принадлежитъ непосредственно къ школѣ Гегеля, но находится подъ сильнымъ вліяніемъ выработанныхъ имъ идей, именно, о Лоренцѣ Штейнѣ, одномъ изъ даровитѣйшихъ уче-

ныхъ Германіи въ XIX вѣкѣ. Это не ученикъ, идущій по стопамъ учителя, и не эклектикъ, пользующійся плодами чужой мысли, а оригинальный изслѣдователь, пролагающій наукѣ новые пути. На немъ можно видѣть все значеніе идей Гегеля для самостоятельнаго изученія явленій политической жизни.

Изъ многочисленныхъ его сочиненій по разнымъ отраслямъ политическихъ наукъ, какъ-то: по исторіи французскаго права, по политической экономіи, по финансамъ, по администраціи, мы остановимся лишь на тѣхъ, которые имѣютъ общее теоретическое значеніе. Сюда принадлежатъ: *Соціализмъ и коммунизмъ въ современной Франціи* (Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs), вышедшій первымъ изданіемъ въ 1842 г., а вторымъ въ 1848, затѣмъ *Ученіе объ Обществѣ* (Die Gesellschaftslehre), вышедшее въ 1856 г., и составляющее вторую часть неоконченной *Системы политической науки*. Въ обоихъ сочиненіяхъ основная мысль заключается въ развитіи идеи общества и его отношенія къ государству. Наконецъ, къ этому слѣдуетъ присоединить общую часть *Ученія объ управленіи* (Verwaltungslehre), вышедшую вторымъ изданіемъ въ 1869 году подъ заглавіемъ: *Исполнительная власть* (die Vollziehungsgewalt) и содержащую въ себѣ основныя начала государственнаго устройства и управленія.

Соціализмъ и коммунизмъ Штейнъ изслѣдуетъ не какъ ступени развитія политической мысли: съ этой стороны они кажутся ему лишенными почти всякаго интереса. «Ибо,—говоритъ онъ,—разсматривая ихъ самихъ въ себѣ, нельзя назвать ихъ ни широкими системами, ни даже истинно смѣлыми идеями. Для перваго въ нихъ недостаетъ собственно философскаго образованія, для послѣдняго истиннаго отношенія къ дѣйствительности. Въ нихъ мало глубоко логическаго и еще менѣе такого, что было бы дѣйствительно исполнимо [1])». Но важно ихъ значеніе, какъ явленій общественной жизни. Они указываютъ на извѣстное состояніе общества; въ нихъ воплощаются стремленія и надежды весьма значительной общественной группы, именно, пролетаріата. Съ этой точки зрѣнія они заслуживаютъ величайшаго вниманія, какъ мыслителей, такъ и государственныхъ людей. Изученіе же пролетаріата, при взаимной связи всѣхъ

---

[1] Soc. und Com. I, стр. 6. Цитую, изд. 1848 года.

общественныхъ явленій, невозможно безъ изслѣдованія всей совокупности общественной жизни, то-есть, безъ науки объ обществѣ, которая едва начинаетъ зарождаться (стр. 6—7, 12—13).

Что же такое общество и каковы управляющіе имъ законы? Чтобы понять какія бы то ни было явленія, необходимо возвыситься къ общей лежащей въ основаніи ихъ сущности, которая не подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ, а потому и не доказывается ими. Эта сущность, остающаяся вѣчно тожественною при измѣнчивости явленій, раскрывается намъ понятіемъ вещи. Понятіе одно даетъ намъ объясненіе явленій и разрѣшеніе всѣхъ присущихъ имъ противорѣчій. Слѣдовательно, при изученіи общества, мы должны прежде всего установить его понятіе, а для этого необходимо вывести это понятіе изъ существеннаго отношенія, вытекающаго изъ самой природы личной жизни человѣка (стр. 14—15).

Всякое единичное лице носитъ въ себѣ противорѣчіе между тѣмъ, къ чему оно стремится, и тѣмъ, что оно есть, между своимъ назначеніемъ и дѣйствительностью. Это противорѣчіе является прежде всего въ отношеніи къ внѣшней природѣ, которую человѣкъ хочетъ подчинить себѣ для удовлетворенія своихъ потребностей, и передъ которою онъ однако, какъ единичное существо, безсиленъ. Разрѣшеніе этого противорѣчія человѣкъ находитъ въ союзѣ съ другими; въ союзѣ же являются не только сопоставленныя лица, но ихъ взаимность или общественное единство, какъ самостоятельный моментъ. Если, съ одной стороны, цѣль союза состоитъ въ удовлетвореніи и развитіи личности, то, съ другой стороны, самая личность становится членомъ и моментомъ высшаго цѣлаго. Это взаимодѣйствіе общаго начала и личнаго, единства и различія встрѣчается во всякомъ союзѣ: въ семействѣ, въ общинѣ, въ церкви, въ государствѣ. Его же мы находимъ и въ томъ, что называется въ тѣсномъ смыслѣ *обществомъ*.

Взаимность потребностей и удовлетворенія ведетъ къ тому, что люди работаютъ другъ для друга. Отсюда раздѣленіе труда, которымъ установляется извѣстный порядокъ человѣческой работы. Сообразно съ этимъ порядкомъ происходитъ и распредѣленіе добытыхъ работою благъ. Каждый получаетъ въ нихъ извѣстную долю, и на основаніи этого пріобрѣтаетъ извѣстное мѣсто и значеніе въ общемъ организмѣ. Такимъ образомъ, силою вещей, лице становится членомъ общаго

порядка. Рядомъ съ этимъ однако оно сохраняетъ и свою особенность. Выработанное имъ принадлежитъ ему; оно составляетъ исключительно ему присвоенную сферу, которая, въ противоположность другимъ лицамъ, является его *правомъ*. Въ силу права, благо становится *собственностью* лица и служитъ удовлетворенію потребностей, какъ его самого, такъ и его семейства. Оно по праву передается его семейству и черезъ это получаетъ прочность. Съ тѣмъ вмѣстѣ упрочивается и самый порядокъ общественныхъ отношеній. Этотъ основанный на распредѣленіи жизненныхъ назначеній и благъ порядокъ, охраняемый правомъ и упроченный собственностью и семейнымъ началомъ, и есть то, что называется человѣческимъ *обществомъ*. Основаніе его заключается въ личности; это — общество свободныхъ и самостоятельныхъ лицъ. Цѣль его — пріобрѣсти возможно большее количество благъ для человѣчества и дать каждому возможно большую въ немъ долю. Наилучшее общество то, которое всего лучше исполняетъ эту задачу. Изслѣдованіе способовъ пріобрѣтенія и распредѣленія благъ принадлежитъ политической экономіи; изученіе же вытекающаго отсюда порядка и устройства общежитія составляетъ собственно предметъ науки объ обществѣ (стр. 16—24).

Какими же законами управляется движеніе этого общества? Все здѣсь зависитъ отъ отношенія двухъ основныхъ его элементовъ, работы и собственности. Развитіе ихъ неизбѣжно влечетъ за собою образованіе двухъ состояній, рабочихъ и владѣльцевъ. Эти состоянія нуждаются другъ въ другѣ; но собственность даетъ послѣднимъ преимущество передъ первыми. Отсюда необходимая зависимость рабочихъ отъ владѣльцевъ. Эта зависимость увеличивается еще тѣмъ, что послѣдніе, владѣя высшими благами, естественно овладѣваютъ и высшею властью въ обществѣ. Черезъ это, зависимость превращается въ подчиненіе. Таковъ неизбѣжный ходъ общественныхъ отношеній. Но здѣсь начинается различіе, смотря по характеру народовъ. Народы, привычные къ подчиненію, принимаютъ этотъ порядокъ, какъ божественное велѣніе, и успокоиваются на этомъ. Напротивъ, народы, въ которыхъ живо начало личной свободы, не выносятъ этого противорѣчія между требованіями личности и ея общественнымъ положеніемъ. Подчиненные стараются освободиться отъ зависимости и, въ свою очередь, захватить власть въ свои руки. Начинается борьба за власть, а съ тѣмъ вмѣстѣ рядъ обществен-

ныхъ переворотовъ. Этимъ объясняется весь ходъ новой европейской исторіи (стр. 25—31).

Въ феодальномъ мірѣ весь общественный порядокъ опредѣляется поземельною собственностью. Отсюда господство землевладѣльцевъ и подчиненіе крестьянъ. Позднѣе, рядомъ съ этимъ возникли городскія общины съ движимою собственностью. Но эти сословія не связывались ничѣмъ; между ними господствовала полная рознь. Объединяющимъ началомъ явилась королевская власть, которая уравняла сословія общимъ подчиненіемъ ихъ государству. Это уравненіе было отрицательное, но оно повлекло за собою и положительное. Граждане стали требовать равнаго для всѣхъ участія въ государственномъ управленіи. Отсюда Французская Революція, результатомъ которой было уравненіе общественныхъ правъ и установленіе свободныхъ учрежденій. Однако этимъ борьба не кончилась. Уравненіе правъ давало каждому возможность достигать одинакого съ другими положенія въ обществѣ и участія въ государственной власти; но отъ возможности къ дѣйствительности было далеко. Вмѣсто прежняго различія сословій, явилось новое—различіе капиталистовъ и рабочихъ. Первые фактически, въ силу необходимыхъ законовъ, пріобрѣли высшее положеніе въ обществѣ и юридически получили исключительное участіе въ государственномъ управленіи. При свободѣ перехода изъ одного состоянія въ другое, это противоположеніе не было бы столь рѣзкимъ, если бы самое развитіе промышленности не сдѣлало этого перехода слишкомъ затруднительнымъ. Введеніе машинъ превратило свободную работу въ механическую и значительно содѣйствовало раздѣленію промышленнаго міра на противоположныя группы крупныхъ фабрикантовъ, предпринимателей производства, и частныхъ рабочихъ, обреченныхъ на вѣчный механическій трудъ. Отсюда обособленіе состоянія пролетаріевъ, или невладѣльцевъ. Они сознали себя, какъ единое цѣлое, и вмѣстѣ съ тѣмъ, сравнивая свое положеніе съ выработанными предшествующею исторіею началами равенства, они сдѣлались носителями идей, требующихъ всеобщаго, не только политическаго, но и общественнаго уравненія черезъ уничтоженіе собственности. Въ этомъ заключается коренной вопросъ настоящаго времени. Владѣльцы и невладѣльцы стоятъ другъ противъ друга; первые обладаютъ высшимъ положеніемъ и властью, вторые стараются распространить свои идеи и получить власть въ свои руки (стр. 31—57).

Гдѣ же найти примиреніе этихъ противоположныхъ требованій, которыя грозятъ разрушеніемъ всему общественному строю? Его нельзя найти въ развитіи однихъ общественныхъ началъ, ибо общество, предоставленное себѣ, неизбѣжно ведетъ къ противоположенію элементовъ и къ взаимной ихъ борьбѣ. Примиреніе можно найти только въ отношеніи общества къ государству.

Государство есть союзъ людей, какъ единое, свободное, самоопредѣляющееся цѣлое, или какъ самостоятельная личность. Будучи носителемъ общихъ интересовъ, оно имѣетъ въ виду не выгоды какого-либо класса, а пользу всѣхъ. Отъ полноты развитія всѣхъ входящихъ въ составъ его лицъ зависитъ и его собственное развитіе. Поэтому задача его тѣмъ шире, чѣмъ менѣе граждане способны сами удовлетворять своимъ потребностямъ, и чѣмъ болѣе они стѣснены движеніемъ общественныхъ силъ. Государство — естественный защитникъ притѣсненныхъ. Такимъ образомъ, оно является высшимъ союзомъ, который властвуетъ надъ обществомъ. Ему принадлежитъ верховная власть среди людей.

Но эта власть все-таки ввѣряется людямъ, а потому способна быть обращена въ орудіе частныхъ интересовъ. Противоположные классы, на которые неизбѣжно разбивается общество, понимаютъ, что они могутъ проводить свои цѣли только черезъ посредство государственной власти; поэтому они стараются захватить ее въ свои руки. Движеніе общественныхъ силъ необходимо приводитъ къ борьбѣ за власть. Исходъ этой борьбы зависитъ отъ того, устроена ли эта власть такъ, что она сохраняетъ свою самостоятельность, или она подпадаетъ подъ вліяніе одного изъ противоположныхъ общественныхъ элементовъ. Въ послѣднемъ случаѣ неизбѣжно притѣсненіе слабѣйшихъ, а вслѣдствіе того разложеніе государства, которое, въ противорѣчіе съ собственною природою, перестаетъ быть представителемъ общихъ интересовъ. Если владычествуютъ высшіе классы, то низшіе теряютъ всякую энергію и не въ состояніи исполнить своего назначенія въ государствѣ. Наоборотъ, владычество низшихъ ведетъ къ грубому деспотизму. Таковъ естественный ходъ республикъ. Онѣ могутъ держаться только тамъ, гдѣ меньшинство въ состояніи завоевать себѣ общественное положеніе независимо отъ государства, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Иначе онѣ представляютъ нескончаемый рядъ переворотовъ, что мы и видимъ въ среднемъ мірѣ. Республика есть государство, подчиненное обществу.

Избѣгнуть этого результата возможно только устройствомъ государственной власти, независимой отъ общественныхъ силъ. Таково значеніе монархіи. Она представляетъ въ единичномъ лицѣ абсолютную, неприкосновенную, самостоятельную личность государства. Смыслъ ея раскрывается именно при разсмотрѣніи отношенія государства къ обществу. Стоя выше всякихъ частныхъ интересовъ, монархія, съ одной стороны, предупреждаетъ притѣсненіе одного класса другимъ, а съ другой стороны, осуществляетъ общіе интересы и приводитъ всю внутреннюю жизнь народа къ гармоническому соглашенію. Только въ монархіи государство находитъ свою самостоятельность, какъ союзъ возвышающійся надъ обществами. Въ этомъ заключается существенное преимущество новыхъ государствъ передъ древними.

Однако монархія, о которой здѣсь идетъ рѣчь, не есть абсолютная, ничѣмъ неограниченная, она сочетается съ свободнымъ движеніемъ общественныхъ силъ, а потому призываетъ послѣдніе къ участію въ государственномъ управленіи. Вслѣдствіе этого, на государствѣ отражается развитіе общества и политическое устройство принимаетъ безконечное разнообразіе формъ. Но съ этимъ вмѣстѣ является опасность для монархической власти. Она можетъ, отклоняясь отъ истиннаго своего назначенія, связать свои интересы съ интересами владычествующихъ классовъ. Черезъ это въ остальныхъ возбуждается вражда противъ самой монархіи, что немыслимо пока она представляетъ интересы всѣхъ. Отсюда возможность новыхъ потрясеній и переворотовъ, что мы и видимъ въ новѣйшее время. Единственное противъ этого средство состоитъ въ поддержаніи самостоятельности, монархической власти. Парламентское правленіе неизбѣжно ведетъ къ подчиненію ея владычественному общественному элементу. Отъ представителей народа зависитъ остановиться на этомъ пути, въ сознаніи, что съ ослабленіемъ монархической власти, высшіе классы подрываютъ собственное свое положеніе и подвергаютъ государство нескончаемой общественной борьбѣ. Но, съ другой стороны, какъ представители общественныхъ интересовъ, они должны имѣть въ рукахъ достаточныя средства, чтобы контролируемая насъ власть не отклонялась отъ своего назначенія. Самостоятельное государство въ свободномъ обществѣ, таковъ лозунгъ новыхъ народовъ (стр. 57—70).

Въ результатѣ, разрѣшенія всѣхъ общественныхъ противорѣчій слѣдуетъ искать въ независимой государственной власти, направляющей государство къ общей цѣли. Эта задача составляетъ содержаніе науки управленія, то-есть, системѣ правилъ, по которымъ государство старается достигнуть высшаго своего развитія и совершенства черезъ высшее развитіе и совершенство отдѣльныхъ лицъ. Эта наука составляетъ, слѣдовательно, вѣнецъ всѣхъ другихъ политическихъ наукъ; ей принадлежитъ будущность (стр. 71).

Штейнъ преслѣдуетъ приложеніе этихъ выведенныхъ имъ законовъ въ исторіи Франціи. Средневѣковый порядокъ отдавалъ всю государственную власть въ руки общественныхъ силъ; она считалась частною собственностью. Результатомъ было порабощеніе низшихъ классовъ высшими. Съ развитіемъ монархической власти впервые является самостоятельность государственнаго начала. Но монархія, утвердившись, связываетъ свои интересы съ интересами владычествующихъ классовъ. Все французское общество раздѣляется на привилегированныхъ и непривилегированныхъ. Первые черезъ монарха располагаютъ всѣмъ; вторые возмущаются противъ этого порядка и противополагаютъ ему идеи равенства, заимствованныя изъ философіи права. Во Французской Революціи эти идеи получаютъ полное осуществленіе. Прежнее различіе исчезаетъ, но вмѣсто того, является новое,—различіе владѣющихъ и невладѣющихъ. При Наполеонѣ, оно еще не высказывается во всей своей рѣзкости, ибо общественная свобода не существуетъ; надъ всѣмъ возвышается единая, сильная власть, а съ своей стороны войско, которое составляетъ здѣсь владычествующій элементъ, представляетъ возможность легкаго перехода изъ одного класса въ другой. Съ возвращеніемъ Бурбоновъ, владѣющій классъ пріобрѣтаетъ исключительное право представительства въ палатахъ; но и тутъ богатые и бѣдные соединяются, чтобы дать отпоръ политикѣ, имѣющей цѣлью возстановленіе стараго порядка. Только съ устраненіемъ этого послѣдняго препятствія равенству, во времена іюльской монархіи, разыгрывается борьба между владѣющими и невладѣющими. Опять монархія соединяетъ свои интересы съ интересами владычествующаго класса. Послѣдній становится въ привилегированное положеніе; неимущіе же, въ противоположность ему, образуютъ пролетаріатъ, сознающій себя, какъ единое цѣлое и проникнутый духомъ соціализма. Таково поло-

женіе современной Франціи (въ 1847 г.). Низшіе стремятся, посредствомъ расширенія ценза, пріобрѣсти власть въ свои руки; высшія то противостоятъ этому всѣми силами, изъ опасенія. что приложеніе соціалистическихъ идей, распространенныхъ въ низшихъ классахъ, можетъ повести къ полному общественному разложенію (см. вообще Soc. und Com. II).

Въ этой начертанной Штейномъ картинѣ, безъ сомнѣнія, много глубокаго и вѣрнаго, хотя и нельзя согласиться со всѣми подробностями. Изображеніе историческаго хода народной жизни, единственно съ точки зрѣнія вліянія общественныхъ элементовъ на государство, непремѣнно будетъ носить нѣсколько односторонній характеръ. Съ одной стороны собственно политическое развитіе, а съ другой стороны умственное движеніе значительно видоизмѣняютъ этотъ процессъ. Но въ существѣ своемъ мысли Штейна объ отношеніи государства къ обществу, о вліяніи общественныхъ силъ и о значеніи королевской власти заслуживаютъ полнаго вниманія. Мы видѣли, что въ натуралистическомъ идеализмѣ, у послѣдователей Краузе, государство являлось основою, надъ которою воздвигалось общество, какъ высшая область. Въ нравственномъ идеализмѣ, у Галлера, а съ другой стороны, у Гербарта и публицистовъ юридической школы господствуетъ, напротивъ, полное смѣшеніе государства съ гражданскимъ обществомъ. Здѣсь же, сообразно съ началами Гегеля, государство воздвигается надъ обществомъ, какъ высшій союзъ, который сводитъ къ единству противорѣчащіе элементы послѣдняго. Это и есть истинная точка зрѣнія, богатая самыми благотворными результатами.

Штейнъ подробнѣе и систематичнѣе, хотя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, развилъ свои мысли въ другомъ сочиненіи, въ *«Ученіи объ обществѣ»*. Метода здѣсь таже, что и въ первой книгѣ. Наблюденія, говоритъ Штейнъ, даютъ намъ только частный и отрывочный матеріалъ. Чтобы обнять предметъ въ его совокупности, надобно идти другимъ путемъ, обратиться не къ внѣшнему явленію, а къ внутренней природѣ вещи; внутренняя же природа дается намъ только дѣятельностью чистой мысли, ибо паблюдать можно дѣйствія, а не причины [1]). «Достовѣрно, говоритъ Штейнъ въ другомъ мѣстѣ,

---

[1]) Gesellschaftslehre, стр. 17.

что всякая наука получаетъ высшій свой порядокъ и ясность только отъ философіи. Болѣе всѣхъ, можетъ быть, политическая наука, а внутри ея несомнѣнно всего болѣе въ нашей области»[1]). Къ сожалѣнію Штейнъ, отклоняясь въ существенныхъ пунктахъ отъ системы Гегеля, самъ не выработалъ цѣльной системы, по крайней мѣрѣ, практической философіи; отрывочное же построеніе всегда является произвольнымъ и подаетъ поводъ къ значительнымъ ошибкамъ. Это мы и видимъ въ установленіи самаго понятія объ обществѣ, который Штейнъ кладетъ въ основаніе своего ученія.

Онъ раздѣляетъ политическую науку на три отдѣла, сообразно съ самымъ раздѣленіемъ политической жизни. Всякая человѣческая дѣятельность, говоритъ онъ, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе между безконечностью задачи, которая ставится человѣку, и ограниченностью средствъ единичнаго лица. Это противорѣчіе разрѣшается восполненіемъ дѣятельности одною дѣятельностью другихъ. Отсюда взаимность, которая опредѣляется законами, независимыми отъ человѣческаго произвола; она установляетъ извѣстный порядокъ совокупной дѣятельности. Порядокъ матеріальной дѣятельности составляетъ область политической экономіи, порядокъ духовной дѣятельности образуетъ собственно такъ называемое *общество*; наконецъ, порядокъ вытекающій изъ соединенія людей въ высшую личность, составляетъ предметъ науки о государствѣ (Gesellschaftslehre, стр. 7—9).

Въ этомъ раздѣленіи прежде всего кидается въ глаза, что первыя двѣ области отличаются другъ отъ друга содержаніемъ, а послѣдняя отъ первыхъ формою. Но еще хуже то, что оно противорѣчитъ дальнѣйшему изложенію Штейна. Самъ онъ въ другомъ мѣстѣ, опредѣляя понятіе объ обществѣ, исключаетъ изъ него, съ одной стороны, чисто матеріальную дѣятельность, съ другой стороны дѣятельность *чисто духовную*, проявляющуюся въ наукѣ, въ искусствѣ, въ религіи. Общество же составляется изъ взаимнодѣйствія этихъ двухъ факторовъ (стр. 205, 239—40). Слѣдовательно, общество нельзя опредѣлять, какъ духовный порядокъ жизни; въ этомъ опредѣленіи оказывается, по крайней мѣрѣ, значительная неточность.

Это подтверждается дальнѣйшимъ изложеніемъ. Если мы взглянемъ на содержаніе духовнаго порядка общественной жизни, какъ

---

[1]) Die Volks. Gewalt, I, стр. 65, изд. 1869 г.

онъ понимается Штейномъ, то мы увидимъ, что онъ существенно отличается отъ элементовъ чисто духовной дѣятельности человѣка. Этотъ порядокъ состоитъ, по мнѣнію Штейна, въ распредѣленіи трехъ основныхъ функцій всякаго общества, военной силы, священства и суда (стр. 81—85). Если священство имѣетъ связь съ религіею, то военная сила и судъ не имѣютъ никакого отношенія къ наукѣ и искусству. Ясно, что тутъ рѣчь идетъ вовсе не о духовной дѣятельности въ противоположность матеріальной, а о существенныхъ потребностяхъ всякаго общежитія. Справедливо, что человѣческое общежитіе составляется изъ духовныхъ и матеріальныхъ элементовъ въ совокупности; справедливо, что изъ него вытекаютъ потребности защиты, суда и нравственнаго руководства; но 1) нельзя обозначать эти потребности общимъ именемъ духовнаго порядка, смѣшивая теоретическія начала съ практическими, нравственныя съ общежительными; 2) эти функціи отнюдь не составляютъ спеціальной принадлежности того, что Штейнъ называетъ обществомъ; они въ большей или меньшей степени присущи всякому союзу, и прежде всего государству. Вслѣдствіе этого, Штейнъ отличаетъ государство отъ общества не по содержанію, а по формѣ. Исходною точкою общества, также какъ и народнаго хозяйства, служитъ единичное лице. Поэтому личный интересъ является здѣсь господствующимъ началомъ; общественныя функціи служатъ для него только средствомъ. Послѣдствіемъ такого порядка является разложеніе общества. Отсюда необходимость иного высшаго организма, который представлялъ бы собою интересы не отдѣльныхъ лицъ, а совокупнаго цѣлаго. Этотъ организмъ, осуществляющій въ себѣ общественное единство, не можетъ состоять въ зависимости отъ общества, но долженъ возвышаться надъ нимъ, какъ самостоятельное лице, имѣющее начало въ себѣ самомъ. Это и есть государство (стр. 26—32).

Очевидно, что это противоположеніе общества государству совершенно сходно съ взглядами Гегеля. Но Гегель развитіе человѣческихъ союзовъ правильно начиналъ съ союза кровнаго; Штейнъ же совершенно опускаетъ семейство, а родовой порядокъ прямо включаетъ въ общество, какъ извѣстный видъ послѣдняго, что, какъ увидимъ далѣе, ведетъ къ ложному пониманію свойствъ этого порядка. Точно также и опущенную Гегелемъ церковь онъ вводитъ, какъ составную часть въ общество, что опять противорѣчитъ и самому ея существу

и историческому ея положенію. Отъ этого понятіе объ обществѣ становится еще болѣе сбивчивымъ. Несмотря на старанія Штейна придать ему нѣкоторую точность, оно, очевидно, представляетъ у него смѣсь разнородныхъ началъ. Вѣрнымъ остается то, что согласно съ идеями Гегеля, общество, или гражданское общество, есть та форма общежитія, въ которой господствующимъ элементомъ является отдѣльная личность, слѣдовательно, которая характеризуется преобладаніемъ частнаго права и частныхъ союзовъ. Эта форма существуетъ всегда и вездѣ, но въ средніе вѣка она въ свѣтской области является преобладающею, такъ что заслоняетъ собою все остальное.

Такія же неясности и неточности встрѣчаются и въ понятіи Штейна о государствѣ. Мы видѣли, что онъ опредѣляетъ государство, какъ союзъ людей, имѣющій единичное сознаніе и волю, слѣдовательно, составляющій самоопредѣляющуюся и самодѣятельную личность. Это опять тоже, что у Гегеля [1]). Когда Штейнъ утверждаетъ, что понятіе о государствѣ, какъ о личности, одаренной самодѣятельностью, осталось Гегелю недоступнымъ [2]), то въ этомъ можно видѣть только недоразумѣніе. Самъ Штейнъ полагаетъ существо личности въ томъ, что она имѣетъ основаніе единственно въ себѣ самой [3]). Если подъ этимъ разумѣется самоопредѣленіе воли, то съ этимъ опять можно согласиться. Но неясности начинаются, когда ставится вопросъ объ опредѣленіи составныхъ элементовъ, государственной личности и отношеній ея къ обществу. Входитъ ли отдѣльное лице съ его правами въ составъ государства или это элементъ посторонній, оказывающій на государство только внѣшнее вліяніе? На этотъ вопросъ можно найти у Штейна. утвердительные и отрицательные отвѣты. Въ «*Ученіи объ обществѣ*», исчисляя элементы государственной жизни, онъ вслѣдъ за организмомъ властей ставитъ отдѣльное лице, какъ самостоятельную, самоопредѣляющуюся единицу; вслѣдствіе этого, онъ проистекающее изъ него право, не только политическое, но и частное, вводитъ въ составъ присущаго государству юридическаго порядка (стр.

---

1) Rechtsphil. § 257. „Der Staat ist die Wirklichkeit der sittlichen Idee— der sittliche Geist, als des offenbare, sich selbst deutliche, substantielle Wille, der sich denkt und weiss und das was er weiss, und insofern er es weiss, vollführt".

2) Die Vollz. Gewalt, I, стр. 7.

3) Gesellschaftsl. стр. 32; Die Vollz. Gew. I, стр. 8—9.

54—55). Но рядомъ съ этимъ онъ утверждаетъ, что собственно государству принадлежитъ только организмъ властей; все же остальное, именно, все дѣйствующее право, есть произведеніе общества (стр. 72). Поэтому онъ полновластіе народа считаетъ негосударственнымъ владычествомъ общества, состояніемъ, въ которомъ общежитію недостаетъ безусловно необходимаго элемента (стр. 57). Въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи, въ ученіи объ *«Исполнительной власти»*, Штейнъ, развивши чистое понятіе о государствѣ, какъ о личности, выражающейся въ организмѣ властей, говоритъ, что оно не заключаетъ въ себѣ свободы. Послѣдняя проистекаетъ отъ другаго, независимаго отъ государства элемента, именно, изъ отдѣльной личности, которая, однако, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ элементомъ государства, вноситъ въ него свои собственныя опредѣленія (V. G., I, стр. 27). Между тѣмъ, излагая далѣе понятіе о законѣ, Штейнъ говоритъ, что государство не потому только является высшею формою земной личности, что оно наибольшее по объему, но и потому, что оно органически воспринимаетъ въ себя самоопредѣленіе отдѣльныхъ лицъ. Черезъ это оно перестаетъ быть формально высшею личностью, а становится высшею нравственною формою личной жизни вообще. Отдѣльныя лица, составляя единое цѣлое, сохраняютъ свою самостоятельность въ этомъ единствѣ и черезъ него, однако, все-таки вопреки ему. Поэтому законъ, въ высшемъ своемъ значеніи, не есть только общая государственная воля, но и свободная государственная воля, то-есть, государственная воля, органически воспринявшая въ себя самоопредѣленіе отдѣльныхъ лицъ. На этомъ основано народное представительство (V. G. I, стр. 85—6).

Очевидно, что Штейнъ не выяснилъ себѣ различія положенія отдѣльнаго лица, какъ члена двухъ разныхъ союзовъ, гражданскаго общества и государства, какъ субъекта частныхъ правъ и правъ политическихъ. Поэтому государство является у него то чистымъ организмомъ властей, то вмѣстѣ съ тѣмъ и союзомъ, заключающимъ въ себѣ, какъ составной элементъ, отдѣльную личность, а потому и свободу. На послѣднемъ понятіи, въ существѣ своемъ правильномъ, основано воззрѣніе Штейна на законъ. Но если такъ, то нельзя считать народное полновластіе негосударственною формою общежитія. Если свобода составляетъ существенный элементъ государства, то и основанный на ней образъ правленія составляетъ вполнѣ законную

форму политической жизни. Можно сказать, что эта форма недостаточная, что съ уничтоженіемъ самостоятельнаго органа государственнаго единства, государство предается на жертву борьбѣ общественныхъ силъ: все это будетъ вполнѣ справедливо. Но это вопросъ о томъ, что лучше или хуже вопросъ политики, а не права. Отрицать же самое государственное значеніе народнаго полновластія нѣтъ никакого основанія, какъ скоро мы государство понимаемъ не только какъ личность, имѣющую единую волю, но и какъ союзъ, составленный изъ разнородныхъ элементовъ.

Это смѣшеніе понятій повело Штейна къ еще болѣе важной ошибкѣ. Онъ утверждаетъ, что государство, какъ личность, всегда остается тожественнымъ съ собою. Всякое различіе, всякое движеніе, всякая перемѣна вносятся въ него постороннимъ элементомъ, именно, обществомъ. Поэтому онъ различіе и послѣдовательность политическихъ формъ сводитъ на различія и послѣдовательность общественнаго устройства, проистекающаго изъ отношеній собственности (Gesell. стр. 55; V. G. I, стр. 26—28). Между тѣмъ, если мы даже поймемъ государство, какъ отвлеченную личность, со стороны единичной воли, то все же изъ этого не слѣдуетъ, что оно всегда остается однимъ и тѣмъ же: всякая личность имѣетъ свое развитіе. Еще болѣе такой взглядъ представится намъ неправильнымъ, если мы будемъ видѣть въ государствѣ сложный союзъ, составленный изъ разнообразныхъ элементовъ. Различныя отношенія этихъ элементовъ, преобладаніе того или другаго, порождаютъ различныя государственныя формы, которыя могутъ слѣдовать другъ за другомъ въ извѣстномъ порядкѣ. Государство имѣетъ свое развитіе, также какъ и общество. Нѣтъ сомнѣнія, что въ дѣйствительной жизни это развитіе опредѣляется не одними чисто государственными началами, но и состояніемъ и движеніемъ общества. Штейнъ правъ, когда онъ видитъ здѣсь взаимодѣйствія двухъ факторовъ (Gesell., стр. 33). Но сводить все политическое движеніе на вліяніе общественныхъ силъ нѣтъ возможности. Это неизбѣжно должно привести къ одностороннимъ и ложнымъ выводамъ. Эти неясности и неточности въ коренныхъ понятіяхъ много повредили успѣху изслѣдованій Штейна, ослабляя значеніе того, что въ нихъ есть дѣйствительно вѣрнаго и даже глубокаго. Обозначимъ существенное.

Основная мысль Штейна состоитъ въ опредѣленіи вліянія собственности на общественный строй. Общество содержитъ въ себѣ два

элемента: духовный и матеріальный. Первый, въ свою очередь, распадается на два противоположныхъ элемента: общій и личный. Общее начало, или нравственный строй (die Gesittung), заключаетъ въ себѣ прежде всего нравственный порядокъ, основанный на распредѣленіи общественныхъ задачъ между неравными лицами. Общеніе, какъ сказано, необходимо проистекаетъ изъ противорѣчія между ограниченностью лица и безконечностью его задачи; неравенство же способностей составляетъ необходимое условіе равномѣрнаго достиженія различныхъ общественныхъ цѣлей. Эти цѣли составляютъ предметъ дѣятельности трехъ важнѣйшихъ общественныхъ функцій, военной службы, священства и суда. Достиженіе ихъ требуетъ руководящихъ органовъ, которые являются такимъ образомъ главами общества. Эти должности естественно замѣщаются лучшими или способнѣйшими людьми. Отсюда первое и необходимое общественное различіе—между *высшими* и *низшими*. А такъ какъ отправленіе этихъ должностей, въ свою очередь, развиваетъ соотвѣтствующія имъ способности, то различіе между высшими и низшими становится постояннымъ; отсюда образуются классы. Превосходство же однихъ надъ другими неизбѣжно ведетъ къ *владычеству*, которое правомѣрно, когда оно основано на дѣйствительномъ духовномъ превосходствѣ однихъ и на свободномъ признаніи со стороны другихъ, и неправомѣрно, когда оно лишено духовной основы и держится одною внѣшнею силою. Но каково бы ни было владычество, оно всегда стремится подчинить себѣ не только внѣшняго, но и внутренняго человѣка; иначе оно остается тѣломъ безъ духа. Оно требуетъ себѣ повиновенія, преданности и любви. Съ этою цѣлью оно ищетъ опоры въ религіи и связываетъ существующій порядокъ съ высшею волею божества. Но, съ своей стороны, личность подчиненныхъ старается отстоять свою духовную самостоятельность и для этого ссылается на науку. Такимъ образомъ, религія и наука становятся факторами общественной жизни (Gesell. стр. 70—99).

Это противодѣйствіе низшихъ высшимъ проистекаетъ изъ самаго существа человѣческой личности, которая въ подчиненномъ положеніи не находитъ удовлетворенія своему назначенію. Нравственный порядокъ, развивая противоположность владычествующихъ классовъ и подчиненныхъ, даетъ высшее развитіе только первымъ. Поэтому онъ долженъ быть восполненъ другимъ элементомъ, способствующимъ

возвышенію послѣднихъ. Этотъ элементъ есть *трудъ*, начало развитія; онъ поднимаетъ низшіе классы къ уровню высшихъ. Но трудъ, имѣющій общественное значеніе, не остается одинокимъ; онъ собираетъ вокругъ себя отдѣльныя лица и образуетъ изъ нихъ корпораціи. Это имѣетъ мѣсто, какъ среди низшихъ, такъ и среди высшихъ классовъ. Однако, пока трудъ держится въ предѣлахъ того или другаго класса, онъ не достигаетъ высшаго своего назначенія. Безъ помощи высшихъ классовъ, низшіе не въ состояніи подняться къ ихъ уровню. Поэтому необходимо, чтобы трудъ былъ воодушевленъ другимъ началомъ, связующимъ классы, началомъ дѣятельной любви, въ силу которой высшіе классы добровольно дѣйствуютъ на пользу низшихъ, стараясь поднять ихъ уровень. Христіанское начало любви одно въ состояніи примирить общественныя противоположности, сочетая нравственный порядокъ съ развитіемъ. Это сочетаніе и образуетъ нравственный строй общества, который состоитъ, съ одной стороны, изъ уваженія низшихъ къ нравственному порядку, съ другой стороны, изъ уваженія высшихъ къ труду. Таково живое, нормальное, органическое отношеніе духовныхъ благъ и духовной работы (стр. 99—108).

Этому общему элементу противоположенъ личный. Человѣкъ не только состоитъ членомъ извѣстнаго нравственнаго порядка, но онъ заключаетъ въ себѣ возможность выступить изъ всякаго порядка и дѣйствовать чисто во имя своихъ личныхъ цѣлей. Въ этомъ состоитъ его свобода, то, что дѣлаетъ его самостоятельнымъ началомъ бытія. Поэтому человѣкъ, по существу своему, имѣетъ двоякое стремленіе: съ одной стороны, содѣйствовать нравственному порядку, котораго онъ состоитъ членомъ, съ другой стороны, обратить этотъ порядокъ въ орудіе личныхъ своихъ цѣлей. Послѣднее составляетъ поприще личнаго интереса. Вступая въ общество, лице получаетъ въ немъ извѣстное *положеніе*, сообразное съ задачами, которыя оно призвано исполнить. Дѣйствительное же исполненіе этихъ задачъ то, что оно приноситъ обществу, даетъ лицу извѣстное *значеніе*. Положеніе и значеніе могутъ и не совпадать, но тогда одно стремится стать въ уровень другаго. Съ положеніемъ связана извѣстная *честь*, то-есть, признаніе въ лицѣ тѣхъ достоинствъ, которыя составляютъ необходимыя условія для исполненія предстоящихъ ему задачъ. А такъ какъ въ силу различія классовъ, положеніе можетъ быть высшее и

низшее, то и общественная честь необходимо раздѣляется на высшую и низшую. Съ значеніемъ же связана *власть*, которая можетъ имѣть различные виды, какъ-то: вліяніе, авторитетъ, владычество. Каждое лице, состоя членомъ общества, имѣетъ въ немъ извѣстную мѣру чести и власти. Сохраненіе или возвышеніе этой мѣры составляетъ для него общественный *интересъ*. Но такъ какъ это мѣра различна для каждаго лица, то интересы лицъ не только различны, но и противоположны другъ другу. Низшіе стремятся стать въ уровень съ высшими; высшіе, напротивъ, стараются удержать свое положеніе и сохранить существующее между ними и низшими разстояніе. Отсюда борьба частныхъ интересовъ высшихъ и низшихъ классовъ, борьба, которая ведетъ къ извращенію нравственнаго порядка, а потому къ смерти общества. Во имя своихъ частныхъ интересовъ, высшіе не только хотятъ обратить свои преимущества въ свою частную собственность, но и воспрепятствовать другимъ достигнуть того же положенія. Это стремленіе, не имѣющее основанія въ нравственномъ порядкѣ, поддерживается силою, матеріальною или духовною. Исключительность влечетъ за собою несвободу, внѣшнюю или даже внутреннюю. Но неправомѣрное владычество въ себѣ самомъ носитъ свое наказаніе. Оно развращаетъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ. Первые теряютъ тѣ свойства, которыя способны поддерживать нравственный порядокъ; послѣдніе теряютъ энергію труда, или же любовь и уваженіе къ высшимъ превращаются въ злобу и ненависть. Существо человѣческой личности возмущается противъ несправедливаго подчиненія и обращается противъ властителей. Тогда возгорается страшная борьба классовъ, которая грозитъ обществу разложеніемъ (стр. 109—133).

Таковы свойства интереса, предоставленнаго самому себѣ. Но онъ имѣетъ и высшее значеніе, когда онъ связывается съ элементами нравственной жизни общества, съ порядкомъ и развитіемъ. Связь порядка съ личнымъ интересомъ производитъ *охранительное начало* общественной жизни, начало одностороннее, когда оно отдѣлено отъ развитія, но необходимое для общества, ибо оно даетъ ему прочность. Если же въ этой связи личный интересъ получаетъ перевѣсъ надъ требованіями нравственнаго порядка, то охранительное начало превращается въ *реакціонное*. Признакомъ его служитъ исключительность, стремленіе подавить развитіе. Оно грозитъ обществу смертью

отъ застоя. Съ другой стороны, связь развитія съ личнымъ интересомъ производитъ начало *движущееся* или *прогрессивное*, которое, въ свою очередь, можетъ быть извращено преобладаніемъ личнаго интереса надъ уваженіемъ къ порядку. Тогда оно становится *революціоннымъ* и грозитъ обществу смертью путемъ разложенія. Борьба этихъ различныхъ началъ составляетъ жизнь человѣческихъ обществъ.

Такимъ образомъ, общество является органическимъ цѣлымъ, которое развиваетъ изъ себя разнообразныя и противоположныя другъ другу силы и стремленія, находящіяся въ постоянномъ движеніи и взаимнодѣйствіи. Ни одинъ изъ этихъ элементовъ не исчерпываетъ собою всей полноты общественной жизни. Высшая цѣль развитія состоитъ въ гармоническомъ ихъ сочетаніи. Общество стоитъ тѣмъ выше, чѣмъ болѣе оно способно произвести въ себѣ это сочетаніе. Таковъ законъ жизни. Напротивъ, недостатокъ какого-либо элемента влечетъ за собою страданіе цѣлаго, болѣзнь и, наконецъ, смерть. Таковъ законъ смерти. Переходъ же отъ одного состоянія къ другому состоитъ въ развитіи того, что прежде заключалось въ зародышѣ. Этимъ объясняется и преемственность народа въ исторіи. Смерть народа означаетъ недостатокъ въ немъ извѣстнаго элемента, который развивается у народа, смѣняющаго его на историческомъ поприщѣ. И это будетъ продолжаться, пока не явится народъ, который представитъ собою гармоническое сочетаніе всѣхъ элементовъ общественной жизни (стр. 134—144).

Таково нравственное строеніе общества. Какое же вліяніе имѣетъ на него другой, матеріальный его элементъ, владѣніе?

Владѣніе составляетъ необходимую принадлежность дѣйствительной человѣческой личности. Оно ограничиваетъ ея стремленія, а потому дѣлаетъ ее опредѣленною, сообщаетъ ей извѣстную особенность. Съ другой стороны, будучи охраняемо правомъ, оно даетъ ей самостоятельность; дѣятельность человѣка становится неприкосновенною для другихъ. Наконецъ, оно составляетъ область, въ которой осуществляется человѣческая свобода. Вслѣдствіе этого, владѣніе имѣетъ существенное вліяніе на самую духовную сторону личности. Виды и мѣра владѣнія опредѣляютъ и свойства лица. Такъ, поземельная собственность сообщаетъ владѣльцу характеръ постоянства и твердости, а потому служитъ важнѣйшею опорою нравственнаго порядка. На-

противъ, движимая или промышленная собственность, измѣнчивая по своему существу и зависимая въ своихъ результатахъ отъ личной работы человѣка, налагаетъ эту печать и на владѣльцевъ: она становится главнымъ орудіемъ движенія. Такое же различіе влекутъ за собой и количественныя опредѣленія. Богатство даетъ человѣку самостоятельность и возможность предаваться исключительно духовнымъ интересамъ; вслѣдствіе этого, онъ становится ихъ хранителемъ, а потому стражемъ нравственнаго порядка. Среднее состояніе, въ которомъ довольство соединяется съ необходимостью личнаго, хотя и высшаго труда, развиваетъ въ человѣкѣ стремленіе къ безпрерывному улучшенію своего состоянія и къ обращенію духовнаго развитія на пріобрѣтеніе матеріальныхъ благъ. Оно является главнымъ носителемъ прогресса. Бѣдность, наконецъ, требуя напряженія всѣхъ человѣческихъ силъ, закаляетъ ихъ и облагороживаетъ трудъ. Наоборотъ, каждый изъ этихъ видовъ и размѣровъ владѣнія влечетъ за собою и соотвѣтствующіе ему недостатки. Всѣ они имѣютъ поэтому существеннѣйшее значеніе для общественной жизни. Разнообразное распредѣленіе владѣнія составляетъ необходимое условіе разнообразія самой жизни. Та жизнь выше и полнѣе, которая содержитъ въ себѣ всевозможные виды и размѣры владѣнія. Поэтому нѣтъ ничего превратнѣе, какъ ученіе, отрицающее собственность и требующее уравненія состояній. Оно уничтожаетъ особенности и свободу лица. Отъ того или другаго распредѣленія собственности зависитъ и самый характеръ общества. А такъ какъ постоянство порядка опредѣляется болѣе всего поземельною собственностью, то отъ послѣдней главнымъ образомъ зависитъ состояніе народа (стр. 145—184).

Такое же значеніе имѣетъ и другой элементъ, тѣсно связанный съ владѣніемъ, а именно дѣятельность, производящая и сохраняющая собственность, то-есть трудъ. Характеръ лица опредѣляется свойствами труда, которому оно предается. Каждый изъ видовъ работы, тяжелая механическая, мелкая промышленная, руководящая промышленная, наконецъ духовная работа, налагаетъ на человѣка свою печать, дѣлаетъ его способнымъ занимать то или другое общественное положеніе, играть въ обществѣ ту или другую роль (стр. 185—195).

Изъ всего этого слѣдуетъ, что строеніе общества всегда опредѣляется распредѣленіемъ владѣнія. Это—основной законъ общежитія.

Важнѣйшими элементами являются здѣсь размѣръ и виды владѣнія. По размѣру владѣнія общество раздѣляется на *классы* высшій, средній и низшій. Вслѣдствіе преобладанія того или другаго вида владѣнія общество получаетъ ту или другую *форму*. Изъ поземельной собственности вытекаетъ *родовой порядокъ* (Geschlechterordnung), изъ духовной собственности *сословный порядокъ* (ständische Ordnung), изъ промышленной собственности *промышленный порядокъ* (gewerbliche Ordnung). Каждое изъ этихъ состояній общества выражается въ трехъ различныхъ сторонахъ или ступеняхъ общественной жизни: въ *общежитіи*, представляющемъ частныя отношенія лицъ на основаніи ихъ общественнаго положенія, въ *нравахъ*, выражающихъ собою общее сознаніе, и, наконецъ, въ *юридическомъ порядкѣ*, въ которомъ проявляется общественная воля, и который завершаетъ и закрѣпляетъ собою все предъидущее (стр. 204—231).

Общество не останавливается, однако, на извѣстномъ устройствѣ. Безконечное назначеніе человѣческой личности побуждаетъ ее выходить изъ всякихъ данныхъ рамокъ и стремиться къ высшему порядку. Отсюда въ обществѣ начало движенія. Оно представляетъ собою двѣ стороны: гармоническое развитіе и борьбу противоположностей. Гармонія общества состоитъ не въ извѣстномъ распредѣленіи общественныхъ благъ, а въ соразмѣрности силъ, опредѣляющихъ движеніе. Здѣсь представляются три отношенія, имѣющихъ существенное значеніе для общественной жизни. Первая есть *общественная свобода*, которая состоитъ въ возможности для каждаго посредствомъ труда улучшать свое состояніе и переходить изъ низшаго класса въ высшій. Она предполагаетъ не равенство въ распредѣленіи благъ, а напротивъ ихъ неравенство. Равенство подавляетъ свободу и уничтожаетъ развитіе; неравенство же составляетъ вѣчную основу развитія, также какъ свобода—вѣчное его начало. Второе отношеніе есть *общественный трудъ*, состоящій въ уравновѣшеніи матеріальнаго и духовнаго развитія. Онъ поднимаетъ низшіе классы и уничтожаетъ перегородки между сословіями. Въ этомъ смыслѣ онъ является истиннымъ осуществленіемъ общественной свободы. Но для гармоническаго развитія недостаточно этихъ двухъ началъ; нужно еще третье, высшее, именно *нравственное сознаніе* (die Gesittung), которое состоитъ, съ одной стороны, въ признаніи истинныхъ основъ общества, то-есть, неравнаго распредѣленія владѣнія, соединеннаго

съ безпрепятственнымъ переходомъ изъ одного состоянія въ другое, съ другой стороны, въ нравственномъ началѣ любви, связующемъ различные классы и состоянія. Переходъ изъ низшаго класса въ высшій все-таки предполагаетъ извѣстное имущество, которое даетъ возможность пріобрѣсти и духовныя блага. Тамъ, гдѣ этого условія нѣтъ, улучшеніе состоянія низшихъ возможно только съ помощью высшихъ. Начало дѣятельной любви одно способно примирить всѣ общественныя противорѣчія (стр. 232—251).

Таковы элементы гармоническаго развитія. Но рядомъ съ этимъ частный интересъ порождаетъ и противоположности. Интересъ лица въ общественной жизни состоитъ въ стремленіи къ пріобрѣтенію общественнаго положенія, для чего средствомъ служатъ матеріальныя и духовныя блага. А такъ какъ интересы классовъ противоположны, то отсюда рождается исключительность, несвобода, а вслѣдствіе того борьба и общественная опасность. Эта опасность можетъ принимать двоякую форму: съ одной стороны исключительность ведетъ къ застою, а наконецъ къ смерти, съ другой стороны, неудовольствіе ведетъ къ переворотамъ, которые кончаются деспотіею (стр. 252—260).

Но общество не останавливается на противоположностяхъ. Оно стремится къ высшему ихъ примиренію, которое оно находитъ, съ одной стороны, въ религіи, опорѣ порядка, съ другой стороны, въ наукѣ, источникѣ движенія. Въ этомъ состоитъ духъ общества (der Geist der Gesellschaft). Однако и религія и наука, будучи противоположны другъ другу, могутъ вступить въ борьбу и въ свою очередь породить общественную опасность. Ибо онѣ не ограничиваются чисто теоретическою областью, но вступаютъ въ сочетанія съ общественными силами и сами становятся общественными дѣятелями Жизнь и развитіе общества состоятъ въ постоянномъ взаимнодѣйствіи всѣхъ этихъ элементовъ (стр. 261—267).

Штейнъ прилагаетъ эти начала къ развитію общественныхъ классовъ. Опредѣляющее начало здѣсь мѣра владѣнія. Общественное значеніе этой мѣры состоитъ въ томъ, что избытокъ даетъ владѣльцу возможность пріобрѣсти духовное развитіе, а потому исправлять общественныя должности. Раздѣленіе классовъ составляетъ, слѣдовательно, необходимое условіе раздѣленія общественнаго труда, а потому является необходимымъ органическимъ элементомъ общественной жизни (стр. 273—5).

Распредѣленіе владѣнія проходитъ три ступени. Первая опора предшествуетъ частной собственности; человѣкъ пользуется только тѣмъ, что ему даетъ природа. А такъ какъ природа, предоставленная самой себѣ, не даетъ человѣку избытка, то это—состояніе бѣдности матеріальной, а потому и духовной. Здѣсь нѣтъ еще постояннаго владѣнія, слѣдовательно нѣтъ и постояннаго порядка, нѣтъ и настоящаго общества. Право замѣняется здѣсь личною силою.

Изъ этого состоянія человѣкъ выходитъ черезъ то, что онъ дѣлается осѣдлымъ. Присвоеніе земли происходитъ сообразно съ силами каждаго, а такъ какъ единичныя силы, вообще говоря, равны, то здѣсь устанавливается равенство владѣнія. Съ этимъ вмѣстѣ является союзъ осѣдлыхъ владѣльцевъ, съ извѣстнымъ порядкомъ общежитія. Это есть *община*, первая форма общественной жизни. Съ различіемъ общественныхъ должностей и частныхъ занятій является здѣсь и различія общественнаго и частнаго владѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, владѣніе становится условіемъ участія въ общественныхъ должностяхъ: полноправнымъ членомъ общины считается осѣдлый домохозяинъ. Но такъ какъ здѣсь частныя владѣнія болѣе или менѣе равны, то всѣ равны и въ общественномъ своемъ значеніи. Разница заключается только въ занятіи высшихъ должностей, которыя поэтому становятся предметомъ личнаго соперничества. Вмѣсто борьбы классовъ, здѣсь господствуетъ личная борьба, которая быстро ведетъ къ неравенству.

Неравенство устанавливается, впрочемъ, и самымъ естественнымъ ходомъ вещей. Наслѣдство, завоеваніе, промышленный оборотъ, неизбѣжно переводятъ первоначальное равенство въ неравенство. И это составляетъ громадный шагъ впередъ. Здѣсь впервые является раздѣленіе общественнаго труда и органическое расчлененіе общества. Въ силу естественнаго закона богатые призваны быть главами человѣческихъ обществъ. Преобладаніе бѣдныхъ есть извращеніе естественнаго порядка. Поэтому, силою вещей, различіе высшихъ классовъ и низшихъ выражается въ формахъ общежитія, въ различіи чести, наконецъ, въ различіи права. Но для того, чтобы этотъ порядокъ сохранялъ свое нравственное значеніе, необходимое условіе состоитъ въ томъ, чтобы богатые пользовались своими преимуществами не для личныхъ выгодъ, а для общественной пользы, и чтобы низшіе всегда имѣли возможность подняться къ высшему уровню.

Соблюденіе послѣдняго условія составляетъ прямую задачу средняго класса. Черезъ него совершается переходъ отъ бѣдности къ богатству; онъ препятствуетъ чрезмѣрному преобладанію большихъ капиталовъ надъ рабочею силою; онъ же, соединяя въ себѣ капиталъ съ личнымъ трудомъ, является главнымъ орудіемъ прогресса и хранителемъ общественной свободы. Послѣдняя состоитъ не въ отрицаніи порядка, а въ соблюденіи условій прогресса, то-есть, возможности для низшихъ подниматься къ высшему уровню въ предѣлахъ установленнаго порядка. Туже роль играютъ и общественныя корпораціи, которыя соединяютъ силы людей для достиженія общественныхъ цѣлей. Но пока корпораціи держатся въ предѣлахъ того или другаго класса, онѣ имѣютъ ограниченное значеніе. Высшее значеніе онѣ получаютъ тогда, когда онѣ связываютъ различные классы. Таковы корпораціи высшихъ, имѣющія цѣлью поднятіе низшихъ. Здѣсь проявляется начало дѣятельной любви (стр. 273—343).

Рядомъ съ этими элементами правильнаго развитія является, однако, и ихъ рознь, проистекающая изъ обособленія и противоположности интересовъ. Исключительность высшихъ классовъ проявляется прежде всего въ ограниченіи имущественныхъ правъ низшихъ классовъ. Воспрещаются неравные браки, вслѣдствіе которыхъ имущество высшихъ могло бы перейти въ руки низшихъ; установляется неотчуждаемость владѣній; воспрещаются товарищества низшихъ, имѣющія цѣлью улучшеніе ихъ состоянія. Затѣмъ, высшимъ присвоивается исключительная честь, а наконецъ исключительныя права или привилегіи. Съ своей стороны, низшіе классы предъявляютъ свои одностороннія притязанія: они требуютъ безусловнаго равенства имущества, чести и правъ. Пользуясь своимъ положеніемъ, высшіе классы захватываютъ государственную власть въ свои руки и обращаютъ ее въ орудіе своихъ выгодъ; установляется общественная деспотія, сопряженная съ несвободою низшихъ классовъ и съ исчезновеніемъ среднихъ. Тогда низшіе и высшіе остаются другъ противъ друга, и между ними возгорается борьба. Первую ея ступень составляетъ взаимная ненависть; затѣмъ организуются массы, съ одной стороны капиталисты, съ другой стороны пролетаріатъ; наконецъ, борьба рѣшается силою. Побѣда высшихъ классовъ ведетъ къ полному порабощенію низшихъ; порабощеніе же влечетъ за собою подрывъ энергіи въ массѣ и презрѣніе къ труду въ побѣдителяхъ, то-есть, внутреннее

разложеніе общества. Побѣда же низшихъ классовъ можетъ имѣть различныя послѣдствія. Побѣда чисто неимущей, грубой массы можетъ быть только минутная, ибо у нея нѣтъ средствъ поддержать свое положеніе. Если же масса недовольныхъ имѣетъ въ рукахъ довольно значительныя матеріальныя средства, то-есть, если къ ней примыкаетъ часть средняго класса, то побѣда достается ей легче и положеніе удерживается съ меньшимъ трудомъ. Масса имущихъ не требуетъ полнаго равенства, а довольствуется инымъ распредѣленіемъ общественныхъ благъ. Такой переворотъ становится началомъ новаго порядка вещей. При всемъ томъ, и онъ ведетъ къ разложенію общества. Нравственный порядокъ замѣняется господствомъ силы; вмѣсто уваженія къ духовнымъ благамъ, является стремленіе къ матеріальнымъ. Революціонныя эпохи неизбѣжно влекутъ за собою преобладаніе матеріализма, а матеріализмъ ведетъ къ разложенію общества.

Такимъ образомъ, общество само по себѣ неспособно сладить съ развивающимися въ немъ противоположными стремленіями. Оно естественнымъ ходомъ своего развитія разбивается на враждебныя другъ другу силы, которыя вступаютъ въ борьбу. Примиреніе возможно только подчиненіемъ ихъ другому, высшему союзу — государству (стр. 344—423).

На этомъ Штейнъ остановился; ученія объ общественныхъ формахъ онъ не издалъ. Причина этого перерыва заключается, повидимому, въ томъ, что самое понятіе объ общественныхъ формахъ у него не выяснилось. Во введеніи къ *Ученію объ обществѣ* онъ выводитъ ихъ изъ двоякаго вида собственности: поземельной и движимой. Каждой изъ этихъ видовъ даетъ двоякую форму, смотря по тому, преобладаетъ ли въ немъ имущественный или личный элементъ. Такимъ образомъ, изъ поземельной собственности вытекаютъ родовой и сословный порядокъ, изъ движимой—промышленный и классный. Но послѣдній, по теоріи, совпадаетъ съ раздѣленіемъ не по виду, а по размѣру владѣнія (стр. 40—46). Въ самомъ же изложеніи своего ученія Штейнъ, какъ мы уже видѣли, принимаетъ три формы: родовой порядокъ, сословный и промышленный, соотвѣтствующіе поземельной, духовной и промышленной собственности (стр. 210—211). Наконецъ въ *Ученіи объ управленіи* онъ послѣднюю форму называетъ *государственно-гражданскимъ порядкомъ* (Staatsbürgeliche Ordnung), при чемъ онъ всѣмъ тремъ формамъ даетъ

иное основаніе. Въ родовомъ порядкѣ общественное единство представляется родомъ и его главою; въ сословномъ общимъ занятіемъ подъ управленіемъ способнѣйшихъ; въ государственно-гражданскомъ выборнымъ главою, установляемымъ свободнымъ самоопредѣленіемъ всѣхъ (V. G., I, стр. 28) всѣхъ. Сообразно съ этимъ измѣненіемъ понятій измѣнился и взглядъ Штейна на послѣдовательность этихъ формъ. Въ *Ученіи объ обществѣ* онъ считаетъ каждую форму необходимымъ восполненіемъ другихъ, и видитъ высшее общественное устройство въ гармоническомъ сочетаніи всѣхъ трехъ (Gesell. стр. 430). Въ *Ученіи объ управленіи*, напротивъ, онъ полагаетъ цѣлью развитія полное и гармоническое самоопредѣленіе личности, которое достигается только въ государственно-гражданскомъ порядкѣ. Въ первыхъ двухъ лице подчиняется то роду, то сословію; поэтому эти формы низшія. Содержаніе общественнаго развитія составляетъ не ихъ сочетаніе, а ихъ послѣдовательность (V. G., I, стр. 29—30).

Всѣ эти неясности и противорѣчія объясняются тѣмъ, что Штейнъ хотѣлъ вывести эти формы исключительно изъ общественныхъ элементовъ, между тѣмъ какъ онѣ, очевидно, создаются вліяніемъ другихъ союзовъ, родовой порядокъ подъ вліяніемъ союза кровнаго, государственно-гражданскій подъ вліяніемъ государства. Самъ Штейнъ признаетъ, что государство, въ противоположность обществу, является носителемъ общихъ интересовъ, а потому должно имѣть стремленіе уравнять классы и даровать каждому лицу свободное и равное съ другими участіе въ общественныхъ функціяхъ (стр. 31). Слѣдовательно, господствующее въ государственно-гражданскомъ порядкѣ равенство есть дѣло не общества, а государства. Мы получаемъ здѣсь послѣдовательность трехъ союзовъ, установленныхъ Гегелемъ. Признавая эту послѣдовательность, которая оправдывается, какъ теоріею, такъ и исторіею, Штейнъ хотѣлъ объяснить ее исключительно развитіемъ того, что онъ называетъ обществомъ и черезъ это впалъ въ односторонность и въ противорѣчія.

Самыя выведенныя Штейномъ основныя начала общественной жизни, очевидно, принадлежатъ всѣмъ союзамъ. Сочетаніе нравственнаго порядка съ личнымъ интересомъ есть именно то, что Гегель назвалъ нравственностью въ тѣсномъ смыслѣ, и что лежитъ въ основаніи всякаго общежитія. Заслуга Штейна состоитъ въ томъ, что онъ подробно развилъ эти начала и указалъ на такія существенныя

стороны общественной жизни, которыя ускользали отъ другихъ. Его изслѣдованія, по самой своей новости и оригинальности, безъ сомнѣнія составляютъ значительное пріобрѣтеніе для науки. Но односторонній взглядъ на эти начала, какъ на принадлежащія исключительно обществу, опять же привелъ къ смѣшенію понятій. Ясно, что устройство военной силы, священство и судъ относятся частью къ государству, частью къ церкви. Оно можетъ опредѣляться и началами кровнаго союза, когда послѣдній является преобладающимъ, а наконецъ и началами гражданскаго союза, когда весь общественный бытъ строится по этому типу. При какихъ условіяхъ и въ какой послѣдовательности происходитъ то или другое, это можетъ указать только исторія. Поэтому, въ основаніе всѣхъ изслѣдованій подобнаго рода должно лежать всестороннее изученіе всемірной исторіи, которая раскрываетъ намъ взаимодѣйствіе всѣхъ общественныхъ элементовъ. Въ этомъ опять заключается коренной недостатокъ изслѣдованій Штейна. Выводы его лишены исторической провѣрки. Онъ идетъ чисто логическимъ путемъ, разлагая общественный бытъ на составные элементы и выводя изъ каждаго элемента логическія его послѣдствія. До конкретныхъ явленій, до того, что онъ называетъ дѣйствительнымъ обществомъ, онъ не дошелъ, потому что этимъ способомъ до него дойти нельзя. Отсюда неизбѣжная односторонность взглядовъ и стремленіе выдавать за непреложные законы то, что въ дѣйствительности видоизмѣняется дѣйствіемъ другихъ началъ.

Существеннымъ результатомъ ученія объ обществѣ можно считать то, что общество, предоставленное самому себѣ, въ силу необходимыхъ законовъ, развиваетъ изъ себя противоположные элементы, которые, имѣя враждебные другъ къ другу интересы, вступаютъ между собою въ борьбу. Примирить эти противоположности можно только подчиненіемъ ихъ высшему союзу, имѣющему своимъ началомъ уже не отдѣльную личность, а единство цѣлаго, то-есть, государству. Въ этомъ заключается основная мысль автора, мысль, проведенная имъ съ чрезвычайнымъ блескомъ и глубиною.

Въ построеніи государства Штейнъ опять слѣдуетъ системѣ Гегеля, хотя онъ самъ этого и не признаетъ. Государство, прежде всего, есть самостоятельная личность, оно имѣетъ своего рода *я*. Эта личность обладаетъ *волею*, и эта воля, посредствомъ *дѣятельности*, переносится на внѣшній міръ. Каждое изъ этихъ опредѣленій имѣ-

етъ и свой самостоятельный органъ. Личность государства выражается въ его главѣ, которая, при полнотѣ развитія, есть князь. Государственная воля проявляется въ законодательствѣ, государственная дѣятельность въ управленіи (V. G. I, стр. 8—13).

Сходство съ построеніемъ Гегеля очевидно. Также какъ Гегель, Штейнъ видитъ въ князѣ верховное сосредоточіе государства, личное начало, соединяющее въ себѣ законодательство и управленіе. Но князь не издаетъ законовъ и не управляетъ, а налагаетъ только печать личной государственной воли на всѣ акты законодательства и управленія (стр. 71—72). Также, какъ Гегель, Штейнъ соединяетъ судебную власть съ правительственною. Особенность его состоитъ въ томъ, что онъ въ самомъ управленіи различаетъ исполнительную власть отъ управленія. Первая представляетъ собою общее начало, переходъ отъ чистой воли къ исполненію; оно проявляется въ правѣ издавать постановленіе (Verordung), устраивать подчиненные органы и принуждать неповинующихся. Собственное же управленіе есть частная дѣятельность по исполненію различныхъ задачъ государства (стр. 40 и сл.). Это раздѣленіе остается однако чисто теоретическимъ, ибо исполнительная власть не имѣетъ самостоятельнаго органа, а смѣшивается во всѣхъ частяхъ съ самымъ управленіемъ (стр.50). Такимъ образомъ, оно не имѣетъ существеннаго значенія.

Главный вопросъ относительно управленія состоитъ въ отношеніи его къ законодательству. Штейнъ отвергаетъ смѣшеніе управленія съ простымъ исполненіемъ. Постановленіе должно выполнять законъ въ примѣненіи къ разнообразнымъ отношеніямъ жизни, замѣнять его тамъ, гдѣ онъ недостаточенъ, и наконецъ, иногда временно отмѣнять его, гдѣ этого требуетъ нужда. Поэтому исполнительная власть является самостоятельнымъ органомъ государства, и притомъ такимъ органомъ, который во многихъ отношеніяхъ смѣшивается съ законодательствомъ. Въ чемъ же состоитъ ихъ отличіе и ихъ взаимное отношеніе? Различіе начинается тамъ, гдѣ законъ является выраженіемъ свободы. Воля государства, въ высшемъ своемъ развитіи, должна воспринимать въ себя волю отдѣльныхъ лицъ. Это совершается посредствомъ народнаго представительства, которое становится участникомъ законодательства. Черезъ это законъ получаетъ высшее значеніе; онъ установляется содѣйствіемъ всѣхъ трехъ органовъ государства: законодательства, правительства и главы. Поста-

новленіе, напротивъ, издается безъ содѣйствія народнаго представительства. Законъ выражаетъ собою чистое самоопредѣленіе государства; въ постановленіи же государственная воля опредѣляется внѣшними обстоятельствами. Послѣдняя, поэтому, сохраняя свою самостоятельность, должна подчиняться первой. Правительство, не будучи простымъ орудіемъ законодательной власти, должно однако дѣйствовать въ томъ же духѣ, въ какомъ созданъ законъ. Между нимъ и законодательствомъ должна существовать постоянная связь (стр. 73—91). Эта связь установляется двоякимъ путемъ: съ одной стороны тѣмъ, что глава государства соединяетъ въ себѣ законодательство и управленіе, съ другой стороны тѣмъ, что руководители управленія, министры, отвѣтственны за свои дѣйствія. Монархъ не можетъ быть отвѣтственнымъ, ибо черезъ это онъ пересталъ бы быть главою государства. Но каждое издаваемое отъ его имени правительственное постановленіе должно носить на себѣ подпись министра, который этимъ свидѣтельствуетъ, что оно согласно съ закономъ и принимаетъ на себя за это отвѣтственность (стр. 137—139). Она можетъ быть двоякая: политическая, за общее направленіе политики, и юридическая, за то или другое дѣйствіе, несогласное съ закономъ. Послѣдняя приводитъ къ судебному преслѣдованію. Первая же имѣетъ въ виду установленіе согласія между законодательствомъ и правительствомъ. Въ случаѣ разногласія министры выходятъ въ отставку (стр. 339 и сл.).

При всемъ томъ, Штейнъ не стоитъ безусловно за парламентское правленіе. Онъ утверждаетъ, напротивъ, что управленіе не должно дѣйствовать въ духѣ партіи, а имѣть въ виду интересы всѣхъ. По его мнѣнію, парламентское правленіе приложимо только въ Англіи, потому что тамъ все управленіе находится въ рукахъ мѣстныхъ союзовъ, центральное правительство сохраняетъ чисто политическое значеніе (стр. 198—204). Но если требуется согласіе правительства, съ законодательствомъ, а въ послѣднемъ всегда преобладаетъ та или другая партія, то какимъ образомъ можно установить это согласіе помимо парламентскаго правленія? На это мы у Штейна не находимъ отвѣта.

Можно возразить и противъ нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ его теоріи, напримѣръ, противъ различенія законодательства и управленія единственно на основаніи формальнаго признака, что въ одномъ

участвуетъ народное представительство, а въ другомъ нѣтъ. Изъ этого слѣдовало бы, что въ самодержавныхъ государствахъ это различіе не существуетъ, что несправедливо, ибо для того и другого нерѣдко установляются различные органы. Точно также невѣрно положеніе, что въ свободныхъ государствахъ для установленія законовъ требуется согласіе всѣхъ трехъ факторовъ: согласіе министровъ вовсе не требуется; они подаютъ голосъ только какъ члены собранія. Можно замѣтить также, что Штейнъ въ иныхъ мѣстахъ отвергаетъ подчиненіе управленія законодательству, а въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, стоитъ за такое подчиненіе (стр. 75, 86, 91, 341). Тутъ есть очевидная неясность мысли. Но въ итогѣ воззрѣнія Штейна суть ничто иное, какъ теорія конституціонной монархіи, въ томъ видѣ, какъ она установилась въ XIX столѣтіи и какъ она принята была Гегелемъ.

Дальнѣйшее изложеніе началъ управленія выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи. Оно имѣетъ чисто спеціальное значеніе. Полной системы государственныхъ наукъ Штейнъ не выработалъ. По отдѣльнымъ частямъ у него встрѣчаются новыя и блестящія мысли; но самая разрозненность работъ нерѣдко ведетъ къ односторонности взглядовъ. Отдѣльныя положенія и выводы не всегда согласованы между собою, и все это не сведено въ одну стройную научную систему: Поэтому начатое имъ подъ вліяніемъ идей Гегеля изслѣдованіе общественной жизни требуетъ еще дальнѣйшей разработки.

Утопическій идеализмъ. Соціалисты.

1. РОДБЕРТУСЪ.

Идеализмъ, доведенный до крайности въ своемъ исключительномъ развитіи, переходитъ въ утопію. Подъ именемъ утопіи мы разумѣемъ чистый идеалъ, въ которомъ все частное, раздѣльное, составляющее содержаніе дѣйствительности, отрицается во имя высшаго единства. Здѣсь идеализмъ перестаетъ быть соглашеніемъ противоположностей; онъ становится чистымъ согласіемъ, отрицающимъ противоположности. Самостоятельность раздѣльнаго бытія исчезаетъ въ цѣломъ; лице погружается въ общую субстанцію и дѣлается страдательнымъ ея органомъ. А такъ какъ дѣйствительность противорѣчитъ такимъ

одностороннимъ требованіямъ, то создаются идеальныя построенія, составляющія плодъ фантазіи.

Такого рода построенія встрѣчаются въ разныхъ направленіяхъ мысли. Всякій односторонній мыслитель склоненъ отрицать дѣйствительность во имя своихъ исключительныхъ требованій. Но въ идеализмѣ созданіе утопій вытекаетъ, можно сказать, изъ самаго его существа и изъ законовъ его развитія. Изображеніе чистаго идеала составляетъ одно изъ необходимыхъ его проявленій. Это повторяется и въ древности, и въ средніе вѣка и въ новое время. Величайшій идеалистъ древняго міра Платонъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и первымъ утопистомъ. Но въ новѣйшее время это явленіе принимаетъ болѣе обширные размѣры, нежели когда бы то ни было. Утопія перестаетъ быть одинокою мечтою человѣколюбиваго мыслителя. Также какъ теорія свободы и равенства, она соединяется съ рѣзкою критикой существующаго порядка; она становится двигателемъ народныхъ страстей и источникомъ общественной опасности. Причина такого небывалаго общественнаго значенія, далеко не оправдывающагося содержаніемъ этихъ системъ, заключается въ томъ, что только въ наше время низшіе слои народа, къ которымъ преимущественно обращаются утописты, получили полную свободу и достигли той степени развитія, когда эти ученія могутъ быть имъ доступны, при чемъ однако они не обладаютъ достаточной зрѣлостью мысли, чтобы убѣдиться въ ихъ несостоятельности.

Вслѣдствіе этого отношенія къ народнымъ массамъ, соціализмъ естественно зародился и получилъ первое свое развитіе въ странѣ, которая была центромъ демократическаго броженія въ новѣйшее время, а именно, во Франціи. Однако и въ нѣмецкой философіи онъ имѣлъ своихъ представителей. Мы видѣли у Фихте, *въ Замкнутомъ торговомъ государствѣ*, проведеніе этой системы съ полною логическою послѣдовательностью. Но Гегель былъ далекъ отъ такой односторонности. Съ изумительною способностью къ отвлеченному мышленію онъ соединялъ здравое пониманіе дѣйствительности. Онъ признавалъ относительную самостоятельность частныхъ сферъ, а не стремился поглотить ихъ въ общей стихіи. Въ особенности онъ понималъ глубокое значеніе человѣческой личности и не приносилъ ея въ жертву общественному цѣлому. Развитіе свободы составляло для него содержаніе и цѣль всей человѣческой исторіи. Ближайшіе

его послѣдователи шли по проложенному имъ пути, и только позднѣйшіе гегельянцы, подъ вліяніемъ принесенныхъ извнѣ ученій, преступили указанныя имъ границы и пустились въ безбрежный океанъ утопическихъ мечтаній.

Первый крупный представитель соціализма въ Германіи вовсе даже не принадлежалъ къ школѣ Гегеля, а развился чисто подъ вліяніемъ французскихъ ученій. Это былъ Родбертусъ-Ягецовъ, сынъ нѣмецкаго профессора, но вмѣстѣ довольно крупный землевладѣлецъ и видный политическій дѣятель. Въ 1848 году онъ нѣкоторое время былъ даже прусскимъ министромъ. Это положеніе побуждало его входить въ нѣкоторые компромиссы съ существующимъ порядкомъ, но лишь относительно практическаго приложенія: въ теоріи онъ самымъ послѣдовательнымъ образомъ проводилъ соціалистическія начала. Нѣкоторые считаютъ его основателемъ научнаго соціализма [1]). Извѣстный профессоръ политической экономіи въ Берлинѣ, Адольфъ Вагнеръ, причисляетъ его даже къ величайшимъ мыслителямъ и говоритъ, что въ области экономической науки онъ стоитъ во главѣ всѣхъ [2]). Насколько онъ заслуживаетъ такого возвеличенія и насколько у него вообще есть научныхъ началъ, покажетъ изложеніе.

Первое сочиненіе, съ которымъ выступилъ Родбертусъ, носило заглавіе: *Zur Erkemitniss unserer Staatswirtschaftlichen Zustände* (Къ познанію нашего политико-экономическаго положенія). Оно вышло въ 1842 году. Затѣмъ, въ 1851 году, онъ подробнѣе развилъ свои взгляды въ письмахъ къ Кирхману, изъ которыхъ второе и третье, содержащія въ себѣ все существенное, онъ издалъ впослѣдствіи отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: *Zur Beleuchtung der Socialen Frage* (Къ выясненію соціальнаго вопроса). Позднѣе, въ 1868 году, по поводу возникшаго тогда вопроса о землевладѣльческомъ кредитѣ, онъ издалъ книгу, озаглавленную: *Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grunbesitses* (Къ выясненію и устраненію нынѣшней нужды въ землевладѣльческомъ кредитѣ). Здѣсь онъ мимоходомъ касается и самыхъ основаній землевладѣнія. Наконецъ, послѣ его смерти, Адольфомъ Вагнеромъ и Ко-

---

[1]) Адлеръ: Rodbertus, der Begründer des Wissenschaftlichen Socialismus. 1884.

[2]) Das Kapital, von Dr. Carl Rodbertus-Jagetzow. Berlin, 1884. Предисловіе, стр. VIII.

цаконъ издано было, въ 1884 году, не напечатанное четвертое письмо къ Кирхману, подъ заглавіемъ: *Das Kapital*. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ проводится одинъ и тотъ же взглядъ, заключающійся, въ сущности, въ весьма немногихъ основныхъ положеніяхъ.

Родбертусъ возстаетъ противъ существующей науки политической экономіи за то, что она исходитъ отъ единицъ и отъ нихъ возвышается къ общему, слагая ихъ математическимъ способомъ, между тѣмъ какъ надобно исходить отъ экономическаго цѣлаго и изъ него уже развивать и объяснять частные элементы. Общественное хозяйство не есть только сумма частныхъ хозяйствъ, а цѣльный организмъ, которымъ опредѣляются и значеніе частей. Поэтому наука должна начинать не съ личнаго труда, не съ частнаго капитала и частнаго произведенія, а съ *національнаго* или *общественнаго* труда, какъ совокупной дѣятельности всѣхъ связанныхъ между собою единицъ, съ *національнаго* капитала, какъ совокупности средствъ производства, находящихся въ чьихъ бы то ни было рукахъ, наконецъ, съ *національнаго* продукта, какъ результата этой совокупной дѣятельности. Только этимъ путемъ можно выяснить истинное отношеніе вещей, которое нынѣ представляется въ совершенно превратномъ видѣ [1]).

Такой упрекъ существующей экономической наукѣ очевидно беретъ свое начало въ созданіяхъ воображенія, а не въ изученіи реальныхъ явленій. Въ дѣйствительности работаетъ лице, а не общество, которое есть только общій терминъ для обозначенія совокупности лицъ. Единичному лицу принадлежатъ и разумъ и воля, направляющіе трудъ, и физическая сила, которая служитъ имъ орудіемъ; общество же, какъ цѣлое, всего этого лишено. Поэтому, говоря о трудѣ, непремѣнно надобно начать съ лица и затѣмъ выяснить взаимнодѣйствіе лицъ; это единственный научный путь. Начинать же съ національнаго труда, который ничто иное, какъ метафора, значитъ пробавляться риторикой. Это—не наука, а извращеніе науки. Столь же мало можно говорить о національномъ произведеніи въ смыслѣ принадлежности его цѣлому обществу. Если трудъ является источникомъ производства, то и произведеніе труда, очевидно, принадлежитъ частнымъ лицамъ, а не обществу. Свободныя лица могутъ соединять

[1]) Zur Beleuchtung, etc; стр. 26—27.

свои силы для совокупной работы; въ такомъ случаѣ вознагражде нie каждаго опредѣляется взаимнымъ договоромъ. Это—совершенно естественный и всюду признанный законъ. Если сдѣланное единичнымъ или совокупнымъ трудомъ произведенie обращается на новое производство, то-есть становится капиталомъ, то и капиталъ естественно принадлежитъ частнымъ лицамъ, а не обществу, которое тутъ не при чемъ. Національный капиталъ, въ смыслѣ совокупности всѣхъ существующихъ въ обществѣ средствъ производства, опять же есть только общій терминъ, а не реальное единство, точно также какъ когда мы говоримъ: портные или сапожники, мы не хотимъ сказать, что всѣ портные или сапожники въ данномъ государствѣ образуютъ реальную единицу, а обозначаемъ только извѣстный разрядъ лицъ. Наукѣ менѣе всего позволительно нарушать самыя элементарныя требованія логики.

На чемъ же основываетъ Робертусъ такое странное извращеніе понятій? На раздѣленіи труда. Онъ увѣряетъ, что какъ скоро установилось раздѣленіе труда, такъ всѣ эти понятія необходимо изъ него вытекаютъ, хотя бы, вслѣдствіе превратныхъ юридическихъ началъ, господствующихъ въ современныхъ обществахъ, дѣло представлялось въ совершенно иномъ видѣ. Экономисты, говоритъ Родбертусъ, всегда выставляютъ раздѣленіе труда не только съ чисто индивидуалистической стороны, но и съ мѣстной и технической точки зрѣнія, между тѣмъ какъ истинное значеніе раздѣленія труда лежитъ не въ индивидуализмѣ, а въ *коммунизмѣ*. Раздѣленіе труда должно называться *общеніемъ* труда, и притомъ на всемъ пространствѣ земнаго шара, гдѣ только люди находится въ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Каждое произведеніе проходитъ чрезъ различныя стадіи и каждая стадія раздѣляется на отдѣльныя отрасли, такъ что каждый работаетъ для всѣхъ и всѣ для каждаго. Изъ этого образуется единое органическое цѣлое, въ которомъ господствуетъ коммунизмъ работъ, и такъ какъ каждый въ ней участвуетъ, то, по существу дѣла, произведеніе принадлежитъ всѣмъ, хотя бы юридически оно присвоивалось отдѣльнымъ лицамъ. Законченныя произведенія составляютъ совокупный доходъ, который затѣмъ распредѣляется между отдѣльными лицами; это распредѣленіе, вслѣдствіе господствующихъ въ обществѣ юридическихъ началъ, можетъ быть неправильно: отдѣльнымъ лицамъ присвоивается что имъ вовсе не принадлежитъ;

но по существу дѣла общее производство составляетъ общее достояніе. Коммунизмъ лежитъ въ самой сущности раздѣленія труда и необходимо изъ него вытекаетъ [1]).

Такова вся аргументація Родбертуса. Очевидно, въ ней есть все, кромѣ логики. Раздѣленіе не есть соединеніе, а мѣна не есть коммунизмъ. Раздѣленіе труда, конечно, можетъ быть и при соединеніи силъ. Когда Адамъ Смитъ доказывалъ выгоды раздѣленія труда, онъ приводилъ примѣръ фабрики, на которой каждый рабочій дѣлаетъ только восьмнадцатую часть булавки; но именно это частное соединеніе силъ, производимое частнымъ капиталомъ, отвергается Родбертусомъ, какъ неподходящее явленіе. Онъ распространяетъ раздѣленіе труда на все пространство земнаго шара, но именно тутъ-то никакого коммунизма не оказывается. Даже въ отдѣльной сельской общинѣ, когда само собою, безъ такихъ принудительныхъ мѣръ, просто въ силу сознанія личной выгоды, устанавливается раздѣленіе труда, и одинъ занимается плотничествомъ, другой сапожнымъ мастерствомъ, третій дѣлается портнымъ, а масса остается при земледѣліи, никакого коммунизма работъ черезъ это не устанавливается. Говорить, что портной, сапожникъ, плотникъ и земледѣлецъ производятъ общую работу, значитъ изрекать слова, лишенные смысла. Родбертусъ увѣряетъ, что раздѣленіе труда есть явленіе государства и начинается съ нимъ (Z. E. стр. 138); но такое положеніе противорѣчитъ всему, что происходило и происходитъ въ дѣйствительности. Это—прямое извращеніе самыхъ очевидныхъ фактовъ. Еще менѣе это воззрѣніе приложимо къ обмѣну произведеній отдѣльныхъ странъ. Когда Китайцы производятъ чай и получаютъ за это европейскія издѣлія, или когда австралійская шерсть продается на американскій хлопокъ англійскимъ или нѣмецкимъ фабрикантамъ, которые дѣлаютъ изъ нихъ ткани, и эти ткани русскими ремесленниками превращаются въ платья по заказу потребителей, то никакого коммунизма работъ изъ этого не происходитъ и никакое органическое общество не образуется. Все это чистѣйшія фантазіи. Поэтому нѣтъ и совокупнаго дохода, который бы распредѣлялся между участниками въ работѣ. Когда русскій портной получаетъ

---

[1]) Das Kapital стр. 79 и слѣд. Тоже повторяется и во многихъ другихъ мѣстахъ.

плату за сюртукъ, сдѣланный изъ нѣмецкаго сукна, сотканнаго изъ австралійской шерсти, австралійскій пастухъ и нѣмецкій фабричный рабочій давно получили свое вознагражденіе. Въ дѣйствительности все происходитъ по совершенно инымъ началамъ, нежели тѣ, которыя развиваетъ Родбертусъ. Можно только удивляться способности человѣческаго ума превращать самыя простыя, очевидныя и всѣмъ понятныя вещи въ какой-то туманный бредъ, лишенный всякой реальной почвы.

Но это еще не все. Къ превратному пониманію самыхъ простыхъ и ясныхъ человѣческихъ отношеній присоединяется совершенно ложное экономическое начало. Оно состоитъ въ томъ, что одинъ трудъ производителенъ, а потому его хозяйственныя блага суть исключительно произведенія труда, и притомъ матеріальнаго (Z. B. стр. 68, 69). Это начало идетъ отъ англійскихъ экономистовъ. Въ противоположность физіократамъ, которые производительную силу приписывали исключительно природѣ, Адамъ Смитъ призналъ трудъ источникомъ ежегодно производимаго человѣческаго богатства. Это начало совершенно вѣрно въ томъ смыслѣ, что вещи, нужныя для потребленія производятся трудомъ или пріобрѣтаются отъ другихъ на произведеніе этого труда. Но онъ прибавилъ къ этому и другое гораздо менѣе вѣрное начало, именно, что трудъ служитъ самымъ точнымъ мѣриломъ цѣнности. Обыкновеннымъ мѣриломъ являются деньги въ видѣ благородныхъ металловъ; но цѣнность нашихъ металловъ измѣняется съ теченіемъ времени. Также колеблется и цѣнность зерноваго хлѣба. Трудъ же, по мнѣнію Смита, имѣетъ всегда одинакую цѣнность для работника, и если онъ можетъ купить на него большее или меньшее количество вещей, то измѣняется цѣнность послѣднихъ, а не перваго. Трудъ представляетъ реальную, а деньги только номинальную цѣнность товаровъ. При этомъ однако Адамъ Смитъ считалъ мѣриломъ мѣновой цѣнности не тотъ трудъ, который положенъ въ товаръ, а тотъ, который можно за него купить, ибо это именно имѣется въ виду всякимъ покупателемъ. Мало того, онъ признавалъ, что только въ первобытныхъ обществахъ цѣнность товаровъ можетъ измѣряться количествомъ положеннаго въ нихъ труда. Какъ же скоро накопляется капиталъ и земля становится достояніемъ частныхъ лицъ, такъ въ цѣнность произведеній входятъ и другіе элементы. Владѣлецъ капитала, обращая его въ

производство, требуетъ извѣстной прибыли. Самая величина заработной платы зависитъ отъ количества капиталовъ, предъявляющихъ спросъ на работу. Точно также и землевладѣлецъ отдаетъ землю подъ обработку только за извѣстную ренту. Такимъ образомъ, цѣна произведеній составляется изъ заработной платы, прибыли капитала и поземельной ренты. Средняя установившаяся въ обществѣ заработная плата, совокупно съ среднею прибылью и среднею рентою, образуетъ то, что можно назвать естественною цѣною товаровъ. Но можетъ быть и уклоненіе отъ этой нормы вслѣдствіе измѣненій предложенія и спроса, отъ которыхъ зависитъ колебаніе въ ту или другую сторону [1]).

Эти мысли Смита были еще болѣе обстоятельно развиты Рикардо. Онъ признавалъ, что вещи, находящіяся въ ограниченномъ количествѣ, имѣютъ цѣну независимо отъ положеннаго на нихъ труда; но онъ утверждалъ, что такихъ вещей немного, масса же произведеній, умножаемыхъ въ неограниченномъ количествѣ, стремятся, вслѣдствіе конкурренціи, къ цѣнѣ, равняющейся издержкамъ производства. Въ эти издержки входитъ заработная плата, возмѣщеніе затраченнаго капитала, вмѣстѣ съ процентами, наконецъ, поземельная рента. Но капиталъ есть произведеніе труда, обращенное на новое производство; слѣдовательно доходъ съ него является вознагражденіемъ прежняго, положеннаго на него труда. А такъ какъ процентъ, опять же въ силу конкурренціи, установляется одинакій для всѣхъ, то онъ не имѣетъ вліянія на *относительную* цѣнность товаровъ. Что же касается до поземельной ренты, то она, по теоріи Рикардо, опредѣляется разницею дохода съ лучшихъ и ближайшихъ земель противъ худшихъ и болѣе отдаленныхъ. Послѣдніе вознаграждаютъ только работу и капиталъ, а ренты не даютъ, а такъ какъ цѣна установляется общая для всѣхъ произведеній, съ какой бы земли она не получалась, то поземельная рента не играетъ здѣсь никакой роли: общая цѣна опредѣляется произведеніями худшихъ земель, на которыя положены только капиталы и трудъ. Такимъ образомъ и здѣсь трудъ является главнымъ опредѣляющимъ началомъ относительной цѣнности произведеній. Остальные факторы,

---

[1]) См. Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ. Кн. I. гл. 1—7.

какъ-то, большее или меньшее количество стоячаго капитала въ сравненіи съ оборотнымъ, только видоизмѣняютъ эти отношенія.

Каковы бы ни были недостатки этой теоріи, нельзя не признать, что она основана на серьезномъ и добросовѣстномъ изученіи фактовъ. Ни Смитъ, ни Рикардо не утверждали, что единственная цѣнность произведеній заключается въ количествѣ положеннаго на нихъ труда. Они не отрицали, что въ составъ ея входятъ и проценты съ капитала и поземельная рента. Теорія Рикардо доказываетъ, напротивъ, что въ цѣну произведеній съ земель, находящихся въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, непремѣнно входитъ поземельная рента. За эти уклоненія отъ чистаго начала труда соціалисты упрекаютъ означенныхъ экономистовъ въ непослѣдовательности. Но непослѣдовательность ихъ проистекаетъ единственно изъ того, что они были люди науки. Они не хотѣли проводить односторонняго начала во что бы ни стало, вопреки очевидности. Они поправляли и видоизмѣняли его тамъ, *гдѣ этого* требовали изученныя ими явленія. Поэтому ихъ изслѣдованія остались прочнымъ достояніемъ науки.

Совсѣмъ иначе поступаютъ соціалисты. Ухватившись за одностороннее начало труда, они утверждаютъ, что онъ составляетъ единственный источникъ производства и что только имъ опредѣляется цѣнность произведеній. Участіе въ производствѣ природы и капитала отвергается ими всецѣло. Родбертусъ увѣряетъ, что кто въ хозяйственныхъ благахъ видитъ что-либо иное, кромѣ произведеній труда, тотъ смотритъ на нихъ съ точки зрѣнія естественной исторіи, а не хозяйства. Если природа облегчаетъ трудъ человѣка, то онъ можетъ быть ей за это благодаренъ, но хозяйство обращаетъ на нихъ вниманіе лишь настолько, насколько трудъ довершилъ дѣло природы. Только въ силу этого начала и для него блага становятся хозяйственными (Z. B. стр. 69; ср. Z. E. стр. 6, тоже стр. 67, прим.).

Такой взглядъ не можетъ не привесть въ изумленіе. Пока силы и произведенія природы не обращены на пользу человѣка, онѣ, безспорно, имѣютъ только естественно историческое значеніе, но какъ скоро онѣ служатъ человѣческимъ цѣлямъ и потребностямъ, отрицать хозяйственное ихъ значеніе значитъ идти наперекоръ самымъ очевиднымъ истинамъ. Трудъ не только восполняетъ и довершаетъ дѣйствія природы, но онъ самъ довершается дѣйствіемъ при-

роды. Человѣкъ пашетъ и сѣетъ, а природа взращаетъ плоды, и притомъ весьма неравномѣрно, что очень чувствительно отражается на хозяйствѣ. Если на обработку двухъ десятинъ, хорошей и плохой земли, положено одинакое количество труда, и на одной родилось вдвое болѣе, нежели на другой, то невозможно утверждать, что хозяйственное значеніе имѣетъ здѣсь единственно трудъ, а не содѣйствующая ему сила природы. Это значитъ издѣваться надъ читателемъ. И самая произведенная цѣнность будетъ разная, ибо собранный хлѣбъ будетъ проданъ по одной и той же цѣнѣ, но одинъ землепашецъ, при одинакой работѣ, получилъ его вдвое больше другаго. Очевидно, что этотъ избытокъ хозяйственныхъ благъ и соотвѣтствующихъ имъ цѣнностей опредѣляется не работою, а дѣйствіемъ силъ природы.

Это до такой степени ясно, что сами соціалисты принуждены это признать. Но они утверждаютъ, что въ этомъ случаѣ дѣйствіе силъ природы состоитъ единственно въ томъ, что онѣ дѣлаютъ работу болѣе производительною. Хозяйственное значеніе принадлежитъ все-таки исключительно послѣдней. Но что значитъ слово *производительность*? Означаетъ ли оно производство полезностей или мѣновыхъ цѣнностей? Очевидно первое, ибо производительность работъ состоитъ именно въ томъ, что при одинакомъ ея количествѣ, слѣдовательно, по опредѣленію соціалистовъ, при одинакой цѣнности произведеній, получается ихъ большая сумма. Но отчего зависитъ эта большая сумма? На это, отвѣчаетъ самъ Родбертусъ: «производительность только потому можетъ увеличиваться, что природа все болѣе приходитъ на помощь труду, что человѣкъ заставляетъ отчасти природу работать за себя. Если двое съ одинакимъ усиліемъ и въ одно время срываютъ плоды, одинъ съ плодовитаго, а другой съ скуднаго дерева, то первый, при одинакой работѣ, сорветъ больше нежели другой, получитъ больше произведеній. Его работа производительнѣе, потому что въ его деревѣ природа болѣе пришла ему на помощь, нежели другому» [1]). Очевидно, что тутъ производительнѣе природа, а не трудъ. Дѣйствіемъ силъ природы, а не рукъ человѣческихъ растетъ дерево, спѣетъ плодъ, родится теленокъ. Если эти предметы составляютъ для человѣка хозяйственныя блага, и

---

[1]) Das Kapital, стр. 236.

потому самому имѣютъ цѣнность, приписывать произведеніе этихъ благъ исключительно труду, и утверждать, что силы природы никакого хозяйственнаго значенія не имѣютъ, значитъ идти наперекоръ самому простому здравому смыслу.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и о капиталѣ. Когда машина дѣлаетъ въ сто, въ тысячу разъ болѣе, нежели могли бы сдѣлать люди своими руками, то невозможно утверждать, что машина сама не работаетъ и ничего не производитъ, а только дѣлаетъ работу людей болѣе производительною. Значеніе машины состоитъ именно въ томъ, что она работу людей замѣняетъ дѣйствіемъ силъ природы. Вслѣдствіе этого работа взрослыхъ и умѣлыхъ людей нерѣдко замѣняется работою малолѣтнихъ; откуда же у послѣднихъ взялась большая производительность, когда у нихъ и меньше силы и меньше умѣнія? По теоріи соціалистовъ выходитъ, что машина сама не работаетъ, а только дѣлаетъ болѣе производительною работу кочегара. Когда люди силою своихъ мышцъ двигаютъ жернова, эта работа производительная, но когда тоже самое движеніе производится рабочею лошадью, вѣтромъ, водою или паромъ, это—работа непроизводительная. Такого рода воззрѣнія сами себя опровергаютъ.

Самъ Родбертусъ принужденъ признать, что производительность работъ зависитъ отъ того, что природа привлекается къ совмѣстной работѣ (Das Kapital, стр. 253); но все-таки это возвышеніе производительности онъ приписываетъ не капиталу, а положенной на него работы. «Эта большая производительность»,—говоритъ онъ,—лежитъ не въ орудіи, а въ работѣ, равно той, которая создала орудіе, какъ и той, которая умѣетъ имъ пользоваться» (стр. 265). Онъ настаиваетъ на томъ, что это возвышеніе производительности «не слѣдуетъ разсматривать такъ, какъ будто производительнѣе стала только работа тѣхъ, которые употребляютъ орудія, и производительность, возрастая, лежитъ въ орудіяхъ; но вся работа соединенныхъ лицъ, какъ тѣхъ, которыя создали орудія, такъ и тѣхъ, которыя ихъ употребляютъ, стала производительнѣе». (тамъ же).

Ясно, однако, что прошедшая работа перестала существовать и воплотилась въ созданномъ ею орудіи. Если она становится производительнѣе, то эта большая производительность заключается единственно въ орудіи, то-есть, въ капиталѣ; и если, черезъ это, дальнѣйшая работа становится производительнѣе, то это зависитъ отъ

пособія, которое дается ей капиталомъ, то-есть, отъ участія послѣдняго въ производствѣ. Но именно этого Родбертусъ не хочетъ допустить. Въ противорѣчіе съ собственными признаніями, онъ утверждаетъ, что предшествующая работа, положенная на произведеніе орудія и послѣдующая, состоящая въ обработкѣ матеріала съ помощью этого орудія, находятся другъ къ другу только въ отношеніи послѣдовательности, а отнюдь не причинности. «Капиталъ, какъ предшествующая работа, за которою должна слѣдовать другая, какъ продуктъ, обращенный на новое производство, какъ матеріалы и орудія, никоимъ образомъ не можетъ относиться къ доходу; то-есть, къ совершенной работѣ, къ готовому продукту, къ матеріаламъ и орудіямъ, служащимъ для непосредственнаго потребленія, какъ источникъ къ вытекающимъ изъ него водамъ, или какъ причина къ слѣдствію, или же только какъ производящая сила къ произведенію» (стр. 250). И далѣе: «Капиталъ и доходъ, очевидно, стоятъ только въ порядкѣ послѣдовательности»... «Капиталъ есть ничто иное, какъ первая стадія дохода» (стр. 252, 253). Ясно, что одно противорѣчитъ другому: если это только рядъ послѣдовательныхъ работъ, то отъ предшествующей работы производительность послѣдующей не прибавится ни на грошъ; если же предшествующая работа, подчиняя силы природы человѣку, заставляетъ ихъ работать на его пользу и тѣмъ дѣлаетъ новую работу болѣе производительною, то тутъ есть отношеніе причинности, а не только послѣдовательности, и тогда капиталъ становится совмѣстнымъ дѣятелемъ производства, производящей силой, умножающею количество произведеній. Послѣднее и есть истинное отношеніе вещей, первое же есть не болѣе, какъ недобросовѣстная увертка, придуманная для того, чтобы отдѣлаться отъ неотразимыхъ выводовъ, ниспровергающихъ всю теорію.

Столь же несостоятеленъ и другой доводъ Родбертуса противъ производительной силы капитала. Если бы это свойство ему принадлежало, говоритъ онъ, то надобно приписать его даже малѣйшей его части. Въ такомъ случаѣ надобно сказать, что палка, которою дикій сбиваетъ плоды, составляетъ источникъ дохода (стр. 750); надобно приложить это и къ матеріалу, который не составляетъ часть капитала: надобно признать, что дерево, изъ котораго дѣлается столъ, относится къ послѣднему, какъ причина къ слѣдствію, или что столъ есть произведеніе дерева (стр. 252). Но гдѣ-же тутъ логика? Изъ

того, что матеріалъ не относится къ произведенію, какъ причина къ слѣдствію, вовсе не слѣдуетъ, что это понятіе не приложимо къ машинѣ. Капиталъ составляется изъ разныхъ частей, имѣющихъ разное назначеніе. Въ философіи принято даже названіе причины матеріальной. Самыя орудія имѣютъ разное значеніе: игла является страдательнымъ орудіемъ въ рукахъ человѣка; напротивъ, паровая машина сама есть движущая сила, слѣдовательно дѣятельная причина производства. Поэтому введеніе машинъ даетъ производству совершенно новый характеръ: въ ремеслѣ двигатель есть рабочій, а орудіе имѣетъ значеніе служебное; на фабрикѣ, напротивъ, главный двигатель есть машина, а рабочіе получаютъ при ней служебное значеніе. Съ развитіемъ производства совмѣстнымъ дѣйствіемъ капитала и работы, первый получаетъ все болѣе и болѣе преобладающее значеніе, а физическая работа человѣка становится въ болѣе и болѣе подчиненное положеніе.

При такихъ условіяхъ всего менѣе позволительно утверждать, что единственная производящая сила въ промышленномъ мірѣ состоитъ въ физической работѣ человѣческихъ рукъ, и что все остальное имѣетъ только косвенное отношеніе къ производству. Чтобы доказать это положеніе, Родбертусъ опять прибѣгаетъ къ началу, заимствованному у англійскихъ экономистовъ, но придавая ему совершенно извращенное значеніе. Наблюдая то, что происходитъ въ промышленномъ мірѣ, Рикардо утверждалъ, что вслѣдствіе конкурренціи, цѣны произведеній постоянно стремятся къ уровню издержекъ производства, включая въ послѣднія и обычный процентъ съ капитала и поземельную ренту. Родбертусъ ухватывается за это начало, но даетъ ему совершенно иной оборотъ. Что такое издержки? спрашиваетъ онъ. Въ этомъ понятіи заключаются два элемента: съ одной стороны затрата, которая уже не можетъ быть сдѣлана для другаго, съ другой стороны субъектъ, котораго постигаетъ эта затрата. Изъ послѣдняго начала слѣдуетъ, что издержки могутъ относиться только къ человѣку. Къ природѣ, какъ силѣ дѣятельной въ производствѣ, это понятіе относиться не можетъ, ибо сила ея безконечна и неразрушима. Матеріалъ, употребленный для извѣстнаго продукта, конечно, не можетъ уже быть употребленъ для другаго; но нужно олицетворить природу для того, чтобы говорить въ этомъ смыслѣ о ея издержкахъ. Человѣку же матеріалъ дается даромъ; собственныя его

издержки состоятъ въ затратѣ силъ, которыя онъ употребляетъ для обращенія матеріала на свои нужды. Но и въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, говоритъ Родбертусъ, надобно различать два элемента: «участіе духа въ производствѣ никогда не можетъ быть названо затратой». Мысль, вносимая въ производство, столь же неограниченна и неразрушима, какъ и руководство работой. И то и другое остается въ той же полнотѣ, какъ оно было до производства. Слѣдовательно, затратой можетъ считаться только физическая сила и время; то и другое принадлежитъ человѣку въ ограниченномъ количествѣ, въ противоположность безконечному ряду благъ, которыя требуются для удовлетворенія его нуждъ. А потому истиннымъ мѣриломъ издержекъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и цѣнностей, должно служить измѣряемое временемъ количество физическаго труда (Z. E. стр. 7, 8).

Такимъ образомъ, мысль и воля, то, что даетъ производству истинно человѣческое значеніе, что покоряетъ природу и дѣлаетъ человѣка царемъ земли, все это однимъ почеркомъ пера устраняется изъ промышленной дѣятельности. Остается лишь то, что наравнѣ съ человѣкомъ можетъ дѣлать машина или рабочій скотъ. Подъ видомъ возвеличенія, человѣкъ низводится къ ихъ уровню. Но тогда становится уже совершенно непонятнымъ, почему физическое передвиженіе, производимое человѣкомъ, считается производительнымъ, а то же самое передвиженіе, производимое рабочимъ скотомъ или машиной, признается непроизводительнымъ. Едва ли нужно доказывать, что эти жалкіе софизмы представляютъ только полное извращеніе истиннаго отношенія вещей. Всякому понятно, что именно мысль и воля составляютъ высшія производительныя силы человѣка, въ промышленномъ мірѣ, какъ и во всемъ остальномъ. Истинный производитель есть инженеръ, который строитъ машину или желѣзную дорогу, а не кочегаръ и не землекопы, которые при нихъ работаютъ. Послѣднимъ принадлежитъ ихъ скромная доля въ исполняемой работѣ, но назначеніе ихъ чистослужебное. Они, по чужому указанію, тратятъ свою мышечную силу и время, и за это получаютъ соотвѣтствующее работѣ вознагражденіе; но утверждать, что вся цѣнность произведеній зависитъ отъ этого чисто механическаго труда, а не отъ мысли и воли, устрояющихъ и направляющихъ производство въ виду удовлетворенія человѣческихъ потребностей, можно только отказавшись отъ всякаго здраваго смысла.

Самъ Родбертусъ принужденъ признать полезность этихъ руководящихъ силъ въ промышленномъ производствѣ. «Нужны не только знанія, но и нравственная сила и дѣятельность для того, чтобы въ извѣстномъ производствѣ успѣшно руководить раздѣленіемъ операцій массы рабочихъ», говоритъ онъ. «Тѣже качества требуются для изслѣдованія потребностей рынка, для сообразнаго съ этимъ употребленія средствъ и для скораго удовлетворенія общественныхъ нуждъ. Рѣдко землевладѣлецъ или капиталистъ не является въ этомъ смыслѣ дѣятельнымъ въ какомъ-либо отношеніи. Такого рода услуги производительный рабочій самъ не оказываетъ, да и не можетъ оказывать по характеру своего занятія. А между тѣмъ, они въ національномъ производствѣ безусловно необходимы. Поэтому, пока, вообще, всякая обязательная услуга въ правѣ требовать вознагражденія, никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что капиталисты и землевладѣльцы, предприниматели и руководители предпріятій могутъ требовать платы за означенныя полезныя и необходимыя услуги, оказанныя обществу, также какъ и всякій другой за полезныя услуги другаго рода. Они могутъ дѣлать это съ такимъ же правомъ, какъ, напримѣръ, министръ торговли или общественныхъ работъ, предполагая, что они исполняютъ свои обязанности». Но, продолжаетъ Родбертусъ, эти услуги, также какъ услуги судей, учителей, медиковъ и т. п., могутъ получать свое вознагражденіе только изъ произведеній труда рабочихъ, ибо иного источника матеріальнаго богатства нѣтъ» (Z. B. стр. 146).

Въ дѣйствительности, разница между этими разрядами лицъ заключается въ томъ, что медики, учителя и судьи не участвуютъ въ промышленномъ производствѣ, а оказываютъ обществу и частнымъ лицамъ другаго рода услуги, за которыя и получаютъ соотвѣтственное вознагражденіе. Землевладѣльцы же и капиталисты основываютъ и ведутъ предпріятія по собственному почину, на собственныя средства и на свой собственный страхъ и рискъ. Они изслѣдуютъ потребности, разсчитываютъ цѣли и средства, даютъ направленіе дѣлу; если расчетъ былъ вѣренъ и обстоятельства оказываются благопріятными, то они получаютъ барышъ; иначе ихъ постигнетъ убытокъ. Они не оказываютъ услугъ фантастическому обществу и не получаютъ отъ него вознагражденія, а ищутъ своихъ выгодъ, стараясь удовлетворить потребителей. Если это имъ удается, они тѣмъ самымъ

получаютъ возмѣщеніе своихъ издержекъ и большій или меньшій барышъ: если нѣтъ, то они теряютъ часть своего состоянія. Рабочій же, исполняющій извѣстную работу по договору, получаетъ за нее вознагражденіе, а принесетъ ли предпріятіе выгоды или убытокъ, это до него не касается. Все это составляетъ естественное и необходимое послѣдствіе свободнаго движенія промышленныхъ силъ. Какъ разумное существо, человѣкъ является свободнымъ и въ промышленной дѣятельности. Ему принадлежатъ и почпнъ, и направленіе, и результаты.

Но именно противъ этого свободнаго развитія промышленности возстаетъ Родбертусъ. По его мнѣнію, «предоставленное себѣ производство» основано на совершенно ложныхъ юридическихъ началахъ, имѣющихъ только преходящее значеніе. По теоріи, рабочіе суть единственные производители, а между тѣмъ, ихъ произведенія присвоиваются не имъ и не обществу, основанному на раздѣленіи труда, а совершенно постороннимъ частнымъ лицамъ, которыя, будучи владѣльцами земли и капитала, получаютъ доходъ безъ всякаго труда. Опираясь на установленное положительными законами право частной собственности на землю и на орудія производства, они присвоиваютъ себѣ все произведенное рабочими, отдавая послѣднимъ только малую часть ихъ собственныхъ произведеній, сколько необходимо для скуднаго ихъ пропитанія; львиную же часть они оставляютъ себѣ. Отсюда проистекаетъ нищета однихъ при чрезмѣрномъ обогащеніи другихъ (Z.-E. стр. 72 сл.; Z. B. стр. 79).

Какимъ же образомъ могло произойти такое совершенно неправильное распредѣленіе богатства? Родбертусъ объясняетъ это исторически. Пока работа давала только то, что нужно для пропитанія человѣка, никто не могъ пользоваться плодами чужого труда. Таково положеніе охотничьихъ народовъ. Но какъ скоро, съ переходомъ къ земледѣлію, работа стала такъ производительна, что она могла удовлетворять не только собственныя нужды работника, но и чужія, такъ явилось поползновеніе заставить другихъ работать на себя. Отецъ семейства поработилъ жену и дѣтей; сильные покорили слабыхъ. Вмѣсто того, чтобы убивать враговъ на войнѣ, стали обращать ихъ въ рабство. На этомъ отношеніи была основана вся промышленность древняго міра. Затѣмъ рабство перешло въ крѣпостное состояніе, а наконецъ, въ новѣйшее время, рабочіе получили свободу. Но въ это время и

земля и капиталы были уже подѣлены между частными лицами; сами они были выпущены на свободу съ пустыми руками, голые или въ рубищахъ. Вслѣдствіе этого, землевладѣльцы и капиталисты могли предписывать имъ какое угодно условіе; побуждаемые голодомъ, они принуждены были на все соглашаться. Работа, какъ товаръ, стала продаваться на рынкѣ по цѣнѣ стоимости ея производства, то-есть, за пропитаніе, потребное для поддержанія жизни и для продолженія рода. Все остальное землевладѣльцы и капиталисты присвоиваютъ себѣ подъ видомъ поземельной ренты и процента съ капитала. И чѣмъ производительнѣе становится работа, тѣмъ меньшая доля совокупнаго произведенія достается рабочимъ, которые всегда держатся на краю нищеты. Умножающійся избытокъ ихъ произведеній весь поглощается паразитами (Z. B. стр. 33, 80 и сл.).

Такова теорія, которую доселѣ на всѣ лады повторяютъ соціалисты. Всякій, знакомый съ исторіей и современнымъ положеніемъ вещей, знаетъ однако, что дѣло происходило не совсѣмъ такъ, какъ представляетъ его Родбертусъ. Далеко не вездѣ землевладѣніе явилось плодомъ завоеванія. Даже тамъ, гдѣ оно первоначально было пріобрѣтено путемъ насилія, оно, съ утвержденіемъ законнаго порядка, переходило въ другія руки на совершенно правильныхъ основаніяхъ. Въ большей части европейскихъ странъ крестьяне посредствомъ выкупа повинностей пріобрѣли въ полную собственность ту землю, которую они сами обработывали. Казалось бы, трудно найти болѣе справедливое основаніе поземельной собственности. Другіе пріобрѣли земли на собственныя средства. Во Франціи, во время Революціи, церковныя земли были отобраны и запроданы государствомъ большею частью мелкимъ собственникамъ. Наконецъ, въ новыхъ странахъ занятіе и покупка пустыхъ земель совершаются ежедневно. Тіэръ, въ своей книгѣ о собственности, указывалъ на примѣры американскихъ переселенцевъ, которые привозятъ изъ Европы только свои руки, пару орудій и средства жизни на нѣсколько мѣсяцевъ, и съ этимъ достояніемъ поселяются въ первобытныхъ лѣсахъ, гдѣ живутъ только дикіе звѣри. На это Родбертусъ отвѣчаетъ, что руки тутъ не при чемъ, а все дѣло въ привезенномъ съ собою маленькомъ капиталѣ, которымъ уже *очерчено* начало работы. Этотъ капиталъ составляетъ уже плодъ *вымогательства*, а безъ него отдѣльный человѣкъ ничего не въ состояніи сдѣлать (Z. B. стр. 83—84),

какъ будто переселяющійся рабочій не могъ накопить маленькій капиталъ изъ своего собственнаго заработка, слѣдовательно безъ малѣйшаго вымогательства, въ Европѣ и въ самой Америкѣ! Когда читаемъ подобныя воззрѣнія, въ которыхъ мысль замѣняется пустою декламаціей, то невольно спрашиваешь себя: неужели серьезный человѣкъ могъ добросовѣстно думать и писать такія вещи?

По существу своему, землевладѣніе основано на правѣ человѣка подчинять себѣ и обращать въ свою пользу ни кому непринадлежащія силы природы. Отсюда первоначальное право охоты, рыбной ловли, собиранія плодовъ. Отсюда и право занятія пустопорожнихъ земель. Когда же съ землей соединился трудъ, посредствомъ огороженія, расчистки, распашки, то на ней лежитъ уже часть человѣческой личности и она принадлежитъ лицу неотъемлено. Онъ можетъ обрабатывать ее самъ или передать ее другому по взаимному уговору. Онъ можетъ даже совершенно продать ее другому лицу и тогда новый владѣлецъ вступаетъ во всѣ права прежняго и получаетъ весь тотъ доходъ, который могутъ дать производительныя силы земли. Все это совершенно просто, ясно и согласно съ требованіями справедливости, а потому признается всѣми законодательствами въ мірѣ. Землевладѣніе, въ разныхъ формахъ, всегда было, есть и будетъ однимъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ человѣческаго общежитія и однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ промышленнаго производства. Только соціалисты, отрицающіе все дѣйствительное во имя своихъ праздныхъ фантазій, не хотятъ этого признавать.

Еще болѣе это относится къ капиталу. По признанному экономистами и соціалистами опредѣленію, капиталъ есть произведеніе, обращенное на новое производство. Какъ произведеніе, онъ является плодомъ работы, въ чемъ согласны экономисты, которые опредѣляютъ капиталъ, какъ накопленную работу. Но для того, чтобы это произведеніе было обращено на новое производство, надобно прежде всего, чтобы оно было сохранено, и при томъ не на первый только разъ, а постоянно: капиталъ остается постояннымъ элементомъ производства и затрата его должна возмѣщаться изъ цѣнности произведеній; поэтому сохраненіе его является постояннымъ требованіемъ. А такъ какъ всякое дальнѣйшее развитіе производства возможно только вслѣдствіе увеличенія капитала, то къ сохраненію должно присоединиться и накопленіе. Поэтому экономисты утверждаютъ, что

капиталы создаются сбереженіемъ и накопленіемъ. Это такъ просто и ясно, что, казалось бы, тутъ нѣтъ мѣста для возраженій. Но именно противъ этого всѣми силами ополчаются соціалисты, ибо въ такомъ случаѣ капиталъ очевидно принадлежитъ тому, кто его сберегъ и накопилъ. Чтобъ избѣгнуть этого вывода, Родбертусъ отличаетъ *національный* капиталъ и *частный*. Первый состоитъ въ матеріалахъ и орудіяхъ, всегда и вездѣ необходимыхъ для всякаго производства; послѣдній же заключаетъ въ себѣ денежныя средства, нужныя частному предпринимателю для покупки матеріаловъ и для найма рабочихъ. Только первый есть капиталъ въ истинномъ смыслѣ; но именно онъ создается, возстановляется и умножается трудомъ, а отнюдь не сбереженіемъ или накопленіемъ. Матеріалы и орудія сберегать нельзя; назначеніе ихъ состоитъ именно въ томъ, что они затрачиваются въ новомъ производствѣ [1]). Сберегаются деньги, но они, въ сущности, не составляютъ даже капитала: какъ служащія для непосредственнаго потребленія общества, ихъ слѣдуетъ причислять къ доходу (D. K. стр. 293, 294). Въ хозяйствѣ единичнаго лица этотъ частный капиталъ даже вовсе ненуженъ, ибо хозяинъ самъ производитъ свои матеріалы и орудія и самъ примѣняетъ къ нимъ дальнѣйшую работу. Точно также денежный фондъ не нуженъ въ хозяйствѣ, гдѣ весь капиталъ принадлежитъ государству. Здѣсь, вмѣсто закупки матеріаловъ, требуются только распоряженія объ обращеніи ихъ на дальнѣйшее производство, а вмѣсто заработной платы рабочимъ выдаются ярлычки, дающіе имъ право на полученіе извѣстнаго количества произведеній. Частный капиталъ, по мнѣнію Родбертуса, есть не болѣе, какъ преходящее явленіе, вызванное неправильнымъ распредѣленіемъ собственности при частномъ производствѣ. Но и тутъ сбереженіе не составляетъ никакой заслуги, ибо капиталисты сберегаютъ не свои, а чужія произведенія, то, что неправильно отнято у рабочихъ. По существу дѣла, они являются только хранителями общественнаго достоянія, служителями общества, а потому сбереженіе составляетъ для нихъ прямую *обязанность*. Дѣлать же эту обязанность основаніемъ права, говоритъ Родбертусъ, есть величайшая путаница понятій, въ которой когда-либо была

---

[1]) Zur Erklärung und Abhülfe etc. стр. 281 и слѣд. Das Kapital стр. 255 и слѣд.

повинна какая-либо наука (Z. E. и сл. стр. 295). Что касается до рабочихъ и чиновниковъ, то они не *должны* сберегать; это было бы самовольнымъ умаленіемъ всего національнаго потребленія. Поэтому правильный національно-экономическій инстинктъ воздерживаетъ рабочихъ отъ сбереженій изъ ихъ заработной платы (стр. 290, прим.).

Это различіе между національнымъ капиталомъ и частнымъ Родбертусъ считаетъ важнымъ *открытіемъ*, которое должно бросить новый свѣтъ на темныя доселѣ области общественнаго развитія. Поэтому онъ ревниво утверждаетъ за собою право первенства въ этомъ открытіи (стр. 301, прим.). Нужно, однако, немного размышленія, чтобы убѣдиться, что это важное открытіе въ сущности есть полнѣйшая безсмыслица. Для самого простаго здраваго смысла ясно, что частный капиталъ есть капиталъ, принадлежащій частнымъ лицамъ, состоитъ ли онъ изъ денегъ, изъ матеріаловъ или орудій. Выдѣлять же два послѣдніе разряда подъ именемъ національнаго капитала нѣтъ ни малѣйшаго основанія, это не болѣе, какъ пустая фантазія. Общество, какъ цѣлое, то-есть государство, имѣетъ принадлежащіе ему капиталы, которые, точно также, какъ частные, могутъ состоять изъ денегъ, матеріаловъ, орудій, зданій, дорогъ; но они составляютъ нѣчто совершенно отдѣльное отъ капиталовъ частныхъ лицъ. Эти государственные капиталы ввѣряются въ управленіе должностнымъ лицамъ, которыя черезъ это становятся хранителями и распорядителями общественнаго достоянія. Но все это до частныхъ капиталовъ не относится. Владѣльцы послѣднихъ не получили ихъ отъ государства, а создали ихъ собственнымъ трудомъ и сбереженіемъ, или же получили ихъ по наслѣдству отъ родителей. Поэтому они могутъ распоряжаться ими, какъ угодно; обладаніе ими есть *право*, а не *обязанность*. Та колоссальная путаница понятій, въ которой Родбертусъ упрекаетъ экономическую науку, существуетъ только въ собственной его головѣ. Экономическія, юридическія и нравственныя понятія смѣшиваются въ ней такъ, что все покрывается непроницаемымъ туманомъ, въ которомъ виднѣются только какіе-то блуждающіе призраки. Столь же несостоятельно утвержденіе, будто капиталисты сберегаютъ только плоды прежней работы. Если я пріобрѣлъ и построилъ машину, то она, по праву, принадлежитъ мнѣ, а не рабочимъ, которые строили ее по моимъ указаніямъ и подъ моимъ руководствомъ. Если же я продалъ ее другому

лицу, то она принадлежитъ ему, а не обществу, которое тутъ не при чемъ. И если, далѣе, я вырученную за продажу или за наемъ машины сумму не употребляю на свои надобности, а сберегаю и употребляю на устройство новыхъ машинъ, то и послѣднія, по праву, принадлежатъ мнѣ, а не рабочимъ и не обществу. Все это до такой степени просто и ясно, что не можетъ оставлять мѣста ни для малѣйшаго сомнѣнія.

Кромѣ машинъ, нужны деньги для покупки матеріаловъ и для уплаты рабочимъ, и для этого опять требуется капиталъ. Въ воображаемомъ хозяйствѣ единичнаго лица, конечно, эта потребность отпадаетъ, ибо тутъ не происходитъ никакого обмѣна и никакой расплаты. Точно также въ фантастическомъ хозяйствѣ, въ которомъ государство одно является производителемъ, можно деньги замѣнить распоряженіями и привычками, но въ дѣйствительныхъ условіяхъ человѣческой жизни, при свободной дѣятельности свободныхъ людей, безъ нихъ обойтись невозможно. Фабрикантъ долженъ купить матеріалъ у первыхъ производителей, которые только черезъ это получаютъ возможность возобновить свое производство прежде, нежели окончательно обработанное произведеніе дойдетъ до потребителей. Точно также онъ долженъ заплатить рабочимъ, не зная даже по какой цѣнѣ ему удастся продать свои произведенія. Родбертусъ настаиваетъ на томъ, что рабочій получаетъ свою заработную плату *послѣ* совершенія работы; слѣдовательно, это — не выданный ему авансъ, какъ утверждаютъ экономисты. Но въ дѣйствительности эта уплата производится *прежде*, нежели товаръ проданъ потребителю, слѣдовательно, это—несомнѣнно авансъ, который потомъ возмѣщается, а иногда даже и не возмѣщается изъ цѣны произведеній. Для рабочихъ заработная плата безспорно составляетъ доходъ, но этотъ доходъ постоянно выплачивается имъ авансомъ, прежде, нежели доходъ отъ предпріятія полученъ предпринимателемъ, а для этого необходимъ оборотный капиталъ. Чтобы избѣгнуть этого вывода, Родбертусъ принужденъ признать самыя деньги доходомъ; но это уже такой чудовищный софизмъ, который показываетъ только, къ какимъ непозволительнымъ увёрткамъ прибѣгаютъ соціалисты для поддержанія своихъ несообразныхъ теорій. Деньги, какъ выраженіе общей цѣнности, могутъ представлять и капиталъ и доходъ. Если деньги, вырученныя за проданный товаръ, предназначаются для покупки

предметовъ потребленія, то они представляютъ доходъ; если же они обращаются на новое производство, на покупку матеріаловъ, орудій или на заработную плату, то нѣтъ сомнѣнія, что они представляютъ капиталъ, и капиталъ необходимый для производства. Это не пятое колесо въ экипажѣ, какъ утверждаетъ Родбертусъ (Z. E. und A. стр. 302), а мазь, которое дѣлаетъ, что всѣ колеса могутъ вертѣться.

Но перломъ всей этой аргументаціи является утвержденіе, что рабочіе не должны сберегать, что это—самовольное сокращеніе національнаго потребленія, отъ котораго удерживаетъ ихъ здравый экономическій инстинктъ. Очевидно, когда рабочій дѣлаетъ сбереженіе изъ своего заработка, то здѣсь уже никакъ нельзя сказать, что онъ обираетъ другихъ, или что онъ является должностнымъ лицомъ общества; накопленный капиталъ несомнѣнно принадлежитъ ему и ни кому другому. Поэтому здѣсь остается только совершенно отвергать этотъ способъ дѣйствія, какъ противный общественной пользѣ. То, на чемъ зиждется все благосостояніе рабочихъ классовъ, возводится въ преступленіе. Далѣе этого пустословіе не можетъ идти.

Обращенный на новое производство капиталъ приноситъ доходъ. Если, вмѣсто того, чтобы употреблять его въ свою пользу, я временно предоставляю его другому, не какъ благотвореніе, а для хозяйственной выгоды, то, очевидно, не только капиталъ долженъ быть мнѣ возвращенъ, но и должна быть положена нѣкоторая плата за его употребленіе. Она является въ видѣ процента. Основано ли это вознагражденіе на требованіяхъ справедливости? Бастіа, который основательно обсуждалъ этотъ вопросъ, изобразилъ эти отношенія въ видѣ популярнаго разсказа, который приводитъ Родбертусъ— Яковъ, бѣдный столяръ, работающій 300 дней первоначально безъ орудій, рѣшаетъ положить 10 дней на устройство рубанка, съ помощью котораго онъ остальные 290 дней можетъ выдѣлывать больше мебели. Сосѣдній столяръ Вильгельмъ, у котораго нѣтъ рубанка, видитъ выгоды этого производства и предлагаетъ Якову уступить ему на годъ рубанокъ даромъ, въ видѣ одолженія. Не скажетъ ли Яковъ, что онъ не знаетъ братства, во имя котораго одинъ долженъ брать на себя работу, а другой извлекаетъ изъ нея пользу? Будетъ ли согласно съ требованіями справедливости, если выгоды, получаемыя отъ рубанка, достанутся не тому, кто его произвелъ, а тому, кто не положилъ на него никакого труда? Столь простыя и соглас-

ныя съ истиной представленія убѣждають и Вильгельма, который соглашается не только возвратить въ цѣлости рубанокъ, но и дать нѣкоторую плату за его употребленіе, то-есть, капиталъ возвратить съ процентомъ.

На это Родбертусъ отвѣчаетъ, что противъ такого воззрѣнія рѣшительно нечего сказать, кромѣ того, что оно представляетъ эти отношенія совсѣмъ не между тѣми лицами, между которыми они происходятъ въ дѣйствительности, а между совершенно иными, не состоящими другъ съ другомъ ни въ какихъ пререканіяхъ. Здѣсь Яковъ является владѣльцемъ капитала, а Вильгельмъ предпринимателемъ. Когда послѣдній занимаетъ у перваго капиталъ, онъ охотно платитъ за это процентъ. На дѣлѣ же Яковъ, который дѣлаетъ рубанокъ, не является его обладателемъ, а получаетъ за это только скудное пропитаніе, и точно также Вильгельмъ самъ не употребляетъ рубанка, а заставляетъ работать Ивана, а самъ только пользуется плодами его трудовъ. Вопросъ, слѣдовательно, состоитъ не въ томъ, что предприниматель платитъ процентъ капиталисту, а въ томъ, что оба они обираютъ рабочихъ и дѣлятъ между собою ихъ произведенія (Z. B. стр. 116—7).

Это возраженіе можетъ служить примѣромъ той подтасовки понятій, къ которой такъ часто прибѣгаютъ соціалисты, когда они стоятъ передъ неустранимымъ затрудненіемъ. Не будучи въ состояніи прямо отвѣчать на вопросъ, они переносятъ его на совершенно другую почву. Аргументація Бастіа, очевидно, вовсе не относится къ взаимнымъ отношеніямъ хозяевъ и работниковъ. Ставится вопросъ о справедливости платы за употребленіе капитала между какими бы то ни было лицами. Рабочіе приводятся именно для того, чтобы устранить всякія постороннія соображенія. Утверждать, какъ дѣлаетъ Родбертусъ, что рабочій никогда не является собственникомъ своихъ орудій, что крестьянинъ никогда не имѣетъ своей сохи, плотникъ своего топора, столяръ своего рубанка, сапожникъ своего шила, можно только вопреки очевидности. Это значитъ издѣваться надъ читателемъ. Обыкновенно рабочій самъ не производитъ своего орудія; но онъ покупаетъ его на свои трудовыя деньги, не обирая никого. Если же онъ для покупки орудія занимаетъ деньги у сосѣда, или, покупая орудіе, обязывается выплатить деньги черезъ годъ, то онъ, по естественной справедливости, долженъ заплатить за это

извѣстный процентъ. Бастіà совершенно вѣрно указываетъ на то, что сдѣлка, въ которой въ данный моментъ обмѣниваются равныя цѣнности, должна признаваться справедливою; но если одна сторона, получивъ предметъ, обязывается заплатить за него черезъ извѣстный срокъ, то-есть пользуется цѣнностью, не давши ничего взамѣнъ и лишая другую сторону ея употребленія, то равенства уже не будетъ: тутъ необходима приплата, которая и выражается въ процентѣ. Это до такой степени ясно, что противъ этого возражать нельзя, и самъ Родбертусъ принужденъ признать, что когда предприниматель занимаетъ деньги у капиталиста, онъ, по справедливости, долженъ заплатить процентъ. Но если такъ, то уплата процентовъ входитъ въ издержки производства и должна возмѣщаться цѣною произведеній. Иначе производство будетъ въ убытокъ. Это одинаково относится къ предпринимателю, который ведетъ производство съ наемными рабочими, и къ рабочему, занимающему деньги для своего собственнаго производства. Въ обоихъ случаяхъ процентъ долженъ выплачиваться изъ дохода, какъ вознагражденіе за употребленіе капитала. Слѣдовательно, когда предприниматель вычитываетъ изъ получаемаго имъ дохода процентъ съ капитала, онъ отнюдь не обираетъ рабочихъ, участвовавшихъ въ производствѣ, а дѣлаетъ только то, что соотвѣтствуетъ самымъ строгимъ требованіямъ справедливости. Процентъ есть плата за употребленіе капитала; въ немъ выражается участіе капитала, какъ дѣятеля производства.

Невозможно поэтому утверждать, какъ дѣлаетъ Родбертусъ, вмѣстѣ съ другими соціалистами, что возмѣщеніе капитала изъ доходовъ производства ограничивается его тратою (Z. B. стр. 69 и мн. др.). Матеріалъ, съ этой точки зрѣнія, всецѣло входитъ въ новое произведеніе, а потому и возмѣщается всецѣло; орудія же только постепенно приходятъ въ негодность и потому возмѣщаются по мѣрѣ траты. Эта теорія основана на томъ, что производительнымъ считается одинъ трудъ, а потому только количество затраченнаго труда входитъ въ цѣнность произведеній. Выше мы уже опровергли этотъ софизмъ. Но признавая даже, что капиталъ самъ по себѣ не вноситъ ничего въ новое произведеніе, все же вложенный въ него трудъ долженъ быть вознагражденъ, и притомъ съ процентомъ за все время, протекшее отъ исполненной работы до продажи произведенія. Если же онъ былъ уже оплаченъ при исполненіи работы, то процентъ дол-

женъ принадлежать тому, кто его оплатилъ, то-есть предпринимателю, ибо на это онъ долженъ былъ употребить или свой собственный или занятый капиталъ. Во всякомъ случаѣ, въ цѣнѣ произведенія должно заключаться возмѣщеніе затраченнаго капитала съ процентомъ отъ времени затраты до продажи произведенія. Если же, что и есть на самомъ дѣлѣ, предшествующій трудъ, ставши капиталомъ, самъ является дѣятелемъ производства, то нѣтъ причины, почему бы онъ производилъ единственно цѣнность, равную его затратѣ, а не гораздо больше. Значеніе капитала состоитъ именно въ томъ, что онъ заставляетъ силы природы работать на человѣка, а это увеличиваетъ производительность въ размѣрахъ, которые невозможно даже опредѣлить.

При такихъ условіяхъ чѣмъ же опредѣляется величина процента? Тѣмъ самымъ, чѣмъ опредѣляется цѣнность всѣхъ вещей—предложеніемъ и требованіемъ. Когда капиталовъ мало, требованіе на нихъ большое, то процентъ стоитъ высоко; когда же капиталы умножаются въ большей мѣрѣ, нежели требованіе, процентъ понижается. Главную роль играетъ тутъ отношеніе капитала къ народонаселенію. Съ умноженіемъ народонаселенія увеличивается требованіе на предметы потребленія, а рядомъ съ этимъ истощаются первоначальныя силы природы, соединенныя съ почвой. Все это должно восполняться капиталомъ. Если онъ растетъ быстрѣе, нежели народонаселеніе, процентъ понижается и производство двигается впередъ. Отъ этого зависитъ все промышленное развитіе человѣчества. Родбертусъ съ негодованіемъ указываетъ на то, что чѣмъ производительнѣе становится работа, тѣмъ меньше доля ея участія въ совокупномъ произведеніи. Но это составляетъ естественное послѣдствіе все увеличивающагося преобладанія капитала. Чѣмъ больше покоряемыя имъ силы природы работаютъ на пользу человѣку, тѣмъ меньше приходится дѣлать физическому труду. Но это ведетъ не къ обнищанію рабочихъ, какъ увѣряетъ Родбертусъ, а напротивъ, къ увеличенію ихъ благосостоянія. Съ одной стороны, когда капиталъ умножается быстрѣе, нежели народонаселеніе, то доходъ его, выражаемый величиною процентовъ, понижается, а заработная плата, напротивъ, растетъ; съ другой стороны, за ту же самую плату рабочій получаетъ несравненно большее количество произведеній. Капиталъ беретъ себѣ въ видѣ дохода только малую часть того, что онъ производитъ;

остальное, вслѣдствіе свободной конкурренціи, достается потребителямъ даромъ. Увеличивающееся благосостояніе рабочихъ классовъ въ современной Европѣ служитъ тому нагляднымъ доказательствомъ.

Кому же принадлежатъ эти капиталы, умноженіе которыхъ составляетъ главное условіе промышленнаго развитія? Очевидно, тѣмъ, которые сберегли ихъ изъ своего дохода и обратили ихъ на новое производство, то-есть, частнымъ лицамъ. Отъ нихъ они переходятъ къ ихъ наслѣдникамъ. Это передаваемое отъ поколѣнія поколѣнію и постепенно умножаемое достояніе, умственное и матеріальное, составляетъ сущность всего человѣческаго развитія. Это достояніе производится и умножается личнымъ трудомъ, личною мыслью и волею; оно передается отъ лица лицу, а потому и усвоивается лицемъ. Государство тутъ не при чемъ; оно не работаетъ, не производитъ, а потому не имѣетъ ни малѣйшаго права на создаваемые промышленнымъ развитіемъ капиталы.

Между тѣмъ, Родбертусъ утверждаетъ, что только вслѣдствіе ложныхъ юридическихъ началъ эти капиталы присвоиваются частнымъ лицамъ. По существу дѣла они должны принадлежать государству, ибо при раздѣленіи труда производство перестаетъ быть частнымъ, а становится совокупнымъ; тутъ установляется настоящій коммунизмъ. Поэтому и доходъ отъ совокупнаго производства долженъ быть достояніемъ всѣхъ. Рабочій, при такихъ условіяхъ, не можетъ быть собственникомъ своего личнаго произведенія; это произведеніе до такой степени переплетено со всѣми другими, что выдѣлить его нѣтъ никакой возможности. Рабочій можетъ только изъ совокупнаго дохода получить долю, соотвѣтствующую количеству исполненной имъ работы. При этомъ Родбертусъ даетъ слову *доходъ* совершенно оригинальное и ему одному принадлежащее значеніе. Доходъ, по его мнѣнію, состоитъ не въ суммѣ денегъ, выручаемыхъ изъ продажи произведеній въ каждомъ отдѣльномъ производствѣ, а въ тѣхъ предметахъ потребленія, которые покупаются на эти деньги и служатъ удовлетворенію человѣческихъ потребностей. Такъ какъ эти предметы могутъ быть самаго разнообразнаго свойства, то очевидно, что доходъ получается не изъ того только производства, которое доставляетъ средства для покупки, а изъ всѣхъ производствъ, доставляющихъ предметы потребленія. Такимъ образомъ, доходъ каждаго производителя является результатомъ совокупной дѣятельности всѣхъ,

а потому онъ долженъ составлять общее достояніе, которое затѣмъ должно распредѣляться между отдѣльными лицами сообразно съ долею участія каждаго въ совокупной работѣ (Z. B. стр. 72—74).

Такое распредѣленіе возможно только, если цѣна произведеній будетъ измѣряться не деньгами, какъ теперь, а количествомъ положенной на нихъ работы. Каждый рабочій долженъ, вмѣсто платы, получать ярлычокъ съ означеніемъ, сколько дней и часовъ онъ работалъ, и по этому ярлычку онъ можетъ получать по своему выбору всѣ соотвѣтствующія этой цѣнѣ произведенія. И теперь уже, по увѣренію Родбертуса, цѣны товаровъ *тяготѣютъ* къ этой нормѣ; но въ предоставленной себѣ промышленности постоянно происходятъ колебанія въ ту или другую сторону. Эти вредныя неправильности должны быть устранены. Цѣнность всѣхъ произведеній должна быть точно опредѣлена на основаніи времени, положенной на нихъ работы, а для этого необходимо, чтобы вся промышленность сосредоточивалась въ рукахъ государства. Тотъ коммунизмъ, который существуетъ уже на дѣлѣ, въ силу раздѣленія труда, долженъ выразиться и въ юридическихъ установленіяхъ. Государству долженъ принадлежать и національный капиталъ и національный доходъ. Оно одно можетъ сообразить всѣ потребности, не гадательно только, какъ нынѣ, а на основаніи точныхъ свѣдѣній. Оно одно, имѣя въ виду совокупное цѣлое, можетъ выбрать и самыя выгодныя мѣста для производства, распорядиться, чтобы было заготовлено потребное количество матеріаловъ и чтобы эти матеріалы поступили затѣмъ на слѣдующую стадію обработки. Оно одно можетъ произвести и окончательную ликвидацію совокупнаго дохода, выдѣливъ изъ него сперва то, что нужно на общественныя потребности и на жалованье должностныхъ лицъ, а также и предметы, необходимые для возмѣщенія и умноженія національнаго капитала, и распредѣливъ затѣмъ остальное между работниками, сообразно съ временемъ исполненной ими работы. Все это должно исходить изъ единаго центра, по общему плану, слѣдовательно премудро и приводиться въ дѣйствіе съ помощью цѣлой арміи чиновниковъ, завѣдывающихъ какъ производствомъ, такъ и распредѣленіемъ, и получающихъ приказанія сверху. Чѣмъ совершеннѣе организмъ, говоритъ Родбертусъ, тѣмъ онъ сосредоточеннѣе [1]).

[1]) Zur Erklärung und Abhülfe etc. стр. 107 и слѣд., 271 и слѣд., 279 примѣч. Das Kapital стр. 112 и слѣд. 123.

Родбертусъ убѣжденъ, что переходъ отъ частной собственности къ совокупной вовсе не такъ труденъ и можетъ совершиться довольно безболѣзненно для общества (Z. E. и A. стр. 275, прим.). Есть, конечно, затрудненія, но они могутъ быть легко устранены. Первое состоитъ въ томъ, что трудъ можетъ быть разный. Прилежный работаетъ скоро, лѣнивый медленно. Въ одномъ производствѣ трудъ требуетъ бо́льшаго напряженія силъ, а потому тяжелѣе, нежели въ другомъ. Какъ же измѣрять ихъ однимъ количествомъ времени? Родбертусъ говоритъ, что это легко устранить, установивъ для каждаго производства нормальный рабочій день, смотря по тяжести работы, и опредѣливъ для каждаго дня урочное положеніе. Это дѣлается и въ настоящее время (D. K. стр. 128 и сл.; 140).

Но кромѣ количества работы есть и качество. Работа можетъ быть хороша или дурна, низшаго или высшаго достоинства. Чтобы скорѣе покончить свой урокъ, рабочій можетъ работать небрежно. Какъ же приравнять качественную работу къ количественному опредѣленію? Въ настоящее время за плохую работу предприниматель или заказчикъ платитъ меньше, нежели за хорошую, или вовсе ея не принимаетъ. Если рабочій недоволенъ оцѣнкой, онъ можетъ уйти если хозяинъ недоволенъ рабочимъ, онъ можетъ его расчитать. Но при соціалистическомъ производствѣ уйти некуда и расчитать нельзя. Оцѣнка должна производиться правительственными чиновниками, и каждый разъ приходится прибѣгать къ судебному или административному разбирательству, что для промышленнаго производства представляетъ величайшую помѣху. Но объ этомъ обстоятельствѣ Родбертусъ благоразумно умалчиваетъ.

Онъ очень слегка относится и къ вопросу о томъ, какимъ образомъ установляемыя для всего государства урочныя работы могутъ прилагаться при постоянно совершающихся улучшеніяхъ. Каждое новое изобрѣтеніе, сокращающее работу, разрушаетъ весь этотъ стройно установленный порядокъ. Старыя произведенія, стоившія большей работы, нельзя продавать по уменьшенной цѣнѣ, ибо рабочіе получили уже за нихъ свои ярлыки съ требованіемъ соотвѣтствующаго работѣ количества произведеній. Новыя же произведенія нельзя продавать по возвышенной цѣнѣ, несоотвѣтствующей исполненной работѣ, ибо тогда обмѣнъ будетъ не равное на равное, а меньшее на большее. Съ своей стороны, рабочіе могутъ требовать,

чтобы у нихъ не сокращали работы, ибо въ такомъ случаѣ они не въ состояніи удовлетворять своимъ потребностямъ. Или же для нихъ надобно изобрѣсти какую-нибудь другую работу, которая можетъ быть вовсе не нужна. Очевидно, всякое усовершенствованіе должно перепутать всѣ расчеты и внести смуту въ это строго опредѣленное бюрократическое хозяйство. Управляющіе имъ чиновники будутъ относиться къ нему съ тѣмъ большимъ недоброжелательствомъ, что лично они вовсе не заинтересованы въ успѣхѣ предпріятія. Они получаютъ свое жалованье, а конкурренція не допускается. Для устраненія этого затрудненія Родбертусъ не придумалъ ничего другого кромѣ срочныхъ ревизій урочныхъ работъ (D. K., стр. 1491). Всякое изобрѣтеніе должно дожидаться, пока правящая бюрократія убѣдится въ его пользѣ и тогда при ревизіи оно разомъ будетъ введено во всемъ государствѣ. Можно себѣ представить, какъ успѣшно будетъ развиваться промышленность при такихъ условіяхъ.

Этого мало; надобно еще приспособить производство къ потребностямъ. «Равенство производства и потребностей», говоритъ Родбертусъ, «безусловно необходимо... Установленіе цѣны невозможно, пока нѣтъ гарантіи, что національное производство точно соотвѣтствуетъ національной потребности. Безъ такой гарантіи, понятно, не можетъ быть и гарантіи цѣнъ» (стр. 137, 152, прим.). Надобно, слѣдовательно, заранѣе опредѣлить всѣ потребности всего народонаселенія. Родбертусъ увѣренъ, что правительство легко можетъ это сдѣлать, собравъ нужныя статистическія свѣдѣнія. Каждый работникъ, въ каждой отрасли производства, долженъ заранѣе объявить, какую сумму работы онъ беретъ на себя въ теченіе года. На этомъ основаніи правительство въ состояніи опредѣлить напередъ всѣ потребности, на удовлетвореніе которыхъ эта сумма работы должна быть обращена (стр. 125, 133). Ясно, однако, что этотъ пріемъ далеко не достигаетъ цѣли. Для опредѣленія суммы потребностей необходимо, чтобы каждый рабочій заявилъ, какіе именно предметы ему нужны, обозначивъ ихъ по предъявленному ему прейсъ-куранту, и чтобы онъ въ теченіи года не смѣлъ уклоняться отъ этой смѣты, ибо иначе равенство между производствомъ и потребленіемъ будетъ нарушено. Не только не допускаются прихоти, но и всякія случайности должны быть устранены. Выше мы видѣли, что самое сбереженіе средствъ считается самовольнымъ сокращеніемъ національнаго потребленія. Или же, что

при такихъ условіяхъ представляется единственно возможнымъ, правительство само должно опредѣлять потребности всѣхъ и каждаго и заставлять гражданъ слѣдовать его указаніямъ, воспрещая всякое отъ нихъ уклоненіе. Тѣмъ или другимъ способомъ народъ, среди котораго установляются подобные порядки, превращается въ общество рабовъ.

Но этимъ не ограничиваются задачи, «общественнаго учрежденія, которое должно поддерживать равенство производства и потребностей» (стр. 152). Надобно, чтобы произведено было именно столько, сколько нужно для удовлетворенія заранѣе опредѣленныхъ потребностей, а для этого необходимо, чтобы въ каждой отрасли находилось требуемое количество рабочихъ. Если это распредѣленіе будетъ предоставлено собственной ихъ волѣ, то очевидно, что въ одной отрасли окажется больше, а въ другой меньше, нежели нужно. Это тѣмъ естественнѣе, что въ точномъ хозяйствѣ всѣ отрасли при одинокой поденной платѣ, одинаково выгодны. Очевидно, болѣе легкія и пріятныя работы будутъ привлекать къ себѣ большее количество рабочихъ, а тяжелыхъ и непріятныхъ работъ всѣ будутъ стараться избѣгать. Можетъ случиться, какъ указано было выше, и то, что вслѣдствіе усовершенствованій работа въ извѣстной отрасли сократится и привыкшіе къ ней рабочіе останутся безъ работы. Какъ же тутъ быть? Ясно, что для уравненія производства и потребностей самое распредѣленіе рабочихъ по различнымъ отраслямъ должно совершаться по волѣ правительства. Принудительный трудъ составляетъ необходимое условіе соціалистическаго хозяйства. И въ этомъ отношеніи члены общества становятся рабами. Мы видѣли, что въ своемъ *Замкнутомъ торговомъ государствѣ* Фихте, съ своей безстрашною послѣдовательностью, прямо сдѣлалъ этотъ выводъ. Новѣйшіе соціалисты не обладаютъ такою логическою смѣлостью. Родбертусъ заявляетъ даже, что трудъ долженъ быть не принужденіемъ, а свободнымъ рѣшеніемъ (стр. 212). Но тутъ же онъ прибавляетъ: «обязанность страдательнаго повиновенія не идетъ далѣе, нежели требуется составленною изъ личныхъ воль народною волею». А какова эта воля, можно видѣть изъ собственнаго его изложенія.

Представимъ себѣ, говоритъ онъ, восточнаго деспота, «собственника земли и людей», на подобіе древне-персидскаго монарха. Хозяйство въ его владѣніяхъ ведется исключительно распоряженіями и

бухгалтерскими оборотами. Нужны только матеріалы и орудія, а всякій денежный капиталъ тутъ излишенъ. Тоже самое будетъ, если мы на мѣсто восточнаго деспота поставимъ самоуправляющійся народъ, котораго единая воля совершенно также направляетъ производство, какъ восточный деспотъ посредствомъ своихъ слугъ. Въ силу совокупной собственности земли и капитала, она имѣетъ такую же возможность обозрѣвать всѣ національныя потребности и производительныя средства, и обладаетъ такимъ же полновластіемъ для распоряженія послѣдними, какъ и слуги староперсидскаго монарха. При такомъ порядкѣ существуетъ только одно національное хозяйство, въ которомъ единая стоящая во главѣ національно-хозяйственная воля распоряжается всѣмъ путемъ приказаній и бухгалтерскихъ оборотовъ. Личная собственность существуетъ лишь въ отношеніи къ доходу, то есть къ предметамъ потребленія; всякое частное предпріятіе устраняется, а потому всегда является возможность держать производство, во всѣхъ его частяхъ, на уровнѣ потребностей (Z. E. и A. стр. 271—279).

Итакъ, въ соціалистическомъ государствѣ, граждане состоятъ въ такомъ же полномъ обладаніи поставленной надъ ними власти, какъ подданные восточнаго деспота. Разница заключается лишь въ томъ, что въ одномъ случаѣ деспотомъ является единое лице, возвышенное надъ частными интересами и стоящее далеко отъ подданныхъ, а потому менѣе для нихъ притѣснительное; во второмъ же случаѣ безграничная власть надъ лицемъ и имуществомъ присвоивается массѣ, то есть, владычествующей партіи, все охватывающей, всюду проникающей, не оставляющей человѣку ни малѣйшаго уголка, куда бы онъ могъ укрыться отъ всеподавляющаго гнета. У массы отнята всякая инициатива и всякая дѣятельность, ибо все сосредоточивается въ рукахъ государства, которое имѣетъ въ своемъ распоряженіи громадную армію чиновниковъ, исполняющихъ приказанія сверху. Не только общественная, но и вся частная жизнь гражданъ находится въ ихъ власти. Они распредѣляютъ гражданъ по работамъ; они распредѣляютъ между ними и произведенія по заранѣе составленному плану, отъ котораго не позволено уклоняться ни на шагъ. И все это, получая движеніе сверху, неизбѣжно будетъ направляться въ интересахъ той партіи, которая успѣетъ захватить власть въ свои руки. Бороться съ нею при такихъ условіяхъ совершенно невозможно; а если, вслѣдствіе

невыносимаго гнета и широко распространеннаго негодованія, наконецъ закипитъ борьба, то она будетъ происходить уже не относительно общихъ политическихъ вопросовъ, какъ теперь, а относительно всей жизни и всѣхъ интересовъ. Тѣ безчисленныя столкновенія интересовъ, которыя нынѣ происходятъ въ частной сферѣ и разрѣшаются частными сдѣлками, перенесутся въ общественную сферу и станутъ предметомъ и орудіемъ политической борьбы. Для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ дѣйствительными условіями существованія человѣческихъ обществъ, такой порядокъ представляется полнѣйшимъ безуміемъ.

Нечего говорить о томъ, что все это зданіе построено на воздухѣ. Родбертусъ увѣряетъ, что онъ только переводитъ въ юридическую сферу то, что уже существуетъ само по себѣ, силою вещей (D. K. стр. 121). Но въ дѣйствительности ничего подобнаго не существуетъ. Какъ уже было доказано выше, раздѣленіемъ труда не установляется коммунизмъ. При раздѣльномъ производствѣ нѣтъ совокупной работы, а возникаетъ только мѣна произведеній, то-есть, взаимодѣйствіе независимыхъ сферъ. Для того, чтобы раздѣленный трудъ связать въ совокупное производство, нуженъ чуждый работѣ капиталъ, нужна и единая направляющая воля предпринимателя. При существующемъ порядкѣ этотъ капиталъ составляетъ произведеніе и достояніе частныхъ лицъ, а не общества, какъ цѣлаго. Изобрѣтенное Родбертусомъ различіе между національнымъ капиталомъ и частнымъ есть лишь такъ называемый національный капиталъ, ничто иное, какъ сумма частныхъ. Точно также нѣтъ и совокупнаго дохода, который будто бы распредѣляется послѣ производства. Выставляемое Родбертусомъ понятіе о доходѣ, какъ о суммѣ предметовъ потребленія, есть извращеніе настоящаго понятія, придуманное единственно для того, чтобы придать тѣнь смысла тому, что не имѣетъ никакого. Доходъ, по общепринятому, совершенно точному значенію, есть то, что каждый получаетъ съ своего производства или съ своего капитала, землевладѣлецъ въ видѣ поземельной ренты, капиталистъ въ видѣ процента, рабочій въ видѣ заработной платы, предприниматель какъ прибыль отъ производства, которая оказывается, когда произведенія проданы и изъ вырученной суммы вычтены издержки. А какое употребленіе они дѣлаютъ изъ этого дохода, это совсѣмъ посторонній вопросъ. Они могутъ его сберечь и употребить его на новое производство,

могутъ истратить его за границей, обратить его въ государственную ренту, пожертвовать его на общественное заведеніе: отъ этого значеніе его не мѣняется. И это зависитъ отъ ихъ воли и ни отъ чего другаго. Доходъ, столь же мало какъ и капиталъ, составляетъ достояніе общества. Все это совершенно ясно и естественно, вытекаетъ изъ свободныхъ экономическихъ отношеній, установляющихся между людьми; только при полной путаницѣ понятій можно видѣть тутъ что-нибудь другое. Родбертусъ увѣряетъ, что то, что экономисты называютъ *естественными* законами производства и мѣны, надобно замѣнить законами *разумными*, которые одни свойственны человѣку (Z. B. стр. 46, 50—53). Но естественные законы суть тѣ, которые вытекаютъ изъ природы вещей, и правильное употребленіе разума состоитъ въ томъ, чтобы ихъ изслѣдовать и понять. Первая и неотъемлемая принадлежность человѣка, какъ разумнаго существа, состоитъ въ свободѣ, а потому свободныя отношенія суть именно тѣ, которыя, какъ таковому, ему свойственны. Напротивъ то, что Родбертусъ называетъ разумными законами, представляетъ только плодъ праздной фантазіи, откинувшей всякія разумныя сдержки и всякое отношеніе къ дѣйствительности, а потому витающей въ облакахъ. Построенное имъ зданіе есть чистая утопія, то-есть, порядокъ вещей, который никогда не существовалъ и не можетъ существовать, ибо онъ противорѣчитъ человѣческой природѣ и законамъ человѣческой дѣятельности.

Какъ землевладѣлецъ и практическій дѣятель, Родбертусъ готовъ, однако, идти на компромиссы. Онъ увѣряетъ, что можно водворить соціалистическій порядокъ, никого не обидѣвъ. Нужно только, чтобы государство выкупило у землевладѣльцевъ и капиталистовъ все ихъ имущество, замѣнивъ его постоянною рентой. Такимъ образомъ, съ развитіемъ производства, они будутъ получать тоже, что теперь, а доля рабочихъ будетъ идти возростая. Родбертусъ убѣжденъ, что эта платимая государствомъ рента будетъ составлять наконецъ весьма ничтожную долю общественнаго дохода (D. K. стр. 117). Зная, что исторія движется компромиссами, онъ на первый разъ готовъ даже довольствоваться тѣмъ, чтобы при увеличеніи производительности труда, рабочимъ была обезпечена постоянная доля въ совокупномъ доходѣ (Z. E. стр. 28, прим.; D. K. стр. 228). Но подобныя предложенія являются только плодомъ явной непослѣдовательности. Если трудъ признается

единственнымъ источникомъ производства, а доходы праздныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ суть только доли, несправедливо отнятыя у настоящихъ производителей, то съ какой стати рабочіе будутъ продолжать вѣчно платить эти доли изъ плодовъ своего труда? Это будетъ тѣмъ накладнѣе, что и уменьшенія тяжести въ будущемъ нельзя ожидать. При бюрократическомъ хозяйствѣ производительность будетъ не увеличиваться, а уменьшаться; а такъ какъ при этомъ нужно оплачивать цѣлую армію чиновниковъ, то что же останется рабочимъ? Ихъ ожидаетъ полная нищета. Только люди, услаждающіеся праздными фантазіями, могутъ этого не понять.

Во всѣхъ измышленіяхъ Родбертуса мы не нашли даже и тѣни научныхъ основаній. Кромѣ фантастическихъ взглядовъ, извращенныхъ понятій и кривыхъ толкованій, мы ничего не могли замѣтить. Что же сказать о тѣхъ современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые считаютъ его великимъ мыслителемъ и ставятъ его во главѣ изслѣдователей экономической науки? Невольно вспоминается приведенное Лессингомъ латинское изреченіе: primus sapientiae gradus est, falsa intelligere (первая ступень мудрости—распознавать ложное). Въ этомъ заключается задача критики, и безъ этого нѣтъ науки. Современное положеніе политической экономіи въ Германіи можетъ служить тому доказательствомъ.

II. ЛАССАЛЬ[1].

Болѣе философское направленіе, нежели у Родбертуса, придалъ нѣмецкому соціализму Фердинандъ Лассаль, лице въ высшей степени любопытное. По обширности свѣдѣній, по тонкости ума, по силѣ таланта, по глубинѣ философскаго пониманія, онъ могъ стать на ряду съ замѣчательнѣйшими учеными нашего времени. Ему недоставало одного: безпристрастнаго отношенія къ наукѣ. Рьяный политическій фанатизмъ, который даже въ чисто ученой области проявляется нерѣдко въ софистическихъ пріемахъ и въ злобныхъ выходкахъ, побуждалъ его постоянно гнуть свои выводы въ извѣстномъ направленіи, не только въ силу односторонняго развитія мысли, но далеко за предѣлы того, чего требовала мысль. Отсюда безпримѣрное, можетъ быть, сочетаніе глубины и легкомыслія, основательныхъ изслѣдованій и поверхностныхъ выводовъ, чисто ученой работы и ярой

[1]) Статья о Лассалѣ была напечатана въ *Сборникѣ Государственныхъ знаній*, Т. V. 1878 г.

агитаторской дѣятельности. Отсюда нескладность въ самомъ составѣ его произведеній: чрезмѣрное расширеніе нѣкоторыхъ частей и рядомъ съ этимъ чрезмѣрное сокращеніе другихъ, столь же существенныхъ, единственно съ цѣлью сдѣлать поспѣшный выводъ. Прибавимъ, что Лассаль былъ Еврей. Въ нѣмецкомъ ученомъ едва ли бы могло встрѣтиться такое соединеніе противорѣчащихъ свойствъ.

Первое сочиненіе, съ которымъ выступилъ Лассаль, было обширное изслѣдованіе о Гераклитѣ Темномъ, Эфесскомъ, одномъ изъ величайшихъ философовъ древняго міра, еще въ то время славившемся своею непонятностью. Здѣсь Лассаль показалъ себя замѣчательнымъ филологомъ и глубокимъ знатокомъ философіи. Затѣмъ, въ 1861 году, онъ издалъ другое сочиненіе по совершенно другому предмету, именно: *Систему пріобрѣтенныхъ правъ* (Das System der erworbenen Rechte). Тутъ онъ явился тонкимъ юристомъ, обладающимъ громадными свѣдѣніями, въ особенности же знатокомъ римскаго права, которое онъ въ нѣкоторыхъ существенныхъ частяхъ освѣтилъ новыми и блестящими мыслями. Но въ этомъ сочиненіи высказываются вмѣстѣ съ тѣмъ и коренные недостатки автора. Оно не имѣло уже въ виду изслѣдованіе чисто теоретическихъ вопросовъ, какъ первое; несмотря на спеціальное, повидимому, содержаніе, цѣль была практическая. Какъ авторъ самъ объясняетъ въ своемъ предисловіи, эта книга заключаетъ въ себѣ безконечно болѣе того, что обѣщаетъ ея заглавіе. Задача, которую онъ себѣ положилъ, была ни болѣе ни менѣе, какъ учено-юридическая разработка той политическо-соціальной мысли, которая лежитъ въ основаніи всей современной жизни. Понятіе о пріобрѣтенномъ правѣ, говоритъ Лассаль, снова подвергается спору, и этотъ споръ составляетъ животрепещущій вопросъ настоящаго времени. Несмотря на свое, повидимому, чисто юридическое значеніе, этотъ вопросъ въ сущности, гораздо болѣе политическій, нежели все политическое, ибо это вопросъ соціальный (I, Vorr. стр. VII, X).

Лассаль указываетъ на то, что въ реакціонныя эпохи понятіе о пріобрѣтенномъ правѣ получаетъ безмѣрное расширеніе, ибо здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы сохранить и упрочить права прошедшаго. Напротивъ, въ революціонныя времена это понятіе значительно стѣсняется, съ цѣлью по возможности ускорить примѣненіе новыхъ началъ. Въ современныхъ намъ общественныхъ движеніяхъ авторъ

видитъ поворотъ всемірной исторіи, начало новой эры, совершенно отличной отъ прежней, а потому онъ полагаетъ себѣ задачею, путемъ научнаго труда, облегчить переходъ отъ стараго порядка къ новому (Einl. стр. 35, 49).

Метода, которой Лассаль слѣдуетъ въ своихъ розысканіяхъ, состоитъ въ развитіи спекулятивной, то-есть, чисто философской идеи во всѣхъ ея послѣдствіяхъ. Онъ противополагаетъ идею частнымъ соображеніямъ юридическаго ума, который, несмотря на всю свою тонкость, не въ состояніи свести явленія къ единому началу (стр. 53, 362—3, и др.). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ требуетъ, чтобы мысль не оставалась при однихъ отвлеченностяхъ. Чтобы доказать состоятельность спекулятивной идеи, надобно провести ее по всѣмъ явленіямъ, а для этого необходимо осилить весь фактическій матеріалъ. Лассаль возстаетъ въ этомъ отношеніи противъ учениковъ Гегеля, которые, вмѣсто того чтобы развить въ подробностяхъ начертанную учителемъ систему, ограничиваются повтореніемъ отвлеченныхъ категорій, не вступая на почву дѣйствительности (стр. XI—XIII). Самую же философію Гегеля Лассаль называетъ «квинтессенціею всякой научности» (стр. XIII). Его основныя начала и его метода, говоритъ онъ, должны остаться вѣчнымъ достояніемъ науки (стр. XVII). Однако онъ и систему Гегеля считаетъ необходимымъ подвергнуть полному переустройству. По его мнѣнію, въ философіи духа Гегель отступилъ отъ собственныхъ своихъ началъ. Надобно возстановить правильное развитіе идеи и доказать фактически, что въ коренныхъ своихъ положеніяхъ Гегель былъ гораздо болѣе правъ, нежели онъ самъ предполагалъ. Однимъ словомъ, новая философія духа должна быть такимъ отрицаніемъ системы Гегеля, которое бы само вытекало изъ этой системы, и являлось бы единственнымъ послѣдовательнымъ ея построеніемъ (Vorr. стр. XVI, также стр. 70, прим.). Лассаль самъ думалъ написать эту философію духа, но практическая дѣятельность и ранняя смерть не допустили осуществленія этого плана.

Въ чемъ же, по мнѣнію Лассаля, заключается ошибка Гегеля? Въ томъ, что онъ выдаетъ за логическія, то-есть, вѣчныя и необходимыя истины, то, что составляетъ только преходящее проявленіе историческаго духа. Такъ, въ философіи права, Гегель логически выводитъ категоріи собственности, договора, семейства, гражданскаго

общества, между тѣмъ какъ всѣ эти категоріи въ историческомъ своемъ развитіи измѣняются, и тѣ начала, которыя признаются въ настоящее время, отнюдь не могутъ считаться необходимыми требованіями духа, а составляютъ только моменты историческаго движенія человѣчества (стр. XVII—XIX).

Этотъ упрекъ совершенно противоположенъ тѣмъ возраженіямъ, которыя мы сами сдѣлали противъ системы Гегеля [1]). Недостатокъ исключительнаго идеализма, который все сводитъ къ началу конечной цѣли, состоитъ именно въ наклонности понимать самостоятельные элементы жизни, какъ преходящіе моменты развитія, вслѣдствіе чего частное окончательно грозитъ исчезнуть въ общемъ. Лассаль же, напротивъ, упрекаетъ Гегеля въ томъ, что онъ эту односторонность не довелъ до крайности и развивающимся въ исторіи элементамъ приписалъ существенное значеніе, вмѣсто того, чтобы *снять* ихъ путемъ діалектическаго отрицанія. Неосновательность этого упрека, съ точки зрѣнія гегелевой системы, очевидна. По началамъ Гегеля, историческое развитіе и логическое—одно и тоже. Послѣднее есть процессъ чистой мысли, первое—тотъ же процессъ, перенесенный въ жизнь. Логическія категоріи составляютъ необходимое содержаніе понятія, и это именно содержаніе развивается въ исторіи. На этомъ основаніи Гегель понимаетъ исторію, какъ положительное изложеніе внутренняго существа человѣческаго духа; во всякой ея ступени онъ видитъ проявленіе извѣстной положительной стороны этого духа, стороны, которая, будучи выработана движеніемъ жизни, сохраняется, а не переходитъ въ совершенно другое, какъ утверждаетъ Лассаль [2]).

Источникъ этого невѣрнаго взгляда на систему Гегеля заключается въ ложномъ пониманіи того закона, который лежитъ въ основаніи какъ исторіи, такъ и логики, именно, закона діалектическаго развитія. Діалектика содержитъ въ себѣ два элемента: положительный и отрицательный. Путемъ отрицанія одно опредѣленіе переводится въ другое, но черезъ это первое не исчезаетъ, а сохраняется, какъ

1) См. Исторію Политическихъ Ученій, часть 4-я.

2) Syst. d. erw. R. I, стр. 72: „.... woraus sich dann auch die angeblichen blossen Verschiedenheiten der Ausführung, welche das historische Recht demselben naturrechtlichen Gedanken, derselben Kategorie zu geben scheint, vielmehr als das Dasein *schlechthin verschiedener* und entgegengesetzter Begriffe des historischen Geistes ergeben".

часть высшаго цѣлаго. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ оно снова выдѣляется изъ цѣлаго, какъ самостоятельное начало, но уже съ болѣе полнымъ содержаніемъ, и этотъ процессъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнута, съ одной стороны, полнота развитія частыхъ элементовъ, съ другой стороны, гармоническое ихъ сочетаніе въ цѣломъ. Такимъ образомъ, рядъ діалектическихъ опредѣленій составляетъ развитіе положительнаго содержанія понятія; отрицательный же процессъ обозначаетъ только ихъ взаимную связь: каждое изъ нихъ, отдѣльно взятое, оказывается недостаточнымъ и требуетъ восполненія другими. По понятіямъ Лассаля, напротивъ, существенною оказывается именно отрицательная сторона діалектики: а потому всѣ опредѣленія понимаются только какъ преходящіе историческіе моменты. Ниже мы подробнѣе разберемъ этотъ взглядъ, но здѣсь уже ясно, что идеализмъ въ этомъ воззрѣніи достигаетъ крайнихъ предѣловъ односторонняго развитія. Мы не можемъ назвать это послѣдовательностью, ибо послѣдовательность не состоитъ въ развитіи одной стороны въ ущербъ другой, отрицательной въ ущербъ положительной. Истинное значеніе всякой науки и всякаго пониманія заключается именно въ постиженіи положительной стороны вещей. Діалектика важна не какъ отрицательный процессъ, а какъ изложеніе внутренняго существа предмета посредствомъ повторяющейся смѣны положительныхъ и отрицательныхъ опредѣленій.

Результатомъ этого ложнаго взгляда является полное поглощеніе частнаго общимъ. Лассаль прямо это признаетъ. Стремленія настоящаго времени, говоритъ онъ, идутъ не противъ индивидуализма, ибо единичное, какъ единичное, то-есть, то, что принадлежитъ всѣмъ *безъ различія*, совпадаетъ съ общимъ; они идутъ только противъ завѣщаннаго средними вѣками узла *особенности* (I, стр. 263, прим.). Категоріи *особеннаго* онъ объявляетъ войну. Но спрашивается: что же такое личность, если отнять у нея ея особенность? По теоріи Гегеля, на котораго ссылается Лассаль, единичное представляетъ сочетаніе общаго съ особеннымъ. Безъ послѣдняго элемента, оно дѣйствительно совпадаетъ съ общимъ: лице становится безразличнымъ проявленіемъ общей субстанціи; но это—извращеніе истиннаго его характера. Существенный смыслъ всякаго развитія заключается именно въ выдѣленіи особенностей изъ общей основы, и если расходящіяся особенности должны снова быть приведены къ

высшему единству, то все же онѣ всегда сохраняютъ относительную самостоятельность. Въ этомъ состоитъ полнота жизни. Отрицаніе же особенностей во имя общаго элемента можетъ быть только плодомъ самаго крайняго отвлеченія. Это хуже, чѣмъ возвращеніе къ первоначальной точкѣ отправленія, ибо въ самой скудной жизни проявляются уже различія. Въ дѣйствительности, общее безъ особеннаго немыслимо. Сочетать общее съ единичнымъ, перепрыгнувъ черезъ категорію особеннаго, или выдавши послѣднюю за преходящій моментъ, это—такой діалектическій скачекъ, на который способенъ только мыслитель, ослѣпленный страстью.

Въ этихъ положеніяхъ Лассаля мы видимъ глубочайшія основы его воззрѣній и связь ихъ со всѣмъ предъидущимъ развитіемъ философіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы вездѣ найдемъ приложеніе этихъ началъ. Въ послѣдовательномъ своемъ развитіи они несомнѣнно ведутъ къ отрицанію свободы, ибо, какъ скоро допускается свобода, такъ является и неразлучная съ нею особенность. Но тутъ-то и оказывается внутреннее противорѣчіе системы. Лассаль вовсе не думалъ отвергать свободу, ибо съ нею вмѣстѣ онъ долженъ бы былъ отвергнуть единичное начало, котораго она служитъ выраженіемъ и которое онъ отстаивалъ противъ частнаго. Его задача состояла именно въ томъ, чтобы сочетать свободу съ требованіями общей жизни, отвести первой извѣстное мѣсто, но такъ, чтобы она была совершенно безсильна противъ цѣлаго. Къ этому и клонится теорія пріобрѣтенныхъ правъ. Отсюда то значеніе, которое получаетъ этотъ, съ перваго взгляда, чисто юридическій вопросъ.

Пріобрѣтенное право составляетъ область частной свободы. Это—право, присвоенное лицу, какъ его достояніе. Въ правовѣдѣніи признается общимъ правиломъ, что пріобрѣтенныя права должны оставаться неприкосновенными. Съ этимъ въ связи находится и другое коренное правило, что законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія. Законодатели, политики и юристы единогласно держатся этихъ началъ. Между тѣхъ, въ приложеніи ихъ являются затрудненія. Гдѣ граница пріобрѣтенныхъ правъ? И что именно для новаго закона должно оставаться неприкосновеннымъ? По общему правилу, новый законъ не распространяется на прошедшія дѣйствія, но въ какой мѣрѣ можетъ онъ измѣнять юридическія послѣдствія этихъ дѣйствій, которыя продолжаютъ существовать въ видѣ пріобрѣтенныхъ правъ?

Вопросъ въ высшей степени важный, но затруднительный для разрѣшенія. Лассаль подвергаетъ его обстоятельному и тонкому разбору.

Онъ отправляется отъ самаго понятія о томъ, что законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія. Основаніе этого правила заключается въ томъ, что обратное дѣйствіе закона составляетъ нарушеніе свободы и вмѣняемости человѣка. Если бы поступокъ, законный во время совершенія, былъ впослѣдствіи объявленъ незаконнымъ, это было бы искаженіемъ человѣческой воли. Человѣкъ хотѣлъ одного, а ему, помимо его, подставляется другое; онъ хотѣлъ извѣстныхъ послѣдствій, которыя общая воля признавала законными, а общая воля, вмѣсто того, навязываетъ ему совершенно другія, которыхъ онъ вовсе не имѣлъ въ виду. Между тѣмъ, воля человѣка составляетъ источникъ самаго права. Нарушеніе воли есть поэтому нарушеніе права. Такимъ образомъ, тутъ оказывается внутреннее противорѣчіе въ самомъ законѣ. Какъ выраженіе общаго сознанія, законъ долженъ бы былъ освѣщать одинакимъ свѣтомъ и настоящее и прошедшее: съ этой точки зрѣнія, новый законъ, какъ проявленіе высшаго сознанія, долженъ имѣть обратное дѣйствіе. Но тутъ онъ встрѣчается съ субъектомъ, какъ самостоятельнымъ началомъ и единственнымъ источникомъ своей воли и своихъ поступковъ. Это начало должно оставаться для него неприкосновеннымъ, ибо онъ не можетъ обращать въ страдательную, извнѣ опредѣляемую вещь свободу духа, которой онъ самъ составляетъ высшее проявленіе (стр. 55—59).

Изъ этихъ началъ Лассаль выводитъ и понятіе о пріобрѣтенномъ правѣ. Если неприкосновенною должна оставаться свобода, то пріобрѣтеннымъ должно считаться единственно то право, которое пріобрѣтается человѣкомъ путемъ свободы, то-есть, посредствомъ собственнаго дѣйствія. Всякое другое право, которое присвоивается лицу силою закона или дѣйствіями постороннихъ людей, поэтому самому, не можетъ считаться пріобрѣтеннымъ, слѣдовательно неприкосновеннымъ. Собственно говоря, замѣчаетъ Лассаль, законъ никогда обратнаго дѣйствія не имѣетъ, ибо онъ касается только существующихъ въ данное время отношеній, а не прошедшихъ; но всякій разъ, какъ онъ встрѣчается съ свободою лица, онъ останавливается; тамъ же, гдѣ нѣтъ этого препятствія, онъ начинаетъ дѣйствовать тотчасъ послѣ изданія, не считая пріобрѣтенныхъ прежнимъ спо

собою правъ ненарушимыми. На этомъ основаніи права, проистекающія изъ внѣшнихъ для воли событій, подлежатъ немедленной отмѣнѣ (стр. 60—62).

Лассаль старается провести это понятіе по всѣмъ юридическимъ сферамъ, сознавая, что только полное объясненіе явленій служитъ настоящимъ оправданіемъ теоріи. Онъ доказываетъ, что даже тамъ, гдѣ это понятіе, повидимому, не прилагается, оно скрытымъ образомъ лежитъ въ основаніи юридическихъ опредѣленій. Такъ, въ семейномъ и наслѣдственномъ правѣ, можетъ казаться, что права пріобрѣтаются въ силу закона или путемъ рожденія; но въ дѣйствительности всегда предполагается собственная воля пріобрѣтателя: законъ считаетъ единство воли между членами семьи. Въ силу этого начала, воля и дѣйствія родителей считаются волею и дѣйствіями самихъ дѣтей (§ 2, A). Точно также, въ другой области, право на уничтоженіе обязательствъ, сопряженныхъ съ насиліемъ, обманомъ или заблужденіемъ, считается пріобрѣтеннымъ, хотя казалось бы, что эти обязательства, будучи независимы отъ свободы, не могутъ быть источникомъ пріобрѣтеннаго права. Но здѣсь основаніемъ права является именно несоотвѣтствіе внѣшняго дѣйствія съ внутреннею волею. Во имя внутренней воли, нарушенной насиліемъ, обманомъ или заблужденіемъ, человѣкъ пріобрѣтаетъ право на уничтоженіе внѣшняго дѣйствія (§ 2, B). Далѣе, въ такъ называемыхъ подобіяхъ договора (quasi-contractus), когда, напримѣръ, одно лице ведетъ дѣло другаго безъ согласія послѣдняго, для обоихъ возникаютъ извѣстныя права и обязанности; но и здѣсь основаніемъ юридическаго отношенія служитъ предполагаемая закономъ нормальная воля лица; всякій здравомыслящій человѣкъ, въ случаѣ несчастія, постигающаго его имущество, желаетъ, чтобы кто-нибудь распорядился, если онъ самъ не можетъ этого сдѣлать (§ 2, C). Къ понятію о скрытномъ договорѣ можетъ быть подведено и истеченіе исковой давности: кто не ищетъ въ законный срокъ, тотъ добровольно отказывается отъ юридической защиты своего права, а кто въ законный срокъ не исполняетъ своего обязательства, тотъ добровольно принимаетъ этотъ подарокъ (§ 2, E). Такимъ образомъ, принятое начало оправдывается даже въ тѣхъ случаяхъ, которыя, повидимому, всего болѣе отъ него удаляются. Оно потому именно и можетъ быть признано началомъ, что оно объясняетъ всѣ случаи и распространяется на

всѣ области. Оно точно также имѣетъ силу въ государственномъ правѣ, какъ и въ частномъ. И здѣсь, то, что вытекаетъ изъ собственнаго дѣйствія лица, должно оставаться неприкосновеннымъ. Поэтому, преступленія должны судиться по тому закону, который дѣйствовалъ во время ихъ совершенія. Но права, присвоенныя лицу самимъ закономъ, напримѣръ, выборное право, не считаются пріобрѣтенными и могутъ быть тотчасъ отмѣнены (§ 1, стр. 79—84; § 7, стр. 214—5).

Таково опредѣленіе пріобрѣтеныхъ правъ, сдѣланное Лассалемъ. Мысль эта не новая. Шталь, противъ котораго Лассаль сильно полемизируетъ, выводитъ пріобрѣтенное право изъ того же самаго начала ненарушимости человѣческой свободы; но онъ даетъ ему болѣе обширное значеніе, ибо онъ считаетъ пріобрѣтенными всѣ права, присвоенныя лицу не только собственными дѣйствіями, но и внѣшними событіями [1]). Лассаль видитъ въ этомъ искаженіе основной мысли, ибо здѣсь вводится совершенно чуждое ей начало. Но такое расширеніе понятія, признанное всѣми юристами, оправдывается истиннымъ значеніемъ свободы. Откуда бы ни истекало право, изъ собственнаго ли дѣйствія лица или изъ посторонняго событія, *присвоеніе* означаетъ связь его съ личною свободою человѣка. Становясь *своимъ*, оно входитъ въ область личной свободы и дѣлается законнымъ ея выраженіемъ. Поэтому, начало неприкосновенности личной свободы несомнѣнно должно распространяться на всѣ подобныя права. Самъ Лассаль видитъ недостаточность выставленной имъ формулы, но онъ объясняетъ это тѣмъ, что всѣ формулы недостаточны для выраженія богатства конкретныхъ явленій. Единственная формула, говоритъ онъ, которая соотвѣтствуетъ истинѣ, есть та, которая совпадаетъ съ самимъ понятіемъ: личная свобода воли не должна быть нарушена (§ 6, стр. 189 прим.). Но именно эта формула заключаетъ въ себѣ всѣ права, составляющія область свободы лица, какимъ бы путемъ они ни были пріобрѣтены.

Собственныя изслѣдованія Лассаля подтверждаютъ этотъ взглядъ. Тѣ объясненія, посредствомъ которыхъ онъ старается подвести подъ свое начало неподходящія подъ него явленія, представляютъ очевидныя натяжки. Если въ семейномъ и наслѣдственномъ правѣ пред-

---

1) S. d. E. R. § 7, стр. 199 и слѣд. Ср. Stahl: Phil. d. Rechts, 2 Band, §§ 15—18, стр. 336—343.

полагается единство воль, то это предположеніе, на которомъ зиждется весь выводъ, установляется закономъ, а не волею лицъ. Можно еще признать, вмѣстѣ съ Лассалемъ, что рожденіе ребенка есть актъ свободной воли родителей (§ 2, стр. 87, прим.), но никакихъ нельзя выдавать это за актъ свободной воли самого ребенка. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о предполагаемой въ quasi-contractus нормальной волѣ, которая во всякомъ случаѣ, по этой теоріи, должна бы была уступить волѣ явно выраженной. Далѣе, когда, съ истеченіемъ исковой давности, должникъ пріобрѣтаетъ извѣстное право, пользуясь промахомъ заимодавца или даже случайными обстоятельствами, помѣшавшими послѣднему во время предъявить свой искъ, то въ этомъ никакъ нельзя видѣть тайнаго договора. Относительно насилія, обмана и заблужденія, изъ которыхъ вытекаютъ права потерпѣвшаго, не можетъ быть сомнѣнія, что все это чуждыя ему обстоятельства, и если требованіе основывается на внутренней свободѣ лица, то отнюдь не на положительныхъ ея проявленіяхъ, а единственно на томъ, что въ означенномъ дѣйствіи ея не было, какъ признаетъ и самъ Лассаль (§ 2, B. стр. 110). Но отсутствіемъ воли никто, по теоріи Лассаля, правъ не пріобрѣтаетъ; они даются только положительнымъ дѣйствіемъ (§ 2, E. стр. 142). Тоже отрицательное начало лежитъ и въ основаніи обязательствъ, вытекающихъ изъ преступленія, о которыхъ Лассаль умалчиваетъ въ теоріи, но которыхъ онъ касается въ приложеніяхъ. Согласно съ установленнымъ имъ опредѣленіемъ, онъ прямо производитъ ихъ изъ закона, ибо претерпѣнное повреждение, какъ онъ самъ говоритъ, ничто иное какъ невольное страданіе, слѣдовательно, не можетъ быть источникомъ пріобрѣтенныхъ правъ. Поэтому, въ противность мнѣнію всѣхъ юристовъ, онъ требуетъ немедленнаго приложенія къ нимъ новыхъ законовъ (Anwend. III, стр. 428; также § 7, стр. 201). Такимъ образомъ, вознагражденіе убытковъ исключается изъ области пріобрѣтенныхъ правъ. Между тѣмъ, оно очевидно не составляетъ произвольнаго постановленія закона. Если принадлежащая мнѣ вещь похищена или уничтожена, я тѣмъ самымъ пріобрѣтаю право на вознагражденіе. Это составляетъ необходимое послѣдствіе моего права собственности. На этомъ основаніи, Гроцій справедливо причислялъ вознагражденіе убытковъ къ первоначальнымъ требованіямъ естественнаго права. Здѣсь опредѣленіе Лассаля очевидно оказывается слишкомъ тѣснымъ.

Наконецъ, Лассаль признаетъ, что всякое право, хотя бы оно первоначально истекало изъ закона, можетъ быть впослѣдствіи усвоено лицемъ какимъ бы то ни было добровольнымъ дѣйствіемъ, напримѣръ, подачею прошенія или даже просто пользованіемъ (§§ 3, 4). Но если такъ, то почти всѣ права должны быть признаны пріобрѣтенными. Всякое присвоеніе предполагаетъ въ пріобрѣтающемъ по крайней мѣрѣ молчаливое согласіе, а какъ скоро онъ, въ какомъ бы то ни было видѣ, воспользовался своимъ правомъ, оно тѣмъ самымъ становится ненарушимымъ. Распространяя это начало на государственную область, какъ дѣлаетъ Лассаль, мы должны будемъ сказать, что выборное право, которымъ разъ воспользовался избиратель, не можетъ уже быть у него отнято, а если для пользованія нужна запись, то достаточно записаться. Это послѣднее различіе прилагается самимъ Лассалемъ къ опредѣленію дѣйствія новаго закона въ отношеніи къ совершеннолѣтію. Если, напримѣръ, вмѣсто 21 года, законъ установляетъ совершеннолѣтіе въ 25 лѣтъ, то, по мнѣнію Лассаля, всѣ лица отъ 21 года до 25 лѣтъ должны немедленно изъ совершеннолѣтнихъ снова сдѣлаться несовершеннолѣтними, хотя уже совершенныя ими дѣйствія продолжаютъ считаться законными; но если, по прежнему закону, для опредѣленія совершеннолѣтія требовалось какое-либо дѣйствіе со стороны лица, хотя бы объявленіе, то право должно считаться пріобрѣтеннымъ и не можетъ уже быть нарушено (§ 1, стр. 73—74). Достаточно указать на эту проистекающую изъ теоріи Лассаля нелѣпость, чтобы обличить несостоятельность его основной мысли.

Изъ всего этого ясно, что сдѣланное Лассалемъ опредѣленіе слишкомъ тѣсно. Съ другой стороны, онъ, вмѣстѣ съ Шталемъ, даетъ пріобрѣтенному праву слишкомъ обширное значеніе, распространяя его и на область государственныхъ отношеній. Шталь идетъ здѣсь еще далѣе Лассаля, ибо онъ къ пріобрѣтеннымъ правамъ причисляетъ и права, присвоенныя лицу закономъ. Но и теорія Лассаля не менѣе ошибочна. Принявши ее, мы логически должны признать всѣ политическія права пріобрѣтенными, какъ скоро для нихъ требуется какое-либо дѣйствіе со стороны гражданина. Между тѣмъ, въ различіи политическихъ правъ и частныхъ, ближайшимъ образомъ раскрывается существо пріобрѣтеннаго права. Законъ политическій, также какъ и гражданскій, получаетъ силу только со времени обна-

родованія, слѣдовательно не распространяется на прошедшія дѣйствія; но возникающія изъ дѣйствій политическія права никогда не могутъ считаться пріобрѣтенными. Въ государствѣ лице является не самостоятельною особью, а членомъ высшаго цѣлаго. Поэтому и права присвоиваются ему не въ видѣ собственности, а какъ органу цѣлаго. Политическимъ правомъ нельзя распоряжаться по произволу; его нельзя подарить или продать: продажа голоса считается преступленіемъ. Поэтому, оно всегда можетъ быть отмѣненно по требованію общаго блага, и никто не въ правѣ на это жаловаться, ибо это не частное дѣло, а общественное. Но если изъ пользованія политическими правами или изъ исполненія общественныхъ обязанностей возникаютъ частныя имущественныя отношенія, то такого рода права должны считаться пріобрѣтенными. Сюда принадлежитъ, напримѣръ, право на пенсіи. Законъ, понижающій ихъ размѣръ, не можетъ распространяться на пенсіи уже заслуженныя; это было бы нарушеніемъ пріобрѣтеннаго права.

Отсюда ясенъ глубочайшій смыслъ понятія о пріобрѣтенномъ правѣ. Оно ограждаетъ свободу лица въ частной сферѣ, объявляя ее неприкосновенною для государства. Поэтому, оно составляетъ драгоцѣннѣйшее достояніе человѣка; имъ утверждается значеніе лица, какъ самобытной единицы, требующей себѣ безусловнаго уваженія въ присвоенной ему области свободы. Отюда ясна и та опасность, которая проистекаетъ изъ смѣшенія въ этомъ отношеніи государственнаго права съ частнымъ. Если, съ одной стороны, такое смѣшеніе ведетъ къ превращенію политическихъ правъ въ частную собственность облеченныхъ ими лицъ, къ чему именно склоняется Шталь, то, съ другой стороны, оно точно также можетъ повлечь за собою вторженіе государственныхъ началъ въ область частной свободы, а это и составляетъ окончательный выводъ Лассаля. Объявивши пріобрѣтенное право неприкосновеннымъ, какъ выраженіе личной свободы, онъ самое существованіе правъ, къ какой бы области они не относились, считаетъ проявленіемъ государственнаго начала, которому всѣ пріобрѣтенныя права должны безусловно подчиняться. Пока государство признаетъ извѣстнаго рода права, оно обязано уважать тѣ изъ нихъ, которыя пріобрѣтены законнымъ путемъ, хотя бы способъ и условія пріобрѣтенія подверглись измѣненію; но оно можетъ совершенно отмѣнить этотъ видъ правъ, и тогда прі-

обрѣтенныя права тѣмъ самымъ перестаютъ существовать (Einl. стр. 20—21; § 7, стр. 281, прим.). Такимъ образомъ, утвердивши, повидимому, на прочныхъ основаніяхъ значеніе лица, какъ самобытнаго начала, Лассаль, въ концѣ концовъ, всецѣло предаетъ его на жертву измѣняющимся требованіямъ общаго духа.

На чемъ же основывается такой неожиданный выводъ?

Неприкосновенность пріобрѣтеннаго права, говоритъ Лассаль, всегда имѣетъ необходимую свою границу, вытекающую изъ самой природы вещей. Оно можетъ существовать, только пока права этого рода допускаются общимъ сознаніемъ. Какъ же скоро общее сознаніе требуетъ ихъ отмѣны, такъ оно должно исчезнуть, и безъ всякаго притомъ вознагражденія. Причина ясна. Общее народное сознаніе составляетъ единственный источникъ права. Гегель доказалъ это неопровержимымъ образомъ, и замѣчательнѣйшіе юристы нашего времени, какъ Савиньи и другіе, признающіе право органическимъ выраженіемъ народной жизни, пришли къ тому же заключенію. Отдѣльное лице не можетъ имѣть притязанія на верховное владычество въ своей сферѣ; оно не можетъ быть своимъ собственнымъ законодателемъ, ибо, становясь въ противорѣчіе съ общимъ сознаніемъ, оно становится въ противорѣчіе съ самымъ существомъ права. Всѣ пріобрѣтенныя права имѣютъ силу единственно вслѣдствіе общаго признанія, и какъ скоро сознаніе народа измѣнилось, такъ они теряютъ всякую юридическую почву. Отдѣльное право непремѣнно должно слѣдовать за измѣненіемъ общей субстанціи, изъ которой оно происходитъ и которою оно держится. Поэтому, всѣ юридическія обязательства сопровождаются молчаливымъ условіемъ, что они сохраняютъ свою силу, только пока общій законъ признаетъ существованіе подобныхъ правъ (§ 7, стр. 193—8). О вознагражденіи же въ случаѣ отмѣны не можетъ быть рѣчи, ибо вознагражденіе ничто иное какъ признаніе существованія отмѣненнаго права, хотя и въ другой формѣ. Тутъ нечего вознаграждать, ибо право съ самаго начала пріобрѣталось подъ условіемъ, что оно будетъ существовать, только пока оно признается закономъ. Вознагражденіе есть признаніе зависимости народнаго сознанія отъ частныхъ интересовъ; это—дань, наложенная на общественный духъ за его развитіе, иными словами, превращеніе государственнаго права въ частную собственность извѣстныхъ лицъ (§ 7, стр. 224—5, 228).

Лассаль признаетъ это даже похищеніе чужой собственности (стр. 239).

Не трудно замѣтить, что эта, можно сказать, чудовищная теорія находится въ полнѣйшемъ противорѣчіи со всѣмъ предъидущимъ. Тамъ личная свобода признавалась самобытнымъ, неприкосновеннымъ началомъ; здѣсь же она безусловно подчиняется измѣнчивымъ опредѣленіямъ народнаго сознанія. Очевидно, что при такомъ взглядѣ, о пріобрѣтенномъ правѣ не можетъ быть рѣчи. Лице, довѣряя закону, положило свой трудъ и свое достояніе въ извѣстные предметы, а законъ заднимъ числомъ лишаетъ его всего этого, объявляя незаконнымъ то, что онъ прежде признавалъ законнымъ. Большаго насилія противъ человѣческой свободы невозможно придумать; это— чистая ловушка, подставленная законодателемъ. Утверждать, какъ дѣлаетъ Лассаль, что всякое юридическое обязательство заключается съ тайнымъ условіемъ, что оно будетъ имѣть силу, только пока оно признается закономъ, значитъ на мѣсто дѣйствительнаго права ставить свои собственныя произвольныя фантазіи. На существованіе подобнаго условія не представлено, да и не можетъ быть представлено ни малѣйшаго доказательства. Теорія и практика единогласно признаютъ, напротивъ, что обѣщанная государствомъ защита составляетъ долгъ, который оно во всякомъ случаѣ обязано исполнить, также какъ послѣдующія правительства обязаны платить долги своихъ предшественниковъ, хотя бы они считали эти долги заключенными въ ущербъ интересамъ государства и самыя заключившія ихъ правительства признавали незаконными. Если общее сознаніе считаетъ необходимымъ отмѣнить извѣстныя права, составляющія частное достояніе лицъ, то оно обязано вознаградить владѣльцевъ; иначе это будетъ не право, а нарушеніе права. Законъ можетъ на будущее время объявить незаконными такія дѣйствія, которыя прежде считались законными; но онъ не можетъ, безъ внутренняго противорѣчія, объявить незаконно *пріобрѣтеннымъ* то, что было пріобрѣтено законно. Уваженіе къ пріобрѣтеннымъ правамъ, также какъ и уплата долговъ, составляетъ необходимое условіе преемственности государственной жизни. Это—уваженіе, оказанное государствомъ самому себѣ. Признавая себя единымъ лицемъ, непрерывно сохраняющимся при смѣнѣ поколѣній, оно признаетъ своими принятыя имъ на себя въ прежнее время обязательства. Когда Лассаль, извращая

мысль Шталя, приписываетъ полную автономію каждому преходящему моменту, какъ будто онъ ничѣмъ не связанъ съ прошедшимъ (§ 7, стр. 205), то этимъ онъ уничтожаетъ всякую преемственность народной и государственной жизни. Вознагражденіе за отмѣну пріобрѣтенныхъ правъ дѣйствительно есть дань, налагаемая прошедшимъ на настоящее и будущее, но дань справедливая и законная. Это— плата за то, что лице въ своихъ дѣйствіяхъ подчинялось закону и слѣдовало его предписаніямъ. А безъ этого начала, всякое право и всякая гражданственность превращаются въ пустой звукъ.

И развивая эту теорію, Лассаль ссылается на Гегеля, на Савиньи! Но Гегель, также какъ историческая школа, видитъ въ правѣ прежде всего выраженіе личной свободы. Въ этомъ состоитъ право въ собственномъ смыслѣ, то что Гегель называетъ отвлеченнымъ правомъ. Общее сознаніе признаетъ и опредѣляетъ это начало; но отрицаніе свободы въ законно принадлежащей ей области, хотя бы оно совершалось общественною волею, есть не право, а безправіе. Отдѣльное лице можетъ быть тысячу разъ правѣе, нежели законодательное собраніе въ родѣ французскаго Конвента, котораго дѣйствія Лассаль тщетно старается оправдать всякими софизмами. Держась діалектической методы Гегеля, самъ Лассаль принужденъ признать, что въ установленіи правъ является сочетаніе двухъ противоположныхъ началъ, общаго и частнаго; но единство обоихъ онъ видитъ въ томъ, что, съ одной стороны, частное существуетъ не иначе какъ черезъ посредство общаго, вслѣдствіе чего оно должно исчезнуть, когда общее измѣнилось, а съ другой стороны, общее, какъ скоро оно признаетъ законность частнаго, вводитъ послѣднее въ свою собственную субстанцію (§ 13, стр. 361—2). Ясно, что тутъ выходитъ не сочетаніе противоположностей, а полное и одностороннее преобладаніе одного начала надъ другимъ. Сочетаніе противоположностей означаетъ взаимную ихъ зависимость; здѣсь же частное вполнѣ зависитъ отъ общаго, а не наоборотъ. Это одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ встрѣчающагося у Лассаля злоупотребленія діалектики. Точно также онъ утверждаетъ, что такъ какъ развитіе есть изложеніе внутренней сущности духа (sein eigenes Ansich), то настоящее свое сознаніе духъ считаетъ тайно присущимъ уже и предъидущимъ своимъ дѣйствіемъ, а потому онъ съ этой точки зрѣнія обсуждаетъ и всѣ настоящія послѣдствія этихъ дѣйствій, оставляя

нетронутыми только послѣдствія уже истекшія. Въ этомъ чисто спекулятивномъ понятіи Лассаль видитъ глубочайшее основаніе всѣхъ своихъ выводовъ (§ 10, стр. 317). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ даже, что настоящее свое сознаніе духъ считаетъ отъ вѣка существовавшимъ, ибо оно принадлежитъ къ собственной его сущности (стр. 314, примѣч.). Но очевидно, что если развитіе составляетъ изложеніе внутренней сущности духа, то и предшествующія ступени должны считаться существовавшими отъ вѣка, а потому духъ не можетъ относиться къ нимъ чисто отрицательно, а долженъ признать ихъ законность. Полное отрицаніе прошедшаго во имя настоящаго разрываетъ связь ступеней и тѣмъ самымъ уничтожаетъ понятіе о развитіи. Къ этому и клонится теорія Лассаля. Отсюда можно видѣть, насколько развитіе спекулятивнаго понятія, которымъ щеголяетъ Лассаль, въ его рукахъ подвинуло науку. Если при правильномъ пониманіи діалектическаго процесса предметы озаряются новымъ свѣтомъ, то при малѣйшей неточности они выставляются въ совершенно ложномъ видѣ. Но и тутъ неправильность обличается ближайшимъ анализомъ понятія.

Развивая эту теорію абсолютныхъ законовъ, передъ которыми всякое пріобрѣтенное право должно исчезнуть, Лассаль, понималъ однако, что ее невозможно распространить на все, ибо тогда для свободы вовсе не останется уже мѣста, и понятіе о пріобрѣтенномъ правѣ должно быть вычеркнуто изъ науки и практики. Поэтому, онъ дѣлаетъ различіе между запретительными законами перваго разряда и запретительными законами второго разряда. Одни объявляютъ извѣстныя, доселѣ существовавшія права вовсе не подлежащими обладанію (extra patrimonium), другіе воспрещаютъ только извѣстныя формы или виды этихъ правъ. Къ первымъ вполнѣ прилагается теорія абсолютныхъ законовъ, ибо право можетъ существовать только пока оно допускается общимъ сознаніемъ. Ко вторымъ, напротивъ, прилагается теорія пріобрѣтенныхъ правъ, ибо, если бы лице знало, что извѣстная форма права будетъ воспрещена закономъ, оно выбрало бы другую. Поэтому, рядомъ съ вышеизложеннымъ безмолвнымъ условіемъ, въ силу котораго право продолжаетъ существовать, только пока оно дозволяется закономъ, надобно, по мнѣнію Лассаля, принять еще другое безмолвное условіе, именно, что пока законъ допускаетъ существованіе извѣстныхъ правъ, пріобрѣтенное право про-

должаетъ существовать въ той формѣ, какая признается закономъ. Вслѣдствіе этого, здѣсь вполнѣ приложимо вознагражденіе, то-есть, превращеніе права изъ одной формы въ другую (§ 7, стр. 225—7, 230—1, 252—4, 267—70).

Такимъ образомъ, первая фантазія оказалась недостаточною; надобно присоединить къ ней еще другую. Но чрезъ это, противорѣчіе становится только еще болѣе явнымъ. Лицу дается право жаловаться на отмѣну установленной формы права: оно можетъ сказать, что если бы это было извѣстно ему заранѣе, оно выбрало бы другую форму. Но развѣ оно не въ правѣ сказать тоже самое, въ усиленной степени, когда отмѣняется самое существо пріобрѣтеннаго имъ права? Конечно, если бы оно знало это заранѣе, оно стало бы пріобрѣтать не это право, а другое. Оказывается, что частная отмѣна пріобрѣтеннаго права составляетъ нарушеніе свободы, а полная отмѣна не составляетъ нарушенія свободы, то-есть, когда свобода человѣка нарушается отчасти, ему дозволяется вопіять о несправедливости и требовать вознагражденія, но когда она нарушается всецѣло, ему остается только безмолвно повиноваться и считать рѣшеніе справедливымъ. Достаточно выяснить эту нелѣпость, чтобы обличить всю несостоятельность этой теоріи.

Лассаль старается въ подробныхъ примѣрахъ объяснить установленное имъ различіе; но тутъ уже оказывается такая путаница понятій, изъ которой нѣтъ возможности выбраться. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ слѣдуетъ считать существомъ извѣстнаго права, и что̀ только частною его формою, видомъ, условіемъ, опредѣленіемъ или способомъ дѣйствія, выраженія, которыя Лассаль употребляетъ безразлично? (§ 7, стр. 227, 253, 268). Частное опредѣленіе относится къ общей сущности, какъ видъ къ роду. Но родовое понятіе само есть качественно-опредѣленное право, какъ признаетъ и Лассаль (стр. 269; иначе оно не было бы дѣйствительнымъ правомъ. Слѣдовательно, оно само составляетъ видъ высшаго рода, а потому нѣтъ возможности опредѣлить, какую отмѣну слѣдуетъ считать частною и какую всецѣлою, или, лучше сказать, можно принять то или другое по произволу. Если мы частное опредѣленіе введемъ въ самое понятіе о правѣ, оно будетъ принадлежать къ его существу, если же мы его выдѣлимъ, оно будетъ составлять только извѣстную форму. Такимъ образомъ, просто играя опредѣленіями, мы можемъ считать извѣстное

право неприкосновеннымъ или подлежащимъ немедленной отмѣнѣ, признать данное вознагражденіе справедливымъ удовлетвореніемъ или преступнымъ воровствомъ. Это и дѣлаетъ Лассаль въ своихъ выводахъ.

Прежде всего, онъ въ опредѣленіе существа юридическаго отношенія вводитъ не одно содержаніе права, но и юридическое его основаніе, то-есть, способъ пріобрѣтенія (§ 7, стр. 226), въ прямое противорѣчіе съ собственнымъ своимъ положеніемъ, по которому законы, не касающіеся содержанія правъ, а только тѣхъ дѣйствій, которыми права пріобрѣтаются, принадлежатъ ко второму разряду (стр. 268). Затѣмъ оказывается, что юридическое основаніе имѣетъ значеніе единственно для обязательствъ, ибо послѣднія опредѣляются именно способомъ пріобрѣтенія. Въ вещныхъ же правахъ, способъ опредѣленія нисходитъ на степень безразличнаго средства или простой формы, вслѣдствіе чего законы, воспрещающіе извѣстные способы пріобрѣтенія, въ приложеніи къ обязательствамъ, принадлежатъ къ первому разряду, а въ приложеніи къ вещнымъ правамъ ко второму (стр. 255). Однако и въ вещныхъ правахъ, юридическое основаніе получаетъ значеніе, если оно превращается въ опредѣленіе самаго содержанія. Напримѣръ, изъ феодальныхъ отношеній вытекали для господина извѣстныя частныя права на лице и имущество подчиненныхъ. Законъ допускалъ пользованіе этими правами и на другихъ юридическихъ основаніяхъ, а потому казалось бы, что это запрещеніе принадлежитъ ко второму разряду; но, по мнѣнію Лассаля, феодальное происхожденіе является здѣсь качественнымъ опредѣленіемъ самаго права; слѣдовательно, запретительный законъ относится къ первому разряду, и права эти должны быть отмѣнены безвозмездно (стр. 255—6). Точно также отмѣна фидеикоммиссовъ и субституцій объявляется закономъ перваго разряда. Хотя наслѣдованіе вообще не воспрещается, но безусловно воспрещается извѣстный его *видъ* или постановленіе извѣстныхъ *условій*, стѣсняющихъ права наслѣдниковъ (стр.218—9, 258). На основаніи того же различія, Лассаль относитъ ко второму разряду законъ, воспрещающій доказывать денежныя обязательства свыше извѣстной суммы показаніемъ свидѣтелей; но законъ воспрещающій свидѣтельскія покозанія *вообще* въ денежныхъ обязательствахъ, принадлежитъ, по его мнѣнію, къ первому разряду, хотя свидѣтельскія показанія въ гражданскихъ дѣлахъ *вообще* допускаются. Лассаль увѣряетъ при этомъ, что заимодавецъ не можетъ жаловаться на то, что у него

отнято законное право защиты, ибо онъ находится въ совершенно такомъ же положеніи, какъ и тотъ, кто послѣ изданія закона не имѣетъ возможности получить письменный документъ!! (§ 7, стр. 270—271). Точно также къ первому разряду Лассаль относитъ и законъ, воспрещающій показанія извѣстныхъ родственниковъ, ибо здѣсь отмѣняется *вообще* это *опредѣленное* право!! (стр. 271—272).

Такимъ образомъ, отнесеніе запретительныхъ законовъ къ первому или второму разряду, то-есть, существованіе или несуществованіе пріобрѣтенныхъ правъ, нарушеніе или ненарушеніе человѣческой свободы и собственности, зависитъ отъ того, куда мы поставимъ частичку *вообще*. Въ этомъ отношеніи, у Лассаля встрѣчаются курьезные примѣры. Такъ, разбирая силу судебныхъ рѣшеній, онъ говоритъ, что законъ, отмѣняющій право женщинъ получать отъ соблазнителя вознагражденіе за беременность, не отмѣняетъ вошедшихъ уже въ силу рѣшеній, ибо плата денежнаго вознагражденія *вообще* не воспрещается. Но законъ, отмѣняющій обязанность отца давать пропитаніе незаконнымъ дѣтямъ, уничтожаетъ и вошедшія въ силу судебныя рѣшенія, ибо послѣднія надобно понимать не отвлеченно, какъ признанное право на денежное вознагражденіе *вообще*, а въ ихъ опредѣленной юридической натурѣ, какъ опредѣленія о *родственной обязанности давать пропитаніе* (§ 8, стр. 302—303).

Самыя количественныя опредѣленія превращаются Лассалемъ не только въ качественныя, но и въ родовыя. Такъ напримѣръ, законъ, воспрещающій брать проценты свыше извѣстнаго размѣра, онъ относитъ къ первому разряду, а потому приписываетъ ему немедленное дѣйствіе, даже въ приложеніи къ прежде заключеннымъ обязательствамъ (§ 7, стр. 283—284), хотя, казалось бы, что тутъ и частички *вообще* нельзя поставить, ибо вообще процентовъ брать не запрещено, и самъ Лассаль, въ указанномъ выше примѣрѣ, относитъ ко второму разряду законъ, воспрещающій свидѣтельскія показанія въ денежныхъ обязательствахъ свыше извѣстнаго размѣра.

Окончательно, по этой теоріи, существованіе или несуществованіе пріобрѣтенныхъ правъ, справедливость или несправедливость вознагражденія, зависятъ не отъ какихъ-либо юридическихъ началъ, а чисто отъ субъективнаго воззрѣнія законодателя. Если законода-

тель считаетъ возможнымъ существованіе извѣстнаго права въ какой-либо формѣ, то при отмѣнѣ прежнихъ формъ сохраняются пріобрѣтенныя права или дается вознагражденіе; если же означенное право вовсе отмѣняется, то вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ и пріобрѣтенныя права и никто не имѣетъ права ничего требовать. Такъ, въ случаѣ возвышенія опредѣленнаго для совершеннолѣтія возраста съ 21 года на 24, недостигшіе послѣдняго возраста, но объявленные совершеннолѣтними по прежнему закону, сохраняютъ свое право, если законодатель допускаетъ еще нѣкоторые способы пріобрѣтенія совершеннолѣтія до 24 лѣтъ, напримѣръ, посредствомъ брака или объявленіемъ опекуновъ; но если законодатель не допускаетъ никакихъ другихъ способовъ, кромѣ достиженія опредѣленнаго возраста, то всѣ эти лица изъ совершеннолѣтнихъ снова становятся несовершеннолѣтними (стр. 267, прим.). На томъ же основаніи, Лассаль считаетъ справедливымъ постановленное прусскимъ закономъ 1810 года вознагражденіе за проистекающія изъ феодальныхъ отношеній неопредѣленныя работы; ибо въ то время законодатель не считалъ еще феодальныхъ правъ подлежащими полной отмѣнѣ. Но тоже самое вознагражденіе сдѣлалось неправомѣрнымъ въ 1850 году, когда законодатель пришелъ уже къ новому сознанію, а потому Лассаль объявляетъ это постановленіе чистымъ грабежемъ, учиненнымъ высшими классами надъ низшими (§ 7, стр. 239, прим.).

Ясно, что вся эта теорія ничто иное какъ чистая софистика. Ложная въ своихъ основаніяхъ, она оказывается совершенно несостоятельною въ своихъ приложеніяхъ. Несмотря на силу и ясность своего ума, Лассаль былъ не въ состояніи выпутаться изъ той сѣти, въ которую завлекла его предвзятая мысль. Его система пріобрѣтенныхъ правъ остается памятникомъ потраченныхъ даромъ усилій и безплодной діалектики.

Вторая часть сочиненія Лассаля посвящена наслѣдственному праву, главнымъ образомъ римскому. По собственному его завѣренію (II, стр. 3—4), онъ имѣлъ цѣлью доказать, что и наслѣдство пріобрѣтается не иначе какъ собственною волею наслѣдника, либо въ силу существующаго уже единства воль родителей и дѣтей, либо въ силу добровольнаго принятія наслѣдства. Но очевидно, что такого доказательства недостаточно было даже самаго подробнаго изслѣдованія постановленій римскаго права; надобно было про-

вести это начало по наслѣдственному праву всѣхъ временъ и народовъ, а этого Лассаль не сдѣлалъ. Относительно самаго римскаго права, доказательство не представлено имъ вполнѣ. Начало предполагаемаго закономъ единства воль приложимо къ сыну, который является необходимымъ наслѣдникомъ отца, безъ права отказаться отъ наслѣдства, но не приложимо къ рабу, который по завѣщанію получаетъ свободу и въ тоже время дѣлается необходимымъ наслѣдникомъ. Самъ Лассаль признаетъ, что освобождаемый рабъ является наслѣдникомъ, какъ *другое* лице, а не какъ тожественное съ завѣщателемъ (II, стр. 275); а такъ какъ отъ раба не требуется и принятія наслѣдства, то для него наслѣдство становится пріобрѣтеннымъ правомъ помимо его воли. Точно также легатаръ, которому отказано было извѣстное имущество по древнѣйшему способу (legatum per vindicationem), становился собственникомъ отказаннаго предмета въ силу самаго завѣщанія, безъ всякаго принятія (стр. 184). Такимъ образомъ, основное положеніе Лассаля осталось недоказаннымъ. Но въ сущности, оно служило ему только предлогомъ для изслѣдованія. Истинная цѣль автора, которая обнаруживается въ его окончательныхъ выводахъ, заключалась въ желаніи доказать, что все наслѣдственное право имѣетъ чисто историческое значеніе и разрушается собственнымъ внутреннимъ процессомъ развитія [1]).

Съ этой точки зрѣнія, изслѣдованіе получаетъ гораздо высшій интересъ, но тутъ еще болѣе поражаетъ насъ крайняя его неполнота. Постановленный такимъ образомъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ единственно всемірною исторіею наслѣдственнаго права. Вмѣсто того, Лассаль подробно изслѣдуетъ одно римское наслѣдство, а остальныхъ едва касается. Предшествующимъ Риму ступенямъ посвящается лишь нѣсколько словъ. На Востокѣ, по мнѣнію Лассаля, наслѣдственное право основано на естественномъ продолженіи лица въ дѣтяхъ; тутъ завѣщаніе неизвѣстно. Въ Греціи, гдѣ лице отрѣшается уже отъ естественной основы и пріобрѣтаетъ самостоятельность, но живетъ еще общею жизнью съ народомъ, является наслѣдованіе въ силу

1) Тамъ же, стр. 586 прим.; стр. 600—601, 604—608. Ср. брошюру Herr Bastiat-Schulze von Delitzsch стр. 165 прим. (Chicago 1872), гдѣ Лассаль утверждаетъ, что онъ въ *Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ* доказалъ чисто историческое значеніе *всѣхъ* юридическихъ категорій и въ особенности, во второй части, наслѣдственнаго и семейнаго права.

усыновленія, имѣющаго цѣлью продолженіе имени въ народѣ. Въ Римѣ, наконецъ, субъективная воля становится преобладающею; здѣсь первое мѣсто занимаетъ наслѣдованіе по завѣщанію, а наслѣдованіе по закону нисходитъ на степень вспомогательнаго средства. Господствующая здѣсь идея есть безсмертіе души, но еще въ приложеніи къ внѣшнему міру. Это—ступень, непосредственно предшествующая христіанству, которое относитъ безсмертіе къ внутренней, духовной сущности человѣка, отрѣшенной отъ внѣшняго бытія (II, стр. 21—25). Лассаль выводитъ эту идею продолженія воли за гробомъ изъ господствовавшаго у Пеласговъ поклоненія душамъ умершихъ. Покойный считался живущимъ еще при своемъ домашнемъ очагѣ и властвующимъ надъ окружающимъ міромъ. Это религіозное воззрѣніе, во своей чистотѣ своей, сохранилось въ Этруріи, откуда Римляне получили свою вѣру. Но здѣсь душа умершаго, Манъ или Ларъ, является еще ревнивымъ хранителемъ своего достоянія; подлѣ него для живущихъ нѣтъ свободнаго мѣста. Задача Рима заключалась въ примиреніи этого темнаго владычества умершихъ съ свободою живыхъ. Оно совершается посредствомъ завѣщанія, которымъ умершій установляетъ живаго продолжателя своей воли. Черезъ это, темная область религіозныхъ представленій переходитъ въ свободную область права, ибо право есть именно осуществленіе воли во внѣшнемъ мірѣ. Поэтому, римскій духъ выразился въ правѣ, также какъ греческій духъ выразился въ свободномъ искусствѣ (страница 517 и слѣд.).

Изъ этого кореннаго понятія слѣдуетъ, что значеніе римскаго завѣщанія состоитъ въ продолженіи воли умершаго, а отнюдь не въ передачѣ имущества. Установленный наслѣдникъ совершаетъ вѣчныя жертвоприношенія лицу умершаго и исполняетъ его волю послѣ его смерти; имущество же можетъ быть роздано совершенно другимъ лицамъ, въ видѣ частыхъ отказовъ. Поэтому, наслѣднику противополагается легатаръ (стр. 28—9, 30—40, 66). Лишеніе наслѣдника всякихъ имущественныхъ правъ составляетъ даже высшее торжество воли завѣщателя, какъ чистое выраженіе лежащаго въ основаніи наслѣдства метафизическаго начала (стр. 71—2, 482). Но здѣсь-то именно эта воля встрѣчается съ препятствіемъ. Въ дѣйствительности, продолженіе воли умершаго ничто иное какъ фикція, ибо наслѣдникъ—все-таки другое лице, а не тоже самое. Поэтому, у него не-

премѣнно есть свой личный интересъ, и когда завѣщатель лишаетъ его имущества, возлагая на него однѣ тяжести, онъ, съ своей стороны, отказывается отъ наслѣдства и тѣмъ лишаетъ завѣщателя высшаго блага, продолженія воли послѣ смерти. Отсюда развивающееся въ римскомъ правѣ столкновеніе двухъ началъ, воли завѣщателя и интереса наслѣдника. Законъ вступается за наслѣдника и требуетъ, чтобы ему удѣлена была часть имущества. Но этотъ законодательный процессъ составляетъ искаженіе чисто римскаго понятія. Послѣднее постепенно разлагается, вслѣдствіе внутренняго своего противорѣчія. Окончательно, продолженіе воли превращается въ простую передачу имущества; фикція уступаетъ дѣйствительности. Но съ этимъ вмѣстѣ, римскій духъ, который былъ носителемъ этой идеи, перестаетъ существовать (II, стр. 72—103).

Рядомъ съ имущественнымъ началомъ развивается и связанное съ нимъ начало кровной семьи. Въ чисто римскомъ возрѣніи, и для послѣдняго не было мѣста. Личная воля завѣщателя господствовала безусловно; тамъ, гдѣ она не выразилась явно, отыскивалась предполагаемая воля. За недостаткомъ завѣщанія, какъ вспомогательное средство, наступало наслѣдованіе по закону (ab intestato). Что же такое наслѣдованіе по закону по римскимъ понятіямъ? Явно высказанная воля есть частая воля лица; гдѣ этой частной воли нѣтъ, остается общій элементъ воли, совпадающій съ субстанціею народнаго духа. Поэтому, предполагаемая воля лица—ничто иное какъ общая воля народа или государства. Она-то и выражается въ наслѣдованіи по закону. Но общая воля народа связывается съ лицемъ не прямо, а черезъ посредство органическихъ союзовъ, на которые разчленяется государство, именно, рода (gens) и юридической семьи (agnati). Вслѣдствіе этого, за недостаткомъ завѣщанія и прямыхъ наслѣдниковъ, наслѣдуетъ ближайшій родственникъ изъ юридической семьи (agnatus), а за недостаткомъ послѣдняго ближайшій членъ рода (gentilis). Они наслѣдуютъ, какъ представители цѣлыхъ союзовъ а не въ силу кровнаго родства. Послѣднее начало (cognatio) вводится въ наслѣдственное право только позднѣйшими преторскими эдиктами, мало-по-малу вытѣсняя собою первоначальное римское возрѣніе. Наконецъ, за недостаткомъ родича, наслѣдникомъ можетъ сдѣлаться всякій Римлянинъ. Кто въ теченіе года владѣлъ имуществомъ умершаго, тотъ, въ силу давности, становится наслѣдникомъ (usucapi

pro herede). Здѣсь въ наслѣдственное право вводится уже имущественное начало: не продолженіе воли влечетъ за собою пріобрѣтеніе имущества, а наоборотъ. Но это случай крайности, и онъ-то и ведетъ къ уничтоженію чисто римскихъ понятій: наслѣдственная давность становится началомъ преторскаго права. Римское воззрѣніе въ себѣ самомъ заключало уже сѣмена своего разложенія. Весь процессъ его развитія ничто иное какъ діалектическій процессъ его отрицанія. Римскія понятія переходятъ въ общечеловѣческія. Идея продолженія личной воли вытѣсняется имущественнымъ и семейнымъ началомъ. Это составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ переходъ къ германскому воззрѣнію (стр. 384 и слѣд.).

Таковъ взглядъ Лассаля на развитіе римскаго наслѣдственнаго права. Онъ проведенъ во всѣхъ подробностяхъ съ необыкновенною послѣдовательностью и нерѣдко съ значительною глубиною пониманія. Но онъ страдаетъ такими преувеличеніями, которыя бросаютъ ложный свѣтъ какъ на самое существо наслѣдственнаго права, такъ и на историческое его развитіе у Римлянъ. Что въ римскомъ воззрѣніи первое мѣсто занимало продолженіе воли умершаго, что это начало имѣло религіозный характеръ, это несомнѣнно. Но тоже самое мы видимъ и у другихъ народовъ. Дѣти наслѣдуютъ послѣ отца, потому что они считаются продолжателями его личности. Самъ Лассаль прямо признаетъ это относительно Востока (стр. 24). Завѣщаніе имѣетъ религіозный характеръ и у христіанскихъ народовъ, именно вслѣдствіе того, что оно связано съ вѣрою въ безсмертіе души. Особенность римскаго воззрѣнія состояла въ томъ, что воля умирающаго отца семейства ставилась выше всего, но это не означаетъ преобладанія личнаго начала надъ семейнымъ. Основаніе этого права заключалось въ томъ, что въ цвѣтущія времена Рима, пока еще крѣпокъ былъ народный духъ, каждый гражданинъ былъ носителемъ этого духа. Никто лучше отца семейства не могъ распорядиться судьбою семьи. Ограниченія потребовались уже во времена упадка народной нравственности, когда явились злоупотребленія. Семейное начало такъ мало устранялось въ римскомъ наслѣдованіи, что, по признанію самого Лассаля, дѣти считались прямыми наслѣдниками отца не въ силу закона, а по собственному праву, въ силу непосредственно существующаго единства воль (II, стр. 229, 231, 238, 252). Если сынъ не былъ по имени лишенъ наслѣдства, то

завѣщаніе считалось недѣйствительнымъ; слѣдовательно, какъ признаетъ и Лассаль, надобно было формально уничтожить существующее право, прежде нежели установлять новое (стр. 254—255). Явный признакъ, что въ сознаніи самихъ Римлянъ завѣщаніе считалось позднѣйшимъ началомъ, которому предшествовало семейное наслѣдованіе. Поэтому, когда Лассаль утверждаетъ, что наслѣдованіе по закону, или лучше, наслѣдованіе безъ завѣщанія (ab intestato), ибо таково было чисто римское понятіе, является только какъ вспомогательное средство при наслѣдованіи по завѣщанію, онъ принужденъ, вопреки точному смыслу слова, исключить изъ наслѣдованія по закону наслѣдованіе членовъ семьи. Онъ утверждаетъ, что прямой наслѣдникъ (suus) составляетъ нѣчто среднее между наслѣдованіемъ по завѣщанію и наслѣдованіемъ безъ завѣщанія (II, стр. 242, 403), хотя онъ самъ же признаетъ эти два понятія исключающими другъ друга противоположностями (стр. 247, 249, 250, 391), между которыми, поэтому, не можетъ быть ничего средняго.

Устранивъ семейное начало, Лассаль принужденъ далѣе дать самому наслѣдованію по закону совершенно превратное толкованіе. Онъ понимаетъ его, не какъ наслѣдованіе родственниковъ, а какъ наслѣдованіе народа въ его органическихъ расчлененіяхъ. Поводомъ къ такому толкованію послужило то, что въ Римѣ кровные союзы были вмѣстѣ съ тѣмъ органическими членами государства. Но вопросъ состоитъ въ томъ, которымъ изъ этихъ двухъ значеній опредѣляется данное отношеніе? На это самъ Лассаль даетъ отвѣтъ, совершенно противорѣчащій его выводу. Когда нѣтъ завѣщанія, наслѣдуютъ прямые наслѣдники, состоявшіе подъ властью умершаго, а потому имѣющіе съ нимъ единую волю. Здѣсь воля считается еще явно выраженною, если не въ словахъ, то на дѣлѣ; когда же прямыхъ наслѣдниковъ нѣтъ, законъ ищетъ предполагаемой воли. Что же онъ въ этомъ случаѣ дѣлаетъ? Онъ восходитъ къ агнатамъ, то-есть, къ тѣмъ лицамъ, которыя состояли или могли состоять вмѣстѣ съ умершимъ подъ общею отцовскою властью. Основаніемъ, по толкованію Лассаля, является тутъ воспоминаніе о прежнемъ единеніи воль. За недостаткомъ же агнатовъ, законъ восходитъ еще выше, къ давнопрошедшему единенію воль подъ властью родоначальника (стр. 409, 413—4). Очевидно, что во всемъ этомъ исканіи руководящимъ началомъ служитъ личная связь умершаго съ живыми, соеди-

неніе ихъ самихъ или ихъ предковъ подъ единою семейною властью, а никакъ не расчлененіе государственной жизни. Воля умершаго, говоритъ Лассаль, хотя и предполагаемая, всегда является опредѣленною, то-есть, относящеюся къ другому, опредѣленному лицу (стр. 428). Государство же никогда не получаетъ наслѣдства: за недостаткомъ родичей, имѣніе, по древнему римскому праву, считается ничьимъ, а не обращается въ пользу казны (стр. 428). Что касается до пріобрѣтенія наслѣдства давностью, на которое ссылается Лассаль, то въ немъ отнюдь нельзя видѣть наслѣдованія народа, какъ единаго цѣлаго. Самъ Лассаль признаетъ здѣсь господство имущественнаго начала. Такимъ образомъ, римское наслѣдованіе безъ завѣщанія выражаетъ собою вовсе не общую народную волю, расчленяющуюся въ органическихъ союзахъ, а родственныя отношенія лица, въ томъ видѣ, какъ они понимались Римлянами. Въ римской семьѣ, какъ извѣстно, точно также какъ и въ римскомъ родѣ, естественное, кровное начало подчинялось началу религіозно-юридическому. Эта чисто народная форма семейныхъ и родовыхъ отношеній въ теченіе римской исторіи мало-по-малу уступала мѣсто болѣе широкому началу кровнаго родства. Самъ Лассаль признаетъ, что спеціально римскія воззрѣнія замѣнились общечеловѣческими (стр. 44, 566). Но это было расширеніе одного и того же семейнаго начала, а не замѣна одного начала другимъ, противоположнымъ.

Точно также одпостороненъ взглядъ Лассаля и на отношеніе двухъ элементовъ наслѣдственнаго права: продолженія воли умершаго и передачи имущества. Невозможно видѣть истинное существо римскаго наслѣдованія въ метафизическомъ зудѣ, по выраженію Лассаля, въ силу котораго умирающій считалъ высшимъ осуществленіемъ своей воли лишеніе наслѣдника всякаго имущества. Продолженіе воли, какъ признаетъ и самъ Лассаль (стр. 190, 340), выражается въ господствѣ надъ подчиненными ей вещами, то-есть, именно въ имущественной области. Личныя преимущества умершаго не переходятъ на наслѣдника; не переходитъ и семейная власть. Самое совершеніе жертвоприношеній связано съ передачею имущества, ибо оно происходитъ на домашнемъ очагѣ. Поэтому, по древнѣйшей, чисто квиритской формѣ завѣщанія, per aes et libram, наслѣднику цѣликомъ передавалось все имущество, за исключеніемъ тѣхъ отдѣльныхъ отказовъ, которые тутъ же отъ него отсѣкались и дѣлались

собственностью легатаровъ (стр. 190). Эта древнѣйшая форма отказа, per vindicationem, и позднѣйшее явленіе отказа per damnationem, по которому самъ наслѣдникъ становился распорядителемъ и обязанъ былъ раздавать отказы, служатъ явнымъ доказательствомъ тому, что первоначально наслѣдникъ понимался отнюдь не какъ простой исполнитель воли умершаго или какъ душеприказчикъ, а именно какъ владѣлецъ совокупнаго имущества. Говоря объ этихъ двухъ формахъ, Лассаль неизбѣжно принужденъ впадать въ противорѣчіе съ собою. Съ одной стороны, онъ не можетъ не признать въ отказѣ per vindicationem древнѣйшую, чисто римскую форму (стр. 195); съ другой стороны, согласно съ своею теоріею, онъ считаетъ отказъ per damnationem наиболѣе соотвѣтствующимъ римской идеѣ (стр. 195); а наконецъ, и этотъ способъ уступаетъ отказу sinendi modo, по которому завѣщатель опять устраняетъ наслѣдника и дѣлаетъ его страдательнымъ лицомъ (стр. 207—8). Лассаль видитъ въ этомъ рядѣ внутреннихъ противорѣчій самаго начала; но противорѣчіе есть только въ способѣ пониманія.

Отсюда ясно, что превращеніе наслѣдника въ простаго душеприказчика было явленіемъ позднѣйшаго времени. Злоупотребленія, возникшія изъ этого при паденіи народной нравственности, именно и побудили законодателя къ принятію ограничительныхъ мѣръ. Поэтому, развитіе имущественнаго начала въ римскомъ наслѣдственномъ правѣ никакъ нельзя считать искаженіемъ римскихъ воззрѣній и вторженіемъ чуждыхъ элементовъ въ народную жизнь, какъ дѣлаетъ Лассаль. Напротивъ, это было возвращеніе къ первоначально существовавшему, нормальному порядку, но, конечно, возвращеніе въ иной, болѣе широкой формѣ. Тѣсное римское воззрѣніе расширяется и становится общечеловѣческимъ.

Такимъ образомъ, тѣ внутреннія противорѣчія, которыя Лассаль находитъ въ римскомъ наслѣдственномъ правѣ, вовсе не существуютъ. Римское наслѣдственное право не разрушается собственною діалектикою, а переходитъ только въ болѣе широкую форму. Сущность же права, выработанная Римлянами, становится достояніемъ человѣчества. Этотъ результатъ совпадаетъ съ тѣмъ, что можно назвать истинно-философскимъ взглядомъ на историческое развитіе, съ тѣмъ взглядомъ, который видитъ въ исторіи положительное изложеніе внутренняго содержанія человѣческаго духа. Принявши воззрѣніе Лас-

саля, слѣдуетъ сказать, напротивъ, что все римское наслѣдственное право ничто иное какъ развитіе невозможной фикціи; а такъ какъ въ этомъ полагается весь смыслъ римской исторіи, то вся она превращается въ чисто отрицательный процессъ, который исчезаетъ, не оставивъ по себѣ и слѣда. И это отрицательное воззрѣніе выдается за послѣдовательное развитіе идей Гегеля!

Въ сущности, указанныя Лассалемъ противорѣчія относятся не къ одному римскому праву, а къ наслѣдованію вообще. Это и есть сокровенная мысль автора, которая проглядываетъ въ общности употребляемыхъ имъ выраженій [1]). По мнѣнію Лассаля, противорѣчіе оказывается между понятіемъ о наслѣдствѣ и его реальностью, между юридическою фикціею единства воль и дѣйствительнымъ существованіемъ различныхъ воль. Очевидно, что это относится не къ одному завѣщанію, но также и къ наслѣдованію по закону, ибо дѣти получаютъ наслѣдство отца именно вслѣдствіе того, что они считаются продолжателями личности и воли умершаго. Поэтому, Лассаль и наслѣдованіе дѣтей послѣдовательно признаетъ юридическою фикціею, хотя онъ же самъ, въ другихъ мѣстахъ, называетъ рожденіе дѣтей естественнымъ и истиннымъ продолженіемъ лица умершаго [2]). Между тѣмъ, такой всемірно-историческій фактъ, какъ наслѣдство, невозможно объяснить вымыслами утонченнаго юридическаго ума. Существованіе наслѣдственнаго права во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, казалось бы, должно указать на то, что это не мимолетное историческое явленіе, а начало, лежащее въ самомъ существѣ человѣческаго духа, вытекающее изъ самыхъ глубокихъ его основъ. И точно, на этомъ началѣ духовнаго единства зиждутся всѣ человѣческіе союзы, всѣ нравственныя отношенія, вся духовная преемственность поколѣній. Не только семейство, но и государство составляетъ единое цѣлое, именно потому, что между отдѣльными, входящими въ составъ его лицами признается единство воль. Это буквально принимаетъ и Лассаль (стр. 415), хотя онъ послѣдова-

[1]) II, стр. 212: „welches wiederum nur die Aeusserung jener fictiven Natur des Erbbegriffes ist, vermöge welcher der Wille nach seinem Erlöschen fortexistiren und sich als fortexistirend bewähren will“. Тоже на стр. 99.

[2]) II, стр. 24: „die natürleche und wahrhafte Fortpflanzung der Person“. Съ другой стороны на стр. 282: „jene unbedingte und mittelbare Identität des Suus mit dem Erblasser ist eben nur die Rechtsfiction, welche die Naturwahrheit, dass es eine andere selbstwollende Willensperson ist, zurückdrängen kann“.

тельно долженъ бы былъ и государство и народъ выдавать за чистыя фикціи. Народъ и государство образуютъ единое лице, несмотря на смѣну поколѣній, вслѣдствіе того, что позднѣйшія поколѣнія считаются продолжателями личности и воли предшествующихъ. На этомъ основаніи, новыя правительства признаютъ себя обязанными соблюдать договоры и исполнять обязательства, заключенныя прежними. Это духовное единство лицъ, проявляющееся въ правѣ, освящается и нравственностью и религіею. Вслѣдствіе этого, дѣти считаютъ священнѣйшею обязанностью исполненіе воли умершихъ родителей. На томъ же основаніи, завѣщанія, не только въ Римѣ, но и у христіанскихъ народовъ, ставились подъ охрану церкви. Когда человѣкъ, отходя отъ міра, распоряжается всѣмъ, что онъ оставляетъ послѣ себя, всѣмъ, что служило принадлежностью и выраженіемъ его личности, онъ совершаетъ не только юридическій, но и религіозный актъ, ибо во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ господствуетъ мысль объ отношеніи лица къ Божеству. Съ этимъ связана и вѣра въ безсмертіе души, вѣра опять же присущая всѣмъ временамъ и народамъ. Она не служитъ основаніемъ завѣщанія, но оба понятія тѣсно связаны: они являются выраженіемъ единаго начала, убѣжденія въ томъ, что духъ не умираетъ, а живетъ, несмотря на разложеніе плоти. Этимъ началомъ человѣкъ живетъ и въ настоящей жизни: увѣренность въ томъ, что дѣло его не погибнетъ, что память его будетъ чтиться, что воля его будетъ исполнена, что все, что онъ любитъ и что называетъ своимъ, будетъ передано тѣмъ, кого онъ любитъ, служатъ ему и побужденіемъ къ дѣятельности и утѣшеніемъ въ смерти. Только въ силу этого начала, человѣкъ творитъ не для одного настоящаго дня, а какъ звено преемственной цѣпи поколѣній. Мысль о будущемъ входитъ, какъ существенный элементъ, въ настоящее. Поэтому, распоряженія послѣ смерти составляютъ для человѣка священнѣйшее право, котораго онъ не можетъ быть лишенъ безъ оскорбленія самыхъ глубокихъ его чувствъ, безъ посягательства на духовное его естество.

Такимъ образомъ и право, и нравственность, и религія, и философія единогласно утверждаютъ начало духовнаго единства, какъ составляющее самую сущность человѣческаго духа. Только чистый матеріализмъ можетъ видѣть въ этомъ одну фикцію. Для матеріализма реально одно лишь видимое, физическое раздѣленіе особей;

для идеализма, напротивъ, невидимое, духовное единство составляетъ высшую реальность, ибо въ немъ выражается истинное существо духа, въ противоположность матеріи. Все ученіе Лассаля клонится къ признанію послѣдняго начала. Мы видѣли, что у него идеализмъ доводится до крайности: самостоятельность лица исчезаетъ передъ общею субстанціею. Но когда это оказывается нужнымъ для постороннихъ цѣлей, когда надобно лишить лице священнѣйшаго его права, тогда пускаются въ ходъ самыя грубыя матеріалистическія понятія и смѣло утверждается, что только физическое лице есть нѣчто дѣйствительное, а духовное единство лицъ ничто иное какъ фикція, которая разрушается собственнымъ внутреннимъ противорѣчіемъ. Мы встрѣчаемся здѣсь съ характеристическою чертою Лассаля, съ чертою, которая служитъ высшимъ осужденіемъ всей его дѣятельности. Тутъ нѣтъ искренняго стремленія къ правдѣ, а есть коренная фальшь.

Лассаль понималъ однако, что недостаточно наобумъ кинуть мысль, что все понятіе о наслѣдствѣ составляетъ чистую фикцію, которая противорѣчитъ дѣйствительности, а потому разрушается сама собою; надобно доказать эту мысль, проведя ее по всѣмъ явленіямъ. Съ этою цѣлью онъ и предпринялъ обстоятельное изслѣдованіе римскаго наслѣдственнаго права. Вышло ли оно удачно или нѣтъ, во всякомъ случаѣ тутъ былъ научный пріемъ: представлено подробное доказательство. Но очевидно, что этого было мало. Вопросъ былъ поставленъ общій, а потому рѣшеніе его требовало такого же изслѣдованія наслѣдственнаго права у всѣхъ другихъ народовъ. Но тутъ-то и оказывается крайняя скудость. Мы видѣли уже, что Востоку и Греціи едва посвящено нѣсколько словъ. Затѣмъ все развитіе наслѣдственнаго права у новыхъ народовъ, которое для Лассаля ограничивается однимъ германскимъ правомъ, излагается на 33 страницахъ, большею частью наполненныхъ общими разсужденіями, между тѣмъ какъ изслѣдованіе римскаго наслѣдства занимаетъ 570 страницъ книги. Уже это одно обстоятельство показываетъ, съ какою легкостью Лассаль думалъ обойти препятствія, чтобы скорѣе достигнуть своей цѣли. Содержаніе изслѣдованія обнаруживаетъ это еще болѣе.

Существо германскаго наслѣдственнаго права въ чистой его формѣ состоитъ въ исключительномъ господствѣ наслѣдованія по закону. Тутъ нѣтъ продолженія воли послѣ смерти, нѣтъ завѣщанія; кореннымъ началомъ является собственное право семейства на имущество.

умершаго, право, имѣющее силу уже при жизни владѣльца, ибо наслѣдственное достояніе воспрещено отчуждать безъ согласія ближайшихъ наслѣдниковъ. Отсюда и право выкупа (стр. 579—584). Эти начала, которыя Лассаль считаетъ столь противоположными римскимъ понятіямъ, что между тѣми и другими нѣтъ ничего общаго, кромѣ повода къ передачѣ имущества (стр. 578), выдаются имъ за спеціальное историческое выраженіе германскаго духа (стр. 586, прим.), также какъ завѣщаніе было спеціальнымъ выраженіемъ римскаго духа. При этомъ забывается, что тѣже начала господствовали на Востокѣ, что къ нимъ склонялось и римское право въ своемъ развитіи, что наконецъ, эти начала самимъ авторомъ были признаны общечеловѣческими. Вслѣдствіе такого взгляда, все историческое развитіе человѣчества, которое Лассаль полагаетъ въ основаніе своей системы, теряетъ свой смыслъ. По теоріи Лассаля, предъидущее движеніе исторіи, начиная съ Востока, выражало собою постепенно освобожденіе субъективнаго духа отъ общей основы. Римское завѣщаніе служило ступенью, непосредственно предшествовавшею христіанству, въ которомъ идея личнаго безсмертія достигла высшаго своего развитія. Какимъ же образомъ, сдѣлавши этотъ шагъ, человѣчество внезапно оказывается на совершенно иной почвѣ, на первоначальной точкѣ отправленія? Почему въ историческомъ движеніи совершается такой странный поворотъ, какимъ образомъ на одной и той же ступени развитія могутъ господствовать два совершенно противоположныхъ начала,—въ религіи безсмертіе личности, въ наслѣдственномъ правѣ полное отрицаніе личной воли, все это остается непонятнымъ. Ясно одно: если дѣйствительно германское право представляетъ возвращеніе къ восточному началу, то есть, къ первоначальной точкѣ отправленія, то оно отнюдь не можетъ считаться выраженіемъ преходящей ступени духа, какъ утверждаетъ Лассаль; въ немъ очевидно проявляется общечеловѣческій элементъ. И точно, стоитъ расширить свой кругозоръ и сравнить наслѣдственное право всѣхъ временъ и народовъ, и вездѣ мы увидимъ однѣ и тѣже основы; вездѣ мы найдемъ наслѣдство, и вездѣ оно управляется двумя началами: семейнымъ, выражающимся въ наслѣдованіи по закону, и личнымъ, выражающимся въ наслѣдованіи по завѣщанію. Различіе народныхъ характеровъ и историческихъ эпохъ проявляется въ преобладаніи того или другаго, или въ способѣ сочетанія обоихъ; но коренныя

черты остаются тѣже. Всего этого однако авторъ не хочетъ знать. Закрывши глаза на историческое развитіе и на сравнительное изученіе права, мы должны на слово вѣрить, что завѣщаніе есть спеціально римское учрежденіе, а семейное наслѣдованіе спеціально германское.

Что же становится при этомъ съ теоріею пріобрѣтенныхъ правъ? Если въ германскомъ правѣ нѣтъ римской фикціи продолженія воли послѣ смерти, если наслѣдникъ пріобрѣтаетъ право на имущество уже по самому своему рожденію, еще при жизни родича, котораго права ограничиваются правами наслѣдниковъ, то здѣсь, казалось бы, право пріобрѣтается въ силу естественнаго событія, а никакъ не собственною волею или дѣйствіемъ пріобрѣтателя. Между тѣмъ, Лассаль хочетъ доказать, что его теорія прилагается и тутъ; а такъ какъ на юридическую фикцію сослаться нельзя, то онъ ссылается на философское опредѣленіе семейства, сдѣланное Гегелемъ: «семейство есть нравственное тождество лицъ, связанныхъ единствомъ любви, которое въ непосредственной формѣ является тождествомъ крови». Отсюда Лассаль выводитъ, что если уже при формальномъ римскомъ единеніи воль, дѣйствіе отца считается дѣйствіемъ рожденнаго отъ него ребенка, то тѣмъ болѣе это прилагается къ единству нравственному. Въ силу господствующаго здѣсь начала любви, мы должны признать, что воля отца при рожденіи ребенка состоитъ въ передачѣ послѣднему всѣхъ правъ, которыя могутъ принадлежать ему по рожденію, и эта воля должна считаться собственною волею ребенка! (стр. 579, 585). Такимъ образомъ, единеніе воль, которое объявлялось чистою фикціею, уничтоженною діалектическимъ развитіемъ римскаго права, вдругъ превращается въ общее философское опредѣленіе, приложимое къ совершенно иной системѣ. Когда нужно было разрушить всемірно-историческое понятіе о наслѣдствѣ, Лассаль утверждалъ, что между римскимъ и германскимъ наслѣдственнымъ правомъ нѣтъ ничего общаго, кромѣ повода къ передачѣ имущества; когда же дѣло идетъ о приложеніи теоріи пріобрѣтенныхъ правъ, между ними оказывается глубочайшее тождество. Однимъ словомъ, доводы берутся изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, смотря по тому, что требуется доказать; но о внутреннемъ ихъ согласіи нѣтъ и помину.

Этимъ однако затрудненія не ограничиваются. Если спеціально германская форма наслѣдства есть наслѣдованіе по семейному праву,

то какъ объяснить появленіе завѣщанія еще въ эпоху варварскихъ законовъ? На это у Лассаля есть готовый отвѣтъ. Завѣщаніе было заимствовано Германцами у Римлянъ просто вслѣдствіе непониманія дѣла. Они не догадывались, что оно совершенно противорѣчитъ ихъ взглядамъ на наслѣдство и необдуманно ввели въ свою систему то, что составляетъ прямое ея отрицаніе. Поэтому, говоритъ Лассаль, завѣщаніе у новыхъ народовъ должно быть признано за крупное недоразумѣніе (ein grosses Missverständniss), за компактную теоретическую невозможность (стр. 589, 593, 595). Въ одномъ мѣстѣ Лассаль увѣряетъ даже, что завѣщаніе обязано безсмысленнымъ своимъ сохраненіемъ въ новое время *ученому* недоразумѣнію (стр. 601); какъ будто нѣмецкіе ученые, несвѣдущіе въ римскомъ правѣ, побудили варваровъ ввести завѣщаніе въ свои законы! Между тѣмъ, самъ Лассаль признаетъ, что для завѣщанія было мѣсто въ германскомъ правѣ, то есть, уже въ варварскія времена оно оказалось нужнымъ. Дѣло въ томъ, что неприкосновеннымъ родовымъ имуществомъ считалась наслѣдственная недвижимая собственность; движимое же и благопріобрѣтенное имущество состояло въ полномъ распоряженіи владѣльца (стр. 582, 589). Руководясь простымъ человѣческимъ чувствомъ и естественнымъ смысломъ, варвары были убѣждены, что хозяинъ можетъ распорядиться имъ и на случай смерти. Имъ не приходило въ голову, что воля человѣка послѣ смерти перестаетъ существовать; что для продолженія ея нужна тонкая юридическая фикція, и что эта фикція была несогласна съ собственнымъ ихъ духомъ и воззрѣніемъ на наслѣдство. Еслибы Лассаль былъ знакомъ съ русскимъ правомъ, то онъ увидалъ бы, что и здѣсь, безъ всякаго усвоенія римскихъ понятій, съ древнѣйшихъ временъ было извѣстно завѣщаніе. Въ договорѣ Олега съ Греками было постановлено, что имущество Русскаго, умершаго въ Греціи, отдается ближнимъ только въ случаѣ, если онъ «не урядилъ своего имѣнія»; если же онъ «створитъ обряженіе», то возьметъ тотъ, кому онъ написалъ наслѣдовать имѣніе. Точно также въ Русской Правдѣ постановлено: «иже кто умирая раздѣлитъ домъ, на томъ же стояти; паки ли безъ ряду умреть, то все дѣтемъ». Тоже повторяется и въ Судебникѣ. Къ вящему удивленію, мы узнаемъ, что духовныя завѣщанія и вообще наслѣдственное право вѣдались церковью, между тѣмъ какъ по увѣренію Лассаля, завѣщаніе противорѣчитъ христіанству, которое, въ

противоположность римскимъ понятіямъ, признаетъ безсмертіе на небѣ, а не на землѣ (стр. 606). Такимъ образомъ, не только образованные народы, но и просвѣщенная церковь наперерывъ усвоивали себѣ начала, совершенно противорѣчившія ихъ духу и понятіямъ, просто вслѣдствіе плохаго знанія римскаго права.

Можно было ожидать, по крайней мѣрѣ что это необдуманно усвоенное недоразумѣніе наконецъ выяснится, что чисто народное начало восторжествуетъ въ германскомъ правѣ; но выходитъ наоборотъ. Хотя Лассаль увѣряетъ, что извѣстное начало, искони лежащее въ народномъ духѣ, исчезаетъ только съ смертію самого народа (стр. 545), но тутъ оказывается, что исчезаетъ именно то семейное право, на которомъ основывалось германское наслѣдство. Въ новѣйшихъ законодательствахъ, права наслѣдниковъ перестаютъ ограничивать свободное распоряженіе владѣльца. «Идея личной свободы», говоритъ Лассаль, «настолько развилась въ противоположность германскому праву, что собственникъ сдѣлался единственнымъ и безусловнымъ собственникомъ» (стр. 602). Наслѣдники получаютъ лишь то, что остается при смерти владѣльца; только въ этотъ моментъ права ихъ ограничиваютъ волю завѣщателя. Что же выводитъ изъ этого Лассаль? То ли, что новѣйшія законодательства стараются сочетать свободное распоряженіе имуществомъ съ правами будущихъ поколѣній, что̀ и составляетъ истинный смыслъ закона? Ничуть не бывало. Право завѣщанія, по его мнѣнію, не существуетъ, ибо воля умирающаго ограничивается правами наслѣдниковъ. Собственное право наслѣдниковъ на семейное имущество тоже не существуетъ, ибо владѣлецъ при жизни можетъ распоряжаться имъ и отчуждать его, какъ ему угодно. Слѣдовательно, заключаетъ Лассаль, передача имущества совершается тутъ единственно по волѣ государства; семейство является здѣсь только, какъ государственное учрежденіе (стр. 603—4).

Едва можно вѣрить своимъ глазамъ, читая подобные выводы въ серіозномъ сочиненіи. Все, что составляетъ существо наслѣдственнаго права отрицается; на мѣсто его является новое начало, падающее съ неба и не имѣющее никакого отношенія къ предыдущему. По мановенію автора, частное право превращается въ государственное; всемірное явленіе, вытекающее изъ глубочайшихъ основъ человѣческаго духа, замѣняется чистымъ произволомъ. И это дѣлается

однимъ почеркомъ пера. Разбирать постепенное движеніе законодательствъ, побудительныя причины измѣненій, на что есть громадный фактическій матеріалъ, авторъ считаетъ совершенно излишнимъ. Выставленное въ началѣ требованіе, чтобы общее понятіе проводилось по всѣмъ явленіямъ, окончательно забыто. Двухъ, трехъ общихъ фразъ и ложныхъ умозаключеній достаточно, чтобы покончить съ наслѣдованіемъ по закону и объявить завѣщаніе новаго времени чистымъ недоразумѣніемъ. Мимоходомъ только разбираются нѣкоторыя постановленія французскаго Конвента, который Лассаль постоянно беретъ подъ свою защиту, и въ примѣчаніи одобрительно приводится мнѣніе Бриссо, который утверждалъ, что право завѣщанія ничто иное, какъ общественный договоръ (стр. 601, прим.), мнѣніе, послѣдовательно вытекающее изъ философіи XVIII-го вѣка, но вовсе не согласное, не только съ истинными началами права, но и съ собственною теоріею Лассаля.

Лассаль ссылается впрочемъ, хотя тоже въ немногихъ словахъ, и на противоположныя другъ другу мнѣнія двухъ великихъ нѣмецкихъ философовъ, именно, Гегеля и Лейбница (стр. 585—8, прим. 604—8). Гегель защищалъ семейное право, какъ единственное согласное съ нравственными требованіями; Лейбницъ отстаивалъ завѣщаніе, какъ выраженіе личнаго безсмертія. Сообразно съ началами идеализма, слѣдовало бы сказать, что оба эти воззрѣнія односторонни, что высшая цѣль состоитъ въ единствѣ обоихъ, въ сочетаніи личнаго начала съ общимъ, свободнаго распоряженія имуществомъ съ правами будущихъ поколѣній. Это и составляетъ истинное требованіе философіи, равно какъ и цѣль законодательствъ. Но Лассаль относится къ дѣлу совершенно иначе. Воззрѣніе Гегеля, по его мнѣнію, ничто иное какъ сколокъ съ германской системы, то-есть, принятіе преходящаго историческаго момента за необходимое логическое положеніе; взглядъ же Лейбница, приложимый къ римскому праву, противорѣчитъ христіанскому духу. Оба равно несостоятельны; слѣдовательно, оба должны быть отвергнуты. Въ результатѣ оказывается нуль.

И послѣ всего этого, Лассаль имѣетъ смѣлость выдавать свою критику за «абсолютный приговоръ науки, противъ котораго нѣтъ ни возраженія, ни апелляціи»! (стр. 596). И онъ можетъ ссылаться на всѣ эти невѣроятно легкомысленныя умствованія, какъ на не-

опровержимое доказательство, что все наслѣдственное право имѣетъ только историческое значеніе. «И другъ и недругъ скажетъ вамъ», восклицаетъ онъ, «что во всякой строкѣ, которую я пишу, я являюсь вооруженнымъ всѣмъ образованіемъ нашего столѣтія» [1]). Дѣйствительно, тутъ есть и глубокій умъ, и сильный талантъ, и обширныя знанія; но все это легкомысленно попрано ногами для совершенно чуждыхъ наукѣ цѣлей.

И не съ однимъ наслѣдственнымъ правомъ Лассаль расправляется такъ легко. Таже участь постигаетъ и начало собственности. Конечно, ни одному серіозному ученому, имѣющему въ виду однѣ научныя задачи, не могло бы придти въ голову доказывать въ нѣсколькихъ строкахъ, что начало собственности не болѣе какъ историческая категорія. Но Лассаль дѣлаетъ это просто въ подстрочномъ примѣчаніи, на которое онъ впослѣдствіи ссылается, какъ на доказательство своей мысли [2]). Въ этой выноскѣ, онъ утверждаетъ прежде всего, что общій ходъ исторіи состоитъ въ постепенномъ стѣсненіи собственности или въ большемъ и большемъ изъятіи тѣхъ или другихъ правъ изъ области частнаго владѣнія. Въ доказательство онъ приводитъ уничтоженіе фидеикоммиссовъ, которое, повидимому, представляетъ расширеніе собственности, ибо наслѣдникамъ дается право свободнаго распоряженія имуществомъ, но въ сущности означаетъ стѣсненіе права завѣщателя распоряжаться своимъ имуществомъ послѣ смерти. Тоже, по мнѣнію Лассаля, слѣдуетъ сказать и объ отмѣнѣ монополій; хотя въ своихъ послѣдствіяхъ эта мѣра расширяетъ свободу собственности, но въ основаніи своемъ она составляетъ уничтоженіе исключительнаго права собственности извѣстныхъ лицъ на извѣстныя занятія. Въ первобытныя времена, говоритъ Лассаль, человѣкъ все хочетъ подчинить своему личному произволу. Даже чужая личность становится предметомъ собственности. Но мало-по-малу, съ развитіемъ свободы, эта власть стѣсняется: рабство переходитъ въ крѣпостное состояніе; затѣмъ отмѣняется и послѣднее. Теперь остается право капиталистовъ обращать въ свою собственность плоды трудовъ рабочаго класса; отмѣна этого права предстоитъ въ будущемъ. Настоящее человѣчество борется еще съ завѣщанными средними вѣками понятіями. Германское воззрѣніе на собственность

[1]) Herr Bastiat-Schulze v. Delitzsch, стр. 197 (см. ниже).

[2]) Тамъ же, стр. 165 прим.

вело къ безконечному ея расширенію. Германецъ продавалъ себя въ рабство, что Римлянину казалось невозможнымъ. Вслѣдствіе этого, въ средніе вѣка, право собственности распространялось на все: на государственныя отношенія, на чужую личность, на частныя занятія. А такъ какъ все подчинялось частному произволу, то несвобода была полная. Съ Французскою Революціею, все это измѣняется; является новое начало, въ силу котораго то, что составляло предметъ собственности, впредь отъ нея изъемлется. Съ развитіемъ свободы, собственность все болѣе и болѣе стѣсняется. Государственныя отношенія большею частью уже ей не подлежатъ; крѣпостное право отмѣнено; монополіи и привилегіи уничтожены. Теперь остается уничтожить право собственности нѣкоторыхъ семействъ на верховную власть и исключительное право капиталистовъ на трудъ рабочихъ [1]).

Такова теорія Лассаля. При поверхностномъ взглядѣ можетъ показаться, что она имѣетъ за себя нѣкоторыя основанія; но достаточно вглядѣться въ нее нѣсколько пристальнѣе, чтобы увидѣть въ ней чистую софистику. Невозможно серіозно утверждать, что установившееся въ новое время право свободно распоряжаться своимъ имуществомъ и выбирать свои занятія, въ основаніи своемъ, составляетъ стѣсненіе права собственности. По средневѣковому праву, исключительная собственность однихъ стѣсняла собственность другихъ. Отмѣна этого стѣсненія непремѣнно будетъ ограниченіемъ правъ первыхъ, но въ итогѣ, это—расширеніе, а не стѣсненіе права. Этимъ способомъ можно доказать, что отмѣна рабства составляетъ стѣсненіе свободы, ибо этимъ несомнѣнно ограничивается свобода рабовладѣльцевъ располагать личностью подвластныхъ. Поэтому, мы никакъ не можемъ признать историческое движеніе новѣйшихъ законодательствъ за постепенное стѣсненіе собственности. Совершенно справедливо, что въ средніе вѣка право собственности распространялось на такіе предметы, которые нынѣ отъ него изъяты; но это опять говоритъ противъ того всемірнаго историческаго закона, который хочетъ вывести Лассаль. Средніе вѣка—не начало исторіи; почему же въ эту эпоху право собственности шире, нежели въ Римѣ? и почему оно въ Римѣ шире, нежели на Востокѣ? Дѣло въ

---

1) Syst. d. erw. R. I, стр. 259 и слѣд. прим.

томъ, что исторія древняго міра идетъ къ постепенному расширенію, а не къ стѣсненію собственности. Это движеніе въ средніе вѣка достигаетъ крайнихъ своихъ предѣловъ; здѣсь право собственности распространяется на самыя государственныя отношенія. Но этимъ самымъ оно, въ силу діалектическаго процесса, приходитъ къ самоотрицанію. Безмѣрное расширеніе собственности однихъ ведетъ къ несоразмѣрному стѣсненію собственности другихъ. Гдѣ нѣтъ общаго, сдерживающаго начала, между собственниками возгарается борьба, въ которой сильный естественно побѣждаетъ слабаго и присвоиваетъ себѣ его достояніе. Право собственности превращается въ монополію и развивается въ систему безконечныхъ стѣсненій. Это—таже самая діалектика, которой подвергается въ средніе вѣка и начало свободы. Безмѣрная свобода однихъ составляетъ отрицаніе свободы другихъ, изъ чего, между прочимъ, видно, что начала свободы и собственности вовсе не противоположны другъ другу, какъ утверждаетъ Лассаль, а напротивъ, слѣдуютъ общему закону развитія. Собственность сама ничто иное какъ выраженіе свободы. Но таже внутренняя діалектика, которая приводитъ эти начала къ самоотрицанію, ведетъ ихъ далѣе къ высшему примиренію. Въ новое время, лице, какъ и требуется его сущностью, изъемляется изъ частнаго владѣнія. Съ этимъ вмѣстѣ слабый получаетъ защиту; стѣсненія отмѣняются; свобода и собственность перестаютъ быть достояніемъ немногихъ, а становится достояніемъ всѣхъ. Такимъ образомъ, стѣсненіе свободы и собственности въ новое время есть вмѣстѣ ихъ расширеніе. Въ сущности, все это движеніе представляетъ только возвращеніе къ римскимъ понятіямъ, но въ болѣе широкой формѣ, ибо въ Римѣ свобода и собственность присвоивались однимъ гражданамъ, а не распространялись на рабовъ; въ новыхъ же государствахъ они присвоиваются всѣмъ.

Изъ этого можно видѣть, что различныя ступени, черезъ которыя проходитъ начало собственности въ своемъ историческомъ движеніи, отнюдь не могутъ быть поняты, только какъ преходящія проявленія того или другаго народнаго духа. Онѣ представляютъ развитіе одного, общаго всѣмъ начала присвоенія внѣшней природы личности человѣка. Изученіе исторіи вовсе не убѣждаетъ насъ, что это начало подвергается большему и большему стѣсненію; напротивъ, стѣсненія вводятся только во имя большаго его расширенія. Что касается до

тѣхъ задачъ, которыя, по мнѣнію Лассаля, предстоятъ современному человѣчеству, для того, чтобы довершить ограниченіе собственности, то въ нихъ нельзя видѣть ничего, кромѣ смѣшенія понятій. Наслѣдственная монархія не есть присвоеніе верховной власти извѣстнымъ семействамъ въ видѣ частной собственности; это—государственное установленіе, существующее во имя общаго блага. Отношеніе же рабочихъ къ капиталистамъ опредѣляется не началомъ собственности, а свободнымъ договоромъ. Капиталистъ не имѣетъ никакого права на трудъ рабочаго, какъ онъ имѣлъ нѣкогда на трудъ раба или крѣпостнаго. Рабочій предлагаетъ свои руки и получаетъ за это плату по обоюдному соглашенію. Выгодны ли для него эти условія или нѣтъ, и возможно ли сдѣлать ихъ болѣе выгодными, это—вопросъ экономическій, который къ юридическому понятію о собственности не относится. Давши свободу рабочему, замѣнивши принудительныя отношенія добровольными обоюдными обязательствами, однимъ словомъ, уравнявши въ правахъ рабочаго съ капиталистомъ и оградивши свободу перваго, право сдѣлало все, что могло сдѣлать. Фактическое осуществленіе права выходитъ изъ предѣловъ его дѣйствія.

Вопросъ объ отношеніи рабочихъ къ капиталистамъ приводитъ насъ къ экономическимъ воззрѣніямъ Лассаля, которыя онъ развивалъ въ рядѣ брошюръ, служившихъ соціалистической пропагандѣ. Въ нихъ темныя стороны автора выступаютъ особенно наглядно. Если уже въ серьезныхъ и обширныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ Лассаль такъ легко относился къ важнѣйшимъ общественнымъ задачамъ, то тѣмъ болѣе можно этого ожидать въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ выходилъ изъ своего кабинета, чтобы проповѣдывать свои убѣжденія народу. Изъ этихъ брошюръ, наиболѣе обще-философское значеніе имѣетъ лекція, читанная имъ передъ работниками въ 1863 году и изданная подъ заглавіемъ: *Программа рабочихъ* (das Arbeiterprogramm). Здѣсь онъ выставляетъ идею рабочаго класса, какъ господствующее начало современнаго періода всемірной исторіи. Эту мысль онъ доказываетъ исторически. Вся исторія новыхъ народовъ представляетъ, по его мнѣнію, поочередное преобладаніе различныхъ общественныхъ классовъ; средніе вѣка—дворянства и духовенства, новое время—мѣщанства, наконецъ, настоящая эпоха—рабочаго класса. Каждый изъ этихъ историческихъ фазисовъ выте-

каетъ изъ извѣстнаго состоянія экономическаго быта и влечетъ за собою извѣстное общественное устройство. Въ средніе вѣка, главнымъ источникомъ дохода была поземельная собственность; она-то и наложила свою печать на весь общественный бытъ. Политическая власть сосредоточивалась въ рукахъ поземельныхъ владѣльцевъ; на промышленный трудъ смотрѣли съ пренебреженіемъ. Въ силу естественнаго стремленія привилегированныхъ классовъ сваливать всѣ тяжести на остальныхъ, они были изъяты отъ податей. По принятому обычаю, на потребности государства церковь давала свои молитвы, дворянство—свою кровь, народъ—свое имущество [1]). Этотъ порядокъ продолжался, пока открытія новаго времени дали новый толчокъ промышленнымъ силамъ. Съ XVI вѣка капиталъ растетъ и мало-по-малу заслоняетъ собою поземельную собственность. Это движеніе завершается Французскою Революціею. Какъ и всѣ революціи, имѣющія историческое значеніе, она была только выраженіемъ уже совершившагося переворота. Мѣщанство, которое, по выраженію Сіэса, прежде было ничто, теперь сдѣлалось всѣмъ, ибо оно фактически занимало уже въ общественной жизни первенствующее мѣсто. Въ первую минуту, оно считало себя даже тожественнымъ со всею массою народа и въ своемъ торжествѣ видѣло дѣло всего человѣчества. Но скоро обозначился истинный характеръ этого движенія. Учредительное Собраніе 1789 года установило для политическихъ правъ имущественный цензъ, правда небольшой, но все же цензъ; оно исключило всѣхъ находящихся въ личномъ услуженіи, то-есть, именно рабочій классъ. Эти начала, въ силу логической послѣдовательности, не замедлили расшириться. Съ помощью ценза, политическія права сдѣлались исключительнымъ достояніемъ мѣщанства, также какъ прежде они были достояніемъ дворянства. Посредствомъ косвенныхъ податей, большая часть общественныхъ тяжестей была свалена на рабочій классъ. Общественное положеніе стало пріобрѣтаться только деньгами. Наконецъ, посредствомъ залоговъ и штемпельной таксы, газеты, которыя въ настоящее время служатъ источниками образованія, сдѣлались собственностью имущихъ. Однимъ словомъ, и тутъ, также какъ и въ средніе вѣка, господствующій классъ налагаетъ свою печать на

---

[1]) Das Arbeiterprogramm (Chicago 1872), стр. 4—6.

все общественное устройство и все обращаетъ въ свою пользу (стр. 9—29).

Съ Февральскою Революціею наступаетъ заря новой жизни. Тутъ впервые вводится всеобщая подача голосовъ, а съ этимъ вмѣстѣ рабочій классъ выступаетъ на первый планъ. Но стремленія его совершенно иныя, нежели у другихъ. Демократія, выражающаяся во всеобщей подачѣ голосовъ, не составляетъ привилегированнаго класса; она обнимаетъ собою всѣхъ, ибо всѣ равно работники на общую пользу. Поэтому, начало, господствующее въ рабочемъ классѣ, есть всеобщее единеніе и любовь. Отсюда и высшее нравственное его содержаніе. У привилегированныхъ классовъ собственныя ихъ выгоды противорѣчатъ требованіямъ общаго блага и цѣлямъ человѣческаго развитія. Вслѣдствіе этого, они всегда находятся въ противорѣчіи съ собою. Они должны или дѣйствовать наперекоръ голосу разума и совѣсти, или заглушать въ себѣ этотъ голосъ. Отсюда господствующій въ нихъ эгоизмъ; отсюда презрѣніе ко всему высокому и святому, къ идеальнымъ цѣлямъ человѣчества. Въ рабочемъ классѣ нѣтъ этого противорѣчія. Его дѣло есть дѣло всего человѣчества; онъ можетъ предаваться ему со всею силою личной страсти, безъ всякаго ущерба для другихъ. Поэтому, его господство должно принести съ собою такое процвѣтаніе нравственности, просвѣщенія и науки, какого исторія еще никогда не видала. Наконецъ, съ этимъ связано и высшее нравственное пониманіе государства и его задачъ. Для мѣщанства, государство ничто иное какъ ночной сторожъ, охраняющій порядокъ: оно должно только обезпечивать каждому свободное употребленіе силъ и устранять всякое нарушеніе права. Для рабочаго класса, напротивъ, государство представляетъ высшую солидарность всѣхъ его членовъ и общеніе всѣхъ интересовъ. Работникъ знаетъ, что одинокій человѣкъ безсиленъ, что только въ союзѣ съ другими онъ въ состояніи побороть природу. Этотъ союзъ и есть государство, котораго задача состоитъ слѣдовательно въ томъ, чтобы способствовать положительному развитію свободы и человѣчности. Нравственная его цѣль—воспитаніе человѣчества къ свободѣ. Эта цѣль до такой степени ему присуща, что оно всегда къ ней стремилось, хотя безсознательно, понуждаемое обстоятельствами. Только съ господствомъ рабочаго класса, эта высшая нравственная задача получаетъ настоящую свою почву и можетъ быть послѣдовательно

проведена. Отсюда высокое всемірно-историческое призваніе этого класса. Онъ—камень, на которомъ должна быть построена церковь настоящаго (стр. 29—39).

Лассаль объявляетъ слушающимъ его работникамъ, что въ своемъ историческомъ изложеніи онъ держится точки зрѣнія чистой науки (стр. 3). Въ своей рѣчи передъ судомъ, куда онъ былъ призванъ для оправданія, онъ увѣряетъ даже, что въ этомъ историческомъ очеркѣ заключается «тѣмъ болѣе научной глубины, что не въ самомъ изложеніи, но *подъ* нимъ, на глубинѣ горъ, въ пурпурной темнотѣ, лежитъ масса положительнаго матеріала, котораго мысленный экстрактъ оно даетъ»... «И теперь вы видѣли, восклицаетъ онъ, что каждое мое слово окружено тройною бронею науки и истины» [1]). Дѣйствительно, историческій матеріалъ остается тутъ на недосягаемой глубинѣ. Публика же ничего не видитъ, кромѣ легкомысленнаго скаканія по верхушкамъ, съ тенденціозною цѣлью. Изъ исторіи намѣренно выбирается то немногое, что нужно автору; остальное, и притомъ самое существенное, оставляется въ сторонѣ.

Справедливо, что въ средніе вѣка преобладала поземельная собственность; но не надобно забывать, что тутъ же возникаютъ и города, которые въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ въ Италіи, получаютъ первенствующее значеніе. Не слѣдуетъ забывать и то, что сила духовенства основывалась не на поземельной собственности, а на совершенно иномъ началѣ. Вообще, экономическія отношенія играютъ тутъ второстепенную роль. Если средневѣковое дворянство помогало князю не деньгами, а кровью, то это не значитъ, что оно сваливало всѣ общественныя тяжести на другихъ. Несправедливость начинается только тамъ, гдѣ дворянство перестало платить службою, а сохранило изъятіе отъ податей, то-есть, въ новое время. Но и эта привилегія имѣла свое значеніе: это была сдѣлка за потерю политической свободы, а вовсе не пользованіе властью для корыстныхъ цѣлей. Съ дворянъ не брали денегъ, потому что ихъ не призывали къ контролю надъ расходами. Въ Англіи же, то-есть, именно тамъ, гдѣ дворянство сохранило власть, оно платило наравнѣ со всѣми; отсюда крѣпость англійской свободы. Но Англіи Лассаль не хочетъ знать, какъ будто бы она не существовала.

---

[1]) Die indirecte Steuer und die Lage der arbeitenden Klassen (Chicago. 1872), стр. 90.

Далѣе, уничтоженіе средневѣковаго порядка было отнюдь не замѣною одного привилегированнаго сословія другимъ. Самъ Лассаль указываетъ на то начало, которое было исходною точкою всего развитія новаго времени, именно, на возникновеніе «государственной власти, какъ носительницы государственной идеи, независимой отъ отношеній частнаго владѣнія» (Агѣ. стр. 8); но это мимоходомъ брошенное замѣчаніе остается у него безъ всякихъ послѣдствій, между тѣмъ какъ оно заключаетъ въ себѣ весь смыслъ послѣдующаго историческаго движенія. Именно вслѣдствіе своего высокаго положенія, усиливающаяся королевская власть подаетъ руку низшимъ сословіямъ и въ особенности среднему, которое, по самому своему значенію, какъ посредствующее звено между противоположными крайностями, призвано было содѣйствовать общественному объединенію. Ужъ древніе мыслители замѣчали этотъ существенный характеръ средняго состоянія; отсюда и роль его въ новомъ конституціонномъ государствѣ. Но для Лассаля, различное политическое значеніе сословій, также какъ и различное политическое значеніе поземельной и движимой собственности, опять же не существуютъ. По его теоріи, сначала преобладала поземельная собственность и все обращала въ свою пользу; затѣмъ развилась движимая собственность и опять все стала обращать въ свою пользу. Кромѣ эгоистическихъ расчетовъ, нѣтъ ничего.

Извѣстно далѣе, что политическое развитіе новаго времени проходило черезъ различные фазисы. Сперва установляется чистый абсолютизмъ, затѣмъ въ нѣкоторыхъ странахъ распространяются демократическія идеи, которыя выражаются не только въ теоріяхъ, но и въ общественныхъ переворотахъ. Исходя изъ Англіи, это движеніе переходитъ въ Америку и наконецъ завершается Французскою Революціею. Казалось бы, ревностному демократу нельзя было не обратить особаго вниманія на это явленіе. Но оно не подходитъ подъ схему Лассаля, и онъ, не обинуясь, выдаетъ Французскую Революцію просто за торжество мѣщанства, за выраженіе преобладанія капитала надъ недвижимою собственностью. Только въ первую минуту мѣщанство признало себя тождественнымъ со всѣмъ народомъ, хотя изъ исторіи извѣстно, что подъ именемъ *третьяго сословія* во Франціи искони разумѣлся весь народъ, за исключеніемъ дворянства и духовенства, и на этомъ его значеніи основывалась

вся сила доводовъ Сіэса, на котораго ссылается Лассаль. Умалчивается и о *Провозглашеніи правъ человѣка и гражданина*, въ которомъ, можно сказать, высказалась вся душа Французской Революціи. Существенно, по мнѣнію Лассаля, то, что Учредительное Собраніе установило нѣкоторыя ограниченія права голоса, въ виду обезпеченія независимости избирателей: этого достаточно, для того чтобы во всемъ этомъ движеніи видѣть одну мѣщанскую революцію. Отсюда Лассаль выводитъ и новую конституціонную монархію, хотя опять же извѣстно, что конституціонная монархія XIX-го вѣка вышла не изъ революціонныхъ началъ, а изъ реакціи противъ этихъ началъ, или, лучше сказать, изъ сдѣлки этихъ началъ съ началомъ законной монархіи. Но именно это, самое существенное явленіе новаго времени, это сочетаніе противоположностей, къ которому привела практическая жизнь, также какъ и теорія, безусловно отвергается Лассалемъ. «Изъ двухъ вещей одна; восклицаетъ онъ. Или чистый абсолютизмъ—или всеобщая подача голосовъ! Объ этихъ двухъ вещахъ можно, при различіи воззрѣній, спорить; но то, что лежитъ между ними, во всякомъ случаѣ невозможно, не послѣдовательно и не логично» [1]). Такимъ образомъ, вся исторія Англіи однимъ почеркомъ пера объявляется чистою невозможностью. На этомъ примѣрѣ можно видѣть, до какой нищеты пониманія нисходятъ даже сильные умы, когда они увлекаются односторонними и чуждыми наукѣ цѣлями. Можно быть демократомъ; можно предпочитать республику конституціонной монархіи; но кто объявляетъ конституціонную монархіею чистою невозможностью, тотъ уже навѣрное ничего не понимаетъ ни въ исторіи, ни въ политикѣ.

Но, по крайней мѣрѣ, Америка могла бы привлечь къ себѣ вниманіе Лассаля. Тутъ чистая демократія утвердилась уже около столѣтія; тутъ онъ могъ провѣрить на фактѣ, дѣйствительно ли господство демократіи приноситъ съ собою такое процвѣтаніе нравственности, просвѣщенія и науки, какого исторія еще не видала. Къ удивленію, онъ и объ Америкѣ умалчиваетъ, также какъ и объ Англіи. Дѣло въ томъ, что утвержденіе демократіи въ XVIII вѣкѣ опять же не подходило подъ его схему. Этимъ прерывается историческая послѣдовательность преобладанія сословій. Поэтому, все демократическое

---

1) Die indirecte Steuer etc., стр. 110.

движеніе XVIII-го вѣка просто опускается, и заря новой жизни загорается только 24-го февраля 1848 года.

Чѣмъ же однако былъ приготовленъ этотъ новый фазисъ развитія? Лассаль утверждаетъ, что всякая прочная революція является только выраженіемъ уже совершившагося общественнаго переворота. Но здѣсь мы не только не видимъ предшествующаго паденія капитала и развитія рабочаго класса, а замѣчаемъ совершенно обратное явленіе. Самъ Лассаль указываетъ на то, что изобрѣтеніе машинъ повело въ новѣйшее время къ громадному развитію фабричнаго производства, а вслѣдствіе того и крупныхъ капиталовъ, при чемъ положеніе рабочаго класса стало болѣе зависимымъ, нежели прежде. Въ силу чего же этотъ классъ внезапно дѣлается господствующимъ элементомъ настоящей эпохи? Между тѣмъ, какъ преобладаніе капитала готовилось въ теченіи трехъ столѣтій, здѣсь новая власть падаетъ съ неба, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, при чемъ оказывается, что она даже и не имѣетъ настоящей силы, а только стремится къ ея пріобрѣтенію. По признанію Лассаля, рабочій классъ стоитъ пока на самой низкой ступени общественной лѣстницы, и всеобщее право голоса должно служить ему орудіемъ, чтобы взобраться на высоту.

Что же однако ручается намъ за то, что этотъ новый владыка, по примѣру прежнихъ, не обратитъ всѣхъ общественныхъ благъ въ исключительную свою пользу? Лассаль увѣряетъ, что такъ какъ демократія обнимаетъ собою всѣхъ, то тутъ уже исключительности быть не можетъ, а напротивъ, должно господствовать начало единенія и любви. Насколько онъ былъ искрененъ въ этихъ сентиментальныхъ заявленіяхъ, онъ самъ доказалъ, какъ скоро онъ съ созерцательной высоты перешелъ къ практической программѣ. Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ онъ, взывая къ рабочимъ, говорилъ имъ: неимущіе составляютъ 96½ процентовъ всего народонаселенія; слѣдовательно, государство есть *ваше* товарищество, товарищество неимущихъ, а потому, обладая всеобщимъ правомъ голоса, вы можете всѣ барыши, принадлежащіе нынѣ имущимъ классамъ, обратить въ свою пользу [1]). Ниже мы увидимъ это подробнѣе. Послѣ этого, едва ли можно сомнѣваться, что всѣ эти толки объ эгоизмѣ

[1]) Offenes Antwortschreiben (3 Aufl. Chicago. 1872), стр. 25, 30.

и безнравственности высшихъ классовъ и провознесеніе нравственности низшихъ въ устахъ Лассаля были только пустою декламаціею, недостойною ученаго, сколько-нибудь себя уважающаго. Цѣль, которую онъ указывалъ рабочимъ, заключалась въ одномъ—въ присвоеніи себѣ матеріальныхъ благъ, принадлежащихъ нынѣ другимъ, и эту цѣль онъ убѣждалъ ихъ достигнуть, захвативши въ свои руки государственную власть путемъ всенароднаго выбора.

Отсюда то высшее значеніе идеи государства, которое, по теоріи Лассаля, должно составлять завершеніе програмы рабочаго класса. Не трудно и тутъ замѣтить прежде всего искаженіе фактической постановки вопроса. Несправедливо, что мѣщанство видитъ въ государствѣ только оберегателя порядка и собственности. Либеральная теорія юридическаго государства составляетъ только одну изъ отраслей политической философіи. Если эта теорія гдѣ-либо получила преобладаніе, такъ именно въ демократической Америкѣ. Французское мѣщанство постоянно и справедливо упрекали въ томъ, что оно слишкомъ многаго ожидаетъ отъ государства, не полагаясь на собственныя силы. Въ Англіи, въ новѣйшее время, преобладаніе среднихъ классовъ повлекло за собою значительное усиленіе государственной дѣятельности. Въ Германіи, теорія государства, какъ высшаго нравственнаго организма, была выработана мыслителями вышедшими изъ среды того же мѣщанства. Конечно, рабочій классъ, скорѣе, нежели другіе, можетъ развить эту идею до крайности. Не имѣя ничего, онъ, какъ говоритъ Лассаль, долженъ *всего* ожидать отъ государства, но въ этомъ-то и заключается опасность, ибо государство не можетъ всего дать. Безъ сомнѣнія, задача государства, какъ высшаго нравственнаго союза, состоитъ въ содѣйствіи всему человѣческому развитію; но оно не можетъ замѣнить собою дѣятельности частныхъ силъ и частныхъ товариществъ. Государство—высшій человѣческій союзъ, но не единственный. Одна изъ глубочайшихъ мыслей Гегеля въ его философіи права состоитъ въ различеніи государства и гражданскаго общества. Этимъ только ограждается независимость частной жизни, и дѣятельность государства вводится въ должныя границы. Но для Лассаля, гражданское общество, также какъ и всѣ другія юридическія категоріи, не болѣе какъ преходящій историческій моментъ [1]). Онъ упрекаетъ либеральное мѣщаство за то,

[1]) Syst. d. erw. R. I, стр. 70, прим.

что оно государство хочетъ распустить въ гражданскомъ обществѣ [1]); между тѣмъ, онъ не замѣчаетъ, что провозглашаемое имъ поглощеніе гражданскаго общества государствомъ составляетъ несравненно большее зло, ибо оно ведетъ къ уничтоженію самостоятельности человѣческой личности. Если либеральная теорія юридическаго государства должна быть признана одностороннею и недостаточною, то не менѣе одностороннее преувеличенное понятіе о государствѣ. Между этими двумя крайностями лежитъ вся политическая наука.

Чего именно рабочій классъ можетъ требовать отъ государства, это Лассаль изложилъ въ своей практической програмѣ. Въ 1863 году, въ средѣ нѣмецкихъ рабочихъ начиналось сильное движеніе. Въ конституціонной борьбѣ между прусскою палатою и министерствомъ, которая въ ту пору была въ полномъ разгарѣ, либералы старались привлечь рабочихъ на свою сторону. Въ тоже время, Шульце-Деличъ устроивалъ свои товарищества кредита и потребленія. Всѣ эти вопросы волновали низшіе классы. Въ Лейпцигѣ долженъ былъ собраться общій нѣмецкій рабочій конгрессъ. Центральный комитетъ, завѣдывавшій этимъ дѣломъ, обратился, между прочимъ, и къ Лассалю. Послѣдній, въ отвѣтъ на этотъ вызовъ, обнародовалъ *Открытое отвѣтное письмо* [2]), въ которомъ онъ изложилъ свою програму дѣйствій. Это былъ сигналъ для повсемѣстной соціалистической агитаціи.

Что же заключала въ себѣ эта програма? Въ политическомъ отношеніи, Лассаль совѣтовалъ добиваться всеобщей подачи голосовъ, ибо только этимъ путемъ народъ можетъ получить власть въ свои руки. Но для этого рабочій классъ долженъ образовать особую партію, а никакъ не примыкать къ прусскимъ прогрессистамъ, которые имѣютъ въ виду только господство либеральнаго мѣщанства и всѣ свои надежды для Германіи возлагаютъ на отсталую Пруссію. Въ соціальномъ же отношеніи, Лассаль объявлялъ всѣ частныя товарищества совершенно недостаточными. По его мнѣнію, они могутъ улучшать судьбу отдѣльныхъ личностей, но никакъ не цѣлаго класса. Для достиженія послѣдней цѣли, нужны болѣе радикальныя мѣры. Рабочій классъ, говоритъ Лассаль, страдаетъ подъ гнетомъ желѣз-

---

[1]) Herr Bastiat-Schulze v. Delitzsch, стр. 155.

[2]) Offenes Antwortschreiben an das Central-Comité zur Berufung eines Allgemeinen Deutschen Arbeiter-Congresses zu Leipzig (3 Aufl. Chicago. 1872).

наго и жестокаго экономическаго закона, въ силу котораго, подъ вліяніемъ предложенія и требованія, средняя рабочая плата всегда ограничивается необходимыми, по существующему у даннаго народа обычаю, средствами пропитанія. Какъ скоро плата возвышается, такъ немедленно умножаются браки, народонаселеніе растетъ, а съ этимъ вмѣстѣ усиливается предложеніе рукъ, и плата понижается на прежній уровень. Если же заработная плата падаетъ ниже уровня, то проистекающія отсюда бѣдствія ведутъ къ уменьшенію числа рабочихъ, слѣдовательно предложенія рукъ, а потому плата опять возвышается на прежнюю высоту. Вслѣдствіе этого закона, признаннаго всѣми экономистами, изъ общей суммы производства сперва выдѣляется часть, потребная для скуднаго пропитанія рабочихъ, а затѣмъ остальное остается барышемъ предпринимателей. Черезъ это, рабочій классъ всегда находится на краю нищеты; онъ исключается изъ пользованія тѣми благами, которыя добываются собственнымъ его трудомъ. Всякій, говоритъ Лассаль, кто не признаетъ этого закона или не можетъ указать средства его устранить, ничто иное, какъ пустой болтунъ. Онъ или хочетъ васъ обмануть или самъ ничего не понимаетъ (стр. 13—15).

Но если это дѣйствительно желѣзный экономическій законъ, то какъ же его устранить? Казалось бы, на это есть только одно средство, а именно, поднятіемъ нравственнаго уровня рабочаго класса противодѣйствовать безразсудному заключенію браковъ и безпредѣльному размноженію нищихъ. Иначе всякія улучшенія быта останутся тщетными. Поставленное въ болѣе благопріятныя условія, народонаселеніе быстро размножится, и все опять придетъ въ прежнее положеніе. Но Лассаль весьма далекъ отъ подобнаго вывода. Онъ не довольствуется медленнымъ возвышеніемъ уровня; ему хочется полнаго экономическаго переворота, вслѣдстіе котораго низшіе классы разомъ пріобрѣли бы всѣ блага, принадлежащія нынѣ высшимъ. Какую цѣну, восклицаетъ онъ, можетъ имѣть для васъ мысль, что настоящее ваше положеніе лучше, нежели положеніе рабочихъ за 80, за 200 или за 300 лѣтъ, и какое это можетъ доставить вамъ удовлетвореніе? Положеніе всякаго человѣка измѣряется сравненіемъ его съ состояніемъ людей, живущихъ съ нимъ въ одно время. При всѣхъ измѣненіяхъ общественнаго быта, вы постоянно стоите на низшей ступени общественной лѣствицы, и изъ этого положенія

никакія частныя товарищества не могутъ васъ вывести. Еслибы учрежденія Шульце-Делича распространились на весь рабочій классъ, то результатъ былъ бы одинъ: въ силу того же желѣзнаго закона, всеобщее увеличеніе благосостоянія повело бы опять къ умноженію рабочихъ, и снова они опустились бы на прежній уровень. Постоянное улучшеніе ихъ быта возможно только однимъ путемъ: надобно, чтобы рабочіе сами сдѣлались предпринимателями, черезъ что весь принадлежащій послѣднимъ барышъ обратится въ ихъ пользу (стр. 16—19).

Итакъ, требуется не постепенное улучшеніе быта рабочаго класса, а уравненіе его съ высшими. Удовлетвореніе состоитъ не въ томъ, что мнѣ лучше, нежели прежде, а въ томъ, что другимъ не лучше, нежели мнѣ. Во всей соціалистической литературѣ едва ли можно встрѣтить болѣе циническое воззваніе къ зависти.

Что же однако достигается этимъ уравненіемъ? На это отвѣчаютъ цифры, которыя приводитъ самъ Лассаль. Желая доказать, что имущіе классы составляютъ совершенно ничтожное меньшинство передъ неимущими, онъ ссылается на статистическія данныя, собранныя Дитерици относительно подоходнаго налога въ Пруссіи. Изъ нихъ оказывается, что въ 1851 году на 17 милліоновъ жителей только 44,400 человѣкъ имѣли свыше 1000 талеровъ дохода. Средній доходъ всѣхъ этихъ лицъ составлялъ 2357 талеровъ (Diei. S. стр. 51), слѣдовательно, общій доходъ равнялся 104.650.800 талеровъ. Раздѣливши эту сумму на 17 милліоновъ, мы получаемъ на каждаго по 6 талеровъ въ годъ, обогащеніе, какъ видно, весьма незначительное. А между тѣмъ «желѣзный экономическій законъ» продолжаетъ дѣйствовать, браки и народонаселеніе умножаются, и скоро все возвращается къ прежнему уровню. Только теперь уже брать не у кого, ибо всѣ равно нищіе, и самыя средства къ постепенному улучшенію быта прекратились, ибо приращеніе народнаго капитала пресѣклось. Самъ Лассаль признаетъ, что именно зажиточные классы имѣютъ привычку ежегодно откладывать и накоплять часть своихъ доходовъ (стр. 53). Въ этомъ состоитъ главный способъ приращенія народнаго капитала; приращеніе же капитала одно даетъ возможность умножиться народонаселенію, ибо безъ капитала нѣтъ и работы. Поэтому, какъ скоро приращеніе капитала не идетъ въ уровень съ умноженіемъ народонаселенія, такъ, въ силу того

же «желѣзнаго экономическаго закона», наступаетъ обратное явленіе: народонаселеніе непремѣнно должно уменьшаться путемъ бѣдствій и голодной смерти. Это и составляетъ единственный возможный результатъ всего предложеннаго Лассалемъ уравненія классовъ. Наука показываетъ, что иначе и быть не можетъ. Зажиточные классы играютъ роль общественнаго органа для приращенія капиталовъ, а отъ этого приращенія зависитъ все народное богатство. Благосостояніе народа поднимается единственно черезъ то, что капиталы умножаются быстрѣе, нежели народонаселеніе. Таковъ именно ходъ при нормальномъ экономическомъ развитіи, чему признакомъ служитъ постепенное уменьшеніе процента съ капиталовъ. Оно доказываетъ, что вслѣдствіе усилившагося предложенія капиталовъ, приходящаяся на ихъ долю часть общаго барыша уменьшается, слѣдовательно, увеличивается часть, приходящаяся на долю труда. Это и есть единственный нормальный способъ поднять благосостояніе низшихъ классовъ. Капиталисты являются главными орудіями этого движенія.

Этотъ естественный, нормальный экономическій органъ Лассаль хочетъ замѣнить другимъ, искусственнымъ, именно, государствомъ. Онъ понималъ очень хорошо, что рабочіе классы, предоставленные собственнымъ средствамъ, не въ состояніи сдѣлаться предпринимателями, по крайней мѣрѣ въ сколько нибудь широкихъ размѣрахъ. Чтобы убѣдить рабочихъ въ недостаточности частныхъ товариществъ безъ государственной помощи, онъ указываетъ на примѣръ такъ называемыхъ Рочдельскихъ піонеровъ, которые завели ткацкую фабрику на свой собственный счетъ. Фабрика употребляла 500 рабочихъ; капиталъ же ея состоялъ изъ 1600 акцій, которыя точно также были разобраны рабочими. Какой же былъ результатъ? Тотъ, что рабочіе-акціонеры стали утверждать, что весь дивидендъ, или барышъ отъ производства, принадлежитъ имъ, а собственно рабочіе должны довольствоваться одною заработною платою. Изъ этого Лассаль выводитъ, что обладаніе капиталомъ развращаетъ самихъ работниковъ, и что во всякомъ случаѣ, работающіе на извѣстной фабрикѣ не въ состояніи, посредствомъ складчины, составить капиталъ этой фабрики ибо 500 рабочихъ нуждаются въ 1600 постороннихъ акціонеровъ. При организаціи, обнимающей весь рабочій классъ, постороннихъ акціонеровъ уже не будетъ; слѣдовательно, имъ не откуда бу-

детъ взять средства, которыхъ нѣтъ въ собственномъ карманѣ (О. А. стр. 26 — 9). Помочь этому недостатку можно только однимъ способомъ — кредитомъ государства: оно должно доставлять рабочимъ потребный для нихъ капиталъ. Задача государства состоитъ именно въ томъ, чтобы содѣйствовать народному развитію и облегчить успѣхи просвѣщенія. Оно и дѣлаетъ это всякій разъ, какъ является въ томъ потребность. Лучшимъ доказательствомъ служатъ гарантіи, которыя оно даетъ желѣзнымъ дорогамъ, гарантіи, при которыхъ весь убытокъ падаетъ на него, а весь барышъ достается предпринимателямъ. Если оно можетъ вмѣшиваться такимъ образомъ въ промышленную область, когда этого требуетъ интересъ капиталистовъ, то тѣмъ болѣе оно въ правѣ это дѣлать для улучшенія благосостоянія всего народа, въ интересѣ рабочаго класса, многочисленнѣйшаго изъ всѣхъ. Въ Пруссіи, зажиточные классы, имѣющіе свыше 1000 талеровъ дохода, составляютъ только $^1/_2$ процента всего народонаселенія, а имѣющіе свыше 400 талеровъ 3 $^1/_2$ процента; слѣдовательно, собственно рабочій классъ составляетъ 96 $^1/_2$ процентовъ всѣхъ гражданъ. А такъ какъ государство есть соединеніе гражданъ, то ясно, что оно, въ сущности, ничто иное какъ товарищество рабочихъ. Почему же большое товарищество не придетъ на помощь мелкимъ, чтобы вывести своихъ членовъ изъ затруднительнаго положенія (О. А. стр. 20—5)?

При этомъ естественно возникаетъ вопросъ: откуда же государство возьметъ средства, которыхъ нѣтъ у его членовъ? По опредѣленію Лассаля, оно является исключительно товариществомъ рабочихъ, а у послѣднихъ въ карманѣ нѣтъ достаточно денегъ для составленія капитала; имъ нужна посторонняя помощь. Ясно, что эта помощь можетъ быть дана имъ только изъ кармановъ имущихъ. Государство сначала исключаетъ зажиточные классы изъ своей среды, затѣмъ оно обираетъ ихъ посредствомъ налоговъ, а наконецъ, оно отнимаетъ у нихъ средства жить иначе какъ работою своихъ рукъ, ибо отобранное у нихъ имущество должно въ народномъ хозяйствѣ замѣнить ихъ собственные капиталы и предпріимчивость. Уравненіе происходитъ полное, но уравненіе путемъ грабежа. Лассаль, правда, прямо не дѣлаетъ этого вывода; онъ утверждаетъ, что, посредствомъ кредитной операціи, можно доставить капиталы рабочему классу, не требуя для этого ни копейки ни отъ кого [1]). Но кредитъ не соз-

[1]) Arbeiterlesebuch (5-te Aufl., Leipzig), стр. 42—44,—46.

даетъ капиталовъ; онъ только перемѣщаетъ существующіе, становясь посредникомъ между обладателемъ и предпринимателемъ. Когда это перемѣщеніе совершится добровольно, оно выгодно для обѣихъ сторонъ и доставляетъ барышъ посреднику. Здѣсь же оно происходитъ насильственно: государство не занимаетъ у однихъ, съ тѣмъ, чтобы давать въ займы другимъ; оно просто, путемъ налоговъ и монополіею кредита, забираетъ всѣ капиталы въ свои руки и такимъ образомъ становится единственнымъ капиталистомъ.

Черезъ это государство, очевидно, само дѣлается производителемъ, ибо производство капиталовъ составляетъ одну изъ существенныхъ сторонъ промышленной дѣятельности. Отнынѣ приращеніе народнаго капитала должно зависѣть исключительно отъ него. Но въ состояніи ли оно исполнить эту задачу? Если есть положеніе, на которомъ сходятся и теорія и практика, такъ это то, что государство неспособно быть промышленникомъ. Для полученія барыша нуженъ личный интересъ. Лассаль называетъ начала невмѣшательства государства въ промышленную дѣятельность «однимъ изъ самыхъ неразумныхъ, тупыхъ и враждебныхъ просвѣщенію предразсудковъ, которые онъ знаетъ («eines der unintelligentesten, stupidesten und culturfeindlichsten Vorurtheile, die ich kenne) (стр. 37); но брань не замѣняетъ доказательствъ, а часто служитъ признакомъ ихъ отсутствія. Доказательствъ же Лассаль не представилъ. Онъ ссылается только на гарантіи желѣзныхъ дорогъ, утверждая, что государство призывается на помощь всякій разъ, какъ этого требуютъ выгоды капиталистовъ. Но этотъ примѣръ говоритъ скорѣе противъ него. Желѣзныя дороги, по существу своему, принадлежатъ государству. Онѣ, какъ и всѣ дороги, составляютъ общее достояніе; для постройки ихъ нужно принудительное отчужденіе частной собственности; конкурренція тутъ невозможна. А между тѣмъ, государство все-таки предпочитаетъ отдавать постройку и эксплуатацію ихъ въ частныя руки, даже на невыгодныхъ для себя условіяхъ, въ виду того, что собственная его дѣятельность въ этой области оказывается еще менѣе прибыльною. Ясно, что какъ скоро капиталы перейдутъ въ руки государства, приращеніе ихъ прекратится, а съ тѣмъ вмѣстѣ падутъ и промышленность и народное благосостояніе. Это— система всеобщаго разоренія. Возлагая на государство неподобающую ему дѣятельность, Лассаль насилуетъ природу вещей. Онъ хо-

четъ замѣнить частный интересъ общимъ въ такой сферѣ, гдѣ первый составляетъ и движущую пружину и цѣль дѣятельности. Если есть начало враждебное культурѣ и выражающее близорукій взглядъ на вещи, такъ именно это, ибо оно основано на полномъ непониманіи существа и цѣлей государства.

Съ такою-то програмною Лассаль выступилъ передъ нѣмецкими рабочими. Эффектъ ея былъ громадный. Это была искра, упавшая на порохъ. Съ одной стороны, на автора посыпались нареканія, съ другой стороны началась страстная агитація. Публичныя рѣчи и полемическія брошюры слѣдовали другъ за другомъ. Тысячи рабочихъ стекались, чтобы слушать пламеннаго оратора, который сдѣлался основателемъ соціалистической партіи въ Германіи. Подъ его руководствомъ организовался *Союзъ нѣмецкихъ работниковъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ принужденъ былъ неоднократно защищаться и передъ судомъ, и тутъ онъ съ новою силою развивалъ свою тему. Дѣятельность была непомѣрная; но нельзя сказать, чтобы она была привлекательною. Всѣ темныя стороны личности Лассаля выступили здѣсь наружу. Нельзя безъ грусти и даже безъ нѣкотораго омерзѣнія смотрѣть на это легкомысленное развращеніе народа призраками науки, на эту лесть передъ толпою, на это непомѣрное самопревознесеніе, на эту площадную руготню, не знающую никакихъ границъ приличія. Даже соціалисты не пощажены; Прудона Лассаль называетъ мелкимъ мѣщаниномъ (Kleinbürger) [1]). Конечно, о научной обработкѣ вопросовъ не могло быть рѣчи. Самъ Лассаль говоритъ, что онъ не разъ сокрушался о томъ, что ему не удалось построить теорію, прежде нежели онъ ринулся во всенародную проповѣдь. Издавая свою брошюру подъ заглавіемъ: *Г. Бастіа-Шульце фонъ Деличъ или Капиталъ и работа*, онъ утѣшаетъ себя только тѣмъ, что здѣсь въ полемической, а потому въ болѣе живой формѣ, высказаны главныя начала его экономическихъ воззрѣній [2]). Посмотримъ же, что заключаетъ въ себѣ эта брошюра.

Шульце-Деличъ, такъ же какъ и всѣ экономисты, основывалъ промышленное производство на личной дѣятельности человѣка. Для удовлетворенія своихъ потребностей, говорилъ онъ рабочимъ, мы

---

[1]) Herr Bastiat-Schulze v. Delitzsch, стр. 95, 137, прим.

[2]) Herr Bastiat-Schulze v. Delitzsch, der ökonomische Julian, oder Capital und Arbeit (Chicago, 1872). Vorwort, стр. VII—VIII.

должны полагаться только на самихъ себя, на данныя намъ природою силы. Отсюда обязанность попеченія о себѣ; отсюда вмѣненіе и отвѣтственность за свои дѣйствія. На этомъ зиждется все человѣческое общежитіе, даже самый государственный союзъ. Противъ этого Лассаль возражаетъ, что эти начала пригодны только для жителей необитаемыхъ острововъ, или для такъ называемаго состоянія природы. Въ состояніи же общежитія, силы отдѣльнаго человѣка опредѣляются общественными отношеніями, и чѣмъ выше развитіе, тѣмъ больше эта зависимость. Если въ юридической области каждый отвѣтствуетъ за свои дѣйствія, то въ промышленной области, напротивъ, каждый отвѣчаетъ за то, чего онъ не дѣлалъ. Неурожай или промышленный кризисъ въ Америкѣ лишаетъ англійскихъ работниковъ пропитанія. Причина этого различія заключается въ томъ, что юридическая область есть поприще личной свободы, тогда какъ въ экономической области, напротивъ, господствуетъ начало солидарности или общенія (стр. 14—70). При раздѣленіи труда, при фабричномъ производствѣ для всемірнаго рынка, никто уже не работаетъ для себя, но каждый работаетъ на всѣхъ. Производство стало общимъ; а между тѣмъ, по странному противорѣчію, распредѣленіе произведеній слѣдуетъ личному началу: произведенное совокупною дѣятельностью всѣхъ становится личнымъ достояніемъ предпринимателя. Это противорѣчіе между общеніемъ производства и крайнимъ индивидуализмомъ распредѣленія и есть то глубокое зло, которымъ страдаетъ современное общество (стр. 35). Вслѣдствіе этого, вся промышленность превращается въ азартную игру, гдѣ нѣтъ возможности разсчитывать шансы, и гдѣ, поэтому, люди то всплываютъ наверхъ, то опускаются внизъ, по прихоти слѣпаго случая. Устранить это зло можно не личною самодѣятельностью, а единственно широкими мѣрами, организующими солидарное производство (стр. 21—6, 28).

Въ этомъ изображеніи современной промышленности Лассаль забываетъ одно, именно, что все это совокупное и солидарное производство возникаетъ и держится единственно свободнымъ движеніемъ частныхъ силъ. Поэтому и распредѣленіе богатства руководится тѣми же началами. Тутъ нѣтъ никакого противорѣчія, а есть, напротивъ, глубокое тождество. Вся промышленность основана на личномъ началѣ; движущая ея пружина есть личный интересъ. Но

самое развитіе этого начала ведетъ къ взаимности интересовъ. Въ силу экономическихъ законовъ, солидарность установляется сама собою, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, и это служитъ явнымъ признакомъ того, что эти законы суть естественные законы человѣческой дѣятельности. Стремясь къ личной своей выгодѣ, человѣкъ принужденъ работать на другихъ; онъ производитъ для людей, живущихъ за дальними морями. Трудъ раздѣляется самъ собою; свободныя частныя силы соединяются въ совокупную дѣятельность. Конечно, въ этомъ есть и рискъ. Чѣмъ болѣе человѣкъ расширяетъ свое производство, тѣмъ болѣе онъ становится въ зависимость отъ отдаленныхъ вліяній. Нѣтъ промышленнаго устройства, которое бы ограждало производителей отъ неурожая или отъ невѣрныхъ расчетовъ. Но этимъ не уничтожаются ни самодѣятельность, ни отвѣтственность человѣка; онъ не становится страдательнымъ орудіемъ внѣшнихъ силъ. Напротивъ, такъ какъ рискъ здѣсь въ обѣ стороны, и въ итогѣ, выгоды значительно перевѣшиваютъ невыгоды, то самый этотъ рискъ служитъ сильнѣйшимъ побужденіемъ къ дѣятельности. Ограничиваясь болѣе тѣсною сферою, производитель менѣе рискуетъ, но зато онъ менѣе выигрываетъ. Много силъ остается безъ употребленія, и въ промышленности является застой. Поэтому, всякая система, которая имѣетъ въ виду уничтоженіе этого риска и замѣну живаго взаимнодѣйствія частныхъ силъ общими органическими мѣрами, то-есть, мертвымъ правительственнымъ схематизмомъ, не можетъ имѣть иного результата, кромѣ упадка промышленности. Она уничтожаетъ внутреннюю, движущую ея пружину, то, что даетъ ей жизнь и развитіе; на мѣсто естественной взаимности, она ставитъ искусственную; однимъ словомъ, она хочетъ основать промышленность на совершенно несвойственныхъ ей началахъ. И тутъ частное поглощается общимъ, между тѣмъ какъ именно въ этой сферѣ, частное, въ силу естественныхъ законовъ, составляетъ начало и конецъ всего движенія.

Но Лассаль увѣряетъ, что въ этой борьбѣ сильные покоряютъ себѣ слабыхъ; капиталисты обращаютъ въ свою пользу трудъ рабочихъ. Хотя рабство и крѣпостное состояніе исчезли, однако рабочій остается въ полной зависимости отъ капиталиста. Онъ не можетъ работать безъ капитала, а такъ какъ ему жить надобно, то онъ идетъ на всякія условія. Капиталистъ даетъ ему скудное пропитаніе, а весь

барышъ, то-есть, плодъ чужаго труда, онъ оставляетъ себѣ. Такимъ образомъ, работникъ подавляется плодами собственнаго своего прежняго труда, ибо капиталъ ничто иное какъ накопленный трудъ, и чѣмъ болѣе онъ работаетъ, тѣмъ положеніе его становится хуже (стр. 76—9).

Очевидно однако, что если рабочій нуждается въ капиталѣ, то и капиталистъ нуждается въ рабочихъ, ибо безъ работы капиталъ остается мертвымъ достояніемъ. Оба фактора имѣютъ, слѣдовательно, право на извѣстную долю произведенныхъ цѣнностей. Рабочій получаетъ эту долю въ видѣ заработной платы, капиталистъ въ видѣ барыша съ капитала. Каковъ размѣръ этихъ частей, это опредѣляется общимъ закономъ предложенія и требованія, какъ признаетъ и самъ Лассаль [1]). Если съ одной стороны, конкурренція рабочихъ ведетъ къ пониженію заработной платы, то съ другой стороны, конкурренція капиталистовъ ведетъ къ пониженію приходящагося на ихъ долю барыша. Слѣдовательно, выгода рабочихъ состоитъ въ томъ, чтобы капиталъ росъ какъ можно скорѣе. А потому, для нихъ всего желательнѣе такая система, которая всего болѣе способствуютъ этому росту. Такова именно система свободнаго соперничества, гдѣ само собою установляющееся раздѣленіе различныхъ отраслей и органовъ промышленности ведетъ къ образованію класса капиталистовъ, для которыхъ приращеніе капитала составляетъ спеціальное занятіе. И тутъ оказывается взаимность интересовъ, которая ведетъ къ соглашенію спорящихъ сторонъ. Если напряженіе борьбы производитъ иногда крайности богатства и бѣдности, если капиталистъ, въ погонѣ за барышемъ, старается извлечь изъ рабочаго все, что можетъ, то окончательно избытокъ капиталовъ непремѣнно отзывается возвышеніемъ заработной платы, ибо лишній капиталъ ищетъ рабочей силы, хотя бы и на менѣе выгодныхъ условіяхъ. Это доказывается, какъ мы уже замѣтили, пониженіемъ процентовъ въ богатыхъ странахъ.

Всѣ эти факты очевидны; но Лассаль смотритъ на нихъ совершенно съ другой точки зрѣнія. Для него капиталъ вовсе не есть факторъ производства. Производителемъ одинъ трудъ; капиталъ же

---

[1]) Herr Bastiat-Schulze v. Del. стр. 150; Arbeiterleseb. стр. 53: „Alles nach dem Gesetz von Angebot und Nachfrage, nach welchem ich eben so gut wie meine Gegner entwickle“.

ничто иное какъ историческій наростъ, который долженъ исчезнуть при болѣе разумномъ общественномъ устройствѣ. Дѣлая этотъ выводъ, Лассаль ссылается на англійскихъ экономистовъ, въ особенности на Рикардо, который видѣлъ въ трудѣ единственный источникъ цѣнностей (стр. 100—1, 159, 120). Но Рикардо не думалъ отвергать прибыли съ капитала; онъ только сводилъ ее на трудъ, потому что въ самомъ капиталѣ видѣлъ только накопленный трудъ. Поэтому, Лассалю приходится возставать и на Рикардо, также какъ онъ прежде возставалъ на Гегеля, то-есть, искажая его начала подъ предлогомъ дальнѣйшаго ихъ развитія. Независимо отъ того, теорія Рикардо, на которую ссылается Лассаль, сама подлежитъ существеннымъ возраженіямъ. Она грѣшитъ въ особенности тѣмъ, что она относится исключительно къ произведеніямъ, которыя могутъ произвольно умножаться и которыхъ цѣна поэтому, въ силу конкурренціи, опредѣляется единственно издержками производства. Какъ же скоро является какая-нибудь монополія, а она является вездѣ, гдѣ есть присвоеніе естественныхъ предметовъ, такъ цѣна произведенія перестаетъ опредѣляться однимъ положеннымъ въ него трудомъ. Собственное воззрѣніе Рикардо на поземельную ренту противорѣчитъ его началамъ, ибо владѣльцы лучшихъ земель получаютъ высшій доходъ не вслѣдствіе большаго труда, а вслѣдствіе выгоднѣйшаго положенія.

Недостатки англійской теоріи побудили французскихъ экономистовъ искать основанія цѣнности въ полезности вещей. Но и тутъ представляются неодолимыя затрудненія, ибо самые полезные предметы, если добываніе ихъ не стоитъ никакого труда, не имѣютъ цѣны. Поэтому, въ новѣйшее время Бастіà, которому слѣдовалъ и Шульце-Деличъ, предложилъ новое опредѣленіе. Онъ за основаніе цѣнности призналъ оказанную *услугу*. Къ сожалѣнію Бастіà недостаточно выяснилъ свою мысль и самъ постоянно сбивался на понятія англійской школы, совершенно отвергая всякое отношеніе цѣнности къ полезности. Между тѣмъ, важность его опредѣленія заключается именно въ томъ, что оно соединяетъ въ себѣ оба начала. Услуга есть доставленіе полезности. Для пріобрѣтателя все равно, какимъ способомъ добывается послѣдняя; для него важно то, что предметъ или дѣйствіе приноситъ ему пользу. Но онъ не дастъ за него болѣе того, что онъ могъ бы дать, пріобрѣтая цѣнность инымъ путемъ. Поэтому, крайній предѣлъ цѣны составляетъ для него стоимость

того труда, который бы онъ самъ долженъ былъ приложить, если бы онъ захотѣлъ личною дѣятельностью добывать полученную полезность. Съ своей стороны, оказывающій услугу не можетъ отдать цѣнность за меньшее, нежели она стоила ему самому. Для него, низшій предѣлъ цѣны составляютъ издержки производства. Между этими двумя крайностями колеблются цѣны предметовъ. Но конкурренція, какъ блистательно доказываетъ Бастіа, постоянно стремится привести ихъ къ низшему предѣлу, уравнивая ихъ съ дѣйствительными издержками производства. Поэтому, свободная конкурренція составляетъ первое условіе успѣшнаго развитія промышленности и народнаго благосостоянія.

Противъ этой теоріи Лассаль вооружается всѣми силами. Онъ осыпаетъ бранью и Бастіа и послѣдователя его Шульце-Делича, утверждая, что новое ихъ начало нечто иное, какъ сознательная ложь (Verlogenheit). Услуга, по его мнѣнію, вовсе даже не экономическая категорія, ибо есть множество услугъ даровыхъ. Какъ будто не существуетъ даровой работы! Затѣмъ, выхватывая отдѣльное выраженіе изъ аргументаціи Бастіа, Лассаль увѣряетъ, что считать мѣриломъ цѣны работу, сбереженную для потребителя, то-есть, работу дѣйствительно не исполненную, значитъ выставлять мѣрило чисто отрицательное, дѣлать небытіе мѣриломъ бытія. Такая логика есть, по его выраженію, мерзость передъ Господомъ и не заслуживаетъ ничего, кромѣ громкаго смѣха (стр. 107—8, 111, 114—5).

Что же онъ ставитъ на ея мѣсто? Единственнымъ мѣриломъ цѣнности голословно признается работа; но какая? Я работаю, и съ перваго взгляда кажется, говоритъ Лассаль, что моя работа—личная. Такова она дѣйствительно по субъекту, и таковою она была бы и по объекту, если бы я трудился для себя. Но при системѣ раздѣленія труда, я произвожу вещи полезныя для всѣхъ; слѣдовательно, въ дѣйствительности моя работа исполнила реальную, индивидуальную работу всѣхъ, то-есть, общую, или общественную работу. Слѣдовательно, и цѣна работы опредѣляется не личнымъ моимъ рабочимъ временемъ, употребленнымъ на данное произведеніе, а общественнымъ рабочимъ временемъ, потребнымъ для всей совокупности произведеній. Это послѣднее и выражается въ деньгахъ (стр. 122—3).

Этимъ началомъ, по мнѣнію Лассаля, объясняются всѣ затрудненія относительно колебанія цѣнъ. Такъ, напримѣръ, произведено пять

милліоновъ аршинъ шелковой матеріи, а между тѣмъ, вслѣдствіе перемѣны вкуса, требуется только одинъ милліонъ. Личной работы тутъ очевидно потрачено очень много совершенно даромъ, но сумма общественной работы остается та, которая требуется для удовлетворенія потребности въ одинъ милліонъ; только теперь она распредѣляется на пять милліоновъ. Это и оказывается, когда эти пять милліоновъ противопоставляются собственной ихъ *совѣсти*, то-есть, деньгамъ, въ которыхъ выражается сумма общественной работы. Теперь эти пять милліоновъ стóятъ тоже, что прежде стоилъ одинъ милліонъ.

Читатель спрашиваетъ себя: что это шутка или серіозное мнѣніе? Бастіà объявлялся лживымъ и безсмысленнымъ хвастуномъ, за то что-онъ неисполненную работу дѣлалъ мѣриломъ цѣнности, небытіе мѣриломъ бытія; а тутъ мѣриломъ становится не дѣйствительно исполненная работа, а работа потребная для удовлетворенія измѣнившейся моды; то-есть, опять-таки небытіе является мѣриломъ бытія, но на этотъ разъ, это—такое небытіе, котораго никакъ уловить нельзя, ибо кто знаетъ, сколько нужно работы для удовлетворѐнія потребностей по всему земному шару? А меня еще увѣряли, что когда я работаю для всѣхъ, я исполняю не личную, а общественную работу! Къ моему крайнему прискорбію, оказывается, что личная работа и общественная—двѣ вещи совершенно разныя. Личная моя работа пропала даромъ, а общественная работа остается на невозмутимой и недосягаемой высотѣ, предлагая мнѣ пониженную цѣну за мое произведеніе, и тѣмъ лишая меня заработаннаго потомъ куска хлѣба. Очевидно, работникъ попался! Недаромъ Лассаль называетъ эту общественную работу «холодною античною судьбою гражданскаго міра» (стр. 124). Не видать только, что въ нѐй *реальнаго*. Въ сущности, это ничто иное какъ фикція, замѣняющая самый простой экономическій законъ, по которому уменьшеніе требованія влечетъ за собою уменьшеніе цѣны произведенія.

Мы еще возвратимся къ этой теоріи, которую Лассаль цѣликомъ заимствовалъ у Карла Маркса. Тутъ достаточно было показать, посредствомъ какого изумительнаго фокуса личная работа превращается въ общественную. Но этого мало: надобно еще доказать, что другой факторъ производства, капиталъ, ничто иное какъ преходящее историческое явленіе, которое существеннаго значенія не имѣетъ.

Для этого необходимо прежде всего измѣнить значеніе слова *капиталъ*. Если принять его въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно обыкновенно принимается наукою, то-есть, какъ накопленный трудъ или какъ произведеніе, обращенное на новое производство, то капиталъ будетъ всегдашнимъ и необходимымъ элементомъ всякой промышленности. Во избѣжаніе подобнаго вывода, Лассаль не признаетъ капиталомъ орудіе производства, принадлежащее самому работнику. По его мнѣнію, орудіе становится капиталомъ, только когда оно ссужается другому для производительной дѣятельности и черезъ это приноситъ барышъ. Дикаго Индѣйца, владѣющаго лукомъ, нельзя считать капиталистомъ, ибо Индѣецъ можетъ еще при случаѣ промѣнять свой лукъ на что-нибудь другое, но въ ссуду его никто не возьметъ (стр. 131—2).

Отчего же, однако, никто его не возьметъ? Если у Индѣйца отмѣнно хорошій лукъ, а между тѣмъ онъ, заболѣвши, не можетъ идти на охоту, почему же другой не выпроситъ у него это орудіе съ обязательствомъ возвратить его и въ добавокъ принести нѣсколько дичи за оказанную услугу? Мы имѣемъ тутъ всѣ признаки капитала, не только основные, но и производные, на самой первой ступени промышленнаго быта. Конечно, капиталъ находится здѣсь еще въ первобытной формѣ, но такова и вся промышленность.

Съ такою же основательностью Лассаль отвергаетъ существованіе капитала во всемъ древнемъ мірѣ. Здѣсь, говоритъ онъ, рабочій былъ собственностью капитала; слѣдовательно, не существовало раздѣленія между этими двумя классами, а потому не было и дѣленія барыша между ними. Ссужать же деньги постороннимъ людямъ капиталистъ не могъ, ибо каждый производилъ только для собственныхъ потребностей. Правда, исторія говоритъ намъ, что деньги отдавались въ займы, и притомъ за большіе проценты; объ этомъ громко гласятъ и законы Солона и бѣдствія римскихъ плебеевъ. Но всѣ эти ссуды, по увѣренію Лассаля, совершались не для производства, а для потребленія; деньги же, ссужаемыя для потребленія, не составляютъ еще капитала, хотя бы онѣ приносили проценты. Правда, исторія говоритъ намъ также, что въ древности была обширная торговля; слѣдовательно, можно было ссужать деньги для производства торговли. Но о торговлѣ Лассаль умалчиваетъ. Онъ признаетъ, однако, что въ древности капиталъ существовалъ *въ зародышѣ* (стр. 182—6).

Точно также и въ средніе вѣка для капитала, по увѣренію Лассаля, не было мѣста. И тутъ все производство ограничивалось собственными потребностями каждаго. Хотя въ городскихъ цехахъ было установлено раздѣленіе работъ, слѣдовательно необходимъ былъ обмѣнъ произведеній, но такъ какъ производство каждаго было ограничено законами, то и тутъ не для чего было занимать деньги. Лассаль признаетъ, однако, что въ средніе вѣка существовала обширная торговля съ Востокомъ и значительное ростовщичество. Поэтому, тутъ является уже поводъ къ образованію капитала. Если въ древности онъ существовалъ только въ зародышѣ, то здѣсь онъ становится уже *юношею.* Съ открытіемъ новыхъ путей для всемірной торговли, этотъ юноша крѣпнетъ и растетъ, пока наконецъ Французская Революція снимаетъ съ него всякія путы, и разнузданный великанъ начинаетъ гулять по всей землѣ (стр. 136—137).

Настоящій періодъ, говоритъ Лассаль, періодъ преобладанія капитала, характеризуется раздѣленіемъ труда, производствомъ для всемірнаго рынка и безграничною конкурренціею, которая ведетъ къ побѣдѣ крупныхъ капиталовъ надъ мелкими. Работа же превращается въ товаръ, который продается на рынкѣ; а такъ какъ цѣна товара опредѣляется издержками производства, то и цѣна работы опредѣляется тѣмъ, что потребно для поддержанія рабочаго, то-есть, средствами пропитанія. Это рабочій и получаетъ въ видѣ заработной платы; все же остальное капиталистъ беретъ себѣ. Но этотъ излишекъ составляетъ точно также плодъ рабочаго труда, ибо иного производителя нѣтъ. Слѣдовательно, присвоивая его себѣ, капиталистъ беретъ чужое. Собственность, при этомъ порядкѣ, становится чужимъ достояніемъ. Рабочій же, получая за проданную имъ сумму работы уменьшенную плату, не въ состояніи купить собственныхъ своихъ произведеній, такъ что чѣмъ производительнѣе его работа, тѣмъ онъ самъ становится беднѣе (стр. 148—160).

Можно возразить, что и хозяинъ предпріятія долженъ получить вознагражденіе за свою работу. Но Лассаль утверждаетъ, что это вознагражденіе составляетъ совершенно ничтожную долю общаго барыша (стр. 160). Между тѣмъ, самъ же онъ, въ своемъ проектѣ, предоставляетъ рабочимъ товариществамъ именно эту долю, а прибыль съ капитала, выражаемую обыкновеннымъ процентомъ, оста-

вляетъ за государствомъ (Arlsb. стр. 42). Должно быть, вознагражденіе предпринимателей не такъ мало, если оно въ состояніи перевернуть всю судьбу рабочаго класса. Но увлекаясь своею темою, Лассаль увѣряетъ даже, что личныя качества предпринимателей совершенно ничего не значатъ для общаго производства. Если, говоритъ онъ, общая сумма годоваго производства=A, средства пропитанія=Z, то будь всѣ предприниматели прилежны или лѣнивы, умны или глупы, они все-таки въ итогѣ получатъ A—Z (BSD. стр. 163), Можно думать, напротивъ, что если всѣ предприниматели глупы и лѣнивы, то сумма годоваго производства будетъ не A, а можетъ быть даже менѣе Z. Съ другой стороны, если дѣйствительно капиталъ, какъ утверждаетъ Лассаль, ничто иное какъ мертвое орудіе, которое не въ состояніи ничего произвести, если процентъ съ капитала есть похищеніе, совершаемое капиталистомъ у работника, то какимъ образомъ можно предоставить государству право брать проценты съ ссужаемаго имъ капитала? Стало быть, и государство становится воромъ! Но разъяснять этихъ противорѣчій мы не беремся.

Съ такою же опрометчивостью Лассаль устраняетъ и другое возраженіе, что процентъ съ капитала составляетъ вознагражденіе за сбереженіе. Вопреки очевиднымъ фактамъ, онъ совершенно отвергаетъ возможность образованія капиталовъ изъ сбереженій. Вещи, предназначенныя для потребленія, говоритъ онъ, непремѣнно должны быть потреблены; иначе онѣ пропадутъ даромъ. Стоячій же капиталъ, состоящій изъ желѣза, брусьевъ, камней и т. п., и безъ того нельзя съѣсть; какая же заслуга въ томъ, что ихъ сберегаютъ (стр. 69—70)? Какъ будто однѣ и тѣже вещи нельзя употреблять производительно или непроизводительно, для работы или для удовольствія! Подобными аргументами можно только забавлять дѣтей. Всего любопытнѣе то, что отвергнувъ сбереженіе, какъ чисто отрицательное дѣйствіе, которое ничего произвести не можетъ, Лассаль признаетъ *накопленіе* труда источникомъ капитала, прибавляя только, что тѣ, которые трудятся, не въ состояніи накоплять, а тѣ, которые накопляютъ, пользуются чужимъ трудомъ (стр. 31, 79). Какъ будто накопленіе не есть другое слово для сбереженія!

Что же касается до постоянно повторяющагося довода, что рабочій, получая только скудное пропитаніе, не въ состояніи накоплять, то этому противорѣчатъ не только суммы, накопляемыя въ сберега-

тельныхъ кассахъ, но и приведенный самимъ Лассалемъ примѣръ Рочдельскихъ піонеровъ. Требуемая имъ передача капиталовъ въ руки государства имѣетъ именно цѣлью предупредить эти сбереженія, помѣшать рабочимъ сдѣлаться капиталистами, что, по мнѣнію Лассаля, есть самое противное явленіе (О. А., стр. 28). Правда, сбереженія рабочихъ, вообще, не велики; но кто въ этомъ виноватъ? гдѣ причина того, что доходъ ихъ ограничивается скуднымъ пропитаніемъ? На это опять отвѣчаетъ самъ Лассаль: возвышеніе заработной платы дѣйствуетъ, какъ возбудительное средство на умноженіе народонаселенія, а умноженіе народонаселенія опять понижаетъ заработную плату до крайняго предѣла. Дайте рабочему пропитаніе, говоритъ Лассаль, а ужъ ребенка онъ самъ сдѣлаетъ (BSD. стр. 153, 154). Но чѣмъ же тутъ виноватъ капиталистъ? Слѣдуетъ ли его считать воромъ за то, что рабочій, при малѣйшемъ улучшеніи состоянія, производитъ такое количество дѣтей, которое онъ не въ состояніи прокормить? А къ этому, по признанію самого Лассаля, сводится весь вопросъ: съ умноженіемъ капитала заработная плата увеличивается, *если только* количество рабочихъ не увеличивается въ еще большей пропорціи (стр. 192—3).

Въ результатѣ, Лассаль выводитъ, что капиталъ, по существу своему, ничто иное какъ мертвое орудіе, которое имѣетъ значеніе единственно въ рукахъ работника. Таковымъ онъ и былъ въ первобытныя времена, въ рукахъ дикаго Индѣйца. Но при системѣ раздѣленія труда и безграничной конкурренціи, онъ не только сдѣлался самостоятельнымъ, но и самого работника превратилъ въ свое орудіе. «Раздѣленіе труда, говоритъ Лассаль, составляетъ источникъ всякаго богатства... Это—единственный экономическій законъ, который, по аналогіи, можетъ быть названъ закономъ естественнымъ. Это — не настоящій законъ природы, ибо онъ принадлежитъ не къ области природы, а къ области духа, но онъ облеченъ такою же необходимостью, какъ электричество, притяженіе, упругость пара и т. п. Это—естественный законъ общества. И вдругъ, горсть людей явилась среди народовъ, и наложила запретъ на этотъ естественный законъ общества, существующій только въ силу духовной природы всѣхъ: эти люди обратили его въ свою личную пользу, кидая удивленнымъ и голодающимъ народамъ изъ ихъ же постоянно возрастающаго производства только тѣ объѣдки, которые при благопріятныхъ условіяхъ

можетъ получить и Индѣецъ прежде всякой культуры, именно, самое необходимое жизненное пропитаніе. Это все равно, что если бы нѣсколько лицъ объявили притяженіе, упругость пара, теплоту солнца личною своею собственностью!» (стр. 165—7).

Дѣйствительно, все равно. Одно также возможно какъ другое. Лассаль точно съ такою же основательностью могъ бы утверждать, что какіе-то самозванцы присвоили себѣ всемірные законы пищеваренія. Но спрашивается: откуда же взялись эти самозванцы, и что дало имъ силу произвести такой неслыханный захватъ? Дѣло въ томъ, что капиталисты не упали съ неба; они явились въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, которые произвели и раздѣленіе труда. Даже изъ скуднаго и невѣрнаго изложенія Лассаля выходитъ, что капиталъ ростетъ вмѣстѣ съ самою промышленностью. Онъ находится въ зародышѣ, когда она сама еще въ зачаткѣ. Тутъ только капиталъ и трудъ состоятъ нераздѣльно въ однѣхъ рукахъ. Но чѣмъ болѣе промышленность развивается, тѣмъ болѣе раздѣляются различныя ея отрасли и органы. Съ раздѣленіемъ труда является и самостоятельность капитала. Высшаго своего предѣла это двоякое раздѣленіе достигаетъ тогда, когда самая промышленность достигаетъ высшихъ своихъ размѣровъ, когда она становится всемірною, и когда, наконецъ, съ паденіемъ всѣхъ преградъ, дѣйствуютъ одни естественные законы общества. Не капиталисты налагаютъ руку на эти законы, а тѣ, которые взываютъ къ государству, съ тѣмъ, чтобы естественное движеніе силъ замѣнить искусственною регламентаціею. И съ какою цѣлью? съ тѣмъ, чтобы «опять разжаловать капиталъ на степень мертваго, служебнаго орудія работы» (стр. 173), то-есть, съ тѣмъ, чтобы возвратиться къ первоначальной точкѣ отправленія. Исторія не дѣлаетъ подобныхъ возвратовъ. Ни въ области природы, ни въ развитіи духа раздѣльность органовъ не замѣняется ихъ слитностью. Противоположные элементы духовнаго міра, на высшей своей ступени, подчиняются конечному единству, но всегда сохраняя свою относительную самостоятельность.

Точно также должна сохраняться и самостоятельность отдѣльныхъ сферъ человѣческой жизни. Онѣ подчиняются высшему государственному единству, но не замѣняются имъ. Въ промышленной области является посредствующее звено между капиталомъ и рабочею силою, именно, кредитъ, но не государственный, а частный. Кредитъ есть

точно такой же факторъ промышленнаго производства, какъ земля, капиталъ и трудъ, и слѣдуетъ тѣмъ же экономическимъ законамъ, вытекающимъ изъ взаимнаго отношенія частныхъ силъ. Все это составляетъ область гражданскаго общества. Государство же есть союзъ, представляющій народъ, какъ единое цѣлое. Оно воздвигается надъ этимъ міромъ частныхъ отношеній, подчиняя его себѣ и подъ часъ направляя его сообразно съ своими цѣлями, но не вмѣшиваясь въ его самостоятельныя отправленія. Государство можетъ, во имя общаго блага, требовать отъ промышленниковъ исполненія необходимыхъ условій безопасности и здоровья; оно можетъ ограждать малолѣтнихъ и слабосильныхъ, оказывать, во имя человѣколюбія, возможную помощь нуждающимся; оно можетъ далѣе, въ виду государственныхъ цѣлей, ограничивать иностранную конкурренцію; наконецъ, по самому существу дѣла, ему принадлежитъ завѣдываніе тѣми промышленными средствами, которыя находятся въ общемъ пользованіи всѣхъ, каковы пути сообщенія. Но самопроизводителемъ оно никогда быть не можетъ; это противорѣчитъ его природѣ и его назначенію. Поэтому, когда Лассаль утверждаетъ, что при раздѣленіи труда работа уже сама въ себѣ (an sich) имѣетъ характеръ общественный, и что нужно только установить въ дѣйствительности то, что заключается уже въ существѣ дѣла, замѣнивши личные авансы общественными (стр. 173), то въ этомъ взглядѣ нельзя не видѣть полнаго извращенія понятій и смѣшенія всѣхъ сферъ практической дѣятельности. Какъ мы уже видѣли, при раздѣленіи труда работа можетъ называться общественною лишь въ томъ смыслѣ, что она производится при свободномъ взаимнодѣйствіи частныхъ силъ. Тому же закону слѣдуютъ и должны слѣдовать авансы. Общество, какъ единое цѣлое, тутъ не при чемъ.

Въ своемъ проектѣ для улучшенія быта рабочаго класса, Лассаль ограничился пока требованіемъ государственнаго кредита для рабочихъ товариществъ; но это предложеніе онъ считаетъ только переходною мѣрою, практическимъ лозунгомъ для рабочей агитаціи (стр. 173, прим.). Окончательное же разрѣшеніе соціальнаго вопроса онъ видитъ въ обезличеніи всякой собственности (стр. 171), то-есть, въ передачѣ всѣхъ средствъ производства въ руки государства. Впрочемъ, самая переходная мѣра должна прилагаться въ весьма широкомъ объемѣ. Въ каждомъ состояніи общества,

говоритъ Лассаль, все слѣдуетъ закону преобладающаго направленія. Поэтому, недостаточно образованіе случайныхъ товариществъ, исчезающихъ въ массѣ; необходимо, чтобы крупные батальоны соединенныхъ рабочихъ могли одолѣть личныхъ капиталистовъ. Въ такомъ обширномъ кредитѣ Лассаль не видитъ для государства никакого риска, ибо рискъ существуетъ только для отдѣльныхъ предпринимателей, а никакъ не для цѣлаго производства, которое все идетъ возрастая (стр. 176). Лассаль забываетъ, что въ частномъ производствѣ убытки однихъ покрываются барышами другихъ; государство же будетъ нести убытки отъ невыгодныхъ предпріятій, ибо разорившіеся рабочіе не заплатятъ ему ни капитала, ни процентовъ, но барышей оно все-таки имѣть не будетъ, ибо, при самыхъ выгодныхъ предпріятіяхъ, оно не получитъ ничего, кромѣ капитала и процентовъ. Этому не поможетъ устраненіе конкурренціи и сосредоточеніе каждой промышленной отрасли въ рукахъ одного товарищества, какъ предполагаетъ Лассаль. Въ своемъ проектѣ онъ прямо бьетъ на монополію, ибо «превратить группированныхъ въ мелкія товарищества рабочихъ въ конкуррирующихъ мѣщанъ, стоило ли бы это труда!» (стр. 178). Но монополія бываетъ выгодна только для немногихъ, при ограниченномъ количествѣ лицъ и при устраненіи всякаго внѣшняго соперничества. Остальнымъ она всегда въ ущербъ, а при свободномъ выборѣ занятій и на всемірномъ рынкѣ она совершенно немыслима. Не поможетъ и всеобщее страховое товарищество между рабочими (тамъ же.) Страхуютъ противъ внѣшнихъ несчастій, противъ дѣйствія силъ природы, но никогда противъ невыгодныхъ предпріятій. Такое страховое общество навѣрное бы разорилось. Если государство гарантируетъ извѣстный доходъ при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, то оно дѣлаетъ это на совершенно особенныхъ основаніяхъ: оно тутъ является собственникомъ и во имя общественныхъ потребностей вызываетъ предпринимателей, обѣщая имъ извѣстный, низшій предѣлъ барыша. Гарантировать же частныя предпріятія, которыя каждый беретъ на свой рискъ, никому еще не приходило въ голову.

Одно можно навѣрное предвидѣть при этой системѣ: съ устраненіемъ внутренней конкурренціи нѣтъ возможности выдержать внѣшнюю. Поэтому народъ, который произведетъ у себя такой

экономическій переворотъ, не только не вытѣснитъ другихъ со всемірнаго рынка, какъ воображаетъ Лассаль (стр. 183), а напротивъ, долженъ будетъ уступить имъ мѣсто. Но и внутри государства, недостатокъ конкурренціи и предпріимчиваго духа, который Лассаль называетъ духомъ спекуляціи и считаетъ исключительною принадлежностью мѣщанства (стр. 184), должны повести къ значительному пониженію производства, ибо этимъ уничтожаются главныя пружины промышленнаго прогресса. Можно, сколько угодно, фантазировать о замѣнѣ личнаго интереса высшими побужденіями; человѣческая промышленность объ этомъ ничего не знаетъ. Если прибавить ко всему этому, что капиталъ въ рукахъ государства не будетъ рости, а народонаселеніе, видя передъ собою новый просторъ, съ разу возрастетъ до крайнихъ предѣловъ, то результатъ не можетъ быть сомнителенъ. Какъ мы уже выразились выше, это— система всеобщаго разоренія.

Таково содержаніе брошюры Лассаля. Читатель можетъ судить, насколько онъ былъ правъ, когда въ концѣ своей полемики, обращаясь къ Шульце-Деличу, онъ восклицаетъ: «во всякой строкѣ, которую я пишу, я являюсь вооруженнымъ всею наукою своего вѣка» (стр. 197)! Безспорно, и тутъ проявляются замѣчательныя свойства его ума, обширная начитанность и сильный полемическій талантъ, но матеріалъ недостаточно обдуманъ и связанъ. Въ политической экономіи, Лассаль былъ, въ сущности, диллетантомъ. Многія изъ мыслей, которыми онъ щеголяетъ, принадлежатъ не ему, а собственныя его мысли не клеятся съ тѣми, которыя заимствованы у другихъ. Отсюда многочисленныя противорѣчія и несообразности въ его изложеніи. Если бы Лассаль исполнилъ свою завѣтную мысль и написалъ цѣльную философію духа, мы имѣли бы по крайней мѣрѣ, хотя одностороннюю, но связную систему, а не плохо слаженные отрывки. Надобно сказать, что онъ одинъ и былъ способенъ къ такому предпріятію. Но общественная дѣятельность и ранняя смерть помѣшали осуществленію этого плана. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ ринулся въ агитацію, онъ собственно былъ уже потерянъ для науки.

Въ 1864 году Лассаль былъ убитъ на дуэли. Послѣдователи его до сихъ поръ свято чтутъ его память, какъ основателя соціалистической партіи въ Германіи, какъ человѣка, призвавшаго рабочіе

классы къ самостоятельной дѣятельности. Но о продолженіи его на учныхъ трудовъ нѣтъ и помину. Зато выходящая изъ всякихъ приличій ругатня и взаимныя обвиненія въ мошенничествѣ достигли крайнихъ предѣловъ [1]). Не мудрено, что партія его скоро распалась. Одни остались вѣрными начертанной имъ программѣ; другіе перешли къ болѣе радикальному направленію Международнаго Товарищества Рабочихъ. Окончательно обѣ партіи слились.

3. КАРЛЪ МАРКСЪ [2]).

На одной почвѣ съ Лассалемъ стоитъ Карлъ Марксъ, извѣстный предсѣдатель Международнаго Товарищества Рабочихъ, также какъ Лассаль, еврейскаго происхожденія. Ни по силѣ ума, ни по таланту, ни по разнообразію свѣдѣній, ни по философскому смыслу, онъ не можетъ сравняться съ Лассалемъ; но онъ сдѣлалъ то, о чемъ Лассаль только мечталъ: онъ далъ теоретическое построеніе соціальной утопіи. Книга его: *Капиталъ* [3]) служитъ высшимъ выраженіемъ нѣмецкаго ученаго соціализма. По ней мы можемъ видѣть, что ученый соціализмъ въ состояніи дать. Важность предмета побуждаетъ насъ подвергнуть ее обстоятельному разбору и прослѣдить ту цѣпь умозаключеній, которою держится все это ученіе.

Способъ изслѣдованія Карла Маркса тотъ же самый, который мы видѣли у Лассаля. Это—діалектическая метода, наслѣдованная отъ Гегеля. Карлъ Марксъ прямо признаетъ себя ученикомъ великаго мыслителя и говоритъ даже, что онъ въ своихъ основныхъ выводахъ кой-гдѣ кокетничалъ (!) гегелевскою терминологіею (стр. 822). Гегелево начало противорѣчія онъ считаетъ «пружиною всякой діалектики» (стр. 619, пр. 4). Но рядомъ съ этимъ онъ объявляетъ, что соб-

---

[1]) См. брошюру: Herr I. B. von Schweitzer und die Organisation des Lassalle'schen Allg. deutschen Arbeitervereins, von Fritz Mende и другія.

[2]) Статья о К. Марксѣ была также напечатана въ „Сборникѣ Госуд. Знаній", т. VI.

[3]) Карлъ Марксъ началъ издавать это сочиненіе въ 1859 году, отдѣльными тетрадями, подъ заглавіемъ: „Zur Kritik der politischen Oekonomie". Это начало, въ новой обработкѣ, вошло въ изданную имъ въ 1867 году книгу: „Das Kapital". Въ 1873 году эта книга вышла вторымъ изданіемъ, съ исправленною редакціею. Я пользуюсь этимъ послѣднимъ. Затѣмъ, послѣ смерти Маркса вышло еще два тома, подъ редакціею Энгельса, вслѣдствіе чего напечатанная болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ статья потребовала значительныхъ дополненій.

ственная его діалектическая метода прямо противоположна діалектикѣ Гегеля. У послѣдняго умственный процессъ олицетворяется подъ именемъ идеи и становится творцомъ дѣйствительности, которая является только внѣшнимъ его выраженіемъ. По воззрѣнію же Маркса, истина лежитъ въ дѣйствительности, то-есть, въ матеріальномъ мірѣ; все идеальное ничто иное, какъ отраженное и опрокинутое въ человѣческой головѣ матеріальное бытіе. Поэтому, говоритъ онъ, діалектика Гегеля стоитъ на головѣ. Надобно ее перевернуть, чтобы раскрыть раціональную основу въ мистической оболочкѣ (стр. 821—2).

Можно ожидать послѣ этого, что діалектика Гегеля явится отрицаніемъ дѣйствительности, а діалектика Маркса, напротивъ, возстановленіемъ дѣйствительности. Но выходитъ наоборотъ. Именно та діалектика, которая извращаетъ, или «ставитъ на голову», истинныя отношенія вещей, раскрываетъ положительную сторону существующаго и выступаетъ, какъ его защитница, а та діалектика, которая существующее беретъ за основаніе, становится къ нему въ отрицательное отношеніе, указываетъ на необходимость погибели «каждой окрѣпшей формы въ потокѣ движенія», однимъ словомъ, является «по существу своему критическою и революціонною» (стр. 822).

Такимъ образомъ діалектика должна разомъ служить выраженіемъ крайняго матеріализма и крайняго идеализма; она должна, съ одной стороны, брать свою точку опоры въ дѣйствительности, считая ее за истинную свою основу, съ другой стороны, отрицать эту самую дѣйствительность во имя идеала, обрѣтающагося только въ человѣческой головѣ. Карлъ Марксъ, повидимому, не подозрѣваетъ, что онъ служитъ двумъ разнымъ божествамъ. Указаніе на погибель каждой окрѣпшей формы въ потокѣ движенія мы видѣли и у Лассаля; въ этомъ выражается одностороннее развитіе отрицательнаго элемента гегелевой діалектики. Но чисто матеріалистическихъ началъ мы у него не видали. Съ своимъ яснымъ философскимъ умомъ, Лассаль могъ иногда пользоваться матеріалистическими доводами для своихъ цѣлей, но онъ не могъ смѣшивать два совершенно разнородныхъ направленія. Для человѣка, знакомаго съ философіею и умѣющаго связывать свои мысли, дѣйствительно трудно понять, какимъ образомъ матеріализмъ и соціализмъ могутъ совмѣщаться въ одной головѣ. Но въ дѣйствительности, это довольно обыкновенное явленіе.

При такомъ смѣшеніи понятій не мудрено, что Карлъ Марксъ хочетъ свою діалектику выдать за результатъ опыта. Надобно отличать, говоритъ онъ, способъ изложенія отъ способа изслѣдованія. «Изслѣдованіе должно въ подробности усвоить себѣ матеріалъ, анализировать его различныя формы развитія и изыскать ихъ внутреннюю связь. Только когда совершена эта работа, можно представить истинное движеніе въ соотвѣтствующемъ видѣ. Если это удается, и жизнь матеріала отражается въ идеальной формѣ, то можетъ казаться, что мы имѣемъ дѣло съ конструкціею a priori» (стр. 84).

Въ дѣйствительности, при истинно научномъ ходѣ мыслей, это никогда казаться не можетъ. Основное положеніе должно быть доказано, и тутъ немедленно обнаруживается, откуда берется доказательство, изъ умозрѣнія или изъ опыта. Авторъ можетъ тысячу разъ увѣрять, что онъ, невидимо для читателя, извлекъ свое начало изъ самаго подробнаго фактическаго изслѣдованія; читатель, имѣющій понятіе о томъ, что такое ученое изслѣдованіе, все-таки не повѣритъ: онъ знаетъ, что научное доказательство состоитъ именно въ обнаруженіи этого процесса извлеченія. Безъ этого, самое подробное фактическое изложеніе становится только придаткомъ, который освѣщается предвзятою мыслью, то-есть, представляется въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Такимъ и является фактическій матеріалъ въ книгѣ Маркса. Въ выводѣ основныхъ положеній нѣтъ у него и тѣни фактическаго доказательства; затѣмъ, когда теорія построена, на этомъ основаніи воздвигается фактическое зданіе, которое, разумѣется, получаетъ тотъ видъ, какой автору угодно ему придать. Слѣдовательно, когда Карлъ Марксъ увѣряетъ, что его начала только кажутся выведенными a priori, то этимъ онъ обнаруживаетъ только, что у него нѣтъ для нихъ ни умозрительнаго, ни опытнаго доказательства. Онъ самъ не знаетъ, откуда они взяты. И точно тутъ нѣтъ ни умозрѣнія, ни опыта, а есть только логическіе фокусы, которые выкидываются для заданной напередъ цѣли. Читатель убѣдится въ этомъ, слѣдя шагъ за шагомъ за ходомъ мыслей автора.

Въ основаніе полагается анализъ стоимости товара. Товаръ, говоритъ Карлъ Марксъ, есть первоначальная клѣточка, изъ которой строится народное богатство. Наблюдать ее тѣмъ труднѣе, что мы не имѣемъ тутъ ни микроскопа, ни химическихъ реакцій. И то и другое должно быть замѣнено *силою отвлеченія* (Vorw., стр. 4).

Итакъ, вмѣсто наблюденія, мы начинаемъ съ отвлеченія. Что же такое товаръ?

Прежде всего, товаръ есть предметъ полезный человѣку, или служащій для потребленія. Полезность даетъ ему *потребительную цѣнность* (Gebrauchswerth). Съ другой стороны, существо этого предмета состоитъ въ томъ, что онъ мѣняется на другіе. Въ этомъ состоитъ его *мѣновая цѣнность* (Tauschwerth). Эта послѣдняя и составляетъ главный предметъ изслѣдованія.

Мѣновая цѣнность выражается отношеніемъ равенства между двумя товарами, напримѣръ: 1 четверть пшеницы = x пудовъ желѣза. Но этимъ отношеніемъ не исчерпывается ея существо. Пшеница уравнивается не только съ желѣзомъ, но и съ множествомъ другихъ товаровъ; слѣдовательно, тутъ должно быть общее содержаніе, независимое отъ этихъ частныхъ способовъ выраженія. Въ каждомъ уравненіи непремѣнно предполагается нѣчто общее, третье, «что не есть ни то, ни другое», но къ чему оба члена могутъ быть приведены. Товары отличаются другъ отъ друга своею потребительною цѣнностью или полезностью; слѣдовательно, мѣновая цѣнность, въ которой они полагаются равными, должна быть отлична отъ потребительной цѣнности. Она получается отвлеченіемъ отъ послѣдней. Мѣновая цѣнность, говоритъ Марксъ, не заключаетъ въ себѣ ни единаго атома потребительной цѣнности (стр. 9—12).

Тутъ читатель останавливается и спрашиваетъ себя: да почему же это такъ? Что между двумя предметами, которые обмѣниваются, должно быть нѣчто общее, это несомнѣнно; но что это общее не должно быть *ни то, ни другое*, это, повидимому, противорѣчитъ здравому смыслу: общимъ называется именно то, что есть вмѣстѣ *и то и другое*. Если мы спросимъ: что̀ есть общаго между двумя товарами, которые обмѣниваются? то всякій здравомыслящій человѣкъ навѣрное отвѣтитъ: то, что оба полезны; поэтому они и мѣняются. Одному болѣе нужно одно, другому—другое; но оба равно нужны. Если мы сдѣлаемъ отвлеченіе отъ различной ихъ пользы, то останется общій элементъ полезности, потребительная цѣнность вообще. Другаго ничего мы этимъ умозаключеніемъ получить не можетъ. Отвлеченіемъ отъ частнаго даетъ намъ однородное съ нимъ общее, родовой признакъ видовъ, а не что-либо другое.

Но можетъ ли общая полезность служить основаніемъ для коли-

чественнаго сравненія? Это—другой вопросъ, но и на него нельзя не отвѣчать утвердительно. При всякой мѣнѣ, человѣкъ сравниваетъ ту пользу, которую онъ даетъ, съ тою, которую онъ получаетъ; это и служитъ ему побужденіемъ для мѣны. Степенью полезности предмета опредѣляется и то, чтó покупатель готовъ за него дать; онъ дастъ больше за то, чтó ему нужнѣе, меньше за то, чтó ему менѣе нужно. По признанію всѣхъ экономистовъ, спросъ является однимъ изъ существенныхъ элементовъ при опредѣленіи цѣнности. Другой элементъ составляетъ возможность пріобрѣсти предметъ инымъ путемъ. Никто не дастъ больше, если онъ можетъ заплатить меньше. Этотъ второй элементъ, предложеніе, опредѣляется разными обстоятельствами, которыя необходимо разобрать для того, чтобы рѣшить вопросъ о цѣнности товаровъ. Это и дѣлаютъ экономисты. Простое же отвлеченіе отъ полезности не только не приведетъ насъ къ какому-либо результату, но, напротивъ, уничтожитъ самое основаніе рѣшенія. Если мы сдѣлаемъ отвлеченіе отъ *всякой* полезности, то исчезнетъ и цѣнность, ибо не будетъ и мѣны. Никто не мѣняетъ предметовъ, которые не нужны. Слѣдовательно, когда Карлъ Марксъ утверждаетъ, что мѣновая цѣнность не содержитъ въ себѣ ни единаго атома потребительной цѣнности, то это не только ничѣмъ не оправданный логическій скачокъ, но и прямое противорѣчіе тому, что ежедневно происходитъ при мѣнѣ товаровъ.

Что же однако остается въ товарѣ, если мы сдѣлаемъ отвлеченіе отъ всякой полезности? Остается, говоритъ Карлъ Марксъ, *одно только* качество, именно, что оба предмета суть произведенія труда (стр. 12). Тутъ читатель приходитъ въ еще большое недоумѣніе. О трудѣ еще даже не упоминалось. Почему же это единственное остающееся качество? Я, напримѣръ, покупаю лѣсъ и плачу за него золотомъ. Неужели, независимо отъ полезности этихъ предметовъ, единственное ихъ качество то, что они оба составляютъ произведенія труда? Но вѣдь они точно также, и еще въ гораздо большей степени—произведенія природы. Въ покупаемый мною лѣсъ, можетъ быть, не положено никакого труда, а я все-таки за него плачу, иногда даже очень дорого, смотря по обстоятельствамъ. Очевидно, трудъ берется тутъ какъ дѣятель производства; но самъ Карлъ Марксъ признаетъ, что онъ не единственный дѣятель: есть еще и природа (стр. 18). Есть и капиталъ. Мѣняемые предметы могутъ

сами быть капиталомъ, то-есть, служить дѣятелями производства. Это—тоже составляетъ качество, которое даетъ имъ цѣнность. Почему же все это оставляется въ сторонѣ и берегся одинъ трудъ? Потому что такъ угодно автору. Иного отвѣта мы дать не можемъ. Пусть читатель переборетъ всѣ 822 страницы книги Карла Маркса, онъ другой причины не найдетъ. Вездѣ, въ послѣдующемъ изложеніи, положеніе, что мѣновая цѣнность товаровъ опредѣляется исключительно трудомъ, принимается какъ доказанное; доказательство же состоитъ единственно въ томъ, что, отбросивъ полезность товаровъ, мы получимъ въ остаткѣ одно только качество, именно, что они составляютъ произведеніе труда. И это выдается за строго научный выводъ (стр. 813). Читатель видитъ, что тутъ нѣтъ не только строгой науки, но даже и простаго смысла. Фактическій разборъ мѣновой цѣнности устраняется совершенно; объ опытныхъ доказательствахъ нѣтъ и помину. Все сводится на логическій выводъ, но въ этомъ выводѣ не оказывается ни единаго атома логики. Какъ мы уже сказали, это не умозрѣніе и не опытъ, а просто фокусъ, посредствомъ котораго пускается пыль въ глаза читателя.

Англійскіе экономисты, также какъ Карлъ Марксъ, старались привести цѣнность товаровъ къ произведенной работѣ; но они дѣлали это на основаніи серьезнаго анализа предмета. Анализъ былъ невѣренъ, ибо доходъ съ земли и процентъ съ капитала, которые, независимо отъ другихъ, измѣняющихся обстоятельствъ, постоянно опредѣляютъ цѣнность произведеній, не могутъ быть сведены къ работѣ. Но тутъ, по крайней мѣрѣ, можно спорить, можно доказывать. Когда же авторъ просто утверждаетъ, что это такъ, и затѣмъ считаетъ дѣло доказаннымъ, то вопросъ идетъ уже не объ ученомъ спорѣ, а просто объ оцѣнкѣ умственныхъ способностей писателя.

Но пойдемъ далѣе. Допустимъ, что цѣнность товаровъ опредѣляется единственно трудомъ. Какимъ же трудомъ? Если мы устраняемъ полезность произведеній, говоритъ Карлъ Марксъ, то, очевидно, мы должны устранить и полезность производящей ихъ работы; съ первою исчезаетъ и послѣдняя. Полезная работа есть частный видъ работы, та или другая ея форма, а намъ нуженъ общій элементъ, работа вообще. Безразличная, или отвлеченная работа есть работа, какъ трата человѣческихъ силъ. Она измѣряется временемъ, или

своимъ продолженіемъ. Это и есть мѣрило всѣхъ цѣнностей, единица, къ которой онѣ приводятся (стр. 12—13).

На этотъ разъ умозаключеніе правильно: сдѣлавши отвлеченіе отъ различія работы, мы получимъ работу вообще. Но тутъ является другое затрудненіе. Я могу проработать Богъ знаетъ сколько времени, но если я произвелъ вещь никому не нужную, то она все-таки не будетъ имѣть цѣнности, и трудъ мой пропалъ даромъ. Это признаетъ и Карлъ Марксъ. Слѣдовательно, работа, для того чтобы имѣть цѣнность, непремѣнно должна быть *полезна* (стр. 15—16, 64). Такимъ образомъ, съ одной стороны, мы откидываемъ всякую полезность и утверждаемъ, что цѣнность опредѣляется работою, единственно какъ тратою рабочей силы, съ другой стороны, мы требуемъ, чтобы эта отвлеченная работа непремѣнно была полезна; то-есть, мы въ заднюю дверь вводимъ то, что вытолкнули черезъ переднюю. Противорѣчіе тутъ явное, вопіющее, но авторъ ни мало этимъ не смущается и, ничего не замѣчая, продолжаетъ свое логическое шествіе.

Если цѣнность произведеній опредѣляется исключительно временемъ употребленной на нихъ работы, то очевидно, что всякая работа должна оплачиваться одинаково. Большее ли количество полезности работникъ производитъ въ данное время или меньшее, цѣна должна быть одна. Это также признаетъ Карлъ Марксъ. Производительная сила работы, говоритъ онъ, касается ея полезности, а отнюдь не ея цѣнности. Результатъ большей производительности только тотъ, что одна и таже цѣнность распредѣляется на большее количество товаровъ, вслѣдствіе чего послѣдніе становятся дешевле (стр. 15, 21). Но если такъ, то и качественно различная работа должна цѣниться одинаково. На этомъ основаніи, картина Рафаэля будетъ имѣть меньшую цѣну, нежели картина самаго бездарнаго труженика, если она написана въ болѣе скорое время. Тутъ нельзя сослаться на то, что въ картинѣ Рафаэля оплачивается предыдущая приготовительная работа художника. Труженикъ и прежде могъ работать даже болѣе Рафаэля: генію достается легко то, чего труженикъ никогда не достигнетъ даже самою копотливою работою. Слѣдовательно, приходится или признать, что цѣнность произведеній опредѣляется не однимъ количествомъ, но и качествомъ работы, или отвергнуть самые очевидные и неотразимые факты, какъ не имѣющіе законнаго

основанія. На послѣднее Карлъ Марксъ не рѣшается. Онъ, по своему обыкновенію, вводитъ противорѣчіе въ свою аргументацію, не заботясь объ его разрѣшеніи. Работу онъ раздѣляетъ на простую и сложную; послѣднюю онъ называетъ также *потенцированною* или *умноженною*, какъ будто качественное различіе исчерпывается количественнымъ отношеніемъ! Простая работа, по его мнѣнію, составляетъ единицу, которою измѣряются всѣ цѣнности; сложная же работа сводится къ простой, такъ что меньшее количество первой равняется большему количеству второй. Читатель спрашиваетъ: какъ же это возможно, когда мы имѣемъ дѣло съ безразличною работою, съ работою вообще, какъ тратою силъ? Потенцированною или умноженною можно назвать развѣ только болѣе производительную работу, но именно она-то и устраняется, какъ не имѣющая вліянія на цѣнность. Правда, въ другомъ мѣстѣ Карлъ Марксъ говоритъ, что «работа съ исключительною производительною силою дѣйствуетъ, какъ потенцированная работа, или производитъ въ одинакое время высшія цѣнности, нежели средняя общественная работа того же рода» (стр. 325); но это только увеличиваетъ противорѣчіе, и мы все-таки не узнаемъ, какимъ способомъ возможно разнокачественную работу привести къ единой количественной единицѣ. Самъ авторъ перестаетъ тутъ разсуждать, а просто ссылается на опытъ. «Что это приведеніе постоянно совершается, говоритъ онъ, это показываетъ опытъ. Извѣстный товаръ можетъ быть произведеніемъ самаго сложнаго труда, во всякомъ случаѣ его цѣнность уравниваетъ его съ произведеніемъ простой работы, а потому сама представляетъ только извѣстное количество простой работы. Различныя пропорціи, въ которыхъ разнородныя работы сводятся на простую работу, какъ ихъ количественную единицу, установляются *извѣстнымъ общественнымъ процессомъ за спиною производителей*, а потому кажутся имъ вытекающими изъ обычая» (стр. 19). На этомъ основаніи Карлъ Марксъ считаетъ совершенно безполезнымъ далѣе трактовать о качественно высшей работѣ, ибо ее всегда можно привести къ простой.

Это, конечно, весьма легкій способъ избавиться отъ затрудненія. Но вопросъ состоитъ именно въ томъ: что же это за общественный процессъ, который происходитъ за спиною производителей? Если мы просто сошлемся на опытъ, то окажется, что не работа служитъ

мѣриломъ цѣнностей, а деньги служатъ мѣриломъ работы, при чемъ отношеніе работы къ другой опредѣляется отнюдь не свойствомъ или продолженіемъ самой работы, а нерѣдко совершенно посторонними обстоятельствами. Одна и таже картина, воплощающая въ себѣ мѣсячную работу художника, можетъ быть въ 100, въ 1,000 и въ 10,000 разъ цѣннѣе такого же количества простой работы, смотря по тому, извѣстенъ ли художникъ или нѣтъ, большой ли спросъ на его произведенія или малый, живъ онъ или умеръ и т. п. Если же мы, вмѣстѣ съ Марксомъ, скажемъ, что общество, установляя цѣны, само не понимаетъ, чѣмъ оно руководится (стр. 51), то надобно объяснить истинную сущность этого процесса, и тогда опять возникаетъ вопросъ: чѣмъ измѣряются разнокачественныя работы? гдѣ единица для ихъ сравненія? По теоріи Карла Маркса, когда мы говоримъ, что 20 аршинъ полотна равняются одному сюртуку, то это означаетъ, что въ обѣихъ цѣнностяхъ содержится одинакое количество рабочихъ дней; но когда мы говоримъ, что большее количество простой работы равняется меньшему количеству сложной, то-есть, лучшей, то гдѣ же тутъ основаніе уравненія? Чтобы восполнить недостающее количество, мы должны ввести другой элементъ, качество, элементъ, несоизмѣримый съ количествомъ. Не говоримъ уже о той нелѣпости, что большее количество служитъ единицею для меньшаго. Очевидно, что свести всѣ цѣнности къ единицѣ рабочаго дня можно только однимъ способомъ: совершенно устранивъ качество работы. Это и дѣлаетъ Карлъ Марксъ, когда онъ говоритъ, что цѣнность опредѣляется работою вообще, какъ тратою силы, независимо отъ ея качества. Но тогда не слѣдуетъ вводить опять качество заднею дверью, а надобно храбро признать, что картина Рафаэля имѣетъ меньшую цѣну, нежели произведеніе бездарнаго труженика, которое работалось дольше.

Однако и этимъ признаніемъ мы не спасемся отъ противорѣчій. Даже простая работа поденщика можетъ быть разнаго качества. Самъ Карлъ Марксъ замѣчаетъ, что по этой теоріи можетъ показаться, что чѣмъ лѣнивѣе и неспособнѣе человѣкъ, тѣмъ цѣннѣе его товаръ, ибо тѣмъ болѣе требуется времени для произведенія этого товара. Чтобы устранить это затрудненіе, приходится опять разнокачественную работу приводить къ общей единицѣ. «Работа, составляющая субстанцію цѣнностей, говоритъ Карлъ Марксъ, есть рав-

ная человѣческая работа, трата одной и той же человѣческой рабочей силы. Совокупная рабочая сила общества, выражающаяся въ цѣнностяхъ товарнаго міра, имѣетъ значеніе одной и той же человѣческой рабочей силы, хотя она состоитъ изъ безчисленныхъ единичныхъ рабочихъ силъ. Каждая изъ этихъ единичныхъ силъ есть также человѣческая рабочая сила, какъ и другія, насколько она имѣетъ характеръ средней общественной рабочей силы и дѣйствуетъ, какъ таковая средняя общественная рабочая сила, слѣдовательно, употребляетъ на произведеніе товара только среднимъ числомъ необходимое или общественно необходимое время работы» (стр. 13).

Такимъ образомъ, для того, чтобы найти единицу работы, мы принуждены сдѣлать новое отвлеченіе. Сначала мы откинули качество и взяли одно количество; теперь мы отбрасываемъ безконечное разнообразіе единичныхъ силъ и беремъ одну общую рабочую силу. Но это новое отвлеченіе имѣетъ уже иной характеръ, нежели первое. Тамъ мы брали одну сторону дѣйствительнаго предмета, откидывая другую; здѣсь же мы изъ области дѣйствительности переходимъ въ область фикціи. Ибо единая общественная рабочая сила ничто иное, какъ фикція; въ дѣйствительности существуютъ только единичныя силы. Говоря объ общественной силѣ, мы не знаемъ даже, о какомъ обществѣ тутъ идетъ рѣчь. Объ отдѣльномъ государствѣ? Но обмѣнъ товаровъ существуетъ и между государствами. По этой теоріи, мы должны будемъ сказать, что на всемірномъ рынкѣ цѣна товаровъ опредѣляется среднимъ рабочимъ временемъ всего человѣческаго рода, какъ единой рабочей силы. Но вѣдь это чистая нелѣпость. Когда мы принимаемъ за мѣрило дѣйствительныхъ отношеній фиктивную и никому неизвѣстную единицу, это означаетъ только, что мы совершенно сбились съ дороги. На дѣлѣ, цѣна товаровъ опредѣляется отнюдь не выводомъ средняго рабочаго времени для всего человѣческаго рода, а просто борьбою частныхъ силъ. Болѣе дешевые товары вытѣсняютъ съ рынка болѣе дорогіе. Конкурренція же происходитъ вовсе не оттого, что разнообразныя силы сводятся къ одной, а именно оттого, что силы разныя.

Съ фиктивною единицею общественной рабочей силы связано и другое превращеніе. Если до сихъ поръ читатель могъ думать, что мѣриломъ цѣнностей служитъ дѣйствительно исполненная работа, то теперь онъ долженъ въ этомъ разубѣдиться. Не дѣйствительная, а

потребная, или, какъ выражается Карлъ Марксъ, *общественно-необходимая* работа опредѣляетъ цѣну произведеній. Но общественно-необходимая работа не есть постоянная единица. Какъ признаетъ и самъ Карлъ Марксъ, это—мѣрило, безпрерывно измѣняющееся. Сегодня для производства извѣстнаго товара нужно извѣстное количество работы, а завтра, вслѣдствіе новаго изобрѣтенія, нужна только половина. Несмотря на то что прежній рабочій день перешелъ уже въ цѣну товара, если этотъ товаръ еще не потребленъ, а вращается на рынкѣ, цѣна его, слѣдовательно и употребленная на него работа, сокращается на половину. Излишекъ работы пропалъ даромъ (стр. 86). Поэтому, когда Карлъ Марксъ утверждаетъ, что въ цѣнѣ товаровъ изображается окрѣпшее рабочее время (festgeronnene Arbeitszeit), то это противорѣчитъ собственнымъ его выводамъ: работа вовсе не окрѣпла въ цѣнѣ, а напротивъ, постоянно съ нею измѣняется, хотя она уже произведена и повидимому измѣняться уже не можетъ. Надобно притомъ замѣтить, что общественно-необходимое рабочее время не есть время, потребное для производства того или другого отдѣльнаго товара, а время, потребное для производства всей совокупности извѣстнаго товара, нужнаго обществу. Время, потребное для производства отдѣльной штуки, можетъ остаться прежнее, но если произведено болѣе потребнаго количества, то считается все-таки только необходимое для удовлетворенія потребности время, которое теперь распредѣляется на большее количество товара. Какъ рабочая сила, такъ и весь находящійся на рынкѣ товаръ считается одною статьею, которой общая цѣна распредѣляется по отдѣльнымъ предметамъ, сообразно съ общимъ ихъ количествомъ (стр. 86). Поэтому и наоборотъ, если количество товара меньше нужнаго, товаръ все-таки считается произведеніемъ необходимой для общества работы, хотя эта работа вовсе и не была произведена; въ этомъ случаѣ цѣна товара стоитъ выше, нежели дѣйствительно употребленная на нее работа.

Ясно, что при такомъ взглядѣ работа перестаетъ имѣть самостоятельное значеніе. Дѣйствительная работа превратилась въ воображаемую, воображаемая же сумма работы опредѣляется суммою предметовъ, необходимыхъ для удовлетворенія потребностей, то-есть, полезныхъ. Изъ области фикціи мѣрило опять переходитъ въ дѣйствительность, но уже въ дѣйствительность, опредѣляемую полезною цѣн-

ностью, а не трудомъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ мы получаемъ совершенно противоположное тому, что мы имѣли въ началѣ. Точкою отправленія было отвлеченіе отъ всякой потребительной цѣнности; мы изъ области чувственной вознеслись въ область сверхчувственную или даже сверхъестественную, по выраженію Маркса [1]). Но тутъ, идя отъ отвлеченія къ отвлеченію, мы пришли наконецъ къ чистой фантасмагоріи, ускользающей отъ всякаго опредѣленія, и когда мы захотѣли что-нибудь уловить, мы не нашли ничего, кромѣ отвергнутой нами потребительной цѣнности. Не даромъ Карлъ Марксъ говоритъ, что при анализѣ товаръ оказывается «исполненнымъ метафизическихъ тонкостей и богословскихъ призраковъ», какимъ-то «общественнымъ іероглифомъ», который надобно разгадывать. При такомъ способѣ изслѣдованія немудрено, что тотъ же товаръ, по выраженію Маркса, «изъ своей деревянной головы выкидываетъ штуки, гораздо болѣе удивительныя, нежели если бы онъ вдругъ самъ собою началъ плясать» (стр. 47—8). Но Марксъ неправъ, когда онъ весь этотъ мистическій туманъ и вытекающія изъ него противорѣчія приписываетъ самой формѣ производства, выражающейся въ товарѣ (стр. 53, 82). Противорѣчія существуютъ только въ головѣ автора, и эта самая голова производитъ богословскіе призраки и всѣ эти штуки, болѣе удивительныя, нежели если бы товаръ началъ самъ собою плясать. Дѣйствительное производство цѣнностей тутъ ровно не-при чемъ.

И это еще не высшій цвѣтъ этой новаго рода діалектики. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы встрѣтимъ еще болѣе изумительныя штуки.

Утвердивши мѣновую цѣнность на такой метафизической пляскѣ товара, Карлъ Марксъ переходитъ къ превращенію товара въ деньги. Тутъ дѣло кажется довольно просто. Деньги служатъ орудіемъ мѣны, выраженіемъ мѣновой цѣнности; слѣдовательно, по теоріи автора, онѣ являются воплощеніемъ отвлеченной человѣческой работы. Но Марксъ этимъ не довольствуется; онъ опять хочетъ быть глубокомысленнымъ и, по своему обыкновенію, запутывается въ противорѣчія, изъ которыхъ нѣтъ исхода.

---

[1]) Тамъ же, стр. 33: „eine übernatürliche Eigenschaft"; и на стр. 48: „sobald er als Waare auftritt, verwandelt er sich in ein sinnlich übersinnliches Ding".

По теоріи Маркса, цѣна мѣняемыхъ товаровъ выражается въ уравненіи, которое означаетъ, что количество работы въ обоихъ одно и тоже. Казалось бы, тутъ нѣтъ ничего, кромѣ чисто количественнаго отношенія равенства. Но будучи воспитанъ на нѣмецкой философіи, Карлъ Марксъ видитъ тутъ полярность, то-есть качественную противоположность. Одинъ товаръ, говоритъ онъ, выражаетъ свою цѣнность въ другомъ; слѣдовательно, первый играетъ дѣятельную, а второй страдательную роль. Первый является какъ *относительная цѣнность*, второй—какъ *эквивалентъ* (стр. 23). Можно возразить, что во всякой мѣнѣ это отношеніе обоюдное. Правда, говоритъ Карлъ Марксъ; но для того, чтобы цѣну втораго товара выразить въ первомъ, надобно переставить термины, и тогда первый становится эквивалентомъ (стр. 24). Читатель понимаетъ, что эта перестановка совершается на бумагѣ, а въ дѣйствительности отношеніе остается тоже. Какъ ни переставляй термины уравненія, оно все-таки выражаетъ собою равенство и ничего болѣе.

Въ чемъ же, однако, по мнѣнію Маркса, состоитъ качественная противоположность относительной цѣнности и эквивалента? Въ этомъ, по его увѣренію, выражается опять же извѣстная намъ противоположность цѣнности и полезности, или мѣновой и потребительной цѣнности. Послѣдняя была устранена съ самаго начала. Сами товары, устами Карла Маркса, говорятъ намъ: «наша потребительная цѣнность можетъ интересовать человѣка; намъ, какъ вещамъ, она не принадлежитъ... Мы относимся другъ къ другу только какъ мѣновыя цѣнности» (стр. 61). Но несмотря на то, потребительная цѣнность опять и опять вводится въ отношеніе цѣнностей. Полярность терминовъ состоитъ именно въ томъ, что мѣновая цѣнность одного выражается въ потребительной цѣнности другого. И этимъ не ограничивается противорѣчіе. Не только здѣсь тайкомъ вводится начало, которое было формально устранено, но самые противоположные термины неожиданно превращаются другъ въ друга. Объясняя то, что онъ называетъ относительною цѣнностью, Карлъ Марксъ прямо говоритъ, что въ ней выражается цѣнность, а въ эквивалентѣ—полезность. «Цѣнность (мѣновая) товара А, выраженная въ потребительной цѣнности товара В, имѣетъ форму относительной цѣнности» (стр. 28). Это объясняется тѣмъ, что для продавца, на точку зрѣнія котораго мы становимся при этомъ сравненіи, отдаваемый имъ товаръ предста-

вляетъ не полезность, а цѣнность; напротивъ, получаемый товаръ имѣетъ для него полезность (стр. 66). Но къ концу длиннаго и утомительнаго разсужденія, которое вращается болѣе въ области тавтологіи, вдругъ оказывается, что полезность представляется относительною цѣнностью, а цѣнность—эквивалентомъ. «Скрывающаяся въ товарѣ внутренняя противоположность потребительной и мѣновой цѣнности, говоритъ Карлъ Марксъ, выражается внѣшнею противоположностью, то-есть, отношеніемъ двухъ товаровъ, въ которомъ одинъ товаръ, котораго цѣнность должна быть выражена, непосредственно имѣетъ значеніе только какъ потребительная цѣнность, а другой товаръ, напротивъ, въ которомъ выражается цѣнность, имѣетъ непосредственно значеніе только какъ мѣновая цѣнность (стр. 37). Какимъ образомъ совершилось это превращеніе, остается для читателя тайною. Можно думать, что оно произошло и безъ вѣдома автора, ибо отъ этого ему нѣтъ никакой выгоды. Это просто логическая игра, въ которой неумѣлый игрокъ никогда не знаетъ, гдѣ у него, наконецъ, очутится понятіе.

Какъ бы то ни было, въ результатѣ выходитъ, что деньги, какъ общій эквивалентъ, служатъ чистымъ выраженіемъ мѣновой цѣнности, или воплощеніемъ отвлеченной человѣческой работы (стр. 71—2). Самъ Карлъ Марксъ признаетъ это выраженіе нелѣпымъ (verrückt), но онъ утверждаетъ, что мѣщанское производство не можетъ не выражаться въ нелѣпыхъ формахъ (стр. 53). Итакъ, цѣнность золота означаетъ количество потребнаго для добыванія его рабочаго времени и выражается въ томъ количествѣ всякаго другаго товара, на производство котораго требуется столько же времени (стр. 70). Цѣна товара есть, поэтому, денежное названіе осуществленной въ немъ работы. «Однако, говоритъ Карлъ Марксъ, если цѣна, какъ показатель количественной цѣнности товара (т.-е. положенной въ него работы), есть показатель его мѣноваго отношенія къ золоту, то не слѣдуетъ, наоборотъ, что показатель его мѣноваго отношенія къ золоту необходимо есть показатель его количественной цѣнности». *Обстоятельства* могутъ заставить понизить настоящую цѣну или дозволить ея возвышеніе, и тогда денежная цѣна товара перестаетъ соотвѣтствовать истинной ея цѣнности. Можетъ даже случиться, что денежная цѣна товара не только количественно, но и качественно отличается отъ его цѣнности. Человѣкъ получаетъ иногда плату за то,

что не представляетъ собою никакой работы, напримѣръ, за поступки противные чести и совѣсти. Въ такомъ случаѣ цѣна становится мнимою величиною. Карлъ Марксъ приписываетъ эти уклоненія капиталистической формѣ производства, въ которой общее правило является только какъ слѣпой законъ, установляющій среднюю норму неправильныхъ отношеній (стр. 80—81). Но мы не можемъ не видѣть здѣсь признанія, что цѣна товаровъ опредѣляется не однимъ рабочимъ временемъ, но и другими *обстоятельствами*. Между тѣмъ, опредѣленіе мѣновой цѣнности исключительно рабочимъ временемъ было выведено, какъ абсолютный законъ, независимо отъ какой бы то ни было формы производства. Намъ было сказано, что уравненіе, въ которомъ выражается мѣна, означаетъ, что въ обоихъ терминахъ заключается одинакое количество рабочаго времени. Принявши это начало, мы непремѣнно должны признать, что въ денежной цѣнѣ товара выражается его мѣновая цѣнность, или количество заключающагося въ немъ рабочаго времени, и ничего болѣе. Сколько бы мы ни сравнивали между собою величинъ и съ котораго бы конца мы ни начинали, отношеніе равенства все-таки остается отношеніемъ равенства. Сказать же, что мѣновая цѣнность выражается въ цѣнѣ товара, но цѣна товара не всегда выражаетъ мѣновую цѣнность, это все равно, что если бы, говоря, напримѣръ, объ измѣреніи стола, мы сказали, что начавши съ одного конца, выйдетъ два аршина, а начавши съ другаго, можетъ, пожалуй, выдти и три. Противорѣчіе тутъ опять не въ предметѣ, а единственно въ теоріи автора.

Къ такой же нелѣпости онъ приходитъ, когда онъ несоотвѣтствіе цѣны съ истинною цѣнностью товара объясняетъ тѣмъ, что *субстанція* цѣны, то-есть, воплощенная въ произведеніи работа, можетъ, при перемѣнѣ формы, то-есть при обмѣнѣ, утрачиваться или убавляться (стр. 87). Такого исчезновенія или приращенія субстанціи наука не знаетъ. Это—чудодѣйственное твореніе изъ ничего или превращеніе въ ничто. Не даромъ Карлъ Марксъ относитъ цѣну товаровъ къ сверхъестественному міру.

Изслѣдовавши такимъ образомъ превращеніе мѣновой цѣнности въ деньги, Карлъ Марксъ изслѣдуетъ затѣмъ превращеніе денегъ въ капиталъ. Это—краеугольный камень всей системы, и здѣсь авторъ радикально расходится со всѣми «мѣщанскими экономистами». Послѣдніе подъ именемъ капитала разумѣютъ всякое произведеніе,

обращенное на новое производство; но Карлъ Марксъ, возвращаясь къ понятіямъ древнихъ, видитъ въ капиталѣ только деньги, приносящія проценты, или рождающія молодыхъ, по выраженію Аристотеля (стр. 135, прим. 137, 149). Будучи пущенъ въ оборотъ, капиталъ превращается и въ товаръ, но съ тѣмъ только, чтобы снова превратиться въ деньги. Товарная форма для него переходная, денежная же форма—начало и конецъ его движенія (стр. 137). Этимъ обращеніе капитала существенно отличается отъ собственно товарнаго обращенія. Въ послѣднемъ товаръ составляетъ начало и конецъ оборота. Производитель продаетъ товаръ и на полученныя деньги покупаетъ новый товаръ, который ему нуженъ для потребленія. Слѣдовательно, это—обмѣнъ двухъ равноцѣнныхъ товаровъ черезъ посредство денегъ. Формула этого оборота слѣдующая: Товаръ—Деньги—Товаръ. Цѣлью является здѣсь потребленіе, тѣмъ и кончается весь процессъ. Оборотъ капитала, напротивъ, изображается формулою: Деньги—Товаръ—Деньги. Цѣлью здѣсь не можетъ быть обратное полученіе денегъ, ибо подобный оборотъ не имѣлъ бы смысла. Цѣль состоитъ въ томъ, чтобы на пущенныя въ оборотъ деньги получить *прибыль*, или излишекъ цѣны (Mehrwerth). Посредствомъ оборота капиталъ наростаетъ, и это нарощеніе не имѣетъ предѣла, ибо каждый завершившійся оборотъ становится началомъ другаго (стр. 129—136). Эта форма оборота, говоритъ Марксъ, повидимому, принадлежитъ только купеческому капиталу; но она точно также свойственна и всякому промышленному капиталу. Вездѣ на деньги покупаются товары, которые опять продаются въ другомъ видѣ. Въ капиталѣ, который отдается въ ростъ, эта форма является во всей своей чистотѣ, въ сокращенномъ видѣ. Тутъ прямо выражается истинное существо капитала: это—деньги, рождающія деньги (стр. 138).

Читатель спрашиваетъ: гдѣ же мы послѣ этого найдемъ простое товарное обращеніе, которое противополагается денежному? Если мы возьмемъ приведенный Марксомъ примѣръ крестьянина-производителя, который продаетъ хлѣбъ, съ тѣмъ, чтобы купить платье, то мы увидимъ, что и крестьянинъ для производства хлѣба долженъ былъ сначала положить деньги. Положимъ, что земля досталась ему какимъ-либо неизвѣстнымъ способомъ; но все же надобно купить земледѣльческія орудія, скотъ, матеріалы для хозяйственныхъ построекъ, можетъ быть и сѣмена. Самыя вырученныя за товаръ деньги

онъ не всѣ употребляетъ на покупку необходимыхъ для домашней жизни предметовъ; часть ихъ онъ снова обращаетъ на производство. Но и купецъ-капиталистъ дѣлаетъ тоже самое: часть своей прибыли онъ употребляетъ на свою собственную жизнь, а другую прилагаетъ къ капиталу и пускаетъ въ новый оборотъ. Разница между обоими способами обращенія состоитъ единственно въ томъ, что въ первомъ случаѣ Карлъ Марксъ произвольно начинаетъ съ товара, какъ будто товаръ упалъ съ неба, и также произвольно кончаетъ потребленіемъ, не обращая вниманія на ту часть выручки, которая идетъ на новое производство; въ другомъ же случаѣ, онъ дѣлаетъ наоборотъ: онъ произвольно начинаетъ съ денегъ, какъ будто деньги упали съ неба, и обращаетъ вниманіе исключительно на ту часть прибыли, которая снова пускается въ оборотъ. Истинная же разница состоитъ не въ томъ, что мы произвольно начнемъ съ того или другаго конца, а въ томъ, что однѣ траты дѣлаются для потребленія, а другія—для производства. Послѣднія и составляютъ капиталъ, безъ котораго ни одно производство обойтись не можетъ. Видѣть капиталъ въ однихъ деньгахъ, это значитъ возвращаться къ первобытнымъ временамъ политической экономіи. Древніе могли съ презрѣніемъ смотрѣть на торговую прибыль и на денежный процентъ, также какъ они вообще съ презрѣніемъ смотрѣли на физическій трудъ: у нихъ достойнымъ гражданина считалось только управленіе домомъ и занятіе государственными дѣлами. Но перенесеніе этихъ понятій на новое время лишено всякаго смысла.

И это еще не все. Самое любопытное то, что Карлъ Марксъ, выдавая денежное обращеніе за источникъ приращенія капитала, вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ это приращеніе невозможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если цѣна товаровъ опредѣляется потребною на производство ихъ работою, то сколько ни превращай товаръ въ деньги и деньги въ товаръ, цѣна останется все одна и таже. Это мы и видимъ въ простомъ товарномъ обращеніи: купленный для потребленія товаръ равняется по цѣнѣ проданному товару. Разница состоитъ не въ мѣновой, а въ потребительной ихъ цѣнности: одному нужно одно, другому—другое; оттого и происходитъ мѣна. Только для болѣе удобнаго сравненія она совершается черезъ посредство денегъ. Поэтому и въ денежномъ обращеніи конецъ долженъ быть равенъ началу. Сколько бы мы ни вставляли посредствующихъ уравненій, все же мы не по-

лучимъ ничего, кромѣ отношенія равенства. Обращеніе, говоритъ Карлъ Марксъ, не рождаетъ цѣны, и весь этотъ посредствующій процессъ ничто иное какъ фокусъ, ибо потребитель можетъ прямо купить товаръ у производителя (стр. 139—142). Купецъ вставляется между ними какъ паразитъ, и весь его барышъ объясняется только тѣмъ, что онъ обсчитываетъ того и другаго. По чистымъ экономическимъ законамъ, тутъ прибыли быть не можетъ (стр. 148, 149).

Какъ же, однако, спрашиваетъ въ изумленіи читатель: развѣ купцу не нужно ни хлопотъ, ни издержекъ, для того, чтобы произведенный, иногда за тридевять земель, товаръ доставить потребителю? Развѣ всякій, кто нуждается въ чаѣ или хлопкѣ, можетъ идти за ними въ Китай или въ Америку? Даже производитель, который живетъ подъ бокомъ, не продаетъ своихъ товаровъ въ розницу. Розничная продажа требуетъ опять же хлопотъ и издержекъ. Производитель спѣшитъ сбыть свой товаръ оптомъ, съ тѣмъ, чтобы вырученныя деньги опять обратить на производство. Слѣдовательно, посредничество необходимо, а оно сопряжено съ издержками, съ хлопотами, съ рискомъ. Нужны постройки, корабли, склады; купецъ долженъ ѣздить, покупать, расчитывать. Неужели онъ за все это не получитъ вознагражденія, и проданный имъ товаръ долженъ, по экономическимъ законамъ, оставаться въ той цѣнѣ, по какой онъ его купилъ? Казалось бы, достаточно поставить эти вопросы, чтобы получить на нихъ отвѣтъ. Объ этомъ слишкомъ громко говорятъ и наука, и здравый смыслъ, и ежедневный опытъ. Но Карлъ Марксъ, вопреки наукѣ, здравому смыслу и опыту, храбро утверждаетъ, что купецъ ничто иное какъ паразитъ, и что обращеніе товаровъ никогда не можетъ породить приращенія цѣнности.

Если мы взглянемъ на другую форму прибыли, на процентъ съ капитала, отдаваемаго въ займы, то мы увидимъ тоже самое. Капиталъ, лежащій въ сундукахъ, скопляемый въ видѣ сокровища, процента не приноситъ; почему же онъ приращается, когда онъ пускается въ оборотъ? По той же самой причинѣ, по какой получаетъ вознагражденіе и человѣческая работа: потому что онъ становится *полезнымъ*. По собственному признанію Карла Маркса, только та работа имѣетъ цѣну, которая служитъ на пользу другаго (стр. 64); тоже самое прилагается и къ деньгамъ. Заемщику

нужны деньги; если онъ ихъ не получитъ, онъ принужденъ будетъ прекратить свое производство; онъ, можетъ быть, даже пойдетъ по міру. Въ этой нуждѣ онъ обращается къ тому, у кого деньги есть. Но промышленность—не благотворительное учрежденіе. Если капиталистъ, по экономическимъ законамъ, долженъ выдать деньги на рискъ, съ тѣмъ, чтобы черезъ Богъ знаетъ сколько времени получить ихъ обратно въ томъ же количествѣ, онъ скажетъ себѣ, что гораздо лучше оставить ихъ безопасно въ сундукѣ. Въ силу этихъ такъ называемыхъ экономическихъ законовъ, заемщикъ не получитъ денегъ и разорится. Но если нуждающемуся въ деньгахъ съ одной стороны и капиталисту съ другой прійдетъ въ голову нарушить экономическій законъ и установить плату за пользованіе деньгами, то это будетъ выгодно для обоихъ. Разница между копителемъ сокровища и капиталистомъ, говоритъ Карлъ Марксъ, состоитъ въ томъ, что первый поступаетъ глупо, а второй умно (стр. 136). Дѣйствительно такъ, но въ чемъ же состоитъ глупость перваго и проницательность втораго? Почему въ одномъ случаѣ капиталъ не приращается, а во второмъ приращается? Просто, потому что въ первомъ случаѣ онъ остается безъ пользы, а во второмъ онъ становится полезнымъ!—Однако, возразятъ, капиталистъ не производитъ никакой работы, а по принятой теоріи, одна работа опредѣляетъ цѣну произведеній.—Но кто же виноватъ, если ваша теорія оказывается негодною? Вольно вамъ произвольно принимать въ расчетъ только пользу, приносимую работою, а не пользу, приносимую капиталомъ!

Карлъ Марксъ понимаетъ, однако, что однимъ обсчитываніемъ нельзя объяснить такое всеобщее явленіе, какъ процентъ съ капитала. Надобно вывести это явленіе изъ внутреннихъ законовъ обмѣна товаровъ [1]). Но ни торговый капиталъ, ни кредитъ не представляютъ для этого данныхъ. Поэтому, Карлъ Марксъ обращается къ другой промышленной формѣ, къ фабричному производству, которое ведется посредствомъ найма рабочихъ. Капиталистическое производство, говоритъ онъ, начинается тамъ, гдѣ съ одной стороны являются чистые капиталисты, а съ другой свободно нанимающіеся

---

[1]) Тамъ же, стр. 150: „die Verwandlung des Geldes in Kapital ist auf Grundlage dem Waarenaustausch immanenter Gesetze zu entwickeln, so dass der Austausch von Aequivalenten als Ausgangspunkt gilt“.

рабочіе, то-есть, не ранѣе XVI вѣка (стр. 128). Такимъ образомъ, тѣ формы, которыя самъ Карлъ Марксъ признаетъ первоначальными и древнѣйшими (стр. 128, 148), торговый капиталъ и кредитъ, остаются необъясненными. Капиталъ существовалъ тысячелѣтія и приносилъ проценты, и все это совершалось наперекоръ экономическимъ законамъ! Авторъ не заботится даже о томъ, чтобы дать объясненіе общее всѣмъ формамъ. Когда ему нужно доказать, что капиталъ не можетъ приращаться оборотомъ, онъ беретъ одинъ торговый капиталъ, а когда ему нужно доказать, что приращеніе происходитъ посредствомъ эксплуатаціи рабочихъ, онъ беретъ одинъ фабричный капиталъ, не обращая вниманія на то, что приложимое къ послѣднему не относится къ первому.

Фабричное производство, по мнѣнію Карла Маркса, имѣетъ то спеціальное свойство, что тутъ покупается особаго рода товаръ, рабочая сила, которая не только сама имѣетъ цѣну, но и становится источникомъ новыхъ цѣнностей (стр. 151—2). Карлъ Марксъ тщательно старается доказать, что капиталистъ покупаетъ не работу, а именно рабочую силу. Когда совершается продажа, говоритъ онъ, работа еще не существуетъ, слѣдовательно, не можетъ быть продана, а когда работа начинается, она уже продана, слѣдовательно, не принадлежитъ болѣе работнику. Работа есть субстанція и внутреннее мѣрило цѣнъ, но сама она не имѣетъ цѣны. Поэтому, обыкновенно употребляемый терминъ: *цѣна работы* есть только фиктивное выраженіе. Въ дѣйствительности, цѣну имѣетъ одна рабочая сила, которая и продается на рынкѣ (стр. 556—7).

Если читатель воображалъ, что рабочая сила продается на рынкѣ только въ странахъ, гдѣ существуетъ рабство, то теперь онъ долженъ въ этомъ разубѣдиться. Напрасно мы стали бы указывать на то, что рабочая сила, по собственному признанію автора, остается постояннымъ достояніемъ рабочаго (стр. 152—3), а продается только временное ея употребленіе, то-есть, именно работа, ибо самъ авторъ опредѣляетъ работу, какъ *употребленіе* рабочей силы (стр. 163). Напрасно также мы стали бы доказывать, что самое употребленіе рабочей силы, въ отличіе отъ найма домовъ, машинъ и т. п., не отдается въ руки капиталиста, ибо работникъ самъ прилагаетъ свою волю и свое вниманіе къ дѣлу, и самъ употребляетъ свои члены для производства работы. Напрасно мы устранили бы и дѣтское возра-

женіе, что работа на рынкѣ не можетъ продаваться, потому что она еще не существуетъ, указаніемъ на подряды, гдѣ продаются произведенія еще несуществующія. Напрасно, наконецъ, мы стали бы доказывать, что отвергать цѣнность употребленія или траты рабочей силы, то есть, именно того, что можетъ передаваться и переходить въ цѣнность товаровъ, и признавать цѣнность источника этой траты, самой рабочей силы, которая преспокойно остается въ тѣлѣ работника, есть чистая безсмыслица. Къ чему тутъ разсужденія, когда самъ Карлъ Марксъ, въ десяти мѣстахъ своего сочиненія, признаетъ, что работникъ отдаетъ капиталисту не рабочую силу, а именно извѣстную сумму работы, опредѣляемую временемъ? Такъ, на стр. 172 мы читаемъ: «покупщику товара принадлежитъ употребленіе товара, и владѣлецъ рабочей силы, отдавая свою работу, отдалъ въ сущности только проданную имъ потребительную цѣнность» (Gebrauchswerth). На стр. 562: «потребительная цѣнность, которую работникъ отдаетъ капиталисту, въ дѣйствительности не есть его рабочая сила, а ея отправленіе, извѣстная полезная работа». На стр. 564: «но ясно, что смотря по длинѣ рабочаго дня, то-есть, по количеству исполненной въ теченіе дня работы, таже самая поденная или недѣльная плата можетъ представлять совершенно разную цѣну работы, то-есть, совершенно разныя денежныя суммы за тоже количество работы». На стр. 153, въ примѣчаніи, Карлъ Марксъ дѣлаетъ даже выписку изъ философіи права Гегеля, гдѣ говорится: «изъ моихъ особенныхъ тѣлесныхъ и духовныхъ способностей и возможностей дѣятельности, я могу отчуждать другому ограниченное во времени *употребленіе*, потому что, въ силу этого ограниченія, они получаютъ внѣшнее отношеніе къ моей всецѣлости и общности. Отчужденіемъ же всего моего конкретнаго рабочаго времени и всецѣлости моихъ произведеній, я сдѣлалъ бы самую ихъ сущность, мою общую дѣятельность и дѣйствительность, то есть, мою личность, собственностью другаго». И послѣ всего этого, Карлъ Марксъ все-таки утверждаетъ, что продается не работа, а рабочая сила, что первая не имѣетъ цѣны, а послѣдняя имѣетъ!!

Зачѣмъ же однако нужна автору вся эта безсмыслица? Затѣмъ, что безъ этого ничего не выйдетъ. Если мы скажемъ, что продается работа и спросимъ объ ея цѣнѣ, то по предыдущей теоріи, отвѣтъ

не можетъ быть сомнителенъ. Цѣною работы называется выраженіе ея въ деньгахъ, а мы знаемъ, что цѣна денегъ служитъ чистымъ выраженіемъ рабочаго времени. Слѣдовательно, вопросъ рѣшается очень просто. Если, напримѣръ, количество золота, равное одному рублю, представляетъ собою одинъ рабочій день, то ясно, что цѣна рабочаго дня равняется одному рублю, и это имѣетъ силу для всего земного шара. Ничего другаго изъ этой теоріи вывести нельзя. Это—чистая математика: если A=B, то B=A. Но именно этого-то и желательно избѣгнуть. Требуется доказать, что если A равно B, то B вовсе не равно A. Для этого-то и нужно цѣну работы замѣнить цѣною рабочей силы, и тогда можно разсуждать такимъ образомъ: рабочая сила продается, какъ товаръ; цѣна всякаго товара опредѣляется суммою работы, потребной на его производство; для производства и поддержанія рабочей силы требуются извѣстныя жизненныя средства, а для производства этихъ средствъ опять нужна работа; слѣдовательно, цѣна рабочей силы опредѣляется среднею суммою работы, потребной для производства необходимыхъ для работника жизненныхъ средствъ. Положимъ, напримѣръ, что для дневнаго содержанія работника и его семейства требуется 6 часовъ, или полдня работы, что въ деньгахъ выражается одинимъ талеромъ. Въ такомъ случаѣ, цѣна одного рабочаго дня будетъ равняться одному талеру или шестичасовой работѣ (стр. 155—8). А такъ какъ рабочій день равняется двѣнадцати часамъ, то выходитъ, что одинъ талеръ представляетъ собою и шестичасовую и двѣнадцатичасовую работу. Половина рабочаго дня равняется цѣлому рабочему дню.

Читатель видитъ, къ чему мы приходимъ вслѣдствіе замѣны цѣны работы цѣною рабочей силы. Если бы мы прямо сказали, что «12 часовъ работы мѣняются на 10, на 6 и т. д. часовъ работы», то подобное «уравненіе неравныхъ величинъ, «какъ говоритъ самъ Марксъ, не только уничтожило бы всякое опредѣленіе цѣны, но такое само себя уничтожающее противорѣчіе не могло бы даже вообще быть высказано или формулировано, какъ законъ (стр. 556). Здѣсь же мы косвеннымъ путемъ приходимъ къ тому же выводу. По признанію самого Маркса, «мы получаемъ съ перваго взгляда нелѣпый результатъ, что работа, которая производитъ цѣнность въ 6 шиллинговъ, сама имѣетъ только цѣнность 3-хъ шиллинговъ»

(стр. 560). Но вставивши посредствующимъ членомъ другую нелѣпость, именно, замѣну цѣны работы цѣною рабочей силы, мы первую нелѣпость можемъ нѣкоторымъ образомъ скрыть отъ взоровъ неопытнаго читателя. Съ помощью изложеннаго выше разсужденія можно даже выдать ее за непреложный законъ капиталистическаго производства.

Карлъ Марксъ признаетъ, впрочемъ, что выведенный имъ «экономическій законъ» подвергается нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ. Утвердивши на общемъ основаніи, что цѣна рабочей силы опредѣляется *среднею* общественною работою, потребною для производства жизненныхъ средствъ, необходимыхъ для поддержанія этой рабочей силы (стр. 155—6), онъ, вслѣдъ за тѣмъ, говоритъ, что это опредѣленіе составляетъ *наименьшую границу* цѣнности рабочей силы. При такой цѣнѣ, рабочая сила стоитъ даже *ниже* своей настоящей цѣнности, ибо она не можетъ поддерживаться въ нормальной добротѣ (стр. 158). Нормальная же доброта опредѣляется не одними необходимыми физическими потребностями, но и мѣстными и временными условіями, степенью развитія общества, главнымъ же образомъ *привычками* и *жизненными требованіями* свободнаго рабочаго класса. Поэтому, заключаетъ Карлъ Марксъ, опредѣленіе цѣны рабочей силы, въ *противоположность другимъ товарамъ*, заключаетъ въ себѣ историческій и нравственный элементъ (стр. 156). Казалось бы, этого достаточно для опроверженія всей теоріи. Самъ авторъ прямо признаетъ, что цѣна рабочей силы опредѣляется не суммою работы, потребной на ея поддержаніе, а привычками и жизненными требованіями рабочаго класса. Но, несмотря на то, Карлъ Марксъ настаиваетъ на своемъ «экономическомъ законѣ» и на немъ строитъ всѣ свои выводы.

Прямое послѣдствіе этого «закона» составляетъ то, что какъ бы ни была продолжительна работа, цѣна ея всегда одна и таже, ибо она опредѣляется не временемъ работы, а тѣмъ, что работнику нужно для его содержанія. Цѣна двѣнадцатичасоваго рабочаго дня опредѣляется суммою работы, потребною для производства необходимыхъ жизненныхъ средствъ, то есть, шестью или, пожалуй, восемью или десятью часами работы, смотря по обстоятельствамъ. Если же мы спросимъ: какова цѣна этой послѣдней работы, воплотившейся въ жизненныя средства, то получимъ въ отвѣтъ, что она

опять опредѣляется суммою работы, потребною на содержаніе этихъ послѣднихъ рабочихъ, то-есть, опять шестью, восемью или десятью часами работы. Такимъ образомъ, 6, 8, 10 и 12 часовъ работы имѣютъ совершенно одинакую цѣну. Если работникъ работалъ всего 3 часа въ день, то и въ такомъ случаѣ цѣна его рабочей силы опредѣлялась бы потребными для поддержанія ея средствами пропитанія; но тогда рабочій жилъ бы на счетъ капиталиста. Продолжительность работы, которою опредѣляется цѣна произведеній, по этой теоріи, вовсе не принимается въ расчетъ при опредѣленіи цѣны получаемой капиталистомъ работы.

Невинный работникъ не подозрѣваетъ этого удивительнаго свойства его труда, что какъ долго онъ ни работай, цѣна его работы, по «экономическимъ законамъ», все будетъ одна и таже. Но болѣе проницательный капиталистъ скоро объ этомъ догадывается и на этомъ строитъ всѣ свои расчеты. Карлъ Марксъ подробно описываетъ, какъ это происходитъ. Капиталистъ хочетъ производить, напримѣръ, бумажную пряжу. Для этого ему нуженъ прежде всего матеріалъ. Онъ идетъ на рынокъ и покупаетъ, положимъ, 10 фунтовъ хлопка, которые стоятъ 10 шиллинговъ, представляющихъ сумму работы, потребной на производство означеннаго количества хлопка. Эта сумма должна войти въ цѣну будущаго произведенія. Затѣмъ надобно опредѣлить трату машинъ и прочаго капитала. Этотъ капиталъ представляетъ также накопленную въ немъ работу, которая опять же должна войти въ цѣну будущаго произведенія. Положимъ, что для производства 10 фунтовъ пряжи накопленной въ капиталѣ работы тратится на 2 шиллинга. И того, 12 шиллинговъ, представляющихъ цѣну двухъ рабочихъ дней, или 24-хчасовой работы. Наконецъ, ко всему этому надобно присоединить цѣну рабочихъ рукъ. Цѣна купленнаго капиталистомъ рабочаго дня равняется тремъ шиллингамъ, представляющимъ шестичасовую работу, потребную на дневное содержаніе работника. Если на производство десяти фунтовъ пряжи нужно тоже 6 часовъ работы, то къ цѣнѣ произведенія надобно прибавить еще 3 шиллинга. И того 15. Это и есть настоящая мѣновая цѣна 10 фунтовъ пряжи, цѣна, представляющая сумму всей употребленной на нее работы. Продавши ее по этой цѣнѣ, капиталистъ получаетъ возмѣщеніе всѣхъ своихъ издержекъ, но прибыли нѣтъ никакой (стр. 174—8).

«Нашъ капиталистъ удивляется», говоритъ Карлъ Марксъ. Читатель тоже. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не удивляться, когда за всѣ свои хлопоты, рискъ и издержки, капиталистъ, по изложенному расчету, не долженъ получить никакой прибыли? Въ такомъ случаѣ, производить не стоитъ. «Экономическій законъ» уничтожаетъ возможность производства. Конечно, противъ такого расчета можно представить множество возраженій. Но вмѣсто серіознаго обсужденія возраженій, Карлъ Марксъ даетъ намъ только пошлѣйшее изображеніе обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ капиталиста, который, не получая прибыли, мечется во всѣ стороны. Онъ грозитъ, что не будетъ болѣе производить; онъ «катихизируетъ»; онъ «становится на заднія лапы»; наконецъ, онъ самъ притворяется рабочимъ и требуетъ платы за свою работу. Хотя въ другомъ мѣстѣ Карлъ Марксъ говоритъ, что капиталистъ принужденъ употреблять все свое время на контроль чужой работы и на продажу произведеній этой работы (стр. 314), однако тутъ притязаніе на вознагражденіе устраняется просто замѣчаніемъ, что «собственный его надзиратель и управляющій пожимаютъ плечами». Но скоро улыбка озаряетъ опять лице капиталиста. Какъ практическій человѣкъ, онъ догадался, въ чемъ штука. Вѣдь онъ за 3 шиллинга купилъ цѣлый рабочій день, то-есть, 12 часовъ работы, а въ цѣну произведенныхъ имъ 10 фунтовъ пряжи вошло только 6 часовъ работы. Слѣдовательно, остальныя 6 часовъ работникъ будетъ работать на него даромъ. Произведенные въ теченіи этихъ 6 часовъ 10 фунтовъ пряжи продадутся опять за 15 шиллинговъ; но на этотъ разъ, капиталистъ истратилъ только 12 шиллинговъ на покупку сырого матеріала и на трату машинъ, за работу же онъ не заплатилъ ничего. Три шиллинга онъ получаетъ, какъ чистую прибыль. Такимъ образомъ, строго держась «экономическихъ законовъ», капиталистъ надулъ работника: произведенную послѣднимъ цѣнность онъ положилъ въ свой карманъ. «Фокусъ наконецъ удался» восклицаетъ Карлъ Марксъ. «Деньги превратились въ капиталъ» (стр. 179—183).

Дѣйствительно, тутъ учиненъ фокусъ, только не капиталистомъ, а писателемъ, который, идя отъ нелѣпости къ нелѣпости, пришелъ наконецъ къ тому, что половина равна цѣлому. Казалось бы, что если полдня, или 6 часовъ работы, равняются 3 шиллингамъ или, напримѣръ, 5 фунтамъ хлѣба, то цѣлый день, или 12 часовъ ра-

боты, долженъ равняться 6 шиллингамъ, или 10 фунтамъ хлѣба, а тутъ выходитъ, что какъ половина, такъ и цѣлый день равняются только 5 фунтамъ. Если бы математикъ въ своихъ исчисленіяхъ сдѣлалъ подобный выводъ, онъ, безъ сомнѣнія, заключилъ бы, что въ его вычисленіяхъ есть ошибка. Но ученикъ Гегеля не стѣсняется подобными соображеніями. Онъ просто можетъ выдать противорѣчіе, родившееся въ его собственной головѣ, за противорѣчіе, присущее предмету. Правда, отъ логики Гегеля не остается здѣсь и призрака; но кто же станетъ это разбирать, особенно въ настоящее время, когда всѣ эти метафизическія бредни, въ томъ числѣ и логика, считаются сданными въ архивъ?

Карлъ Марксъ самъ впрочемъ раскрываетъ намъ, въ чемъ состоитъ *штука*. «Прошедшая работа, заключающаяся въ рабочей силѣ», говоритъ онъ, «и живая работа, которую послѣдняя можетъ произвести, ежедневныя издержки для поддержанія силы и ежедневная ея трата—двѣ совершенно разныя величины. Одна опредѣляетъ ея мѣновую цѣнность, другая образуетъ ея потребительную цѣнность» (стр. 181). А «потребительная цѣнность и мѣновая—двѣ величины несоизмѣримыя» (стр. 561). Что же такое потребительная цѣнность рабочей силы? «Въ дѣйствительности, говоритъ Карлъ Марксъ, потребительная цѣнность, которую работникъ отдаетъ капиталисту, не есть его рабочая сила, а ея отправленіе, извѣстная полезная работа», но эта работа имѣетъ то свойство, что она производитъ цѣнности (стр. 562). Это послѣднее свойство составляетъ спеціальную потребительную цѣнность работы: она не только служитъ источникомъ цѣнности, но она производитъ большую цѣнность, нежели она сама имѣетъ (стр. 182). Иными словами: польза, приносимая работою, не только возмѣщаетъ трату силъ, то-есть, мѣновую ея цѣнность, но и производитъ новыя цѣнности. Вспомнимъ теперь, что намъ говорилось въ началѣ. Мы слышали, что въ мѣновую цѣнность товаровъ не входитъ ни одинаго атома потребительной цѣнности; что цѣнность произведеній опредѣляется не полезностью работы, а единственно значеніемъ ея, какъ траты силы; что производительность работы вовсе не принимается въ расчетъ, а отдается даромъ. Этой теоріи и держится работникъ при продажѣ своей рабочей силы. Онъ беретъ за нее, какъ за произведеніе, а не какъ за производителя; онъ цѣнитъ ея мѣновую, а не ея потребительную стоимость.

Но капиталистъ, когда онъ опредѣляетъ цѣну своего товара, отправляется отъ теоріи совершенно противоположной. Онъ беретъ въ расчетъ значеніе рабочей силы не какъ произведенія, а какъ производителя, не мѣновую, а потребительную ея цѣнность. Мудрено ли послѣ этого, что одна и таже рабочая сила получаетъ двѣ совершенно разныя цѣны? Работникъ думаетъ, что цѣны опредѣляются мѣновою цѣнностью, а капиталистъ думаетъ, что онѣ опредѣляются потребительною цѣнностью, двумя, по выраженію Маркса, несоизмѣримыми величинами.

Читатель видитъ, что «фокусъ», въ сущности, довольно простъ. Рецептъ его слѣдующій: если мы хотимъ доказать, что $^1/_2$ А=А, то надобно въ уравненіи А=А раздѣлить оба члена на двѣ половины: затѣмъ, говоря о первомъ членѣ, мы будемъ утверждать, что одна изъ двухъ половинъ вовсе не имѣетъ значенія для уравненія, а потому должна быть выкинута, а разбирая второй членъ, мы будемъ утверждать, что другая половина имѣетъ существенное значеніе, а потому должна быть оставлена. Читатель можетъ быть и не догадается, если мы все это размажемъ на 822 страницахъ.

И эту непроходимую дребедень намъ выдаютъ за строго научный выводъ!!

Можно спросить себя только: сознательно все это производится или безсознательно? Надобно полагать, что тутъ нѣтъ ничего, кромѣ неисцѣлимой путаницы понятій въ головѣ автора, ибо, сказавши, что спеціальная потребительная цѣнность работы состоитъ именно въ томъ, что она производитъ цѣнности, Карлъ Марксъ заключаетъ: «какъ видно, полученное изъ анализа товара различіе между работою, какъ потребительною цѣнностью, и тою же работою, какъ творящею цѣнности, представилось теперь, какъ различіе отдѣльныхъ сторонъ производительнаго процесса» (стр. 185—6). Оказалось совершенно обратное: различенное прежде опять смѣшалось, изъ чего вышелъ не съ перваго только взгляда «нелѣпый результатъ, что работа, которая производитъ цѣнность въ 6 шиллинговъ, сама имѣетъ только цѣнность въ 3 шиллинга» (стр. 560). Одно изъ двухъ: или цѣна рабочей силы опредѣляется единственно ея мѣновою, а не потребительною цѣнностью, и тогда эта же цѣнность переходитъ и на работу, какъ трату силы, а наконецъ и на произведенія, какъ представляющія собою извѣстную сумму работы; или же, если цѣна

произведеній опредѣляется потребительною цѣнностью работы, то-есть, ея полезностью, что и происходитъ въ дѣйствительности, то это же начало прилагается и къ рабочей силѣ, ибо въ товарѣ, какъ произведеніи работы, не можетъ быть ничего, чего бы ни было въ работѣ, а въ работѣ не можетъ быть ничего, чего бы не было въ рабочей силѣ. «Изъ ничего ничего не происходитъ, «говоритъ Карлъ Марксъ». Производство цѣнностей есть превращеніе рабочей силы въ работу (стр. 205, прим. 27).

Тоже самое разсужденіе прилагается и къ капиталу, который, также какъ работа, есть дѣятель производства. Если въ цѣну произведеній входитъ только мѣновая, а не потребитетьная цѣнность работы, то это же начало прилагается и къ капиталу. Въ такомъ случаѣ, онъ не приноситъ процента, но и работа не производитъ никакого избытка цѣнности; она только поддерживаетъ самое себя. Если же цѣны товаровъ опредѣляются потребительною цѣнностью работы, если работа, сверхъ собственной поддержки, производитъ или можетъ производить еще избытокъ цѣнности, то очевидно, тоже самое имѣетъ мѣсто и относительно капитала: кромѣ возвращенія цѣны истраченнаго капитала, капиталистъ получаетъ еще вознагражденіе за принесенную имъ пользу. Но именно этого-то Карлъ Марксъ и не признаетъ. То начало, которое онъ прилагаетъ къ работѣ, онъ отрицаетъ въ приложеніи къ капиталу. По его мнѣнію, «капиталъ есть умершая работа, которая, какъ вампиръ, оживляется только всасываніемъ живой работы» (стр. 224, 594). Дѣятельною является единственно послѣдняя; она не только производитъ новыя цѣнности, но и *переноситъ* мѣновую цѣнность капитала на произведенія. Первое она совершаетъ посредствомъ своего количества, второе—посредствомъ своего качества. Но такъ какъ качество работы дается даромъ, то этотъ переносъ мѣновой цѣнности капитала ничто иное какъ подарокъ, который работникъ дѣлаетъ капиталисту. Работникъ и не подозрѣваетъ этого «природнаго дара живой работы, въ силу котораго она сохраняетъ цѣнность въ то время, какъ она ихъ производитъ». Весь процессъ опять происходитъ за его спиною. Но капиталистъ пользуется имъ для возмѣщенія своихъ издержекъ. Въ доказательство, Карлъ Марксъ ссылается на то, что при улучшеніи способовъ производства, производительная сила работы увеличивается: въ одинаковое время обдѣлывается болѣе матеріала, слѣ-

довательно, переносится болѣе цѣнности, а между тѣмъ цѣна работы остается прежняя, распредѣляясь только на большее количество произведеній. Наоборотъ, если производительная сила работы останется таже, но возвысится цѣна сыраго матеріала, то одна и таже работа, обдѣлывая одно и тоже количество матеріала, все-таки переноситъ большую цѣнность на произведеніе (стр. 187—190, 196).

Этотъ послѣдній примѣръ могъ бы быть приведенъ, именно какъ доказательство противъ теоріи автора. Большая цѣнность переносится тутъ не вслѣдствіе какого-либо улучшенія работы, а просто потому что, совершенно независимо отъ работы, возвысилась цѣна матеріала; слѣдовательно, работа тутъ не при чемъ. Но и первый примѣръ доказываетъ столь же мало. Если, при усовершенствованныхъ орудіяхъ, одинъ и тотъ же работникъ, въ одно и тоже время, дѣлаетъ больше прежняго, то это доказываетъ большую производительность не его рукъ, а его орудій. Ребенокъ при машинѣ можетъ сдѣлать больше, нежели самый сильный и искусный работникъ безъ машины. Поэтому и цѣна работы остается таже или можетъ даже уменьшиться. Въ дѣйствительности, переносъ цѣны истраченнаго капитала на произведеніе совершается не работникомъ, а капиталистомъ, который за свой товаръ требуетъ самую цѣну, которая бы возмѣщала ему издержки; иначе онъ производить не станетъ. Карлъ Марксъ видитъ въ этомъ переносѣ какой-то физическій актъ въ родѣ «переселенія душъ» (стр. 196); но онъ тутъ же принужденъ признаться, что, строго говоря, тутъ воспроизведенія нѣтъ: прежняя потребительная цѣнность исчезла; произведена новая, въ которой *появляется* прежняя мѣновая цѣнность, но это воспроизведеніе только *кажущееся* (стр. 197, 198). При этомъ онъ забываетъ и прежнюю свою теорію, по которой цѣна произведеній опредѣляется не дѣйствительно совершенною личною работою, а среднею общественною работою, потребною для производства. Слѣдовательно, дѣйствительный работникъ никакихъ цѣнъ переносить не можетъ, и сколько онъ ни переноси, если средняя потребная работа, то-есть, спросъ уменьшится, то перенесенная цѣна превратится въ ничто, не смотря на природный даръ живой работы сохранять цѣнности.

Изъ всего этого Марксъ выводитъ, что матеріалы и орудія производства никогда не могутъ дать произведеніямъ болѣе цѣны, нежели они сами имѣютъ. Если трата происходитъ по частямъ, напримѣръ,

при употребленіи орудій, то эта только часть и переходитъ въ цѣну произведеній. При этомъ, по замѣчанію Маркса, происходитъ любопытное явленіе: машина, напримѣръ, въ данномъ производствѣ тратится только *частью*, а служитъ она этому производству *всецѣло*. Первое представляетъ ея мѣновую цѣнность, которая и переходитъ въ цѣну произведеній, второе—ея потребительную цѣнность, которая дѣйствуетъ даромъ. Какъ бы ни было полезно орудіе производства, цѣнность его опредѣляется не тѣмъ процессомъ, въ который оно входитъ, какъ дѣятель, а тѣмъ, изъ котораго оно выходитъ, какъ произведеніе. Въ производительномъ процессѣ оно служитъ только какъ потребительная цѣнность, какъ вещь съ полезными свойствами, а потому оно не придало бы произведенію никакой цѣны, если бы оно не имѣло цѣны до начала процесса (стр. 193, 195). Чѣмъ больше производительная дѣятельность машинъ въ сравненіи съ простыми орудіями, говоритъ Карлъ Марксъ, тѣмъ больше и объемъ ихъ даровой услуги. Только въ крупной промышленности человѣкъ научается заставлять произведенія своей прошедшей работы дѣйствовать въ большихъ размѣрахъ даромъ, подобно силамъ природы (стр. 404).

Почему же однако потребительная цѣнность работы входитъ въ цѣну товаровъ, а потребительная цѣнность капитала нѣтъ? Почему первая не только возмѣщаетъ свою трату, но и производитъ лишнюю цѣнность, а второй только возмѣщаетъ свою стоимость, а производимый имъ излишекъ отдаетъ даромъ? Однимъ словомъ, почему изъ двухъ дѣятелей производства, работа цѣнится не только какъ произведеніе, но и какъ производитель, а капиталъ цѣнится единственно какъ произведеніе? Ссылаться на то, что одинъ является истиннымъ дѣятелемъ, а капиталъ служитъ только мертвымъ орудіемъ, нѣтъ возможности. Мы видѣли уже, что то, что Марксъ называетъ производительною силою работы, въ сущности есть производительная сила капитала. Самъ Карлъ Марксъ признаетъ, что со введеніемъ машинъ роли мѣняются: прежде орудіе становится главнымъ дѣятелемъ, а рабочая сила превращается въ орудіе машины (стр. 444). Точно также онъ признаетъ, что бо́льшая производительная сила работы, при соединеніи ея въ крупномъ производствѣ, проистекаетъ отъ капитала, который сбираетъ разсѣянныя единицы и связываетъ ихъ въ одно цѣлое (стр. 338). Почему же капиталистъ все это долженъ

производить даромъ? Очевидно, что и тутъ, какъ вездѣ, имѣется двоякая мѣра и двое вѣсовъ. Въ одномъ случаѣ отвергается то, что признается въ другомъ, единственно потому, что такъ нужно автору.

Этимъ способомъ Карлъ Марксъ выводитъ, что прибыль въ производствѣ можетъ произойти исключительно отъ работы, и если ее получаетъ капиталистъ, то это ничто иное какъ неправильное присвоеніе плодовъ чужаго труда, то-есть, чужой собственности. Работникъ часть своего рабочаго дня употребляетъ на себя, именно, на возмѣщеніе издержекъ содержанія, остальную же часть, которую Марксъ называетъ «излишнимъ рабочимъ временемъ», онъ даромъ отдаетъ капиталисту, и это-то и составляетъ источникъ прибыли. Карлъ Марксъ называетъ это *тайною прибыли* (стр. 554, прим. 20). Есть, правда, явленія, которыя, повидимому, противорѣчатъ этому объясненію. Такъ, принявши эту теорію, слѣдуетъ сказать, что для капиталиста выгодно употреблять какъ можно больше рабочихъ для своего производства, а не замѣнять ихъ машинами. «Невозможно, напримѣръ, говоритъ Карлъ Марксъ, изъ двухъ рабочихъ выжать столько же излишка цѣнности, сколько изъ 24. Если каждый изъ 24 рабочихъ, въ теченіе 12 часовъ, даетъ только одинъ часъ излишней работы, то все же они вмѣстѣ даютъ 24 часа излишней работы, тогда какъ совокупная работа двухъ работниковъ равняется только 24 часамъ» (стр. 426). На дѣлѣ выходитъ однако, наоборотъ, что капиталисту выгоднѣе употреблять двухъ рабочихъ, нежели 24. Но это опять одно изъ «внутреннихъ противорѣчій» капиталистическаго производства! Теорія все-таки остается невредима.

При такомъ взглядѣ не трудно представить всю промышленность какъ рядъ грабежей и вымогательствъ. Это и дѣлаетъ Карлъ Марксъ. Свободный договоръ, которымъ опредѣляется заработная плата, въ его глазахъ, есть только юридическій вымыселъ, прикрывающій призракъ независимости. «Римскій рабъ привязанъ былъ цѣпями, наемный же работникъ невидимыми нитями привязывается къ своему хозяину» (стр. 597). Вцѣпившійся въ рабочаго «вампиръ» не отстаетъ, «пока остается одинъ мускулъ, одна жила, одна капля крови для поживы» (стр. 307). Мы не станемъ слѣдить за этимъ повѣствованіемъ. Читатель можетъ судить, какое научное достоинство имѣетъ изложеніе, освѣщенное разобранною нами теоріею.

Въ заключеніе Карлъ Марксъ доказываетъ, также какъ и Лассаль, что «капиталистическое производство» имѣетъ чисто историческое значеніе. Онъ оставляетъ въ сторонѣ древность и средніе вѣка и начинаетъ прямо съ XVI-го столѣтія, когда впервые появляется различіе между капиталистами, съ одной стороны, и свободными работниками, съ другой. Необходимое для этого условіе состоитъ въ образованіи класса пролетаріевъ. По мнѣнію Карла Маркса, этотъ классъ образуется вслѣдствіе экспропріаціи работниковъ, владѣющихъ землею. Огульное изгнаніе крестьянъ съ земли составляетъ поэтому основаніе всего процесса. Карлъ Марксъ вкратцѣ излагаетъ исторію этой экспропраціи въ Англіи, гдѣ, по его мнѣнію, она имѣетъ «классическую форму» (стр. 745).

Извѣстно, что въ Англіи крестьяне были освобождены ранѣе, нежели въ другихъ странахъ. Извѣстно также, что въ послѣдующемъ историческомъ процессѣ поземельная собственность сосредоточилась тамъ въ относительно немногихъ рукахъ. Но виновато въ томъ не капиталистическое производство, а аристократическій строй общества. Это—жертва, которую Англія принесла своему политическому развитію. На европейскомъ материкѣ нѣтъ ничего подобнаго. Тамъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, крестьяне съ свободою получили и землю, которая и осталась закрѣпленною за ними. Тамъ зло заключается не въ сосредоточеніи поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, а, напротивъ, въ безмѣрномъ ея раздробленіи. Все это—факты совершенно достовѣрные. Но Карлъ Марксъ осторожно ихъ обходитъ. Онъ ограничивается одною Англіею, потому что иначе все такъ называемое историческое развитіе капиталистическаго производства оказалось бы чистою фантазіею.

Въ самой Англіи онъ оставляетъ въ сторонѣ экономическія причины «земледѣльческой революціи», а довольствуется изложеніемъ употребленныхъ при этомъ насильственныхъ мѣръ (стр. 752). Къ удивленію, мы узнаемъ, что англійскіе землевладѣльцы находили овецъ болѣе выгодными, нежели рабочихъ, а потому вытѣсняли послѣднихъ въ пользу первыхъ. Они не подозрѣвали, что одна рабочая сила даетъ прибыль, а съ овецъ нельзя вымогать излишняго рабочаго времени. Къ еще большему нашему изумленію, Карлъ Марксъ повѣствуетъ, что въ новѣйшее время, побуждаемые ненасытною алчностью къ барышу, землевладѣльцы стали превращать самыя овечьи паст-

бища, въ охотничьи пустыри. Оказывается, что пустыня, къ которой не прилагается рука человѣческая, можетъ давать доходъ. Наконецъ, вмѣсто того, чтобы самимъ нанимать рабочихъ и наживаться вымогательствомъ излишняго рабочаго времени, землевладѣльцы предпочитаютъ раздавать свои земли фермерамъ, которые не работаютъ на своихъ хозяевъ, а только платятъ имъ деньги. Фермеры являются настоящими земледѣльческими капиталистами. Но именно они ни къ какимъ насильственнымъ мѣрамъ для своего обогащенія не прибѣгали. Если они кого-нибудь лишили поземельной собственности, то развѣ только самихъ себя. Фермерскій капиталъ въ Англіи приноситъ гораздо большій процентъ, нежели земля. Поэтому, мелкій собственникъ нерѣдко предпочитаетъ продать свой участокъ и изъ недостаточнаго землевладѣльца превратиться въ зажиточнаго фермера. Въ этомъ заключается одна изъ причинъ исчезновенія класса свободныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ въ Англіи. Но объ этомъ явленіи Карлъ Марксъ умалчиваетъ. Не имѣя возможности приписать обогащеніе фермеровъ насильственной «экспропріаціи», онъ приводитъ другую причину, именно, что въ XVI вѣкѣ, когда цѣна золота упала и вслѣдствіе того возвысилась цѣна всѣхъ произведеній, долгосрочные контракты на аренду земель продолжали уплачиваться по прежней номинальной цѣнѣ; отсюда для фермеровъ несмѣтные барыши (стр. 774). Оказывается опять, что можно обогатиться не одною эксплуатаціею рабочихъ. Тутъ капиталисты нажились на счетъ землевладѣльцевъ.

Наконецъ, и фабричное производство водворяется посредствомъ «экспропріаціи» самостоятельныхъ мелкихъ производителей, работающихъ собственными орудіями. Здѣсь такъ называемая экспропріація состоитъ въ томъ, что мелкіе производители не въ состояніи выдержать конкурренціи болѣе выгоднаго фабричнаго производства, а потому прекращаютъ свои предпріятія. Мелкія производства соединяются въ болѣе обширныя мануфактуры (стр. 777). Карлъ Марксъ признаетъ однако, что въ этой области капиталисты первоначально вышли изъ тѣхъ же мелкихъ производителей, посредствомъ постепеннаго расширенія производства (стр. 781). Но и тутъ все-таки главный источникъ обогащенія заключается въ грубомъ насиліи, высшимъ выраженіемъ котораго является колоніальная система. «Насиліе, говоритъ Карлъ Марксъ, служитъ повивальною бабкою

для всякаго стараго общества, беременнаго новымъ. Оно само есть экономическое начало» (стр. 782).

Такимъ образомъ выходитъ, что все историческое накопленіе капитала «означаетъ только экспропріацію непосредственныхъ производителей, то-есть, уничтоженіе основанной на собственной работѣ частной собственности» (стр. 791). Эта форма раздробленной собственности оказывается недостаточною на извѣстной ступени экономическаго развитія. Она даетъ слишкомъ скудные результаты; поэтому она и должна уступить мѣсто болѣе сосредоточенному капиталистическому производству. Но и послѣднее, въ свою очередь, является только переходною ступенью развитія; оно само должно уступить мѣсто высшей формѣ. Начало экспропріаціи, приложенное прежде къ мелкимъ собственникамъ, продолжаетъ дѣйствовать; но теперь оно должно быть приложено уже къ капиталистамъ. Само капиталистическое производство къ этому ведетъ: вслѣдствіе конкурренціи, мелкіе капиталы убиваются крупными. Отсюда, съ одной стороны, постоянное уменьшеніе числа капиталистовъ, обращающихъ все промышленное производство въ свою пользу, а съ другой стороны, увеличеніе бѣдности, гнета и униженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возмущеніе рабочаго класса, теперь уже соединеннаго и организованнаго дѣйствіемъ капиталистическаго производства. Раздробленное прежде производство теперь стало уже общественнымъ. При такомъ порядкѣ возрастающая монополія капитала становится для рабочихъ невыносимою цѣпью. Эта цѣпь, наконецъ, разрывается. «Часть капиталистической частной собственности пробилъ, «восклицаетъ Карлъ Марксъ». Экспропріаторы сами экспропріируются» (стр. 792—3).

Новая форма, которую принимаетъ при этомъ производство, составляетъ въ нѣкоторомъ отношеніи возвращеніе къ первой ступени. Работники опять получаютъ орудія производства въ свои руки, но на этотъ разъ работники уже не разсѣянные, а соединенные. Орудія производства снова дѣлаются ихъ собственностью, но не личною, а общею. Къ этому результату приводитъ само капиталистическое производство, которое разсѣянныхъ работниковъ соединило въ массы и черезъ то само себя подорвало. Такимъ образомъ, этотъ послѣдній процессъ представляется «отрицаніемъ отрицанія» (стр. 793).

Мы видимъ, что все здѣсь происходитъ совершенно согласно съ діалектикою Гегеля. Противорѣчащее начало экспропріаціи является

движущею пружиною всего экономическаго развитія, и притомъ по тремъ классическимъ ступенямъ. Мы должны вѣрить, что съ первыхъ временъ человѣчества до XVI-го вѣка были только самостоятельные рабочіе, хотя разобщенные, но собственники земли и орудій, затѣмъ они лишаются имущества въ пользу немногихъ капиталистовъ; наконецъ, капиталисты, въ свою очередь, лишаются имущества въ пользу соединенныхъ работниковъ. Это—третья и высшая ступень, отрицаніе отрицанія.

Карлъ Марксъ увѣряетъ, что это «отрицаніе капиталистическаго производства происходитъ само собою, съ необходимостью естественнаго процесса» (тамъ же); но онъ не объясняетъ намъ, въ силу какихъ законовъ это совершается. Въ дѣйствительности, мы до сихъ поръ никакой экспропріаціи капитала не видимъ. Правда, намъ говорятъ, что вслѣдствіе конкурренціи и сосредоточенія капиталовъ въ одпихъ рукахъ, количество капиталистовъ все уменьшается, а съ другой стороны все увеличивается пролетаріатъ; но мы знаемъ, напротивъ, что въ новой Европѣ, и именно вслѣдствіе капиталистическаго производства, все болѣе и болѣе растетъ средній классъ, который является главнымъ дѣятелемъ какъ въ промышленномъ производствѣ, такъ и въ политической области. Во всякомъ случаѣ, если конкурренція крупныхъ капиталовъ можетъ убить мелкіе, то не видать, какимъ экономическимъ способомъ крупные капиталы могутъ перейти въ руки обнищавшихъ рабочихъ. Конкурренція тутъ не опасна. Разрѣшеніе этой задачи мы получимъ, когда вспомнимъ, что «насиліе есть экономическое начало», которое должно служить повивальною бабкою новаго общества. Тогда все дѣлается очень просто. «Превращеніе основанной на собственной работѣ лицъ, но раздробленной частной собственности въ капиталическую собственность», говоритъ Карлъ Марксъ, «составляетъ, конечно, несравненно болѣе долгій, тяжелый и трудный процессъ, нежели превращеніе фактически уже основанной на общественномъ производствѣ капиталистической частной собственности въ общественную собственность. Тамъ дѣло шло объ экспропріаціи народной массы немногими узурпаторами; здѣсь дѣло идетъ объ экспропріаціи немногихъ узурпаторовъ народною массою» (стр. 793).

Какъ видно, тутъ дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе какъ о насильственномъ ниспроверженіи всего существующаго общественнаго

строя. Въ *Коммунистическомъ Манифестѣ*, изданномъ Марксомъ въ 1848 году, эта цѣль была высказана съ полною откровенностью. Въ *Капиталѣ* она выставляется необходимымъ результатомъ всего предшествующаго развитія человѣчества. Исторія показываетъ, однако, что за ниспроверженіемъ существующаго всегда слѣдуетъ реакція, которая возстановляетъ связь съ прошедшимъ. Прочно только то, что приготовлялось медленнымъ историческимъ процессомъ и пустило глубокіе корни въ жизни. Всего менѣе могутъ расчитывать на успѣхъ такіе перевороты, которые подрываютъ то, чѣмъ человѣчество жило съ самаго начала своего существованія, и внезапно поднимаютъ на вершину то, что въ теченіе вѣковъ, по самому существу общественныхъ отношеній, стояло внизу: вчера лишенные всего, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, становятся обладателями всѣхъ благъ. Такого рода ученія могутъ ослѣпить только людей, совершенно не вѣдущихъ исторіи и общественныхъ наукъ; но на мысли онѣ способны дѣйствовать тамъ сильнѣе, чѣмъ менѣе онѣ ихъ понимаютъ. Разрушительныя теоріи являлись здѣсь съ аппаратомъ учености, который неподготовленнымъ умамъ представлялся неотразимымъ. Это было страшное орудіе борьбы классовъ, внушавшее пролетаріямъ гордое сознаніе своего превосходства. Казалось, и наука и исторія оправдываютъ ихъ притязанія и обѣщаютъ имъ близкую побѣду.

Однако, изъ среды самихъ соціалистовъ раздались недружелюбные голоса. Родбертусъ заявилъ, что его ограбили, усвоили себѣ его мысли, а о немъ даже не упомянули. На это ближайшій сподвижникъ и сотрудникъ Маркса, Фридрихъ Энгельсъ, отвѣчалъ, что мысли, которыя Родбертусъ считаетъ своими, извѣстны давнымъ давно. Уже въ двадцатыхъ годахъ, гораздо ранѣе Родбертуса и Прудона, англійскіе соціалисты выводили изъ теоріи Рикардо, что трудъ, будучи единственнымъ производительнымъ началомъ въ экономической области, долженъ быть и единственнымъ мѣриломъ цѣнности произведеній. Но Марксъ первый установилъ, какая именно работа производитъ цѣнности и почему. Онъ отъ утопическихъ требованій перешелъ къ основательному научному изслѣдованію вопроса. Точно также онъ первый разрѣшилъ противорѣчіе, въ которое запуталась школа Рикардо, производя, съ одной стороны, всякую цѣнность изъ работы, а съ другой стороны, опредѣляя цѣнность са-

мой работы опять же работой. Марксъ показалъ, что продается не работа, а рабочая сила, для возстановленія которой требуются жизненныя средства, опредѣляющія ея цѣну. Наконецъ, изслѣдовавъ обстоятельно всѣ стороны вопроса, онъ первый далъ очеркъ исторіи капитализма и изображеніе его историческаго направленія [1]).

Изъ предыдущаго изложенія можно видѣть, насколько основательны эти похвалы. Карлъ Марксъ точно убѣдился, что измѣреніе цѣнностей количествомъ исполненной работы, при зависимости цѣнъ отъ потребностей, совершенно немыслимо. Но замѣна дѣйствительно исполненной работы *общественно-необходимою* работою есть просто-на-просто абсурдъ, ибо это фантастическая величина, о которой никто не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, и самъ Марксъ даже и не пытался ее опредѣлить. Столь же безсмысленна и замѣна работы рабочею силой. Послѣдняя продается только тамъ, гдѣ существуетъ купля и продажа рабовъ. Свободный же работникъ продаетъ временное употребленіе своей силы, то-есть работу. Если при такомъ условіи нелѣпо дѣлать работу мѣриломъ всякой цѣнности, то эта нелѣпость не исправляется, а только усугубляется тѣмъ, что вѣрное понятіе замѣняется совершенно ложнымъ. Наконецъ, историческій очеркъ Карла Маркса представляетъ не болѣе, какъ легкомысленную фантазію, идущую наперекоръ всѣмъ извѣстнымъ фактамъ. Считать капитализмъ продуктомъ извѣстной, сравнительно недавней исторической эпохи, когда рабочіе получили свободу, но лишились права принадлежавшихъ имъ орудій производства, а капиталисты, въ противоположность имъ, образовали особый классъ владѣльцевъ этихъ орудій, значитъ строить исторію по прихоти своего воображенія. Въ дѣйствительности, на возрастаніи капитала основано все промышленное развитіе человѣчества, и это оказывается съ самыхъ раннихъ временъ. Рабовладѣльческое хозяйство есть уже капиталистическое производство. Разница съ послѣдующимъ временемъ состоитъ въ томъ, что здѣсь къ капиталу принадлежитъ и самая рабочая сила, которая покупается и продается, какъ рабочій скотъ. Хотя Карлъ Марксъ увѣряетъ, что для установленія первоначальной связи между рабочею силой и средствами производства совершенно безразлично, принадлежали ли эти средства рабочему или онъ самъ къ нимъ принадлежалъ, какъ вещь

[1]) Das Kapital, томъ II, 2-е изд. 1893 и Предисловіе, стр. XX. Ниже вездѣ цитуется это изданіе.

(стр. 9), однако онъ этимъ доказываетъ только, что для утвержденія своихъ взглядовъ въ глазахъ неразборчивыхъ читателей онъ не гнушается самыми вопіющими софизмами. Всякому понятно, что это— два отношенія радикально противоположныя. Пока рабочій является рабомъ, трудъ его, состоящій въ произведеніи матеріальныхъ передвиженій, ничѣмъ не отличается отъ работы осла или вола. Самостоятельнымъ факторомъ производства онъ становится только съ освобожденіемъ лицъ, когда рабочій дѣлается распорядителемъ своей рабочей силы, и если онъ работаетъ для другаго, онъ получаетъ за это вознагражденіе въ видѣ заработной платы. Договоръ есть вполнѣ законная и единственно возможная форма, въ которой осуществляется участіе свободныхъ лицъ въ совокупномъ дѣлѣ. Не только это не составляетъ преходящаго явленія въ исторіи человѣчества, но именно этимъ достигается высшая цѣль общественнаго развитія—свободное взаимнодѣйствіе свободныхъ лицъ. Условія договора могутъ быть болѣе или менѣе благопріятны для той или другой стороны; но именно развитіе капитала ведетъ къ тому, что благопріятныя условія болѣе и болѣе склоняются на сторону рабочихъ. Чѣмъ болѣе умножается капиталъ сравнительно съ ростомъ народонаселенія, тѣмъ болѣе увеличивается требованіе на работу и тѣмъ болѣе понижается процентъ съ капитала, а заработная плата ростетъ. И это увеличеніе капитала ведетъ не къ сосредоточенію его въ немногихъ рукахъ, какъ утверждаетъ Карлъ Марксъ, а напротивъ, къ большему и большему распространенію посреди населенія. Объ этомъ ярко свидѣтельствуетъ современное положеніе промышленнаго міра. Вслѣдствіе этого самые ярые приверженцы Карла Маркса принуждены были, наконецъ, отказаться отъ его историческихъ взглядовъ. Мы увидимъ, что и самъ онъ, при дальнѣйшей разработкѣ своей теоріи, пришелъ къ такому изложенію историческаго процесса, которое совершенно ниспровергаетъ ея основанія.

Во всякомъ случаѣ, самыя существенныя начала теоріи оставались невыясненными. Для того, чтобы общественно необходимое время работы могло быть мѣриломъ цѣнностей, необходимо точное его опредѣленіе, а именно это не было сдѣлано. Карлъ Марксъ не объяснилъ даже, какимъ образомъ качественно различныя работы могутъ быть сведены на простое количество. Сказать, что это постоянно совершается за спиною производителя, значитъ отдѣлаться фразой. Точно

также надобно было показать, какимъ образомъ количество дѣйствительно исполненной работы сводится на общественно необходимое время. Безъ этого теорія вращается въ туманныхъ представленіяхъ, менѣе всего могущихъ имѣть притязаніе на научное достоинство. Приверженцы Карла Маркса надѣялись, что все это будетъ выяснено въ слѣдующихъ томахъ, которые онъ готовилъ къ печати. Появленіе ихъ послѣ его смерти, подъ заботливою редакціей Энгельса, было горькимъ разочарованіемъ. Не только то, что требовалось выяснить, осталось, попрежнему, покрыто полнымъ мракомъ, по явились новыя, кидающіяся въ глаза затрудненія и противорѣчія. Многіе поняли это даже такъ, что Карлъ Марксъ отступился отъ своихъ прежнихъ взглядовъ. Въ дѣйствительности, онъ отъ нихъ не отступился, но тѣ противорѣчія и несообразности, которыя заключались въ теоріи, выступили въ полномъ свѣтѣ при подробной ея разработкѣ.

Во второмъ томѣ изслѣдуется оборотный процессъ капитала. Онъ начинается съ денежной суммы, которая обращается на производство и затѣмъ, по продажѣ произведеннаго товара, снова возвращается въ руки капиталиста въ видѣ денежной суммы, но съ барышомъ. Карлъ Марксъ различаетъ при этомъ три формы оборота: одинъ начинается съ денежной суммы и кончается ею же; другой начинается и кончается производствомъ; третій исходитъ отъ товара и опять завершается товаромъ. Все это совершенно произвольно и ровно ничего не выясняетъ. Путемъ длиннаго и педантическаго разсужденія высказывается то, что можно выразить въ двухъ словахъ. Однако, съ первыхъ же шаговъ оказываются явленія, вызывающія сомнѣніе. Иниціаторомъ и главнымъ дѣятелемъ производства является здѣсь не рабочая сила, а капиталъ. Онъ собираетъ воедино всѣ факторы производства, соединяетъ рабочую силу съ матеріаломъ и орудіями, разсчитываетъ, организуетъ и даетъ направленіе всему дѣлу (стр. 6). Поэтому онъ становится *производительнымъ* капиталомъ (стр. 4), и все дѣйствительное производство является его *функціей* (стр. 13). Казалось бы, по здравому смыслу, что за это капиталистъ по справедливости долженъ быть вознагражденъ. Въ дѣйствительности, это и дѣлается потребителемъ, въ виду котораго велось предпріятіе: цѣною купленнаго имъ товара должны возмѣститься издержки и получиться нѣкоторая прибыль.

Но въ теоріи Маркса потребитель оставляется совершенно въ сторонѣ, какъ будто онъ не существуетъ. Вся цѣль капиталиста состоитъ въ томъ, чтобы получить барышъ посредствомъ эксплуатаціи рабочихъ. Сколько онъ ни трудись и не хлопочи, онъ въ цѣнности товара не прибавитъ ни копейки. Единственная выгода, которую онъ можетъ получить, состоитъ въ томъ, что онъ уплачиваетъ рабочему только часть произведенной послѣднимъ цѣнности, а остальное присвоиваетъ себѣ даромъ. Возможность такого грабежа открывается вслѣдствіе установившихся условій производства, при которыхъ рабочіе разъединены съ условіями производства, и самая рабочая сила продается и покупается, какъ товаръ, по цѣнѣ потребной для ея поддержанія, то-есть, по цѣнѣ средствъ содержанія рабочихъ: весь произведенный рабочими излишекъ капиталистъ получаетъ даромъ.

При этомъ происходитъ странная *иллюзія*. Капиталистъ воображаетъ, что онъ покупаетъ работу. Онъ оплачиваетъ извѣстное ея количество и качество. Договоромъ съ рабочимъ точно опредѣляется, сколько времени онъ долженъ работать и что именно онъ долженъ дѣлать. Вмѣсто времени работы, можетъ быть установлена и поштучная плата. Точно также и рабочій воображаетъ, что онъ продалъ свою работу и за это получилъ договоренную плату. Между тѣмъ, все это, по выраженію Маркса, ничто иное, какъ *мистификація*, учиненная капиталистическимъ производствомъ, которое всѣ отношенія представляетъ навыворотъ. Въ дѣйствительности, работа не продается и не покупается, ибо, какъ источникъ всякой цѣнности, она сама не имѣетъ цѣны. Говорить о цѣнѣ работы—чистая нелѣпость (стр. 6). Продается и покупается не работа, а рабочая сила, которая временно поступаетъ въ распоряженіе предпринимателя. И эта мистификація до такой степени сильна, что самъ разоблачающій ее авторъ невольно ей поддается. Это тоже, что мы видѣли прежде; авторъ не выбился изъ своихъ противорѣчій. На стр. 5 мы читаемъ: «это — продажа рабочей силы — здѣсь мы можемъ сказать работы, ибо предполагается форма заработной платы». На стр. 11: «Употребленіе рабочей силы, работа, можетъ осуществиться только въ рабочемъ процессѣ. Капиталистъ не можетъ снова продать рабочаго, какъ товаръ, ибо послѣдній не его рабъ, и тотъ купилъ только употребленіе его рабочей силы на опредѣленное время».

На стр. 88: «въ дѣйствительности, капиталистическое производство есть производство товаровъ, какъ общая форма производства; но таковымъ оно является и становится болѣе и болѣе въ своемъ развитіи, потому что работа сама является здѣсь какъ товаръ, потому что рабочій продаетъ работу, т.-е. функцію своей рабочей силы». Это не мѣшаетъ автору въ концѣ своей книги заявить, что выраженіе «цѣна работы столь же ирраціонально, какъ желтый логариѳмъ» (III, 2, стр. 353), а четыре страницы ниже, опять попрежнему: «капиталисту его капиталъ, землевладѣльцу земля, а рабочему его рабочая сила, или скорѣе самая его работа (ибо онъ дѣйствительно продаетъ свою рабочую силу только въ ея проявленіи и цѣна рабочей силы, какъ объяснено выше, на основаніи капиталистическаго производства, необходимо представляется, какъ цѣна работы) кажутся тремя разными источниками ихъ спеціальныхъ доходовъ, прибыли, поземельной ренты и заработной платы» (стр. 357). Итакъ, съ одной стороны, дѣйствительность, ясная какъ дважды два четыре, показываетъ намъ ежедневно совершающуюся продажу работы опредѣленнаго количества и качества, за опредѣленную цѣну, а съ другой стороны теорія гласитъ, что цѣна работы есть такой же абсурдъ, какъ желтый логариѳмъ. И для спасенія теоріи, приводящей къ абсурду, насъ хотятъ увѣрить, что очевидная для самаго простого здраваго смысла дѣйствительность есть ничто иное какъ иллюзія или мистификація, произведенная современнымъ состояніемъ промышленнаго производства! Но всего удивительнѣе то, что это совершенно безсмысленная игра словами выдается за великое открытіе, которое впервые ставитъ соціализмъ на научную почву!

Можно подумать, что если работа, какъ трата силы, составляетъ единственный источникъ цѣнности, то это свойство принадлежитъ всякой работѣ. Однако оказывается не то. Въ оборотѣ капитала Марксъ отличаетъ процессъ производства и процессъ оборота. Производительна только работа, употребленная на первой, а не на второй. Покупка и продажа товаровъ есть лишь перемѣна формы, которая никакой цѣнности къ нимъ не прибавляетъ. «Перемѣна состоянія», говоритъ Марксъ, «стоитъ времени и рабочей силы, однако не для того, чтобы создавать цѣнность, а для того, чтобы переводить цѣнность изъ одной формы въ другую... Эта работа, умноженная злостными намѣреніями обѣихъ сторонъ, столь же мало создаетъ цѣн-

ность, какъ и работа, исполняемая при судебномъ разбирательствѣ, которая не прибавляетъ цѣнности спорному предмету» (стр. 100).

Читатель ожидаетъ объясненія, почему же работа, которую самъ Марксъ признаетъ «необходимымъ моментомъ капиталистическаго производства» (стр. 101), не входитъ въ цѣну произведеній. Сравненіе съ судебнымъ разбирательствомъ къ дѣлу не идетъ, ибо это не промышленный трудъ. Столь же неумѣстно приведенное тутъ же сравненіе съ внутренней работой матеріальныхъ частицъ при сожиганіи какого-либо вещества. Всѣ эти подобія служатъ лишь къ тому, чтобы избѣгнуть прямаго объясненія. Мы видѣли, что Родбертусъ считалъ производительною только чисто механическую работу, а не умственную, которая будто бы дается даромъ; но Марксъ осторожно воздерживается отъ такого общаго положенія, хотя изъ установленнаго имъ различія прямо слѣдуетъ, что цѣнность создается только матеріальными перемѣнами, произведенными въ товарѣ. Но въ такомъ случаѣ надобно признать способность создавать цѣнности и за силами природы и за рабочимъ скотомъ, которые совершаютъ тѣже механическія передвиженія. Во избѣжаніе этихъ затрудненій, приходится довольствоваться туманною фразой, а вмѣсто доказательства, привести не идущія къ дѣлу сравненія. Читатель, можетъ быть, не догадается.

И не одна купля и продажа товаровъ признается непроизводительною работою; тоже самое относится и къ бухгалтеріи. И тутъ требуется затрата времени и силъ; но цѣнность товара отъ этого не прибавляется: это—накладные расходы, которые предприниматель оплачиваетъ изъ избытка произведенной рабочими цѣнности (стр. 104—5). «Агентъ оборота», говоритъ Марксъ, «оплачивается агентами производства» (стр. 98). Казалось бы, однако, что бухгалтерія нужна не только при оборотѣ, но и при производствѣ. Самъ Карлъ Марксъ признаетъ ея необходимость при всякомъ промышленномъ устройствѣ и даже въ большей степени при большей сложности и сосредоточенности производства (стр. 105, 106). Почему же работа кочегара входитъ въ цѣнность произведеній, а работа бухгалтера нѣтъ? Мы теряемся въ догадкахъ. И то, что говорится о бухгалтеріи, относится къ множеству другихъ лицъ, исполняющихъ различныя должности при всякомъ производствѣ. Работа кассира причисляется точно также къ издержкамъ оборота, но не признается

работою, производящей цѣнность (III, 1, стр. 330); тоже относится и къ работѣ, употребленной на храненіе суммъ (тамъ же). Въ результатѣ, мы рѣшительно не знаемъ, какая именно работа входитъ въ цѣнность произведеній и по какимъ признакамъ можно объ этомъ судить.

Затрудненіе увеличивается тѣмъ, что и въ самомъ процессѣ оборота есть такія работы, которыя самъ Марксъ не рѣшается признать непроизводительными. Произведенный товаръ нужно сохранить; необходимы запасы, а для этого требуются помѣщенія, слѣдовательно работа для ихъ устройства. Нужна работа и для оберегапія товаровъ отъ порчи и похищенія. Все это накладные расходы, безъ которыхъ нельзя обойтись. Спрашивается: входятъ ли они въ цѣну произведеній или оплачиваются изъ чистаго дохода капиталиста? Карлъ Марксъ пытается установить здѣсь различіе между запасами нормальными и ненормальными. Нормальны тѣ, которые составляютъ необходимое условіе оборота. Это—собственно часть производства, продолжающагося въ области оборота, и, какъ таковая, она должна возвышать цѣну произведеній. Ненормальные же запасы тѣ, которые составляютъ только остановку въ процессѣ оборота и за это покупатель не обязанъ платить, какъ вообще онъ не платитъ за время оборота. Издержки на ненормальные запасы составляютъ чистую убыль капиталиста (стр. 115—117). Однако, тутъ же Карлъ Марксъ признается, что «нормальныя и ненормальныя формы запасовъ по формѣ не различаются», а потому явленія легко смѣшиваются. Въ дѣйствительности, тутъ никакого различія установить нельзя, а потому остается совершенно неизвѣстнымъ, что входитъ и что не входитъ въ цѣну произведеній.

Тоже самое относится и къ издержкамъ перевоза. «Общій законъ», говоритъ Марксъ, «состоитъ въ томъ, что всѣ издержки оборота, которыя проистекаютъ изъ измѣненія формы товара, не увеличиваютъ цѣны послѣдняго». Это—расходы, которые оплачиваются изъ получаемаго капиталистомъ избытка цѣнности. «Поэтому, если перевозочный промыселъ является причиною расходовъ оборота, на основаніи капиталистическаго производства, то эта особенная форма явленій нисколько не измѣняетъ существа дѣла. Массы произведеній не умножаются черезъ перевозку. Самое происходящее въ нихъ иногда измѣненіе свойствъ составляетъ, съ нѣкоторыми исключенія-

ии, не намѣренный полезный результатъ, а неизбѣжное зло» (стр. 120). Казалось бы, послѣ этого, что издержки перевоза должны быть вычеркнуты изъ числа производительныхъ расходовъ; но совершенно неожиданно выводится совершенно противоположное заключеніе. «Потребительная цѣнность вещей», продолжаетъ Марксъ, «осуществляется только въ ихъ потребленіи, а потребленіе можетъ сдѣлать необходимымъ перемѣну мѣста, слѣдовательно прибавочный процессъ производства перевозочнаго промысла. Положенный въ него производительный капиталъ увеличиваетъ поэтому цѣну произведеній, частью переносомъ цѣнности средствъ перевозки, частью прибавкою цѣны посредствомъ перевозочной работы» (стр. 129). «Перевозочный промыселъ является, съ одной стороны, отдѣльною отраслью производства, а потому особою сферою приложенія производительнаго капитала. Съ другой стороны, онъ отличается тѣмъ, что онъ представляетъ продолженіе процесса производства *внутри* процесса оборота и *для* этого процесса» (стр. 124). Оказывается, слѣдовательно, что различія между производствомъ и оборотомъ, изъ которыхъ одно увеличиваетъ цѣнность товаровъ, а другой нѣтъ, совершенно фиктивно. Но придти къ такому заключенію можно было только ссылаясь на потребительную цѣнность товаровъ, то-есть, именно на то, что было устранено съ самаго начала, и что противорѣчитъ всѣмъ предшествующимъ разсужденіямъ. И точно, если мы будемъ говорить о пользѣ, принесенной потребителю и оплачиваемой имъ, то на какомъ основаніи будемъ мы считать непродолжительною работу купца, который покупаетъ товаръ оптомъ и продаетъ его въ розницу или посылаетъ для продажи въ отдаленныя страны? Очевидно, мы имѣемъ тутъ цѣлую сѣть противорѣчій, изъ которой нѣтъ исхода.

Но если мы находимся въ полномъ туманѣ на счетъ того, какая работа входитъ въ цѣнность произведеній и какая не входитъ, то, съ другой стороны, часть этой цѣнности происходитъ не отъ настоящей работы, а отъ прошедшей, а именно та часть, которая соотвѣтствуетъ затратѣ капитала на матеріалъ и орудія. Карлъ Марксъ настаиваетъ на томъ, что изъ всей цѣнности ежегоднаго продукта работою настоящаго года производится только та доля, которая соотвѣтствуетъ заработной платѣ и даровому излишку; напротивъ, та часть, которая соотвѣтствуетъ цѣнности употребленнаго матеріала и тратѣ орудій, *переносится* только на новое произведеніе (стр. 403,

413). Изъ предыдущаго мы знаемъ уже, что этотъ переносъ совершается не капиталистомъ, который затрачиваетъ капиталъ и возмѣщаетъ свои издержки въ цѣнѣ произведеній, а рабочимъ, который превращаетъ капиталъ въ произведеніе, и притомъ не *количествомъ* работы, а ея *качествомъ*, или тѣмъ или другимъ ея видомъ. Во второмъ томѣ Карлъ Марксъ подтверждаетъ, что «хотя сумма общественнаго продукта, состоящаго изъ средствъ производства и потребленія, по своей потребительной цѣнности, конкретно, въ ихъ натуральной формѣ, является произведеніемъ работы настоящаго года, однако лишь настолько, насколько эта работа разсматривается только какъ полезная, конкретная работа, а не какъ трата рабочей силы, или какъ производящая цѣнности работа. И даже первое можно признавать единственно въ томъ смыслѣ, что средства производства только черезъ присоединяющуюся къ нимъ и обращающуюся съ ними живую работу превратилась въ новый продуктъ, въ продуктъ нынѣшняго года» (стр. 404). То-есть, мы должны вѣрить, что работа, какъ полезная дѣятельность, есть нѣчто совершенно другое, нежели работа, какъ трата силы. Только послѣдняя производитъ цѣнность, первая же производитъ только полезность, но не цѣнность; однако, въ силу какой-то непостижимой силы, производя полезности, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, переноситъ на товаръ произведенныя прежде и присущія матеріалу цѣнности.

Для непредубѣжденнаго взгляда все это представляется чистою безсмыслицею. Только какъ полезная, конкретная дѣятельность, работа производитъ цѣнности; простая же трата силы никакой цѣнности не производитъ. Обезьяна, въ извѣстной баснѣ, можетъ катать бревно, сколько ей угодно; никто за это ей гроша не заплатитъ. Поэтому не отвлеченное количество работы, а именно ея полезное качество можетъ разсматриваться, какъ начало, производящее цѣнности. Количество имѣетъ значеніе только въ нераздѣльной связи съ качествомъ. И къ довершенію нелѣпости, этому качеству, которое само никакихъ цѣнностей не производитъ, приписывается таинственная способность переносить на новое произведеніе прежде произведенныя цѣнности! Когда ткачъ превращаетъ нитку въ полотно, можно сказать, что здѣсь къ прежней цѣнности прибавляется новая; но здѣсь не переносъ, а сохраненіе цѣнности, ибо нитка остается составною частью полотна. Но возможно ли, держась въ предѣ-

лахъ человѣческаго смысла, сказать, что ткачъ переноситъ на полотно цѣнность сожженаго угля или трату паровой машины, которая является двигателемъ производства? Ни о томъ, ни о другомъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Самая трата топлива зависитъ вовсе не отъ него, а отъ совершенно чуждыхъ ему приспособленій, а трата машины отъ ея прочности, слѣдовательно отъ независимыхъ отъ работы физическихъ свойствъ, какъ признаетъ и Карлъ Марксъ (стр. 130, 191). Весь расчетъ дѣлается капиталистомъ, который и назначаетъ за произведеніе цѣну, возмѣщающую его издержки. Это весьма просто и ясно и ежедневно происходитъ на нашихъ глазахъ. Но для теоріи, которая видитъ въ цѣнности не возмѣщеніе издержекъ, а *окрѣпшую* въ произведеніи работу, всѣ самыя очевидныя явленія представляются превратными. Всѣ они откидываются съ презрѣніемъ; вмѣсто того строится туманное зданіе, въ которомъ фантазирующій авторъ идетъ только отъ одного противорѣчія къ другому и отъ одной безсмыслицы къ другой. Окрѣпшая въ углѣ и въ машинѣ работа очевидно исчезла, надобно замѣнить ее новою. Но если мы скажемъ, что вся произведенная въ настоящемъ году цѣнность есть плодъ работы настоящаго года, то прежняя работа, употребленная на матеріалъ и машины, останется безъ вознагражденія. Чтобы избѣгнуть этого послѣдствія, придумывается таинственная способность качества работы переносить цѣнности, не производя ихъ. Это нѣчто еще болѣе мистическое, нежели скрытыя свойства схоластической философіи.

Вся нелѣпость этой теоріи раскрывается при анализѣ различныхъ отраслей производства. Карлъ Марксъ раздѣляетъ ихъ на двѣ главныя группы: на произведеніе средствъ производства, то-есть, матеріаловъ и орудій, и на производство средствъ потребленія. Цѣнность произведенная первою отраслью, представляетъ собою только возобновленіе затраченнаго капитала, который, по выраженію Маркса, въ ней *воплощенъ*; цѣнность, произведенная второю группою, представляетъ исключительно новую работу, которая точно также въ ней воплощена (стр. 405). Но такъ какъ, по теоріи, на возобновленіе капитала не полагается никакой работы, а только переносится прежняя цѣнность, то *кажется*, что въ первой отрасли вовсе не затрачивается работа, а вся новая работа затрачивается исключительно во второй (стр. 406). Въ такомъ безсмысленномъ видѣ, говоритъ

Марксъ, представляется возобновленіе общественнаго годового продукта (стр. 407). По увѣренію Маркса, «тайна объясняется» тѣмъ, что средства производства, произведенныя первою отраслью для второй, оплачиваются цѣнностью затраченнаго въ послѣдней капитала, перенесенною на предметы потребленія. Однако, это вовсе не объясненіе. Намъ говорятъ, что затраченный на матеріалы и орудія капиталъ возобновляется даровымъ перенесеніемъ его цѣнности на произведенія, при чемъ имѣетъ значеніе не количество, а единственвенно качество работы, или ея спеціальное назначеніе; а тутъ оказывается, что для замѣны затраченнаго капитала новымъ требуется цѣлая особая отрасль производства, съ которой не только переносится прежняя цѣнность, но и затрачивается новая рабочая сила притомъ не только качественно, но и количественно. Чѣмъ бы эта работа ни оплачивалась, она существуетъ, и количествомъ ея опредѣляется цѣнность новаго произведенія, замѣняющаго затраченный капиталъ. Если же ссылаются на то, что тутъ происходитъ обмѣнъ, то въ такомъ случаѣ качество ничего не значитъ, а остается только означенное количественное предложеніе, выражаемое цѣнностью. Однимъ словомъ, мы имѣемъ тутъ цѣлую сѣть противорѣчій и несообразностей, изъ которыхъ нѣтъ выхода. Изъ безсмысленныхъ основаній ничего не можетъ выйти, кромѣ безсмысленныхъ результатовъ.

Оборотъ капитала заключаетъ въ себѣ и другія осложненія, которыя еще болѣе запутываютъ вопросъ. Оборотъ можетъ быть болѣе или менѣе продолжительный, а это имѣетъ существенное значеніе для величины получаемыхъ выгодъ; время является здѣсь вліяющимъ факторомъ. И тутъ Карлъ Марксъ различаетъ процессъ производства и процессъ оборота. Первый можетъ быть болѣе или менѣе продолжителенъ: для выдѣлки ткани требуется нѣсколько недѣль, для устройства сложной машины, можетъ быть, нѣсколько мѣсяцевъ, для земледѣльческой промышленности цѣлый годъ, для построенія желѣзной дороги еще болѣе, для лѣсного хозяйства даже десятки лѣтъ, прежде нежели произведеніе можетъ быть пущено въ продажу. При этомъ время производства не совпадаетъ съ временемъ работы. Прежде нежели приступить къ работѣ, нужны предварительныя дѣйствія: закупка матеріаловъ и орудій, превращеніе денежнаго капитала въ производительный. Самая работа, въ силу естественныхъ условій, можетъ требовать перерыва. Между посѣвомъ и жатвой проходитъ

мѣсяцы, между лѣсонасажденіемъ и рубкой многіе годы, въ теченіе которыхъ только изрѣдка производится подчистка лѣса. Въ эти промежутки дѣйствують силы природы, дѣйствуетъ и капиталъ, положенный, напримѣръ, въ видѣ удобренія или дренажа; но работы не производится никакой. Спрашивается: прибавляется ли въ это время что-нибудь къ цѣнности произведенія? Согласно съ теоріей, признающей работу единственнымъ источникомъ цѣнности, Карлъ Марксъ прямо это отрицаетъ. «Нормальные перерывы всего процесса производства, слѣдовательно промежутки, въ которые производительный капиталъ не дѣйствуетъ», говоритъ онъ, «не производятъ ни цѣнности, ни излишка цѣнности... Промежутки рабочаго времени, въ которые предметъ работы самъ долженъ переходить въ процессы производства, не образуютъ ни цѣнности, ни излишка цѣнности, но содѣйствуютъ производству, составляютъ часть его жизни, процессъ, черезъ который онъ долженъ перейти» (стр. 94). И далѣе: «Каково бы ни было основаніе избытка времени производства надъ временемъ работы, ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ средства производства не функціонируютъ, какъ поглотители работы. А нѣтъ поглощенія работы, нѣтъ и прибавки цѣны. А потому нѣтъ и приращенія цѣнности производительнаго капитала, пока она находится въ той части времени производства, которое превышаетъ время работы, какъ бы нераздѣльно ни было осуществленіе процесса приращенія цѣны съ этими паузами» (стр. 95).

Итакъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, безъ всякой работы, дѣйствіемъ силъ природы и положеннаго въ землю капитала, десять пудовъ пшеницы превратились въ сто пудовъ; но, по теоріи, за это время цѣнности не прибавилось ничего, ибо не было работы. По той же причинѣ сорокалѣтній лѣсъ имѣетъ туже цѣнность, что и молодые сѣянцы, ибо ростъ дерева есть чистое дѣйствіе силъ природы. По этой теоріи, приплодъ животныхъ не имѣетъ никакой цѣнности, ибо теленка родитъ не рабочій, а корова, въ силу законовъ природы. Достаточно указать на эти нелѣпости, чтобы видѣть истинное значеніе теоріи, производящей цѣнность исключительно изъ работы.

Но отрицая признаніе цѣнности въ эти промежутки, не заполненные работой, Карлъ Марксъ, тѣмъ не менѣе, признаетъ, что *переносъ* цѣнности затраченнаго капитала на новое произведеніе совер-

шается въ эти промежутки. «Цѣнность аппаратовъ и проч. переносится на продуктъ въ теченіе всего времени, пока она дѣйствуетъ» (стр. 94). Но и это совершается работою, которая ставитъ средства производства въ нужные для того условія. «Работа», говоритъ Марксъ, «всегда переноситъ цѣнность средствъ производства на произведенія, насколько она дѣйствительно потребляетъ ихъ цѣлесообразно, какъ таковые. При этомъ совершенно безразлично, дѣйствуетъ ли работа постоянно на предметъ черезъ средства производства, или она даетъ только толчокъ, поставляя средства производства въ такія условія, въ которыхъ они сами собою, безъ дальнѣйшаго участія работы, въ силу естественныхъ процессовъ, претерпѣваютъ требуемое измѣненіе» (стр. 95). Такимъ образомъ, для приращенія цѣнности требуется дѣйствительная работа; но для переноса цѣнности достаточенъ толчокъ, послѣ котораго переносъ совершается уже силами природы. Спрашивается: есть ли во всемъ этомъ какой-нибудь человѣческій смыслъ?

Также какъ время производства, время оборота можетъ быть болѣе или менѣе продолжительно. Иныя произведенія продаются и потребляются на мѣстѣ; другія отправляются въ дальнѣйшія страны или поступаютъ въ запасъ въ ожиданіи благопріятныхъ условій для продажи. Въ результатѣ выходитъ, что затраченный капиталъ возвращается въ руки капиталиста въ весьма разнообразные сроки. Одинъ капиталъ обращается десять разъ въ году, другой совершаетъ свое круговращеніе въ годовой срокъ. Ясно, что первый, при равныхъ условіяхъ, можетъ привести въ дѣйствіе въ десять разъ больше работы, нежели второй, а потому получитъ въ десять разъ большій излишекъ цѣнности. Карлъ Марксъ подробно разбираетъ различные возможные при этомъ случаи; но все это такъ туманно и выводы до такой степени шатки, что самъ Энгельсъ принужденъ признать, что прославляемый имъ другъ и великій мыслитель въ вычисленіяхъ былъ слабъ и придавалъ неподобающее значеніе вовсе неважнымъ обстоятельствомъ (стр. 256). Какъ бы то ни было, въ результатѣ оказывается новое противорѣчіе. «Законъ производства излишка цѣнности», говоритъ Марксъ, «состоитъ въ томъ, что при равномъ процентѣ излишка (т.-е. отношенія его къ количеству работы) равныя массы измѣняющагося (т.-е. затраченнаго на заработную плату) капитала производятъ равныя массы излишка цѣн-

пости» (стр. 272). А между тѣмъ, при быстромъ оборотѣ, одинъ и тотъ же капиталъ, постоянно возвращаясь въ руки капиталиста, можетъ служить для уплаты гораздо большаго количества работы, нежели при медленномъ обращеніи. Если для годовой платы рабочимъ нужно, напримѣръ, имѣть 5.000 рублей, то, при оборотѣ капитала десять разъ въ году, достаточно имѣть 50. Карлъ Марксъ объясняетъ это тѣмъ, что все это только *кажется* вслѣдствіе призрачной формы капиталистическаго производства, въ дѣйствительности, при оборотѣ въ 5 недѣль, потрачено не 500 рублей, а 5.000 р., что обнаруживается тѣмъ, что рабочіе на эту сумму покупаютъ предметы потребленія. Капиталистъ обманутъ тѣмъ, что капиталъ возвращается къ нему въ денежной формѣ, и воображаетъ, что это—тотъ самый капиталъ, который онъ затратилъ, между тѣмъ какъ это—совершенно другой, полученный изъ произведенной работы (стр. 282). Какъ видно, капиталъ обладаетъ поистинѣ чудодѣйственною силой. Капиталистъ имѣетъ всего 500 р. въ рукахъ, и съ этою суммой, пуская ее въ оборотъ, онъ уплачиваетъ рабочимъ 5.000 р. и получаетъ за это, по принятому Марксомъ проценту излишка цѣнности, 5.000 р. ежегоднаго барыша. И это не призракъ только, порождаемый капиталистическимъ производствомъ: барышъ есть нѣчто весьма реальное, получаемое за реальную сумму капитала, съ которою онъ начинаетъ своё производство. Какъ не соблазниться такою перспективою!

Къ сожалѣнію, все это остается только въ теоріи, а на практикѣ выходитъ совершенно иное: прибыли уравниваются, и капиталистъ съ 500 р. получаетъ съ своего капитала такой же ежегодный процентъ, какъ и сосѣдъ его съ 5.000 р. Это признаетъ и Карлъ Марксъ. Третій томъ его сочиненія посвящается изображенію этого процесса.

Прежде всего, вслѣдствіе капиталистической формы производства, происходитъ превращеніе произведеннаго работою излишка цѣнности въ прибыль капитала. По теоріи Маркса, цѣнность затраченнаго на матеріалы и орудія капитала переносится на товаръ, первая всецѣло, вторая въ размѣрахъ истраты. Этотъ переносъ совершается цѣлесообразною дѣятельностью работы. Но израсходованный на заработную плату капиталъ не переносится на цѣнность товара, а потребляется рабочимъ. Въ замѣнъ того, равная ему сумма производится вновь,

и, сверхъ того, производится излишекъ цѣнности, который достается капиталисту даромъ. Все это необходимо вытекаетъ изъ основного принципа, что работа составляетъ единственный источникъ цѣнности. Но вслѣдствіе «мистифирующаго» характера капиталистическаго производства, весь этотъ процессъ представляется капиталисту въ превратномъ видѣ [1]). Онъ не понимаетъ, что переносъ цѣнности капиталъ на произведеніе совершается рабочими даромъ, а воображаетъ, что цѣнность произведеній опредѣляется издержками производства. А такъ какъ въ эти издержки одинаково входитъ и заработная плата, и покупка матеріала и орудій, то все это онъ ставитъ подъ одну рубрику затраченнаго капитала, различая только стоячій капиталъ, состоящій въ зданіяхъ и орудіяхъ, который тратится лишь частью и постепенно, и оборотный капиталъ, состоящій изъ матеріаловъ и заработной платы, который всецѣло входитъ въ цѣну произведеній и цѣликомъ возвращается въ руки капиталиста. Вслѣдствіе той же «мистификаціи», получаемый капиталистомъ излишекъ цѣнности представляется капиталисту вовсе не тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ, то-есть, результатомъ даровой работы, а плодомъ употребленія капитала. Поэтому онъ исчисляется не въ отношеніи къ суммѣ заработной платы, составляющей денежный его источникъ, а въ отношеніи къ совокупному капиталу, затраченному на производство. По совершеніи оборота, капиталистъ имѣетъ въ своихъ рукахъ неистраченную часть стоячаго капитала, да сверхъ того, въ цѣнѣ проданныхъ произведеній, потраченную часть стоячаго капитала и весь оборотный, и, наконецъ, излишекъ, который представляется приращеніемъ капитала или *прибылью* (Profit). Въ существѣ своемъ это приращеніе ничто иное какъ произведенный рабочими излишекъ цѣнности, ибо инаго источника оно не можетъ имѣть; но при капиталистическомъ производствѣ онъ является въ «мистифированномъ видѣ», какъ прибыль съ капитала (стр. 39 и слѣд.).

При такомъ расчетѣ процентъ прибыли, очевидно, будетъ разный, смотря по величинѣ употребленнаго капитала и отношенія его къ заработной платѣ. Количество прибыли дано излишкомъ работы надъ заработною платой, но процентное отношеніе этого излишка къ суммѣ капитала будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ больше затраченный капиталъ

---

[1]) „Das Kapital“, III, часть I, стр. 5, 8.

Отсюда стремленіе капиталиста къ сбереженію капитала и къ удлиненію времени неоплаченной работы. Однако то и другое имѣетъ свои границы, съ одной стороны, въ способности рабочей силы, съ другой стороны, въ техническихъ условіяхъ производства. Есть производства, которыя требуютъ большаго количества рабочихъ рукъ и мало капитала, другія наоборотъ. Такая же разница оказывается и во времени оборота. Производства, въ которыхъ оборотъ совершается быстро, требуютъ меньше капитала, нежели тѣ, въ которыхъ онъ происходитъ медленно. Отсюда, при одинакомъ количествѣ рабочихъ рукъ и одинакой продолжительности работы, совершенно разное отношеніе прибыли къ суммѣ затраченнаго капитала. По самому характеру и условіямъ производства, одни производства будутъ несравненно выгоднѣе другихъ (стр. 23 и слѣд.). При этомъ существенное значеніе имѣетъ и личное умѣніе капиталиста вести свое дѣло цѣлесообразно и бережливо. Чѣмъ меньше онъ употребитъ капитала, тѣмъ процентное отношеніе прибыли будетъ больше (стр. 116).

Однако, въ капиталистическомъ производствѣ есть факторъ, который существенно измѣняетъ всѣ эти отношенія. Этотъ факторъ есть конкурренція. Она уравниваетъ прибыли, такъ что каждый затраченный капиталъ, оставивъ въ сторонѣ случайныя уклоненія, получаетъ равный съ другими процентъ прибыли. Черезъ это всѣ затраченные въ различныхъ производствахъ капиталы образуютъ какъ бы единый общественный капиталъ съ общимъ, среднимъ процентомъ прибыли. Сумма прибыли, равная произведенному работою излишку цѣнности, остается таже, но она распредѣляется по различнымъ производствамъ пропорціонально количеству затраченному въ нихъ капиталу (стр. 132 и слѣд.).

Такое уравненіе, очевидно, можетъ произойти единственно вслѣдствіе того, что въ производствахъ съ малымъ капиталомъ и большимъ количествомъ рабочихъ рукъ произведенія будутъ продаваться даже измѣняемой работою цѣнности, а въ другихъ наоборотъ. При такихъ условіяхъ, цѣнность товаровъ перестаетъ уже быть выраженіемъ положенной въ нихъ работы, и вся теорія цѣнности, повидимому, оказывается несостоятельной, какъ признаетъ и самъ авторъ (стр. 132) Мистификація тутъ полная: излишекъ работы какъ будто самъ отрицаетъ свое происхожденіе, теряетъ свой характеръ и становится неузнаваемымъ (стр. 146). Однако, все это только *кажется*.

Въ отдѣльныхъ производствахъ цѣнность товаровъ дѣйствительно не соотвѣтствуетъ положенной въ нихъ работѣ; но въ совокупномъ производствѣ соотвѣтствіе остается: общая сумма прибыли опредѣляется суммою затраченной работы, и отношеніе этой суммы къ суммѣ затраченнаго капитала опредѣляетъ средній процентъ прибыли, которымъ затѣмъ опредѣляется доля каждаго. Этой средней прибыли соотвѣтствуетъ средній составъ капитала, при которомъ рыночная цѣна совпадаетъ съ реальною цѣнностью; уклоненіе же въ ту и другую стороны другъ друга уравновѣшиваютъ. Въ капиталистическомъ производствѣ, гдѣ господствуетъ анархическая борьба силъ, все это, конечно, можетъ установляться только при постоянныхъ колебаніяхъ въ обѣ стороны, но въ этихъ колебаніяхъ обнаруживается тяготѣніе къ среднему уровню, опредѣляемому закономъ цѣнности. Послѣдній является общимъ регуляторомъ движенія, осуществляясь въ немъ посредствомъ борьбы частныхъ силъ. Капиталистическое производство само ведетъ къ тому, что отдѣльныя производства становятся членами совокупнаго общественнаго производства съ общимъ капиталомъ и среднимъ процентомъ прибыли (гл. 9 и 10).

Такова теорія, посредствомъ которой Карлъ Марксъ думаетъ согласить реальныя явленія экономической жизни съ воображаемымъ закономъ цѣнности. Не трудно видѣть, что тутъ нѣтъ ничего, кромѣ пустыхъ словъ. Утверждается, что сумма получаемыхъ капиталистами прибылей ровняется суммѣ исполненной рабочими даровой работы; но доказательства не представлено никакого. Это равенство только *предполагается* (стр. 23), и какъ скоро это предположеніе принято, говоритъ Карлъ Марксъ, такъ величина прибыли и ея процентное отношеніе къ капиталу опредѣляются отношеніями простыхъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ данныхъ или опредѣляемыхъ цифръ. Изслѣдованіе, замѣчаетъ онъ, движется сперва въ чисто математической области (тамъ же). Между тѣмъ, онъ самъ признаетъ, что даннымъ является только избытокъ продажной цѣны товара надъ издержками производства, при чемъ остается тайной, откуда происходитъ этотъ избытокъ (стр. 21). «Вылупить» этотъ избытокъ изъ прибыли можно только путемъ анализа (стр. 22). Очевидно, для того, чтобы придти къ сколько-нибудь точному выводу, надобно сравнить данную цифру прибыли съ цѣнностью излишней работы, но именно этого мы не можемъ сдѣлать, ибо эта цѣнность есть фиктивная величина, которая

никакому опредѣленію не поддается. Тутъ недостаточно взять количество исполненной работы и вынесть отсюда то, что требуется содержаніемъ работниковъ.

По признанію самого Маркса, въ цѣнность произведенія входитъ не одно только количество, но и высшее качество работы. Послѣднее должно быть сведено на количество; но какъ это сдѣлать, остается неизвѣстнымъ. Сказать, что это происходитъ за спиною работника, значитъ отказаться отъ объясненія. Въ дѣйствительности цѣнность высшаго качества работы опредѣляется предложеніемъ и требованіемъ, то-есть, началомъ совершенно чуждымъ количеству работы. Нужно точное указаніе способа, сведеніе послѣдняго къ первому, а именно это мы у Карла Маркса не находимъ, по той понятной причинѣ, что этимъ анализомъ ниспроверглась бы вся его теорія цѣнности. Но этого мало: взявши даже одно количество, мы все-таки ни къ чему не придемъ, ибо по теоріи требуется не дѣйствительно исполненная работа, а *общественно необходимая*. Признавая равенство суммы всѣхъ прибылей съ цѣнностью излишка работы, Карлъ Марксъ постоянно опускаетъ это обстоятельство. Онъ выражается такъ, какъ будто рѣчь идетъ о дѣйствительно исполненной работѣ и о цѣнности, вложенной ею въ произведеніе; между тѣмъ, цѣнность опредѣляется не количествомъ исполненной, а количествомъ общественно необходимой работы, то-есть, величиной никому неизвѣстной, которая можетъ выясняться только изъ продажной цѣны произведеній, то-есть, именно изъ того, съ чѣмъ слѣдуетъ сравнить сумму работы. Самая эта общественно необходимая работа есть величина постоянно измѣняющаяся: каждое улучшеніе ее сокращаетъ, и это отражается на цѣнности уже исполненной работы. А такъ какъ улучшенія происходятъ безпрерывно, то и опредѣлить общую сумму нѣтъ ни малѣйшей возможности. При такихъ условіяхъ говорить о равенствѣ суммы всѣхъ прибылей съ суммой излишка общественно необходимой работы, значитъ изрекать слова, лишенныя всякаго смысла.

Въ оправданіе этого предположенія нельзя ссылаться на то, что по теоріи этотъ излишекъ цѣнности, представляемый прибылью, не можетъ имѣть иного источника, кромѣ излишка работы. «Въ такомъ общемъ изслѣдованіи», говоритъ Марксъ, «всегда предполагается, что дѣйствительныя отношенія соотвѣтствуютъ ихъ понятію, или, что тоже самое, дѣйствительныя отношенія изображаются лишь настолько,

насколько они выражають свой собственный общій типъ» (стр. 121). Такое искусственное подведеніе фактовъ подъ предвзятую теорію, независимо отъ принципіальной ея несостоятельности, устраняется уже тѣмъ, что, по признанію самого автора, дѣйствительныя явленія находятся въ прямомъ противорѣчіи съ теоріею. При уравненіи прибыли, вслѣдствіе конкурренціи, цѣнность произведеній вовсе не выражаетъ количества положенной на нихъ работы: въ иныхъ она больше, въ другихъ меньше. Если же въ огромномъ большинствѣ случаевъ этого соотвѣтствія нѣтъ, то на какомъ основаніи можемъ мы предполагать, что общія суммы равны? Не достаточно сказать, что при колебаніяхъ въ ту и другую сторону, установляется средняя цѣнность, а избытокъ и недостатокъ другъ друга уравновѣшиваютъ. Надобно доказать, что эта средняя цѣнность дѣйствительно соотвѣтствуетъ среднему количеству работы; но доказать этого нельзя, ибо то и другое опредѣляется совершенно разными факторами. Уравненіе происходитъ здѣсь не вслѣдствіе того, что данная масса получаетъ иное распредѣленіе, а вслѣдствіе того, что невыгодныя производства прекращаются, а выгодныя—умножаются, и это увеличеніе и уменьшеніе совершаются совершенно независимо отъ количества работы, они опредѣляются спросомъ.

Несостоятельность этого предположенія раскрывается вполнѣ, если мы примемъ во вниманіе то начало, которое производитъ уравненіе прибылей, а именно, конкурренцію. У Карла Маркса она является, какъ посторонній факторъ, взявшійся неизвѣстно откуда и измѣняющій всю тщательно построенную имъ систему. Но и тутъ онъ осторожно воздержался отъ изслѣдованія существа конкурренціи и ея способовъ дѣйствія, понятно опять почему: этимъ рушилась былая теорія. Въ дѣйствительности, конкурренція состоитъ въ томъ, что капиталы переносятся туда, гдѣ они могутъ найти наибольшую прибыль; черезъ это предложеніе увеличивается и цѣны падаютъ, совершенно независимо отъ количества положенной на произведеніе работы. Наоборотъ, вслѣдствіе отлива капиталовъ отъ менѣе прибыльныхъ предпріятій, цѣны поднимаются несоразмѣрно съ количествомъ работы, единственно вслѣдствіе того, что предложеніе не уравновѣшиваетъ требованія. Если единственный источникъ прибыли заключается въ излишкѣ положенной въ произведенія работы и отъ суммы работы зависитъ величина излишка (стр. 177, 201 и др.),

то, очевидно, вся цѣль капиталиста будетъ заключаться въ томъ, чтобы имѣть какъ можно болѣе рабочихъ и употребить при этомъ какъ можно менѣе капитала. Всѣ капиталы устремятся туда, гдѣ это отношеніе наиболѣе выгодно. На дѣлѣ, однако, выходитъ совершенно противоположное. Самъ Карлъ Марксъ признаетъ очевидный для всѣхъ фактъ, что все развитіе промышленности основано на громадномъ умноженіи капитала, замѣняющаго работу человѣческихъ рукъ дѣйствіемъ силъ природы (стр. 192, 203 и др.). Производства, требующія значительнаго количества рукъ въ сравненіи съ капиталомъ, суть самые отсталыя и наименѣе производительныя (ч. 2, стр. 292). А если такъ, то количество работы вовсе не является единственнымъ источникомъ прибыли, и говорить о равенствѣ суммы прибылей съ суммою излишка положенной въ произведенія работы можно только при полномъ презрѣніи къ умственнымъ способностямъ читателя.

Признавая въ конкурренціи начало уравнивающее прибыли, Карлъ Марксъ не можетъ не признать и лежащаго въ ея основаніи закона предложенія и требованія; но онъ увѣряетъ, что эти факторы объясняютъ только колебаніе цѣнностей, а не средній, нормальный уровень, ибо, какъ скоро и предложеніе и требованіе покрываютъ собою другое, такъ они перестаютъ дѣйствовать, какъ двѣ противоположныя механическія силы, которыя другъ друга уравновѣшиваютъ (стр. 169, 170; тоже ч. 2, стр. 400). Но это значитъ принимать метафору за реальное отношеніе, пріемъ, къ которому постоянно прибѣгаетъ Карлъ Марксъ за недостаткомъ доказательствъ. Въ дѣйствительности, удовлетвореніе потребности не уничтожаетъ дѣйствія экономическихъ факторовъ, ибо потребность возобновляется постоянно и безпрерывно вызываетъ новое предложеніе. Равновѣсіе означаетъ только, что предложеніе достаточно для удовлетворенія потребности, такъ что не оказывается ни избытка, ни недостатка. При избыткѣ цѣны понижаются, при недостаткѣ онѣ повышаются. Средняя же цѣна даетъ то, что Марксъ называетъ цѣною производства, то-есть, покрытіе издержекъ съ обыкновенною прибылью. Чѣмъ же опредѣляется величина этой прибыли? По теоріи Маркса, отношеніемъ суммы излишка работы къ затраченному капиталу; а такъ какъ, по собственному его признанію, величина затраченнаго капитала постоянно ростетъ въ отношеніи къ количеству работы, то изъ этого онъ выводитъ законъ постояннаго паденія процента прибыли (стр. 191 и

слѣд.). Но если, умножая капиталъ сравнительно съ работою, капиталистъ только уменьшаетъ свою прибыль, то зачѣмъ нужно ему предпринимать такую невыгодную операцію? Выгода можетъ получиться единственно въ томъ случаѣ, если самъ капиталъ является источникомъ прибыли, независимо отъ работы. Въ такомъ случаѣ понятно, что капиталы будутъ умножаться, и это умноженіе, вслѣдствіе конкурренціи, поведетъ къ пониженію прибыли. Это и есть то, что происходитъ въ дѣйствительности. Наоборотъ, процентъ повышается, когда открываются новыя поприща и требованіе на капиталъ увеличивается. Съ своей стороны, заработная плата точно также увеличивается и уменьшается сообразно съ увеличеніемъ и уменьшеніемъ спроса на рабочія руки, а такъ какъ этотъ спросъ опредѣляется количествомъ капитала, ищущаго приложенія, то отъ роста капитала зависитъ все благосостояніе рабочаго класса. Хотя, по теоріи Маркса, рабочій, продавая свою рабочую силу, получаетъ только плату достаточную для ея воспроизведенія, однако, въ виду очевидности, онъ самъ принужденъ признать, что заработная плата доставляетъ рабочему не одни только скудныя средства существованія, но и всѣ тѣ удобства, которыя соотвѣтствуютъ современному уровню. «Истинная цѣнность рабочей силы» говоритъ онъ, «зависитъ не только отъ физическихъ, но и отъ исторически развивающихся общественныхъ потребностей, которыя становятся второю природою» (ч. 2, стр. 395). Именно этотъ уровень потребностей повышается вслѣдствіе историческаго накопленія капитала, которое умножая производство и понижая прибыль, увеличиваетъ заработную плату и доставляетъ рабочему болѣе средствъ для удовлетворенія его нуждъ.

Значеніе прибыли съ капитала всего лучше выясняется въ тѣхъ отрасляхъ, которыя, по теоріи Маркса, не производятъ никакой цѣнности. Такова торговля. Приносимую ею прибыль Марксъ объясняетъ тѣмъ, что, не производя цѣнностей, торговый капиталъ все-таки входитъ въ общій процессъ уравненія, ибо онъ составляетъ отрасль промышленнаго капитала, ту, которая обращена на реализацію произведенной цѣнности (стр. 265, 266). Но уравненіе прибылей можетъ происходить только между отраслями, которыя сами по себѣ приносятъ прибыль; если же отрасль не производитъ никакой цѣнности, то она не можетъ и участвовать въ процессѣ уравненія. Къ

довершенію противорѣчія, Карлъ Марксъ принужденъ признать, что торговая прибыль предшествуетъ капиталистическому производству; исторически это—первая прибыль съ капитала, которая появляется въ экономической области (стр. 271). Какъ же это объяснить? Самъ Марксъ даетъ требуемое объясненіе, исчисляя тѣ выгоды, которыя приноситъ отдѣленіе торговаго капитала отъ промышленнаго: оно сокращаетъ время оборота, расширяетъ рынокъ, даетъ производителю возможность обратить вырученный изъ продажи произведеній капиталъ на новое производство, уменьшаетъ самое количество потребнаго на оборотъ капитала (стр. 259, 264). Но кромѣ пользы, приносимой производству, онъ доставляетъ безчисленныя выгоды потребителю, который получаетъ товаръ въ нужномъ для него количествѣ и качествѣ. Въ этомъ и заключается причина ранняго его появленія, совершенно независимо отъ капиталистическаго производства. За всѣ свои хлопоты и издержки купецъ, очевидно, долженъ быть вознагражденъ; однако вовсе не тѣмъ, что производитель уступаетъ ему часть произведенной рабочими цѣнности, какъ увѣряетъ Марксъ: продавши товаръ купцу, производитель покрылъ свои издержки и получилъ опредѣляемую предложеніемъ и спросомъ прибыль. Надбавка надъ этою цѣной оплачивается потребителемъ, въ вознагражденіе за доставленныя ему купцомъ выгоды. Въ этомъ и состоитъ мѣновая цѣнность товаровъ: по самому существу отношенія это—то, что потребитель готовъ за него дать. Продавецъ, разумѣется, стремится получить какъ можно больше, а покупатель дать какъ можно меньше. Конкурренція уравниваетъ цѣны и понижаетъ ихъ до того уровня, при которомъ и производитель и торговецъ могутъ покрывать свои издержки и получать среднюю прибыль, зависящую отъ количества существующихъ капиталовъ и отношенія ихъ къ потребностямъ промышленности. «Въ конкурренціи», говоритъ Марксъ, «все представляется ложно, то-есть превратно» (стр. 212). Въ дѣйствительности, конкурренція выясняетъ наглядно то, что лежитъ въ самомъ существѣ отношеній. Превратна только теорія, которая замѣняетъ вымыслами то, что есть на самомъ дѣлѣ.

Еще яснѣе высказываются эти отношенія въ различіи процента съ капитала и прибыли предпринимателя. Карлъ Марксъ подробно разбираетъ этотъ вопросъ. Въ противность Прудону и Родбертусу, онъ совершенно вѣрно признаетъ процентъ съ капитала платою за

его употребленіе (стр. 336—9). Но по его теоріи, это употребленіе состоитъ единственно въ возможности обирать рабочихъ (стр. 341), ибо только отсюда получается прибыль. Часть этой прибыли производитель отдаетъ капиталисту, у котораго онъ занялъ деньги, а остальное онъ оставляетъ себѣ. Какая это часть, это, по признанію Маркса, опредѣляется исключительно предложеніемъ и требованіемъ. Здѣсь нѣтъ нормальной цѣны, къ которой тяготѣютъ эти отношенія, а потому взаимнодѣйствіемъ противоположныхъ силъ опредѣляются не одни колебанія, но и самое существо цѣнности (стр. 341). И это опредѣленіе имѣетъ несравненно болѣе устойчивости, нежели уравненіе прибыли. Вслѣдствіе общности и подвижности денежнаго капитала и обширности рынка, на которомъ онъ вращается, тутъ, силою конкурренціи, установляется общій для всѣхъ средній процентъ, извѣстный для каждаго даннаго момента, тогда какъ средняя прибыль получается только путемъ труднаго расчета изъ средней прибыли въ различныхъ отрасляхъ и всегда остается чѣмъ-то туманнымъ (стр. 351—4). Оказывается, слѣдовательно, вопреки изложенной выше теоріи, что предложеніе и требованіе, покрываясь, не уничтожаютъ другъ друга, а приводятъ къ средней цѣнѣ. Оказывается также, что цѣнность употребленія капитала, въ отличіе отъ цѣнности употребленія рабочей силы, а тачже и отъ цѣнности всѣхъ другихъ товаровъ, не опредѣляется исключительно тѣмъ, что нужно для возстановленія капитала въ первоначальномъ видѣ, а даетъ излишекъ, представляющій пользу, приносимую капиталомъ. Результатомъ этого процесса, говоритъ Карлъ Марксъ, является отдѣленіе капитала отъ производства, какъ самостоятельнаго фактора, который самъ собою производитъ свой приростъ. Это—деньги, рождающіе деньги. Этимъ превратный представленіемъ довершается «мистификація» капитала, которымъ является какимъ-то фетишемъ, одареннымъ таинственною силою, подобно скрытымъ качествамъ схоластиковъ (стр. 377, 378, 381, 385).

Въ дѣйствительности, тутъ никакой мистификаціи нѣтъ; она порождается только превратною теоріей автора. Само по себѣ, дѣло ясно, какъ день. Если процентъ съ капитала есть плата за его употребленіе, то-есть, справедливое вознагражденіе за приносимую имъ пользу, то она составляетъ одну изъ необходимыхъ издержекъ производства, которая, наравнѣ съ самою суммою затраченнаго капи-

тала, входитъ въ цѣну произведеній и окончательно оплачивается потребителемъ. Если бы цѣна товара не покрывала издержекъ, въ томъ числѣ и уплаты процента за пользованіе капиталомъ, то предприниматель не сталъ бы производить и занимать для этого деньги. Количество работы, которою можетъ располагать капиталистъ, тутъ ровно не при чемъ. Процентъ за большой капиталъ при маломъ количествѣ рукъ уплачивается, совершенно въ томъ же размѣрѣ, какъ и за малый капиталъ при большомъ количествѣ рукъ. Плата за употребленіе капитала имѣетъ мѣсто даже тамъ, гдѣ вовсе не приводится въ дѣйствіе рабочая сила. Купецъ занимаетъ деньги на покупку товара, который онъ затѣмъ перепродаетъ съ покрытіемъ издержекъ и съ большею или меньшею прибылью. Наемная цѣна дома, которая есть плата за употребленіе стоячаго капитала, имѣетъ совершенно одинакое значеніе, нанимается ли домъ для фабрики, для склада товаровъ или для жилья. Разница состоитъ лишь въ томъ, что когда домъ нанимается для промышленныхъ цѣлей, наемная плата входитъ въ цѣну произведеній, а когда онъ нанимается для собственнаго жилья, она выплачивается изъ дохода. Все это совершенно просто и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Нужно особенное стараніе затемнить вопросъ для того, чтобы въ платѣ за употребленіе вещи видѣть какую-то мистическую силу, рождающую что-нибудь изъ ничего. Когда Карлъ Марксъ производитъ процентъ капитала изъ прибыли, получаемой въ капиталистическомъ производствѣ обираніемъ рабочихъ, онъ противорѣчитъ собственному признанію, что процентъ капитала исторически предшествуетъ капиталистическому производству (стр. 353, 361). Онъ называетъ даже капиталъ, приносящій процентъ, допотопною формою капитала, которая встрѣчается въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ формаціяхъ (22, стр. 132). Но это не мѣшаетъ ему, рядомъ съ этимъ, утверждать, что «только раздѣленіе капиталистовъ на денежныхъ и промышленныхъ превращаетъ часть прибыли въ процентъ, и только конкурренція между этими двумя разрядами капиталистовъ создаетъ высоту процента» (1, стр. 355). Какъ видно, за послѣдовательностью авторъ не гонится.

За вычетомъ процента съ капитала, остальная часть прибыли представляется въ видѣ вознагражденія за трудъ предпринимателя. Онъ самъ является какъ бы работникомъ высшаго разряда (стр.

365—6). Однако, говоритъ Марксъ, и это не болѣе какъ призракъ. Доказательствомъ тому служатъ рабочія товарищества и акціонерныя компаніи, въ которыхъ трудъ веденія предпріятія оплачивается особымъ жалованіемъ, и затѣмъ все-таки остается дивидендъ, представляющій прибыль (стр. 369, 374). Послѣдняя зависитъ исключительно отъ произведеннаго рабочимъ излишка цѣнности, то-есть, отъ степени обиранія рабочихъ (стр. 373). По замѣчанію Маркса, это выдѣленіе жалованія за работу, по веденію дѣла изъ общаго дохода предпріятія установляется вездѣ, гдѣ предпріятіе получаетъ *общественный* характеръ. Онъ увѣряетъ даже, что акціонерныя общества представляютъ отрицаніе капитала, какъ частной собственности, въ предѣлахъ капиталистическаго производства (423). Это—первый шагъ къ полному превращенію капитала въ общественное достояніе.

Не трудно видѣть, что и это все основано на софизмахъ. Въ отличіе отъ вознагражденія за веденіе предпріятія, дивидендъ, съ одной стороны, представляетъ проценты съ капитала, вложеннаго въ предпріятіе, а съ другой стороны, онъ заключаетъ въ себѣ элементъ, о которомъ Карлъ Марксъ осторожно умалчиваетъ, хотя это дѣло очевидное и весьма извѣстное, а именно, рискъ, который всегда падаетъ на собственника. Получающій опредѣленное жалованіе нерѣдко участвуетъ въ выгодахъ предпріятія, но если онъ не акціонеръ, онъ не несетъ убытковъ, которые всѣ терпитъ хозяинъ. Ихъ не несутъ и рабочіе, производящіе такъ называемый излишекъ. А этотъ рискъ составляетъ существенный элементъ всякаго предпріятія, которое подвержено разнаго рода случайностямъ. Чѣмъ обширнѣе предпріятіе, тѣмъ болѣе оно требуетъ знанія условій и соображенія обстоятельствъ. Тутъ необходимы расчетливость, предпріимчивость, энергія, умѣніе собрать вокругъ себя людей и внушать имъ довѣріе— качества, которыя рѣдко встрѣчаются въ человѣкѣ и одни обезпечиваютъ успѣхъ. Иногда одно имя привлекаетъ къ себѣ громадные капиталы и становится источникомъ или крупныхъ барышей или разоренія. Мы видѣли это на примѣрахъ Суэзскаго канала и прорытіи Панамскаго перешейка. Поэтому иниціаторы предпріятія обыкновенно и остаются главными его руководителями. Управленіе текущими дѣлами составляетъ тутъ второстепенный элементъ. Главный источникъ выгодъ и убытковъ заключается въ высшемъ руководствѣ, которое принадлежитъ хозяину. Это прила-

гается и къ акціонернымъ предпріятіямъ, въ которыхъ главнымъ руководителемъ обыкновенно является одно лицо. Видѣть въ нихъ отрицаніе частной собственности можно только закрывши глаза на дѣйствительность и переставши различать понятія. Акціонерныя общества не суть юридическія лица, отличныя отъ членовъ, какъ благотворительныя учрежденія, общины или государства. Каждый акціонеръ есть собственникъ общественнаго капитала, соразмѣрно съ долею своего участія. Акціонерная фирма не только не является отрицаніемъ частной собственности, а напротивъ, разливаетъ частные капиталы въ массахъ, призывая къ участію въ общихъ предпріятіяхъ многое множество лицъ, которыя не имѣютъ ни средствъ, ни возможности заводить предпріятіе на свой собственный счетъ и рискъ. Это—высшее торжество личной инниціативы и самодѣятельности, которыя проявляются здѣсь тѣмъ въ большей степени, что все это совершается путемъ свободы: всякій воленъ входить въ общество и изъ него уходить, и никому не возбраняется затѣвать какія угодно предпріятія на свой собственный страхъ и рискъ. Все это совершенно противоположно бюрократическому управленію, которое дѣйствуетъ путемъ регламентаціи и монополіи, не на свой рискъ, а на общественныя, то-есть чужія деньги. Не видѣть этого коренного различія можно только при полномъ непониманіи характера и свойствъ общественнаго уравненія. Потому нельзя видѣть въ акціонерныхъ обществахъ и синдикатахъ, какъ бы они ни были обширны, переходъ отъ частнаго хозяйства къ государственному. Между тѣмъ и другимъ есть принципіальное различіе: одно есть явленіе личной инниціативы и самодѣятельности, другое есть отрицаніе этихъ началъ. Въ одномъ случаѣ все происходитъ борьбою и соглашеніемъ частныхъ лицъ, въ другомъ принудительнымъ дѣйствіемъ сверху. Тутъ вопросъ идетъ ни болѣе, ни менѣе какъ о существованіи или несуществованіи человѣческой свободы въ области экономической дѣятельности, то-есть, въ отношеніяхъ человѣка къ физической природѣ и въ устройствѣ своего матеріальнаго быта. Рѣшеніе его въ положительную или въ отрицательную сторону ведетъ къ совершенно противоположнымъ формамъ общественнаго быта.

Карлъ Марксъ старается приложить свою теорію и къ поземельной рентѣ; но тутъ уже внутреннія противорѣчія системы выступаютъ во всей своей яркости. Такъ какъ излишекъ цѣнности при-

знается исключительно произведеніемъ труда, то и рента, также какъ и процентъ съ капитала, можетъ получаться только изъ этого излишка, путемъ вымогательства изъ рабочихъ. Рента есть та часть излишка, которую землевладѣлецъ перехватываетъ себѣ въ силу права собственности (стр. 157, 174, 188). Чѣмъ же она опредѣляется? «Высота поземельной ренты (а съ нею цѣнность земли)», говоритъ Марксъ, «развивается въ процессѣ общественнаго развитія, какъ результатъ совокупной общественной работы. Черезъ это увеличивается, съ одной стороны, рынокъ и спросъ на произведенія земли, съ другой стороны непосредственно спросъ на самую землю, какъ конкуррирующее условіе всѣхъ возможныхъ, даже и не земледѣльческихъ отраслей производства. Ближайшимъ образомъ, рента, а съ тѣмъ вмѣстѣ и цѣнность земли, развивается съ рынкомъ для произведеній почвы, слѣдовательно съ ростомъ неземледѣльческаго населенія, его потребностей и его спроса, частью на средства пропитанія, частью на сырые матеріалы» (стр. 177). Этимъ опредѣляется и количество потребной на произведенія работы. «Общественная потребность», говоритъ Марксъ, «т.-е. потребительная цѣнность на общественной степени, является здѣсь опредѣляющимъ началомъ для количества общественнаго совокупнаго рабочаго времени, падающаго на различныя отрасли производства. Но это—тотъ самый законъ, который оказывается и на отдѣльныхъ товарахъ, именно, что ихъ потребительная цѣнность есть предположеніе ихъ мѣновой цѣнности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ихъ цѣнности вообще» (стр. 176).

Такимъ образомъ, въ концѣ изслѣдованія опровергается именно то, на чемъ строилась вся теорія. Точкою отправленія было положеніе, что—для опредѣленія мѣновой цѣнности мы должны отрѣшиться отъ всякой потребительной цѣнности, такъ чтобы не оставалось ни единаго ея атома, а въ концѣ намъ говорятъ, что именно потребительная цѣнность служитъ основаніемъ и опредѣляющимъ началомъ мѣновой цѣнности. Сколько ни трудись рабочій, цѣна произведенія опредѣляется тѣмъ, что потребитель готовъ за него дать. Къ чему же служили три толстыхъ тома, наполненные всевозможными умственными фокусами?

И это, по признанію Маркса, относится ко всѣмъ товарамъ. Отличіе земледѣлія отъ другихъ отраслей заключается лишь въ томъ, что въ промышленности вообще, хотя процентное отношеніе заработной

платы къ затраченному капиталу постоянно уменьшается, однако сумма заработной платы абсолютно ростетъ; въ земледѣліи же, съ развитіемъ производства, сумма заработной платы, которая тратится на одинъ и тотъ же участокъ, уменьшается не только относительно, но и абсолютно, ибо рабочія руки замѣняются машинами, а границы земли не допускаютъ безпредѣльнаго расширенія производства (стр. 177). Но этимъ самымъ опровергается теорія, производящая цѣнность изъ работы, ибо при этомъ предположеніи очевидно, съ уменьшеніемъ работы должны уменьшаться и производимая ею цѣнность, слѣдовательно и рента, которая съ нея получается, а на дѣлѣ, по признанію самого Маркса, выходитъ наоборотъ: съ развитіемъ производства, вслѣдствіе увеличивающагося спроса на произведеніе, рента ростетъ. Противорѣчіе тутъ явное.

Для выясненія проистекающихъ отсюда несообразностей, Карлъ Марксъ изслѣдуетъ различныя формы поземельной ренты. Онъ отличаетъ дифференціальную и абсолютную ренту. Первая, согласно съ теоріею Рикардо, проистекаетъ изъ разности въ качествѣ земель или выгодности положенія. Распространеніе на земледѣліе закона уравненія прибылей ведетъ къ тому, что и здѣсь установляется средняя прибыль на затраченный въ производствѣ капиталъ; но затѣмъ лучшія земли даютъ большій или меньшій избытокъ, который и составляетъ чистый доходъ землевладѣльца, или поземельную ренту. Очевидно, что этотъ избытокъ проистекаетъ не изъ труда, а изъ дѣйствія силъ природы, и это признаетъ самъ Карлъ Марксъ: «избытокъ прибыли», говоритъ онъ, «проистекаетъ не изъ капитала, а изъ примѣненія монополизированной силы природы капиталомъ. При такихъ условіяхъ, избыточная прибыль превращается въ поземельную ренту» (стр. 186). Однако, онъ тутъ же утверждаетъ, что «сила природы не есть источникъ избыточной прибыли, а только естественная ея основа, ибо она составляетъ естественную основу исключительно возвышенной производительной силы работы. Вообще, потребительная цѣнность есть носитель, но не причина мѣновой цѣнности. Таже самая потребительная цѣнность, если бы она могла получаться безъ работы, не имѣла бы мѣновой цѣнности, но сохраняла бы, какъ и прежде, свою естественную полезность, какъ потребительная цѣнность. Но, съ другой стороны, вещь не имѣетъ мѣновой цѣнности безъ потребительной, слѣдовательно безъ такого естественнаго носителя работы» (стр. 187).

Читатель, не довольствующійся словами, приходитъ въ полное недоумѣніе. Онъ спрашиваетъ, въ чемъ заключается различіе между *основаніемъ* и *источникомъ*, между *носителемъ* и *причиной?* На это онъ не находитъ отвѣта. Если подъ именемъ основанія слѣдуетъ разумѣть чисто страдательную опору для совершенно чуждаго ей зданія, то это не прилагается къ силамъ природы, которыя являются дѣятельнымъ началомъ въ производствѣ. Какъ таковое, они въ земледѣліи составляютъ источникъ цѣнности, ибо они производятъ тотъ избытокъ полезныхъ, а потому цѣнныхъ вещей, который служитъ источникомъ поземельной ренты. Если изъ двухъ десятинъ, къ которымъ прилагается одинакое количество труда, одна, вслѣдствіе лучшихъ естественныхъ условій, даетъ 50 пудовъ пшеницы, а другая—100, то этотъ избытокъ, очевидно, произведенъ дѣйствіемъ силъ природы, а съ избыткомъ полезности связанъ и избытокъ цѣнности, ибо произведенная при разныхъ условіяхъ пшеница на рынкѣ продается по одинакой цѣнѣ. Столь же мало можно утверждать, что потребительная цѣнность есть только мертвый носитель, а не дѣйствительная причина мѣновой цѣнности. По собственному приведенному выше признанію Маркса, потребность является опредѣляющимъ началомъ количества работы, а потому и мѣновой цѣнности произведеній. Отъ степени полезности вещи зависитъ то, что потребитель готовъ за нее дать. Самое производство вызывается потребностью; удовлетвореніе ея составляетъ для него цѣль, а потому отрицать значеніе потребительной цѣнности для опредѣленія мѣновой можно только вопреки очевидности. Конечно, есть вещи весьма полезныя и не имѣющія никакой мѣновой цѣнности, но это происходитъ оттого, что тутъ нѣтъ мѣны. Вещи, существующія въ неограниченномъ количествѣ и доступныя всѣмъ, не составляютъ предмета обмѣна. Такого рода аргументами можно развѣ только забавлять дѣтей.

Тутъ оказывается и другое противорѣчіе. По теоріи Маркса, уравненіе прибылей ведетъ къ установленію средней прибыли, опредѣляемой средними условіями производства, соотвѣтствующими нормальному количеству работы; уклоненіе же въ обѣ стороны взаимно восполняются и уравновѣшиваются. Только при этомъ условіи сумма прибылей совпадаетъ съ суммою произведеннаго работою излишка цѣнностей. Между тѣмъ, самъ Марксъ признаетъ, согласно съ теоріею Рикардо и тѣмъ, что есть въ дѣйствительности, что въ земледѣліи

цѣны опредѣляются не средними, а худшими условіями производства (стр. 197), ибо только при достаточной высотѣ цѣны разработка земель, находящихся въ худшихъ условіяхъ, могутъ вознаградить издержки. Стало быть, тутъ не можетъ быть рѣчи ни о восполненіи недостатка избыткомъ, ни о совпаденіи суммы прибылей съ суммою цѣнностей, измѣряемыхъ количествомъ работы. Самыя цѣны опредѣляются здѣсь не количествомъ положенной на произведенія работы, а потребностями населенія: онѣ растутъ съ умноженіемъ населенія.

Тоже самое относится и къ другой формѣ дифференціальной ренты, вытекающей изъ послѣдовательнаго приложенія капитала къ одной и той же землѣ. При интенсивномъ хозяйствѣ, большая затрата капитала даетъ меньшую прибыль и окупается только при высокихъ цѣнахъ на произведенія. Карлъ Марксъ приравниваетъ эту форму къ первой. Но тутъ возникаетъ вопросъ объ отношеніи капитала къ поземельной рентѣ. Послѣдняя является не только платою за дѣйствіе силъ природы, но и процентомъ за положенный въ землю капиталъ. Самъ Карлъ Марксъ признаетъ, что съ развитіемъ производства послѣдній элементъ является преобладающимъ (стр. 215). Но такъ какъ капиталъ здѣсь связанъ съ землею, слѣдовательно, лишенъ всякой подвижности, а прибавленіе новыхъ капиталовъ даетъ меньшую прибыль, то и уравненіе прибылей путемъ конкурренціи здѣсь неприложимо. При повышеніи цѣнъ, прежде положенный капиталъ приноситъ высшій процентъ, который и поступаетъ въ ренту. Конкурренція понижаетъ прибыль только разработкой новыхъ земель и пониженіемъ цѣны перевозки, что и составляетъ обычное явленіе въ современномъ мірѣ. Этимъ уничтожается монопольное значеніе поземельной собственности.

Кромѣ признаваемой всѣми экономистами дифференціальной ренты, Карлъ Марксъ изобрѣлъ еще абсолютную ренту, которая получается съ худшихъ земель. По теоріи Рикардо, обработка земель, находящихся въ худшихъ условіяхъ, даетъ только процентъ съ капитала и вознагражденіе за работу, но не приноситъ ренты; послѣдняя составляетъ излишекъ противъ этихъ двухъ факторовъ. Карлъ Марксъ утверждаетъ, что при капиталистическомъ производствѣ этого быть не можетъ, ибо землевладѣлецъ, въ силу своего монопольнаго права, не дозволитъ обработки своей земли, если онъ съ нея не можетъ получить ренты (стр. 287). Правда, мелкій собственникъ можетъ

самъ обрабатывать худшую землю, довольствуясь вознагражденіемъ за свою работу; но Марксъ увѣряетъ, что обработка земли самимъ собственникомъ на практикѣ является только въ видѣ исключенія. Какъ правило, капиталистическое производство исключаетъ собственную обработку земли (стр. 283). Въ виду повсемѣстнаго распространенія мелкой собственности, и въ Европѣ, и въ Америкѣ, такое утвержденіе представляется довольно смѣлымъ посягательствомъ на истину. Самъ Карлъ Марксъ, при разборѣ различныхъ видовъ поземельнаго владѣнія, не можетъ не признать существованія крестьянской собственности, но онъ старается, по возможности, умалить ея значеніе. По его мнѣнію, она имѣетъ ту специфическую невыгоду, что она порождаетъ иллюзію, будто земля имѣетъ цѣну, независимо отъ труда, положеннаго на ея обработку. Мелкій собственникъ покупаетъ клочокъ земли и воображаетъ, что въ доходѣ съ этой земли онъ получаетъ процентъ съ затраченнаго на покупку ея капитала. Между тѣмъ, капиталъ его только перешелъ въ другія руки и для него пропалъ; самъ же онъ никакой цѣнности не получилъ взамѣнъ, ибо земля, какъ извѣстное пространство почвы, которымъ можно пользоваться, и понятіе цѣнности суть двѣ величины несоизмѣримыя (стр. 312). Все, что онъ пріобрѣлъ, это—возможность работать, не отдавая другому произведеннаго его трудомъ излишка и получая такимъ образомъ поземельную ренту, которая присвоивается землевладѣльцемъ (стр. 342—4). «Затрата денежнаго капитала на покупку земли», говоритъ Марксъ, «не есть вкладъ землевладѣльческаго капитала. Она составляетъ, напротивъ, уменьшеніе капитала, которымъ крестьяне могутъ располагать въ области своего производства. Она уменьшаетъ настолько объемъ ихъ производительныхъ средствъ и суживаетъ поэтому экономическое основаніе воспроизведенія. Она подчиняетъ крестьянина ростовщичеству, ибо въ этой сферѣ настоящій кредитъ рѣдко встрѣчается. Она составляетъ препятствіе земледѣлію, даже когда покупка совершается въ большихъ имѣніяхъ. Она въ дѣйствительности противорѣчитъ капиталистическому производству, для котораго задолженность землевладѣльца, все равно, унаслѣдовалъ ли онъ или купилъ свое имѣніе, совершенно безразлично» (стр. 345).

Итакъ, если я, владѣя капиталомъ, употреблю его на покупку земли, въ виду полученія съ нея дохода, то это не болѣе какъ

иллюзія. На общечеловѣческомъ языкѣ, мѣновою цѣнностью вещи называется то, что за нее даютъ. Такъ какъ земля составляетъ предметъ мѣны и за нее платятъ деньги, то, очевидно, и она имѣетъ цѣнность. Но по теоріи Маркса выходитъ совсѣмъ не то. Не будучи произведеніемъ труда, земля никакой цѣнности не имѣетъ и никто покупать ее не можетъ. Заключивши такую сдѣлку, я только отдалъ свой капиталъ даромъ. Если капиталъ большой, то землевладѣлецъ можетъ еще вознаградить себя обираніемъ рабочихъ, но если крестьянинъ, не подозрѣвая, что земля не имѣетъ цѣны, платитъ за нее деньги, то онъ только урѣзываетъ свои средства и обрекаетъ себя на всякаго рода невзгоды. «Мелкая собственность», говоритъ Марксъ, «порождаетъ стоящій внѣ общества классъ варваровъ, который соединяетъ всю грубость первобытныхъ общественныхъ формъ со всѣми муками и нищетою образованныхъ странъ» (стр. 348). Дѣйствительно, мелкая поземельная собственность радикально противорѣчитъ соціалистическимъ теоріямъ и составляетъ самую сильную противъ нихъ преграду: какъ же не стараться уничтожить ее всѣми мѣрами?

Какъ бы то ни было, надобно знать, какимъ образомъ землевладѣлецъ можетъ получить ренту даже изъ совершенно плохой земли. Карлъ Марксъ объясняетъ это тѣмъ, что земледѣліе есть самое отсталое изъ всѣхъ производствъ. Сравнительно съ обрабатывающею промышленностью, количество рабочихъ рукъ въ отношеніи къ затраченному капиталу весьма велико, а потому и производимая цѣнность, а съ нею и нормальная прибыль, больше обыкновенныхъ; но такъ какъ вслѣдствіе конкурренціи прибыли уравниваются, то цѣна произведеній, опредѣляемая издержками производства съ обыкновеннымъ процентомъ прибыли, всегда ниже истинной ихъ цѣнности, опредѣляемой количествомъ работы. Существованіе поземельной собственности не допускаетъ однако пониженія рыночной цѣны до цѣны производства. Всегда остается разница, которая и составляетъ абсолютную ренту. Она можетъ быть больше или меньше, смотря по требованію на произведенія; но уничтожиться она не можетъ, ибо промышленная прибыль, вслѣдствіе избытка капитала, находящаго здѣсь безграничное приложеніе, всегда ниже земледѣльческой (стр. 291, 296).

Изъ этого прямо слѣдуетъ, что чѣмъ хуже земля, тѣмъ болѣе требуется рукъ для ея обработки, и чѣмъ менѣе въ нее полагается капитала, тѣмъ больше прибыль, а потому тѣмъ выше рента. При

малой производительности работы уменьшается и предложеніе, которое не покрываетъ все возрастающаго спроса на произведенія; слѣдовательно, цѣны должны рости. Такимъ образомъ вся выгода землевладѣльцевъ состоитъ въ томъ, чтобы обрабатывать самыя плохія и неудобныя земли, нанимать для этого какъ можно больше рабочихъ и употреблять какъ можно меньше капитала. При этихъ условіяхъ они будутъ получать наибольшую ренту. Къ такому очевидному абсурду приводитъ эта удивительная теорія. Она служитъ достойнымъ завершеніемъ всей системы.

Въ заключеніе сводятся къ общему итогу результаты всей предыдущей критики. «Вульгарная политическая экономія», по выраженію Карла Маркса, признаетъ три источника дохода: земля даетъ ренту, капиталъ приноситъ процентъ, работа доставляетъ наемную плату. Но такое сопоставленіе, говоритъ онъ, представляетъ чистую безсмыслицу. «Эти три мнимые источника ежегодно производимаго богатства принадлежатъ къ совершенно разнороднымъ сферамъ и не имѣютъ ни малѣйшей аналогіи между собою. Они относятся другъ къ другу, какъ нотаріальныя пошлины, красная рѣпа и музыка» (стр. 349). Земля, какъ явленіе силъ природы, не имѣетъ никакой цѣнности. «Цѣнность есть работа; а потому избытокъ цѣнности не можетъ быть землей». Плодородіе почвы ведетъ лишь къ тому, что извѣстное количество работы, слѣдовательно цѣнности, распространяется на большее количество произведеній. Съ другой стороны, капиталъ есть только извѣстное исторически сложившееся общественное отношеніе, а именно, монополизація средствъ производства небольшою кучкою людей. Представлять это общественное отношеніе источникомъ дохода, т.-е. извѣстной потребительной цѣнности, совершенно нелѣпо, ибо это два несоизмѣримыя понятія. Какъ продуктъ работы, эти средства имѣютъ цѣнность, но сами по себѣ они не въ состояніи прибавить себѣ цѣнности, ибо цѣнность не рождаетъ цѣнности: безсмысленно говорить, что цѣнность имѣетъ болѣе цѣнности, нежели она имѣетъ. Наконецъ, превращеніе работы въ товаръ, имѣющій цѣнность, есть чистое противорѣчіе. Какъ источникъ цѣнности, работа сама цѣнности не имѣетъ; цѣнность имѣетъ не работа, а рабочая сила (стр. 349—353).

Всѣ эти безсмыслицы и несообразности, говоритъ Марксъ, проистекаютъ изъ того, что въ капиталистическомъ производствѣ все

представляется въ превратномъ и какъ бы заколдованномъ видѣ (стр. 362, 366); но надобно только разоблачить эту мистификацію, раскрыть тайну капиталистическаго производства, и тогда все представится совершенно яснымъ. Эта тайна заключается въ томъ, что единственный источникъ цѣнности есть работа, а потому она одна можетъ быть источникомъ дохода. Доходъ капиталиста получается только обираніемъ рабочихъ, присвоеніемъ себѣ части произведенной ими цѣнности, а доходъ землевладѣльца присвоеніемъ себѣ части капиталистической прибыли. Все это происходитъ вслѣдствіе историческаго процесса, разъединяющаго рабочую силу и средства производства, которыя становятся монополіей класса капиталистовъ въ противоположность классу рабочихъ. Эта борьба наполняетъ собою исторію; но окончательно она должна привести къ побѣдѣ рабочаго класса и къ возсоединенію рабочей силы съ средствами производства. Послѣднія должны составлять достояніе всѣхъ и находиться подъ общимъ контролемъ. Въ этомъ только и можетъ состоять свобода въ экономической области, которая, по существу своему, какъ отношеніе человѣка къ силамъ природы, всегда подчиняется законамъ необходимости. Истинное царство свободы начинается только за этими предѣлами (стр. 355).

Карлъ Марксъ откровенно высказываетъ здѣсь то, что тщетно стараются скрыть другіе соціалисты, именно, что соціалистическое производство есть полное отрицаніе человѣческой свободы въ экономической области. Свободная дѣятельность человѣка, которая ведетъ и къ раздѣленію труда, и къ разъединенію капитала и рабочей силы, и къ образованію классовъ, и къ борьбѣ экономическихъ силъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ высшему развитію, представляется только произведеніемъ временнаго историческаго процесса, переходною ступенью, которая должна окончательно уступить мѣсто полному закабаленію лица въ общественную организацію. Нечего распространяться о томъ, что все это не болѣе какъ безобразный вымыселъ, не имѣющій ничего общаго съ дѣйствительностью и не могущій служить идеаломъ для человѣка, сколько-нибудь сознательно относящагося къ условіямъ и задачамъ человѣческой жизни. Свобода не есть преходящее явленіе, а вѣчный элементъ человѣческаго духа, безъ котораго нѣтъ жизни достойной человѣка. И тѣмъ болѣе она развивается, тѣмъ болѣе она охватываетъ всѣ стороны человѣческой дѣятельности. Идеалъ человѣ-

чества можетъ состоять только въ возможно полномъ ея расширеніи, а никакъ не въ порабощеніи лица всеохватывающей общественной организаціи. Къ этому именно идеалу свободы ведетъ исторія, которая представляетъ процессъ не закрѣпленія, а постепеннаго раскрѣпленія человѣка. Древнее рабство замѣняется средневѣковымъ крѣпостнымъ правомъ, а крѣпостное право—общею свободою новаго времени. Послѣдняя одна отвѣчаетъ истинной природѣ и назначенію человѣка, а потому она представляетъ не преходящее только явленіе, а прочное и окончательное пріобрѣтеніе человѣчества. Изъ свободы рождаются и всѣ тѣ экономическія отношенія, которыя характеризуютъ современный порядокъ вещей, и которыя Карлъ Марксъ считаетъ превратнымъ и заколдованнымъ міромъ. Въ силу свободы рабочій продаетъ свой трудъ, какъ товаръ, за договоренную плату. Цѣна его можетъ быть больше или меньше, смотря по обстоятельствамъ, но первое и главное условіе возвышенія заработной платы состоитъ въ возрастаніи капитала, отъ котораго зависитъ все развитіе производства. Послѣдній, накопляясь все болѣе и болѣе и передаваясь отъ поколѣнія поколѣнію, является главнымъ двигателемъ экономическаго прогресса. Онъ составляетъ источникъ того матеріальнаго благосостоянія, которое такъ широко разлито у образованныхъ народовъ. Отъ него зависитъ и постепенное поднятіе рабочаго класса, о которомъ свидѣтельствуютъ явленія современности. Вся экономическая исторія человѣчества есть ничто иное какъ развитіе капитализма, съ самыхъ первыхъ временъ человѣчества и до нашего времени. И это не ведетъ къ сосредоточенію капитала въ немногихъ рукахъ, какъ увѣряетъ Марксъ; напротивъ, капиталъ все болѣе и болѣе развивается въ массахъ. Всего менѣе этотъ процессъ ведетъ къ сосредоточенію капитала въ рукахъ государства. Капиталъ всегда былъ и есть произведеніе свободной дѣятельности человѣка, обращенный на покореніе силъ природы, а потому онъ принадлежитъ отдѣльнымъ лицамъ, которыя думаютъ, чувствуютъ, работаютъ, сберегаютъ, а не обществу, которое представляетъ только фиктивное юридическое лице. То, что Марксу представляется превратнымъ и заколдованнымъ міромъ, есть самая живая дѣйствительность, а то, что онъ ставитъ на ея мѣсто, есть только плодъ туманныхъ фантазій, въ основаніи которыхъ лежитъ чистая безсмыслица.

Послѣдователи Маркса развили изъ его бѣглаго очерка цѣлую си-

стему историческаго или экономическаго матеріализма, который нынѣ составляетъ одинъ изъ ходячихъ взглядовъ на исторію. По этой теоріи, господствующія въ человѣческихъ обществахъ понятія являются лишь отраженіемъ существующаго общественнаго строя; послѣдній же зиждется исключительно на экономическомъ бытѣ, представляющемъ извѣстное отношеніе человѣка къ матеріальному міру. Это отношеніе составляетъ поэтому основное начало историческаго развитія. Также, какъ и матеріальный міръ, къ которому онъ принадлежитъ, экономическій бытъ подчиняется законамъ необходимости, въ силу которыхъ онъ развивается въ трехъ ступеняхъ: первая есть первобытное хозяйство, въ которомъ рабочая сила и средства производства находятся еще въ непосредственномъ единеніи; вторая есть капитализмъ, въ которомъ они разобщены, наконецъ, третья есть соціализмъ, представляющій окончательное ихъ возсоединеніе, но въ высшей формѣ. Вторая ступень есть та, въ которой человѣчество живетъ въ настоящее время; послѣдняя же составляетъ задачу будущаго. Процессъ экономическаго развитія ведетъ къ ней неотразимо.

Конечно, ни одинъ серьезный историкъ не можетъ раздѣлять этихъ взглядовъ, представляющихъ полное извращеніе исторіи. Они могутъ найти себѣ доступъ только среди крайняго невѣжества. Служебный элементъ историческаго развитія признается здѣсь господствующимъ. Владычество человѣка надъ матеріальнымъ міромъ составляетъ, безспорно, условіе высшаго, духовнаго развитія, но послѣднее не имъ опредѣляется, а напротивъ, именно духовное развитіе даетъ человѣку средства покорить природу и сдѣлаться царемъ земли. Развитіе свободы, которое составляетъ существенное содержаніе исторіи, и которымъ опредѣляется самый экономическій бытъ, коренится не въ матеріальныхъ отношеніяхъ, а въ человѣческомъ самосознаніи. На своихъ глазахъ мы могли видѣть, какъ въ Россіи и въ Соединенныхъ Штатахъ гражданскій строй, основанный на рабствѣ, во имя высшихъ нравственныхъ началъ, замѣнился порядкомъ, основаннымъ на свободѣ. Всего менѣе есть поводъ предполагать, что послѣдній, въ свою очередь, замѣнится новымъ, всеохватывающимъ порабощеніемъ человѣка. Такія мечты могутъ блуждать только въ непривычныхъ къ мысли головахъ.

Самъ Карлъ Марксъ, ограничиваясь критикой существующаго эко-

номическаго строя, не представилъ изображенія того порядка вещей, которымъ онъ думалъ его замѣнить. Это пытались сдѣлать французскіе соціалисты, о которыхъ будетъ рѣчь ниже. О нихъ, какъ и обо всѣхъ своихъ соперникахъ, Марксъ отзывался съ величайшимъ презрѣніемъ. Себя одного онъ считалъ основателемъ научнаго соціализма и пророкомъ будущаго. Прудона онъ уже въ раннюю пору своей дѣятельности подвергъ ѣдкой критикѣ [1]), обзывая его мелкимъ мѣщаниномъ, опутаннымъ сѣтью господствующихъ понятій и неспособнымъ разгадать тайну капиталистическаго производства. Въ *Капиталѣ* Марксъ говоритъ о знаменитомъ французскомъ соціалистѣ, что онъ «съ своимъ обычнымъ, величающимъ себя научнымъ шарлатанствомъ, протрубилъ о своемъ безсмысленномъ представленіи, какъ о вновь открытой тайнѣ соціализма» (III, 2, стр. 14). Этотъ отзывъ, еще съ гораздо большимъ основаніемъ, можно приложить къ нему самому. У Прудона, не смотря на всѣ его софизмы, былъ все-таки ясный умъ и недюжинный талантъ; онъ любилъ щеголять парадоксами, но онъ не изобрѣталъ совершенныхъ безсмыслицъ, въ родѣ общественно-необходимаго времени, какъ мѣрила цѣнностей. Можно думать, что именно вслѣдствіе этого его ученіе было менѣе пригодно, какъ орудіе борьбы. Когда сравниваешь тѣ безсмыслицы, которыя лежатъ въ основаніи ученія Маркса, съ тѣмъ значеніемъ, которое придается имъ въ умахъ милліоновъ людей, можно придти въ нѣкоторое изумленіе. Вліяніе Маркса въ современномъ мірѣ представляетъ, можно сказать, самый колоссальный примѣръ человѣческой глупости, какой встрѣчается въ исторіи мысли. Объясняется это тѣмъ, что когда говорятъ страсти, разумъ молчитъ. И тѣмъ болѣе нелѣпость облекается въ туманныя представленія и прикрывается мнимо-научною фразеологіей, въ которой никто не въ состояніи раскрыть настоящаго смысла, тѣмъ легче выдавать ихъ за глубокія истины и тѣмъ съ большею жадностью онѣ воспринимаются умами, не привыкшими связывать понятія. Когда рабочимъ твердятъ, что всѣ матеріальныя блага, которыми пользуется человѣчество, суть ихъ произведеніе, и что они лишены ихъ только благодаря тому, что ихъ всякими обманами и неправдами обираютъ капиталисты, и когда эта

---

[1]) Misère de la philosophie, réponse à la Philosophie de la misère, par M-r Proudhon.

проповѣдь зависти и ненависти опутывается цѣлымъ аппаратомъ учености, въ которомъ они ровно ничего не смыслятъ, то какъ не поддаться такому искушенію? Какъ орудіе борьбы, ученіе Маркса незамѣнимо, и именно по своей полной безсмыслицѣ. Но какъ объяснить тотъ слабый отпоръ, который онъ встрѣчаетъ въ образованныхъ классахъ и даже въ мірѣ ученыхъ? Нельзя не сказать, что въ этомъ обнаруживается то пониженіе общаго умственнаго уровня, которое составляетъ неизбѣжное послѣдствіе господства реализма. Для нынѣшнихъ людей фактъ является рѣшающимъ началомъ, а способность связывать понятія затмѣвается, если не исчезаетъ совершенно. Въ экономической области фактъ тотъ, что массы волнуются и увлекаются ученіемъ Маркса; стало быть, съ этимъ явленіемъ нельзя не считаться и надобно войти съ нимъ въ компромиссъ. И вотъ мы видимъ въ Германіи цѣлую группу ученыхъ, которые Родбертуса и Маркса признаютъ глубокими мыслителями и усвоиваютъ себѣ, если не все ученіе цѣликомъ, то по крайней мѣрѣ значительную часть проповѣдуемыхъ ими началъ. Такое отсутствіе разумной критики свидѣтельствуетъ о весьма невысокомъ уровнѣ современной науки. Нужно много работы, чтобы человѣчество могло выбиться изъ той трясины, въ которой оно застряло благодаря отрицанію раціональныхъ началъ. Здравыя понятія замѣняются утопіями, съ которыми реалистическая наука не въ силахъ бороться. И вотъ мы видимъ, съ одной стороны, сплошныя массы, которыя чистую нелѣпость признаютъ безусловною истиной и во имя ея готовы разрушить весь исторически сложившійся общественный строй, съ другой стороны разобщенную интеллигенцію, лишенную всякой раціональной точки опоры, не знающую за что ухватиться и готовую идти на всевозможныя сдѣлки. Таково положеніе современныхъ европейскихъ обществъ. При такихъ условіяхъ, только внѣшняя сила въ состояніи противостоять напору фанатизированныхъ массъ. Въ этомъ состоитъ объясненіе современнаго милитаризма.

Идеализмъ во Франціи.

Исторія Франціи послѣ революціи 1789 года до революціи 1848 года редставляетъ послѣдовательный рядъ попытокъ сочетать революціонныя начала съ противореволюціонными. Въ этомъ движеніи различаются три рѣзко характеризованныя эпохи: владычество Наполеона I-го, время реставраціи и господство Іюльской монархіи. Въ первую эпоху противоположныя начала соединяются силою власти, во вторую происходитъ борьба закона съ свободою, въ третью являются стремленіе сочетать противоположныя начала въ идеальномъ устройствѣ конституціонной монархіи. Мы видимъ здѣсь повтореніе того самаго закона развитія, который раскрывается намъ и въ общемъ ходѣ исторіи и въ отдѣльныхъ эпохахъ, и въ философской области и въ политической. Вездѣ являются одни и тѣже элементы и тоже послѣдовательное ихъ развитіе. И донынѣ во Франціи мы находимъ четыре главныхъ партіи, представляющихъ четыре начала общежитія: бонапартисты—начало власти, легитимисты—начало закона, либералы, нынѣ республиканцы—свободу, наконецъ, орлеанисты—идеальное сочетаніе противоположныхъ началъ въ конституціонной монархіи.

Сообразно съ этимъ, можно предполагать, что и развитіе идеалистическихъ ученій во Франціи разбивается на четыре главныхъ направленія. Однако тутъ мы встрѣчаемъ пробѣлъ. Владычество Наполеона было неблагопріятно теоретической разработкѣ вопросовъ. Сильный въ практическомъ пониманіи политическихъ задачъ, онъ ненавидѣлъ то, что онъ называлъ идеологіею. Поэтому мы во французской литературѣ не находимъ ученій, соотвѣтствующихъ этому моменту. Здѣсь мы можемъ видѣть, какимъ образомъ общій законъ развитія видоизмѣняется человѣческою свободою. Законъ остается въ

своей силѣ, а остальныя ступени слѣдуютъ своимъ порядкомъ, но тутъ, вмѣсто полноты развитія, является скачекъ.

Если бонапартизмъ не выработалъ систематическаго ученія, то легитимисты, напротивъ, выставили цѣлый рядъ теорій, связывающихъ въ большей или меньшей степени начало законной монархіи съ теократическимъ элементомъ. Такой же рядъ ученій произвела и либеральная школа. Менѣе плодотворны были идеализирующіе орлеанисты, которые обыкновенно обозначаются названіемъ доктринеровъ. И тутъ, практическое обсужденіе вопросовъ, преимущественно въ преніяхъ палатъ, далеко перевѣшиваетъ чисто научную ихъ разработку. Въ замѣнъ того, необыкновенно обильнымъ является пятое направленіе, которое мы назвали утопическимъ идеализмомъ. Практическаго значенія оно не могло имѣть, иначе какъ въ видѣ разрушительной силы, которая, доведя идеализмъ до крайности, привела его къ паденію. Поэтому соціализмъ не характеризуетъ никакой исторической эпохи. Но въ чисто теоретической разработкѣ онъ представляетъ необыкновенное богатство матеріала. Всѣ разнообразныя формы утопіи находятъ своихъ представителей въ французской литературѣ. Здѣсь мы можемъ изучить ихъ вполнѣ.

Итакъ, въ развитіи французскаго идеализма различаются четыре главныхъ школы: легитимисты или клерикалы, либералы, доктринеры и соціалисты.

а. Клерикалы.

1. ДЕ МЕСТРЪ.

Изъ писателей клерикальной школы замѣчательнѣйшій по силѣ ума и таланта былъ графъ Жозефъ де Местръ, родомъ изъ Савойи, долго бывшій сардинскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ. Первое сочиненіе, въ которомъ онъ высказалъ свои взгляды, было *Соображенія о Франціи* (Considérations sur la France), вышедшія въ 1796 году. Онъ хотѣлъ выяснить здѣсь значеніе Французской Революціи въ нравственномъ и политическомъ отношеніи.

Во всемъ мірѣ, говоритъ де Местръ, господствуетъ порядокъ, установленный Провидѣніемъ. Даже тамъ, гдѣ онъ, повидимому, дѣйствуетъ совершенно свободно и уклоняется отъ положенныхъ ему цѣлей, онъ направляется къ нимъ невидимою рукою. То, что намъ кажется безпорядкомъ, входитъ, какъ орудіе, въ намѣренія божества.

Нигдѣ этотъ высшій законъ не обнаруживается такъ ярко, какъ въ эпохи переворотовъ. Здѣсь воля человѣческая превращается въ ничто; событія носятъ на себѣ роковой характеръ, и люди, стоящіе во главѣ, являются не болѣе какъ слѣпыми орудіями, которыя сами не знаютъ, что они дѣлаютъ. Такова именно Французская революція. Она перевернула весь міръ и, повидимому извратила всѣ нравственные законы; но, въ сущности, она является только орудіемъ высшей воли, которая нигдѣ не выражается яснѣе, какъ въ вызванныхъ ею ею событіяхъ [1]).

Въ чемъ же состоитъ истинное значеніе революціи? Это — кара, постигшая Францію за то, что она уклонилась отъ назначеннаго ей пути. Франція въ Европѣ играетъ первенствующую роль. Ея языкъ, ея литература, ея стремленіе къ прозелитизму, все обнаруживаетъ въ ней высшее призваніе — быть провозвѣстницею истинныхъ началъ духовной жизни. И долго Франція оставалась вѣрна своему призванію: она была центръ европейскаго христіанства. Но наконецъ она уклонилась отъ истиннаго пути и употребила во зло свои дары. Ея литература приняла направленіе противное религіи и собственности. Всѣ сословія, и высшія и низшія, приняли участіе въ этомъ движеніи. Наконецъ, оно завершилось величайшимъ изъ всѣхъ преступленій, посягательствомъ на верховную власть, виновникомъ котораго явился весь народъ. За это Францію и постигла божественная кара. Она была предана въ руки шайки злодѣевъ, которые водворяли въ ней самый страшный гнетъ, о какомъ свидѣтельствуетъ исторія. Но эти злодѣи были только орудіями божественнаго правосудія, ибо никогда законная власть не могла бы постигнуть столькихъ виновныхъ. Зачинщики революціи должны были пасть отъ руки своихъ сообщниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ только страшною энергіею террористовъ Франція могла быть спасена отъ внѣшняго раздробленія и сохранена законному королю. Но какъ скоро они совершили свое дѣло, такъ они, въ свою очередь, сложили свои головы на плаху. Вся эта кровавая драма должна была служить огнемъ очищенія и предвѣстіемъ новой жизни. Въ особенности духовенство, очищенное революціею и лишенное свѣтскихъ преимуществъ, явится проповѣдникомъ религіознаго обновленія, центромъ котораго должна быть Франція и которая одна можетъ спасти человѣчество (гл. 2).

---

[1]) Considérations etc. ch. 1. Цитую изданіе 1862 г.

Отъ этихъ нравственныхъ соображеній, которыя, рядомъ съ нѣкоторыми мѣткими чертами, въ сущности представляютъ только общія мѣста, ибо неизвѣстные человѣку планы божественнаго Промысла можно толковать какъ угодно, де Местръ переходитъ къ гораздо болѣе важнымъ соображеніямъ политическимъ. Онъ ставитъ вопросъ: можетъ ли продолжаться Французская Республика? и отвѣчаетъ: нѣтъ, ибо большая республика никогда не существовала. Исторія представляетъ намъ самые различные образы правленія; но такого въ ней не встрѣчается. Слѣдовательно, его нѣтъ въ числѣ возможныхъ шансовъ. Противъ этого возражаютъ, что представительное начало, неизвѣстное древности и установившееся лишь въ новое время, открываетъ эту возможность. Но если мы взглянемъ на представительныя учрежденія въ томъ видѣ, какъ они вытекли изъ феодальнаго порядка и сохранились въ Англіи, то мы увидимъ, что они составляютъ не болѣе какъ представительство извѣстныхъ общинъ извѣстными лицами, по выбору извѣстныхъ людей, въ силу королевскихъ хартій; но чтобы весь народъ былъ представленъ и чтобы всякій гражданинъ могъ давать и получать такого рода полномочія, этого никто никогда не видалъ. Представительство всего народа возможно, но отнюдь не въ силу даннаго имъ полномочія. Ежедневно въ судахъ дѣти, сумасшедшіе и отсутствующіе представляются лицами, назначенными закономъ. Въ народѣ въ высшей степени соединяются всѣ эти качества: онъ всегда ребенокъ, сумасшедшій и отсутствующій; отчего же его опекуны не могутъ обойтись безъ полномочія? Во всякомъ случаѣ, съ введеніемъ представительства народъ теряетъ свое полновластіе. Верховная власть сосредоточивается въ собраніи, и каждый гражданинъ имѣетъ самые малые шансы когда-либо участвовать въ верховныхъ рѣшеніяхъ. Изъ этого уже видно, что слово *большая республика* имѣетъ такой же смыслъ, какъ *квадратный кругъ*. Весь вопросъ заключается въ томъ, что лучше для гражданъ: быть подданными собранія или монарха? вопросъ, на который не трудно дать отвѣтъ (гл. 4).

Нельзя не сказать, что эти соображенія весьма слабы. Изъ того, что до сихъ поръ не было ничего подобнаго, отнюдь не слѣдуетъ, что такого рода устройство невозможно. Уже во времена де Местра былъ передъ глазами примѣръ большой республики, именно Соединенные Штаты. Но онъ устраняетъ это доказательство подъ пред-

логомъ, что Сѣверная Америка такъ еще молода, что объ ней нельзя судить. «Я не знаю ничего болѣе возбуждающаго нетерпѣніе, говорить онъ, какъ эти похвалы, расточаемыя ребенку, обрѣтающемуся еще въ пеленкахъ: дайте ему время вырости» (стр. 56). Еще менѣе удачно доказательство, будто представительное начало устраняетъ народное полновластіе; это — чистый софизмъ. Де Местръ смѣшиваетъ республику съ непосредственною демократіею; но о непосредственной демократіи во Франціи не было и рѣчи.

Что касается до вопроса о возможности существованія уже не республики вообще, а тогдашняго правительства Франціи, то при обсужденіи его де Местръ опять сбивается на чисто нравственныя соображенія. Зло, говоритъ онъ, не имѣетъ ничего общаго съ бытіемъ; оно не можетъ ничего создать, ибо сила его чисто отрицательная. Характеристическій же признакъ Французской Революціи, признакъ, который дѣлаетъ ее единственнымъ событіемъ въ исторіи, это — то, что она насквозь проникнута зломъ. Въ ней нѣтъ ни единой доброй черты; это—чистый и голый развратъ. Какимъ же образомъ возможно вѣрить въ свободу, которая порождается гнилью (стр. 60—63)?

Во Французской Революціи есть даже нѣчто *сатанинское*; существенное ея стремленіе идетъ къ отрицанію религіи. Но именно поэтому она обречена на безплодіе. Прочно только то, что покоится на божественномъ началѣ. Когда человѣкъ ставитъ себя въ отношеніе къ Творцу и дѣлаетъ что-либо во имя Божіе, дѣяніе его всегда прочно, какъ бы ни былъ ничтоженъ онъ самъ. Но самые могучіе владыки не въ состояніи установить даже праздникъ, когда они надѣятся только на собственныя силы. Въ настоящее время враги Христа имѣютъ въ своихъ рукахъ всѣ земныя средства; но вся ихъ злоба послужитъ только къ большему очищенію и возвеличенію религіи. Поэтому, современныя испытанія могутъ служить ей пробнымъ камнемъ (ch. 5).

Въ рядѣ положеній де Местръ высказываетъ свой взглядъ на божественное начало, лежащее въ основаніи политическихъ учрежденій. Человѣкъ, говоритъ онъ, можетъ все видоизмѣнять въ области своей дѣятельности; но онъ не создаетъ ничего. Какимъ же образомъ могъ онъ вообразить себѣ, что онъ въ состояніи создать конституцію? Всѣ конституціи въ мірѣ произошли двумя путями: или онѣ выросли изъ незамѣтныхъ зачатковъ, или онѣ являются какъ бы созданіемъ од-

ного человѣка, которому всѣ инстинктивно повинуются. Во всякомъ случаѣ, тутъ дѣйствуетъ не человѣческая воля, а обстоятельства, которыхъ человѣкъ является только орудіемъ. Но никогда никакая конституція не была плодомъ преднамѣреннаго обсужденія. Письменные документы утверждаютъ только уже существовавшія прежде нихъ права, да и тѣ записываютъ только самую малую часть того, что существуетъ на дѣлѣ. Во всякой конституціи есть нѣчто такое, что не можетъ быть записано. Исторія показываетъ, что если права народа нерѣдко проистекаютъ отъ уступокъ со стороны государей, то права самихъ государей, а также и аристократіи, не имѣютъ ни начала, ни учредителей. И самыя уступки государей всегда вытекали изъ положенія вещей, которое дѣлало ихъ необходимыми.

Поэтому никакой народъ не можетъ дать себѣ свободы, если онъ ея не имѣетъ. Въ исторіи не было свободнаго народа, который бы не имѣлъ въ своей конституціи зачатковъ свободы, столь же древнихъ, какъ онъ самъ. Писанные законы только развиваютъ то, что уже лежитъ въ естественномъ устройствѣ народной жизни. Самые законодатели, которые являются какъ бы возвѣстниками воли божества, ограничиваются тѣмъ, что они собираютъ элементы, уже существующіе въ обычаяхъ и въ характерѣ народа. Когда Провидѣніе хочетъ болѣе быстраго возрастанія конституціи, оно посылаетъ такого рода людей, которые всегда носятъ на себѣ печать своего призванія. Они или цари или благородные; люди-практики, а не теоретики. Они возвѣщаютъ высшую волю и соединяютъ религію съ политикою. Они повелѣваютъ, и всѣ имъ безпрекословно повинуются. Но такого рода явленія принадлежатъ младенческому состоянію обществъ. Воображать же, что собраніе выборныхъ законодателей можетъ дать устроеніе народу, это такое безуміе, что всѣ сумасшедшіе дома въ мірѣ никогда не представляли ничего болѣе нелѣпаго. А это именно то, что мы видимъ въ новѣйшихъ французскихъ конституціяхъ. Истинныя начала законодательства перевернуты въ нихъ вверхъ дномъ. Задачу всякой конституціи можно формулировать слѣдующимъ образомъ: будучи даны народонаселеніе, нравы, религія, географическое положеніе, политическія отношенія, богатство, добрыя и дурныя качества извѣстнаго народа, найти приходящіеся ему законы. Но во французскихъ конституціяхъ обо всемъ этомъ нѣтъ рѣчи. Онѣ учреждаются не для извѣстнаго народа, а для *человѣка* вообще. Между тѣмъ,

человѣкъ вообще не существуетъ. Есть Французы, Итальянцы, Русскіе, но никто никогда не видитъ человѣка. Такимъ образомъ, все соединяется для доказательства, что божественное начало не лежитъ на этомъ произведеніи. Это не болѣе какъ *тема* (ch. 6).

Де Местръ и тутъ старается устранить ссылку на Соединенные Штаты. Онъ утверждаетъ, что все, что въ ихъ конституціи есть прочнаго, унаслѣдовано отъ предковъ, а все, что въ учрежденіяхъ ново и что проистекло изъ общаго совѣщанія, обречено на вѣрную погибель. Такъ, чтобы имѣть столицу, рѣшили построить новый городъ, въ самомъ выгодномъ мѣстѣ, по заранѣе начертанному плану. «Можно биться объ закладъ тысячу противъ одного, говоритъ де Местръ, что этотъ городъ не будетъ построенъ, или, что онъ не будетъ называться Вашингтонъ, или что конгрессъ не будетъ въ немъ засѣдать (гл. 7, стр. 103—104). Извѣстно, что дѣйствительность не подтвердила этихъ предсказаній.

Изъ всего этого де Местръ выводитъ, что единственный разумный путь для Французовъ состоитъ въ возвращеніи къ старинной ихъ конституціи, которая заключала въ себѣ достаточно и даже, можетъ быть, болѣе нежели достаточно правъ для народа слишкомъ благороднаго, чтобы быть рабомъ, и слишкомъ нетерпѣливаго, чтобы быть свободнымъ. Если же они не сумѣютъ пользоваться своими основными законами, то это было бы доказательствомъ, или что они не созданы для свободы, или что они безвозвратно испорчены. Французы на̀ слово повѣрили Англичанамъ, которые убѣдили ихъ, что они находятся въ рабствѣ; но сами Англичане, сдѣлавши у себя революцію, не уничтожили всего прежняго порядка вещей, а напротивъ, воспользовались имъ для своего объявленія правъ. Въ сущности, нѣтъ въ Европѣ христіанскаго народа, который не былъ бы свободенъ, и достаточно свободенъ. Свобода—не абсолютное начало; народы получаютъ ее въ большей или меньшей степени, смотря по потребностямъ. А такъ какъ потребности измѣняются, то и конституціи измѣнчивы, и измѣнчивы сообразно съ тою долею свободы, которую онѣ въ себѣ содержатъ. Французы хотѣли превзойти человѣческія силы; но эти безумныя попытки могутъ повести ихъ только къ рабству. Для того чтобы имѣть ту долю свободы, которая имъ приходится, и чтобы снова сдѣлаться честью и украшеніемъ Европы, имъ стоитъ только осмотрѣться и воспользоваться тѣмъ, что у нихъ есть и что имъ дала исторія (стр.

105—116). «Во имя Бога Всевышняго и Всеблагаго, вслѣдъ за людьми, которыхъ Онъ любитъ и вдохновляетъ, и подъ вліяніемъ Его творческой силы, восклицаетъ де Местръ, вы возвратитесь къ вашей старинной конституціи, и получите отъ короля единственную вещь, которую вы должны разумно желать, — свободу черезъ посредство монарха» (стр. 146). Французы дѣйствительно получили свободу черезъ посредство законнаго монарха, но не съ возвращеніемъ къ стариннымъ учрежденіямъ, а на новыхъ началахъ. Если бы де Местръ жилъ въ наше время, онъ въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ увидѣлъ бы причину непрочности хартіи 1814 года.

Свой взглядъ на божественное происхожденіе политическихъ учрежденій де Местръ развилъ съ большею подробностью въ другомъ сочиненіи, написанномъ въ 1809 году, но напечатанномъ только въ 1814 году подъ заглавіемъ: *Опытъ о производящемъ началѣ политическихъ конституцій и другихъ человѣческихъ учрежденій* (Essai sur le principe générateur des constitutions politiques et des autres institutions humaines, St.-Pétersbourg, 1814). Нельзя однако же сказать, что тутъ прибавилось много новыхъ доводовъ. Де Местръ утверждаетъ, что существо основного закона состоитъ въ томъ, что никто не имѣетъ права его отмѣнить. Это одно даетъ ему характеръ святости и неприкосновенности. Но по этому самому онъ не можетъ быть установленъ кѣмъ бы то ни было, ибо кто имѣетъ право установлять, тотъ имѣетъ и право отмѣнять. Законъ не можетъ стоять *надъ* всѣми, если онъ установленъ согласіемъ всѣхъ. Общее соглашеніе можетъ произвести только уставъ, а не законъ. Послѣдній всегда предполагаетъ высшую волю, которая требуетъ повиновенія. На этомъ основана самая сила человѣческихъ соглашеній. И нравственныя и политическія обязанности имѣютъ своимъ источникомъ власть, стоящую выше человѣка, ибо она одна способна связать его совѣсть. Поэтому здравый смыслъ всѣхъ народовъ всегда признавалъ или что власть исходитъ отъ Бога, или что есть неписанные законы, отъ него истекающіе (стр. 1—4).

Мы встрѣчаемъ здѣсь давно извѣстное намъ положеніе, что обязательная сила закона основана на волѣ высшей власти, положеніе, давно опровергнутое уже полемикою Лейбница противъ Кокцейя. Такъ какъ въ естественномъ законѣ божественная воля раскрывается намъ только черезъ посредство разума, то очевидно, что обязательная сила

закона основана на убѣжденіи разума. Еще болѣе это относится къ законамъ политическимъ. Здѣсь непосредственно дѣйствуетъ не божественная, а человѣческая воля, отъ которой поэтому и зависитъ всякій положительный законъ. Положеніе, что законъ долженъ стоять *надъ* всѣми, означаетъ только, что воля отдѣльныхъ лицъ должна подчиняться волѣ цѣлаго. Политическихъ же законовъ неподвижныхъ и неизмѣнныхъ, которыхъ никто не въ правѣ отмѣнить, въ дѣйствительности не существуетъ. Это—ни на чемъ не основанная фантазія. «Человѣкъ, говоритъ де Местръ, не можетъ сдѣлать государя; онъ можетъ служить развѣ только орудіемъ для того, чтобы лишать власти государя и передать его владѣніе другому, который уже самъ по себѣ князь» (Préface, стр. 7). Но, 1) исторія представляетъ не одинъ примѣръ государей, сдѣлавшихся таковыми въ силу человѣческой воли: князей, непосредственно установленныхъ Богомъ, мы даже вовсе не знаемъ. 2) Если человѣкъ можетъ одного государя лишить власти и передать ее другому, то это есть уже распоряженіе властью. Де Местръ утверждаетъ, что человѣкъ является здѣсь только орудіемъ Бога: обстоятельства тутъ все, а воля человѣческая ничто. Въ извѣстномъ смыслѣ, конечно, человѣкъ всегда и во всемъ является орудіемъ Бога; но Богъ вмѣшивается въ человѣческія дѣла не иначе какъ черезъ посредство человѣческой воли. Слѣдовательно, послѣдняя представляется ближайшею причиною политическихъ событій, и это одна причина, которую мы можемъ изслѣдовать и которая намъ доступна. Если человѣкъ есть свободное существо, какъ признаетъ и де Местръ, а не слѣпое орудіе физическихъ законовъ, то онъ самъ является творцомъ своей исторіи. Признавать же, съ одной стороны, свободу человѣка, а съ другой стороны видѣть въ немъ простое орудіе, безсознательно исполняющее неизвѣстную ему волю, это—прямое противорѣчіе.

Въ разсужденіяхъ де Местра справедливо все то, что онъ говоритъ противъ чисто умозрительныхъ конституцій, писанныхъ не для извѣстнаго мѣста, времени и народа, а для человѣка вообще. Можно согласиться съ нимъ, что конституція есть произведеніе обстоятельствъ, и что число этихъ обстоятельствъ безконечно (Essai, XII, стр. 17); но нельзя согласиться съ тѣмъ, что человѣческая воля вовсе не участвуетъ въ произведеніи этихъ обстоятельствъ. Де Местръ утверждаетъ, что основные законы, вытекающіе изъ всей исторіи народа,

должны быть призваны или произведеніемъ слѣпаго случая, или установленіемъ высшей, божественной воли (Essai, XI, стр. 16, 18—19). Но есть еще нѣчто третье, а именно: эти законы могутъ быть произведеніемъ человѣческой воли, въ преемственномъ ея движеніи. Совокупность обстоятельствъ, составляющихъ исторію народа, не создаются однимъ лицомъ или одновременнымъ соглашеніемъ всѣхъ, но образуются мало-по-малу преемственною волею поколѣній, дѣйствующихъ на историческомъ поприщѣ. Когда человѣкъ хочетъ внезапно оторваться отъ этой преемственной нити и сочинить нѣчто совершенно чуждое исторической жизни народа, произведеніе его обыкновенно является шаткимъ; воля его, въ этомъ смыслѣ, связана, но она связана тѣмъ, что создано волею предшествующихъ поколѣній, а не божественною волею, которая нигдѣ непосредственно не высказывается. И самая эта зависимость отнюдь не безусловная: то, что создано человѣкомъ, измѣняется человѣкомъ, не внезапно, а опять же постепенно. Новыя мнѣнія и потребности порождаютъ и новыя учрежденія. Поэтому всего менѣе можно согласиться съ де Местромъ, когда онъ говоритъ, что всякій конституціонный законъ представляетъ только развитіе или освященіе искони существующихъ въ народѣ правъ (Essai, IX, стр. 13; ср. Préface, стр. V). Народный духъ не связанъ на вѣки извѣстными формами, онъ проходитъ черезъ различныя ступени развитія и сообразно съ этимъ измѣняетъ и самую свою жизнь. Воззрѣніе де Местра ничто иное какъ преувеличеніе историческаго начала. Онъ понимаетъ исторію не какъ проявленіе человѣческаго духа черезъ посредство человѣческой воли, а какъ извнѣ наложенный непремѣнный законъ, котораго человѣкъ является только слѣпымъ исполнителемъ.

Точно также преувеличено то, что де Местръ говоритъ противъ писанныхъ конституцій. Нѣтъ сомнѣнія, что признакъ глупости—воображать, что «законы ничто иное какъ бумага, и что можно чернилами устроить народы» (Essai, XXI, стр. 33). Де Местръ справедливо смѣется надъ Томасомъ Пэномъ за то, что послѣдній признавалъ только тѣ конституціи, которыя можно носить въ карманѣ. Онъ указываетъ на англійскую конституцію, въ которой большая часть положеній не писаны, и мѣтко замѣчаетъ: «истинную англійскую конституцію составляетъ этотъ общественный духъ, удивительный, единственный, непогрѣшимый, стоящій выше всякой похвалы, этотъ духъ,

который всѣмъ движетъ, все сохраняетъ и все спасаетъ» (VII, стр. 10). Но онъ впадаетъ въ противоположную крайность, когда онъ прибавляетъ: «то, что писано, ничего не значитъ», или когда онъ утверждаетъ, что «законная конституція не можетъ быть писанная» (XXVIII, стр. 44). Справедливо, что обычаи, неизмѣнно сохраняющіеся въ народномъ духѣ и не нуждающіеся въ письмѣ, прочнѣе писанныхъ законовъ; справедливо и то, что законы записываются именно вслѣдствіе того, что они подвергаются нападкамъ и колебаніямъ (XVII, стр. 24—25, 33); но политическія учрежденія отнюдь не имѣютъ свойства вѣчности: они, по существу своему, подвержены нападкамъ и колебаніямъ, ибо во всякомъ прогрессивномъ обществѣ они являются какъ результатъ борьбы разнообразныхъ и противоположныхъ другъ другу мнѣній и интересовъ. Въ законахъ записывается этотъ результатъ именно съ тѣмъ, чтобы онъ стоялъ выше всякихъ частныхъ мнѣній. Письмо не дѣлаетъ постановленіе болѣе шаткимъ, а напротивъ даетъ ему прочность. Самъ де Местръ принужденъ признать явное исключеніе установленному имъ правилу, а именно законодательство Моисея. Онъ въ этомъ видитъ признакъ ея божественнаго происхожденія (стр. 45—46). Но если божественное законодательство нуждалось въ письмѣ и сохранялось неизмѣннымъ въ теченіе вѣковъ, несмотря на то, что оно было писанное, то почему это отрицается относительно человѣческаго? Все, что можно сказать противъ послѣдняго, точно также можетъ быть обращено и противъ перваго.

Такимъ образомъ, по мнѣнію де Местра, всякая конституція божественна въ своемъ началѣ. Самъ человѣкъ не можетъ сочинить конституцію, также какъ онъ не можетъ сочинить языкъ. Религія составляетъ истинное основаніе всѣхъ человѣческихъ учрежденій. Не только политическій бытъ, но и просвѣщеніе, воспитаніе, наука, все это покоится на твердомъ основаніи только тогда, когда оно зиждется на религіи (XXX, стр. 46—8; XXXI, стр. 51; XXXVII, стр. 58—59). Безъ помощи Божьей человѣкъ не можетъ не только создать, но и измѣнить что-либо къ лучшему. Отсюда отвращеніе всѣхъ здоровыхъ умовъ отъ нововведеній. Слово *преобразованіе*, въ себѣ самомъ и прежде всякаго разбора, всегда будетъ подозрительно для мудрыхъ, и опытъ всѣхъ вѣковъ оправдываетъ этотъ инстинктъ. Тѣ, которые думаютъ искоренять злоупотребленія, не видятъ, что зло-

употребленія связаны, какъ необходимая составная часть, со всякими учрежденіями, также какъ диссонансъ необходимъ въ музыкѣ. Недостатокъ есть элементъ возможнаго совершенства. Изъ самыхъ злоупотребленій рождается лѣкарство, тогда какъ мнимыя исправленія, которыя придумываетъ человѣкъ, обыкновенно только увеличиваютъ зло (XI—XIV, стр. 62—73).

Вся исторія, по мнѣнію де Местра, подтверждаетъ эти правила. Но суетная мудрость нашего вѣка проповѣдуетъ совершенно иное. Человѣкъ, который не можетъ создать даже насѣкомаго или былинки, вообразилъ себѣ, что онъ—источникъ верховной власти, важнѣйшей и священнѣйшей вещи въ нравственномъ и политическомъ мірѣ. Онъ думаетъ, что, напримѣръ, извѣстный родъ царствуетъ волею народа, тогда какъ все доказываетъ, что всякій владѣтельный родъ царствуетъ потому, что онъ избранъ высшею властью. Точно также человѣкъ вообразилъ себѣ, что онъ можетъ создать народное единство и изобрѣсти или заимствовать у другихъ сосѣдой тѣ или другія учрежденія (XLVII, стр. 75—77). Онъ отвернулся отъ Бога и захотѣлъ все дѣлать самъ. Но Богъ наказалъ это безуміе, также какъ Онъ создалъ свѣтъ, единымъ словомъ. Онъ сказалъ: дѣлайте! и весь политическій міръ рушился (LXVI, стр. 105—106).

Очевидно, что такой взглядъ обрекаетъ человѣчество на вѣчную неподвижность. Все, что можетъ придумать человѣческій умъ или сдѣлать человѣческая воля, объявляется посягательствомъ на высшіе законы, управляющіе вселенною. Человѣкъ долженъ трепетать при всякомъ измѣненіи установленнаго порядка. Онъ долженъ покорно ожидать, чтобы независимыя отъ его воли событія влекли его въ ту или другую сторону. Данныя ему Богомъ духовныя силы должны оставаться безплодными. Онъ превращается въ слѣпое орудіе власти, которая однако остается отъ него скрытою. Неподвижность, покорность и мракъ, таковы существенныя черты того порядка, который проповѣдуетъ де Местръ. Такой порядокъ приличенъ только теократіи, а никакъ не свѣтскому государству.

Немудрено послѣ этого, что де Местръ съ любовью обращается къ средневѣковому идеалу и ставитъ церковь верховною рѣшительницею судебъ народовъ. Этотъ взглядъ онъ развилъ въ сочиненіи *О Папѣ* (Du Pape), вышедшемъ въ 1819 году.

Прежде всего, онъ доказываетъ, что папа есть верховный, непо-

грѣшимый глава христіанскаго міра. Доказательство приводится не богословское, а чисто раціональное. По мнѣнію де Местра, *непогрѣшимость* въ духовной области и *полновластіе* въ свѣтской — два понятія тожественныя. Оба выражають ту верховную власть, отъ которой проистекаютъ всѣ остальныя, которая управляетъ, а не управляется, судитъ, а не судится. Во всякомъ обществѣ такая абсолютная власть необходима, ибо необходимо управленіе; она существуетъ въ республикахъ, точно также какъ и въ монархіяхъ. Вездѣ есть послѣдняя инстанція, на которую нѣтъ апелляціи. Если правительству можно сопротивляться подъ предлогомъ ошибки или несправедливости, то правительство исчезаетъ. Поэтому церковь, провозглашая непогрѣшимость папы, не требуетъ для себя ничего особеннаго. Составляя единое общество, церковь нуждается въ единомъ правительствѣ; иначе въ ней не было бы связи, и она не составляла бы цѣльнаго тѣла. Это правительство должно имѣть монархическую форму, ибо иначе нѣтъ возможности управлять всемірнымъ союзомъ. По существу своему, оно должно быть верховное, слѣдовательно, абсолютное. Какъ же скоро оно признается абсолютнымъ, такъ оно должно считаться непогрѣшимымъ, ибо на практикѣ совершенно все равно, не подлежать ошибкѣ или не подлежать обвиненію въ ошибкѣ. Такимъ образомъ, непогрѣшимость папы вытекаетъ изъ самой природы вещей и вовсе не нуждается въ богословскихъ доказательствахъ [1]).

Таковъ доводъ де Местра. Смѣшеніе понятій тутъ очевидно. Прежде всего, церковь приравнивается къ государству, между тѣмъ какъ эти два союза вовсе не сходные. Государство связывается общими интересами, которые требуютъ общаго управленія, церковь общею вѣрою, которая въ общемъ управленіи не нуждается, ибо вѣра есть дѣло убѣжденія и совѣсти. Церковное единство зиждется на единомысліи вѣры, а отнюдь не на правительствѣ, которое въ разныхъ мѣстахъ можетъ быть разное. Связь тутъ внутренняя, духовная, а не внѣшняя. Поэтому и свойства власти въ обоихъ союзахъ совершенно различны: государственная власть дѣйствуетъ принудительными мѣрами, церковная—единственно силою убѣжденія. Верховность первой состоитъ въ томъ, что никто не въ правѣ ей сопротивляться,

---

[1]) Du Pape, Livre I, ch. 1. Цитую 18-е изданіе 1862 г.

но это отнюдь не означаетъ, что дѣйствія ея не подлежатъ критикѣ. Во всѣхъ свободныхъ государствахъ гражданинъ повинуется закону, но всегда въ правѣ высказать свое мнѣніе, если онъ считаетъ законъ несправедливымъ или вреднымъ. Въ церковномъ союзѣ, напротивъ, о сопротивленіи не можетъ быть рѣчи, ибо, въ силу свободы совѣсти, повинуется только тотъ, кто хочетъ повиноваться. Весь вопросъ заключается здѣсь въ томъ, насколько вѣрующій долженъ признавать за непреложную истину утвержденное церковною властью положеніе. Увѣреніе де Местра, что на практикѣ все равно, не подлежать ошибкѣ и не подлежать обвиненію въ ошибкѣ,—ничто иное, какъ чудовищный софизмъ. Верховная власть государства ограничиваетъ внѣшнія дѣйствія человѣка, непогрѣшимость церковной власти связываетъ его мысль и совѣсть.

Это смѣшеніе теоретической области и практической приводитъ де Местра къ совершенно невѣроятнымъ положеніямъ. Онъ признаетъ, какъ и всѣ, что непогрѣшимость папы и церкви относится исключительно къ догматамъ, «такъ что на счетъ всего, что дѣйствительно интересуетъ патріотизмъ, привязанности, привычки, однимъ словомъ, народную гордость, народамъ нечего бояться непогрѣшимости, которая прилагается только къ предметамъ высшаго разряда». Но именно относительно догматовъ, говоритъ де Местръ, нѣтъ никакого интереса подвергать сомнѣнію непогрѣшимость папы. Если представляется одинъ изъ тѣхъ вопросовъ божественной метафизики, которые необходимо подлежатъ рѣшенію верховнаго судилища, то интересъ нашъ заключается не въ томъ, чтобы онъ былъ рѣшенъ тѣмъ или другимъ способомъ, а въ томъ, чтобы онъ былъ рѣшенъ безъ промедленія и безъ апелляціи» (L. I, ch. XIX, стр. 145—146). «Что вѣрующіе могутъ спорить о непогрѣшимости», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ равнодушнымъ, «это я знаю, ибо вижу; но чтобы государственный человѣкъ могъ точно также спорить объ этомъ великомъ преимуществѣ, этого я никогда не пойму. Какимъ образомъ, если онъ признаетъ, что въ странѣ господствуетъ общественное мнѣніе, не будетъ онъ искать способовъ утвердить это мнѣніе? Какимъ образомъ не изберетъ онъ самаго быстраго средства, чтобы помѣшать ему бродить на обумъ?.. Чтобы сберечь двѣ самыя драгоцѣнныя вещи въ мірѣ, время и деньги, поспѣшите написать въ Римъ, чтобы получить оттуда *законное* рѣшеніе, которое оста-

вить сомнѣніе *незаконнымъ*: это все что вамъ нужно; политика не требуетъ большаго (ch. XVII, стр. 139).

И такъ, прямой интересъ и государственныхъ людей и народовъ состоитъ въ томъ, чтобы вопросы богословской метафизики разрѣшались какъ-нибудь, лишь бы это дѣлалось поскорѣе! Объ истинѣ, о правахъ мысли и совѣсти тутъ нѣтъ уже рѣчи, все дѣло въ томъ, чтобы найти самое лучшее практическое средство подавить безпокойное броженіе умовъ. Сомнѣніе обществу воспрещается; люди должны слѣпо вѣрить поставленнымъ Богомъ руководителямъ. Въ этой мысли соединяются и церковь и государство, которыя заимствуютъ другъ у друга свои орудія для совокупной цѣли.

Замѣтимъ, что это ограниченіе непогрѣшимости одними вопросами богословской метафизики противорѣчитъ тому понятію и верховной власти, на которомъ де Местръ хочетъ основать непогрѣшимость. Въ человѣческихъ обществахъ, верховное рѣшеніе требуется именно для практическихъ вопросовъ. Никакой государь въ мірѣ не присвоиваетъ себѣ права рѣшать безъ апелляціи теоретическіе споры. Если же въ практическихъ вопросахъ папская власть можетъ быть ограничена, то почему же не въ остальныхъ?

Самъ де Местръ, въ противорѣчіе съ своею теоріею, принужденъ признать границы папскаго полновластія; но эти границы оказываются у него мнимыми. Онъ отвергаетъ всякій авторитетъ соборовъ независимо отъ папы (Liv. 2, 3). Онъ утверждаетъ даже, что единства нѣтъ, и что видимая церковь исчезаетъ, какъ скоро епископы, собранные безъ папы, признаютъ себя церковью и присвоиваютъ себѣ иную власть, кромѣ опредѣленія въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, лица папы (гл. XIII, стр. 100). Тѣмъ не менѣе, онъ не хочетъ допустить мысли, что папская власть совершенно произвольна. «Изъ того, что папская власть есть верховная, говоритъ онъ, не слѣдуетъ, что она стоитъ выше законовъ и что она можетъ ими играть». Но чрезвычайныя обстоятельства всегда могутъ оправдать отмѣны, исключеніе, уклоненіе. «Ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не можетъ оспаривать у какой бы то ни было верховной власти право издавать законы, исполнять ихъ, отмѣнять и дѣлать изъятія, *когда это требуется обстоятельствами*, а такъ какъ ни одна верховная власть не приписываетъ себѣ права пользоваться этимъ преимуществомъ *внѣ этихъ обстоятельствъ*, то спрашивается: *объ*

чемъ же спорить?» (стр. 989—9). Вопросъ состоитъ въ томъ: кто судья этихъ обстоятельствъ? Если одинъ папа, то онъ не связанъ никакими законами; власть его стоитъ выше всякаго закона, ибо онѣ можетъ располагать ею по усмотрѣнію. А къ этому именно приводитъ теорія де Местра. Поэтому, когда онъ отрекается отъ прямыхъ выводовъ изъ собственныхъ положеній, то въ этомъ можно видѣть только непослѣдовательную уступку господствующимъ убѣжденіямъ. «Когда мнѣ поставятъ вопросъ: что удержитъ папу?» говоритъ онъ, «я отвѣчу: *все*, каноны, законы, обычаи народовъ, верховныя власти, великія судилища, представленія, переговоры, обязанность, страхъ, осторожность и, прежде всего, мнѣніе, царица міра. Поэтому, пусть не говорятъ мнѣ, что *я* хочу, *слѣдовательно*, сдѣлать изъ папы всемірнаго монарха. Конечно, я не хочу ничего подобнаго... Всѣ власти въ мірѣ ограничиваютъ другъ друга, взаимнымъ сопротивленіемъ: Богъ не хотѣлъ установить на землѣ большаго совершенства» (L. I, XVIII, стр. 144). Очевидно, что эта теорія ограниченій весьма плохо вяжется съ теоріею полновластія. Не только юридическія, но и нравственныя ограниченія, заключающіяся въ общественномъ мнѣніи, исчезаютъ, какъ скоро власть признается непогрѣшимою и воспрещается всякое сомнѣніе въ ея правотѣ.

Между тѣмъ, на теоріи ограниченій де Местръ строитъ свое воззрѣніе на отношеніе папъ къ свѣтскимъ государямъ. Онъ и тутъ признаетъ, что верховная власть стоитъ выше народа. Человѣкъ, по самой своей природѣ, есть существо вмѣстѣ нравственное и испорченное, правое въ своемъ разумѣ и извращенное въ своей волѣ; поэтому, онъ необходимо живетъ въ обществѣ и необходимо подлежитъ управленію. Слѣдовательно, управляющая имъ верховная власть столь же мало зависитъ отъ его воли, какъ и самое общежитіе. Необходимо вытекая изъ природы человѣка, она состоитъ *не милостью народа, а милостью Божьею* (L. II, стр. 1, стр. 156—7). Но самыя преимущества этой власти подаютъ поводъ къ злоупотребленіямъ. Поэтому, возникаетъ вопросъ: какъ ограничить верховную власть, не уничтожая ея? (стр. 158—9). Ибо, когда говорятъ, что верховная власть неограниченна, то это означаетъ только, что она неограниченна *въ законныхъ своихъ проявленіяхъ*, то есть, въ предѣлахъ, установленныхъ основными законами государства. Изъ того, что власть установлена Богомъ, не слѣдуетъ, что она абсолютна: Богъ

воленъ былъ установить и ограниченную власть. Такимъ образомъ, съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія можно съ одинакою достовѣрностью сказать, что верховная власть ограниченна, и что она неограниченна. Она ограниченна, ибо не можетъ всего дѣлать; она неограниченна въ своемъ законномъ кругѣ дѣйствія (L. II, ch. III, стр. 165—6).

Но легко сказать, продолжаетъ де Местръ, что власть должна быть ограничена основными законами. Вопросъ въ томъ: кто будетъ установлять и исполнять эти законы? Если они составляютъ уступку правителя, кто помѣшаетъ другому правителю ихъ отмѣнить? У кого будетъ сила въ рукахъ, тотъ и будутъ настоящимъ владыкою. Азіатскіе народы разрѣшали этотъ вопросъ тѣмъ, что они отдавали всю власть въ однѣ руки подъ тѣмъ условіемъ, что когда владыка ихъ слишкомъ угнеталъ, они его убивали. Европейскіе народы, напротивъ, старались положить постоянныя границы верховной власти, но всѣ попытки подобнаго рода не даютъ желанія имъ подражать. Одна Англія, вслѣдствіе особенныхъ условій, могла установить у себя конституціонный порядокъ; но и ея учрежденія не прошли еще черезъ достаточно долгое испытаніе; многое заставляетъ сомнѣваться въ ихъ прочности. Во всякомъ случаѣ, одинокій примѣръ ничего не доказываетъ. Когда Франція захотѣла идти тѣмъ же путемъ, она была ввергнута во всѣ ужасы революціи. Дѣйствительное ограниченіе верховной власти можетъ быть только тамъ, гдѣ есть право сопротивленія. Но кому и въ какихъ случаяхъ можетъ быть предоставлено это право? и кто будетъ судьею этихъ случаевъ? Если народъ вообще, то это—анархія; если особое судилище, то оно само будетъ участникомъ верховной власти и скоро уничтожитъ другую часть. Притомъ, вся исторія доказываетъ, что революціи всегда производили большее зло, нежели то, которое онѣ хотѣли исправить. Однимъ словомъ, куда бы мы ни обратились, вездѣ мы рискуемъ попасть въ бездну (L. II, ch. 2, стр. 159—163).

Что всякій законъ, а потому и повиновеніе верховной власти, подлежитъ изъятіямъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Вопросъ въ томъ, кто будетъ судьею этихъ изъятій? Если верховная власть истекаетъ отъ Бога и считается священною, то естественно было ставить ее подъ охрану религіи и въ религіи же искать лѣкарство противъ злоупотребленій этой власти. Такъ и рѣшали этотъ во-

просъ наши предки. Въ случаяхъ крайности, они прибѣгали къ высшей духовной власти на землѣ. Такъ какъ безусловная клятва вѣрности подвергаетъ людей всѣмъ ужасамъ тиранніи, а сопротивленіе безъ сдержки вовлекаетъ ихъ въ анархію, то разрѣшеніе отъ клятвы, произнесенное духовною властью, легко могло представиться единственнымъ средствомъ сдержать свѣтскую власть, не уничтожая ея характера. Въ этой системѣ исходящая отъ Бога власть контролируется другою, также божественною, но еще высшею властью, которая облечена этимъ правомъ для чрезвычайныхъ случаевъ (ch. III).

Де Местръ не рѣшается однако прямо проповѣдовать эту систему. Если, говоритъ онъ, хотятъ положить правиломъ, что сопротивленіе не дозволено ни въ какихъ случаяхъ, то я согласенъ и готовъ подписать. Но если бы непремѣнно нужно было положить законныя границы верховной власти, то всего лучше ввѣрить папѣ интересы человѣчества. Этотъ способъ одинъ избавляетъ отъ революцій; тутъ устанавляется высшій судья, который стоитъ внѣ борьбы и можетъ рѣшить вопросъ безпристрастно. Если этимъ не устраняются всѣ недостатки, то ихъ такъ мало, какъ только возможно при несовершенствѣ человѣческой природы. Сами государи, если бы имъ предоставленъ былъ выборъ, въ собственныхъ интересахъ должны предпочитать этотъ способъ всякимъ другимъ ограниченіямъ (ch. IV).

Въ подтвержденіе этихъ взглядовъ де Местръ старается доказать благодѣтельныя слѣдствія папской власти въ средніе вѣка. Папы сдерживали государей, защищали народы, укрощали свѣтскія распри мудрымъ своимъ вмѣшательствомъ, напоминали царямъ и народамъ ихъ обязанности и карали анаѳемой великія преступленія, которыхъ они не могли предупредить (L. II, ch. IX, 232). По мнѣнію де Местра, ограниченная монархія новаго времени была дѣломъ папъ. Истинное ограниченіе монархической власти состоитъ въ томъ, что короли отказываются отъ права самимъ творить судъ, въ замѣнъ чего народы объявляютъ ихъ непогрѣшимыми и неприкосновенными. Кто судитъ самъ, тотъ и подлежитъ суду, а потому можетъ быть наказанъ: таково правило, которое постоянно внушала духовная власть и безъ котораго правленіе превращается въ деспотизмъ. Поэтому тѣ народы, которые не были подчинены папамъ, никогда не могли пріобрѣсть свободы. Тѣмъ же, которые,

испытавши на себѣ эту власть, свергли ее въ своемъ безуміи, подлежатъ другаго рода наказанію: у нихъ свѣтская власть изъ рукъ монарха переходитъ къ народу; но страшныя послѣдствія этого порядка вещей неизбѣжно приводятъ къ реакціи (L. III, ch. IV, стр. 373—7). Въ настоящее время, папы не освобождаютъ болѣе отъ присяги, но народы сами себя отъ нея освобождаютъ; они возмущаются, низвергаютъ князей, возводятъ ихъ на плаху. Они явно проповѣдываютъ верховную власть народа и право его самому расправляться съ правителями. Конституціонная горячка охватила всѣ головы, и Богъ знаетъ еще, къ чему она приведетъ. Умы, лишенные всякаго общаго центра, бродятъ на обумъ самымъ опаснымъ образомъ и сходятся въ одномъ: въ стремленіи къ ограниченію власти. Что же выиграли только государи отъ этой перемѣны? Конечно, лучше подчиняться папѣ (L. II, ch. XI, стр. 259—2).

Де Местръ идетъ еще далѣе. Онъ утверждаетъ, что папа—естественный глава, могущественный геній-двигатель, великій деміургъ всемірнаго просвѣщенія. Человѣкъ не можетъ быть предоставленъ самъ себѣ; онъ слишкомъ проникнутъ зломъ, чтобы быть свободнымъ. Поэтому, правительство одно, безъ чрезвычайнаго пособія, не въ состояніи имъ править. Это пособіе можетъ быть двоякое: либо рабство, либо религія. До появленія христіанства большая часть человѣческаго рода находилась въ рабствѣ, и величайшіе мыслители считали это необходимымъ. Христіанство освободило народы, замѣнивши физическое подчиненіе нравственною сдержкою. Можно сказать, что человѣческій родъ естественно находится въ рабствѣ и можетъ быть выведенъ изъ этого состоянія только сверхъестественнымъ путемъ. Надобно или очистить воли или заковать ихъ въ цѣпи: середины нѣтъ. Поэтому, папѣ предназначено было провозгласить всемірную свободу. Онъ одинъ могъ сдѣлать эту свободу возможною во имя той религіи, которая одна способна усмирить человѣческія воли (L. III, ch. II).

Изъ всего этого де-Местръ выводитъ, что папы были наставниками, опекунами, спасителями и истинными устроющими геніями Европы. Какъ монархія, несмотря на неизбѣжныя всякому образу правленія невыгоды, есть лучшее, самое прочное и самое естественное человѣку правительство, такъ изъ всѣхъ монархій, папская власть—самая кроткая, мирная и нравственная (Résumé et conclusion,

стр. 397, 399). При этомъ однако де Местръ считаетъ нужнымъ протестовать противъ всякаго преувеличенія: «пускай папская власть сдерживается въ справедливыхъ границахъ, говоритъ онъ; но эти границы не должны вырываться и сдвигаться по прихоти страстей и невѣжества» (стр. 399). Въ чемъ же однако состоятъ эти границы и кто имъ судья? Этого, самаго существеннаго пункта во всемъ разсужденіи, мы отъ де Местра не узнаемъ. Несмотря на его протесты и оговорки, все у него клонится къ тому, чтобы сдѣлать папу верховнымъ владыкою міра. Но доводы на которыхъ онъ основываетъ этотъ выводъ, сами основаны на очевиднѣйшемъ противорѣчіи. Папа объявляется верховнымъ и непогрѣшимымъ, потому что таковы свойства всякой не только духовной, но прежде всего свѣтской власти; свѣтская же власть подчиняется папѣ, потому что всякая власть необходимо подлежитъ ограниченіямъ. Если мы примемъ послѣднее положеніе, то надобно отвергнуть первое, и тогда непогрѣшимость папы исчезаетъ; если же мы примемъ первое, то надобно отвергнуть послѣднее, и тогда свѣтскіе государи не должны подчиняться папѣ. Де Местръ ищетъ въ папской власти защиты противъ свѣтскаго деспотизма; но проповѣдуя тѣсную связь между свѣтскою властью и духовною (L. III, ch. IV, стр. 374), онъ самъ ведетъ къ установленію самаго страшнаго деспотизма, къ полному порабощенію не только внѣшняго, но и внутренняго человѣка. Первая гарантія человѣческой свободы заключается въ отдѣленіи церкви отъ государства, области внутренней духовной, не подлежащей принужденію, отъ области внѣшней, юридической, принудительной. Независимость церковнаго союза была плодомъ христіанства, и нигдѣ она не утвердилась такъ прочно, какъ въ католицизмѣ, гдѣ папская власть служила ей твердою точкою опоры. Въ этомъ отношеніи католическая церковь и въ настоящее время могла бы еще оказать великую услугу человѣчеству. Но если, вмѣсто того, чтобы отстаивать свою независимость, церковь хочетъ сама владычествовать въ свѣтской области, то роль ея совершенно извращается: вмѣсто гарантіи свободы, тутъ водворяется полное порабощеніе. А къ этому именно ведетъ ученіе де Местра.

Немудрено, что онъ выступаетъ защитникомъ испанской инквизиціи. Онъ не только доказываетъ, что инквизиція въ себѣ самой была благодѣтельнымъ учрежденіемъ, которое оказало Испаніи величайшія услуги, предохранивши ее отъ всякаго рода пагубныхъ ново-

введеній [1]), но онъ утверждаетъ вообще, что судилище, установленное для специальнаго надзора за преступленіями противъ правовъ и народной вѣры, будетъ для всѣхъ временъ и мѣстъ безконечно полезнымъ учрежденіемъ (стр. 177). Вѣротерпимость ничто иное какъ равнодушіе; она несовмѣстна съ какимъ бы то ни было положительнымъ вѣрованіемъ. Истина нетерпима по своей природѣ, а потому исповѣдывать терпимость, значитъ исповѣдывать сомнѣніе, то есть, устранить вѣру. Богъ высказалъ свою волю; человѣкъ долженъ повиноваться. Установленная Богомъ вѣра едина, какъ Онъ Самъ (стр. 113). Де Местръ увѣряетъ, что нѣтъ ни единаго, не только христіанскаго или католическаго, но просто образованнаго народа, который бы не установилъ уголовныхъ наказаній за важныя оскорбленія религіи. Какъ бы ни называлось судилище, которое должно карать виноватыхъ, вездѣ они наказываются и должны быть наказаны. Въ Испаніи, какъ и въ другихъ странахъ, оставляютъ въ покоѣ человѣка, который держитъ себя смирно. Если же законъ, писанный для всѣхъ, полагаетъ ссылку, тюрьму или даже смертную казнь противъ явнаго и публичнаго врага какого-либо испанскаго догмата, никто не долженъ жалѣть о виновномъ, который заслужилъ эти наказанія, и самъ онъ не имѣетъ права жаловаться, ибо у него было простое средство ихъ избѣгнуть: онъ долженъ былъ молчать (стр. 51, 53). Испанскіе короли, которые нѣсколькими каплями самой нечистой крови предотвратили пролитіе потоковъ крови самой благородной, слѣдовали отличному расчету и остаются вполнѣ безупречными (стр. 125).

Нельзя не сказать, что въ этихъ положеніяхъ де Местръ является вполнѣ послѣдовательнымъ. Нужно было много смѣлости, чтобы высказывать подобныя убѣжденія въ XIX-омъ столѣтіи. Но въ такомъ случаѣ не надобно выдавать себя за защитника свободы. Противорѣчіе между этимъ началомъ и всею системою де Местра обнаруживается здѣсь въ самой рѣзкой формѣ. Свѣтская власть должна соединяться съ духовною для искорененія свободы въ самомъ завѣтномъ ея святилищѣ, въ мысли и совѣсти человѣка. Это болѣе, нежели возвращеніе къ средневѣковому порядку. Въ средніе вѣка

---

[1]) Lettres à un gentilhomme russe sur l'Inquisition espagnole, 6-ème Lettre, стр. 171—172 (изд. 1862 г.).

свѣтская область оставалась поприщемъ для свободной дѣятельности людей. Мы видѣли, что средневѣковые учители прямо признавали начало народнаго полновластія и производили княжескую власть отъ народа. Клерикалы новаго времени уничтожаютъ и это прибѣжище. Во имя нравственности и религіи человѣкъ запирается въ тюрьму, въ которой ему остается только задохнуться. Въ средніе вѣка, папы вступали въ союзъ съ демократіею противъ государей, въ новое время они заключаютъ союзъ съ государями противъ всякаго свободнаго движенія общества. Революція, направляя свои удары противъ тѣхъ и другихъ, соединила ихъ силы. Въ наше время клерикальное направленіе является главною опорою и главнымъ вдохновителемъ всѣхъ враговъ человѣческой свободы. Де Местръ былъ первымъ, самымъ умнымъ и самымъ послѣдовательнымъ его глашатаемъ.

2. БОНАЛЬДЪ.

Одновременно съ де Местромъ выступилъ на литературное поприще другой представитель клерикальнаго направленія, — Бональдъ. Умомъ и талантомъ онъ стоитъ гораздо ниже де Местра. Вмѣсто рѣзкаго догматизма, которымъ отличается послѣдній, у него является сухое педантическое изложеніе, съ значительною претензіею на логическую послѣдовательность, но въ сущности съ полнымъ отсутствіемъ здравой логики. Бональдъ былъ систематикомъ этой школы; но не имѣя ни философской подготовки, ни достаточныхъ свѣдѣній, онъ умѣлъ только построить зданіе, лишенное всякаго серьезнаго основанія.

Первое сочиненіе Бональда, въ которомъ онъ изложилъ свои взгляды, вышло въ 1796 году, подъ заглавіемъ: *Теорія политической и религіозной власти въ гражданскомъ обществѣ* (Théorie du pouvoir politique et religieux dans la société civile). Также какъ де Местръ, онъ утверждалъ, что человѣкъ столь же невластенъ дать устройство политическому или религіозному обществу, какъ онъ невластенъ дать протяженіе матеріи или тяжесть тѣламъ. Но между тѣмъ какъ де Местръ видѣлъ первоначальный источникъ законовъ въ естественныхъ свойствахъ народа, вложенныхъ въ него Провидѣніемъ и развивающихся исторически, Бональдъ хотѣлъ доказать, что законы человѣческихъ обществъ вытекаютъ необходимымъ образомъ изъ природы человѣка вообще, вслѣдствіе чего всѣ

общества, какъ религіозныя, такъ и политическія, могутъ имѣть только одно естественное устройство, уклоненіе отъ котораго всегда является извращеніемъ общежитія. Человѣкъ вездѣ одинъ и тотъ же, а потому всѣмъ обществамъ должно приходиться одно устройство, всѣмъ людямъ одно воспитаніе, всѣмъ государствамъ одно управленіе (Préface, стр. III—IV, XIV). Самое различіе между политическими и религіозными обществами Бональдъ полагаетъ единственно въ преобладаніи одного изъ двухъ составныхъ элементовъ всякаго общества: въ политическихъ обществахъ, человѣкъ разсматривается, какъ существо физическое и разумное, въ религіозныхъ, какъ существо разумное и физическое (стр. VI—VIII).

Изъ этого уже ясно, на какихъ шаткихъ основаніяхъ воздвигается это зданіе. Можно доказывать, что существуетъ только одинъ идеалъ человѣческаго общежитія, но утверждать, что необходимое устройство всѣхъ человѣческихъ обществъ, можетъ быть только одно, значитъ идти въ разрѣзъ и съ теоріею и съ опытомъ. Разнообразіе внѣшнихъ условій и историческихъ обстоятельствъ, различіе народностей, ступени развитія, все это оставляется въ сторонѣ, какъ не имѣющее существеннаго вліянія на учрежденія. Бональдъ увѣряетъ, что общественное устройство съ такою же необходимостью вытекаетъ изъ природы человѣка, какъ тяжесть изъ природы тѣлъ (стр. IV). Но тѣла никогда не уклоняются отъ законовъ тяжести, и человѣкъ не въ силахъ ихъ измѣнить, между тѣмъ какъ отъ такъ называемыхъ необходимыхъ законовъ общежитія человѣкъ уклоняется именно вслѣдствіе естественныхъ побужденій, какъ признаетъ и Бональдъ. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, необходимость тутъ совершенно другая.

Чтобы доказать свою тему, Бональдъ восходитъ къ Божеству. «Нельзя разсуждать объ обществѣ, не говоря о человѣкѣ, ни говорить о человѣкѣ, не восходя къ Божеству», говоритъ онъ (I, L. 1, ch. 1, стр. 1). Бытіе Бога онъ доказываетъ тѣмъ, что оно указывается общимъ чувствомъ человѣчества. Человѣкъ можетъ думать только о томъ, что можетъ существовать; онъ можетъ чувствовать только то, что дѣйствительно существуетъ, ибо чувствовать несуществующее значитъ ничего не чувствовать. «Люди имѣютъ чувства Божества; слѣдовательно, Богъ существуетъ» (II, L. 1, ch. 2, стр. 10, 22—23). Этимъ способомъ, какъ не трудно замѣтить, можно доказать и существованіе многихъ боговъ, ибо естественная религія

человѣчества, какъ признаетъ самъ Бональдъ, было многобожіемъ; нужно было особенное откровеніе, чтобы внушить человѣку понятіе о единомъ Божествѣ. Но Бональдъ не стѣсняется подобнымъ затрудненіемъ.

Изъ существованія Бога онъ выводитъ его свойства: „Богъ ускользаетъ отъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ; слѣдовательно, онъ—разумъ, и разумъ безконечный; слѣдовательно, онъ *знаетъ* себя, безконечнымъ знаніемъ; слѣдовательно, онъ *любитъ* себя, безконечною любовью; слѣдовательно, онъ *хочетъ* сохранить себя или быть счастливымъ, безконечнымъ *хотѣніемъ*; слѣдовательно, онъ *можетъ* сохранить себя, безконечною *силою* или *мощью*. Слѣдовательно, Богъ есть безконечная *воля*, *любовь* и *сила* или мощь" (I, L. 1, ch. 1, стр. 2).

Въ этомъ выводѣ мы на каждой строкѣ встрѣчаемъ слово *слѣдовательно*; но логической связи мы тутъ не видимъ. Изъ того, что Богъ не подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ, вовсе не слѣдуетъ, что онъ разумъ, и притомъ разумъ безконечный: матеріальныя силы точно также не подлежатъ чувствамъ; мы узнаемъ ихъ только по явленіямъ. Затѣмъ, изъ познанія вовсе не слѣдуетъ любовь, и еще менѣе желаніе сохранить себя или быть счастливымъ, которое неизвѣстно какимъ образомъ приложимо къ Божеству; наконецъ, изъ хотѣнія вовсе не слѣдуетъ мощь. Но допустивши эту непослѣдовательность, мы все-таки не придемъ къ окончательному выводу, именно, къ тройственности воли, любви и силѣ. Бональдъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, дѣлаетъ волю тождественною съ разумомъ, между тѣмъ какъ въ его доводѣ воля вытекаетъ изъ любви, а разумъ составляетъ источникъ любви. Далѣе мы увидимъ, что въ человѣкѣ, по теоріи Бональда, любовь служитъ связью между разумною способностью воли и физическою способностью силы; но въ Божествѣ нѣтъ физической стороны, а потому и любовь должна играть совершенно другую роль. Напрасно искать тутъ объясненій: вся эта путаница понятій вводится единственно для того, чтобы изъ основныхъ свойствъ Божества вывести основныя свойства человѣка.

Эта путаница еще увеличивается при дальнѣйшихъ выводахъ. Изъ безконечной воли и силы, говоритъ Бональдъ, вытекаетъ безконечное дѣйствіе, то есть твореніе, котораго цѣль опредѣляется любовью Божества къ себѣ и состоитъ въ самосохраненіи или счастіи. «Слѣдовательно, любовь къ себѣ, дѣйствующая черезъ силу, есть въ Богѣ

творческое или производящее начало существъ» (L. 1, ch. 1, *стр.* 2—3). Такимъ образомъ, воля играетъ подчиненную роль, ибо предметъ ея опредѣляется любовью къ *себѣ*, и хотя твореніе *составляетъ* ея дѣйствіе, однако любовь прямо движетъ силу; стало быть, воля остается не при чемъ.

Далѣе, Бональдъ увѣряетъ, что всеблагое или совершенное существо (свойства, вовсе не выведенныя) можетъ творить только добрыя и совершенныя существа. Однако, совершенныя существа были бы Богомъ, а Богъ не можетъ творить себя самого; слѣдовательно, они могутъ только приближаться къ божественному совершенству, то-есть, они будутъ созданы по образу и подобію Божьему. Таковъ именно человѣкъ (стр. 3). Оказывается, что въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ людей: ни камней, ни растеній, ни животныхъ.

Если человѣкъ, продолжаетъ Бональдъ, подобенъ Богу, то Богъ его любитъ, потому что онъ видитъ, что онъ даетъ. Слѣдовательно, Богъ хочетъ его сохранить. Если любовь къ себѣ начало творенія, то любовь къ подобнымъ ему существамъ есть въ Богѣ начало *сохраненія* существъ (стр. 4).

Тѣже свойства повторяются и въ человѣкѣ. Будучи подобенъ Богу, человѣкъ есть разумъ, воля, любовь и, наконецъ, сила, или мощь. «Слѣдовательно, онъ познаетъ Бога, или *производитъ* (?!) его въ своей мысли; слѣдовательно, онъ любитъ его; слѣдовательно, онъ хочетъ его сохранить, то есть (?!): сохранить его познаніе; слѣдовательно, онъ *можетъ* его сохранить, ибо онъ—сила и мощь; ибо, хотя Богъ существуетъ самъ по себѣ, независимо отъ познанія, которое можетъ имѣть о немъ человѣкъ, однако надобно сказать, что Богъ *производится и сохраняется* для человѣка настолько, насколько человѣкъ дѣлаетъ Бога предметомъ своихъ мыслей и своей любви» (тамъ же). Такимъ образомъ, твореніе существъ превращается въ познаніе, и сохраненіе существъ въ сохраненіе познанія. И эта утвердительная подтасовка понятій выдается за логическій выводъ изъ того, что человѣкъ созданъ по образу и подобію Божьему! Не говоря уже о томъ, что сначала свойства Божества выводятся, хотя скрытно, изъ свойствъ человѣка, а затѣмъ свойства человѣка выводятся изъ свойствъ Божества.

При этомъ оказывается, что человѣкъ подобенъ Богу только одною своею стороною, именно, разумомъ. Другую половину его составляетъ

тѣло, котораго у Бога нѣтъ, а въ этомъ-то тѣлѣ и заключается сила и мощь; любовь же составляетъ связь того и другаго (стр. 4—5). Отсюда, казалось бы, слѣдуетъ заключить, что если изъ свойства Божества можно сдѣлать какой-нибудь выводъ на счетъ человѣческаго разума, то нельзя сдѣлать никакого на счетъ силы и любви, относящихся къ области тѣлесной; но Бональдъ выводитъ изъ этого только то, что человѣкъ можетъ сохранить познаніе Бога единственно посредствомъ тѣлесной силы (?!), изъ чего слѣдуетъ необходимость внѣшняго поклоненія. «Любовь къ Богу, дѣйствуя черезъ посредство силы или дѣйствія тѣлъ во внѣшнемъ поклоненіи, есть въ человѣкѣ производящее и сохраняющее начало богопознанія» (стр. 5).

Таковы, по мнѣнію Бональда, *необходимыя отношенія* между Богомъ и человѣкомъ, отношенія, вытекающія изъ самой ихъ природы, слѣдовательно, *законы*, по опредѣленію Монтескьё. Если же между Богомъ и человѣкомъ существуютъ законы, опредѣляющіе взаимныя отношенія воль, любви и силы для взаимнаго произведенія и сохраненія, то между Богомъ и человѣкомъ есть *общество*. Въ этомъ состоитъ естественное религіозное общество или естественная религія. Слѣдовательно, общество есть соединеніе подобныхъ существъ посредствомъ законовъ, или необходимыхъ отношеній, съ цѣлью взаимнаго произведенія и сохраненія (стр. 6—7).

Бональдъ замѣчаетъ при этомъ, что человѣкъ производится и сохраняется *черезъ* волю, любовь и силу Божью. Богъ же производится и сохраняется *въ* волѣ, любви и силѣ человѣческой; то есть, въ одномъ случаѣ дѣло идетъ о дѣйствительномъ произведеніи и сохраненіи, и въ другомъ случаѣ только о познаніи. Читатель видитъ, что кромѣ метафоры, тутъ нѣтъ ничего общаго, и на этой метафорѣ строится вся фантастическая цѣль мнимыхъ умозаключеній!

Изъ тѣхъ же началъ Бональдъ выводитъ и человѣческія общества. Человѣкъ такъ же какъ Богъ, побуждаемый любовью къ себѣ, хочетъ и можетъ производить себѣ подобныхъ. Затѣмъ, побуждаемый любовью къ этимъ равнымъ ему существамъ, онъ хочетъ и можетъ ихъ сохранить. Отсюда между людьми необходимыя отношенія, въ силу которыхъ между ними установляется общество для взаимнаго произведенія и сохраненія. Таково семейство, заключающее въ себѣ и вещи, необходимыя для поддержанія человѣческой жизни, то есть, собственность.

Отсюда ясно, что религіозное общество и физическое основаны на одинакихъ отношеніяхъ, а потому должны имѣть одинакое устройство. Но таковы ли они въ дѣйствительности, какими они должны быть въ идеѣ? Сохраненіе извѣстнаго существа означаетъ поддержаніе его въ состояніи, свойственномъ его природѣ. Состояніе, свойственное Богу, есть совершенство. Таково же состояніе, свойственное человѣку, какъ разумному существу. Человѣку же, какъ физическому существу, свойственна свобода. Слѣдовательно, въ религіозномъ обществѣ, для совершенства, какъ Бога въ отношеніи къ человѣку, такъ и самого человѣка, требуется сохраненіе истиннаго богопознанія; въ физическомъ же обществѣ требуется сохраненіе свободы. Между тѣмъ, естественное религіозное общество не сохраняетъ истиннаго богопознанія, ибо съ первымъ ея появленіемъ развивается многобожіе, а семейство не сохраняетъ свободы, ибо съ первыхъ временъ исторіи человѣчества является уже рабство. Слѣдовательно, оба эти общества соотвѣтствуютъ цѣли произведенія, но не сохраненія существъ (стр. 7—12).

Откуда же такое неустройство? Здѣсь, говоритъ Бональдъ, религія и философія расходятся. Факты должны рѣшить между ними. Если любовь къ себѣ есть начало произведенія существъ, а любовь къ другимъ начало ихъ сохраненія, естественныя же общества производятъ, но не сохраняютъ соединенныя въ нихъ существа, значитъ у человѣка есть любовь къ себѣ и нѣтъ любви къ другимъ, то-есть, къ Богу и къ ближнимъ. Между тѣмъ, человѣкъ долженъ любить Бога больше всѣхъ, ибо Богъ всего достойнѣе любви; онъ долженъ любить ближнихъ какъ самого себя, ибо всѣ люди, будучи подобіемъ Божьимъ, одинаково достойны любви. Все это—необходимыя отношенія, слѣдовательно, законы. Слѣдовательно, если человѣкъ любитъ себя, а не другихъ, то онъ нарушаетъ законъ. Стало быть, любовь его извращена, а съ этимъ вмѣстѣ извращены и его воля и его сила. Если же человѣкъ, слѣдуя извращенной любви, нарушаетъ законъ, то онъ виновенъ; поэтому онъ долженъ быть наказанъ, а если онъ наказанъ, то онъ несчастливъ. Все это опять необходимыя отношенія, или законы. Но факты говорятъ намъ, что всѣ люди несчастливы, ибо всѣ смертны; слѣдовательно, они всѣ наказаны, слѣдовательно они всѣ виновны; то есть, ихъ воля, любовь и сила необходимо являются извращенными (стр. 13—15).

Читатель видитъ, какъ въ этомъ выводѣ извращаются всѣ правила логики. Изъ того, что виновный долженъ быть наказанъ, слѣдовательно несчастливъ, вовсе не слѣдуетъ, что всякій несчастный непремѣнно долженъ быть виновенъ. Всего менѣе можно смерть считать признакомъ вины; надобно доказать, что она не составляетъ необходимаго послѣдствія ограниченности физическаго существа. Бональдъ утверждаетъ, что онъ согласенъ не только съ богословіемъ, которое въ себялюбіи видитъ источникъ всѣхъ человѣческихъ несчастій, но и съ исторіею, которая представляетъ картину взаимнаго уничтоженія людей, какъ послѣдствіе извращенной ихъ воли. Между тѣмъ, онъ тутъ же признаетъ, что при стремленіи къ взаимному уничтоженію невозможно не только сохраненіе, но и самое произведеніе людей, ибо для произведенія себѣ подобныхъ люди должны соединиться въ общество. Отсюда необходимость внѣшнихъ обществъ, религіозныхъ и физическихъ, то есть, общественной религіи и государства. Это и признаетъ философія. Противоположность частныхъ интересовъ сдѣлала установленіе обществъ необходимымъ, а согласіе этихъ самыхъ интересовъ сдѣлало его возможнымъ, говоритъ Руссо. Это согласіе было ли добровольнымъ или принудительнымъ? Ни то, ни другое, отвѣчаетъ Бональдъ; оно было необходимымъ. Тамъ, гдѣ всѣ частныя воли и силы, и всѣ частныя явленія любви хотятъ непремѣнно властвовать, необходимо, чтобы властвовала одна общая воля, любовь и сила, то-есть, для того, чтобы общество могло образоваться, необходимо, чтобы общая любовь къ другимъ перевѣшивала частную любовь къ себѣ. Такимъ образомъ, государство возникаетъ изъ соглашенія противоположныхъ интересовъ (стр. 15—16).

Но если такъ, то себялюбіе не составляетъ исключительнаго стремленія человѣка, и воля его вовсе не извращена. Конецъ отрицаетъ начало, и вся эта цѣпь ложныхъ умозаключеній сама себя опровергаетъ.

Изъ всего этого Бональдъ выводитъ, что государство должно быть устроено по типу семейства, которое составляетъ основной его элементъ. Политическое устройство представляетъ въ монархіи расширенное семейство, также какъ общественная религія представляетъ въ христіанствѣ расширеніе естественной религіи (стр. 16—17). Основныя начала вездѣ одни и тѣже: общая воля, общая любовь

общая сила. Общая воля въ государствѣ не можетъ выражаться въ частной волѣ какого-либо лица, ибо частная воля всегда извращена. Она не можетъ выражаться и въ совокупности воль, ибо совокупность извращенныхъ воль не въ состояніи произвести что-нибудь общее. Общая воля можетъ выражаться только въ необходимомъ стремленіи къ сохраненію, а оно возможно только въ силу признанія необходимыхъ отношеній или законовъ. Слѣдовательно, внѣшнимъ выраженіемъ общей воли должны служить постоянные и неизмѣнные основные законы. А такъ какъ эти законы истекаютъ изъ самой природы человѣка, то они вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и выраженіемъ природы, а также и волей Божьей, съ которыми, такимъ образомъ, общая воля совпадаетъ. Средствомъ же для достиженія этой цѣли служитъ общая любовь, дѣйствующая посредствомъ общей силы. Какъ сочетаніе духовнаго элемента и физическаго, любовь можетъ внѣшнимъ образомъ выражаться только въ отдѣльномъ человѣкѣ. Поэтому въ государствѣ долженъ властвовать монархъ, который является воплощеніемъ общей любви и связью политическаго тѣла. Воля его не можетъ выражать общую волю, ибо воля отдѣльнаго человѣка всегда извращена; сила его точно также не можетъ выражать общую силу: внѣшнимъ выраженіемъ общей силы является совокупность гражданъ. Но монархъ можетъ быть представителемъ любви, центромъ, къ которому всѣ стремятся, ибо любовь добра по своей природѣ и необходимо дѣйствуетъ охранительно, когда она умѣряется охранительною волею. Поэтому монархъ направляетъ общую силу сообразно съ общею волею. Ему не принадлежитъ ни законодательная, ни исполнительная, ни судебная власть, но ему принадлежитъ общая охранительная власть въ государствѣ, согласно съ основными законами.

Такимъ образомъ, сообразно съ тремя основными началами, въ государствѣ является тройственность верховной власти, служителя (ministre) или орудія, и подданныхъ. Первая принадлежитъ общей волѣ, природѣ, или волѣ Божьей; вторымъ является монархъ, представитель начала любви; въ-третьихъ, наконецъ, выражается общая сила. Отсюда ясенъ и тотъ порядокъ, въ которомъ они слѣдуютъ другъ за другомъ, порядокъ, истекающій изъ основной политической аксіомы: «тамъ, гдѣ всѣ люди хотятъ непремѣнно властвовать съ равными волями и неравными силами, необходимо, чтобы

властвовалъ одинъ, или чтобы всѣ другъ друга уничтожали» (L. I. ch. 2).

Едва ли нужно доказывать, что хотя въ этихъ выводахъ высказывается большая претензія на логическую строгость, однако въ сущности въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ совершенно произвольныхъ фантазій. Прежде всего, въ явное противорѣчіе со всѣмъ, что мы знаемъ и видимъ, утверждается, что всѣ общества должны управляться неподвижными и неизмѣнными законами, какъ будто общества находятся всегда въ одномъ состояніи и въ однихъ обстоятельствахъ. Установленіе этихъ законовъ приписывается общей волѣ, которая однако не можетъ быть представлена ни волею отдѣльнаго лица, ни волею совокупности лицъ. Общая воля, говоритъ Бональдъ, тождественна съ природою человѣка и съ волею Божіею; но ни та, ни другая не издаетъ положительныхъ законовъ. Кому же принадлежитъ это право, или кому приписывается верховная власть въ государствѣ? На этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта. Монархъ, съ своей стороны, не можетъ быть представителемъ общей воли, потому что воля отдѣльнаго лица всегда является извращенною; но какимъ же образомъ можетъ онъ послѣ этого быть представителемъ начала любви? По теоріи Бональда, воля человѣка извращена именно вслѣдствіе извращенія начала любви. И если одинъ человѣкъ можетъ быть представителемъ послѣдняго, то почему же не нѣсколько? Наконецъ, къ довершенію всей этой безсмыслицы, представитель начала любви, который по теоріи долженъ быть министромъ или орудіемъ, на дѣлѣ оказывается единственнымъ носителемъ власти, такъ какъ законодателя нѣтъ налицо. Бональдъ прямо говоритъ, что власть въ государствахъ, также какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, есть любовь, дѣйствующая черезъ силу. Такая же подтасовка понятій совершается и съ аксіомою, на которой должно держаться все политическое устройство. Доказано было, что необходимо преобладаніе общей воли, или любви надъ частными стремленіями, для того чтобы общество могло образоваться—положеніе само собою очевидное. Но вмѣсто него подставляется совершенно другое: тамъ, гдѣ всѣ хотятъ властвовать, необходимо, чтобы властвовалъ одинъ, или чтобы всѣ другъ друга уничтожали. А это положеніе ни на чемъ не основано и идетъ въ разрѣзъ съ очевидными фактами. Ибо для того, чтобы составилось общество, необходимо,

чтобы въ самихъ его членахъ общее стремленіе преобладало надъ частными: если этого нѣтъ, то они никогда не подчинятся одному лицу; если же это есть, то возможно и владычество нѣсколькихъ или даже всѣхъ. Существованіе республикъ доказываетъ неопровержимымъ образомъ, что и безъ единовластія люди не уничтожаютъ другъ друга. Стало быть, такъ называемая политическая аксіома Бональда, ничто иное какъ совершенно произвольное положеніе, добытое посредствомъ смѣшенія понятій.

Между тѣмъ, на этой мнимой аксіомѣ Бональдъ строитъ все различіе между обществами устроенными и неустроенными. Устроенными онъ называетъ тѣ, которыя управляются необходимыми законами, вытекающими изъ природы вещей. Въ основаніи ихъ лежитъ упомянутая аксіома. Изъ нея вытекаютъ всѣ политическіе законы, а изъ политическихъ законовъ всѣ законы гражданскіе, какъ геометрическія теоремы изъ основного положенія. Всѣ они составляютъ необходимое, а потому постоянное выраженіе общей воли. Въ неустроенныхъ обществахъ, напротивъ, владычествуетъ не общая воля, а частная воля человѣка. Поэтому здѣсь законы произвольны и измѣнчивы; здѣсь является человѣческое законодательство. Изъ этого ясно, что истинное общественное устройство можетъ быть только одно; уклоненій же можетъ быть безчисленное множество. Вмѣсто единаго монарха, управляющаго на основаніи постоянныхъ законовъ, здѣсь можетъ быть безконечное разнообразіе частныхъ воль, начиная отъ частной воли единаго лица, что составляетъ образъ правленія, именуемый деспотизмомъ, до владычества воли всѣхъ или демократіи. Между ними лежитъ аристократія съ множествомъ оттѣнковъ. Чѣмъ менѣе общество устроено, тѣмъ болѣе оно удаляется отъ истиннаго прототипа, то есть, отъ монархіи. Но такъ какъ всякое неустроенное общество является нарушеніемъ естественнаго закона, то оно находится въ постоянной борьбѣ съ собственною своею природою. А такъ какъ природа дѣйствуетъ постоянно, то она, наконецъ, беретъ свое: внутренняя борьба указываетъ на необходимость перемѣнъ, и неустроенное общество неизбѣжно стремится къ устроенію (L. I, ch. 3).

Этимъ однако не исчерпывается существо человѣческаго общежитія. Политическое общество составляетъ только одну его сторону; но оно тѣсно связано съ другою стороною, съ обществомъ религіоз-

нымъ. Человѣкъ, говоритъ Бональдъ, входитъ въ политическое общество всецѣло; слѣдовательно, онъ вноситъ въ него не только свои физическія, но также и свои умственныя потребности и свои отношенія къ Богу. Но здѣсь эти отношенія принимаютъ иной характеръ. Человѣкъ становится членомъ единаго тѣла, а потому и отношенія Бога къ человѣку превращаются въ отношенія Бога къ цѣлому человѣческому обществу: естественная религія становится общественною. Отсюда связь политическаго общества и религіознаго: оба вмѣстѣ образуютъ общество гражданское. Такъ какъ природа ихъ одинакова, то и устройство ихъ должно быть тождественное. И въ религіозномъ обществѣ должна быть общая воля, выражающаяся въ постоянныхъ законахъ, единая власть, принадлежащая Богу, и общая сила, которой орудіемъ является священство. Оба союза, политическій и религіозный, должны дѣйствовать согласно, первый укрощая воли посредствомъ укрощенія внѣшнихъ дѣйствій, второй укрощая внѣшнія дѣйствія посредствомъ укрощенія воль. Гдѣ эта связь ослабѣваетъ, тамъ оба союза лишаются существенной опоры, и общество неудержимо стремится къ разложенію (L. I, ch. 4, 5). Тѣ, которые хотятъ отдѣлить политическое общество отъ религіознаго, говоритъ Бональдъ, хотятъ замѣнить единеніе душъ сближеніемъ тѣлъ; но этимъ уничтожается всякая связь между людьми; ибо единеніе существуетъ только между душами; тѣла же разобщаютъ лица. Такое общество лишается средствъ сохраненія; ему оставляются только орудія разрушенія (II, L. I, ch. 6). Когда трактуютъ о гражданскомъ обществѣ, которое есть соединеніе политическаго общества и религіознаго, необходимо, если не хотятъ заблудиться, изслѣдовать политическое общество съ точки зрѣнія религіи, а религіозное съ точки зрѣнія политической, то есть, быть богословомъ въ политикѣ и политикомъ въ религіи (I, L. IV, ch. 5, стр. 323). Отсюда Бональдъ выводитъ необходимость вмѣшательства религіи во всѣ общественныя дѣйствія, необходимость религіознаго воспитанія гражданъ, наконецъ, независимость религіи и ея служителей отъ всѣхъ частныхъ воль (ch. VIII, стр. 95).

Не трудно видѣть, что въ этихъ выводахъ начало не вяжется съ концомъ. Необходимость общественной религіи выводится изъ того, что человѣкъ вступаетъ въ политическое общество всецѣло; онъ перестаетъ быть отдѣльнымъ лицемъ и становится исключительно чле-

номъ государства. Вслѣдствіе этого, отношенія человѣка къ Богу установляются через посредство государства—положеніе радикально ложное и ничѣмъ не оправданное. Затѣмъ оказывается однако, что политическое общество вовсе не обнимаетъ собою всецѣлаго человѣка, но касается одной только его стороны, именно физической. Предоставленное себѣ, безъ помощи религіи, объединяющей души, оно разобщаетъ людей и доставляетъ имъ орудіе для взаимнаго уничтоженія—положеніе, противоположное первому, но столь же ложное и столь же мало оправданное. Во всякомъ случаѣ, если мы примемъ послѣднее, мы должны будемъ признать, что между политическимъ обществомъ и религіознымъ существуетъ глубокое различіе. Но Бональдъ увѣряетъ, что природа ихъ одна; а потому и устройство должно быть одинакое: оба имѣютъ въ виду сохраненіе. Правда, одно сохраняетъ физическое лице, а другое—богопознаніе, для чего требуются совершенно различныя средства; но на этомъ Бональдъ не останавливается: слово *сохраненіе* кажется ему вполнѣ достаточнымъ для признанія основного тождества обоихъ союзовъ. Вслѣдствіе этого онъ подводитъ ихъ устройство подъ одну схему, при чемъ однако опять оказывается глубокое различіе: въ государствѣ владычествуетъ монархъ, какъ *орудіе* или *служитель* закона, въ церкви—Богъ, котораго нельзя признать орудіемъ или служителемъ. На этотъ разъ понятіе объ орудіи переносится на другую категорію лицъ, на служителей силы въ религіозномъ обществѣ, то есть, на духовенство, и это понятіе, въ противорѣчіе съ предыдущимъ, переносится и на политическое общество. Между тѣмъ какъ выше представителемъ силы признавалась совокупность подданныхъ (I, L. 1, ch. 2, стр. 26—27, 28), здѣсь доказывается, что орудія силы должны быть *отличены* отъ тѣхъ, на кого они дѣйствуютъ, а такъ какъ государство управляется постоянными законами, то это отличіе должно быть постояннымъ. Отсюда необходимость наслѣдственнаго дворянства, которое въ означенной троичности становится на мѣсто подданныхъ (L. 1, ch. 4, стр. 50—52; ch. 6, стр. 70—9). Наименьшее, что можно требовать отъ писателя, у котораго логика замѣняется пустымъ схематизмомъ, это то, чтобы онъ оставался вѣренъ принятой имъ схемѣ; но здѣсь мы и этого не находимъ.

Бональдъ не думаетъ однако низводить дворянство на степень простаго орудія монархической власти. Также какъ духовенство, оно

должно быть независимо отъ частной воли монарха. Постоянный законъ долженъ опредѣлять количество общественныхъ служителей и дать имъ безсмѣнное положеніе. Иначе, вмѣсто законнаго правленія является притѣсненіе. Цѣль общества состоитъ въ охраненіи лицъ и имуществъ; поэтому частная воля монарха должна быть ограничена въ своихъ проявленіяхъ. Онъ не въ правѣ ни располагать людьми, ни взимать подати по своему произволу. Отсюда, далѣе, необходимость независимыхъ судилищъ для охраненія законовъ. Министры, или орудія власти должны быть отвѣтственны за свои дѣйствія передъ этими судилищами. Вообще особенный характеръ монархіи состоитъ въ томъ, что всѣ дѣйствія должны быть зависимы отъ законовъ и независимы отъ лицъ, то есть, зависимы отъ общей воли и независимы отъ частныхъ. Самъ монархъ подчиненъ основнымъ законамъ, исключая уголовныхъ, ибо, какъ представитель общей воли, онъ не можетъ подлежать суду лицъ, представляющихъ частныя воли. Отвѣтственность его замѣняется отвѣтственностью министровъ (I, L. I, ch. 7, стр. 88—94; ch. 8, стр. 95—99).

Эти учрежденія, необходимымъ образомъ вытекающія изъ природы вещей, Бональдъ видитъ у двухъ народовъ: у древнихъ Египтянъ и у Германцевъ. Какъ это ни можетъ казаться невѣроятнымъ, но Бональдъ увѣряетъ, что Германцы имѣли Египетскіе законы, приспособленные къ нравамъ и потребностямъ юнаго племени (L. III. ch. 1, стр. 169; ch. 3, стр. 173). У Египтянъ эти учрежденія исказились вслѣдствіе ложной религіи; у новыхъ народовъ, напротивъ, они получили дальнѣйшее развитіе вслѣдствіе принятія христіанства. Во Франціи они достигаютъ высшей степени совершенства. Здѣсь были и общественная религія, и наслѣдственная монархія, и постоянныя наслѣдственныя отличія не только въ лицахъ, но и въ вещахъ. Духовенство, дворянство, города съ своими цехами, великія государственныя должности, верховныя судилища, все здѣсь было въ политическомъ отношеніи независимо отъ монарха; всякая должность была собственностью. Какъ непроходимая грань, поставленная природою между силою и слабостью, собственность составляла около монарха ограду, которую онъ не могъ преступить (L. IV, ch. 1, стр. 269—270). Наконецъ, ко всему этому присоединялись генеральные штаты, которые избирали королей въ случаѣ пресѣченія династіи и давали согласіе на подати въ случаѣ недо-

статочности обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ (L. III, ch. 5, стр. 226).

Революція все это разрушила. Съ ослабленіемъ вѣры явилось посягательство на власть; всѣ основы политическаго и религіознаго зданія были уничтожены, и общество неудержимо устремилось къ разложенію. Но такъ какъ естественные законы берутъ свое, то общественная власть снова возстановилась, но власть злодѣевъ и палачей, которые водворили самый страшный деспотизмъ, когда-либо существовавшій на землѣ (L. IV, ch. 2). Ибо демократія и деспотизмъ, въ сущности, одно и тоже правленіе, не только потому что въ обоихъ власть не имѣетъ опредѣленныхъ границъ, и все въ нихъ шатко и измѣнчиво: коренное ихъ тождество выказывается главнымъ образомъ въ томъ, что составляетъ характеристическій ихъ признакъ, въ страсти къ уничтоженію всякихъ наслѣдственныхъ преимуществъ, въ уравненіи всѣхъ. Вслѣдствіе этого, деспотизмъ толпы обыкновенно приходитъ къ деспотизму одного лица (L. V, ch. 4, стр. 373—5).

Въ противоположность монархіи, республика составляетъ типъ неустроенныхъ обществъ. Въ монархіи все имѣетъ общественный характеръ: религія, власть, отличія. Въ народномъ правленіи, напротивъ, все индивидуально: каждый имѣетъ свою религію, свою власть; каждый хочетъ отличиться собственною силою или талантомъ. Въ монархіи, власть, будучи общественною, ограничивается общественными учрежденіями; въ республикѣ, власть, будучи личною, ограничивается личною волею человѣка. Монархія разсматриваетъ человѣка, какъ члена общества; республика разсматриваетъ его въ естественномъ состояніи, внѣ вещества. А такъ какъ человѣкъ созданъ для общества и общество для него, то монархія приходится человѣку и обществу, республика же не приходится ни тому, ни другому (L. V, ch. 4, стр. 378). Отсюда и различныя начала, на которыхъ основаны устроенныя и неустроенныя общества: общая воля, дѣйствующая черезъ любовь, есть начало монархическихъ или устроенныхъ обществъ, ибо любовь есть начало сохраненія существъ; напротивъ, частная воля человѣка, воля необходимо искаженная и разрушительная, дѣйствующая посредствомъ страха, есть начало неустроенныхъ обществъ. Поэтому, только въ первыхъ можетъ быть свобода; послѣднія же необходимо ведутъ къ общественному, политическому или религіозному рабству (L. VI, ch. 1, стр. 403).

Замѣтимъ, что если въ республикахъ все исходитъ отъ лица, а въ монархіяхъ лицо разсматривается только какъ членъ общества, то въ первыхъ должна господствовать свобода, а въ послѣднихъ подчиненіе. Съ другой стороны, тѣ ограниченія, которыя, по теоріи Бональда, полагаются монархической власти, заключаются вовсе не въ общественной волѣ, а въ частныхъ привилегіяхъ лицъ или сословій, ибо всѣ должности, по его признанію, составляютъ собственность облеченныхъ ими лицъ. Вся политическая система Бональда представляетъ сколокъ съ средневѣковыхъ учрежденій, гдѣ именно господствовало частное право, а не общественное начало. И если онъ устроенную на его ладъ монархію выдаетъ за чистое выраженіе общественной воли, то въ этомъ опять-таки можно видѣть только полную путаницу понятій.

Такимъ образомъ, Бональдъ, подобно другимъ писателямъ этой школы, видитъ въ средневѣковыхъ учрежденіяхъ высшій идеалъ общественнаго устройства. Также какъ противъ демократическихъ ученій, онъ возстаетъ и противъ теоріи раздѣленія властей. На этотъ разъ онъ ученію Монтескьё противополагаетъ ученіе Руссо. Общественная воля одна; слѣдовательно, можетъ быть только одна власть. Различныя отрасли этой власти ничто иное какъ различныя ея отправленія. Изъ этихъ отраслей судебная власть не есть собственно власть, ибо, по собственному признанію Монтескьё, она должна быть почти ничтожна. Исполнительная власть, опять же по признанію Монтескьё, всецѣло ввѣряется монарху. Остается законодательство, относительно котораго можетъ быть разногласіе. Но если принять опредѣленіе Монтескьё, что законы суть необходимыя отношенія, истекающія изъ природы вещей, то законодателемъ въ государствѣ должно быть не какое-либо лице или собраніе, а сама природа вещей. Это именно имѣетъ мѣсто въ устроенныхъ обществахъ. Природа, съ одной стороны, установляетъ обычаи, которые становятся законами, съ другой стороны, когда есть какой-либо недостатокъ, она, посредствомъ внутреннихъ неурядицъ, указываетъ на необходимость исправленія. Власть же, или монархъ, записываетъ только эти указанія; онъ является какъ бы секретаремъ общей воли или природы. И никто, кромѣ него, не можетъ играть этой роли, ибо иначе было бы двѣ власти, слѣдовательно, два общества. Возможность же злоупотребленій устраняется сопротивленіемъ корпорацій,

которымъ ввѣрено охраненіе законовъ. Такимъ образомъ, въ устроенныхъ обществахъ сама природа является законодателемъ; въ неустроенныхъ же требуется особая законодательная власть, и это служитъ явнымъ признакомъ того, что законы считаются произведеніями человѣческаго произвола, а не выраженіемъ необходимыхъ отношеній, вытекающихъ изъ природы вещей (L. VI, ch. 3).

Излишне объяснять читателю, что вся эта теорія—чисто фантастическая. Если природа вещей, посредствомъ внутреннихъ неурядицъ, указываетъ на необходимость исправленія законовъ, а въ прогрессивныхъ обществахъ эта необходимость является постоянно, то человѣческому уму принадлежитъ уразумѣніе этихъ указаній, а человѣческой волѣ установленіе правилъ, которымъ всѣ обязаны слѣдовать. Природа сама не установляетъ положительныхъ законовъ, она дѣйствуетъ не иначе какъ черезъ посредство ума и воли лицъ. Тутъ недостаточно быть секретаремъ; надобно составить себѣ мнѣніе и сдѣлать это мнѣніе обязательнымъ для всѣхъ. А въ этомъ и состоитъ назначеніе законодательной власти. Различія между устроенными и неустроенными обществами въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого. Общество, которое повинуется единственно указаніямъ природы, есть общество фантастическое, а не дѣйствительное, и къ нему только примѣнима теорія Бональда.

Отвергнувъ представительныя собранія въ качествѣ участниковъ законодательной власти, Бональдъ признаетъ однако ихъ необходимость для согласія на подати. У членовъ общества нельзя произвольно отбирать ихъ имущество на общественныя потребности; это было бы деспотизмомъ. Истинныя начала въ устроенномъ обществѣ состоятъ въ томъ, что власть испрашиваетъ, а общество собственниковъ даетъ или соглашается; власть распредѣляетъ, взимаетъ, расходуетъ и отдаетъ отчетъ; общество одобряетъ распредѣленіе, надзираетъ за сборомъ и получаетъ отчетъ. При этомъ однако слѣдуетъ отличать расходы постоянные и временные. Первые покрываются постоянными податьми; разъ данное обществомъ согласіе не возобновляется. Для вторыхъ же требуется всякій разъ согласіе чиновъ. Однако, народные представители не имѣютъ права отказать въ податяхъ, которыя испрашиваются правительствомъ, ибо послѣднее лучше ихъ знаетъ общественныя потребности. Права собственниковъ обезпечены тѣмъ, что власть, предъявляя свои требованія,

раскрываетъ имъ свои нужды и затѣмъ представляетъ имъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Если же правительство, злоупотребляетъ своимъ правомъ, употребляетъ данныя ему деньги на другія цѣли, или не даетъ отчета, или растрачиваетъ общественное достояніе, тогда, говоритъ Бональдъ, общество перестаетъ быть устроеннымъ и наступаетъ или банкротство или революція (L. VI, ch. 5).

Такимъ образомъ, самое согласіе на подати въ теоріи Бональда становится фиктивнымъ. Главная цѣль представительныхъ учрежденій состоитъ именно въ предупрежденіи тѣхъ пагубныхъ послѣдствій, къ которымъ ведутъ злоупотребленія; но строя свою систему для фантастическаго общества, Бональдъ, конечно, всего менѣе думаетъ о гарантіяхъ. Въ результатѣ выходитъ чисто монархическое правленіе, ограниченное законами, истекающими изъ природы вещей, и независимыми тѣлами, черпающими свою силу изъ тѣхъ же законовъ.

Изображая этотъ идеалъ, Бональдъ считаетъ однако нужнымъ устранить возраженіе, почерпнутое изъ англійской конституціи. На нее ссылаются приверженцы отвергнутаго имъ смѣшаннаго правленія. Бональдъ думаетъ опровергнуть эту ссылку тѣмъ, что Англія, по его мнѣнію, находится въ совершенно исключительномъ положеніи. Здѣсь соединяются два общества: одно политическое, съ чисто монархическимъ устройствомъ, другое торговое, съ республиканскимъ устройствомъ. Отсюда двѣ разныя власти, воздерживающія другъ друга и находящіяся въ постоянной борьбѣ. Но власть торговаго общества играетъ дѣятельную роль, а власть политическая страдательную. Въ противность своей природѣ, здѣсь монархъ не можетъ охранять общество; онъ только мѣшаетъ разрушенію, изъ чего ясно, что парламентъ имѣетъ разрушительную силу. А такъ какъ страдательное сопротивленіе можетъ только временно пріостановить дѣятельную силу, а не уничтожить ее совершенно, то рано или поздно разрушительное стремленіе должно взять верхъ надъ охранительнымъ. Англійская конституція обречена на погибель (L. VI, ch. 6).

Не нужно доказывать, что все это—чисто фантастическія объясненія. Пониманія англійской конституціи тутъ нѣтъ и тѣни.

Послѣ всего сказаннаго было бы излишне распространяться подробно о теоріи религіозной власти, которая у Бональда слѣдуетъ за теоріею политической власти. И тутъ Бональдъ признаетъ, что можетъ быть только одно необходимое общественное устройство,

тогда какъ отклоненій можетъ быть безчисленное множество. Это необходимое устройство мы находимъ въ христіанствѣ. Оно составляетъ высшее выраженіе единобожія, котораго зачатки лежатъ въ первобытной естественной религіи, а дальнѣйшая ступень въ іудействѣ. Въ христіанствѣ это начало утверждается на необходимомъ отношеніи посредника между Богомъ и человѣкомъ (II, L. IV, ch. 6 и др.). Основанія общества, какъ уже было сказано выше, тѣже, что и въ государствѣ. И тутъ является общая воля, или воля Божія, выражающаяся въ постоянныхъ законахъ, единая власть, принадлежащая Богочеловѣку, наконецъ, сила въ духовенствѣ, состоящемъ подъ общимъ руководствомъ, а потому устроенномъ іерархически, съ папою во главѣ. Отсюда, повидимому, слѣдуетъ, что духовенство играетъ только роль орудія; но такъ какъ направляющая власть, принадлежащая Богочеловѣку, не проявляется непосредственно, то Бональдъ не совсѣмъ послѣдовательно приписываетъ собраніямъ духовенства рѣшенія, необходимыя для сохраненія церкви, и выводитъ отсюда непогрѣшимость соборовъ. Онъ употребляетъ и тотъ доводъ, на который опирался де Местръ, именно, что власть, никому не подсудная, должна быть признана непогрѣшимою (II, L. IV, ch. 5, стр. 194—200; ср. L. VI, ch. 3, стр. 341—352). Но въ отличіе отъ де Местра, онъ приписываетъ непогрѣшимость только совокупности церкви, представляемой соборами, а никакъ не папѣ. Таково, говоритъ онъ, истинное ученіе галликанской церкви. Онъ утверждаетъ даже, что во Франціи церковное устройство лучше, нежели гдѣ бы то ни было, ибо здѣсь папа связанъ постоянными законами, а потому не можетъ ставить свою частную волю на мѣсто общей воли церкви (II, L. V, ch. 5, стр. 290—1).

Что касается до протестантизма, то онъ представляетъ вторженіе человѣческаго произвола въ религіозное общество. Протестантскія церкви соотвѣтствуютъ республикѣ въ политической области; поэтому и результаты ихъ тѣже. А такъ какъ эти двѣ области тѣсно связаны между собою, то каждая форма политическаго общества стремится создать соотвѣтствующую ей форму религіознаго общества, и наоборотъ, отсюда совмѣстное развитіе революціонныхъ началъ и невѣрія (L. V, ch. 6; L. VI, ch. 1, 2).

Во всѣхъ этихъ мысляхъ Бональда, очевидно, выражается стремленіе замѣнить произволъ законнымъ порядкомъ. У него власть не

становится превыше всего, какъ у де Местра. Власть должна быть сдержана постоянными законами. Но вопросъ заключается именно въ томъ, какъ это устроить? Законы не установляются сами собою. Коренное положеніе Бональда, что законы должны устанавливаться самою природою вещей, ничто иное какъ мечта, которая дѣлаетъ всю его систему совершенно неприложимою къ человѣческимъ обществамъ. Установленіе законовъ все-таки окончательно зависитъ отъ человѣческаго произвола, и если мы хотимъ уничтожить произволъ власти, то остается только прибѣгнуть къ свободѣ. Но именно этого Бональдъ и не хочетъ признать. Для него самая свобода заключается въ подчиненіи власти. Свобода, говоритъ онъ, состоитъ въ возможности, или власти, исполнять свою волю. Но человѣкъ, какъ членъ общества, не можетъ и не долженъ имѣть иной воли, кромѣ воли общественной; послѣдняя должна уничтожить всѣ частныя влеченія человѣка. Общество же исполняетъ свою волю посредствомъ власти, дѣйствующей по необходимымъ законамъ, въ виду сохраненія общества и всѣхъ его членовъ. Слѣдовательно и человѣкъ, какъ членъ общества, исполняетъ истинную свою волю только черезъ общественную власть. Поэтому онъ свободенъ только въ монархіи и въ христіанской церкви; въ неустроенныхъ же обществахъ онъ не свободенъ, ибо онъ проявляетъ свою частную, разрушительную волю въ отношеніяхъ, противныхъ природѣ существъ. Свобода каждаго существа состоитъ въ достиженіи своего назначенія; свобода же уничтожать себя—не есть свобода (II, L. VI, ch. 6, стр. 379—385, 391—3). Ясно, что тутъ о личномъ правѣ, о самоопредѣленіи человѣка нѣтъ рѣчи. Личное начало вполнѣ поглощается общественнымъ, представителемъ котораго является власть, и хотя требуется, чтобы власть дѣйствовала по необходимымъ законамъ, но такъ какъ сила этихъ законовъ, въ свою очередь, зависитъ отъ власти, то все это систематически устроенное зданіе остается висящимъ въ воздухѣ.

Третью часть своего сочиненія Бональдъ посвящаетъ воспитанію и администраціи; но все это не имѣетъ значенія.

Болѣе обширную задачу Бональдъ положилъ себѣ въ другомъ сочиненіи, вышедшемъ въ 1802 году, подъ заглавіемъ: *Первоначальное законодательство, разсмотрѣнное при одномъ свѣтѣ разума* (Législation primitive, considérée par les seules lumières de la raison). Здѣсь онъ хотѣлъ возвести устройство человѣческихъ обществъ къ

высшимъ законамъ разума. Три категоріи исчерпываютъ, по его мнѣнію, всю совокупность явленій: *причина, средство* и *дѣйствіе*. На нихъ основываютъ и всѣ системы, какъ философіи, такъ и *общежитія*. У Евреевъ какъ міросозерцаніе, такъ и законодательство берутъ свое начало отъ Бога, верховной причины всего сущаго. Язычники, напротивъ, остановились исключительно на слѣдствіи: человѣческій разумъ является у нихъ творцомъ философіи, человѣческая воля—источникомъ законовъ. Наконецъ, христіанство соединяетъ оба воззрѣнія въ понятіи о посредникѣ между Богомъ и человѣкомъ. Здѣсь болѣе свободы, нежели у Евреевъ, и воля человѣческая болѣе устроена, нежели у язычничковъ[1]). Оба начала были однако же искажены новою философіею, которая возобновила заблужденія язычниковъ. Отсюда успѣхи невѣрія и революціи. Чтобы противодѣйствовать имъ, необходимо возвыситься къ первоначальнымъ законамъ, на которыхъ зиждутся всѣ человѣческія общества, къ законамъ нравственнымъ, источникъ которыхъ лежитъ въ религіи и которые въ чистотѣ своей содержатся въ собственномъ откровеніи (стр. 9—11, 41—43, 90—93, 99—101).

Чтобы достигнуть этой цѣли, надобно начать съ разсмотрѣнія основныхъ свойствъ человѣческаго ума. Человѣкъ познаетъ вещи черезъ посредство мыслей, собственныя же свои мысли онъ познаетъ черезъ посредство ихъ выраженія. Это выраженіе можетъ быть двоякое: тѣлодвиженіями, которыя укрѣпляются разсудкомъ, выражается образъ, производимый воображеніемъ; словомъ и письмомъ выражается понятіе, созданное умомъ. Образы и слова—не только знаки, но и настоящія выраженія мыслей, безъ которыхъ послѣднія не существуютъ. Человѣкъ думаетъ не иначе какъ словами; слѣдовательно для того, чтобы думать, онъ долженъ уже владѣть словомъ, изъ чего, въ свою очередь, слѣдуетъ, что слово, предшествуя мысли, не можетъ быть человѣческимъ изображеніемъ. Оно могло быть только плодомъ первоначальнаго откровенія (L. I, ch. 1).

Таковъ доводъ, на которомъ Бональдъ строитъ всю свою систему. Мы находимъ здѣсь туже претензію на строгую логику, при отсутствіи всякаго смысла. Бональдъ не понимаетъ ничего, кромѣ умыш-

---

1) Législat. primit. Discours préliminaire, стр. 5—9, 39-41 (Oeuvres de M. de Bonald. Paris, 1847).

леннаго изображенія и внѣшняго усвоенія. Возставая противъ понятій XVIII вѣка, онъ впадаетъ въ еще худшую ошибку, ибо въ его теоріи выраженіе предшествуетъ тому, что выражается, какъ нѣчто совершенно внѣшнее и чуждое. Проводя эту мысль, надобно признать и тѣлодвиженія плодомъ первоначальнаго откровенія.

Бональдъ доказываетъ ту же мысль еще и другимъ способомъ. Разумъ (la raison), говоритъ онъ, есть познаніе истины; это—умъ, освященный истиною. Слѣдовательно онъ можетъ быть только плодомъ, а не орудіемъ познанія, а потому человѣкъ не познаетъ истины собственнымъ разумомъ, а получаетъ ее путемъ откровенія (ch. 3). И тутъ все доказательство основано на подтасовкѣ понятій. Слово *разумъ* принимается въ совершенно произвольномъ смыслѣ и на этомъ основаніи отвергается всякое иное его значеніе. Допустивши опредѣленіе Бональда, можно сказать только, что истина познается не разумомъ (la raison), а умомъ (l'ésprit), а никакъ нельзя вывести, что она получается откровеніемъ.

Между тѣмъ Бональдъ выводитъ отсюда, что человѣкъ, получивши слово отъ Бога, имѣетъ первоначально вложенное въ него понятіе о Богѣ. Но это понятіе, само по себѣ недостаточное, было впослѣдствіи еще болѣе искажено. Человѣкъ зналъ только два крайнихъ термина системы существъ, причину и дѣйствія, но онъ не зналъ еще посредника. А это познаніе необходимо для полноты пониманія. Тройственность причины, средства и слѣдствія составляютъ отношеніе или пропорцію, на которой зиждется весь порядокъ вселенной. Въ физическомъ мірѣ охраняющая причина есть первый двигатель, средство—движеніе, слѣдствіе вещи; въ человѣкѣ причина есть воля, средство—органы, дѣйствіе—предметъ или цѣль; наконецъ, въ обществѣ таже тройственность повторяется въ видѣ власти, служителя и подданнаго. Христіанство, возвѣщая міру пришествіе Богочеловѣка, возвело такимъ образомъ первоначально вложенную въ человѣка религію на высшую степень совершенства (L. I, ch. 4—8).

Въ приложеніи къ различнымъ обществамъ, продолжаетъ Бональдъ, этотъ міровой законъ выражается въ слѣдующей формулѣ: причина относится къ средству, какъ средство относится къ дѣйствію. Такъ, въ религіозномъ обществѣ Богочеловѣкъ относится къ служителямъ церкви, какъ послѣдніе къ вѣрующимъ; въ семействѣ мужъ относится къ женѣ такъ же, какъ жена къ дѣтямъ; наконецъ, въ политиче-

скомъ обществѣ князь относится къ служителямъ, какъ послѣдніе къ подданнымъ. Вездѣ посредствующее звено служитъ связью между силою и слабостью, ибо на этомъ отношеніи зиждется всякое общество. Общій источникъ всѣхъ этихъ властей есть Богъ, который послалъ Богочеловѣка для устроенія церкви, посылаетъ князя для устроенія государства и отца для устроенія семейства. Поэтому верховная властъ находится въ Богѣ, всякая же власть, непосредственно подчиненная Богу, идетъ отъ Бога, вслѣдствіе чего подданные безусловно обязаны ей повиноваться. Однако эти власти въ нѣкоторомъ отношеніи подчиняются другъ другу. Болѣе широкія заключаютъ въ себѣ болѣе тѣсныя. Такъ, власть Бога выше власти Богочеловѣка, послѣдняя выше власти царской, царская же власть выше семейной. Сравнивая эти общества, говоритъ Бональдъ, можно сказать, что религія есть власть, а государство и семейство—ея служители для сохраненія человѣчества (L. I, ch. 9). Образованное общество представляетъ собою религію, заставляющую государство служить совершенству и счастью человѣческаго рода. Поэтому совершеннѣйшее государство то, въ которомъ устройство наиболѣе религіозно и управленіе наиболѣе нравственно. Религія должна устроить государство, а не государство религію; однако для того, чтобы оно умѣряло ея служителей, которыхъ страсти могли бы исказить религію и тѣмъ подорвать основы государства. Если государство должно повиноваться религіи, то служители религіи должны повиноваться государству во всемъ, что оно предписываетъ согласно съ законами религіи. Такимъ образомъ религія защищаетъ власть государства, а государство защищаетъ власть религіи (L. II, ch. 19).

Очевидно, что только галликанскія убѣжденія Бональда побудили его сдѣлать эту оговорку, которая противорѣчитъ всему предыдущему изложенію. Послѣдовательно проводя основную мысль, надобно было сказать, что государственная власть подчиняется церковной, такъ же какъ семейная подчиняется государственной и даже въ большей степени, ибо семейство не составляетъ орудія государства, какъ государство составляетъ орудіе религіи. Но Бональдъ не рѣшился идти до этихъ предѣловъ. Онъ ограничился требованіемъ тѣсной связи церкви съ государствомъ, при господствѣ религіознаго закона. Все свѣтское законодательство, по его мнѣнію, должно быть приложеніемъ и развитіемъ десяти заповѣдей, заключающихъ въ себѣ основанія

всего общественнаго быта (L. II, ch. 1), хотя въ сущности десять заповѣдей не имѣютъ ничего общаго съ выведенною Бональдомъ формулою. Бональдъ увѣряетъ даже, что всѣ коренные законы политическаго союза не что иное, какъ развитіе предписанія: «чти отца твоего и мать», ибо слова *отецъ* и *мать* означаютъ всякую власть, и цѣль всякой конституціи состоитъ въ томъ, чтобы заставить чтить власть въ ней самой и въ ея орудіяхъ (ch. 5). Какое тутъ господствуетъ смѣшеніе понятій, ясно для всякаго читателя.

Изъ этихъ же началъ Бональдъ выводитъ, что общественная власть, такъ же какъ и семейная, должна быть подчинена одному Богу и независима отъ людей; а для этого она должна быть едина и постоянна; она должна представляться лицомъ мужскаго пола и быть собственникомъ своихъ правъ, ибо безъ этихъ свойствъ нѣтъ истинной независимости. Князь издаетъ законъ, а служители его исполняютъ. Подданные же составляютъ цѣль, для которыхъ все совершается, но они обречены на страдательное повиновеніе (ch. 10).

Если мы сравнимъ эти выводы съ тѣмъ, что мы нашли въ предыдущемъ сочиненіи, мы увидимъ, что здѣсь нравственно-религіозныя начала, положенныя въ основаніе истины, развиваются съ еще большею односторонностью. О свободѣ, о границахъ власти тутъ нѣтъ уже рѣчи; нѣтъ и политическихъ взглядовъ, почерпнутыхъ изъ исторической, хотя отжившей дѣйствительности. Все ограничивается сухимъ схематизмомъ, ложнымъ въ своихъ основаніяхъ и неприложимымъ къ явленіямъ. Ибо едва ли нужно объяснять, что категоріи причины, средства и дѣйствія совершенно искусственнымъ образомъ приложены къ общественному устройству. Власть—не причина, а подданный — не дѣйствіе. Бональдъ въ первой видитъ дѣятельный элементъ общества, а въ послѣднихъ — страдательный, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности между ними существуетъ взаимнодѣйствіе. Безъ самодѣятельности гражданъ сила власти лишается главной своей опоры. Одностороннее направленіе заставляло Бональда болѣе и болѣе вдаваться въ крайность; но у него недоставало ни ума, ни знаній, чтобы построить сколько-нибудь основательную систему на принятыхъ имъ началахъ. Вышла совершенно ребяческая теорія, лишенная всякаго значенія въ наукѣ. Французская клерикальная школа не можетъ похвалиться своимъ систематикомъ.

3. БАЛЛАНШЪ.

Болѣе либеральнаго направленія, нежели предъидущіе писатели, держится Балланшъ. Онъ хочетъ сочетать старое съ новымъ. Чувствомъ онъ принадлежитъ прошедшему, разумомъ будущему. «Вслѣдствіе этого», говоритъ онъ о себѣ самомъ, «поверхностные читатели увидятъ въ немъ нѣкоторое противорѣчіе. Но размышляющіе читатели поймутъ его лучше и признаютъ его тѣмъ болѣе способнымъ произвести примиреніе между партіями. Къ тому же, довольно естественно, что на границѣ двухъ эръ, одной начинающейся, другой кончающейся, находятся люди, которые, какъ баснословный Янусъ, имѣютъ два лица, одно, чтобы видѣть то, что было, и извлечь отсюда окончательныя поученія, другое, чтобы увеличивать то, что придвигается, и предвидѣть будущіе результаты» [1]). Къ сожалѣнію, у Балланша недоставало умственныхъ средствъ для исполненія этой задачи. Сердечная теплота и чистота побужденій не могутъ замѣнить ни знаній, ни таланта. Изъ этой попытки вышла только неопредѣленная картина, гдѣ все ограничивается нѣкоторыми общими, болѣе или менѣе вѣрными, но весьма разжиженными мыслями.

Первое и главное сочиненіе, въ которомъ Балланшъ изложилъ свои взгляды, появилось въ 1818 году, подъ заглавіемъ: *Опытъ объ общественныхъ учрежденіяхъ въ ихъ отношеніи къ новымъ идеямъ* (Essai sur les institutions Sociales, dans leur rapport avec les idées nouvelles). Въ основаніе полагается понятіе о прогрессѣ. Человѣчество не стоитъ на одномъ мѣстѣ. Оно постоянно подвигается впередъ, по законамъ, независящимъ отъ его воли. Отдѣльныя лица рождаются и умираютъ; общества обновляются, и когда одно сходитъ съ историческаго поприща, другое заступаетъ его мѣсто. Такимъ образомъ, человѣчество составляетъ одно цѣлое, и движеніе его образуетъ одну непрерывную нить, въ которой настоящее всегда опредѣляется прошедшимъ. Отсюда нѣчто роковое въ его судьбахъ. Смѣняющія другъ друга поколѣнія не начинаются и не кончаются въ пустынѣ; каждое примыкаетъ къ тому, что совершено его предшественниками и продолжаетъ ихъ дѣла. Въ исторіи нѣтъ отрывочныхъ событій; ничто не существуетъ само по себѣ, а все только въ

[1]) Essai sur les instit. soc. ch. I, стр. 11—12.

зависимости отъ цѣлаго. Самобытная индивидуальность не существуетъ для человѣка на землѣ. Самыя историческіе дѣятели, которые, повидимому, управляютъ судьбами народовъ, въ сущности только предугадываютъ то, что лежитъ въ порядкѣ вещей. Человѣкъ не имѣетъ творческой способности; въ своихъ дѣяніяхъ онъ является органомъ Провидѣнія (ch. 2, стр. 36—43).

Въ этомъ движеніи каждый народъ имѣетъ свое назначеніе, котораго предчувствіе вложено въ него Богомъ. Нѣкоторые же изъ нихъ возвышаются надъ другими, представляя какъ бы тѣнь, въ исторіи которыхъ содержится исторія другихъ народовъ. Таковы были въ древности Евреи, Греки, Римляне; таковъ въ новое время народъ французскій, котораго языкъ имѣетъ характеръ универсальности, который всегда шелъ впередъ европейскаго просвѣщенія и всегда былъ и будетъ главою новыхъ европейскихъ народовъ. Одну минуту казалось, что Англіи ввѣрено храненіе консервативныхъ идей; но это было только временное назначеніе, пока во Франціи господствовала анархія и престолъ былъ похищенъ временщикомъ. Англія не въ состояніи исполнить эту задачу; у нея нѣтъ потребнаго для того орудія—всемірнаго языка. Съ возстановленіемъ Бурбоновъ Франція снова заняла прежнее свое мѣсто въ ряду народовъ и можетъ исполнять свое назначеніе (стр. 48 и слѣд.). Прерванная нить преданія снова возстановлена; возвратилась династія, имѣющая глубочайшіе корни въ народной жизни. Король далъ Хартію, а не получилъ ея; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сталъ во главѣ своего вѣка, ибо онъ внесъ въ нее все, что требуется духомъ времени (ch. 1, стр. 22—3).

Не слѣдуетъ однако думать, что съ изданіемъ Хартіи все порѣшено. Хартія—начало, а не конецъ новыхъ учрежденій. Вообще, никакой законъ не сочиняется; онъ провозглашаетъ только то, что уже есть. Конституцію нельзя импровизировать или настроить на теоретическомъ расчетѣ; она существуетъ, какъ выраженіе даннаго порядка вещей. Но по этому самому она не представляетъ законченнаго зданія, а слѣдуетъ общему закону развитія. Каждое поколѣніе прибавляетъ къ ней свою работу; отцы не имѣютъ права наложить на дѣтей неизмѣнное ярмо. Человѣку не дано знать, что заключаетъ въ себѣ будущее. Одному Богу извѣстна тайна сочетанія свободы, составляющая основаніе всякой нравственности, съ зако-

нами необходимости, на кототорыхъ зиждется гармонія вселенной. Такимъ образомъ, учрежденія народовъ дѣти времени. Время основываетъ и разрушаетъ; оно является великимъ глашатаемъ воли Провидѣнія. Человѣческіе же такъ называемые законы, которые издаются съ согласія палатъ, составляютъ только послѣдствія истинныхъ законовъ, лежащихъ въ основаніи существующаго порядка вещей (ch. III, стр. 67—72).

Настоящая эпоха, болѣе нежели какая-нибудь другая, можетъ ожидать только отъ времени развитія учрежденій. Человѣчество находится въ критической порѣ; въ немъ совершился переломъ. Старое зданіе рухнуло, и нѣтъ уже возможности его возобновить. Можно жалѣть о разрушеніи, но исправить его не въ силахъ человѣка. Все это произошло оттого, что люди сами захотѣли сдѣлать революцію, вмѣсто того чтобы утвердить только переворотъ, уже совершившійся въ умахъ. Всякій разъ, какъ человѣкъ хочетъ насильно ускорить естественный, но медленный ходъ развитія, точно также какъ и тогда, когда онъ полагаетъ ему преграды, онъ подвергаетъ общество опасности и накопляетъ только развалины. Отсюда въ обществѣ глубокій разладъ: нравы, которые, по характеру своему, двигаются медленно, остались позади, мнѣнія же ушли впередъ. Возстановить гармонію между этими двумя элементами человѣческаго общества— такова задача настоящей эпохи (ch. III, стр. 66, 83—87).

Во взаимномъ отношеніи нравовъ и мнѣній Балланшъ видитъ ключъ къ объясненію важнѣйшихъ современныхъ общественныхъ явленій. Онъ указываетъ на Англію, гдѣ конституціонный порядокъ проченъ, потому что онъ существуетъ не только какъ теорія, но укоренился въ нравахъ. Во Франціи, напротивъ, Хартія должна еще войти въ нравы, а это можетъ быть только дѣломъ времени. Во французскомъ характерѣ есть многое, что этому мѣшаетъ. Республиканская суровость, также какъ и сухость конституціоннаго правленія мало приходятся подвижному народу, привыкшему заниматься общественными дѣлами, какъ бы играя. Свобода печати, не необходимая при настоящемъ порядкѣ вещей, идетъ въ разрѣзъ съ тонкостью и щекотливостью привычекъ и вкуса. Равенство, къ которому стремится общественное мнѣніе, противорѣчитъ сохранившимся въ обществѣ аристократическимъ нравамъ. Въ этомъ отношеніи, Англія опять находится въ совершенно иномъ положеніи. Такъ,

вслѣдствіе историческихъ причинъ, дворянство искони стояло во главѣ народа, противодѣйствуя общему гнету. Поэтому тамъ стремленіе къ уравненію никогда не могло сдѣлаться господствующимъ. Во Франціи, напротивъ, дворянство мало-по-малу было побѣждено союзомъ королей съ массою народа. Отсюда вообще стремленіе къ уравненію, которое было еще болѣе усилено революціею, открывшею свободное поприще уже не семействамъ, какъ прежде, а каждому отдѣльному лицу. Но революціи во имя равенства всегда пагубны для общества; окончательно онѣ ведутъ къ уравненію состояній. Во всякомъ обществѣ есть большинство, которое должно быть сдержано. Голосъ его долженъ приниматься въ расчетъ, но не долженъ имѣть преобладающаго значенія. Общественная іерархія составляетъ необходимый законъ человѣческихъ обществъ. Отсюда проистекаетъ и высокое значеніе законной монархіи. Во Франціи въ особенности, она составляетъ единственную узду подвижности народнаго характера, единственное прибѣжище, которое остается нравамъ. Корни французской монархіи переплетены съ самымъ началомъ народной исторіи, съ водвореніемъ христіанства. Монархія росла вмѣстѣ съ народомъ; она связана со всѣми преданіями и славою французскаго имени. Будучи главною опорою общественнаго зданія, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, была хранительницею европейскаго просвѣщенія, а такъ какъ и донынѣ, Франція стоитъ во главѣ современнаго просвѣщенія, то съ сохраненіемъ въ ней законной монархіи связаны всѣ высшіе интересы Европы (ch. V).

Но главная причина современнаго разлада между нравами и мнѣніями лежитъ въ упадкѣ религіознаго чувства. Религія всегда составляетъ основаніе общественнаго быта. И въ древности и въ новое время политическія учрежденія опирались на религіозныя. Всѣ вопросы, касающіеся основаній общества, въ существѣ своемъ, вопросы религіозные. Иначе и быть не можетъ, ибо человѣкъ менѣе дорожитъ временнымъ, нежели вѣчнымъ. Безконечное всегда лежитъ въ глубинѣ его сердца. Поэтому мы и видимъ, что тѣ начала, которыя нынѣ волнуютъ политическія общества, сперва появились въ области религіозной и оттуда уже перешли въ политику. Еще до Лютера богословскіе споры имѣли цѣлью свергнуть иго преданій и авторитета и дать независимость человѣческой мысли. Отсюда былъ одинъ шагъ до обсужденія основаній власти. Во Франціи, однако,

протестантизмъ никогда не могъ пустить прочныхъ корней. Если мнѣніе къ нему склонялось, то нравы ему противодѣйствовали. Французамъ не приходилась религія, лишенная всякаго внѣшняго благолѣпія, ничего не говорящая воображенію. Такимъ образомъ, нравы остались католическими. Но мнѣніе ушло совершенно въ иную сторону: оно сдѣлалось, если не вполнѣ антирелигіознымъ, то по крайней мѣрѣ независимымъ отъ всякихъ религіозныхъ убѣжденій. Особенность современнаго философскаго движенія состоитъ въ томъ, что оно разрушаетъ старое, ничего не поставляя не его мѣсто. Отсюда глубочайшій умственный разладъ. Христіанство заключаетъ въ себѣ всѣ нравственныя основы человѣческой жизни. Поэтому, съ уничтоженіемъ его должно разрушиться самое общество. Нравственныя начала одни въ состояніи сдерживать массы, которыя своею численностью составляютъ силу. Безъ христіанства пришлось бы снова прибѣгнуть къ античному рабству. Поэтому оно и въ настоящее время составляетъ единственное спасеніе общества (ch. VI).

Балланшъ ищетъ объясненія этого явленія въ законахъ развитія человѣческой мысли. Онъ принимаетъ теорію Бональда, по которой языкъ, также какъ и общество, даны человѣку первоначальнымъ откровеніемъ; но онъ присоединяетъ къ этому другую теорію, въ силу которой мысль постепенно освободилась отъ узъ, наложенныхъ на нее языкомъ. Первоначальный, живой языкъ матеріализировался съ введеніемъ письма. Буква стала господствовать надъ смысломъ; слова превратились въ простые знаки. Окрѣпнувшая мысль чувствовала себя стѣсненною въ этихъ границахъ; наконецъ, она скинула съ себя оковы и получила полную свободу (ch. IX, X).

Это освобожденіе мысли имѣетъ однако разное значеніе въ различныхъ сферахъ человѣческой жизни. Въ политической области, свобода становится господствующимъ элементомъ. Здѣсь властвуетъ общественное мнѣніе, которое выражается въ свободѣ печати, въ судѣ присяжныхъ, въ представительныхъ собраніяхъ (ch. VIII, XI, 3-ème partie). Въ религіозной же области, живое слово, а вмѣстѣ съ нимъ и сила преданія, остались владычествующими. Отсюда необходимость раздѣленія религіозной сферы и политической. Въ настоящее время, тѣ преграды, которыя полагались прежде церковной

власти, становятся излишними. Папа можетъ быть неограниченнымъ владыкою въ духовномъ мірѣ; но политическая жизнь должна оставаться независимою (ch. XI, 1-ère partie).

Этимъ объясняется и различіе человѣческихъ стремленій. Люди, вообще, могутъ быть раздѣлены на два разряда. Одни могутъ думать только черезъ посредство слова. Для нихъ, поэтому, всего важнѣе сила преданія. Общежитіе и законы они производятъ изъ первоначальнаго общественнаго откровенія. Другіе, напротивъ, имѣютъ способность думать безъ словъ. Вслѣдствіе этого, они видятъ въ языкахъ человѣческихъ обществъ созданія человѣческаго произвола; они стоятъ за свободу и сильно идутъ впередъ. Въ прежнія времена, первый классъ былъ самый многочисленный; въ настоящее время, послѣдній получилъ перевѣсъ. Отсюда разладъ въ современныхъ обществахъ, но разладъ естественный и необходимый, вытекающій изъ самыхъ законовъ развитія мысли. Уразумѣніе этихъ законовъ должно повести къ примиренію партій: онѣ поймутъ, что каждое изъ нихъ представляетъ извѣстную сторону человѣческаго развитія. Каждая изъ нихъ имѣетъ и свою отдѣльную область. Если въ политической жизни должна господствовать свобода, то нравственно-религіозный міръ всегда останется достояніемъ преданія. Христіанство представляетъ высшее совершенство религіи. Далѣе человѣческая мысль не можетъ идти (ch. VII).

Разбирая Бональда, мы видѣли уже совершенную несостоятельность его теоріи о происхожденіи языка. Балланшъ хотѣлъ ее исправить, но къ одной ребяческой гипотезѣ онъ прибавилъ только другую, ибо иначе нельзя назвать его теорію объ освобожденіи мысли отъ узъ языка. Раздѣленіе людей на такихъ, которые не могутъ думать иначе, какъ съ помощью слова, и на такихъ, которые могутъ думать безъ словъ, ничто иное какъ непонятная фантазія. Въ основаніи всей этой теоріи лежитъ вѣрная мысль, что первоначально опредѣленія человѣческой природы являются непосредственно данными, а впослѣдствіи свобода, отрываясь отъ этой основы, создаетъ свой собственный міръ. Но совершенная недостаточность философскаго образованія у французскихъ клерикальныхъ писателей помѣшала имъ дать этой мысли правильное развитіе и вѣрное приложеніе. Она обратилась у нихъ въ пустой вымыселъ, лишенный всякаго научнаго значенія.

Позднѣе, съ 1827 года, Балланшъ началъ издавать другое сочиненіе: *Опыты общественной палингенезіи* или *общественнаго возрожденія* (Essais de palingénésie sociale). Онъ хотѣлъ изобразить здѣсь прогрессивное движеніе человѣческаго рода, переходящаго черезъ различныя эпохи обновленія. Въ противоположность де-Местру, въ которомъ онъ видитъ представителя стараго, отживающаго порядка, основаннаго исключительно на началѣ власти, Балланшъ понимаетъ прогрессъ, какъ видоизмѣненіе преданій путемъ свободы. Павшій человѣкъ руководится Провидѣніемъ къ высшему своему назначенію; но въ этомъ движеніи онъ не является чисто страдательнымъ существомъ; какъ свободное лицо, онъ самъ создаетъ свою судьбу и несетъ отвѣтственность за свои дѣйствія. Только это и даетъ нравственное значеніе прогрессу, ибо тутъ только человѣкъ самъ заслуживаетъ свое совершенствованіе. Вслѣдствіе этого, первоначальная эпоха патриціанскаго владычества, основанная на преданіяхъ и откровеніи, замѣняется эпохою плебейскаго развитія, исходящаго изъ свободы. Христіанство явилось высшимъ выраженіемъ этого процесса. Это—истинно плебейская религія, ибо, въ противоположность языческимъ вѣрованіямъ, установляется всеобщее религіозное равенство, изъ котораго вытекаетъ и всеобщее гражданское равенство. Идеалъ, къ которому стремится человѣчество, состоитъ въ томъ, чтобы всѣ народы соединились вокругъ христіанства и связывались общими узами любви.

Эти мысли Балланшъ хотѣлъ провести въ исторіи человѣчества. Но не справившись съ своимъ матеріаломъ и не будучи подготовленъ къ тому ученою работою, онъ сдѣлалъ это, по собственному своему признанію, только въ общихъ, смутныхъ очеркахъ, въ видѣ поэтическихъ сказаній. Подобная попытка, конечно, не могла имѣть научнаго достоинства. Къ этому присоединяется безсвязность и растянутость изложенія, при совершенномъ недостаткѣ ясной философской мысли. *Общественное возрожденіе* является болѣе выраженіемъ чистой и возвышенной души, нежели памятникомъ зрѣлой политической мысли или философскаго труда. Нельзя жалѣть о томъ, что оно осталось недоконченнымъ. Балланшъ былъ идеалистъ клерикальной школы; но онъ не умѣлъ ни изобразить свой идеалъ съ достаточною ясностью, ни оправдать его научными доводами.

4. ЛАМЕННЭ.

Если у Балланша религіозныя убѣжденія сочетались въ идеальной формѣ съ вѣрою въ прогрессъ, то у Ламеннэ клерикализмъ и либерализмъ приходятъ къ явному разрыву. По таланту это первый изъ писателей клерикальной школы; но сила мысли не соотвѣтствовала дарованіямъ, а страстность темперамента побуждала его кидаться изъ одной крайности въ другую и возмущаться противъ всего, что противорѣчило его безусловнымъ требованіямъ.

Первое сочиненіе, въ которымъ выступилъ Ламеннэ, было чисто клерикальнаго направленія. Это былъ надѣлавшій много шуму *Опытъ о равнодушіи въ дѣлѣ религіи* (Essai sur l'indifference en matière de religion). Первая часть вышла въ 1817 году. Ламеннэ становился здѣсь на точку зрѣнія религіознаго авторитета и ополчался противъ всего, что отъ него отклонялось. Въ Реформаціи, провозгласившей свободу мысли, онъ видѣлъ источникъ всѣхъ золъ, постигшихъ современное общество. Предоставленный себѣ, личный разумъ не въ состояніи дойти до истины. Онъ идетъ отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, нигдѣ не находя твердой точки опоры. Личное мнѣніе становится мѣриломъ всего; но такъ какъ личныхъ мнѣній безчисленное множество, то никто не можетъ быть убѣжденъ въ истинѣ того, что онъ думаетъ. Отсюда разнообразіе сектъ, на которыя разбился протестантизмъ. Критика подрываетъ наконецъ самыя основанія вѣры и окончательно приводитъ людей къ полному религіозному равнодушію. Въ силу начала всеобщей терпимости всѣ исповѣданія кажутся одинакими, и самая религія представляется только политическимъ учрежденіемъ, годнымъ единственно для простонародья. Но подобное воззрѣніе, которое ничто иное какъ замаскированный атеизмъ, повело къ разслабленію всѣхъ общественныхъ узъ. Само въ себѣ, оно совершенно нелѣпо, ибо если религія, какъ оно предполагаетъ, необходима для существованія обществъ, то она должна была имъ предшествовать, а не можетъ быть изобрѣтена законодателями. При такомъ взглядѣ само общество, основанное на произвольномъ изобрѣтеніи, становится произвольнымъ и случайнымъ явленіемъ въ жизни человѣчества. Религія, нравственность, права, обязанности, все это коренится въ заблужденіи.

Несостоятельность этой теоріи побудила другихъ приверженцевъ

свободы прибѣгнуть къ иному началу. Признавая существенное значеніе религіи, они признають истинною только естественную религію, всѣ же положительныя религіи считають безразличными. Но это значить ставить на одну доску истину и ложь. Истинная религія можеть быть только одна; если человѣкъ имѣеть возможность ее познать, онъ не можеть оставаться при заблужденіи. Притомъ, эта истинная религія можеть быть только положительная, ибо то, что называють естественною религіею, ничто иное какъ собраніе смутныхъ предложеній, на счеть которыхъ самые ея послѣдователи не могуть согласиться. Они прямо признають существо Бога недоступнымъ разуму, и когда атеисты возражають имъ, что для нихъ неясно и самое существованіе Божества, то это возраженіе, съ точки зрѣнія естественнаго разума, остается неопровержимымъ.

Очевидная недостаточность предоставленнаго себѣ разума для познанія Бога побудила третьихъ признать необходимость откровенія. Протестанты считають Библію краеугольнымъ камнемъ вѣры; но толкованіе Библіи они опять-таки предоставляють личному разуму, а это открываеть поле самымъ разнообразнымъ мнѣніямъ. Нѣть предѣла, на которомъ должна бы была остановиться свободная критика. Самые коренные догматы вѣры подвергаются сомнѣнію. Во избѣжаніе этого, протестанты признають нѣкоторые пункты, которые они считають основными, и которые должны быть признаны всѣми. Но какіе именно пункты должны быть признаны основными, на этоть счеть опять происходять разнорѣчія. Если притомъ мы Библію считаемъ священною книгою, то на какомъ основаніи примемъ мы одно и отвергнемъ другое? Все въ ней связано и составляеть одно цѣлое. Но какъ скоро мы толкованіе предоставляемъ личному разуму, такъ исчезаеть всякая обязательная догма. Въ своей критикѣ умъ послѣдовательно идеть оть откровенія къ деизму и оть деизма къ атеизму, который составляеть естественный результать всего этого процесса. Полное равнодушіе къ вѣрѣ лежить въ концѣ.

Между тѣмъ, религія составляеть существеннѣйшую потребность человѣка. Цѣль человѣка есть счастіе, счастіе же заключается въ совершенствѣ, а совершенство зависить оть порядка. Но, предоставленный себѣ, человѣческій разумъ не въ состояніи ни познать порядокъ, ни слѣдовать ему. Философія представляеть только смѣсь противорѣчащихъ другъ другу системъ, которыя оставляють умъ въ

полномъ недоумѣніи. Она не способна произвести ничего, кромѣ скептицизма. При такомъ настроеніи, человѣкъ ищетъ счастія въ себѣ самомъ; но этимъ самымъ онъ отрѣзываетъ себѣ путь къ счастію, ибо, отрываясь отъ общаго центра, онъ, вмѣсто порядка, производитъ безпорядокъ. Одна религія выводитъ его изъ этого состоянія: открывая ему безконечное, она даетъ ему полноту истины и обѣщаетъ ему полноту блаженства. Поэтому она одна можетъ удовлетворить человѣка.

Еще важнѣе религія для общества. Общество состоитъ именно въ установленіи извѣстнаго порядка между людьми; порядокъ же невозможенъ безъ управляющей власти. Этотъ порядокъ долженъ быть основанъ на естественныхъ, а не на искусственныхъ отношеніяхъ; это одно даетъ обществу прочность. Между тѣмъ, по естественному закону, ни одинъ человѣкъ не имѣетъ власти надъ другими. Всѣ люди равны; они подчиняются одному верховному владыкѣ, Богу. Слѣдовательно, законною можетъ считаться только власть, исходящая отъ Бога. Религіозное подчиненіе составляетъ основаніе гражданскаго. Богомъ установляется и религіозный законъ, который одинъ служитъ источникомъ всѣхъ человѣческихъ обязанностей. Безъ религіи нѣтъ нравственности, нравственность же связываетъ людей въ обществѣ. Такимъ образомъ, человѣческое общежитіе предполагаетъ религію и зиждется на ней. Тѣ, которые ищутъ для общества инаго основанія, должны опираться на силу или на личную волю. Но сила не можетъ быть основаніемъ права; личная же воля, будучи полновластна, не въ состояніи установить прочное общежитіе. Не говоря о томъ, что договоръ, на которомъ думаютъ основать общежитіе, никогда не существовалъ, подобный договоръ не имѣетъ никакой обязательной силы. У него нѣтъ санкціи. Личная воля, будучи полновластна, всегда можетъ взять назадъ свое согласіе. Изъ нея не вытекаютъ никакія обязанности, и все окончательно сводится опять-таки къ силѣ. Если правительство сильнѣе, оно властвуетъ; какъ же скоро народъ чувствуетъ свою мощь, онъ низвергаетъ правительство и господствуетъ деспотически. Общества, которыя держатся этихъ ученій, осуждены вѣчно колебаться между деспотизмомъ и анархіею. Ужасы Французской революціи показали, къ чему они приводятъ.

Такова была аргументація Ламенне противъ свободы мысли. За-

тѣмъ надѣялo доказать, что существуетъ единая истина, которая можетъ быть познана человѣкомъ помимо личнаго разума. Это Ламеннэ и пытался сдѣлать во второй части своего сочиненія, вышедшей семь лѣтъ спустя, въ 1824 году. Но здѣсь слабость его философской мысли обнаружилась въ полной мѣрѣ. Устранивъ всякое вліяніе личнаго разума, Ламеннэ принужденъ былъ основать достовѣрность истины на внѣшнемъ авторитетѣ. Но сужденіе о силѣ этого авторитета опять-таки принадлежитъ личному разуму; у человѣка нѣтъ иного средства познанія. Чтобы выдти изъ этого круга, Ламеннэ сослался на такой видимый авторитетъ, который не можетъ подлежать сомнѣнію, а именно, на авторитетъ человѣческаго рода. Онъ противопоставилъ общій разумъ личному, считая первый непогрѣшимымъ мѣриломъ всякой истины, а второй источникомъ всякаго заблужденія. Съ этою цѣлью онъ хотѣлъ доказать, что основные догматы вѣры всегда признавались человѣческимъ родомъ. У Евреевъ сохранилось только во всей чистотѣ то, что первоначально въ силу первобытнаго откровенія, было въ сознаніи всѣхъ. Христіанство же дало только этимъ самымъ догматамъ бо́льшую полноту и совершенство, вслѣдствіе чего оно является совершеннѣйшею религіею. Съ основанія христіанства и до нашего времени, высшій видимый въ немъ авторитетъ есть католическая церковь. Она поэтому должна быть признана центромъ всего духовнаго міра и высшею руководительницею всѣхъ человѣческихъ дѣлъ [1]).

Эта ссылка на авторитетъ человѣческаго рода доказывала совершенно противоположное тому, что хотѣлъ доказать авторъ. Если въ древности чистая религія сохранилась только у совершенно ничтожнаго племени, а всѣ остальные народы предались идолопоклонству, то внѣшній авторитетъ человѣческаго рода никакъ не можетъ служить намъ руководствомъ. Самъ Ламеннэ признаетъ, согласно съ христіанскимъ ученіемъ, что павшій человѣкъ предался страстямъ, а вслѣдствіе того и заблужденіямъ. Съ этой точки зрѣнія, общій разумъ менѣе всего можетъ считаться непогрѣшимымъ хранителемъ истины. Если бы мы даже захотѣли извлечь нѣкоторыя общія истины изъ безчисленной массы заблужденій, то это можетъ быть толь-

[1]) Essai sur l'indifference etc. ch. XX, XXI и слѣд. Oeuvres, I (Bruxelles, 1839).

ко дѣломъ науки, то-есть, личнаго разума. Самое распространеніе христіанства было протестомъ совершенно ничтожнаго сначала меньшинства противъ общихъ вѣрованій человѣческаго рода. Нѣтъ сомнѣнія, что римская религія имѣла за себя большій внѣшній авторитетъ. Наконецъ, и въ настоящее время нѣтъ причины, почему бы слѣдовало признать именно католическую церковь высшимъ видимымъ авторитетомъ въ человѣческомъ родѣ. Она не признается таковою значительною частью самихъ христіанъ, не говоря уже о милліонахъ другихъ народовъ, не исповѣдующихъ христіанства, о магометанахъ, буддистахъ и т. д. Въ человѣческомъ родѣ нѣтъ внѣшняго, видимаго авторитета, а если человѣкъ ищетъ истины, онъ не можетъ довольствоваться внѣшними признаками, которые опять же подлежатъ критической оцѣнкѣ, а волею или неволею принужденъ руководиться единственнымъ даннымъ ему Богомъ орудіемъ познанія, личнымъ разумомъ. Самая аргументація Ламеннэ обращена къ личному разуму, который черезъ это самое становится высшимъ судьею истины.

Ясно, что на этой почвѣ невозможно было держаться. Она ускользала подъ ногами и съ другой стороны. Воззрѣнія Ламеннэ коренились въ средневѣковомъ порядкѣ. Въ нравственно-религіозномъ началѣ онъ видѣлъ единственную связь человѣческихъ обществъ. Подчиненіе человѣка человѣку помимо религіознаго закона онъ признавалъ насиліемъ. Вслѣдствіе этого государство должно подчиняться церкви, а не церковь государству. Между тѣмъ, вся жизнь новаго времени шла наперерывъ этой системѣ. Не только либеральный протестантизмъ, но и католическіе государи охраняли самостоятельность свѣтской области и требовали, чтобы въ гражданскихъ отношеніяхъ церковная власть признавала ихъ верховное право. Во Франціи въ особенности эти стремленія выразились въ ученіи о вольностяхъ галликанской церкви. Извѣстная Декларація 1682 года, писанная Боссюэтомъ, утверждала, съ одной стороны, полную независимость свѣтской власти, съ другой стороны, подчиненіе папы собору. Французскіе короли постоянно старались придать церкви болѣе или менѣе національный характеръ, ограничивая сношенія епископовъ съ Римомъ и установляя контроль и вмѣшательство государственной власти въ церковное управленіе. Эти стремленія поддерживались и во времена Реставраціи. Съ точки зрѣнія Ламеннэ,

это было извращеніе истинныхъ отношеній. Въ этомъ направленіи правительства онъ видѣлъ беззаконное угнетеніе церкви. Поэтому онъ съ такою же силою возсталъ противъ галликанизма, какъ онъ возставалъ противъ либерализма. Въ 1824 году, онъ издалъ сочиненіе *О религіи въ ея отношеніяхъ къ порядку политическому и гражданскому* (De la religion, considérée dans ses rapports avec l'ordre politique et social), въ которомъ онъ излагалъ свои мысли объ этомъ предметѣ.

Показавши послѣдствія либерализма, который, провозглашая полную свободу личнаго мнѣнія, вытѣсняетъ религію изъ всѣхъ общественныхъ отношеній и тѣмъ ведетъ къ разрушенію обществъ, Ламennэ обращался къ галликанскому ученію. Возражая на ученіе о независимости свѣтской власти, онъ указывалъ на то, что всякая власть можетъ повелѣвать единственно въ силу высшаго закона, исходящаго отъ Бога, ибо только такой законъ обязателенъ для человѣка. Отсюда изреченіе: «нѣсть власть, аще не отъ Бога». Не князья установляются Богомъ, а существо ихъ властей имѣетъ религіозное происхожденіе, ибо только на этомъ основана обязанность подданныхъ повиноваться. Этимъ полагаются и границы власти, которая установлена единственно для добра. Какъ же скоро самъ человѣкъ признается источникомъ власти, такъ всякія границы исчезаютъ, и вмѣстѣ теряютъ свой нравственный характеръ; она становится просто выраженіемъ силы. Отсюда слѣдуетъ, что высшимъ судьею дѣйствій свѣтской власти является церковь. Если князь удаляется отъ божественнаго закона, церковь употребляетъ противъ него церковное наказаніе; если же онъ упорствуетъ въ своей неправдѣ, то она извергаетъ его изъ своей среды, и тогда подданные не связаны уже ничѣмъ: всякій нравственный союзъ между ними и княземъ порванъ. Такимъ образомъ, церковь имѣетъ принудительную власть надъ князьями, равно какъ и надъ народами, и это одно, что сдерживаетъ правителей въ предѣлахъ долга. Противоположная теорія ведетъ къ чистой тиранніи и уничтожаетъ въ людяхъ всякое уваженіе къ закону, всякое чувство правды и неправды. Она можетъ произвести только революціи (ch. VII, § 1).

Что касается до второго положенія Декларація 1682 года, что соборъ выше папы, то отрицая верховную власть папы, она разрушаетъ церковь, а вмѣстѣ и самое христіанство. Всякое общество дер-

жится управляющею ею властью. Если церковь, по существу своему, есть союзъ единый, вселенскій, постоянный и святой, то такова же должна быть и церковная власть. Но вселенскій союзъ собирается только по временамъ; разсѣянные епископы не составляютъ власти единой, вселенской и постоянной. Слѣдовательно, подобное управленіе не соотвѣтствуетъ существу церкви. Безъ папы нѣтъ церкви, а безъ церкви нѣтъ христіанства, безъ христіанства же нѣтъ религіи, по крайней мѣрѣ для отпавшихъ отъ христіанства народовъ. Такимъ образомъ, стремленіе къ образованію національныхъ церквей ведетъ къ уничтоженію религіи, а вмѣстѣ и къ разрушенію обществъ. Галликанизмъ есть ничто иное какъ замаскированный атеизмъ (ch. VI, VII, § 2, VIII).

Съ еще большею страстностью Ламеннэ возсталъ противъ свѣтской власти въ другой брошюрѣ, вышедшей въ 1828 году подъ заглавіемъ: *Объ успѣхахъ революціи и войны противъ церкви* (Des progrès de la révolution et de la guerre contre l'église). Здѣсь уже онъ противъ захватовъ правительства началъ искать опоры въ либерализмѣ. Видя невозможность осуществить свой идеалъ союзомъ церкви съ князьями, онъ сталъ требовать для церкви единственно свободы, отъ развитія которой онъ ожидалъ лучшаго будущаго. Онъ противопоставляетъ здѣсь либерализмъ галликанизму, какъ двѣ противоположныя крайности, на которыя неизбѣжно разбивается общество, отпавшее отъ церкви. Либерализмъ стоитъ за свободу, и отрицательно онъ правъ, когда онъ возстаетъ противъ подчиненія человѣка человѣческой власти. Такое подчиненіе ничто иное какъ возмутительный деспотизмъ. Но либерализмъ оказывается безсильнымъ, когда онъ на личной свободѣ хочетъ основать порядокъ. Человѣческая свобода, не сдержанная религіознымъ закономъ, не въ состояніи произвести ничего, кромѣ разрушенія. Съ своей стороны, галликанизмъ, опирающійся на законную монархію, правъ, когда онъ ищетъ установленія порядка. Но истинный порядокъ состоитъ въ подчиненіи неизмѣнному закону правды. Когда же галликанизмъ ставитъ князя выше всякихъ законовъ, онъ водворяетъ не порядокъ, а рабство, унижающее человѣческую природу. Одна церковь, хранительница вѣчнаго закона, можетъ сочетать порядокъ съ свободою. Она подчиняетъ человѣка не человѣку, а единственно Богу, чѣмъ сохраняется его свобода; правителей же она сдерживаетъ высшимъ

закономъ правды, который даетъ освященіе ихъ власти и гарантіи подданнымъ. Спасеніе человѣчества заключается поэтому единственно въ возвращеніи общества къ церкви. Но при настоящихъ условіяхъ этого возвращенія можно ожидать только отъ свободныхъ преній, ибо на людей, отдавшихся личному разуму, нельзя дѣйствовать иначе, какъ свободнымъ убѣжденіемъ. Церковь должна стоять въ сторонѣ отъ политической борьбы либерализма съ галликанизмомъ, требуя для себя единственно свободы, и ожидая, что обѣ партіи, почувствовавъ свое безсиліе, наконецъ обратятся къ ней, какъ къ высшему примирителю (ch. II, III, IX).

Эти соображенія Ламеннэ подкрѣплялъ страстными нападками на современное направленіе правительства, въ которомъ онъ видѣлъ притѣснителя церкви. Государство, говорилъ онъ, въ религіозномъ отношеніи, или стоитъ выше церкви, или независимо отъ нея, или подчинено ей. Въ первомъ случаѣ оно является притѣснителемъ, во второмъ случаѣ оно становится чуждымъ христіанству; только въ третьемъ оно остается католическимъ. Государство имѣетъ право выбирать между этими тремя положеніями, такъ какъ всякій человѣкъ имѣетъ право выбирать между добромъ и зломъ, между порядкомъ и безпорядкомъ; но оно не имѣетъ власти надъ истиною и не имѣетъ права приказывать, чтобы другіе думали также, какъ оно само. Поэтому можно осмѣлиться утверждать, что система вліяній и надзора, предполагающая какую бы то ни было власть государства надъ церковью, есть тираннія и святотатство; что если государство не должно оставаться равнодушнымъ къ религіи, которой оно обязано оказывать покровительство, то оно ни въ какомъ случаѣ не должно вмѣшиваться въ дѣла, чѣмъ бы ни было касающіяся религіи; что власть его должна слѣдовать за властью церковною, а не предшествовать ей, а тѣмъ менѣе вліять на нее или надзирать за нею, ибо вліяніе и надзоръ относятся только къ подчиненнымъ. Содѣйствовать церкви—такова обязанность государства; властвовать надъ нею—таково его преступленіе (ch. VII).

Подобныя выходки не могли нравиться французскому духовенству, которое въ то время держалось еще галликанскихъ убѣжденій. Архіепископъ Парижскій, въ посланіи къ паствѣ, осудилъ это ученіе, которое грозило разрушить общественный порядокъ. Ламеннэ отвѣчалъ ему язвительными письмами, въ которыхъ онъ называлъ ра-

болѣзненымъ и безбожнымъ галликанское ученіе, снимавшее съ князей всякія сдержки. Требованіе безусловной покорности, говорилъ онъ, никогда не могло убѣдить людей. «Никогда они не думали, что они обязаны признать рабство первою общественною необходимостью, терпѣть спокойно, для большаго своего блага, самое притѣснительное иго, и отказаться отъ того, что называютъ химерою общества, основаннаго на правѣ... Христіанская система, напротивъ, обязываетъ повиноваться человѣку лишь настолько, насколько онъ является орудіемъ Бога, единственнаго владыки вѣчно законнаго и абсолютнаго: такъ какъ, съ этой точки зрѣнія, власть ничто иное какъ внѣшнее дѣйствіе Бога въ человѣческихъ обществахъ, средство, которымъ частныя и безпорядочныя воли принуждаются къ соблюденію неизмѣннаго и міровою закона истины и правды, то отсюда слѣдуетъ, что внѣ этого закона и противъ этого закона нѣтъ истинной власти, и что поэтому порядокъ существенно неразлученъ съ свободою. Сама по себѣ лишенная всякаго авторитета, сила всегда зависитъ отъ права; право же непрестанно напоминается и провозглашается властью духовною по своей природѣ и отличною отъ силы» [1]). Черезъ это, церковь, съ одной стороны, дѣлаетъ понятною всѣмъ обязанность повиновенія, а съ другой стороны, успокоиваетъ въ человѣческомъ сердцѣ чувство правды и страхъ злоупотребленій, показывая народамъ, что внѣ политическаго общества, существуетъ судья невыносимыхъ злоупотребленій и лѣкарство противъ власти, превратившейся въ тираннію (стр. 331). Что касается до возможныхъ злоупотребленій церковной власти, то Ламеннэ сослался на то, что это власть добровольная, которой рѣшенія имѣютъ силу лишь настолько, насколько люди свободно ей подчиняются. Никто не можетъ на нихъ жаловаться, ибо издающее ихъ судилище лишено всякой внѣшней принудительной силы (стр. 330).

Противъ послѣдняго ничего нельзя было бы сказать, если бы рядомъ съ этимъ не утверждалось, что принудительная сила свѣтской власти должна состоять въ служебномъ отношеніи къ церкви. Если юрисдикція церкви свободная, то очевидно, она не можетъ имѣть никакихъ юридическихъ, то-есть принудительныхъ послѣдствій; область права и область нравственности должны быть безусловно раздѣлены.

---

[1]) Première lettre à l'archev. de Paris. Oeuvres, II, стр. 329.

Ни Ламеннэ весьма далекъ отъ подобной мысли: онъ прямо приписываетъ церковной власти не только нравственное, но и юридическое значеніе. «Или эта власть ничтожна», говоритъ онъ, «или она обнимаетъ все, что заключается въ идеѣ права» (2-ème Lettre, стр. 343). Вслѣдствіе этого, онъ совершенно отрицалъ существованіе государства, какъ отдѣльнаго отъ церкви союза. «Общество едино», говоритъ онъ, «также какъ и человѣкъ; оно обнимаетъ всѣ отношенія, существующія между общественными существами. Совокупность нравственныхъ отношеній образуетъ духовное общество, остальныя составляютъ общество гражданское; а такъ какъ разумныя существа могутъ быть связаны единственно нравственными отношеніями, то духовное общество, собственно говоря, есть единственное истинное общество: оно относится къ гражданскому обществу, какъ душа къ тѣлу, въ строгомъ смыслѣ слова. Въ самомъ дѣлѣ, что заключаетъ въ себѣ существенное понятіе гражданскаго общества? Законы и власть, образующую ихъ исполненіе. Каковъ общій предметъ законовъ? Охраненіе правды. Они опредѣляютъ способы покровительства, которые оказываются лицамъ собственности и правамъ, каковы бы они ни были. Но что это, какъ не регламентирующая часть *заповѣдей Божьихъ*, насколько они должны управлять дѣйствіями человѣка во внѣшнемъ порядкѣ? А что такое власть сама въ себѣ? Что такое верховенство? Обязанность, возложенная Богомъ на *преобладающую силу*, обязанность защищать и охранять духовное, то-есть, истинное общество, подавляя непокорныя силы, которыя стремятся его разрушить или возмутить нарушеніемъ божественныхъ заповѣдей. Устранить это, предположить совмѣстное существованіе двухъ обществъ, не говорю отличныхъ, но отдѣльныхъ и совершенныхъ, каждое въ своемъ порядкѣ, а потому существенно независимыхъ другъ отъ друга, и тогда ничего нельзя понять ни въ той, ни въ другой; мы впадаемъ въ истинный хаосъ» (тамъ же).

Ламеннэ очевидно не понималъ ни значенія права, ни призванія государства. Юридическая область, основанная на принужденіи, сливалась съ нравственно-религіозною, основанною на свободѣ. Всѣ человѣческія отношенія образовали единый союзъ, въ которомъ верховенство принадлежало церкви. Какъ же можно было при этомъ утверждать, что церковный судъ держится единственно добровольнымъ признаніемъ? Свобода является здѣсь только предлогомъ для

расширенія церковной власти, которая подчиняя себѣ и внутренняго человѣка и внѣшняго, ведетъ къ установленію самаго неограниченнаго деспотизма. Отдѣленіе юридической области отъ нравственной, гражданской отъ церковной, имѣетъ именно въ виду охраненіе внутренней свободы человѣка, не подлежащей принужденію. Государство же, какъ высшій союзъ, призвано охранять раздѣльность этихъ двухъ областей, не позволяя одной вторгаться въ права другой.

Ламеннэ на этомъ не остановился. Послѣ революціи 1830 года онъ съ новымъ увлеченіемъ предался либеральному направленію. Онъ видѣлъ въ этой революціи освобожденіе церкви и зарю новой эры для человѣчества. Онъ сталъ проповѣдовать союзъ католицизма съ народами. Съ этою цѣлью, вмѣстѣ съ группою единомышленниковъ, въ числѣ которыхъ выставлялись Лакордеръ и Монталамберъ, онъ основалъ въ 1830 году журналъ *Будущность* (l'Avenir). Но это именно повело къ окончательному разрыву съ римскою церковью.

Программа новаго журнала заключала въ себѣ прежде всего полное раздѣленіе церкви и государства. Ламеннэ продолжалъ признавать, что въ нормальномъ порядкѣ союзы гражданскій и религіозный должны составлять одно цѣлое. Но это предполагаетъ единство вѣры. Когда же мнѣнія раздѣлились и происходитъ между ними борьба, тогда единственное спасеніе состоитъ въ томъ, чтобы эта борьба велась исключительно духовнымъ оружіемъ. Государство должно стоять въ сторонѣ, предоставляя церквамъ полную свободу. Всемогущество истины несомнѣнно поведетъ къ ея торжеству; но для этого необходимо, чтобы церкви были развязаны руки. Подчиненіе ея государству производитъ внутреннее ея униженіе и возбуждаетъ противъ нея народы. Опираясь на Хартію, католики имѣютъ право требовать для себя полной свободы. Государство не должно вмѣшиваться ни въ назначеніе епископовъ и священниковъ, ни въ отношенія ихъ къ папѣ; все, что касается богослуженія, дисциплины, преподаванія, должно быть совершенно изъято изъ владычества правительства. Въ замѣнъ этого, духовенство должно отказаться отъ своего жалованія, ибо кто состоитъ у другаго на жалованьи, тотъ неизбѣжно становится въ зависимое положеніе. Щедрость вѣрующихъ сторицею вознаградитъ его за эту утрату. А если бы даже и пришлось ему потерпѣть матеріально, оно черезъ это еще болѣе возвысится духовно. «Служитель Того, Кто родился въ ясляхъ и умеръ на Крестѣ», восклицалъ Ла-

меннэ, «возвратитесь къ своему началу; окунитесь добровольно въ бѣдность, въ страданіе, и слово Бога страдавшаго и бѣднаго получитъ въ вашихъ устахъ свою первоначальную силу. Безъ иной опоры, кромѣ этого божественнаго слова, идите, какъ двѣнадцать рыбаковъ, среди народовъ и начинайте сызнова завоеваніе міра. Новая эра торжества и славы готовится для христіанства. Смотрите на горизонтѣ признаки, предвѣщающіе восхожденіе свѣтила, и вѣстники надежды, воспойте на развалинахъ царствъ, на обломкахъ всего преходящаго, пѣсню жизни» [1]).

Не въ одной духовной, но также и въ свѣтской области Ламеннэ проповѣдывалъ полную свободу. Общество, писалъ онъ, можетъ управляться либо разумомъ, либо грубою силою. Разумъ же можетъ быть двоякій: божественный и человѣческій. Отсюда троякая система управленія. Въ первой системѣ человѣкъ подчиняется божественному закону: этимъ установляется полное единство и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняется совершенная свобода, ибо, повинуясь Богу, человѣкъ повинуется духовному разуму и вѣчной правдѣ. Во второй системѣ, когда человѣкъ слѣдуетъ собственному разуму, сохраняется свобода, но исчезаетъ единство; здѣсь господствуетъ безконечное разнообразіе личныхъ мнѣній, которыя находятъ границу только въ чужой свободѣ. Наконецъ, въ третьей системѣ, личный разумъ одного подчиняетъ себѣ разумъ другихъ. Но такъ какъ подобное владычество человѣка надъ человѣкомъ не основано на правѣ, то у него нѣтъ иной опоры, кромѣ грубой силы. Здѣсь установляется единство, но единство чисто матеріальное, которое ничто иное какъ порабощеніе всѣхъ умовъ и воль. Изъ этихъ трехъ системъ первая представляетъ совершенный порядокъ; но при настоящемъ состояніи народовъ, она не приложима. Она является только идеаломъ, къ которому человѣчество когда-нибудь должно придти. Съ другой стороны, послѣдняя система, признающая за человѣкомъ право произвольно установлять для другихъ истину и правду, ведетъ къ униженію человѣчества и къ совершенному уничтоженію разума и правды. Остается, слѣдовательно, вторая, единственная возможная въ настоящее время, единственная, которая можетъ предохранить народы отъ

[1]) Articles publiés dans le Journal l'Avenir. II. De la séparation de l'Eglise et de l'Etat. Oeuvres II, стр. 416—418.

анархіи и деспотизма. Ей, потому, должны отдаться всѣ честные люди, вмѣсто того чтобы искать спасенія въ искусственныхъ учрежденіяхъ и въ стѣсненіи свободы произволомъ власти [1]).

Изъ этихъ началъ вытекаетъ, прежде всего, полная свобода совѣсти, которая заключаетъ и свободу церкви; затѣмъ свобода преподаванія, которая составляетъ естественное право человѣка, и безъ которой нѣтъ ни религіозной свободы, ни свободы мысли; далѣе, свобода печати, составляющая самое могущественное средство сношенія между людьми и самое дѣятельное орудіе прогресса; наконецъ, свобода товариществъ, которая отвѣчаетъ сильнѣйшей потребности совокупнаго дѣйствія и одна можетъ вывести людей изъ разобщеннаго состоянія, при уничтоженіи всякихъ корпоративныхъ связей. Къ всему этому должна присоединяться широкая выборная система и уничтоженіе пагубной централизаціи [2]). Выборное право должно принадлежать всѣмъ, ибо права всѣхъ гражданъ равны, и подчиненіе однихъ другимъ было бы деспотизмомъ. Но это право было бы призрачно, если бы оно ограничилось только народнымъ представительствомъ. Оно должно начаться снизу и постепенно восходить къ верху. Каждая общественная единица имѣетъ естественное, неотчуждаемое право на самостоятельное управленіе своими дѣлами, безъ всякаго вмѣшательства со стороны государства. Поэтому каждая община должна свободно выбирать своихъ администраторовъ. Тоже право принадлежитъ и области. При такой системѣ глава государства будетъ только исполнителемъ верховныхъ рѣшеній народа. Онъ можетъ быть и наслѣдственнымъ, дѣло не въ формѣ правленія, а въ его сущности. Конституціонная монархія, установленная Хартіями 1814 и 1830 года, есть настоящая республика, ибо законодательная власть принадлежитъ здѣсь представителямъ народа и они же управляютъ посредствомъ отвѣтственныхъ министровъ. Задача заключается единственно въ томъ, чтобы изъ этихъ началъ вывести всѣ необходимыя послѣдствія, утвердивши свободу на самыхъ широкихъ основаніяхъ [3]). А такъ какъ Франція составляетъ демократическую республику, то палата перовъ очевидно потеряла всякій смыслъ.

---

1) D'une grave erreur des honnêtes gens. Oeuvres, II, стр. 423 и слѣд.

2) Des doctrines de l'Avenir. Oeuvres, стр. 428 и слѣд.

3) Fausse direction du gouvernement. Oeuvres, II стр. 440; De la république, стр. 447 и слѣд.

Вторая палата можетъ быть только отдѣленіемъ палаты депутатовъ; она должна быть основана на одинакихъ началахъ, ибо иныхъ элементовъ въ обществѣ нѣтъ [1]).

Становясь на эту точку зрѣнія, Ламеннэ неизбѣжно приходилъ къ признанію началъ народовластія. Онъ прямо ссылался на то, что по ученію католическихъ богослововъ, исходящая отъ Бога власть непосредственно принадлежитъ народу, и только черезъ народъ передается князьямъ. Онъ старался однако отличить это ученіе отъ протестантскихъ и революціонныхъ началъ, тѣмъ что послѣднія признаютъ собственную волю народа единственнымъ источникомъ правды, тогда какъ католическіе богословы подчиняютъ ее вѣчному, божественному закону. Этимъ закономъ опредѣляется и несомнѣнное право народовъ возставать противъ властей его нарушающихъ, право, также признанное всѣми католическими богословами [2]).

Ламеннэ приписывалъ христіанству все развитіе свободы въ человѣчествѣ. Оно поставило духъ выше плоти и разрѣшило узы рабства. Если въ средніе вѣка, при младенческомъ состояніи народовъ, нужна еще была отеческая опека, то въ настоящее время созрѣвшія общества должны пользоваться полною свободою. Только путемъ свободы наука можетъ соединиться съ вѣрою; дѣйствіе же любви, составляющей сущность христіанства, объединитъ всѣ народы, связывая ихъ не матеріальною, а духовною связью. Свобода мысли и совѣсти, при единствѣ вѣры, водворитъ царство Христа, не только какъ первосвященника, но и какъ царя, ибо его намѣстникъ будетъ единственною, свободою признанною духовною властью на землѣ. Свобода будетъ такъ тѣсно связана съ этою верховною властью, что одна будетъ составлять основаніе другой. Внѣ этого останется только управленіе матеріальными интересами посредствомъ выборной системы. Таково общество будущаго [3]).

Эти ученія возбудили горячія пренія въ средѣ французскаго духовенства. Ламеннэ и его сотрудники рѣшились представить споръ на рѣшеніе папы. Трое изъ нихъ лично отправились въ Римъ; но вмѣсто поддержки, они нашли осужденіе. Энцикликою 15-го авгу-

---

1) De la pairie. Oeuvres II, стр. 459.

2) Réponse à la lettre du père Ventura. Oeuvres, II, стр. 442 и слѣд.

3) De l'avenir de la société; que sera le catholicisme dans la société nouvelle. Oeuvres, II, стр. 459 и слѣд.

ста 1832 года Григорій XVI объявилъ свободу совѣсти пагубнымъ заблужденіемъ, даже безуміемъ, разрушающимъ единство церкви. Столь же безусловно осуждена была и свобода печати, а равно и ученія тѣхъ, которые проповѣдуютъ неповиновеніе законнымъ властямъ. Наконецъ, отдѣленіе церкви отъ государства было объявлено противнымъ интересамъ религіи, ибо только въ союзѣ духовной и свѣтской власти заключается благо обѣихъ [1]).

Вслѣдствіе этого торжественнаго осужденія журналъ *Будущность* прекратился. Либеральный католицизмъ оказался несогласнымъ съ ученіемъ римской церкви. Отъ Ламеннэ потребовали письменнаго отреченія отъ его заблужденій. Онъ далъ его, сначала съ оговоркою, потомъ безусловно; но въ тоже время онъ напечаталъ новое сочиненіе: *Слова вѣрующаго* (Paroles d'nu Croyant), въ которомъ прежнія воззрѣнія доводились до самой безумной крайности. Здѣсь, въ формѣ поэтическихъ видѣній, изображалось происхожденіе монархической власти, какъ искушеніе діавола, внушившаго нѣкоторымъ людямъ мысль возвыситься надъ другими; владычество царей представлялось какъ царство сатаны; яркими чертами описывались проистекающія отсюда угнетеніе и бѣдствія человѣческаго рода. Но Христосъ побѣдитъ наконецъ сатаническое исчадіе, замыслы владыкъ погибнутъ въ своемъ нечестіи, всѣ люди соединятся узами братства, и на землѣ начнется новая жизнь.

Появленіе этой книги было уже явнымъ возмущеніемъ противъ церкви. Папа осудилъ ее въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ. Разрывъ окончательно совершился. Отверженный церковью, Ламеннэ примкнулъ къ самой крайней демократіи. Онъ не отказался отъ своихъ религіозныхъ убѣжденій; но надежды свои онъ полагалъ уже не на католицизмѣ, а на развитіи христіанства въ демократичномъ духѣ. Плодомъ этого послѣдняго поворота въ его образѣ мыслей была вышедшая въ 1834 году *Книга народа* (Le Livre de peuple), въ которой онъ изложилъ свое окончательное политическое ученіе.

Ламеннэ начинаетъ съ того, что люди, рожденные отъ одного отца, должны бы были составлять одну семью, связанную узами братства. Тогда не было бы между ними отличій; всѣ помогали бы другъ другу, и на землѣ господствовало бы всеобщее счастіе. Но участь лю-

---

1) Affaires de Rome, Pièces Justificatives. Oeuvres II, стр. 603 и слѣд.

дей совсѣмъ другая. Человѣкъ уклонился отъ законовъ природы; эгоизмъ заглушилъ любовь къ братьямъ. Народы раздѣлились; общества распались внутри себя. Нѣкоторые присвоили себѣ власть и положили въ свою пользу уставы, которые они поддерживаютъ силою. Человѣкъ сдѣлался собственностью человѣка, предметомъ купли и мѣны. Въ другихъ мѣстахъ, не лишая его свободы, у него отнимаютъ большую часть плода его трудовъ. Установились различія, основанныя или на рожденіи или на деньгахъ. Всѣ преимущества сдѣлались достояніемъ немногихъ; остальные, подъ именемъ народа, обречены на тяжелый трудъ и нищету. Между тѣмъ, эта масса, съ которою обращаются часто хуже, нежели со скотомъ, состоитъ именно изъ тѣхъ, чьимъ трудомъ держатся человѣческія общества; это— классы наиболѣе полезные, наиболѣе необходимые для ея существованія. За исключеніемъ немногихъ привилегированныхъ лицъ, преданныхъ наслажденіямъ, народъ—это все человѣчество. (L. d. P. I, II).

Возможно ли, однако, продолженіе подобнаго состоянія? Это значило бы сомнѣваться въ благости Божьей. Бѣдствія земной жизни не составляютъ необходимаго удѣла человѣчества; они могутъ быть предотвращены. Этого можно достигнуть не улучшеніемъ личнаго состоянія, не замѣною одного владычества другимъ, а единственно возстановленіемъ всеобщаго братства. Народамъ предстоитъ образовать всемірную семью, устроить божественное государство, осуществить постепенно, посредствомъ непрерывнаго труда, дѣло Бога въ человѣчествѣ (III).

Такова цѣль; средства же заключаются въ познаніи и приложеніи истинныхъ законовъ человѣчества, совокупность которыхъ образуетъ права и обязанности, неразрывно связанныя другъ съ другомъ (IV).

Право есть выраженіе личного начала. Каждый имѣетъ право сохранить себя, развиваться по своему закону, мирно пользоваться всѣми благами, дарованными ему Богомъ. Право же на жизнь предполагаетъ право на все, что нужно для поддержанія жизни; а такъ какъ жизнь человѣка не только матеріальная, но и духовная, то отсюда вытекаетъ право на умственное и нравственное развитіе. Развиваться значитъ свободно прилагать свою дѣятельность къ внѣшнему міру; поэтому право неразлучно съ свободою, или, лучше сказать, составляетъ съ нею одно. Это право неотчуждаемо, ибо оно

вытекаетъ изъ самаго существа человѣка, отъ котораго никто не можетъ отказаться. Оно равно для всѣхъ, ибо люди равны по своей природѣ; никто по собственному закону не имѣетъ власти надъ другими. Человѣкъ есть верховный владыка самого себя; въ этомъ состоитъ его свобода и это одно, что дѣлаетъ его нравственнымъ существомъ (V).

Но человѣкъ не созданъ для одинокой жизни. Люди соединяются въ общества, и каждый приноситъ сюда свое неотчуждаемое право. Совокупность этихъ правъ образуетъ общественное право, въ силу котораго каждый народъ, также какъ и каждое лице, имѣетъ право сохранять себя и развиваться свободно. Всякое посягательство на это право есть нарушеніе установленныхъ Богомъ законовъ. Поэтому беззаконно всякое присвоеніе власти однихъ надъ другими; оно можетъ быть только плодомъ насилія и разбоя. Когда съ извращеніемъ естественнаго равенства, установляются привилегіи классовъ и законодательная власть становится принадлежностью рожденія или богатства, тогда въ обществѣ водворяются безпорядокъ и тираннія. Всякій законъ, въ составленіи котораго не участвовалъ народъ, ничтоженъ самъ по себѣ. Тѣ, которые говорятъ о князѣ, объ общественной власти, изрекаютъ слова, лишенныя смысла, ибо кто далъ одному власть надъ другими? Единственная верховная власть въ обществѣ есть самъ народъ; всякая другая власть исходитъ отъ него и является только исполнителемъ его воли. Поэтому не можетъ быть и возмущенія народа противъ власти. Народъ всегда имѣетъ право смѣнить неповинующагося ему слугу. Возмущаются противъ власти только тѣ, которые возмущаются противъ народа и, въ ущербъ ему, создаютъ себѣ привилегіи. Когда же народъ ломаетъ это владычество, онъ не нарушаетъ, а возстановляетъ порядокъ. Онъ исполняетъ божественный законъ (VI, VII).

Съ правами сопряжены и обязанности. Право обособляетъ человѣка; обязанности соединяютъ его съ другими. Первое, въ своей односторонности, ведетъ къ чистому эгоизму; вторая связываетъ всѣхъ узами правды и братства. Первое священно, какъ начало сохраняющее лице, первоначальный элементъ всякаго общества; вторая священна, какъ начало охраняющее общество, безъ котораго не можетъ жить человѣкъ. Обязанность простирается на всѣ существа, ибо всѣ имѣютъ свое мѣсто и значеніе въ цѣломъ. Въ приложеніи къ чело-

вѣку, она состоитъ въ соблюденіи правды и любви. Не дѣлай другимъ того, что ты не хочешь, чтобы они тебѣ дѣлали: таковъ законъ правды. Дѣлай другимъ то, что ты хочешь, чтобы они тебѣ дѣлали: таковъ законъ любви. Но кромѣ общихъ обязанностей, существуютъ и частныя, въ отношеніи къ людямъ, съ которыми мы находимся въ ближайшихъ отношеніяхъ. Таковы, прежде всего, семейныя обязанности, а затѣмъ обязанности къ отечеству. Права мужа и жены одинаковы, но назначеніе ихъ разное, а потому и обязанности разныя: со стороны мужа уваженіе, любовь и покровительство, со стороны жены уваженіе, любовь и подчиненіе. Въ отношеніи къ дѣтямъ родители обязаны дать имъ покровительство и воспитаніе, дѣти обязаны повиновеніемъ. Что касается до отечества, то въ отношеніи къ нему первая обязанность гражданина состоитъ въ охраненіи безусловнаго равенства правъ, которое составляетъ основаніе всѣхъ частныхъ и общественныхъ вольностей. Кто допускаетъ посягательство на единственную законную власть народа или установленіе какихъ бы то ни было преимуществъ однихъ передъ другими, тотъ отрекается отъ отечества. Наконецъ, выше отечества должно быть поставлено человѣчество, которое едино по своему существу. Исключительный патріотизмъ развиваетъ эгоизмъ народовъ; онъ ведетъ къ разобщенію людей и къ кровавымъ ужасамъ войнъ; совершенный порядокъ водворится на землѣ только тогда, когда всѣ народы образуютъ единое общество (IX—XI).

Совокупность человѣческихъ обязанностей составляетъ то, что называется религіею. Слѣдовательно, отрицаніе религіи есть отрицаніе обязанностей, а такъ какъ существуютъ истинныя, неизмѣнныя и всеобщія обязанности, то существуетъ истинная, неизмѣнная и всемірная религія, связывающая весь человѣческій родъ единеніемъ его съ Богомъ. Въ этомъ состоитъ существо христіанства, которое требуетъ прежде всего любви къ Богу и затѣмъ вытекающей отсюда любви къ ближнимъ. Христіанство есть религія равенства и братства, первый и послѣдній законъ человѣчества. Ему народы обязаны уничтоженіемъ рабства, развитіемъ нравственныхъ началъ и всѣми успѣхами цивилизаціи. И если съ этими благами соединялись и темныя стороны, то онѣ проистекали не отъ самаго христіанства, а отъ несовершенства тѣхъ внѣшнихъ формъ, въ которыя оно облекалось. Но внѣшнія формы измѣняются, а христіанство остается. Оно обно-

вить человѣчество, ибо только посредствомъ исполненія обязанностей возможно и осуществленіе права. Человѣкъ въ одиночествѣ безсиленъ противъ зла. Только взаимная помощь, основанная на взаимной любви, даетъ ему силы преодолѣть препятствія. Эгоизмъ и неправда разъединяютъ людей; правда и любовь ихъ связываютъ. Поэтому исполненіе обязанностей составляетъ первое условіе товарищества. Ничто не можетъ противостоять сочетанію права съ обязанностью; о него сокрушится могущество притѣснителей. «Захотите только», восклицаетъ Ламеннэ, «и несправедливые законы мгновенно исчезнутъ» (XIV, XV).

Ламеннэ предостерегаетъ впрочемъ народы отъ стремленія къ утопіямъ, которыя, вмѣсто того, чтобы исправить зло, могутъ только его усилить. Если равенство правъ требуется нравственнымъ порядкомъ, то равенство положеній и имущества противорѣчитъ закону природы, которая неравно распредѣлила свои блага между людьми. Самое движеніе общественной жизни полагаетъ неодолимыя препятствія равенству состояній. Послѣднее разрушается само собою большею или меньшею предпріимчивостью, бережливостью, болѣе или менѣе разумнымъ веденіемъ дѣлъ. И на это не слѣдуетъ жаловаться, ибо личныя усилія составляютъ первое условіе общаго благосостоянія. Не слѣдуетъ мечтать и о внезапной перемѣнѣ состоянія. Насилія, вмѣсто обновленія общества, разрушатъ самыя его основы. Главное дѣло состоитъ въ установленіи требуемаго христіанствомъ равенства правъ; остальное придетъ само собою. И теперь уже можно предвидѣть въ отдаленномъ будущемъ то блаженное время, когда весь міръ составитъ единое государство, управляемое единымъ закономъ правды и любви, равенства и братства, и когда все человѣчество, связанное общею религіею, будетъ поклоняться Христу, какъ своему высшему и послѣднему законодателю (XVI).

Таково было въ окончательной своей формѣ ученіе Ламеннэ. Отпавши отъ католицизма, онъ все-таки остался при прежнемъ воззрѣніи. Онъ стремился къ сочетанію правъ и обязанностей, но не шелъ далѣе ихъ противопоставленія: органическаго ихъ сочетанія въ человѣческихъ обществахъ онъ не понялъ. Съ одной стороны, право является у него абсолютнымъ началомъ, которое ведетъ къ полновластію лица надъ собою и къ совершенному юридическому равенству. Между тѣмъ ни то, ни другое въ обществѣ немыслимо.

Уже въ семействѣ проявляется различіе призванія, а потому различіе обязанностей, слѣдовательно и различіе правъ. Если мужъ, какъ признаетъ Ламеннэ, обязанъ женѣ покровительствомъ, а жена мужу уступчивостью (déférence), то права ихъ не могутъ быть одинаки. Еще яснѣе это оказывается въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ: тутъ о безусловномъ равенствѣ правъ не можетъ быть рѣчи. Точно также и въ обществѣ неизбѣжно является различіе повелѣвающихъ и повинующихся, слѣдовательно и различіе правъ. Если мы даже будемъ видѣть въ правителѣ только исполнителя общихъ рѣшеній, то все же онъ подчиняется только совокупности лицъ, а каждое лице въ отдѣльности подчиняется ему. Самая общая воля и вытекающее изъ нея общее право отнюдь не представляютъ только совокупленія частныхъ правъ, какъ утверждаетъ Ламеннэ. Тутъ неизбѣжно является подчиненіе меньшинства большинству: о безусловномъ владычествѣ лица надъ собою не можетъ быть рѣчи. Только полное отсутствіе анализа въ приложеніи къ праву и государству привело Ламеннэ къ такому воззрѣнію, котораго несостоятельность видѣлъ уже Руссо̀. Когда Ламеннэ утверждаетъ, что всякое присвоеніе власти однимъ человѣкомъ надъ другими есть беззаконіе, то этимъ уничтожается самая возможность общежитія, которое именно требуетъ подчиненія однихъ другимъ. Когда же онъ источникъ этого подчиненія видитъ единственно въ религіозной обязанности, то этимъ обнаруживается полное смѣшеніе нравственной области и юридической. Религіозная обязанность, какъ признаетъ самъ Ламеннэ, исполняется свободно; юридическая же обязанность сопровождается принужденіемъ. Поэтому церковь не можетъ быть высшимъ судьею политичныхъ распрей. Церковь, какъ нравственно-религіозный союзъ, можетъ быть судьею только чисто нравственныхъ обязанностей. Личное начало, право, совершенно изъято изъ ея вѣдомства; оно осуществляется въ противоположномъ ей союзѣ гражданскомъ. Высшее же органическое сочетаніе обоихъ началъ, правъ и обязанностей, происходитъ въ государствѣ, которое поэтому и есть верховный союзъ на землѣ.

До пониманія истиннаго существа государства Ламеннэ не дошелъ. Отсюда радикально ложные взгляды на всѣ политическія отношенія. Вмѣсто разнообразія союзовъ, онъ признавалъ только одинъ, но съ двойственнымъ характеромъ, съ одной стороны чисто

духовнымъ, съ другой стороны, чисто матеріальнымъ, при чемъ естественно требовалось, чтобы послѣднее подчинялась первому. А такъ какъ это воззрѣніе, по существу своему, противорѣчило истинно государственнымъ началамъ, то это неизбѣжно ставило Ламеннэ во враждебное отношеніе ко всѣмъ установленнымъ властямъ. Заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ отстаивалъ, съ одной стороны, свободу церкви, съ другой стороны, свободу лица; но не постигая значенія государства, онъ доводилъ свои требованія до крайности. Этимъ самымъ онъ становился въ противорѣчіе не только съ существующимъ порядкомъ, но и съ собственными своими началами. Отвергая значеніе государственной власти, онъ искалъ союза церкви съ народами и мечталъ объ осуществленіи церковнаго идеала посредствомъ безусловной свободы. Между тѣмъ, онъ самъ прежде указывалъ на то, что безусловная свобода въ состояніи произвести только анархію. Вмѣсто единой вселенской церкви, оно ведетъ къ образованію безчисленнаго множества сектъ. Такимъ образомъ, для осуществленія католическаго идеала, Ламеннэ становился на точку зрѣнія самаго крайняго протестантизма. Не мудрено, что ученіе его было осуждено римскою церковью. Оно со всѣхъ сторонъ оказывалось несостоятельнымъ.

В. Либералы

1. БЕНЖАМЕНЪ КОНСТАНЪ.

Во главѣ либеральныхъ писателей нынѣшняго столѣтія стоитъ Бенжаменъ Констанъ, который первый выработалъ полное ученіе о конституціонной монархіи, въ томъ видѣ какъ она утвердилась среди европейскихъ народовъ. Онъ выступилъ, какъ публицистъ, еще въ концѣ прошедшаго столѣтія. Стоя на почвѣ республиканскихъ учрежденій, онъ ратовалъ во имя свободы противъ реакціонныхъ стремленій, овладѣвшихъ французскимъ обществомъ послѣ паденія террористовъ. Къ этому были направлены два его памфлета, изданные въ 1797 году: *О дѣйствіяхъ террора* (Des effets de la Terreur) и *О политическихъ реакціяхъ* (Des réactions politiques). Въ первомъ онъ возставалъ противъ защитниковъ террора, доказывая, что мысль упрочить свободу посредствомъ свирѣпаго произвола была пагубнымъ заблужденіемъ, которое бросило тѣнь на свободныя учрежденія и

приготовила Францію къ деспотизму. Во второмъ онъ старался сдержать реакцію. Законность революцій, говорилъ онъ, заключается въ томъ, что онѣ стремятся привести учрежденія къ уровню идей; если же онѣ идутъ далѣе цѣли, онѣ неизбѣжно возбуждаютъ реакцію. Но реакціи, съ своей стороны, неправы, когда онѣ идутъ слишкомъ далеко назадъ и на мѣсто твердыхъ началъ закона ставятъ произволъ. «Произволъ есть великій врагъ всякой свободы, это—порокъ, извращающій всякое учрежденіе. сѣмя смерты, которое нельзя ни видоизмѣнить, ни умѣрить, но которое надобно уничтожить» [1]).

Тѣже мысли Бенжаменъ Констанъ поддерживалъ и при Наполеонѣ I-мъ. За это онъ былъ исключенъ изъ Трибуната и затѣмъ долженъ былъ выѣхать изъ Франціи. Въ ссылкѣ онъ написалъ свой знаменитый памфлетъ: *О духѣ завоеваній и о похищеніи престола* (De l'ésprit de conqûête et de l'usurpation), изданный въ 1813 году и направленный противъ владычества Наполеона. Бенжаменъ Констанъ доказывалъ, что завоевательныя стремленія способны поднимать духъ народа только тогда, когда они вытекаютъ изъ его положенія и нравовъ. Приложенныя къ небольшимъ племенамъ древняго міра, они въ наше время имѣютъ развращающее вліяніе на общество. Новые народы суть преимущественно народы промышленные. Чтобы увлечь ихъ къ завоеваніямъ, надобно заманить ихъ матеріальными интересами, то-есть, сдѣлать изъ нихъ хищниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это пріучаетъ людей все ставить на карту и надѣяться болѣе на случай, нежели на долговременное преслѣдованіе извѣстной цѣли. Воспитанная продолжительными войнами армія выдѣляется изъ народа и вслѣдствіе своего преобладающаго значенія воздѣйствуетъ и на гражданскую область. Во внутреннемъ управленіи водворяется духъ военной дисциплины, является презрѣніе къ формамъ и гарантіямъ. Чтобы удовлетворить войско, привыкшее къ походамъ—правительство принуждено безпрерывно предпринимать новыя войны, а для того чтобы поддерживать эту систему въ глазахъ народа, оно должно прибѣгать къ постоянной лжи, ссылаясь на народную честь, на государственные и торговые интересы, тамъ гдѣ дѣло идетъ только объ удовлетвореніи честолюбія. Но такъ какъ одними софиз-

---

[1]) Des réactions politiques, ch. IX: Cours de Politique constitutionalle, II, (Paris, 1861).

ками невозможно успокоить умы, то ко лжи прибавляется насиліе: на всякую мысль налагается запретъ. Внутри государства водворяется монологъ власти, а общество въ молчаніи держится въ сторонѣ. Съ своей стороны, покоренные народы насильственно подводятся подъ однообразную рамку, во имя любви къ симметріи, которая отъ демагогіи перешла къ деспотизму. Лучшія человѣческія чувства, привязанность къ преданіямъ и къ роднымъ учрежденіямъ, подавляются безъ пощады. Этимъ однако возбуждается только общій протестъ. Всѣ соединяются противъ политики, которая идетъ наперекоръ современнымъ стремленіямъ обществъ. Паденіе составляетъ неизбѣжный исходъ завоеваній.

Столь же непрочно и похищеніе престола. Оно не имѣетъ ни выгодъ монархіи, ни достоинствъ республики. Монархія освящена временемъ, опирается на преданія и привычки, окружена посредствующими тѣлами, которыя ее поддерживаютъ и ограничиваютъ. Похититель престола, опирающійся исключительно на личное обаяніе, принужденъ постоянно поражать народы великими дѣлами. Для пріобрѣтенія и сохраненія престола онъ прибѣгаетъ къ беззаконнымъ средствамъ. Онъ принужденъ опираться на военную силу. Стороннія высокія положенія кажутся ему опасными; поэтому онъ старается унизить дворянство. Но такъ какъ для поддержанія наслѣдственной власти ему необходимо окружить себя наслѣдственными положеніями, то онъ пытается создать новую аристократію, а это—дѣло невозможное, ибо наслѣдственность установляется въ первобытныя времена, а не среди цивилизаціи. Что касается до народныхъ представителей, то они могутъ служить опорою наслѣдственному монарху, но у похитителя престола они превращаются въ рабовъ. Возможное во времена варварства, владычество личнаго превосходства теряетъ свое значеніе при всеобщемъ распространеніи образованія. Въ наше время оно становится такимъ же анахронизмомъ, какъ и система завоеваній. Поэтому похищеніе престола можетъ опираться только на силу. Но и деспотизмъ въ наше время потерялъ всякую твердую почву. Если онъ находитъ защитниковъ, то единственно благодаря тѣмъ ложнымъ понятіямъ, которыя распространялись и прилагались въ концѣ прошедшаго столѣтія. Послѣдователи Руссо и Мабли имѣли въ виду свободу древнихъ народовъ, не понимая, что она совершенно неприложима къ новымъ. Древніе знали не личную, а поли-

тическую свободу, которая даетъ гражданину непосредственное участіе въ правленіи. Это было возможно въ маленькихъ государствахъ, гдѣ всѣ граждане собирались на площади и сами рѣшали дѣла. Въ новыхъ государствахъ личное участіе замѣнилось представительствомъ. Поэтому для массы политическая свобода потеряла свою прелесть; она имѣетъ только значеніе гарантіи личныхъ правъ. Между тѣмъ, подражатели древнихъ хотѣли, вопреки духу новаго времени, подчинить личную свободу общественной; а такъ какъ они повсюду встрѣчали сопротивленіе, то они начали прибѣгать къ насилію; отъ заблужденій они перешли къ звѣрству. Подъ именемъ свободы водворился самый страшный деспотизмъ, который сдѣлалъ самую свободу пугаломъ для народовъ. Вслѣдствіе этого, многіе кинулись въ противоположную крайность. Противъ деспотизма толпы стали искать спасенія въ деспотизмѣ одного человѣка. Но личный деспотизмъ столь же мало умѣстенъ въ настоящее время, какъ и тираннія толпы. Защитники произвола утверждаютъ, что интересъ одного лица, облеченнаго полновластіемъ, всегда тождественъ съ интересомъ управляемаго имъ народа. Но при этомъ забываютъ, что власть раздѣляется между тысячами подчиненныхъ, которые всѣ ею орудуютъ. Чтобы поддержать эту систему, надобно доказать не тождество интереса, а всеобщность безкорыстія, что немыслимо. Деспотизмъ, исходитъ ли онъ отъ толпы или отъ одного человѣка, одинаково ведетъ къ пониженію нравственнаго и умственнаго уровня человѣческихъ обществъ. Уничтожая безопасность и нарушая справедливость, произволъ колеблетъ нравственныя основы общества. Каждый боится за себя, уединяется, привыкаетъ къ неправдѣ; граждане погружаются въ чувственныя удовольствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подавляется всякая свобода мысли, а этимъ задерживаются успѣхи просвѣщенія. Народъ погружается въ апатію, которая распространяется и на правительство. Самая религія, превращаясь въ орудіе власти, теряетъ свою нравственную силу надъ умами. Такого рода порядокъ не можетъ быть проченъ въ образованномъ обществѣ. Деспотизмъ, не имѣя опоры въ учрежденіяхъ, ни сдержки въ законахъ, идетъ неправильными шагами и рано или поздно неизбѣжно падаетъ. Самыя законныя правительства, когда они прибѣгаютъ къ произволу, подрываютъ собственныя основы, а тѣмъ болѣе правительства, утверждавшіяся силою. Похитители престола не могутъ

держаться ни безъ деспотизма, потому что всѣ интересы обращаются противъ нихъ, ни съ помощью деспотизма, потому что самый деспотизмъ не можетъ долго существовать [1]).

Въ этихъ мысляхъ Бенжамена Констана вѣетъ духомъ XIX-го вѣка. Стремленіе къ умѣренной и прочной свободѣ утверждается не на отвлеченныхъ теоретическихъ началахъ, какъ у мыслителей XVIII-го столѣтія, а на жизненномъ опытѣ. Недавно прожитые крайности революціи и деспотизма заставили друзей свободы искать гарантій, какъ противъ произвола власти, такъ и противъ произвола толпы. Поэтому Бенжаменъ Констанъ легко могъ отъ республики перейти къ конституціонной монархіи. Когда въ 1814 году вернулись Бурбоны, онъ съ радостью примкнулъ къ новому порядку вещей. Еще прежде нежели Людовикъ XVIII даровалъ свою Хартію, онъ издалъ *Очеркъ конституціи* (Esquisse d'une constitution), съ размышленіями о конституціяхъ и гарантіяхъ. Но первые шаги новаго правительства не соотвѣтствовало его ожиданіямъ. Когда же вслѣдъ за тѣмъ возвратившійся съ острова Эльбы Наполеонъ рѣшился ввести конституціонный порядокъ, онъ призвалъ къ совѣту Бенжамена Констана. При содѣйствіи знаменитаго публициста изданъ былъ *Дополнительный Актъ* 1815 года. Въ томъ же году Бенжаменъ Констанъ напечаталъ свои давно уже приготовленныя *Начала политики* (Principes de politiques), которыя должны были служить толкованіемъ новому основному закону. Эти два сочиненія, которыя содержатъ въ себѣ много тождественнаго, заключаютъ въ себѣ все политическое ученіе Бенжамена Констана. Дополненіемъ къ нимъ служатъ изданныя въ тоже время разсужденія *О свободѣ брошюръ, памфлетовъ и журналовъ* и *Объ отвѣтственности министровъ*. Другія сочиненія имѣютъ болѣе временное значеніе.

Бенжаменъ Констанъ начинаетъ свои *Начала политики* съ разбора ученія о народномъ верховенствѣ. Онъ утверждаетъ, что это начало составляетъ основаніе всякаго законнаго порядка, ибо законъ можетъ быть выраженіемъ или воли всѣхъ или воли нѣсколькихъ лицъ. Но на чемъ основана законодательность воли немногихъ? Если на силѣ, то отсюда невозможно вывести права; въ такомъ случаѣ власть будетъ принадлежать тому, кто довольно силенъ, чтобы ее

[1]) Cours de polit. constit. II.

захватить. Если же право меньшаго числа основано на согласіи всѣхъ, то это и будетъ выраженіе общей воли. Такимъ образомъ, въ мірѣ существуетъ только двоякая власть: законная, основанная на общей волѣ, и незаконная, основанная на силѣ. Всѣ правительства подходятъ подъ ту или другую категорію.

Но установляя начало народнаго верховенства, необходимо опредѣлить его границы, ибо иначе оно обращается въ такой же деспотизмъ, какъ и произволъ одного человѣка. Если справедливо, что всякая частная власть зависитъ отъ общей, то несправедливо, что общая власть имѣетъ безграничное право надъ лицами. Личныя права существуютъ независимо отъ государственной власти, которая установляется для того, чтобы ихъ охранять, а не уничтожать. Этого не понялъ Руссо, который требовалъ передачи обществу всѣхъ личныхъ правъ. Онъ думалъ устранить проистекающія отсюда злоупотребленія, объявивши верховную власть неотчуждаемою и непредставимою. Но это значитъ признать ея дѣятельность невозможною. Кому бы ни принадлежала верховная власть, какъ бы она ни была распредѣлена между различными органами, если она неограниченна, она становится деспотизмомъ. Граждане могутъ найти обезпеченіе только въ признаніи неприкосновенныхъ для власти правъ свободы личной, свободы совѣсти, мнѣній, собственности, съ чѣмъ соединяются и гарантіи противъ произвола. Власть, посягающая на эти права, уничтожаетъ собственное свое законное основаніе.

Возможно ли однако подобное ограниченіе? Кто помѣшаетъ власти выдти изъ предѣловъ своего права? Бенжаменъ Констанъ видитъ гарантіи противъ такого рода злоупотребленій: 1) въ общественномъ мнѣніи, которое, убѣдившись въ извѣстной истинѣ, будетъ всегда за нее стоять; 2) въ распредѣленіи уравновѣшивающихъ другъ друга властей. Въ дѣйствительности, однако, ни то, ни другое не можетъ служить границею государственнаго полновластія. Въ представительномъ правленіи органомъ общественнаго мнѣнія является самая власть, которая такимъ образомъ остается судьею собственныхъ дѣйствій. Самъ Бенжаменъ Констанъ тутъ же отрицаетъ верховную рѣшающую силу общественнаго мнѣнія, утверждая, что деспотизмъ, какъ отдѣльнаго лица, такъ и собранія не можетъ ссылаться на согласіе общества, такъ какъ это согласіе, даже если оно дѣйствительно дается, не въ правѣ санкціонировать произволъ.

Что касается до раздѣленія власти, то этимъ установляется сдержка противъ отдѣльныхъ властей, но никакъ не противъ ихъ совокупности. И тутъ Бенжаменъ Констанъ самъ себя опровергаетъ, когда онъ говоритъ: «если общая сумма безгранична, то нужно только, чтобы раздѣленныя власти вошли въ сдѣлку, и тогда противъ деспотизма нѣтъ лѣкарства» [1]).

Ясно, что стараясь положить границы государственному полновластію, мы приходимъ къ неразрѣшимой задачѣ, ибо, каковы бы ни были эти границы, необходимо, чтобы кто-нибудь былъ въ этомъ дѣлѣ судьею, а кто будетъ этимъ верховнымъ судьею, тому неизбѣжно будетъ принадлежать полновластіе. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ примѣчаній къ своему сочиненію, Бенжаменъ Констанъ поставилъ этотъ вопросъ во всей его рѣзкости. «Я утверждаю, говоритъ онъ, что лица имѣютъ права, и что эти права независимы отъ общественной власти, которая не можетъ посягать на нихъ, не дѣлаясь виновною въ захватѣ... Но когда она совершаетъ этотъ захватъ, тогда что дѣлать? Мы приходимъ здѣсь къ вопросу о повиновеніи закону, одному изъ самыхъ трудныхъ, какіе могутъ привлекать къ себѣ вниманіе людей. Какое бы рѣшеніе мы не приняли въ этомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемъ неразрѣшимыя затрудненія. Скажутъ ли, что надобно повиноваться законамъ единственно настолько, насколько они справедливы? Этимъ узаконяются самыя безумныя и самыя преступныя сопротивленія: анархія будетъ вездѣ. Скажутъ ли, что надобно повиноваться закону, какъ закону, независимо отъ его содержанія и источника? Этимъ люди осуждаются на повиновеніе самымъ свирѣпымъ указамъ и самымъ беззаконнымъ властямъ. Высокій геній, сильные умы безуспѣшно старались разрѣшить эту задачу» [2]).

Однако Бенжаменъ Констанъ старается ее разрѣшить въ смыслѣ личнаго сужденія. Противъ безусловнаго повиновенія закону онъ доказываетъ, что при всякомъ повиновеніи необходимо удостовѣриться, какъ въ законности повелѣвающей власти, такъ и въ томъ, не вышла ли она изъ предѣловъ своего права? Иначе мы должны будемъ повиноваться всякимъ злодѣямъ, которые присвоятъ себѣ

[1]) См. Principes de Politique ch. I: De la souveraineté du peuple.
[2]) Cours de Pol. Const. I. Additions et Notes, Note V, стр. 349.

власть, и самымъ безнравственнымъ предписаніямъ. Террористы ссылались на это ученіе, которое произвело, можетъ быть, болѣе зла, нежели всѣ другія человѣческія заблужденія. Повиновеніе закону, безъ сомнѣнія, есть обязанность, но какъ всѣ обязанности, она не безусловна, а относительна. Она предполагаетъ, съ одной стороны, что законъ исходитъ отъ законнаго источника, а съ другой стороны, что онъ держится въ должныхъ границахъ [1]).

Но кто опредѣлитъ эти границы? Скажемъ ли мы, что онѣ опредѣляются самою природою? Къ этому склоняется Бенжаменъ Констанъ: «слово *законъ*, говоритъ онъ, также неопредѣленно, какъ слово *природа*; злоупотребляя послѣднимъ, мы разрушаемъ общество; злоупотребляя первымъ, мы подчиняемъ его тиранніи. Если бы нужно было избирать между обоими, я сказалъ бы, что слово *природа* возбуждаетъ, по крайней мѣрѣ, почти тождественныя понятія у всѣхъ людей, тогда какъ слово *законъ* можетъ прилагаться къ понятіямъ совершенно противоположнымъ» (стр. 351).

Съ этой точки зрѣнія Бенжаменъ Констанъ старается опредѣлить, по какимъ признакамъ можно судить, что законъ не есть истинный законъ. Первымъ такимъ признакомъ онъ считаетъ обратное дѣйствіе, которое противорѣчитъ самымъ основаніямъ общественнаго договора. Вторымъ признакомъ служитъ то, что данный законъ противорѣчитъ нравственности. Всякій законъ, который предписываетъ доносы или воспрещаетъ давать убѣжище тому, кто объ этомъ проситъ, не есть законъ. Точно также законы, раздѣляющіе людей на классы или дѣлающіе ихъ отвѣтственными за чужія дѣянія, напримѣръ законы противъ дворянъ и эмигрантовъ, противъ ихъ отцовъ и родственниковъ, не суть настоящіе законы. Бенжаменъ Констанъ замѣчаетъ впрочемъ, что онъ вовсе не думаетъ проповѣдывать неповиновеніе. «Пусть оно будетъ воспрещено, не изъ уваженія къ власти, превышающей свои права, но изъ вниманія къ гражданамъ, которыхъ неосторожная борьба могла бы лишить ихъ выгодъ общественнаго состоянія». Только въ случаѣ предписанія явно безнравственныхъ дѣйствій слѣдуетъ отказать въ повиновеніи (стр. 353—354).

Не трудно видѣть, до какой степени шатки всѣ эти опредѣленія. Слово *природа* не только не возбуждаетъ почти тождественныхъ по-

---

[1]) Cours de Pol. Const. I, Note V, стр. 351—352.

нятій у всѣхъ людей, какъ увѣряетъ Бенжаменъ Констанъ, но каждый понимаетъ его по-своему, и когда Бенжаменъ Констанъ самъ пытается положить непреложныя границы дѣйствіямъ власти, у него выходитъ только туманный образъ, лишенный всякаго юридическаго значенія. О личныхъ правахъ, которыя требовалось оградить, нѣтъ ужъ рѣчи; дѣло идетъ только объ отношеніи юридическаго предписанія къ нравственному закону. Къ этому, въ сущности, сводится весь вопросъ. Не различивъ строго права отъ нравственности, Бенжаменъ Констанъ запутался въ безвыходный лабиринтъ. Положить юридическія границы дѣйствію верховной власти нѣтъ никакой возможности, ибо при рѣшеніи юридическихъ вопросовъ необходимъ высшій судья, за которымъ и признается верховная власть. Признаніе независимости личныхъ правъ отъ общественной воли ничто иное, какъ пустая мечта. Личныя права всегда подчиняются дѣйствію власти, ибо опредѣленіе ихъ принадлежитъ исходящему отъ власти положительному закону. Власть можетъ поступить несправедливо; ее можно стараться убѣдить; но на нее нѣтъ апелляціи. Въ юридической области верховная власть, по существу своему, абсолютна. Она находитъ свой предѣлъ только въ нравственной области, гдѣ судьею является не воля власти, а личная совѣсть. Побуждаемый совѣстью, гражданинъ можетъ отказать въ повиновеніи безнравственному закону, и нравственно онъ будетъ правъ; но юридически онъ обязанъ принять то наказаніе, которое полагается закономъ за неповиновеніе. Этимъ только способомъ право примиряется съ нравственностью. Конечно, эти предѣлы не всегда соблюдаются. Нерѣдко притѣснительная власть вызываетъ возмущенія; но возмущеніе не есть право, а нарушеніе права. Недостатокъ философской точности понятій у французскаго публициста обнаруживается въ этихъ разсужденіяхъ, гдѣ односторонній либерализмъ беретъ верхъ надъ здравымъ пониманіемъ государственныхъ отношеній.

Таже теоретическая неточность понятій оказывается и въ его ученіи о раздѣленіи властей. Тутъ Бенжаменъ Констанъ становится уже чисто на почву конституціонной монархіи, стараясь доказать, что она даетъ полныя гарантіи свободѣ [1]). Къ этому ведетъ раздѣ-

---

[1]) Esquisse de Constit. Avant propos. стр. 171; также Note H, стр. 308.

леніе властей. Монтескьё признавалъ ихъ три: законодательную, исполнительную и судебную. Бенжаменъ Констанъ замѣчаетъ, что такъ какъ онѣ могутъ придти въ столкновеніе, то необходима между ними четвертая, нейтральная власть, которая бы ихъ сдерживала и мѣшала взаимнымъ захватамъ. Это и есть власть королевская (pouvoir royal), которой задача состоитъ въ соглашеніи всѣхъ остальныхъ. Сообразно съ этимъ, Бенжаменъ Констанъ, вмѣсто трехъ признаетъ пять властей: 1) королевскую; 2) исполнительную, предоставленную министрамъ; 3) власть, представляющую постоянство, въ видѣ наслѣдственной палаты; 4) власть, представляющую общественное мнѣніе, въ лицѣ выборной палаты; 5) власть судебную [1]. Къ этому онъ присоединяетъ еще общинную власть, которая, по его мнѣнію, должна имѣть независимый характеръ [2].

Въ этомъ раздѣленіи нельзя не замѣтить смѣшенія властей верховныхъ и подчиненныхъ. Министерская власть, которой ввѣряется исполненіе, никакъ не можетъ быть поставлена на ряду съ королевскою, ибо она зависитъ отъ послѣдней, отъ нея получаетъ свою силу и въ лицѣ министровъ подлежитъ смѣнѣ. Значеніе министровъ въ конституціонной монархіи состоитъ именно въ томъ, что они не обладаютъ независимою властью, а какъ зависимыя и отвѣтственныя лица, состоятъ посредниками между королемъ и палатами. За исключеніемъ этой чисто теоретической ошибки, Бенжаменъ Констанъ превосходно опредѣлилъ роль короля въ конституціонной монархіи. Потребность не только раздѣленія, но и соглашенія властей была впервые понята имъ и составляетъ существенный шагъ впередъ противъ ученія XVIII-го вѣка. Эту роль онъ присвоиваетъ королю. «Король въ свободномъ государствѣ, говоритъ онъ, есть существо особое, возвышающееся надъ различіями мнѣній, не имѣющее иныхъ интересовъ, кромѣ охраненія порядка и свободы, не могущее никогда возвратиться въ общую среду, а потому не подлежащее всѣмъ страстямъ, которыя возбуждаетъ эта среда, и тѣмъ, которыя перспектива возвратиться въ нее неизбѣжно питаетъ въ сердцѣ агентовъ, облеченныхъ временною властью. Это высокое преимущество королевскаго сана должно вселять въ умъ монарха такую безмятеж-

---

[1]) Principes de Politique, ch. 2, стр. 19.

[2]) Esquisse de Constit. ch. 1, стр. 175, прим. 2; Note B, стр. 285.

ность, и въ его душу такое чувство спокойствія, которыя не могутъ быть достояніемъ лица, находящагося въ низшей сферѣ. Онъ, такъ сказать, паритъ надъ человѣческими треволненіями. Верхъ политическаго искусства состоитъ именно въ томъ, что среди самыхъ разногласій, безъ которыхъ нѣтъ свободы, создается неприкосновенная область безопасности, величія, безпристрастія, которая позволяетъ этимъ разногласіямъ развиваться безпрепятственно, пока они не переходятъ извѣстныхъ границъ, и, какъ скоро является опасность, полагаетъ имъ предѣлъ средствами законными, конституціонными, изъятыми отъ всякаго произвола» [1]). Это именно происходитъ въ Англіи. Если опасность грозитъ со стороны исполнительной власти, король смѣняетъ министровъ. Когда дѣятельность наслѣдственной палаты становится вредною, король даетъ ей новое направленіе назначеніемъ новыхъ перовъ. Захватамъ выборной палаты король полагаетъ преграду своимъ *вето* или распущеніемъ. Наконецъ, суровость судебной власти смягчается правомъ помилованія.

Этимъ способомъ разрѣшаются, вмѣстѣ съ тѣмъ, два существеннѣйшихъ вопроса относительно исполнительноя власти: ея смѣна и ея отвѣтственность. Фактически, исполнительная власть всегда находится въ рукахъ министровъ, но въ абсолютной монархіи смѣна ихъ затрудняется тѣмъ, что высшая власть состоитъ ихъ союзникомъ, а въ республикѣ тѣмъ, что она является ихъ врагомъ. И здѣсь и тамъ невозможно этого сдѣлать безъ глубокаго потрясенія, которое нерѣдко хуже самаго зла. Въ конституціонной монархіи, напротивъ, этотъ вопросъ разрѣшается легко; тутъ устанавляется высшій судья, который, не принимая участія въ исполненіи, всегда можетъ удалить ненадежныхъ исполнителей. Они не судятся, не наказываются; въ нихъ не возбуждается поползновеніе, въ виду самосохраненія, удержать во что бы ни стало свою власть: перемѣна совершается правильно и мирно. Съ тѣмъ вмѣстѣ является возможность установить отвѣтственность, опять же не потрясая основаній государства. Въ республикѣ отвѣтствуютъ не только министры, но и самъ глава исполнительной власти. Необходимо предать его суду; а къ этому будутъ прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ, ибо подобное средство пріостанавливаетъ всю дѣятельность государственнаго управле-

[1]) Principes de Politique, ch. 2; стр. 21.

нія. Въ конституціонной монархіи, напротивъ, король остается безотвѣтственнымъ лицемъ; сохраняется неприкосновенный центръ, которымъ все держится. Министры же подлежатъ отвѣтственности за всѣ свои дѣйствія и легко могутъ быть удалены. Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе дѣятельная монархическая власть имѣетъ въ себѣ нѣчто привлекательное. Но учрежденія должны сообразоваться съ временемъ. Личная дѣятельность монарха неизбѣжно уменьшается съ успѣхами просвѣщенія. Въ свободной конституціи за королемъ остаются еще высокія и благородныя преимущества, которыя могутъ удовлетворить возвышенныя души. Монархъ остается верховнымъ рѣшителемъ судебъ народа, связующимъ звеномъ всѣхъ государственныхъ элементовъ (тамъ же).

При наслѣдственной монархіи необходимо и наслѣдственное высшее сословіе, которое должно составить верхнюю палату. Безъ этой поддержки монархъ остается одинокимъ и держится только силою. При полномъ равенствѣ гражданъ, монархія превращается въ деспотизмъ. Съ другой стороны, наслѣдственность одна даетъ верхней палатѣ достаточную независимость. Палата, составленная изъ лицъ, пожизненно назначаемыхъ королемъ, всегда будетъ болѣе или менѣе въ его рукахъ и не въ состояніи служить противовѣсомъ выборному собранію. Если же и верхняя палата будетъ выборная, то исчезнетъ тотъ элементъ постоянства, который долженъ уравновѣшивать демократическую подвижность. Но для того, чтобы наслѣдственная палата не превратилась въ замкнутую аристократію, опасную и для правительства и для народа, необходимо, чтобы число перовъ не было ограничено. Правда, король можетъ излишнимъ назначеніемъ перовъ унизить ихъ достоинства; но собственный его интересъ скоро покажетъ ему вредъ подобной политики (ch. 4).

Бенжаменъ Констанъ поддерживалъ и провелъ въ 1815 году начало наслѣдственности верхней палаты противъ мнѣнія самого Наполеона, который, хотя и понималъ необходимость аристократіи, однако не считалъ возможнымъ установить ее во Франціи. «Конституція, опирающаяся на сильную аристократію, говорилъ онъ, похожа на корабль. Конституція безъ аристократіи не болѣе, какъ воздушный шаръ, потерянный въ пространствѣ. Можно управлять кораблемъ, потому что есть двѣ силы, которыя уравновѣшиваютъ другъ друга: руль находитъ точку опоры; но воздушный шаръ

является игралищемъ одной силы; ему недостаетъ точки опоры; вѣтеръ его уноситъ, и управленіе становится невозможнымъ». Тѣмъ не менѣе въ 1815 году Наполеонъ утверждалъ, что наслѣдственная перія не соотвѣтствуетъ настоящему состоянію умовъ во Франціи. Она оскорбитъ армію, раздосадуетъ защитниковъ равенства и возбудитъ множество личныхъ претензій. Для нея нѣтъ элементовъ, ибо нѣтъ преданій, историческаго блеска и крупныхъ состояній. Въ Англіи аристократія всегда жила съ народомъ; ей Англія обязана свободою. Но черезъ тридцать лѣтъ, говорилъ Наполеонъ, «мои подобно грибамъ выросшіе перы будутъ или солдаты или камергеры, они будутъ знать только лагерь или переднюю» [1]).

Самъ Бенжаменъ Констанъ въ прежнее время, когда Наполеонъ пытался создать новую аристократію, доказывалъ, что аристократія безъ наслѣдственныхъ преданій немыслима. Новые дворяне должны примыкать къ существующему уже вѣками освященному сословію, которое распространяетъ на нихъ свое значеніе, а не начинаютъ съ себя самихъ. Возвращеніе эмигрантовъ вслѣдъ за Бурбонами подало ему надежду, что старинное дворянство Франціи сумѣетъ занять подобающее ему мѣсто въ новомъ порядкѣ вещей. Съ теченіемъ времени, однако, онъ долженъ былъ въ этомъ разубѣдиться. «Не могу отрицать, писалъ онъ позднѣе, что въ теоріи, постепенно представлявшіяся моему уму соображенія и внушенныя многочисленными опытами размышленія повергли меня въ значительное недоумѣніе, не столько, можетъ быть, на счетъ необходимости, сколько на счетъ возможности періи. Съ нашею народною наклонностью, съ нашею любовью къ почти безусловному равенству, съ раздѣленіемъ нашихъ имѣній, съ ихъ постоянной подвижностью, съ постепенно возрастающимъ вліяніемъ торговли, промышленности и денежныхъ капиталовъ, которые сдѣлались по крайней мѣрѣ столь же необходимыми элементами настоящаго общественнаго порядка и навѣрное болѣе необходимыми опорами правительства, нежели самая поземельная собственность, наслѣдственная власть, представляющая одну землю и основанная на сосредоточеніи имѣній въ немногихъ рукахъ, имѣетъ въ себѣ что-то противоестественное. Перія, разъ оно установлена, можетъ существовать, и это можно видѣть, ибо она у насъ есть;

---

[1]) Cours de polit. Const. Note H., стр. 306—316.

но если бы она не существовала, я подозрѣвалъ бы, что она невозможна» [1]).

Въ этихъ мысляхъ Бенжамена Констана выражается истинный взглядъ на наслѣдственность верхней палаты. Теоретически, она составляетъ самую крѣпкую опору конституціонной монархіи, но она возможна только тамъ, гдѣ ее создала исторія. Иначе, вмѣсто могущественнаго сословія, имѣющаго не только независимое политическое положеніе, но и нравственное вліяніе на общество, является, по словамъ Наполеона, либо лагерь, либо передняя.

Такимъ же видоизмѣненіямъ подверглось мнѣніе Бенжамена Констана на счетъ выборной палаты. Онъ стоялъ за прямые выборы, которые одни обезпечиваютъ живую связь между представителемъ и избирателями, но онъ считалъ необходимымъ установленіе имущественныхъ условій для пользованія политическими правами. Ни одинъ народъ, говоритъ Бенжаменъ Констанъ, не признавалъ полноправными членами государства всѣхъ, безъ различія, живущихъ на его территоріи. Самая крайняя демократія исключаетъ иностранцевъ и людей недостигшихъ извѣстнаго возраста. Послѣдніе не имѣютъ достаточнаго разумѣнія, первые достаточнаго интереса въ общемъ дѣлѣ. Но это начало требуетъ еще дальнѣйшаго расширенія. Люди, которыхъ бѣдность обрекаетъ на постоянную зависимость и на поденную работу, не обладаютъ большимъ разумѣніемъ, нежели дѣти, и также мало заинтересованы, какъ иностранцы въ общемъ благосостояніи, котораго элементы имъ неизвѣстны и которыми они только косвенно пользуются. Въ рабочемъ классѣ несомнѣнно можно найти столько же патріотизма, какъ и въ высшихъ. Онъ часто готовъ къ самымъ героическимъ жертвамъ, и его преданность отечеству тѣмъ болѣе достойна удивленія, что онъ не награждается ни славою, ни богатствомъ. Но иное дѣло патріотизмъ, который даетъ человѣку мужество умирать за свое отечество, иное тотъ, который дѣлаетъ его способнымъ понимать общіе интересы. Послѣдній требуетъ другихъ условій, именно досуга, необходимаго для пріобрѣтенія свѣдѣній и для развитія разума, а этотъ досугъ дается только собственностью. Слѣдовательно, она одна дѣлаетъ человѣка способнымъ пользоваться политическими правами. Это пре-

---

[1]) Cours de pol. Const. I, стр. 318.

имущество тѣмъ необходимѣе, что только при этомъ условіи собственность ограждается отъ захватовъ. Ближайшая цѣль несобственниковъ состоитъ въ пріобрѣтеніи собственности. Если сверхъ свободы, которую государство обязано имъ дать, они получаютъ отъ него политическія права, которыхъ оно не обязано давать, они неизбѣжно предпочтутъ правильному пути, ведущему къ собственности посредствомъ работы, неправильный путь посредствомъ законодательныхъ мѣръ. Для нихъ это будетъ источникомъ развращенія, для государства источникомъ смутъ. Какъ скоро несобственникамъ вручаются политическія права, происходитъ одна изъ трехъ альтернативъ: они получаютъ направленіе или отъ себя самихъ, и тогда они разрушаютъ государство, или отъ людей, держащихъ власть, и тогда они становятся орудіями тиранніи, или, наконецъ, ими руководятъ люди стремящіеся къ власти, и тогда они дѣлаются орудіями фикцій. Необходимо, слѣдовательно, чтобы представительныя собранія избирались собственниками и состояли изъ собственниковъ. Но каковы должны быть размѣры собственности? Слишкомъ ничтожное имущество не болѣе какъ призракъ; слишкомъ высокій цензъ становится несправедливостью. Настоящимъ размѣромъ можно считать такой доходъ, который даетъ человѣку возможность существовать въ теченіи года безъ необходимости работать на другихъ.

Къ этому присоединяются соображенія другаго рода. Собственность бываетъ двоякая: движимая и недвижимая, поземельная и и промышленная. Поземельная собственность одна даетъ тотъ охранительный духъ, который необходимъ для политическихъ союзовъ. Земледѣлецъ, свойствомъ своихъ занятій, пріучается къ правильной жизни. Случай, который всегда производитъ нравственный безпорядокъ, имѣетъ на него мало вліянія. Успѣхи его медленны; онъ зависитъ отъ природы и независимъ отъ людей. Все это даетъ ему извѣстное спокойствіе, чувство безопасности, любовь къ порядку, привязанность къ своему дѣлу. Промышленная собственность, напротивъ, прельщаетъ человѣка перспективою барыша; она болѣе искусственна и подвижна. Случай играетъ здѣсь важную роль. Тутъ нѣтъ этого медленнаго хода, который даетъ человѣку правильныя привычки. Тутъ больше зависимости; тутъ разсчитывается на прихоти, возбуждается тщеславіе. Въ умственномъ отношеніи земледѣлецъ имѣетъ большія преимущества передъ промышленникомъ: земледѣліе требуетъ

постоянныхъ опытовъ и наблюденій, которые развиваютъ умъ; промышленныя профессіи, подъ вліяніемъ раздѣленія работы, нерѣдко обрекаютъ людей на чисто механическія дѣйствія. Поземельная собственность привязываетъ человѣка къ мѣсту, создаетъ ему родину; для промышленной собственности всѣ страны равны; переселенія совершаются легко; интересъ не связанъ съ патріотизмомъ. Наконецъ, поземельная собственность содѣйствуетъ общественному порядку самымъ положеніемъ, въ которое оно ставитъ людей. Разсѣянные по деревнямъ, земледѣльцы не легко возбуждаются агитаторами, тогда какъ скученные въ городахъ промышленники прямо отдаются имъ на жертву.

Конечно, промышленная собственность имѣетъ и свои выгоды. Если поземельная собственность обезпечиваетъ устойчивость учрежденій, то промышленная собственность даетъ независимость лицамъ. Но это касается только болѣе или менѣе значительныхъ состояній, которыхъ владѣльцы большею частью состоятъ вмѣстѣ и поземельными собственниками. Ограниченіе политическихъ правъ одною поземельною собственностью, не исключаетъ ихъ изъ представительства. Что же касается до тѣхъ, которые не имѣютъ иныхъ средствъ существованія, кромѣ своего промысла, то будучи, по самому своему положенію, обречены на механическую работу, они лишены средствъ образованія, а потому, при самыхъ чистыхъ намѣреніяхъ, они легко могутъ сдѣлать государство жертвою своихъ заблужденій. Ихъ должно уважать; имъ надобно оказать покровительство; но не слѣдуетъ впускать ихъ въ область, куда не призываетъ ихъ прямое назначеніе, гдѣ ихъ содѣйствія излишни, а ихъ страсти и ихъ невѣдѣніе могли бы быть опасны.

Признается и третій видъ собственности, которую называютъ умственною. Утверждаютъ, что умственный трудъ и пріобрѣтенная имъ репутація служатъ достаточнымъ ручательствомъ разумнаго пользованія политическими правами. Но обладаніе дѣйствительнымъ умственнымъ капиталомъ доказывается успѣхомъ, успѣхъ же ведетъ къ обогащенію; слѣдовательно, и тутъ нѣтъ никакой нужды дѣлать исключеніе. Кромѣ того, такъ называемыя либеральныя профессіи болѣе всего требуютъ, чтобы умственный капиталъ соединялся съ собственностію, для того чтобы онѣ не оказались вредными въ политическихъ преніяхъ. Эти профессіи, достойныя всякаго уваженія

въ другихъ отношеніяхъ, не даютъ уму того практическаго смысла, который необходимъ для обсужденія человѣческихъ интересовъ. Во времена революціи весьма почтенные литераторы, математики, химики, кидались въ самыя крайнія мнѣнія, вслѣдствіе незнакомства съ практическою жизнью и привычки къ чисто отвлеченнымъ разсужденіямъ. А если таковы были заблужденія высшихъ умовъ, то чего ожидать отъ второстепенныхъ дѣятелей, отъ непризнанныхъ талантовъ? Необходимо наложить узду всѣмъ оскорбленнымъ самолюбіямъ, всѣмъ уязвленнымъ тщеславіямъ, которыя обращаются противъ общества, видя въ немъ виновника своего неуспѣха. Всякій умственный трудъ несомнѣнно имѣетъ право на уваженіе, но односторонній трудъ даетъ уму исключительное направленіе, которое всего вреднѣе отзывается на политическихъ дѣлахъ. Для практической дѣятельности необходимо противовѣсіе, и это противовѣсіе можно найти только въ собственности, которая одна устанавливаетъ между людьми однообразныя отношенія и заставляетъ ихъ сойти съ высоты химеричныхъ теорій на почву практическихъ интересовъ. Такого рода предосторожность необходима не только для порядка, но и для свободы, ибо, по странному противорѣчію, тѣ самые ученые которые кидаются въ крайній либерализмъ, легко мирятся и съ деспотизмомъ. Произвольная власть менѣе всего ихъ касается. Она ненавидитъ мысль, но видитъ въ наукахъ средство управленія, а въ искусствѣ развлеченія для управляемыхъ [1]).

Въ этихъ разсужденіяхъ Бенжаменъ Констана ясно выражается желаніе утвердить свободу на прочныхъ основахъ, предохранивъ ее отъ тѣхъ крайнихъ мнѣній, которыя подорвали ее во времена Революціи. Многое въ нихъ подмѣчено тонко и вѣрно; однако онѣ идутъ слишкомъ далеко. Въ позднѣйшее время онъ самъ убѣдился въ односторонности этихъ взглядовъ. «Я увидѣлъ, говоритъ онъ, что въ нашъ вѣкъ промышленная собственность составляетъ болѣе дѣйствительную, и въ особенности болѣе могущественную опору, нежели поземельная; признавши свою ошибку, я исправилъ свое сочиненіе [2]). Вслѣдствіе этого, онъ рядомъ съ поземельною собственностью допустилъ и промышленную, платящую извѣстную подать, какъ условіе политическихъ правъ.

---

[1]) Principes di politique, ch. 6.

[2]) Esquisse de Constit., ch. 7, стр. 249, примѣч. 2.

Бенжаменъ Констанъ ограничился этими общими началами. Вопросъ объ отношеніи избирательнаго ценза къ дѣйствительному состоянію общества былъ ими вовсе не затронутъ. Впослѣдствіи этотъ вопросъ сдѣлался во Франціи предметомъ самыхъ горячихъ преній; онъ привелъ къ революціи 1848 года.

Разсмотрѣвши отдѣльные пункты представительнаго устройства, право иниціативы, публичность преній, устраненіе писанныхъ рѣчей, которыя онъ считаетъ вредными для обсужденія политическихъ вопросовъ, Бенжаменъ Констанъ обстоятельно разбираетъ существенный вопросъ объ отвѣтственности министровъ въ конституціонной монархіи. Мы видѣли, что онъ этому вопросу посвятилъ отдѣльную брошюру. Въ *Началахъ политики* онъ сводитъ къ общему итогу свои мысли объ этомъ предметѣ.

По его мнѣнію, министры подлежатъ отвѣтственности: 1) за дурное употребленіе своихъ законныхъ правъ; 2) за беззаконныя дѣйствія, противныя общему благу; 3) за беззаконныя дѣйствія, нарушающія личныя права. Что касается до послѣднихъ, то они должны быть предоставлены обыкновеннымъ судилищамъ, наравнѣ со всѣми другими посягательствами на личныя права. Противъ [этого] нельзя ссылаться на государственную пользу, о которой обыкновенныя судилища не въ состояніи судить. Государственная польза не можетъ состоять въ произвольныхъ дѣйствіяхъ власти. «Что касается до меня», говоритъ Бенжаменъ Констанъ, «то я не признаю общественной безопасности безъ личныхъ гарантій. Я думаю, что общественная безопасность именно тогда подвержена колебанію, когда граждане видятъ въ правительствѣ грозу, а не защиту. Я думаю, что произволъ—настоящій врагъ общественной безопасности; что мракъ, которымъ окружаетъ себя произволъ, только усиливаютъ зло; что нѣтъ общественной безопасности безъ правосудія, нѣтъ правосудія безъ законовъ и нѣтъ законовъ безъ формы. Я думаю, что свобода каждаго гражданина достаточно интересуетъ общество, для того чтобы причина всякой направленной противъ нея строгости была извѣстна естественнымъ его судьямъ. Я думаю, что такова главная, священная цѣль всякаго политическаго устройства, и что такъ какъ никакая конституція не можетъ найти въ чемъ-либо другомъ свое узаконеніе, то напрасно искать въ иномъ обезпеченную силу и прочность».

Но если обыкновенныя судилища способны рѣшать дѣла послѣдней категоріи, то имъ невозможно предоставить сужденіе первыхъ двухъ. Какъ скоро дѣло идетъ объ общественномъ благѣ, такъ обвиненіе должно быть предоставлено представителямъ общества. Въ какихъ случаяхъ оно можетъ имѣть мѣсто, объ этомъ нѣтъ возможности устанавлять какія-либо опредѣленныя правила. Вредныя для государства дѣйствія могутъ быть безконечно разнообразны; поэтому всякій законъ объ отвѣтственности министровъ неизбѣжно носитъ на себѣ печать произвола. Но по этому самому необходимо установить въ этихъ случаяхъ совершенно безпристрастное, хотя и политическое судилище. Такова палата перовъ, которая будучи равно независима отъ правительства и народа, одна способна рѣшать столкновенія между исполнительною властію и представительствомъ. Монархъ же можетъ участвовать здѣсь только правомъ помилованія, котораго нельзя у него отнять. Ибо нѣтъ никакой необходимости, что злоупотребляющій своею властью министръ былъ непремѣнно наказанъ: для общаго блага достаточно, если онъ будетъ лишенъ власти, а съ тѣмъ вмѣстѣ возможности дѣлать зло. При неизбѣжной неопредѣленности закона необходимо, чтобы приложеніе было самое мягкое (Pr. d. Politique ch. 9).

Бенжаменъ Констанъ возстаетъ и противъ объявленія нижней палаты, что министры потеряли ея довѣріе. По его мнѣнію, потеря довѣрія оказывается сама собою, всякій разъ какъ министерство лишается опоры большинства. «Когда мы будемъ имѣть, чего у насъ еще нѣтъ», говоритъ онъ, «но что совершенно необходимо во всякой конституціонной монархіи, именно, министерство, дѣйствующее согласно, прочное большинство и оппозицію, рѣзко отдѣленную отъ этого большинства, никакой министръ не въ состояніи будетъ держаться, если онъ не имѣетъ на своей сторонѣ большинства голосовъ, развѣ онъ сдѣлаетъ воззваніе къ народу путемъ новыхъ выборовъ. И тогда эти новые выборы будутъ пробнымъ камнемъ оказаннаго министру довѣрія» (Ch. 10).

Этими немногими словами ограничивается то, что Бенжаменъ Констанъ говорилъ о парламентскомъ правленіи. Онъ вполнѣ признавалъ его необходимость, но въ то время, когда онъ писалъ во Франціи, не было еще потребности обстоятельнаго разсмотрѣнія этого вопроса.

Съ отвѣтственностью министровъ связана и отвѣтственность низ-

шихъ должностныхъ лицъ. Исполняющій беззаконное предписаніе не можетъ ссылаться на приказаніе начальника. Онъ лично отвѣтствуетъ за свои дѣйствія. Иначе администрація превращается въ орудіе произвола и притѣсненія. Безусловное повиновеніе неприложимо и къ военной дисциплинѣ, не только что къ гражданскому управленію. Человѣкъ—не мертвая машина: онъ непремѣнно долженъ обсуждать то, что онъ дѣлаетъ; въ этомъ состоитъ его нравственное достоинство. И если онъ иногда будетъ повергнутъ въ недоумѣніе, то это составляетъ неизбѣжное послѣдствіе человѣческихъ дѣлъ. Лучшимъ противъ этого лѣкарствомъ служитъ судъ общественной совѣсти, который исправляетъ личныя ошибки. Таковъ судъ присяжныхъ, который является опорою общественнаго порядка и вмѣстѣ гарантіею для исполнителя (Ch. 11).

Если Бенжаменъ Констанъ старался отстоять самостоятельность сужденій низшихъ агентовъ правительства, то еще болѣе онъ стоялъ за независимость общинной власти. Мы видѣли, что онъ признавалъ ее даже отдѣльною политическою властью. Онъ утверждалъ, что вмѣшиваясь въ мѣстныя дѣла, центральная власть выходитъ изъ предѣловъ своего права, ибо все, что касается интересовъ извѣстной мѣстности, должно быть рѣшено представителями этой мѣстности. Превращеніе общинныхъ властей въ агентовъ правительства ведетъ къ тому, что или общіе законы плохо исполняются, или мѣстные нужды остаются въ пренебреженіи, а иногда происходитъ и то и другое вмѣстѣ. Революція, въ одностороннемъ стремленіи къ систематизаціи, уничтожила всякую мѣстную жизнь и всякія мѣстныя особенности; деспотизмъ воспользовался этимъ для своихъ цѣлей. Результатомъ такой системы можетъ быть только уничтоженіе истиннаго патріотизма, основаннаго на мѣстныхъ привязанностяхъ, и сосредоточеніе всѣхъ интересовъ и всѣхъ честолюбій въ столицѣ, которая поглощаетъ въ себѣ все. Государство представляетъ однообразную, мертвую равнину, гдѣ разсѣянныя единицы блуждаютъ, какъ атомы, нигдѣ не находя точки опоры. Бенжаменъ Констанъ требуетъ для внутренняго управленія извѣстнаго рода федерализмъ; не того, который установляется въ союзныхъ государствахъ, соединяющихся только для внѣшнихъ сношеній, и остающихся вполнѣ самостоятельными внутри: подобный федерализмъ совмѣстенъ съ внутреннимъ деспотизмомъ и внѣшнею анархіею. Истинный федерализмъ допускаетъ

известное подчинение членовъ цѣлому, не только относительно внѣшнихъ, но и относительно внутреннихъ дѣлъ, ибо прочное соединеніе неизбѣжно влечетъ за собою взаимное вліяніе. Но это подчиненіе должно касаться исключительно общихъ интересовъ; все что касается до мѣстныхъ нуждъ, должно подлежать верховному рѣшенію мѣстныхъ органовъ (ch. 12; ср. Note B. стр. 285).

Возраженія Бенжамена Констана противъ излишней централизаціи, водворившейся во Франціи при Наполеонѣ, несомнѣнно вѣрны; но желаніе дать мѣстной власти безусловную автономію во всемъ, что не касается общихъ государственныхъ интересовъ, обличаетъ односторонность индивидуалистическаго либерализма. Государство — не федерація общинъ, а органическій союзъ, въ которомъ члены, не теряя самостоятельности своей частной жизни, состоятъ въ органическомъ подчиненіи цѣлому. Даже относительно чисто мѣстныхъ интересовъ, за государствомъ всегда остается верховное право контроля: оно является защитникомъ интересовъ меньшинства противъ притѣсненій большинства, и будущихъ поколѣній противъ расточительности настоящихъ. Чѣмъ меньше единица, чѣмъ скуднѣе въ ней образованныя силы, тѣмъ менѣе она можетъ имѣть притязаніе на верховенство. Самый патріотизмъ, который Бенжаменъ Констанъ хотѣлъ основать на мѣстныхъ привязанностяхъ, получаетъ гораздо болѣе обширное и высокое значеніе когда онъ направленъ на цѣлое государство, которое одно играетъ историческую роль.

Съ большею основательностью Бенжаменъ Констанъ прилагаетъ къ отдѣльному лицу то начало, на которомъ онъ строитъ общинную власть: все, что касается исключительно лица, подлежитъ собственному его рѣшенію (ch. 12, стр. 98). Нѣтъ сомнѣнія, что частная жизнь составляетъ самостоятельную сферу, въ которую не должна вторгаться государственная власть. Отсюда не слѣдуетъ, однако, что личныя права не подлежатъ дѣйствію власти, какъ утверждаетъ Бенжаменъ Констанъ. Источникъ личнаго права лежитъ внѣ государства: онъ заключается въ человѣческой свободѣ; но опредѣленіе границъ права принадлежитъ государственной власти и никому другому. Все, что можетъ сдѣлать теорія, это—выяснить тѣ разумныя гарантіи права, которыя должны быть установлены въ государствѣ, признающемъ начало свободы. Въ этомъ отношеніи, ученіе Бенжамена Констана заслуживаетъ полнаго одобренія.

Къ удивленію, онъ не причисляетъ собственности къ личнымъ правамъ, изъятымъ изъ дѣйствія власти. По его мнѣнію, собственность обязана своимъ происхожденіемъ исключительно обществу; иначе она ограничивается личнымъ правомъ занятія, которое ничто иное какъ право силы, то есть, вовсе не право. Въ этомъ положеніи, какъ замѣчаетъ новѣйшій издатель сочиненій Бенжамена Констана, Лабулэ, заключается теоретическое заблужденіе. Право занятія есть истинное право, ибо оно вытекаетъ изъ свободы, составляющей источникъ всякаго права; нарушеніе же занятія есть неправда, ибо имъ нарушается свобода лица. Отъ общественной власти зависитъ только законное опредѣленіе этого права. Не смотря однако на это противное истиннымъ началамъ признаніе собственности за чисто общественное установленіе, Бенжаменъ Констанъ считаетъ ее священною и неприкосновенною. Онъ возстаетъ противъ коммунизма, который обрекъ бы человѣчество на неподвижность, оставляя его на самой грубой и дикой ступени своего существованія. И если собственность, какъ общественное учрежденіе, подлежитъ дѣйствію власти, то она, съ другой стороны, такъ связана со всею личною жизнью человѣка, что вмѣстѣ съ послѣднею она должна быть изъята отъ произвола. Нарушеніе собственности неизбѣжно влечетъ за собою и нарушеніе свободы. Въ силу этого начала, Бенжаменъ Констанъ возстаетъ не только противъ конфискаціи, но и противъ всякихъ мѣръ, лишающихъ человѣка законно пріобрѣтеннаго достоянія. Таковы государственныя банкротства и произвольное сокращеніе уплаты подрядчикамъ. Какимъ образомъ можетъ государство требовать отъ гражданъ, чтобы они исполняли свои обязательства, когда оно не исполняетъ своихъ? Оно разоряетъ часто невинныхъ, сваливая на извѣстную часть народа то бремя, которое, по его мнѣнію, слишкомъ тяжело для всѣхъ. А между тѣмъ, оно этимъ подрываетъ собственный свой кредитъ, вызываетъ спекуляцію и заставляетъ всѣхъ честныхъ людей воздерживаться отъ всякихъ съ нимъ сдѣлокъ. Бенжаменъ Констанъ считаетъ даже излишнія подати посягательствомъ на собственность гражданъ. Но тутъ, очевидно, исчезаетъ всякая юридическая граница, ибо что считать необходимымъ и что излишнимъ, это опредѣляется исключительно воззрѣніемъ на измѣнчивыя общественныя потребности (ch. 15).

Еще болѣе собственности должна быть ограждена личная свобода.

Бенжаменъ Константъ считаетъ ея нарушеніе уничтоженіемъ перваго условія и единственной цѣли гражданскаго порядка. Произволъ, говоритъ онъ, подрываетъ самыя основанія учрежденій; ибо политическія учрежденія ничто иное какъ договоры; существо договоровъ состоитъ въ положеніи твердыхъ границъ; произволъ же уничтожаетъ эти границы. Власть установляется именно для охраненія имущества, свободы и жизни гражданъ; но если всему этому грозитъ опасность со стороны самой власти, то какая выгода отъ ея покровительства? Одно притѣсненіе замѣняется другимъ. И когда произволъ разъ водворился, онъ грозитъ всѣмъ учрежденіямъ. При немъ невозможны и независимость судовъ и свобода печати. Всѣ общественныя и частныя положенія подвергаются опасности; злоупотребленіямъ нѣтъ конца, ибо власть находитъ этотъ способъ дѣйствія столь короткимъ и удобнымъ, что она не хочетъ уже употреблять другихъ. Граждане остаются безъ защиты не только противъ высшихъ властей, но и противъ низшихъ; ибо государи и министры, по своему положенію, легко могутъ направлять общія дѣла, но не имѣютъ возможности знакомиться со всѣми подробностями. Они по неволѣ принуждены полагаться на низшихъ агентовъ, которые всегда могутъ ввести ихъ въ заблужденіе. Противъ этого существуетъ только одно средство: соблюденіе формъ и отвѣтственность агентовъ. Всякія произвольныя нарушенія свободы, аресты и ссылки безъ суда,. должны быть воспрещены (ch. 18).

Еще драгоцѣннѣе для человѣка свобода внутренняя, свобода совѣсти. Она столь же требуется самою религіею, какъ и справедливостью. Если бы религія никогда не была притѣснительна, она всегда была бы для людей предметомъ любви и уваженія. Изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, это—самое естественное и самое глубокое. Религія служитъ утѣшеніемъ во всѣхъ скорбяхъ; она составляетъ центръ, въ которомъ, внѣ дѣйствія времени и порока, соединяется все высокое и прекрасное, все что составляетъ достоинство человѣческой природы. Почему же эта необходимая опора человѣка, этотъ единственный свѣтъ среди окружающаго насъ мрака, такъ часто дѣлался предметомъ ожесточенныхъ нападеній, а именно со стороны образованнѣйшей части общества? Единственно оттого, что въ рукахъ власти она превращалась въ орудіе притѣсненія и тѣмъ возбуждала противъ себя всѣ независимыя души. Какимъ бы способомъ прави-

тельство ни вмѣшивалась въ дѣла вѣры, оно этимъ всегда дѣлаетъ зло. Оно безсильно, когда оно хочетъ оградить религію отъ духа испытаній, ибо оно можетъ дѣйствовать не на убѣжденіе, а единственно на интересъ. Этимъ дается привилегія лицемѣрію. Еще безсильнѣе власть, когда среди скептическаго вѣка она хочетъ возстановить религію, ибо тутъ она имѣетъ противъ себя и общее мнѣніе и тщеславіе. Утверждаютъ, что религія нужна для обузданія народа; какъ будто бѣдный, противъ котораго направлены всѣ общественныя силы, требуетъ еще этой нравственной узды, а богатый, который имѣетъ всѣ средства избавиться отъ общественныхъ стѣсненій, можетъ быть отъ нея изъятъ. Превращеніе религіи въ орудіе обыкновенной пользы прихожанъ унижаетъ ее и ведетъ къ ея паденію. Единственный умѣстный въ свободномъ обществѣ порядокъ состоитъ въ полнѣйшей терпимости. Умноженіе сектъ, котораго опасаются, полезно, какъ для религіи, такъ и для правительства. Оно мѣшаетъ религіи низойти на степень механическаго обряда. Возбуждая соревнованіе, оно поддерживаетъ нравственность. Правительство же въ самомъ этомъ раздробленіи находитъ гарантіи мира, ибо легче справиться съ многочисленными, но слабыми союзами, нежели предупредить столкновеніе немногихъ крупныхъ. Это непріятное положеніе правительства не мѣшаетъ ему однако оказывать всѣмъ вѣроисповѣданіямъ одинакую помощь. Полагая жалованіе служителямъ церкви, оно сохраняетъ связь между религіею и государствомъ. Вновь зараждающіяся секты не нуждаются въ этой помощи; но какъ скоро онѣ упрочились, онѣ имѣютъ одинаковое съ другими право на эту поддержку (ch. 17).

Но изъ проявленій личной свободы всего важнѣе для политической жизни свобода печати. Было время, когда правительства считали нужнымъ имѣть надзоръ не только за печатью, но и за устнымъ словомъ. И точно, слово составляетъ необходимое орудіе всякаго преступленія. Опытъ однако убѣдилъ людей, что средства предупрежденія хуже самаго того зла, которое они хотятъ предупредить. Нынѣ признается, что слово подлежитъ наказанію, только когда оно переходитъ въ дѣйствіе. Тоже самое должно имѣть мѣсто относительно печати. Иначе приходится или пресѣкать злоупотребленія мысли путемъ суда, или предупреждать ихъ предварительными мѣрами. Въ первомъ случаѣ законъ будетъ всегда обходиться, ибо

мысль легко облекается въ такія формы, которыя дѣлають ее неуловимою. Въ второмъ же случаѣ устанавливается произволъ во всей его ширинѣ. Черезъ это истина подавляется наравнѣ съ ложью. Властямъ дается право дѣлать всевозможное зло, опираясь на плохія разсужденія. Единственный результатъ предупредительныхъ мѣръ состоитъ въ томъ, что писатели, имѣющіе чувство независимости, нераздѣльное съ закономъ, приходятъ въ негодованіе; они прибѣгаютъ къ язвительнымъ насмѣшкамъ; начинаютъ ходить по рукамъ тайныя, а потому тѣмъ болѣе опасныя произведенія; любопытство публики питается личными анекдотами, возмутительными теоріями, клеветами; наконецъ, запрещеннымъ сочиненіямъ придается чрезмѣрная важность. Не свобода печати производитъ революціи, а долговременное лишеніе этой свободы. Въ великихъ государствахъ новаго времени свобода печати составляетъ единственное средство гласности, а потому единственную гарантію гражданъ. Безъ нея, всѣ другія гарантіи, гражданскія, политическія и судебныя, становятся призрачными. Самая власть, окружая себя мракомъ, освящаетъ всѣ злоупотребленія и даетъ просторъ произволу нижайшихъ своихъ орудій. Но окончательно всѣ такія мѣры оказываются тщетными, ибо въ настоящее время нѣтъ возможности воздвигнуть китайскую стѣну между различными государствами. Напечатанное въ одномъ мѣстѣ легко проникаетъ въ другія. Запрещенія даютъ только премію контрабандѣ. Въ настоящее время, единственное разумное начало состоитъ въ томъ, что писатели должны отвѣтствовать передъ судомъ за свои сочиненія, также какъ за свои слова и дѣйствія [1]).

Наконецъ, съ личною свободою связана свобода промышленности. Такъ какъ право общества надъ лицами заключается единственно въ томъ, чтобы не позволять имъ вредить другъ другу, то вмѣшательство ея въ область промышленности можетъ быть допущено только тамъ, гдѣ предполагается вредъ. Но вреда нѣтъ тамъ, гдѣ господствуетъ свободное соперничество, которое вытекаетъ изъ самой природы промышленности. Вредъ начинается тамъ, гдѣ есть притѣсненіе или обманъ. Слѣдовательно, права власти ограничиваются охраненіемъ свободнаго соперничества. Всякое же установ-

---

[1]) Esquisse d'une Constitution, ch. 8.

леніе привилегій есть притѣсненіе, ибо этимъ дается преимущество однимъ въ ущербъ другимъ. Нарушая справедливость, привилегіи наносятъ и матеріальный вредъ обществу: если меньшинство обогащается, то большинство отъ этого бѣднѣетъ. Привилегированныя отрасли, будучи ограждены отъ конкурренціи, производятся съ меньшимъ тщаніемъ и съ меньшею бережливостью. Для поддержанія монополіи правительства принуждены прибѣгать къ самымъ притѣснительнымъ мѣрамъ. Наконецъ, этимъ возбуждается контрабанда; искусственно создается разрядъ людей, привычныхъ къ нарушенію закона. Если запретительная система не уничтожила промышленности тѣхъ странъ, къ которымъ она прилагаетъ, то этимъ онѣ обязаны единственно началу личной иниціативы, которая во многомъ исправляетъ дурныя послѣдствія правительственной регламентаціи. И не только запрещенія, но и самыя пособія дѣйствуютъ вредно на общество. Этимъ дается ложное направленіе капиталамъ; промышленность превращается въ азартную игру; въ людяхъ ослабляется чувство личной отвѣтственности, которое одно даетъ имъ энергію и возвышаетъ ихъ нравственность. Личный интересъ, безъ всякой поддержки со стороны правительства, совершенно достаточенъ для пріисканія наиболѣе выгодныхъ занятій. Если промышленные классы нерѣдко страдаютъ, то причины заключаются вовсе не въ недостаткѣ поддержки и направленія, а главнымъ образомъ въ тѣхъ произвольныхъ стѣсненіяхъ, которымъ они подвержены [1]).

Главная гарантія личныхъ правъ заключается въ судебной власти. Отсюда начало несмѣняемости судей, которые должны быть независимы, какъ отъ правительства, такъ и отъ народа. Въ конституціонной монархіи назначеніе ихъ несомнѣнно должно принадлежать королю, ибо правительство имѣетъ гораздо болѣе средствъ сдѣлать хорошій выборъ, нежели общество. Съ несмѣняемостью должно соединяться и жалованье, достаточное для обезпеченія ихъ независимости. Но къ этому правительственному элементу долженъ присоединиться и другой, народный, именно, присяжные. Многіе считаютъ Французовъ, по своему характеру, неспособными къ этой должности; но эта мнимая неспособность происходитъ единственно отъ непривычки къ свободѣ. Учрежденіе присяжныхъ тѣмъ необхо-

---

[1]) Cours de polit. constit. I, Note Y. стр. 356.

днике, что оно воспитываетъ въ народѣ нужныя для него качества. Къ несмѣняемости судей, къ святости присяжныхъ, надобно присоединить еще строгое соблюденіе судебныхъ формъ, которыя служатъ необходимою гарантіею для подсудимыхъ. Всякое сокращеніе формъ равносильно наказанію. И когда это дѣлается въ важнѣйшихъ преступленіяхъ, то это ведетъ къ сугубой нелѣпости, ибо предосторожности, которыя считаются необходимыми въ маловажныхъ случаяхъ, устраняются тамъ, гдѣ онѣ всего нужнѣе. Говорятъ, что одни злодѣи изъемлются отъ благодѣтельнаго дѣйствія законовъ; но надобно сначала доказать, что они злодѣи: формальности служатъ именно для того, чтобы придти къ этому убѣжденію. Формы ненавистны только произволу и тиранніи. Наконецъ, необходимымъ дополненіемъ къ судебнымъ гарантіямъ служитъ право помилованія, которое смягчаетъ неизбѣжныя несовершенства закона (Pr. d. Pol. ch. 19).

Если судебная власть служитъ гарантіею свободы, то есть другой элементъ, который можетъ грозить ей опасностью, именно, войско. Бенжаменъ Констанъ обратилъ вниманіе и на этотъ вопросъ. Онъ указываетъ на то, что Англія обязана свободою своему положенію, которое избавляетъ ее отъ необходимости держать постоянное войско. На материкѣ безъ него обойтись невозможно; въ войскѣ же требуется дисциплина, которая легко можетъ сдѣлать его орудіемъ произвола. Для предупрежденія этого, Бенжаменъ Констанъ считаетъ необходимымъ держать войско на границахъ государства. Внутри же должна быть установлена двоякая сила: жандармы для преслѣдованія преступниковъ, и національная гвардія для подавленія внутреннихъ возмущеній. Бенжаменъ Констанъ думалъ, что національная гвардія, составленная изъ собственниковъ, всегда будетъ наклонна къ охраненію порядка, мысль, которая не всегда находила свои оправданія въ дѣйствительности (ср. 6). Въ позднѣйшихъ примѣчаніяхъ онъ предложилъ еще другое средство предупредить противозаконное употребленіе военной силы, именно, назначеніе военныхъ начальниковъ не королемъ, а министрами [1]). Лабулэ справедливо замѣчаетъ, что подобное предложеніе составляетъ конституціонную ересь. Къ этому привело Бенжамена Констана неправильное раздѣ-

---

[1]) Cours de polit. constit. I, Note P, стр. 338.

леніе королевской власти и министерской. Министры въ конституціонной монархіи, также какъ и въ абсолютной, не болѣе какъ совѣтники короля. Истинная гарантія противъ злоупотребленій военной силы заключается въ общемъ духѣ народа, который сообщается и войску. Правительства, которыя подавляли свободу оружіемъ, всегда находили опору въ общественномъ мнѣніи.

Наконецъ, Бенжаменъ Констанъ возстаетъ противъ всякаго пріостановленія или нарушенія конституціи для ея спасенія. Правительство, которое нарушаетъ конституцію, говоритъ онъ, тѣмъ самымъ уничтожаетъ собственное свое юридическое основаніе: съ этого момента оно держится только силою. Въ сущности, этимъ способомъ сохраняется не конституція, а единственно власть нѣкоторыхъ людей, которые хотятъ держаться во что бы ни стало. И еслибы еще этимъ поддерживалось правительство! Но беззаконіе, исходящее отъ правительства, возбуждаетъ стремленіе къ беззаконію и въ подданныхъ; произволу дается полный просторъ. Власть потеряла свой отличительный признакъ охранительницы закона; она вручаетъ своимъ врагамъ то самое оружіе, которымъ она пользуется. Какова бы ни была опасность, подобныя средства только увеличиваютъ зло. Если паденіе власти неизбѣжно, то зачѣмъ соединять съ нимъ безполезное преступленіе? Если же опасность можетъ быть отвращена, она устранится не нарушеніемъ справедливости, а добросовѣстнымъ соблюденіемъ установленныхъ формъ и гарантій. Этимъ правительства обращаютъ на своихъ враговъ всю ненависть, возбуждаемую беззаконіемъ, и пріобрѣтаютъ довѣріе колеблющейся массы. Деспотическія правительства могутъ держаться насиліемъ; власть умѣренная, опирающаяся на порядокъ и справедливость, губитъ себя всякимъ нарушеніемъ справедливости, всякимъ уклоненіемъ отъ порядка [1]).

И въ этихъ мысляхъ Бенжамена Констана выражается нѣкоторая односторонность, которую мы замѣчаемъ и въ другихъ частяхъ его ученія. Нѣтъ сомнѣнія, что законныя правительства должны по возможности дѣйствовать законнымъ путемъ; легкомысленное употребленіе произвола осуждается, какъ правомъ, такъ и здравою политикой. Но нѣтъ сомнѣнія также, что бываютъ чрезвычайныя обстоятельства, гдѣ не-

[1]) Cours de polit. constit. I, Note BB. стр. 372 и слѣд.

обходимо пріостановить законныя гарантіи и устранить формы, несовмѣстныя съ быстротою дѣйствія. Желательно только, чтобы сама конституція предоставляла это право законнымъ властямъ. Переживши деспотизмъ конвента и деспотизмъ Имперіи, Бенжаменъ Констанъ заботился главнымъ образомъ о гарантіяхъ противъ произвола. Все его вниманіе было устремлено на охраненіе свободы. Это именно и придавало нѣкоторую односторонность его взглядамъ. Однако эта односторонность не увлекала его къ поклоненію республиканскимъ учрежденіямъ. Онъ стоялъ на почвѣ конституціонной монархіи, представляющей высшее сочетаніе началъ порядка и свободы. Онъ первый изобразилъ существенныя ея черты, согласно съ потребностями XIX вѣка. Къ развитой Монтескьё теоріи раздѣленія властей онъ присоединилъ необходимость соглашенія. На этомъ онъ основалъ ученіе о королевской власти, какъ высшей нейтральной силы, уравновѣшивающей остальныя. Онъ не изобрѣлъ этой теоріи; Англія служила ему практическимъ образцомъ. Бенжаменъ Констанъ постоянно обращался къ Англіи за примѣромъ. Но онъ первый понялъ истинное существо англійской конституціи и возвелъ ее въ общую политическую теорію. Въ этомъ состоитъ существенная его заслуга въ политической наукѣ. Послѣ него оставалось только исправить нѣкоторую односторонность и развивать подробности конституціоннаго ученія. Главное основаніе было положено.

2. ДЕСТЮТТЪ ДЕ ТРАСИ.

Съ гораздо большею рѣзкостью, нежели у Бенжамена Констана выступаетъ одностороннее либеральное направленіе у Дестютта де Траси. Это былъ эмигрантъ, выселившійся въ Америку и ставшій гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ немъ мы находимъ отголосокъ ученій XVIII вѣка. Бенжаменъ Констанъ изображаетъ основанія конституціонной монархіи; Дестюттъ де Траси, удаленный отъ европейскаго міра, склоняется къ республикѣ. Въ этомъ смыслѣ написаны его *Комментарій на Духъ Законовъ Монтескьё* (Commentaire sur l'Esprit des Lois de Montesquieu), изданный первоначально въ Соединенныхъ Штатахъ на англійскомъ языкѣ, въ 1811 году, и затѣмъ во французскомъ переводѣ въ Брюсселѣ въ 1817 и въ Парижѣ въ 1819-мъ [1]).

[1]) Пользуюсь парижскимъ изданіемъ.

Деститтъ де Траси начинаетъ съ критики даннаго Монтескьё опредѣленія законовъ, какъ необходимыхъ отношеній, вытекающихъ изъ природы вещей. Этому опредѣленію онъ противополагаетъ другое, именно, что законъ есть правило, предписанное нашимъ дѣйствіемъ властью, имѣющею на то право. Только въ силу расширенія понятія это первоначальное значеніе было перенесено на законы естественные. Видя, что явленія всегда происходятъ въ неизмѣнномъ порядкѣ, мы предполагаемъ, что это совершается въ силу законовъ, установленныхъ высшею властью, наказывающею всякое ихъ нарушеніе уничтоженіемъ дѣятеля. А такъ какъ мы этихъ законовъ признать не можемъ, то установляемые нами законы должны съ ними сообразоваться. Положительные законы могутъ быть хороши или дурны, смотря по тому, согласны они или несогласны съ законами естественными. Справедливымъ называется то, что ведетъ къ добру, несправедливымъ то, что производитъ зло. А такъ какъ то и другое совершается въ силу естественныхъ законовъ, то справедливое и несправедливое существуетъ прежде положительныхъ законовъ. Задача положительнаго законодательства состоитъ единственно въ томъ, чтобы слѣдовать естественному закону. Въ этомъ состоитъ духъ законовъ (ch. 1).

Такимъ образомъ, не смотря на критику сдѣланнаго Монтескьё опредѣленія, оказывается, что производное значеніе закона предшествуетъ первоначальному. Положительные законы должны сообразоваться съ естественными, то есть, съ природою вещей. Монтескьё не утверждалъ ничего другаго.

Но если Деститтъ де Траси сходится съ Монтескьё въ философскомъ понятіи, то онъ совершенно расходится съ нимъ въ приложеніи. Въ политической области, природа вещей прежде всего выражается въ существѣ различныхъ образовъ правленія. Монтескьё, какъ мы видѣли, раздѣлялъ образы правленія на республиканскій, монархическій и деспотическій. Деститтъ де Траси справедливо замѣчаетъ, что республиканское правленіе можетъ быть весьма различно, а деспотическое составляетъ не болѣе какъ злоупотребленіе, которое присуще каждому образу правленія и не можетъ быть возведено въ отдѣльную политическую форму. Этому раздѣленію онъ противополагаетъ другое: одни правительства онъ называетъ *національными*, другія—*специальными*. Первыя основаны на общихъ правахъ лю-

дей, вторыя на частныхъ. Устройство первыхъ можетъ быть различно: чисто демократическое, представительное, аристократическое, наконецъ монархическое. Но каково бы оно ни было, вездѣ предполагается, что источникъ власти лежитъ въ совокупности гражданъ, которые всегда имѣютъ право измѣнить учрежденіе, какъ скоро они этого захотятъ. Въ специальныхъ образахъ правленія, напротивъ, признаются иные источники права и власти, кромѣ общей воли, напримѣръ, божественное установленіе, завоеваніе, рожденіе, договоры и т. д. Здѣсь организація общества представляется произведеніемъ явныхъ или тайныхъ соглашеній между различными властями; вслѣдствіе этого, она можетъ быть измѣнена только свободнымъ ихъ согласіемъ (ch. 2).

Деститтъ де-Траси прямо объявляетъ, что онъ не хочетъ входить въ разборъ правомѣрности или неправомѣрности тѣхъ или другихъ образовъ правленія. Слѣдуя Монтескьё, онъ признаетъ ихъ существующими и хочетъ изслѣдовать только различныя ихъ послѣдствія. Но этотъ пріемъ ведетъ единственно къ тому, что исключительная правомѣрность такъ называемыхъ національныхъ правленій, а изъ нихъ главнымъ образомъ представительной демократіи, бездоказательно предполагается авторомъ. Они одни основаны на разумѣ и сообразны съ природою вещей, тогда какъ остальныя опираются на сомнительныя начала, которыя можно защищать только отдаленными соображеніями (гл. 6, стр. 63, 66; гл. 13, стр. 241). И хотя допускается, что національныя правленія могутъ имѣть различное устройство, однако всѣ другія формы, кромѣ представительной демократіи, признаются не болѣе какъ примѣсью специальныхъ элементовъ къ національному началу. Возвращаясь въ другомъ мѣстѣ къ раздѣленію Монтескьё, Деститтъ де-Траси сводитъ противоположеніе національныхъ правленій специальнымъ къ двумъ главнымъ типамъ. Республика, говоритъ онъ, должна быть раздѣлена на аристократическую и демократическую; деспотія ничто иное какъ чистая монархія; ограниченная же монархія, въ сущности, есть аристократія съ единымъ главою. Слѣдовательно, вмѣсто принятаго Монтескьё раздѣленія, мы получаемъ монархію, аристократію и демократію. Но изъ этихъ трехъ формъ чистая демократія, въ которой весь народъ принимаетъ участіе въ правленіи, невозможна въ сколько-нибудь образованномъ обществѣ. Точно также нестерпима и чистая монархія, гдѣ одинъ человѣкъ

является безусловнымъ владыкою всѣхъ. Первое есть правленіе дикихъ, второе—правленіе варваровъ. Остается, слѣдовательно, аристократія въ различныхъ ея формахъ. Она установляется у всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ народовъ, какъ скоро съ развитіемъ образованія появляется различіе классовъ. Только въ новѣйшее время, при высшемъ просвѣщеніи, люди изобрѣли новую форму, отличную отъ прежнихъ, форму, основанную на общей волѣ и общемъ равенствѣ, именно, правленіе представительное. Если мы оставимъ въ сторонѣ варварскіе народы, то сравненіе различныхъ образовъ правленія сводится къ этимъ двумъ типамъ, къ аристократіи въ различныхъ ея формахъ, съ одной стороны, и представительному правленію—съ другой (ch. 6).

Такимъ образомъ, съ самаго начала предполагается, что одно правленіе разумно, другое неразумно, одно имѣетъ въ виду общее благо, другое частное. Избавляя себя отъ изслѣдованія юридическаго основанія и историческаго происхожденія различныхъ образовъ правленія, Дестютъ де-Траси лишаетъ свои выводы всякой твердой почвы. Онъ не разбираетъ существа общей воли, которая, по принятымъ имъ началамъ, все же поставляется изъ частныхъ; онъ не объясняетъ, въ силу чего образованное меньшинство обязано подчиниться рѣшеніямъ необразованнаго большинства; онъ предполагаетъ, а не доказываетъ, что воля необразованной массы всегда направлена къ общему благу. Между тѣмъ, эти принятыя на вѣру чисто теоретическія положенія лежатъ въ основаніи всѣхъ выводимыхъ имъ послѣдствій изъ природы различныхъ образовъ правленія.

Прежде всего, онъ возстаетъ противъ тѣхъ началъ, которыя Монтескьё приписываетъ различнымъ политическимъ формамъ, именно, добродѣтель демократіи, умѣренность аристократіи, честь монархіи и страхъ деспотіи. Разумная, то-есть, представительная демократія, говоритъ Дестютъ де-Траси, основана на любви къ свободѣ и равенству, или, что тоже самое, къ миру и справедливости. Всякій надѣется здѣсь только на личныя свои силы и ревниво охраняетъ пріобрѣтенное. Поэтому онъ живо чувствуетъ всякое нарушеніе чужаго права дѣйствіемъ власти; онъ видитъ въ этомъ опасность и для себя. Въ этомъ заключается истинная республиканская добродѣтель, а не въ самоотреченіи, какъ думаетъ Монтескьё. Спартанское воздержаніе противно природѣ; оно можетъ только быть плодомъ фанатизма.

поддержаннаго искусственными учрежденіями. Основанный на немъ порядокъ всегда непроченъ. Когда первоначальная демократія превращается въ аристократію, то нѣтъ сомнѣнія, что гордость однихъ и низость другихъ, умѣніе первыхъ и невѣжество вторыхъ должны быть причислены къ началамъ, охраняющимъ этотъ порядокъ. Точно также и съ превращеніемъ демократіи въ монархію охранительными началами этого правленія являются, съ одной стороны, высокое понятіе монарха о своемъ достоинствѣ, съ другой стороны, честолюбіе и преданность придворныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ презрѣніе къ низшимъ классамъ, наконецъ раболѣпное уваженіе послѣднихъ ко всѣмъ величіямъ и желаніе нравиться тѣмъ, которые ими облечены. Но пока совокупность народа признается еще источникомъ всякаго права, эти различныя чувства подчиняются уваженію къ общимъ правамъ человѣка. Тамъ же, гдѣ правленія изъ національныхъ превращаются въ спеціальныя, эти чувства гордости и раболѣпства господствуютъ уже во всей своей чистотѣ (ch. 3).

Сообразно съ характеромъ правленія, эти различныя чувства развиваются воспитаніемъ. Каково бы ни было государственное устройство, правительство никогда не должно отнимать дѣтей у родителей и воспитывать ихъ само. Такой способъ дѣйствія составляетъ нарушеніе священнѣйшихъ правъ человѣка. Но правительство можетъ направлять воспитаніе непосредственно черезъ учителей и косвенно черезъ вліяніе на родителей и на общество. Въ наслѣдственной монархіи это направленіе состоитъ въ томъ, что внушаются правила безусловнаго повиновенія, уваженіе къ существующимъ формамъ, нелюбовь къ преобразованіямъ, отвращеніе отъ обсужденія началъ. Правительство должно призывать на помощь религію, стараясь однако держать священниковъ въ зависимости отъ себя, и изъ всѣхъ религій оно должно предпочитать ту, которая всего болѣе требуетъ покорности и устраняетъ всякое движеніе мысли. Затѣмъ оно должно стараться образовать въ подданныхъ умы легкіе и поверхностные, занимая ихъ изящною литературою и отвращая ихъ отъ занятія дѣломъ и отъ философскихъ изысканій. Наконецъ, образованіе низшихъ классовъ должно быть какъ можно скуднѣе. Масса должна держаться въ униженіи и невѣжествѣ, для того чтобы отъ удивленія передъ всѣмъ, что возвышается надъ нею, она не перешла къ желанію выйти изъ своего плачевнаго состоянія.

Той же самой политикѣ должно слѣдовать и аристократическое правленіе относительно воспитанія низшихъ классовъ. Но здѣсь оно должно болѣе остерегаться вліянія духовенства, которое можетъ быть для него опаснымъ соперникомъ. Тамъ, гдѣ духовенство не сильно, аристократія можетъ еще употреблять его, какъ орудіе, для того чтобы держать народъ на извѣстной невинной степени невѣжества. Но если духовенство богато и могущественно, аристократическое правительство должно мѣшать распространенію въ народѣ религіознаго духа, который можетъ обратиться противъ него самого. Оно не дерзаетъ противодѣйствовать ему распространеніемъ образованія, которое скоро уничтожило бы духъ раболѣпства; оно можетъ только ослаблять его, погружая народъ въ пороки и развратъ. «Не смѣя сдѣлать изъ него глупое стадо въ рукахъ пастырей, оно принуждено превратить его въ развращенную и нищенскую чернь, всегда находящуюся въ рукахъ полиціи». Въ этомъ состоитъ для него единственное средство сохранить свою власть. Съ другой стороны, высшій классъ, въ отличіе отъ монархіи, долженъ получить прочное образованіе для того, чтобы сохранить способность управлять дѣлами. Все просвѣщеніе общества должно быть сосредоточено въ немъ, иначе оно всегда будетъ имѣть опасныхъ соперниковъ.

Тамъ, гдѣ монархія и аристократія имѣютъ національный характеръ, эти начала видоизмѣняются уваженіемъ къ общему праву. Поэтому здѣсь является смѣшеніе различныхъ направленій. Для собственнаго ихъ интереса, говоритъ Дестюттъ де-Траси, эти правленія не должны стремиться къ полному подавленію разума и истины. Они должны только стараться затмить ихъ до нѣкоторой степени, чтобы помѣшать слишкомъ послѣдовательнымъ выводамъ изъ принятыхъ началъ. Что же касается до чисто представительнаго правленія, то оно одно не боится истины, ибо оно основано единственно на природѣ и разумѣ. Его интересъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣми мѣрами содѣйствовать развитію просвѣщенія. Будучи основано на началѣ равенства, оно должно безпрерывно бороться противъ самаго пагубнаго неравенства, неравенства образованія различныхъ членовъ общества. Оно должно предохранять низшій классъ отъ невѣжества и нищеты, высшій — отъ кичливости и ложнаго знанія, стараясь связать тотъ и другой съ среднимъ классомъ, по своему характеру и положенію удаленнымъ отъ всякихъ излишествъ (ch. 4).

Таковъ взглядъ Дестютта де-Траси на образовательную дѣятельность различныхъ правительствъ. Вмѣсто тонкой наблюдательности Монтескьё, здѣсь является, съ одной стороны, чистый идеалъ, съ другой стороны—карикатуры. Вдаваясь въ крайнюю односторонность, комментаторъ далеко отсталъ отъ своего образца.

Въ томъ же духѣ Дестюттъ де-Траси разсматриваетъ отношеніе законодательства къ различнымъ образамъ правленія. Относительно первобытной монархіи, или деспотіи, онъ замѣчаетъ только, что свои доходы она получаетъ путемъ грабежа и конфискацій, а средствами управленія служатъ ей сабля и веревка. При этомъ монархъ долженъ быть главою или рабомъ владычествующаго духовенства, доказательство, что средствами управленія служатъ не одни сабля и веревка. Что касается до монархіи, которая утверждается въ нѣсколько образованномъ обществѣ, то здѣсь необходимы иныя начала. Прежде всего, частное его право должно быть утверждено на прочномъ порядкѣ наслѣдованія. Затѣмъ оно должно опираться на другія частныя права, ибо только соединивъ вокругъ себя значительное количество частныхъ интересовъ, можно держать народъ въ повиновеніи. Этой цѣли служитъ аристократическое сословіе и корпораціи, состоящія въ зависимости отъ монархіи, учрежденія, которыя можно защищать правдоподобными доводами, не обсуждая первоначальнаго права. А такъ какъ при этомъ порядкѣ обогащается трудомъ только низшій классъ, то необходимо прибѣгать къ различнымъ средствамъ, чтобы вытягивать изъ него деньги. Это достигается, между прочимъ, продажностью должностей, которую рекомендуетъ Монтескьё. Точно также и аристократія должна употреблять всѣ средства, чтобы мѣшать обогащенію низшихъ классовъ; если же невозможно этому воспрепятствовать, то она должна, по крайней мѣрѣ, принимать въ свою среду всѣхъ тѣхъ, которые достигли значительнаго состоянія. Представительное правленіе, напротивъ, не прибѣгаетъ ни къ какимъ искусственнымъ мѣрамъ; будучи сообразно съ природою, оно предоставляетъ дѣла ихъ собственному, естественному теченію. Стремясь къ равенству, оно не установляетъ его насиліемъ, но довольствуется устраненіемъ препятствій, воспрещеніемъ майоратовъ, субституцій, привилегій. Оно не требуетъ отъ подданныхъ мелочнаго отчета въ ихъ дѣйствіяхъ, не стѣсняетъ ихъ въ занятіяхъ, но воздерживается отъ всего, что питаетъ тщеславіе и безпорядочность. Съ этими пре-

досторожностями, частныя добродѣтели скоро распространяются во всѣхъ семействахъ. Представительное правленіе не стѣсняетъ и мысли, но предоставляетъ каждому право говорить и писать то, что онъ думаетъ, въ увѣренности, что истина всегда восторжествуетъ (ch. 5).

Слѣдуя Монтескьё, Дестюттъ де-Траси разсматриваетъ отношеніе различныхъ образовъ къ простотѣ законовъ, къ формамъ суда, къ наказаніямъ. Но замѣчанія его, писанныя въ общемъ либеральномъ духѣ, имѣютъ мало интереса. Относительно роскоши онъ доказываетъ, что она всегда есть зло, ибо роскошь ничто иное какъ непроизводительная трата. Но монархія имѣетъ интересъ въ поддержаніи роскоши, потому что ей необходимо возбуждать тщеславіе, внушать уваженіе ко всему, что блеститъ, дѣлать умы легкими и пустыми, вселять чувства соперничества между общественными классами, наконецъ разорять гражданъ, которые могли бы сдѣлаться слишкомъ могучими вслѣдствіе своего богатства. Представительное правленіе, напротивъ, не имѣетъ никакого повода покровительствовать естественному стремленію человѣка къ лишнимъ тратамъ. Но для воздержанія роскоши оно не должно прибѣгать къ законодательнымъ мѣрамъ; достаточно, чтобы устранялись поводы къ накопленію богатствъ и къ возбужденію тщеславія. Въ хорошо устроенномъ обществѣ все пойдетъ само собою (ch. 7). Что касается до женщинъ, то у дикихъ, говоритъ Дестюттъ де-Траси, онѣ—рабочій скотъ, у варваровъ—животныя, содержимыя въ звѣринцахъ, у народовъ, преданныхъ суетности и тщеславію, попеременно деспоты и жертвы; только тамъ, гдѣ царствуютъ свобода и разумъ, онѣ становятся счастливыми подругами избранныхъ ими мужей и нѣжными матерями семейства (тамъ же).

Важнѣе то, что Дестюттъ де-Траси говоритъ о величинѣ государствъ по отношенію къ различнымъ образамъ правленія. Монтескьё утверждалъ, что маленькимъ государствамъ свойственно республиканское правленіе, среднимъ монархическое, большимъ деспотическое. Дестюттъ де-Траси возражаетъ, что такъ какъ деспотизмъ есть превратный образъ правленія, то онъ не можетъ быть приличенъ никакому государству. Все, что можно сказать, это то, что слишкомъ большія государства неизбѣжно должны или распасться, или подпасть подъ деспотизмъ. Съ другой стороны, чистая демократія воз-

можна только въ очень маленькихъ государствахъ; но такъ какъ этотъ образъ правленія приличенъ лишь совершенно неустроеннымъ обществамъ, то онъ нигдѣ не можетъ утвердиться прочно. Что же касается до аристократіи подъ однимъ или нѣсколькими главами, то она можетъ существовать при всякомъ объемѣ территоріи, съ тѣмъ различіемъ, что при монархической формѣ нужно большее пространство, ибо слишкомъ малое населеніе не въ состояніи поддерживать роскоши двора. Точно также и представительное правленіе возможно при всякомъ объемѣ государства. Въ этомъ отношеніи оно имѣетъ даже значительныя преимущества, ибо, съ одной стороны, требуя меньшихъ издержекъ, нежели другія, оно можетъ существовать и на весьма тѣсномъ пространствѣ, съ другой стороны, соединяя съ самою исполнительной власти нравственное вліяніе представителей различныхъ частей территоріи, оно легко можетъ охранять порядокъ въ большомъ государствѣ (ch. 8). Деспоттъ де-Траси не замѣчаетъ, что нравственное вліяніе мѣстныхъ представителей нерѣдко можетъ идти совершенно наперекоръ дѣйствію исполнительной власти, изъ чего проистекаетъ не сила, а слабость. Каковъ бы, впрочемъ, ни былъ образъ правленія, продолжаетъ авторъ, государство непремѣнно должно имѣть извѣстный объемъ. Если оно слишкомъ мало, оно, въ силу естественной подвижности человѣческаго ума, легко можетъ подвергаться внезапнымъ революціямъ; а съ другой стороны, слабость его всегда ставитъ его въ зависимость отъ могучихъ сосѣдей. Вредно также и излишнее расширеніе. Хотя въ образованныхъ обществахъ, при легкости сообщеній, уменьшаются невыгоды разстояній, однако важно то, чтобы государство не заключало въ себѣ народовъ, слишкомъ различающихся нравами, характеромъ и особенно языкомъ, изъ чего неизбѣжно проистекаетъ раздѣльность интересовъ. Еще важнѣе то, чтобы границы государства могли быть легко защищаемы. Въ этомъ отношеніи нѣтъ лучшей границы, нежели море, которое, давая удобство защиты, избавляетъ отъ необходимости держать значительное войско, всегда опасное для свободы. Затѣмъ слѣдуютъ высокія горы и, наконецъ, широкія рѣки. Вообще, можно сказать, что всякое государство должно стремиться получить свои естественныя границы и никогда изъ нихъ не выходить (тамъ же).

Это приводитъ насъ къ вопросу о военной силѣ. Отправляясь отъ

мысли, что республиканская форма свойственна малымъ государствамъ, Монтескьё видѣлъ возможность сочетать ее съ достаточнымъ могуществомъ для защиты отъ сосѣдей единственно въ федеративномъ устройствѣ. Дестютъ де-Траси замѣчаетъ, что федерація имѣетъ несомнѣнныя преимущества передъ обособленіемъ; но союзныя государства сдѣлаются еще сильнѣе, если они соединятся въ одно, а это возможно посредствомъ представительныхъ учрежденій. Союзное устройство имѣетъ то преимущество, что оно затрудняетъ захваты власти и способствуетъ распространенію образованія по всѣмъ частямъ государства; но вообще, его слѣдуетъ разсматривать болѣе какъ попытку людей, которые хотѣли сочетать свободу съ могуществомъ, но не имѣли еще надлежащаго понятія о представительномъ правленіи (ch. 9).

Не признавая союзное устройство высшею формою для представительныхъ государствъ, Дестютъ де-Траси допускаетъ однако возможность, въ будущемъ, общей федераціи народовъ, съ судилищемъ для разрѣшенія ихъ взаимныхъ распрей (ch. 10). Онъ соглашается съ Монтескьё, что война не можетъ имѣть иного основанія, кромѣ справедливой защиты, и что непозволительно браться за оружіе изъ вопросовъ самолюбія, приличія и еще менѣе для славы или тщеславія государя. Справедливая же война влечетъ за собою право завоеванія, которое однако всегда должно соединяться съ свободою покоренныхъ выйти изъ государства. Дестютъ де-Траси настаиваетъ и на томъ, что всякое государство должно стремиться къ своимъ естественнымъ границамъ, начало, которое значительно расширяетъ право завоеванія. Въ этомъ отношеніи всѣ образы правленія одинаки; но преимущество представительнаго правленія оказывается въ отношеніяхъ къ покореннымъ. Оно даетъ имъ тѣже выгоды, какими пользуются граждане, вслѣдствіе чего покореніе становится для нихъ освобожденіемъ. Это и придало такую силу французской республикѣ въ ея завоеваніяхъ (ch. 10).

Наконецъ, Дестютъ де-Траси приходитъ къ важнѣйшему политическому вопросу, къ отношенію образовъ правленія къ политической свободѣ. Здѣсь односторонняя скудость его взглядовъ обнаруживается вполнѣ.

Онъ начинаетъ съ теоретическаго опредѣленія свободы. Вслѣдъ за Локкомъ, онъ признаетъ одну внѣшнюю свободу, отвергая внутрен-

нюю. Свобода, говорить онъ, есть власть или способность исполнять свою волю. Поэтому свобода относится только къ исполненію, а не къ самой волѣ, которая всегда необходимо движется побужденіями. А такъ какъ все счастіе существа, одареннаго волею, состоитъ въ исполненіи желаній, то счастіе и свобода—одно и тоже. Всѣ люди страстно любятъ свободу, потому что они не могутъ любить ничего другаго. Отсюда Деетютть де-Траси выводитъ, что народъ долженъ считаться истинно свободнымъ подъ тѣмъ правленіемъ, которое ему нравится, хотя бы оно менѣе другихъ соотвѣтствовало истиннымъ началамъ свободы. Наилучшее безусловно не есть наилучшее относительно. Безусловно лучшія учрежденія всего болѣе противорѣчатъ ложнымъ идеямъ, и если послѣднія распространены въ народѣ, то хорошія учрежденія могутъ быть введены только силою, и народъ не можетъ чувствовать себя свободнымъ подъ ихъ владычествомъ. Отсюда слѣдуетъ далѣе, что свобода независима отъ образа правленія: наиболѣе свободно то правленіе, подъ которымъ большинство наиболѣе счастливо. Если бы совершенный деспотъ управлялъ отлично, то подданные его пользовались бы полнымъ счастіемъ, слѣдовательно полною свободою (ch. 11, стр. 154—162).

Мы видимъ, къ чему ведетъ противорѣчащее истинѣ смѣшеніе счастія съ свободою. Деспотизмъ, то-есть, полное отрицаніе свободы, является, по крайней мѣрѣ въ возможности, полнымъ осуществленіемъ свободы. Въ дѣйствительности, свобода заключается единственно въ просторѣ, предоставленномъ личной дѣятельности человѣка. Ведетъ ли эта дѣятельность къ счастію или нѣтъ, это совершенно другой вопросъ, который можетъ разрѣшаться различно. Извѣстно, что злоупотребленія свободы всего болѣе разрушаютъ человѣческое счастіе.

Несмотря на сдѣланный имъ выводъ, что свобода вовсе не зависитъ отъ образа правленія, и что дѣло не въ теоріи, а въ практикѣ и результатахъ, Деетютть де-Траси, вслѣдъ за Монтескьё, ищетъ теоретически совершеннѣйшаго правленія, которое могло бы обезпечить людямъ наибольшее счастіе. Онъ признаетъ установленное Монтескьё раздѣленіе властей на законодательную, исполнительную и судебную, ибо вся задача общества, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы хотѣть, исполнять и судить. Справедливо и то, что эти отрасли необходимо должны находиться въ разныхъ рукахъ, безъ чего прои-

зойдетъ величайшая опасность для свободы. Но вмѣсто того, чтобы искать средствъ предупредить это зло, Монтескьё просто указываетъ на примѣръ Англіи. Это предубѣжденіе въ пользу англійской конституціи заставило его забыть, что означенныя три отрасли власти суть только производныя должности, которыя не существуютъ сами по себѣ, а истекаютъ изъ единаго источника, изъ воли народной. По праву, существуетъ только одна власть, народная воля. Фактически же нѣтъ иной власти, кромѣ исполнительной, которая располагаетъ физическою силою. Монтескьё не обратилъ на это вниманія, а потому одобрилъ безъ разсужденія предоставленіе исполнительной власти единому лицу, даже наслѣдственному, не разбирая, способно ли оно къ этому или нѣтъ, и не ведетъ ли подобное устройство къ тому, что эта власть поглотитъ собою остальныя. Въ силу той же неясности мысли, онъ, кромѣ народныхъ представителей, допускаетъ и привилегированное сословіе, которому ввѣряется не только часть законодательной власти, но и важнѣйшая отрасль суда, судъ государственныхъ преступленій. Въ этомъ сословіи онъ видитъ посредствующую, умѣряющую власть между законодательною и исполнительною, не замѣчая, что въ англійской исторіи верхняя палата является вовсе не умѣряющею силою, а лишь придаткомъ королевской власти. Если прибавить къ этому, что въ дѣйствительности англійскій король всегда владыка парламента, который онъ держитъ въ рукахъ посредствомъ страха и подкупа, то ясно, что во всемъ этомъ искусственномъ зданіи нѣтъ ничего, что бы мѣшало захватамъ. Единственная гарантія свободы въ Англіи заключается въ твердой волѣ народа не допускать притѣсненій, и когда король слишкомъ злоупотребляетъ тою властью, которою онъ въ дѣйствительности владѣетъ, онъ низвергается общимъ движеніемъ, которое всегда возможно на островѣ, гдѣ нѣтъ необходимости держать постоянное войско. Важнѣйшая черта англійской конституціи, это — то, что народъ шесть или семь разъ низлагалъ своихъ королей. Но подобное средство не можетъ считаться конституціоннымъ. Въ правильномъ государственномъ устройствѣ надобно искать иныхъ гарантій (ch. 11, стр. 163—173).

Очевидно, что, не смотря на признаніе установленнаго Монтескьё раздѣленія властей, отъ мысли великаго французскаго публициста не остается и тѣни. Все поглощается единою верховною властью,

волею большинства, то-есть, необразованной массы. Противъ ея деспотизма нѣтъ убѣжища, ибо всякое особое право отвергается, какъ несогласное съ общею волею. «Вообще»,—говоритъ Деститтъ де Траси,—«я считаю ошибочною и проистекающею изъ несовершенныхъ комбинацій ту систему равновѣсія, въ силу которой хотятъ, чтобы нѣсколькимъ частнымъ лицамъ была предоставлена самостоятельная сила, охраняющая ихъ противъ общественной власти, и чтобы нѣкоторыя власти могли держаться сами по себѣ противъ другихъ властей, не прибѣгая къ помощи общей воли. Это не охраненіе мира, а объявленіе войны». Въ этой претензіи на силу, независимую отъ общей массы и способную ей противостоять, Деститтъ де-Траси видитъ единственную причину войны между бѣдными и богатыми. По его мнѣнію, при постепенности перехода отъ одного класса къ другому не было бы возможности положить демаркаціонную линію, если бы она искусственно не установлялась законодательствомъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ системы противоположенія и равновѣсія «пустыми обезьянствами или дѣйствительною междоусобною войною» (ch. 11, стр. 189—201).

Не трудно видѣть, до какой степени все это поверхностно. Глубокая мысль Монтескьё о необходимости сдержекъ и ограниченій для всякой человѣческой воли, совершенно непонята. Не знающая границъ воля необразованной массы одна остается владычествующею среди крушенія всякаго самостоятельнаго права. Еще менѣе можно найти здѣсь основательныя наблюденія надъ политическою жизнью народовъ. Англійская конституція представляется въ совершенно искаженномъ видѣ. Чтобы устранить этотъ живой примѣръ правильнаго дѣйствія системы равновѣсія, надобно было превратить его въ карикатуру. Любопытно, что Деститтъ де-Траси, признавши, какъ мы видѣли выше, что въ Англіи король, какъ глава исполнительной власти, есть все, въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что онъ значитъ что-нибудь единственно своимъ участіемъ въ законодательной власти, безъ чего онъ былъ бы совершенно безпомощенъ. «Законодательное собраніе и министры, вотъ что въ дѣйствительности составляетъ правительство. Король же не болѣе, какъ паразитъ, лишнее колесо въ движеніи машины, въ которой онъ только увеличиваетъ треніе и трату... Какъ скоро рѣчь идетъ о дѣлахъ, онъ совершенно устраняется: пренія или сношенія, война или миръ, все это рѣшается

между совѣтомъ министровъ и парламентомъ, и когда мѣняется одинъ изъ двухъ, мѣняется все, хотя король, истинно *лѣнивый*, въ точномъ смыслѣ слова, то-есть, ничего не дѣлающій, остается одинъ и тотъ же» (ch. 11, стр. 202). Когда на разстояніи нѣсколькихъ страницъ, объ одномъ и томъ же политическомъ явленіи излагаются столь противорѣчащія сужденія, то этимъ самымъ обличается вся предубѣжденность основной точки зрѣнія.

Устранивши англійскую конституцію во имя народной воли, Деститтъ де-Траси не довольствуется и учрежденіями Соединенныхъ Штатовъ, которые разрѣшаютъ вопросъ посредствомъ союзной формы. Онъ хочетъ изслѣдовать, какимъ образомъ задача разрѣшается для государства единаго и нераздѣльнаго. Изслѣдованіе должно идти не историческимъ, а чисто теоретическимъ путемъ. Умозрительно выводятся основанія свободной, законной и мирной конституціи (стр. 173—4).

Когда люди соединяются въ общества, говоритъ Деститтъ де-Траси, они не жертвуютъ частью своей свободы, какъ утверждаютъ нѣкоторые. Напротивъ, они увеличиваютъ свою мощь, слѣдовательно и свою свободу. Нужно только, чтобы они уладились другъ съ другомъ возможно лучшимъ образомъ. Въ этомъ состоитъ устройство или конституція общества. Первоначально это дѣлается случайно и наобумъ: отсюда безконечное разнообразіе учрежденій. Но настаетъ время, когда многочисленное и образованное общество, не довольствуясь случайными сдѣлками, хочетъ устроиться по указаніямъ чистаго разума. Что должно оно дѣлать въ этомъ случаѣ? Ему представляются три пути: или предоставить существующимъ властямъ уладиться между собою и опредѣлить взаимныя права и обязанности; или поручить мудрецу начертать планъ конституціи; или, наконецъ, выбрать для этого особое учредительное собраніе. Первый способъ ничто иное какъ практическая сдѣлка, которая никогда не можетъ повести къ разумному порядку. Второй, кромѣ трудности найти достойное лицо, представляетъ еще и то затрудненіе, что составленный имъ проектъ, не будучи подвергнутъ общему обсужденію, не будутъ имѣть достаточной опоры въ общественномъ мнѣніи. Въ древности подобные законодатели обыкновенно выдавали себя за провозвѣстниковъ воли Божества; но въ наше время подобное средство немыслимо. Остается третій способъ, который хотя имѣетъ

нѣкоторые недостатки, однако обладаетъ еще болѣе значительными выгодами. Здѣсь прежде всего представляется вопросъ: какъ должны совершаться выборы? Всѣмъ ли гражданамъ безъ исключенія должно быть предоставлено право голоса въ одинаковой степени или должны быть установлены различія?

Дестютъ де-Траси рѣшаетъ вопросъ въ первомъ смыслѣ. Всякія изъятія изъ общаго права кажутся ему не основанными ни на какихъ разумныхъ началахъ. Рожденіе, говоритъ онъ, несомнѣнно даетъ человѣку извѣстныя преимущества: обширныя связи, возможность утонченнаго образованія, болѣе широкія мысли и благородныя привычки: все это вытекаетъ изъ природы вещей, и никакой законъ не можетъ ихъ дать или отнять. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы они давали право на какія-либо должности или на привилегированное положеніе въ обществѣ. Подобныя права могутъ даваться только обществомъ и для общества. Отдѣльныя же лица никогда не должны обладать самостоятельною силою для защиты себя противъ общаго интереса. Тоже слѣдуетъ сказать и о богатствѣ и, наконецъ, о почестяхъ. Совершенно безполезно и даже вредно, чтобы тѣ, которые пользуются въ обществѣ естественными преимуществами, прибавляли къ этому еще превосходство власти, которая, подъ предлогомъ защиты своихъ правъ, можетъ служить только къ притѣсненію другихъ. Монтескьё утверждаетъ, что для лицъ, пользующихся особымъ положеніемъ, общая свобода была бы равнозначительна рабству: это все равно, что люди, превосходящіе другихъ физическою силою, считали себя притѣсненными за то, что имъ не позволяютъ бить своихъ согражданъ и заставлять ихъ работать въ свою пользу. Защитники привилегій ссылаются на то, что эти лица обладаютъ большимъ образованіемъ, а потому для народа выгоднѣе управляться ими, нежели тѣми, которые стоятъ въ этомъ отношеніи ниже. На это можно отвѣчать, что образованіе составляетъ такого рода преимущество, которое само собою, безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ, даетъ преобладающее положеніе въ обществѣ. Разумъ ослабляется, когда онъ ищетъ опоры въ частныхъ интересахъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, заключаетъ Дестютъ де-Траси, что право голоса должно быть дано всѣмъ, и притомъ въ одинаковой степени, ибо всѣ равно заинтересованы въ общественномъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ все ихъ благосостояніе. Одни могутъ имѣть больше

средствъ, другіе меньше; но жизненный интересъ для всѣхъ одинаковъ. Исключены должны быть только малолѣтніе, которыхъ воля еще недостаточно освѣщена разумомъ, женщины, которыя по своей природѣ предназначены для домашней жизни, а не для общественной, затѣмъ приговоренные судомъ къ лишенію правъ, наконецъ, *можетъ быть*, тѣ, которые, добровольно принявъ на себя извѣстныя должности, повидимому, подчиняли свою волю чужой (ch. 11, стр. 185—194).

Эти исключенія обнаруживаютъ всю недостаточность принятаго правила. Изъ нихъ оказывается, что кромѣ общаго всѣмъ интереса въ общественныхъ дѣлахъ, для пользованія правомъ требуется еще разумѣніе, требуется способность къ дѣламъ и наконецъ самостоятельное положеніе въ обществѣ. Все это очевидно не находится въ низшихъ классахъ въ одинокой степени съ высшими, а потому раціонально нѣтъ возможности дать имъ одинакія политическія права. Несправедливо, что рожденіе, богатство и образованіе сами собою ставятъ людей во главѣ общества: въ демократіи эти преимущества нерѣдко становятся поводомъ къ неріязни, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ устраненію отъ выборныхъ должкостей. Но съ этимъ еще можно было бы примириться, если бы дѣло шло единственно о томъ, чтобы каждый свободно могъ заниматься своимъ частнымъ дѣломъ. Тогда можно было бы сказать, вмѣстѣ съ Дестюттомъ де-Траси, что людямъ, обладающимъ большею физическою силою, нѣтъ нужды давать еще, сверхъ того, привилетіи для притѣсненія другихъ. Но тутъ вопросъ идетъ о дѣлахъ общихъ всѣмъ, на счетъ которыхъ должно состояться совокупное рѣшеніе. Отвергать юридическое преимущество образованнаго меньшинства значитъ утверждать юридическое преимущество необразованнаго большинства, то-есть, дать возможность послѣднему притѣснять первое. Такое устройство несогласно съ правомъ, ибо гдѣ есть различіе интересовъ, тамъ справедливость требуетъ, чтобы одинъ не былъ преданъ на жертву другому. Еще менѣе оно согласно съ общимъ благомъ, которое требуетъ, чтобы при рѣшеніи государственныхъ дѣлъ разумный элементъ преобладалъ надъ неразумнымъ, образованный надъ необразованнымъ. Слѣдовательно, если мы поставимъ вопросъ на чисто теоретическую почву, то нѣтъ сомнѣнія, что всеобщее и одинакое для всѣхъ право голоса не можетъ быть признано разумнымъ началомъ.

Самъ авторъ, предоставляя всѣмъ гражданамъ право голоса въ собраніяхъ, не считаетъ однако массу способною непосредственно выбирать своихъ представителей. Она должна только выбирать изъ среды себя лучшихъ людей, которымъ ужъ предоставляется окончательный выборъ (ch. 11, стр. 295—6). Однако, и это средство не достигаетъ цѣли. Политическая практика свободныхъ государствъ показала, что выборы въ двухъ степеняхъ мало измѣняютъ результатъ, ибо дѣло идетъ не столько о людяхъ, сколько о партіяхъ, изъ которыхъ каждая выставляетъ своихъ кандидатовъ и начинаетъ вербовку съ самой первой ступени.

Все это относится, впрочемъ, только къ учредительному собранію. Что касается до законодательной власти въ устроенномъ уже порядкѣ, то Деcтюттъ де-Траси, въ противоположность всѣмъ другимъ публицистамъ, предпочитаетъ вручить ее одному лицу, облеченному довѣріемъ общества, нежели законодательному собранію, лишь бы это лицо не имѣло вмѣстѣ и исполнительной власти, что сдѣлало бы его опаснымъ для государства. Причину такого предпочтенія онъ видитъ въ томъ, что легче найти одного хорошаго законодателя, нежели двѣсти или тысячу, и что самое законодательство при такомъ условіи будетъ имѣть больше цѣнности и единства. Онъ соглашается, однако, что и собраніе имѣетъ нѣкоторыя выгоды, особенно ту, что оно можетъ смѣняться по частямъ, а потому онъ допускаетъ и подобное учрежденіе, лишь бы законодатели выбирались на время и имѣли бы всѣ одинакія права. Для большей зрѣлости сужденій можно раздѣлить собраніе на отдѣленія, но не придавая имъ особыхъ правъ. Законодательное собраніе, по существу своему, должно быть едино. Борьба одной части противъ другой ведетъ только къ междоусобной войнѣ.

Совершенно другое слѣдуетъ сказать объ исполнительной власти. Въ противоположность обыкновенному взгляду, авторъ признаетъ, что она отнюдь не должна сосредоточиваться въ однихъ рукахъ. Единство нужно въ волѣ, а не въ исполненіи, которое и въ дѣйствительности всегда предоставляется нѣсколькимъ министрамъ. Необходимое единство дѣйствія можетъ быть точно также установлено большинствомъ совѣта, какъ и однимъ лицомъ; быстрота же далеко не всегда желательна. Наконецъ, совѣтъ, смѣняясь по частямъ, можетъ сообщить исполненію гораздо болѣе систематичности и посто-

листва, нежели одно лицо. Последнее же устройство, каковъ бы ни былъ способъ назначенія правителя, всегда имѣетъ значительныя невыгоды. Если онъ избирается на извѣстное число лѣтъ и обставленъ твердыми гарантіями, такъ что онъ не можетъ выходить изъ предѣловъ своей власти, то, конечно, онъ становится безвреднымъ. А безъ этихъ предосторожностей, положеніе его дѣлается столь значительнымъ, что оно возбуждаетъ всѣ честолюбія. Выборы будутъ производиться посредствомъ интригъ, подкуповъ и даже насилія. Всѣ старанія временнаго главы будутъ направлены къ тому, чтобы сохранить свою власть. Еще болѣе усиливаются крамолы, если глава государства выбирается пожизненно. При такомъ порядкѣ народъ осужденъ на вѣчныя смуты, какъ можно видѣть на примѣрѣ Польши, или же власть превращается въ наслѣдственную. Послѣдняя имѣетъ то преимущество, что это самый простой способъ разрѣшенія задачи. Но тутъ вовсе не обезпечена способность. Важнѣйшая должность въ государствѣ зависитъ отъ случайности рожденія. Къ этому присоединяется и то, что эта власть, по существу своему, не подлежитъ ограниченіямъ. Будучи нераздѣльна въ однихъ рукахъ, она стремится къ бо́льшимъ и бо́льшимъ захватамъ. Какъ бы ни умѣрялись столкновенія, осторожностью монарха или внѣшними обстоятельствами, результатомъ этого образа правленія можетъ быть либо порабощеніе народа, либо паденіе престола. «Надѣяться на свободу и монархію», говоритъ Дестютъ де-Траси, «значитъ надѣяться на двѣ вещи, изъ которыхъ одна исключаетъ другую» (сh. 11, стр. 214).

Едва ли нужно замѣтить, что этотъ выводъ построенъ на чисто произвольныхъ соображеніяхъ. Желая во что бы то ни стало доказать несовмѣстность всякой независимой отъ народа власти съ свободою, Дестютъ де-Траси строилъ воздушный замокъ, которому противорѣчитъ вся современная дѣйствительность: свобода несовмѣстна съ монархіею только тамъ, гдѣ она не имѣетъ корней въ народной жизни. Опасеніе сосредоточенной власти привело автора и къ тому, что онъ единичную власть замѣняетъ коллегіею, между тѣмъ какъ законодательство онъ считаетъ возможность вручить одному лицу. И то и другое противорѣчитъ какъ здравой политической теоріи, такъ и конституціонной практикѣ всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ государствъ. Во всемъ этомъ обнаруживается увлеченіе пред-

взятою мыслью, при весьма значительномъ недостаткѣ политическаго пониманія.

Въ силу тѣхъ же опасеній Деступтъ де-Траси подчиняетъ свою исполнительную власть законодательной. Первая должна зависѣть отъ послѣдней, какъ исполненіе отъ воли (ch. 11, стр. 217). Однако эта зависимость не должна быть полная, ибо воля можетъ быть незаконная. Отсюда возможность столкновеній и необходимость третьяго, посредствующаго тѣла. Этотъ третій, важнѣйшій органъ, составляющій ключъ ко всей системѣ, есть сенатъ, котораго задача состоитъ въ охраненіи, то-есть, въ согласованіи воли и дѣйствія. Онъ провѣряетъ выборы членовъ законодательнаго собранія; составляетъ представляемые избирателямъ списки кандидатовъ въ должности членовъ исполнительной коллегіи, или самъ избираетъ ихъ изъ числа представленныхъ ему кандидатовъ; участвуетъ точно такимъ же порядкомъ въ назначеніи верховныхъ судей; оставляетъ или предаетъ суду членовъ исполнительной коллегіи по инициативѣ законодательнаго собранія; уничтожаетъ противныя конституціи дѣйствія законодателей и исполнителей; наконецъ, созываетъ, когда нужно, конвентъ для пересмотра конституціи. Сенатъ составляется изъ пожизненныхъ членовъ, назначаемыхъ изъ высшихъ сановниковъ государства, на первый разъ учредительнымъ собраніемъ, а затѣмъ, по мѣрѣ вакансій, избирателями, на основаніи списка, составленнаго законодательнымъ собраніемъ и исполнительною коллегіею. При такомъ устройствѣ, говоритъ Деступтъ де-Траси, всякій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ правильнымъ образомъ, между тѣмъ какъ безъ этого государство единое, и нераздѣльное, неизбѣжно предается на жертву случайностямъ и насилію (ch. 11, стр. 220—7).

Мысль о необходимости охранительнаго Сената составляетъ лучшую сторону предлагаемой Деступтомъ де-Траси конституціи; но именно она доказываетъ потребность власти, независимой отъ увлеченій народной воли. Надобно только сказать, что для охраненія недостаточно уничтоженія дѣйствій, явно противныхъ конституціи; требуется еще возможность останавливать законодательныя мѣры, вредныя для общества. Если исполнительная власть не должна быть безусловно подчинена законодательной, то между ними могутъ возникнуть самыя разнообразныя столкновенія, которыя, въ свою очередь, потребуютъ отъ сената болѣе дѣятельнаго вмѣшательства въ

общественныя дѣла. Для того, чтобы играть роль согласующаго элемента конституціи, онъ долженъ быть тѣмъ, что во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ называется верхнею палатою. Какъ Деститтъ де-Траси признаетъ такого рода палату, составленную изъ высшихъ сановниковъ съ пожизненнымъ назначеніемъ, главнымъ столбомъ конституціи, онъ тѣмъ самымъ опровергаетъ основанія собственнаго своего ученія.

Наконецъ, къ необходимымъ гарантіямъ политической свободы принадлежитъ свобода личная и свобода печати, которыя однѣ даютъ возможность выразиться общей волѣ. Безъ нихъ, говоритъ Деститтъ де-Траси, всѣ политическія комбинаціи въ видахъ распредѣленія властей остаются пустыми соображеніями. Однако авторъ не распространяется объ этомъ предметѣ, отсылая къ тому, что сказано о судѣ и объ уголовныхъ наказаніяхъ. Воспрещеніе произвольныхъ арестовъ и судъ присяжныхъ, таковы главныя гарантіи личной свободы (ch. 11, стр. 228—9; ch. 12, стр. 236).

Сводя все сказанное въ предыдущихъ главахъ, Деститтъ де-Траси представляетъ развитіе различныхъ образовъ правленія въ видѣ трехъ, слѣдующихъ другъ за другомъ ступеней. Низшую ступень составляетъ демократія и деспотизмъ; это—царство невѣжества и насилія. На второй ступени являются разнообразныя мнѣнія и владычествуетъ религія: это—періодъ господства аристократіи. Наконецъ, на третьей ступени, разумъ вступаетъ въ свои права; установляются основныя на немъ представительныя правленія. Первый законъ этихъ правленій состоитъ въ томъ, что правители существуютъ для управляемыхъ, а не наоборотъ. Отсюда слѣдуетъ, что они могутъ держаться только волею большинства управляемыхъ и должны мѣняться съ перемѣною этой воли. Изъ того же начала слѣдуетъ далѣе, что здѣсь не можетъ быть ни насильственной власти, ни какого-либо привилегированнаго класса. Второй законъ состоитъ въ томъ, что въ обществѣ не должно быть власти, которую нельзя было бы смѣнить безъ насилія или безъ потрясенія. Отсюда невозможность предоставленія всѣхъ народныхъ силъ одному лицу и необходимость раздѣленія властей. Наконецъ, третій законъ состоитъ въ томъ, что правительство всегда должно имѣть въ виду независимость народа и свободу гражданъ. Отсюда необходимость естественныхъ границъ государства и внѣшнихъ союзовъ; отсюда же неприкосно-

венность свободы личной и свободы мысли. Эти законы, говоритъ Деститтъ де-Траси, ничто иное какъ законы собственной нашей природы; это вѣчныя истины, которыя должны бы были стоять во главѣ всѣхъ конституцій, вмѣсто тѣхъ объявленій правъ, которыя сочиняются нынѣ, и которыя имѣютъ значеніе только протеста противъ притѣсненій. Свободнымъ людямъ не зачѣмъ исчислять свои права, ибо они ихъ и безъ того имѣютъ (ch. 13).

Мы уже замѣтили, что владычество большинства вовсе не есть законъ природы или вѣчная истина, имѣющая силу для всѣхъ временъ и народовъ. Такое положеніе отнюдь не вытекаетъ изъ того, что правители существуютъ для управляемыхъ, а не наоборотъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, обнаруживается недостаточность принятыхъ авторомъ основныхъ началъ. Столь же произвольно и признаніе трехъ послѣдовательныхъ ступеней развитія. Если въ теоріи недоставало философскихъ доказательствъ, то здѣсь оказывается недостатокъ историческихъ знаній.

Основательнѣе то, что Деститтъ де-Траси говоритъ о податяхъ, о торговлѣ и вообще объ экономическихъ отношеніяхъ. Здѣсь онъ опирается на Смита и Сея, которые уже послѣ Монтескьё разработали эту науку. Однако и тутъ онъ впадаетъ въ односторонность, когда онъ, напримѣръ, всѣ государственные расходы объявляетъ непроизводительными, а потому требуетъ, чтобы они были по возможности уменьшены. Онъ соглашается впрочемъ, что они необходимы; но это не болѣе какъ неизбѣжное зло. Точно также основательны и тѣ возраженія, которыя онъ дѣлаетъ противъ развиваемой Монтескьё теоріи климатовъ; но здѣсь все ограничивается отдѣльными замѣчаніями. Собственнаго взгляда Деститтъ де-Траси не выработалъ, а потому останавливаться на его мысляхъ было бы излишне. Все его значеніе заключается въ изложеніи политическаго ученія, которое, въ сущности, является болѣе отголоскомъ теорій XVIII-го вѣка, нежели разработкою началъ XIX-столѣтія. Переселившись въ Америку, онъ не воспользовался великимъ политическимъ опытомъ, который можно было почерпнуть изъ событій, слѣдовавшихъ за Французскою революціею, и самыя американскія учрежденія нашли въ немъ болѣе односторонняго поклонника, нежели безпристрастнаго наблюдателя. Также какъ публицистъ XVIII-го вѣка, онъ былъ и остался чистымъ теоретикомъ.

3. Шарль Контъ.

Ставшимъ на эту точку зрѣнія, подобно Іеремію Бентаму, во Франціи является Шарль Контъ. Наученный опытомъ французскихъ революціонныхъ институтовъ, которые, развивая чисто теоретическія начала, не находили приложенія въ жизни, онъ отвергаетъ всякую теорію и хочетъ держаться исключительно наблюденій. Въ этомъ отношеніи, также какъ историческая школа въ Германіи, онъ является представителемъ реализма. Законодатель, по его мнѣнію, долженъ только записывать то, что вырабатывается жизнью, а наука приводить результаты опыта въ систематическое ученіе. Такое одностороннее отрицаніе теоріи, которое онъ проводитъ гораздо далѣе нѣмецкихъ юристовъ, не могло однако привести его къ настоящему пониманію дѣйствительнаго развитія законодательства, которое всегда совершается при взаимодѣйствіи теоретическихъ идей и жизненныхъ условій. Вслѣдствіе этого Шарль Контъ, также какъ и нѣмецкая историческая школа, не имѣетъ даже формальныхъ началъ. Цѣльнаго ученія о правѣ и государствѣ онъ не выработалъ.

Первые его опыты въ этомъ направленіи появились въ 1817 году въ журналѣ *Европейскій Цензоръ* (Le Censeur Européen). Но самъ онъ вскорѣ замѣтилъ, что разработка научныхъ вопросовъ по поводу текущихъ вопросовъ дня не можетъ привести къ удовлетворительнымъ результатамъ. Реакція, наступившая съ 1820 года, побудила его удалиться въ Швейцарію, гдѣ онъ принялся за обширное теоретическое сочиненіе. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ преподавалъ въ Лозаннѣ, затѣмъ переселился въ Англію, и, наконецъ, возвратившись во Францію, въ 1826 году издалъ свой *Трактатъ о законодательствѣ* (Traité de législation), который въ 1835 году вышелъ вторымъ изданіемъ.

Шарль Контъ отправляется отъ сравненія наукъ нравственныхъ и политическихъ съ науками естественными. Послѣднія двигаются твердымъ шагомъ и постоянно идутъ впередъ; первыя же подвергаются безпрестаннымъ колебаніямъ, какъ въ своемъ движеніи, такъ и въ своихъ выводахъ. Причина этого различія лежитъ отчасти въ самыхъ свойствахъ предмета, въ несравненно большей сложности общественныхъ явленій и въ трудности изслѣдовать ихъ причины. Но еще болѣе это различіе зависитъ отъ методы, которой слѣдуютъ тѣ и другія науки. Естествоиспытатели руководствуются

исключительно опытомъ. Они наблюдаютъ явленія, сравниваютъ ихъ и объясняютъ на основаніи точно дознаннаго взаимнаго ихъ соотношенія. Въ нравственныхъ и политическихъ наукахъ, напротивъ, досалѣ господствуютъ произвольныя гипотезы, которыя ведутъ только къ безполезнымъ словопреніямъ. Единственное средство утвердить эти науки на прочныхъ основаніяхъ и дать имъ характеръ положительнаго знанія заключается въ усвоеніи той методы, которой слѣдуютъ естественныя науки.

Шарль Контъ доказываетъ примѣрами, что всякое научное изслѣдованіе въ области права и нравственности имѣетъ дѣло исключительно съ фактами. Такъ, мѣна есть фактъ, причины котораго заключаются въ другихъ фактахъ, именно во взаимныхъ потребностяхъ людей, а послѣдствія представляются опять въ видѣ новыхъ фактовъ, именно пріобрѣтаемыхъ обѣими сторонами выгодъ. Тоже можно сказать о семейныхъ отношеніяхъ, которыя слѣдуетъ изучить въ ихъ существѣ, въ ихъ причинахъ и послѣдствіяхъ. Далѣе все уголовное право, начиная отъ преступленія и кончая наказаніемъ, представляетъ только рядъ фактовъ. Тоже самое относится къ государственнымъ учрежденіямъ и къ международному праву. Наконецъ, самая наука нравственности, по увѣренію Конта, можетъ быть основана только на наблюденіи извѣстныхъ явленій. Эта наука ничто иное какъ познаніе человѣческихъ страстей и привычекъ съ ихъ причинами и послѣдствіями. Такимъ образомъ, въ нравственныхъ наукахъ, также какъ и въ естественныхъ, мы можемъ вывести законы, которыми управляются явленія, единственно изъ наблюденія самыхъ этихъ явленій. Всякая наука содержитъ въ себѣ двѣ части: описаніе явленій и объясненіе ихъ посредствомъ изслѣдованія взаимныхъ ихъ отношеній или ихъ связи. И здѣсь и тамъ наука начинаетъ съ фактовъ и восходитъ къ причинамъ, до тѣхъ поръ пока она доходитъ до такой причины, которой она объяснить не можетъ (L. I, ch. I, стр. 1—12. Paris, 1835).

Сближая такимъ образомъ естественные законы съ законами нравственными, Контъ не замѣтилъ одного существеннаго ихъ различія: оно заключается въ томъ, что физическіе предметы всегда слѣдуютъ законамъ своей природы, тогда какъ нравственное существо имѣетъ способность отъ нихъ уклоняться. Наблюдая физическое явленіе, мы совершенно убѣждены, что при одинакихъ условіяхъ

оно всегда происходитъ одинакимъ образомъ, а потому мы фактъ непосредственно признаемъ за выраженіе закона. При наблюденіи явленій нравственнаго міра мы видимъ, напротивъ, что одинакія причины могутъ произвести совершенно разныя послѣдствія. Такъ, напримѣръ, потребность въ чужой вещи, вмѣсто мѣны, можетъ породить обманъ, похищеніе, насиліе. Всѣ эти явленія одинаково должны быть признаны выраженіемъ естественныхъ законовъ, но будутъ ли они одинаково выраженіемъ законовъ нравственныхъ? Природа не прибѣгаетъ къ искусственнымъ мѣрамъ для поддержанія своихъ законовъ; человѣкъ же только посредствомъ искусственныхъ учрежденій можетъ поддерживать законы права, которые иначе потеряли бы всякую силу. Когда Контъ въ уголовномъ правѣ или въ государственныхъ учрежденіяхъ видитъ только рядъ фактовъ, онъ забываетъ, что все это—факты, созданные самимъ человѣкомъ, именно для того, чтобы положить предѣлъ дѣйствію естественныхъ законовъ. Если бы нравственная наука заключалась только въ познаніи человѣческихъ страстей и привычекъ, она была бы не болѣе, какъ описательная психологія, и притомъ психологія односторонняго свойства, ибо, кромѣ страстей и привычекъ, у человѣка есть разумъ и чувство, которые возвышаютъ его надъ страстями и привычками и представляютъ ему нравственные идеалы. Послѣдніе суть тоже факты человѣческой природы, но факты высшаго, духовнаго міра, которымъ ничего не соотвѣтствуетъ во внѣшней дѣйствительности, но съ которыми внѣшняя дѣйствительность должна сообразоваться. Когда Шарль Контъ возстаетъ противъ духа системы, который изобрѣтаетъ начала и подчиняетъ имъ факты, онъ отвергаетъ именно то, что составляетъ природу нравственнаго закона, а вмѣстѣ и человѣка, какъ нравственнаго существа. Нравственный законъ имѣетъ совершенно другой характеръ, нежели законъ физическій: онъ представляетъ не постоянное отношеніе явленій, а требованіе, которому явленія должны подчиняться. Истинная наука должна признать законы обоего рода, естественные и нравственные. Если одностороннее отрицаніе фактическихъ данныхъ во имя чисто идеальныхъ построеній ведетъ къ ложнымъ системамъ, то и наоборотъ, отрицаніе умозрительныхъ началъ во имя голаго факта производитъ не меньшую односторонность. Черезъ это цѣлая и притомъ высшая половина человѣческой жизни остается непонятою.

Самъ Шарль Контъ принужденъ искать другаго мѣрила для первыхъ явленій, противъ простаго ихъ описанія и указанія взаимныхъ ихъ отношеній. Наблюдаемые нами законы, говоритъ онъ, раскрываютъ намъ необходимую связь явленій, ихъ причины и слѣдствія. Отсюда мы можемъ вывести, какія причины ведутъ ко благу человѣческаго рода, то-есть къ его совершенствованію, и какія ко вреду, то-есть къ упадку. Черезъ это наука пріобрѣтаетъ вліяніе на практику, ибо человѣкъ, по своей природѣ, стремится къ совершенствованію и одобряетъ то, что ведетъ къ совершенствованію рода. Кромѣ стремленія къ личной пользѣ, у него есть и безкорыстное желаніе общей пользы. Въ этомъ состоитъ прирожденное ему нравственное чувство, которое нѣкоторые считаютъ основаніемъ нравственности, совершенно отвергая необходимость умственнаго анализа и научныхъ изслѣдованій. Но это воззрѣніе, продолжаетъ Контъ, грѣшитъ односторонностью, ибо внутреннее чувство, не руководимое разумомъ, можетъ заблуждаться. Этимъ способомъ изъ нравственныхъ наукъ исключается всякое разсужденіе, оправдываются всѣ преступленія, совершонныя добросовѣстнымъ фанатизмомъ; наконецъ, мѣриломъ нравственности становится личное начало, обыкновенно находящееся подъ вліяніемъ частнаго положенія лица. Для того, чтобы нравственное чувство, или совѣсть, могло дѣйствовать правильно, оно должно быть освѣщено разумомъ, указывающимъ хорошія и дурныя послѣдствія дѣйствій. Но, съ другой стороны, столь же односторонни и тѣ систематики, которые, какъ Бентамъ, совершенно отвергаютъ внутреннее чувство и ограничиваются однимъ научнымъ анализомъ фактовъ. Всѣ наши познанія были бы безплодны безъ того чувства, которое заставляетъ насъ одобрять то, что мы признаемъ полезнымъ для человѣческаго рода и осуждать то, что мы считаемъ вреднымъ. Безъ этого человѣкъ былъ бы лишенъ всякой пружины къ нравственной дѣятельности (L. I, ch. 8).

Итакъ, познаніе законовъ или необходимыхъ отношеній, вытекающихъ изъ природы вещей, служитъ только средствомъ для достиженія высшей цѣли, совершенствованія человѣческаго рода; стремленіе же къ цѣли опредѣляется нравственнымъ чувствомъ, одобряющимъ то, что къ ней ведетъ и осуждающимъ то, что ей противно. Мы видимъ, что Шарль Контъ держится той точки зрѣнія, на которой среди нѣмецкихъ мыслителей стоитъ Гербартъ. Но ли-

шенный философскаго образованія, Контъ не развилъ этого взгляда въ цѣльную философскую систему и не утвердилъ его на прочныхъ доказательствахъ. Недостаточность одного фактическаго изслѣдованія общественныхъ отношеній привела его къ признанію высшаго, одобряющаго и осуждающаго начала; но это начало онъ не подвергъ анализу, а прямо заимствовалъ его у шотландской школы, эклектически соединяя съ нимъ и взглядъ Монтескьё на существо закона и наконецъ начало общей пользы, заимствованное у Бентама. Относительно послѣдняго Шарль Контъ справедливо утверждаетъ, что оно всегда признавалось основаніемъ политики всѣми философами и публицистами, древними и новыми. Но вопросъ состоитъ въ томъ: на чемъ его утвердить? Недостаточно сказать, что оно должно быть основаніемъ всякаго законодательства. Если, какъ замѣчаетъ самъ Шарль Контъ, понятіе о долгѣ не признается всѣми, если законодатели, къ которымъ обращается это требованіе, предпочитаютъ слѣдовать внушеніямъ собственнаго интереса и выгодамъ своего сословія, то какъ убѣдить ихъ въ противномъ? Противъ этого, по мнѣнію Конта, нѣтъ иного средства, какъ всеобщее распространеніе просвѣщенія: надобно, чтобы правители, которые ставятъ личные интересы выше общественныхъ и притомъ не вѣрятъ въ наказаніе будущей жизни, находили адъ въ настоящей (L. I, ch. 14, стр. 270—1). Но это значитъ отдалять возможность хорошаго законодательства въ совершенно неопредѣленное будущее. Недостаточность твердыхъ основаній для нравственнаго начала общественной жизни ведетъ къ тому, что ученіе, которое имѣетъ претензію опираться на одни факты, въ концѣ-концовъ принуждено ссылаться на фантастическій идеалъ.

Это смѣшеніе нравственныхъ законовъ съ естественными приводитъ Конта къ противорѣчащимъ выводамъ относительно самаго существа положительнаго закона. Съ одной стороны, онъ въ положительномъ законѣ видитъ не болѣе, какъ описаніе совершающихся въ жизни фактовъ. Истинное существо закона состоитъ не въ клочкѣ бумаги, который самъ по себѣ не имѣетъ никакого значенія, а въ тѣхъ силахъ, которыя даютъ законодательнымъ постановленіямъ приложеніе въ жизни. Смѣшеніе описанія съ самимъ предметомъ ведетъ къ тѣмъ чисто теоретическимъ конституціямъ, которыя исчезаютъ при малѣйшемъ соприкосновеніи съ жизнью и не даютъ на-

родамъ никакой гарантіи (L. II, ch. 1). Съ другой стороны, Шарль Контъ въ самомъ описаніи видитъ извѣстный элементъ силы; оно сообщаетъ дѣйствію общность и правильность, присоединяя вліянію мнѣнія дѣйствіе власти. Еще болѣе такимъ элементомъ силы являются правительственныя лица и орудія, прилагающія законъ (стр. 311—4). Различіе между естественными законами и положительными состоитъ именно въ томъ, что къ числу элементовъ, ихъ образующихъ, принадлежитъ дѣйствіе власти (L. II, ch. 13, стр. 437).

Очевидно, слѣдовательно, что положительный законъ не есть простое описаніе того, что совершается въ жизни. Такое опредѣленіе могло бы прилагаться единственно къ обычному праву; но, по признанію самого Шарля Конта, эта форма принадлежитъ низшей ступени цивилизаціи. Съ высшимъ развитіемъ является потребность нововведеній, и тогда является другая юридическая форма—законодательство. Тутъ законъ является уже описаніемъ не того, что совершается, а того, «что законодатель хочетъ ввести»; тутъ правительство «силою заставляетъ гражданъ сообразовать свои дѣйствія съ даннымъ имъ описаніемъ». Авторы этихъ нововведеній, говоритъ Шарль Контъ, дѣйствуютъ какъ архитекторы, которые ломаютъ старыя зданія, очищаютъ почву и воздвигаютъ новыя по составленнымъ ими планамъ (L. II, ch. 4, стр. 343—4). Столь же мало приложимо опредѣленіе простого описанія и къ третьей формѣ права, къ праву юристовъ. Послѣднее, по признанію Конта, имѣетъ въ виду совершенствованіе существующихъ законовъ (ch. 5, стр. 355). Но ясно, что совершенствованіе существующаго не есть только простое описаніе того, что дѣлается въ жизни.

Выдавая законъ за простое описаніе дѣйствительности, подобно портрету лица или копіи съ ландшафта (стр. 297, 353), Шарль Контъ упускаетъ изъ виду самое существенное обстоятельство, именно то, что это описаніе имѣетъ обязательную силу, и что съ нимъ факты должны сообразоваться. Онъ самъ признаетъ, что описаніе производитъ фактъ (стр. 307), между тѣмъ какъ портретъ не производитъ изображеннаго имъ лица, и ландшафтъ не сообразуется съ его описаніемъ. Контъ совершенно правъ, когда онъ настаиваетъ на томъ, что законъ, отрѣшенный отъ жизненныхъ условій, ничто иное какъ пустой клочокъ бумаги: въ этомъ заключается существенная его заслуга. Но онъ доводитъ это воззрѣніе до нелѣ-

ной крайности, когда онъ въ законодательныхъ постановленіяхъ видитъ только отраженіе жизни въ мысли, упуская изъ виду, что они представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и воздѣйствіе мысли на жизнь. Мысль не есть только страдательный элементъ; это—самостоятельное начало, которое находится во взаимодѣйствіи съ жизненными условіями и направляетъ ихъ сообразно съ своими требованіями.

Это невниманіе къ самой существенной чертѣ положительнаго закона, къ его обязательной силѣ или къ юридическому его значенію, ведетъ къ тому, что у Конта право смѣшивается съ нравственностью. Какъ указано было выше, единственное отличіе, которое онъ полагаетъ между естественными законами и положительными, заключается въ томъ, что одни опираются на естественныя силы человѣка, другіе также и на искусственныя. Первыя составляютъ область нравственности, вторыя—права (L. II, ch. 13, стр. 437; ch. 15, стр. 476—7). Признакъ тутъ чисто внѣшній. Какого рода дѣйствія могутъ быть предметомъ обязательныхъ постановленій и какого нѣтъ, объ этомъ мы у Конта не находимъ никакихъ вытекающихъ изъ самаго существа дѣла указаній. Также какъ у Бентама, все опредѣляется единственно началомъ пользы, и если онъ не допускаетъ вмѣшательства власти въ дѣйствія, которыя касаются исключительно самого дѣйствующаго лица, то онъ руководствуется здѣсь тѣмъ соображеніемъ, что въ этомъ случаѣ можно вполнѣ положиться на собственный интересъ лица (ch. 15, стр. 471). О связи права съ человѣческою свободою и о требованіяхъ, вытекающихъ изъ этого начала, нѣтъ и рѣчи. Въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть громаднаго преимущества нѣмецкихъ юристовъ, воспитанныхъ на философіи Канта. Недостатокъ философскаго образованія у французскихъ мыслителей сказывается тутъ вполнѣ.

Но упуская изъ виду значеніе свободы, какъ источника права, Шарль Контъ съ другой точки зрѣнія даже преувеличиваетъ это начало въ его отношеніи къ законодательству. Если положительный законъ является лишь отраженіемъ жизненныхъ явленій, то ясно, что чѣмъ меньше онъ воздѣйствуетъ на жизнь и нарушаетъ естественное ея теченіе, тѣмъ лучше. Шарль Контъ прямо говоритъ, что народы тѣмъ болѣе процвѣтаютъ, чѣмъ менѣе они чувствуютъ на себѣ дѣйствіе правительства (ch. 13, стр. 457). Если мы станемъ изслѣдовать дѣйствительные результаты большей части государствен-

ныхъ законовъ, мы убѣдимся, что всѣ громадныя матеріальныя средства, которыми располагаетъ правительство, милліоны, которые собираются съ народа, множество чиновниковъ, безчисленныя арміи, производятъ самую малую долю добра, изъ чего можно вывести, что образованный народъ, для того чтобы быть счастливымъ, нуждается единственно въ томъ, чтобы его не грабили, а предоставили бы его самому себѣ, и что онъ больше сдѣлаетъ одною силою своихъ нравовъ и тѣмъ инстинктомъ, который влечетъ его къ самосохраненію и къ преуспѣянію, нежели могутъ сдѣлать самые ученые политики съ ихъ системами, поддержанными войскомъ и безчисленными агентами (ch. 14, стр. 467—8). Шарль Контъ видитъ въ подчиненіи народа мысли законодателя выраженіе чистѣйшаго рабства (ch. 15, стр. 351). Для того чтобы воздержать вредныя привычки и укрѣпить полезныя, достаточно предоставить ихъ собственному дѣйствію. Сама природа соединила съ порочными наклонностями вредныя послѣдствія для самихъ дѣятелей, и это служитъ для другихъ большею гарантіею, нежели всѣ законодательныя мѣры, точно также какъ и польза, проистекающая для другихъ отъ добродѣтелей, обезпечивается выгодами, которыя онѣ доставляютъ самимъ обладателямъ этихъ качествъ. Надобно только чтобы эти естественныя награды и наказанія были какъ можно болѣе публичны, вѣрны и пропорціональны дѣйствію. Поэтому все, что нарушаетъ эти начала, должно быть признано зломъ (ch. 16, стр. 494—500). Таковы, напримѣръ, различныя благотворительныя учрежденія, которыя имѣютъ въ виду уменьшить дурныя послѣдствія распутной жизни, какъ-то: воспитательные дома, гдѣ принимаются родильницы и незаконныя дѣти, больницы для дурныхъ болѣзней, наконецъ, пріюты для такъ называемыхъ кающихся грѣшницъ. Уменьшая естественное наказаніе вины, эти заведенія способствуютъ усиленію пороковъ (ch. 17). Таковы же и всѣ мѣры, которыя, подавляя общественную свободу и публичное выраженіе мнѣній, способствуютъ безнаказанности людей, управляющихъ государствомъ (ch. 19, стр. 519). Шарль Контъ сознается при этомъ, что у всѣхъ народовъ Европы есть стремленіе ослаблять наказаніе именно тѣхъ пороковъ, которые всего болѣе требовали бы исправительныхъ мѣръ. Порочная наклонность, которая доставляетъ лицу мало наслажденій, не можетъ принести ему значительное зло и большею частью ни въ комъ не возбуждаетъ

сострадания. Но если порокъ причиняетъ человѣчеству громадныя бѣдствія, а самому лицу приноситъ значительныя выгоды, то всѣ готовы его извинить. Отъ искорененія этихъ ложныхъ мыслей, порожденныхъ рабствомъ, зависитъ благоденствіе человѣческаго рода. И тутъ надобно сказать, что единственная гарантія для народовъ заключается въ томъ, чтобы путь порока приводилъ человѣка къ земному аду (ch. 18, стр. 524—537).

Оказывается, слѣдовательно, въ чемъ признается и Контъ (стр. 521), что не всегда порокъ влечетъ за собою пагубныя послѣдствія для дѣятеля. Одного дѣйствія законовъ природы недостаточно; необходимо, чтобы къ этому примѣнялось нравственное или матеріальное наказаніе, налагаемое самимъ человѣкомъ. Контъ требуетъ даже, чтобы тѣ пороки, которые доселѣ оставались въ области чистой морали, какъ-то низость, алчность, честолюбіе, мстительность, жестокость людей, управляющихъ государствомъ, наказывались дѣйствіемъ власти (стр. 516), въ чемъ опять выражается полное смѣшеніе права съ нравственностью. Изъ теоріи Конта слѣдуетъ, что состраданіе къ преступнику или къ кающемуся грѣшнику во всякомъ случаѣ есть зло; что невинныя дѣти должны гибнуть въ наказаніе за грѣхи родителей. Этихъ, приводимыхъ имъ самимъ примѣровъ въ подтвержденіе своего взгляда, достаточно для обнаруженія крайней его односторонности.

Столь же преувеличено и увѣреніе, что всѣ громадныя средства государства могутъ принести лишь самую ничтожную пользу. Можно разсчитывать сколько угодно, что количество тяжбъ и преступленій въ сравненіи со всѣмъ количествомъ народонаселенія, относительно мало; но еслибы государство не разрѣшало тяжбъ и не наказывало преступленій, это количество возросло бы до такой степени, что всѣ блага, которыми пользуются люди, были бы уничтожены. Контъ правъ, когда онъ говоритъ, что правительство дѣлаетъ зло всякій разъ, какъ оно хочетъ установить дѣйствіемъ силы то, что можетъ быть совершено только дѣйствіемъ нравовъ (стр. 487): излишняя регламентація, и въ особенности вмѣшательство правительства въ непринадлежащую ему область, всегда вредны. Но для рѣшенія этого вопроса всего менѣе можно довольствоваться одностороннимъ предоставленіемъ вещей естественному ихъ теченію, необходимо разобрать, какая область подлежитъ дѣйствію правительства, и какая область,

и въ какой мѣрѣ должна быть отъ нея изъята; надобно отличить право отъ нравственности, промышленность и политику, общіе интересы и частные. Всего этого мы у Конта не находимъ; общая теорія бездѣйствія, основанная на аналитичныхъ пріемахъ Бентама, которой онъ однако самъ не въ состояніи послѣдовательно провести, замѣняетъ настоящій анализъ предмета.

Наконецъ, невозможно утверждать, что законодательство въ своей дѣятельности должно только слѣдовать за естественнымъ движеніемъ общества, а не указывать ему путь. Въ этомъ отношеніи Контъ идетъ такъ далеко, что хорошими законами онъ называетъ тѣ, которые выражаютъ собою интересы, чувства и привычки значительнѣйшей части народонаселенія, а дурными тѣ, которые служатъ выраженіемъ интересовъ, страстей или предразсудковъ вліятельнѣйшей части общества (стр. 476). Но онъ невольно самъ себѣ противорѣчитъ, когда онъ говоритъ, что ложное описаніе, въ силу котораго теченіе дѣлъ соображается не съ обычнымъ ихъ ходомъ, а съ самымъ этимъ описаніемъ, можетъ иногда быть добромъ, а иногда зломъ (ch. 4, стр. 345—6). Законодательное нововведеніе, которое идетъ въ разрѣзъ со всѣми нравами народа, безъ сомнѣнія, осуждено на безсиліе, то, которое выражаетъ собою только частные интересы правителей, безспорно, есть зло; но нерѣдко новыя начала, которыхъ сознаніе распространено только въ образованнѣйшей части общества, могутъ найти приложеніе единственно дѣйствіемъ власти, и это служитъ одною изъ самыхъ сильныхъ пружинъ человѣческаго совершенствованія. Еслибы правительство, прежде нежели дѣйствовать, стало дожидаться, чтобы новыя начала установились уже въ общихъ нравахъ, человѣческое развитіе совершалось бы съ величайшею медленностью и часто встрѣчали бы неодолимыя затрудненія. Борьба новаго порядка со старымъ происходитъ не въ одной только области идей, но переходитъ изъ теоріи въ жизнь, прежде нежели идеи успѣли сдѣлаться общимъ достояніемъ и укорениться въ нравахъ.

Между тѣмъ, начало совершенствованія составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ ученія Конта. Различіе между хорошими законами и дурными опредѣляется ихъ полезностью, полезность же состоитъ въ ихъ способности служить человѣческому совершенствованію. Слѣдовательно, для опредѣленія доброты законовъ надобно прежде всего знать, въ чемъ состоитъ человѣческое совершенствова-

ніе, составляющее идеальную цѣль законодательства. Въ этомъ отношеніи Контъ становится опять на чисто индивидуалистическую точку зрѣнія. Невозможно составить себѣ точное понятіе о величіи или упадкѣ народа, говоритъ онъ, если мы не начнемъ съ точныхъ понятій о величіи или упадкѣ отдѣльнаго лица; послѣдняя же задача, въ свою очередь, требуетъ разложенія лица на отдѣльныя его части и разсмотрѣніе каждой изъ нихъ особо (L. III, ch. 1, стр. 2). Съ этой точки зрѣнія, Контъ разбираетъ, въ чемъ состоитъ совершенство различныхъ способностей человѣка, физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ. Совершенство физическихъ органовъ заключается, во-первыхъ, въ хорошемъ ихъ устройствѣ, а во-вторыхъ, въ ихъ способности къ различнымъ дѣйствіямъ, полезнымъ самому лицу или другимъ. Первое дается природою, второе пріобрѣтается упражненіемъ. Тоже слѣдуетъ сказать и объ умственныхъ способностяхъ. Наконецъ, нравственное совершенство состоитъ не въ присутствіи или отсутствіи тѣхъ или другихъ наклонностей, а въ правильномъ направленіи всѣхъ, и въ господствѣ надъ ними, согласно съ требованіями просвѣщеннаго разума. Правильнымъ мы называемъ то направленіе, когда доброжелательныя наклонности обращены на дѣйствія, полезныя человѣческому роду, а зложелательныя на дѣйствія вредныя, неправильнымъ то, въ которомъ происходитъ обратное явленіе (L. III, ch. 1). Такимъ образомъ, наиболѣе совершенный человѣкъ тотъ, чьи физическіе органы устроены наилучшимъ образомъ и наиболѣе способны къ дѣйствіямъ, необходимымъ для сохраненія его самого и ему подобныхъ; чьи умственныя способности наиболѣе развиты въ отношеніи къ предметамъ, наиболѣе для него важнымъ, наконецъ, чьи наклонности всего болѣе согласуются съ интересами человѣческаго рода. Точно также и народъ идетъ къ совершенству, когда совершенствуются и множатся составляющія его лица, и наоборотъ, онъ идетъ къ упадку вмѣстѣ съ паденіемъ и съ уменьшеніемъ народонаселенія (L. III, ch. 2, стр. 22—3).

Оказывается, слѣдовательно, что совершенство человѣческихъ способностей опредѣляется тѣми цѣлями, которыя онѣ достигаютъ; цѣли же состоятъ въ пользѣ человѣческаго рода. Но въ чемъ заключается самая эта польза? Этого вопроса Контъ вовсе не изслѣдовалъ; онъ ограничился формальнымъ началомъ совершенства личныхъ способностей, оставивъ въ сторонѣ самое содержаніе дѣятельности. Объ

историческомъ развитіи, объ идеяхъ, управляющихъ ходомъ человѣчества, нѣтъ и помину. Вслѣдствіе этого, приложеніе начала совершенствованія къ историческимъ явленіямъ оказывается крайне недостаточнымъ. Такъ, относительно Римлянъ, Контъ замѣчаетъ, что у нихъ не было надлежащаго развитія ни физическихъ органовъ, ибо они не были способны ни къ какой промышленной дѣятельности, а жили грабежомъ, ни умственныхъ способностей, ибо они были исполнены предразсудковъ, ни, наконецъ, нравственныхъ способностей, ибо они были въ постоянной враждѣ со всѣмъ человѣческимъ родомъ (ch. 3, стр. 24—6). Такимъ образомъ, Римляне представляются какими-то хищными звѣрями, которые не могли принести ничего, кромѣ вреда, человѣческому роду. Историческая ихъ роль, значеніе ихъ въ судьбахъ человѣчества остается совершенно непонятнымъ.

При такомъ взглядѣ, Шарль Контъ, конечно, не въ состояніи былъ дать своему ученію историческую основу, какъ это требовалось реалистическимъ его характеромъ. Онъ, правда, пытался это сдѣлать; три четверти его книги посвящены фактическому изслѣдованію условій человѣческаго совершенствованія; но можно сказать, что это была совершенно безполезная работа. При отсутствіи общихъ историческихъ взглядовъ, онъ растерялся въ массѣ фактическаго матеріала и принужденъ былъ ограничиться первобытными народами, не приведя своего изслѣдованія ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Условія совершенствованія по его теоріи могутъ быть двоякія: внутреннія и внѣшнія. Первыя заключаются въ самой природѣ человѣка, вторыя въ той средѣ, которою онъ окруженъ. Относительно первыхъ Шарль Контъ признаетъ, что при настоящемъ состояніи науки мы не можемъ рѣшить ни вопроса о единствѣ человѣческаго рода, ни вопроса о томъ, способны ли отдѣльныя расы и племена къ одинакому совершенствованію или нѣтъ (L. IV, ch. 17, стр. 405; ch. 20, стр. 44—9). Поэтому остается изслѣдовать внѣшнія условія, которыя играютъ главную роль въ историческомъ развитіи народовъ.

Здѣсь Шарль Контъ возстаетъ прежде всего противъ теоріи Монтескьё, который, приписывая климатамъ существенное вліяніе на человѣческое развитіе, утверждаетъ, что южный климатъ разслабляетъ людей, а сѣверный, напротивъ, развиваетъ въ нихъ энергію. На основаніи подробнаго сравненія различныхъ сѣверныхъ и южныхъ

племенъ, Контъ приходитъ, напротивъ, къ заключенію, что вездѣ послѣднія имѣютъ преимущество передъ первыми, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи. Это превосходство онъ приписываетъ обилію средствъ существованія, которыя даетъ южная природа, ибо гдѣ внѣшнія условія благопріятны, тамъ есть и большая возможность развитія. Поэтому, первоначальная культура вездѣ водворилась въ тропическихъ странахъ (L. III, ch. 46, стр. 183—5).

Дѣлая такой выводъ, Контъ забываетъ, что нерѣдко культура развивается и въ относительно бѣдныхъ странахъ, гдѣ самый недостатокъ средствъ изощряетъ человѣческія способности въ борьбѣ съ природою. Онъ самъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что народы, живущіе подъ тропиками, не имѣли нужды изощрять свои способности для пріобрѣтенія жилищъ и одеждъ, вслѣдствіе чего у нихъ науки и искусства должны были ограничиваться весьма тѣсными рамками (L. IV, ch. 3, стр. 230). Контъ не объясняетъ и того явленія, что высшая культура изъ южныхъ странъ перешла въ сѣверныя, не смотря на то, что относительно обилія средствъ существованія преимущество все-таки остается за первыми. Очевидно, тутъ есть другаго рода и гораздо важнѣйшіе факторы, которые, при такомъ способѣ изслѣдованія, совершенно упускаются изъ виду.

Давая южнымъ племенамъ первенство въ развитіи всѣхъ человѣческихъ способностей, Контъ признаетъ однако, что, относительно воинственныхъ наклонностей, сѣверныя сохраняютъ нѣкоторое преимущество. Это происходитъ оттого, что различная среда и различный образъ жизни ведутъ къ одностороннему развитію различныхъ силъ человѣка. Осѣдлая, земледѣльческая жизнь способствуетъ развитію мирныхъ гражданскихъ добродѣтелей, тогда какъ кочевая жизнь все сосредоточиваетъ на упражненіи военныхъ наклонностей. Вслѣдствіе этого, сѣверныя племена нападаютъ на южныя, которыя не въ состояніи имъ противостоять. Происходитъ завоеваніе, при которомъ культура неизбѣжно идетъ назадъ, при чемъ однако побѣдители частью усвоиваютъ себѣ плоды цивилизаціи побѣжденныхъ (L. IV, ch. 14).

Не всегда однако осѣдлыя образованныя племена остаются такимъ образомъ беззащитными передъ натискомъ воинственныхъ варваровъ. Контъ признаетъ, что при высшемъ развитіи техническаго искусства

первыя получаютъ надъ послѣдними такой перевѣсъ, что отношенія совершенно измѣняются (стр. 364). Но онъ не объясняетъ, почему таже цѣль не достигается и относительно меньшимъ, хотя все-таки высшимъ противъ варваровъ развитіемъ техническаго искусства. Мы не видимъ также, гдѣ граница, на которой прежнее отношеніе измѣняется. Если же мы взглянемъ на дѣйствительныя явленія исторіи, то они далеко не подтверждаютъ этого взгляда. Римляне были народъ осѣдлый и земледѣльческій, а между тѣмъ они покорили почти весь извѣстный тогда міръ, и сдѣлали это именно въ то время, когда они менѣе всего обладали техническимъ искусствомъ; когда же они усвоили себѣ всѣ средства тогдашней цивилизаціи, они, въ свою очередь, были покорены варварами. Ясно, что и тутъ есть другого рода факторы, которые слѣдуетъ принять въ расчетъ при выводѣ историческихъ законовъ.

Покореніе осѣдлыхъ племенъ воинственными варварами ведетъ къ новому явленію въ исторіи, именно къ рабству. Этому вопросу Контъ посвящаетъ послѣднюю часть своего сочиненія. Онъ подробно изслѣдуетъ вліяніе рабства на физическія, умственныя и нравственныя способности, какъ господъ, такъ и рабовъ. Результатъ этого изслѣдованія, веденнаго съ крайней односторонностью, выходитъ чисто отрицательный: рабство во всѣхъ отношеніяхъ приводитъ къ пониженію человѣческихъ способностей, слѣдовательно и къ упадку человѣческихъ обществъ (L. V, ch. 5, стр. 513, 522; ch. 27, стр. 207, ch. 19, стр, 240). Контъ осторожно обходитъ вопросъ о высокомъ развитіи образованія у рабовладѣльческихъ народовъ, какъ то у древнихъ грековъ. Но онъ не можетъ не признать, что въ Соединенныхъ Штатахъ рабовладѣльческіе штаты дали замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей, и хотя онъ приписываетъ это стремленію господъ къ захвату власти (L. V, ch. 20, стр. 242 — 3), однако, такъ какъ въ числѣ этихъ людей были такія лица, какъ Вашингтонъ, то изъ этихъ фактовъ никакъ нельзя вывести заключенія о пониженіи умственныхъ и нравственныхъ качествъ рабовладѣльцевъ. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ рабство въ древнемъ мірѣ составляло всеобщее явленіе, то, признавши пагубное его дѣйствіе на всѣ человѣческія способности, остается непонятнымъ, откуда могли вырость сѣмена высшаго образованія и дальнѣйшаго совершенствованія человѣческаго рода.

Этотъ вопросъ устраняется только тѣмъ, что Контъ останавливается на этой точкѣ. Онъ съ рабствомъ сравниваетъ коммунизмъ, который точно также ведетъ къ уничтоженію всякой личной самодѣятельности, и выводитъ отсюда, что вездѣ главнымъ препятствіемъ къ совершенствованію служитъ отсутствіе всякой гарантіи для личной безопасности и для произведеній человѣческаго труда (L. V, ch. 23, стр. 495). Этотъ отрицательно либеральный выводъ составляетъ главный результатъ всего изслѣдованія. Контъ прямо говоритъ, что обширность задачи не позволила ему обнять ее вполнѣ; поэтому онъ принужденъ былъ ограничиться отдѣльными частями, стараясь главнымъ образомъ указать на важность методы, которая одна можетъ привести къ точнымъ заключеніямъ (стр. 495—6).

Мы, съ своей стороны, должны сказать, что правильность методы доказывается главнымъ образомъ добытыми ею результатами. Когда обширныя изслѣдованія даютъ только самые скудные и односторонніе выводы, можно навѣрное сказать, что тутъ есть ошибка въ пріемахъ. И точно, плодотворное изслѣдованіе фактическаго матеріала исторіи возможно лишь при философскомъ пониманіи руководящихъ ею идей, которыя составляютъ высшее содержаніе человѣческаго развитія. Односторонній реализмъ Конта въ свое время имѣлъ значеніе, какъ противодѣйствіе чисто теоретическому построенію системѣ; въ нѣкоторыхъ частяхъ, напримѣръ въ критикѣ ученія Руссо, является у него необыкновенная мѣткость и сила; но при недостаткѣ философскаго взгляда это направленіе не могло ни выяснить существенныхъ задачъ законодательства, ни еще менѣе вывести законы человѣческаго совершенствованія. Сочиненіе Конта остается отрывкомъ, въ которомъ самые основные взгляды плохо вяжутся между собой. Положенный въ основаніе опытъ видоизмѣняется лишенными достаточной опоры идеальными требованіями. Въ результатѣ вышло ни то, ни другое; оказывается смѣсь разнородныхъ началъ, не приносящая наукѣ никакого прочнаго взгляда.

4. СИСМОНДИ.

Къ числу значительныхъ произведеній французской либеральной литературы принадлежитъ сочиненіе Женевца Симона де-Сисмонди: *Изслѣдованія о конституціяхъ свободныхъ народовъ.* (Études sur les constitutions des peuples libres), вышедшее въ 1836 году. Если

Контъ, изслѣдуя законы человѣческаго совершенствованія, началъ съ первыхъ ступеней и не въ состояніи былъ идти далѣе, то Сисмонди, наоборотъ, изучаетъ только высшія ступени, тѣ, которыя непосредственно ведутъ къ желанной цѣли. Эта цѣль есть общее благо, которое состоитъ въ счастіи и совершенствованіи людей. Общественное устройство, или конституція общества, служитъ средствомъ къ достиженію этой цѣли. А такъ какъ всякое общество устроено такъ или иначе, то въ обширномъ смыслѣ, нѣтъ государства, которое бы не имѣло конституціи. Но въ тѣсномъ смыслѣ, подъ именемъ конституціонныхъ государствъ разумѣются тѣ, которыя ближе ведутъ къ цѣли, въ отличіе отъ тѣхъ, которыя отъ нея удаляются. Первыя обезпечиваютъ гражданамъ общественный миръ, безопасность, пользованія ихъ правами, собственностью и плодами ихъ труда; онѣ способствуютъ ихъ развитію, воспитаніемъ, религіею, примѣромъ, призваніемъ ихъ къ участію въ общихъ дѣлахъ. Вторыя жертвуютъ правами лицъ мнимой безопасности цѣлаго, оставляютъ безъ гарантіи жизнь и состояніе членовъ, ничего не дѣлаютъ для развитія человѣка или даже развращаютъ его нравственный смыслъ. Перваго рода учрежденія основаны на любви; они добровольно принимаются свободными людьми, которые выбираютъ то, что имъ приходится. Поэтому, такого рода конституціи заслуживаютъ названіе либеральныхъ. Втораго рода учрежденія, напротивъ, должны быть названы раболѣпными: онѣ основаны на силѣ, имѣютъ въ виду выгоды меньшинства и рушились бы, еслибы члены общества могли пользоваться свободою. Только первыя, по мнѣнію Сисмонди, могутъ быть предметомъ для науки и для подражанія; вторыя же должны разсматриваться только какъ случайности, указывающія на тѣ опасности, которыя слѣдуетъ избѣгать (Introd. стр. 1—6).

Въ этой основной точкѣ зрѣнія выражается уже односторонность либерализма, отвергающаго все, что не подходитъ подъ его мѣрку. Если достоинство учрежденій измѣряется способностью ихъ содѣйствовать народному развитію, то нелиберальныя правительства не уступаютъ въ этомъ отношеніи либеральнымъ. При извѣстныхъ историческихъ условіяхъ первыя даже сильнѣе двигаютъ народъ, нежели послѣднія. Самъ Сисмонди, указывая на Россію, какъ на примѣръ втораго рода учрежденій, видитъ въ ней однако прогрессивное государство (стр. 14—15). Не признавать самодержавной власти могу-

чимъ орудіемъ человѣческаго совершенствованія, значитъ не понимать исторіи. Истинная наука,соединяющая теоретическія начала съ историческимъ взглядомъ, можетъ указать на превосходство тѣхъ учрежденій, въ которыхъ къ началу власти присоединяется и начало свободы; но она не можетъ дѣлать ихъ исключительнымъ предметомъ своего изученія, отвергая остальные, какъ произведенія случайности, или какъ подводные камни, которые слѣдуетъ миновать.

Впрочемъ, Сисмонди весьма далекъ отъ отрицанія историческаго значенія различныхъ государственныхъ учрежденій. Наука XIX вѣка наложила на него свою печать. Онъ прямо говоритъ, что политическая наука болѣе всѣхъ другихъ должна примѣняться къ обстоятельствамъ. Законодатель всегда дѣйствуетъ только на данное общество; онъ можетъ сохранять и совершенствовать, но онъ не въ силахъ создавать. Онъ долженъ приступать къ конституціи съ подпилкомъ, а никогда съ топоромъ. Все, что имѣетъ жизненность, должно быть сохранено и вооружено силою сопротивленія. Первое требованіе отъ всякой раціональной конституціи заключается въ обезпеченіи того, что есть; но затѣмъ второе требованіе состоитъ въ приготовленіи того, что должно быть, сообразно съ указаніями науки.

Эта двойственная задача законодателя прилагается ко всѣмъ элементамъ, входящимъ въ составъ государства, и рождаетъ двоякую точку зрѣнія на каждый изъ нихъ. Такъ, въ народѣ можетъ существовать сильный монархическій интересъ. Извѣстная династія можетъ быть такъ связана со всею его прошлою исторіею, что она является какъ бы олицетвореніемъ народа, символомъ его могущества и славы; къ ней привязаны милліоны людей, которые готовы возстать при всякомъ на нее посягательствѣ. Независимо отъ какихъ бы то ни было теоретическихъ взглядовъ, законодатель не можетъ не признать здѣсь факта, съ которымъ онъ долженъ соображаться. Съ другой стороны, онъ долженъ имѣть въ виду чисто теоретическія указанія науки, которая признаетъ пользу единоличной власти для извѣстныхъ общественныхъ дѣлъ. Задача законодателя въ либеральной и прогрессивной конституціи состоитъ въ томъ, чтобы сочетать эти научные выводы съ жизненными интересами, при чемъ, конечно, невозможно руководствоваться абсолютными правилами, а надобно приспособляться къ даннымъ обстоятельствамъ.

Точно также и аристократическій элементъ долженъ разсматри-

жаться съ двоякой точки зрѣнія; съ одной стороны, какъ извѣстный жизненный интересъ, основанный на преданіяхъ, на привычкахъ, на его исторической роли, на передающемся отъ поколѣнія поколѣнію высокомъ положеніи въ обществѣ; съ другой стороны, какъ политическое начало, въ которомъ наука признаетъ необходимый для государства корпоративный духъ, постоянство, настойчивость, осторожность, бережливость, преданность отечеству. Эти теоретическія указанія слѣдуетъ сочетать съ фактами, такъ чтобы по возможности устранить невыгоды дворянства и сохранить пользу аристократическаго сената.

Наконецъ, тѣже взгляды прилагаются и къ демократіи. Въ дѣйствительной жизни демократическій элементъ является наиболѣе неправильнымъ и непостояннымъ. Если въ первоначальныхъ обществахъ народъ удерживаетъ за собою значительное участіе въ управленіи, то съ теченіемъ времени это право почти вездѣ теряется. Однако, во многихъ мѣстахъ сохраняются еще его слѣды, которые могутъ служить источникомъ новой жизни. Даже тамъ, гдѣ они совершенно изгладились, воспоминаніе о прежнемъ порядкѣ становится элементомъ будущаго развитія. Съ другой стороны, въ области теоріи надобно прежде всего обратить вниманіе на значеніе демократическаго начала для воспитанія народа: человѣкъ поднимается пріобщеніемъ къ власти и участіемъ въ общественныхъ дѣлахъ; напротивъ, онъ падаетъ, когда онъ погружается исключительно въ частную жизнь. Наука доказываетъ и то, что всякій общественный классъ, который не имѣетъ орудій защиты, подвергается притѣсненію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она указываетъ и на пагубное дѣйствіе безграничной власти, не только на правителей, но и на облеченные ею народы. Въ демократіи на характерѣ гражданъ отражаются злоупотребленія власти, развращающее дѣйствіе лести, наконецъ необузданность страстей, которыя поддерживаются интриганами и демагогами (стр. 24—35).

Соображая такимъ образомъ фактическіе элементы съ теоретическими требованіями, законодатель долженъ имѣть въ виду двойную цѣль: съ одной стороны, такое устройство власти, которое привлекало бы къ ней лучшія силы народа, съ другой стороны, дѣйствіе того или другаго устройства на самихъ гражданъ. Въ этомъ отношеніи, приходится избѣгать двухъ крайностей. Въ настоящее время чистые монархисты отказались уже отъ прежняго раболѣпнаго уче-

нія, которое цѣлью государства ставило славу монарха. Теперь они выставляютъ своимъ девизомъ: все для народа, ничего посредствомъ народа. Но возможно ли все дѣлать для народа, когда ничто не дѣлается черезъ него? Этимъ устраняется одна изъ двухъ цѣлей политическихъ учрежденій, — совершенствованіе людей, ибо ничто такъ не поднимаетъ человѣка въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, ничто такъ не образуетъ характеры и не внушаетъ чувства человѣческаго достоинства, какъ участіе гражданъ въ верховной власти. Съ другой стороны, демократическая партія выставляетъ противоположный лозунгъ: все для народа и все посредствомъ народа. Но способенъ ли народъ ко всему? Достиженіе цѣлей общества требуетъ соединенія высшихъ знаній и высшихъ добродѣтелей. Можно ли все это найти въ толпѣ? Не теорія, а опытъ на каждой страницѣ исторіи доказываетъ предразсудки, непостоянство, ложные страхи, измѣнчивость, дерзость, неосторожность, расточительность и скаредность народной массы (стр. 21—24).

Общественная наука должна стоять посрединѣ между этими крайностями. Принимая слово *конституція* въ означенномъ выше тѣсномъ смыслѣ, она доказываетъ, что только тѣ народы пользуются истинною конституціею, которые ограждены отъ деспотизма, то-есть, отъ безграничной и безконтрольной власти, предоставленной кому бы то ни было. А таковыми могутъ быть только смѣшанныя правленія, ибо всякій простой образъ правленія неизбѣжно предоставляетъ безграничную власть либо монарху, либо аристократіи, либо демократіи. Даже изъ смѣшанныхъ правленій должны быть причислены къ деспотическимъ тѣ, въ которыхъ часть народа совершенно исключается изъ участія въ верховной власти, или, вслѣдствіе плохаго сочетанія, извѣстный интересъ не въ состояніи противостоять нравственности другихъ. Только въ смѣшанныхъ правленіяхъ возможно ограничить общественную власть такъ, чтобы она не нарушала правъ, которыя граждане, при устройствѣ общества, оставили за собою. Ибо общество установляется для счастія и совершенствованія всѣхъ, и этою самою цѣлью ограничиваются его права. Между нимъ и его членами существуетъ молчаливый договоръ, въ силу котораго каждый положилъ границы своему повиновенію и правамъ, предоставленнымъ общественной власти. Эти границы нигдѣ не писаны, но начертаны въ сердцахъ людей. На этомъ подразумѣваемомъ договорѣ основаны всякая

власть и всякое повиновеніе. Человѣкъ отдаетъ обществу все, что требуется для общественнаго блага, но онъ не отдаетъ ему своей совѣсти и своей добродѣтели. Власть общества останавливается передъ несправедливостью; она можетъ казнить виновнаго, но она не въ правѣ наказать невиннаго. Добродѣтель стоитъ выше дѣйствій власти, какъ вѣчное выше временнаго.

Такимъ образомъ, только въ смѣшанныхъ правленіяхъ возможно не предоставлять правителямъ полновластія. Но это дѣлается не вслѣдствіе взаимнаго равновѣсія власти, которое можетъ вести только къ неподвижности. Въ государствѣ необходимо не раздѣленіе властей, а ихъ содѣйствіе общей цѣли, не равновѣсіе ихъ, а ихъ соединеніе. Надобно, чтобы изъ столкновенія и сочетанія различныхъ воль вышла единая воля, но такъ, чтобы всѣ интересы были выслушаны, чтобы всѣ права имѣли защиту, и всѣ вопросы подлежали бы наконецъ верховному рѣшенію высшей добродѣтели, освященной высшимъ разумѣніемъ (стр. 35—38).

Въ этихъ мысляхъ Сисмонди весьма ярко выражается конституціонная идея XIX-го вѣка, въ противоположность теоріи раздѣленія властей, господствовавшей въ XVIII-мъ. Но когда онъ говоритъ о молчаливомъ договорѣ между обществомъ и его членами, и о правахъ, которыя послѣдніе оставили за собою, онъ опять впадаетъ въ односторонній индивидуализмъ. Нѣтъ сомнѣнія, что власть не въ правѣ предписывать человѣку дѣйствія, противныя добродѣтели, но это относится къ области нравственности, а не права. Еслибы въ общественныхъ отношеніяхъ гражданинъ имѣлъ право отказать власти въ повиновеніи, всякій разъ, какъ онъ считаетъ предписаніе противнымъ справедливости или общественной цѣли, то общественный порядокъ былъ бы невозможенъ. Здѣсь верховное рѣшеніе можетъ принадлежать только самой общественной власти, какъ представительницы цѣлаго, а потому ей всегда предоставляется юридическое полновластіе, каково бы ни было ея устройство. Въ этомъ отношеніи смѣшанныя правленія не имѣютъ никакого преимущества передъ остальными. Разница между ними и простыми формами заключается единственно въ томъ, что въ первыхъ требуется содѣйствіе нѣсколькихъ независимыхъ другъ отъ друга органовъ, чѣмъ обезпечивается правильность рѣшенія, но существо власти въ тѣхъ и другихъ одинаково.

Допуская подразумѣваемый договоръ между обществомъ и его членами, Сисмонди весьма однако далекъ отъ господствовавшей въ XVIII-мъ вѣкѣ теоріи первобытнаго договора, на которомъ строилось ученіе о верховенствѣ народа. Онъ первый свой опытъ, посвященный демократическому элементу, прямо начинаетъ съ опроверженія этой теоріи. Ея приверженцы утверждаютъ, что въ первобытныя времена, предшествующія всякому наблюденію, общества установились черезъ то, что меньшинство подчинило свою волю волѣ большинства. Но откуда взяли они подобное предположеніе? Во имя чего можетъ свободный человѣкъ подчинять свою волю чужой? Въ первобытныя времена, также какъ и на высшихъ ступеняхъ развитія, цѣль человѣческихъ обществъ всегда таже самая, а именно, общее благо, и эта цѣль одна составляетъ источникъ власти и повиновенія. Эта цѣль требуетъ, съ одной стороны, чтобы власть была вручена самымъ добродѣтельнымъ и просвѣщеннымъ людямъ изъ среды народа, съ другой стороны, чтобы каждый былъ обезпеченъ въ томъ, что его интересы не будутъ произвольно нарушены. Для достиженія этой двоякой цѣли необходима весьма высокая степень знанія, таланта и характера. Недостаточно изученіе существующаго порядка: нуженъ философскій взглядъ на человѣческія отношенія, на существо правды, на дѣйствіе закона; нужно знаніе всей области общественныхъ наукъ, педагогики, права, политической экономіи, политики, международныхъ отношеній. Къ этому долженъ призываться весь общественный разумъ, всѣ лучшія силы народа. Но возможно ли предоставить рѣшеніе этихъ вопросовъ необразованной массѣ? Это значитъ дать преимущество незнанію надъ знаніемъ, неимѣющимъ воли надъ имѣющими. Наибольшее, чего можно достигнуть установленіемъ этого мнимаго равенства голосовъ, это—средней пропорціональной между образованнымъ меньшинствомъ и необразованнымъ большинствомъ. Если на десять человѣкъ находится одинъ образованный, то результатъ голосованія будетъ на девять десятыхъ ближе къ невѣжеству, нежели къ знанію. Но обыкновенно не будетъ достигнуто даже и это: невѣжды побѣдятъ огромнымъ большинствомъ. Опытъ всѣхъ временъ и народовъ показываетъ, къ чему ведетъ всеобщее право голоса. Объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ древніе мыслители; это доказывается и примѣромъ современныхъ обществъ. Самые демократическіе кантоны Швейцаріи удерживаютъ пытку въ судахъ, военныя капитуляціи съ иностран-

выми государствами, требують отмѣны свободы печати. Всегда и вездѣ народная масса погружена въ предразсудки; это — самая отсталая часть народа. Демократы надѣются на распространеніе просвѣщенія; они требують заботы о народномъ образованіи. Противъ этого ничего нельзя сказать; но каковы бы ни были успѣхи этихъ начинаній, пока есть богатые и бѣдные, всегда будутъ люди, имѣющіе досугъ для умственныхъ занятій, и другіе, которые большую часть своего времени должны будутъ посвящать физическому труду. Если же захотятъ уравнять состоянія, то, предполагая даже возможность подобнаго порядка вещей, онъ приведетъ единственно къ тому, что всѣ равно будутъ посвящать большую часть своей жизни физической работѣ. Это будетъ не повышеніе, а пониженіе общаго уровня. Добродѣтель, знаніе, талантъ все-таки останутся въ значительномъ меньшинствѣ. Не поможетъ этому и представительное начало, ибо, если массы невѣжественны и отсталы, то онѣ не передадутъ своимъ представителямъ ни знанія, ни прогрессивной воли. Представительное устройство должно вооружить каждаго возможностью защищать свои права и свои интересы; но это относится не къ однимъ необразованнымъ классамъ, а равно ко всѣмъ. Отсюда менѣе всего вытекаетъ власть большинства надъ меньшинствомъ, которое можетъ вести къ самой страшной тиранніи; задача законодателя состоитъ не въ томъ, чтобы подчинить однихъ другимъ, а въ томъ, чтобы разнообразные интересы и хотѣнія общества привести къ соглашенію, вызвавши для этой цѣли высшій разумъ и высшую добродѣтель народа. Въ этомъ состоитъ верховенство націи, въ отличіе отъ верховенства народа, которую проповѣдують демократы. Подъ именемъ націи разумѣется совокупность всѣхъ общественныхъ силъ, какъ управляющихъ, такъ и управляемыхъ; народъ же обыкновенно противополагается правительству и принимается въ этомъ ученіи какъ масса, равная въ правахъ, что и ведетъ къ превосходству невѣжества и равнодушія надъ знаніемъ и мудростью (1-en Essai, стр. 41 и слѣд., 2-en Essai, стр. 88—90).

Но отвергнувъ демократію и всеобщую подачу голосовъ, необходимо опредѣлить, какое должно быть предоставлено народу участіе въ управленіи. При этомъ надобно отправиться отъ двухъ началъ: первое, что кто не имѣетъ средствъ защиты, тотъ рано или поздно подвергается притѣсненію; второе, что кто не участвуетъ въ общихъ

дѣлахъ, тотъ нравственно унижается. Отсюда необходимость дать демократическому элементу соотвѣтствующую его потребностямъ долю участія во всѣхъ отрасляхъ государственной власти, законодательной, исполнительной и судебной (2-е Essai, стр. 91).

Сисмонди начинаетъ съ низшаго, рабочаго класса, и разбираетъ, въ чемъ состоятъ его потребности и права. Въ образованныхъ обществахъ, гдѣ уничтожено рабство, законъ ограждаетъ полную свободу сдѣлокъ. Но рабочій, по мнѣнію Сисмонди, имѣетъ право и на нѣчто большее. Находясь подъ гнетомъ нужды, онъ не совершенно свободенъ при заключеніи сдѣлки, а потому нуждается въ покровительствѣ общества. Онъ имѣетъ право на здоровую пищу, на жилище и одежду, которые бы вполнѣ предохраняли его отъ внѣшнихъ вліяній, на обезпеченіе жизни и на роздыхъ, необходимый для здоровья и образованія. Доля его въ производимомъ имъ богатствѣ не можетъ быть меньше этого, ибо иначе онъ подвергался бы страданіямъ и искалъ бы удовлетворенія своихъ нуждъ путемъ насилія, а не работы, а съ другой стороны, при настоящемъ положеніи производства, при конкурренціи, которая постоянно стремится умалить то, что достается бѣдному, эта доля не можетъ быть и больше (стр. 92—93).

Исходя отъ такого положенія, Сисмонди очевидно расширяетъ границы права гораздо болѣе того, что дается его понятіемъ. Право есть выраженіе свободы и не идетъ далѣе свободы. Гражданинъ, какъ отдѣльное лицо, имѣетъ право на безпрепятственное употребленіе своихъ силъ и на охраненіе того, что пріобрѣтено имъ законнымъ путемъ; какъ членъ общества, онъ имѣетъ право участвовать въ пользованіи тѣми общественными учрежденіями, которыя создаются совокупными средствами всѣхъ. Но никто не имѣетъ право на пищу, на одежду или жилище, и еще менѣе на обезпеченіе жизни отъ всякихъ случайностей. Гдѣ есть въ этомъ отношеніи недостатокъ, тамъ частныя лица и государство могутъ приходить на помощь по мѣрѣ средствъ; но это дѣло благотворительности, а не права. И тутъ выражается недостатокъ философскаго анализа понятій, которымъ страдаетъ вся французская публицистика. Становясь на эту точку зрѣнія, Сисмонди удаляется отъ экономистовъ. Въ своемъ трактатѣ о новыхъ началахъ политической экономіи онъ подробнѣе развиваетъ эти взгляды. Онъ указываетъ на Англію, гдѣ въ то время господствовалъ сильнѣйшій контрастъ между крайнею

бѣдностью и не смѣтнымъ богатствомъ. Но стоило Англіи отмѣнить пошлины на хлѣбъ, сократить работу женщинъ и дѣтей на фабрикахъ, запретить продажу припасовъ, и все опять пришло въ нормальное положеніе.

Однако требуя, чтобы рабочій классъ имѣлъ право подавать голосъ о своихъ нуждахъ, Сисмонди отнюдь не думаетъ предоставить ему рѣшеніе относящихся сюда вопросовъ. «Надобно выслушать того, кто голоденъ», говоритъ онъ, «для того, чтобы помочь его голоду; но если бы, вмѣсто того, чтобы его выслушать, стали получать отъ него приказанія, его голодъ причинилъ бы голоданіе всего общества» (стр. 109).

Первая среда, въ которой можетъ проявиться участіе низшихъ клас.овъ въ общественномъ управленіи, есть община. Это—первоначальный союзъ людей, въ которомъ нѣкогда сосредоточивалась вся верховная власть. Съ образованіемъ большихъ государствъ общины потеряли значительную часть своихъ верховныхъ правъ, и это то, что называется централизаціею. Съ правильною дѣятельностью центральной власти соединены существенныя выгоды; но эта система никогда не должна поглощать въ себѣ общинную автономію. Каково бы ни было стремленіе народа къ централизаціи, законодатель никогда не долженъ забывать, что община есть великая школа общественной жизни и патріотизма. Здѣсь гражданинъ научается выходитѣ изъ границъ своего эгоизма и связывать свои личныя выгоды съ общимъ благомъ. Полезно, чтобы ему предоставлено было участіе не только въ исполнительныхъ дѣйствіяхъ, но и въ самомъ общинномъ законодательсвѣ, ибо этимъ только путемъ онъ научается отличать законный порядокъ отъ произвола. Это участіе не должно быть равное для всѣхъ; иначе въ самыхъ близкихъ жизненныхъ интересахъ богатые будутъ поставлены въ зависимость отъ бѣдныхъ, образованные отъ необразованныхъ. Съ другой стороны, не слѣдуетъ держаться и новѣйшей классификаціи, которая дѣлитъ народы на избирателей, знающихъ все, и неизбирателей, незнающихъ ничего. Гораздо лучше цѣль достигалась средневѣковыми общинами, которыя раздѣляли гражданъ на корпораціи, равныя въ правахъ, но неравныя численностью членовъ. Этимъ способомъ всѣ интересы имѣли голосъ, и ни одинъ не получалъ перевѣса надъ другими. Необходимо также, чтобы общинныя должности имѣли достаточное

достоинство и важность, такъ, чтобы члены общины могли къ нимъ привязаться, и учрежденія не пали вслѣдствіе общаго равнодушія. При всемъ томъ, рѣшенія общинъ не могутъ быть верховными. Связь ихъ съ государствомъ требуетъ, чтобы въ каждый изъ нихъ находился представитель центральной власти, который можетъ соединяться или не соединяться въ одномъ лицѣ съ главою общины, но всегда необходимъ для установленія однообразія въ законодательствѣ, въ администраціи и въ правахъ. Впрочемъ, централизація и самоуправленіе зависятъ отъ привычекъ, привязанностей и предразсудковъ общества, столько же, сколько и отъ степени образовавания, развитаго въ народѣ (стр. 101—113).

Въ прежнія времена съ общинною властью соединялось право суда. Въ настоящее время участіе народа въ судебной власти проявляется въ учрежденіи присяжныхъ. Оно служитъ не только огражденіемъ права, но и школою для народа, въ которомъ оно развиваетъ уваженіе къ праву и любовь къ справедливости. Впрочемъ, это учрежденіе приноситъ настоящую пользу только тамъ, гдѣ оно уже укоренилось. При скороспѣломъ его введеніи, присяжные обыкновенно видятъ въ себѣ болѣе судей, нежели свидѣтелей; скандалезныя оправданія, возбуждая опасенія общества, развращаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, нравственный смыслъ народа. Поэтому, прежде, нежели вводить судъ присяжныхъ, необходимо преобразовать законъ и приготовить къ тому общество установленіемъ полной публичности и гласности суда (стр. 114—123).

Наконецъ, народу слѣдуетъ дать участіе и въ военной силѣ. Служба въ національной гвардіи составляетъ гораздо менѣе обязанность, нежели право. Это—гарантія всѣхъ другихъ правъ. Можно опасаться, что оружіе, данное массѣ, будетъ служить орудіемъ тиранніи въ рукахъ черни; но опытъ убѣждаетъ насъ, что неразлучная съ военною службою дисциплина служитъ лучшею школою повиновенія. Милиція нерѣдко составляетъ лучшую узду демократіи, тогда какъ исключеніе низшихъ классовъ изъ національной гвардіи можетъ вести либо къ ихъ притѣсненію, либо къ переворотамъ (стр. 123—126)

Таково участіе демократическаго элемента въ низшихъ отрасляхъ общественнаго управленія. Но посредствомъ представительства онъ долженъ имѣть участіе и въ рѣшеніи высшихъ государственныхъ

вопросовъ. Здѣсь надобно имѣть въ виду не столько права каждаго гражданина на долю власти, сколько право народа на хорошее управленіе. Верховная власть принадлежитъ народному разуму, соединяющему въ себѣ высшее знаніе и высшую добродѣтель народа. Это нѣчто большее, нежели общественное мнѣніе, которое подвержено страстямъ и увлеченіямъ. Народный разумъ вырабатывается изъ общественнаго мнѣнія, когда улягутся страсти и всѣ разногласящія мнѣнія сольются въ одно верховное рѣшеніе. Но для того, чтобы это могло совершиться, необходимы двѣ вещи: 1) чтобы общественное мнѣніе могло образоваться; 2) чтобы окончательное рѣшеніе не было принято поспѣшно, но было обставлено всѣми гарантіями правильнаго сужденія. Первое происходитъ двоякимъ путемъ: свободными преніями въ собраніяхъ и печати, и офиціальными преніями представителей народа. Свободными преніями выдвигаются изъ среды общества лучшіе умы; этимъ путемъ образуется умственная аристократія. Для всесторонняго освѣщенія вопросовъ необходимо это предварительное ихъ обсужденіе; но само по себѣ оно недостаточно: оно имѣетъ слишкомъ теоретическій характеръ. Для того, чтобы вопросъ перешелъ на практическую почву, необходимо, чтобы онъ былъ связанъ съ дѣйствительными потребностями общества. Съ этою цѣлью всѣ существующіе въ обществѣ интересы должны получить голосъ и быть призваны къ общему рѣшенію. Въ этомъ заключается истинное начало народнаго представительства; оно должно быть представительствомъ не партій, а интересовъ. Представительство партій ведетъ къ побѣдѣ однихъ надъ другими, представительство интересовъ къ временнымъ соглашеніямъ, изъ которыхъ вытекаетъ общее рѣшеніе, удовлетворяющее всѣхъ. Полезно, чтобы въ собраніи, рядомъ съ двумя борющимися сторонами, были безпристрастные зрители, которые своимъ голосомъ рѣшаютъ дѣло. Чтобы достигнуть этого, недостаточно имѣть представительство отъ различныхъ мѣстностей, которое выдвигаетъ только мѣстныя знаменитости: надобно призвать къ совѣту всѣ разряды интересовъ, существующіе въ обществѣ, церковь, ученыя корпораціи, свободныя профессіи, землевладѣльцевъ, фермеровъ, половниковъ, рабочихъ. Каждый изъ этихъ классовъ долженъ имѣть свое особое представительство; иначе онъ не найдетъ защиты и подвергнется притѣсненію. Когда же этимъ способомъ всѣ знанія и всѣ интересы будутъ собраны вмѣстѣ, необходимо, чтобы,

дѣйствуя другъ на друга, они приходили къ общему соглашенію. Для этого должны быть установлены правила обсужденія и рѣшенія дѣлъ. Первое, по существу своему, важнѣе втораго, ибо этимъ путемъ изъ разрозненныхъ интересовъ вырабатывается общее рѣшеніе. Тутъ необходимо огражденіе меньшинства и устраненіе всякихъ оскорбительныхъ и раздражающихъ пререканій, которыя препятствуютъ спокойному рѣшенію. Необходимо далѣе, чтобы обсужденный со всѣхъ сторонъ вопросъ снова подвергся сужденію; только при взаимнодѣйствіи избирателей и выборныхъ можетъ выработаться общественный разумъ. Наконецъ, для верховнаго рѣшенія недостаточно одного мнѣнія настоящаго дня; надобно связать вопросъ съ прошедшимъ и будущимъ народа, сочетать различія съ единствомъ. Для этого, кромѣ демократическаго элемента, призываются къ участію элементы аристократическій и монархическій. Только изъ совокупности ихъ составляется верховная власть въ обществѣ (3-ème Essai).

Таково ученіе Сисмонди о народномъ представительствѣ. Онъ также какъ и теоретики народовластія требуетъ, чтобы избирательное право было вручено всѣмъ, но не какъ отвлеченнымъ единицамъ съ равнымъ для всѣхъ правомъ голоса, а въ распредѣленіи по общественнымъ группамъ, такъ, чтобы изъ разнообразія интересовъ вырабатывался общественный разумъ. Это былъ шагъ впередъ противъ чистаго индивидуализма, но шагъ далеко не удовлетворительный, ибо изъ столкновенія частныхъ интересовъ никогда не выдѣлится разумъ, способный управлять государствомъ. Каждый интересъ, отдѣльно взятый, тянетъ къ себѣ и имѣетъ въ виду только себя, тогда какъ отъ народныхъ представителей требуется именно, чтобы они прежде всего имѣли въ виду общее дѣло. Представительство интересовъ разобщаетъ, а не соединяетъ людей; изъ него никогда не составится большинство, способное служить поддержкою правительству. Такое большинство можетъ образовать только партія, представляющая извѣстное общее воззрѣніе на политическую жизнь. Когда Сисмонди возстаетъ противъ владычества партій, онъ обнаруживаетъ непониманіе самаго существеннаго условія представительнаго правленія. Каждый отдѣльный интересъ долженъ имѣть свой голосъ, но отнюдь не право участія въ верховномъ рѣшеніи. Представители интересовъ должны призываться въ качествѣ экспертовъ, а не въ качествѣ чле-

новъ верховнаго собранія. Вслѣдствіе этого, самъ Сисмонди говоритъ, что для свободы гораздо важнѣе право свободно поднимать голосъ, нежели право произносить приговоръ (стр. 111). Поэтому онъ главный вѣсъ полагаетъ въ обсужденіи вопросовъ, а не въ рѣшеніи. Между тѣмъ, въ государственной жизни первый вопросъ заключается въ томъ: кому принадлежитъ верховное рѣшеніе? Приписать его народному разуму ничего не значитъ; надобно знать, кто считается законнымъ представителемъ этого разума? У Сисмонди окончательное рѣшеніе совершенно даже улетучивается въ неопредѣленныхъ фразахъ, ибо самое сужденіе народныхъ представителей признается имъ недостаточнымъ: надобно, чтобы истекающій отсюда свѣтъ разлился въ народѣ, и чтобы новые выборы послали въ собраніе не борцовъ, а примирителей. Не изъ борьбы, а изъ соглашенія интересовъ долженъ истекать общій разумъ. Но этимъ способомъ, очевидно, нельзя вести государственныя дѣла. Примиреніе интересовъ весьма желательно въ теоріи, но дѣйствительная жизнь всегда и вездѣ идетъ путемъ борьбы и требуетъ немедленныхъ рѣшеній. Всего менѣе примиреніе достигается тѣмъ разобщеніемъ интересовъ, которое установляется отдѣльнымъ представительствомъ каждаго. Не частные, а общіе интересы государства должны найти свое выраженіе въ представительномъ собраніи; а потому право голоса можетъ быть предоставлено единственно тѣмъ, которые понимаютъ общіе интересы, а отнюдь не всѣмъ гражданамъ безъ различія. Исключенные классы могутъ быть въ накладѣ; но при широкомъ развитіи политической свободы, они всегда найдутъ своихъ представителей. Во всякомъ случаѣ, это—гораздо меньшее зло, нежели пріобщеніе къ верховной власти классовъ, неспособныхъ понимать политическіе вопросы. Въ первомъ случаѣ можетъ пострадать частный интересъ; во второмъ случаѣ неизбѣжно страдаетъ общій. Послѣдній путь прямо ведетъ либо къ демагогіи, либо къ деспотизму.

Отъ демократическаго элемента Сисмонди переходитъ къ монархическому. Существованіе его вытекаетъ изъ потребности ввѣрить общее направленіе дѣлъ лицу, обладающему достаточною энергіею и быстротою дѣйствій, а вмѣстѣ молчаливостью, осторожностью и бережливостью. Но самыя эти качества дѣлаютъ князя опаснымъ для свободы. Отсюда стремленіе ограничить его власть представителями народа; отсюда же и борьба между этими двумя началами,

которую многіе считаютъ необходимою принадлежностью всякаго свободнаго правленія. Но подобная борьба, въ которой истощаются лучшія силы народа, должна считаться не нормальнымъ порядкомъ, а злоупотребленіемъ системы равновѣсія властей. При извѣстныхъ обстоятельствахъ она можетъ вести къ гибели народа. Революція не выноситъ системы равновѣсія, которая парализуетъ ея дѣйствія. Точно также и при борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ необходимо сосредоточеніе всѣхъ силъ въ однихъ рукахъ. Наконецъ, и въ мирное время власть можетъ быть поставлена въ ближайшую зависимость отъ народа, устраняющую взаимную борьбу. Но тутъ возникаетъ опасность для свободы со стороны демократической власти. Примѣръ тому представляютъ Соединенные Штаты, гдѣ все должно преклоняться передъ капризами общественнаго мнѣнія, руководимаго своекорыстною журналистикою. Въ виду этого зла, необходимо разобрать, каково должно быть устройство исполнительной власти, которой ввѣряется управленіе обществомъ (4-й Essai; стр. 189—205).

Сисмонди противополагаетъ выгоды и невыгоды монархіи наслѣдственной и избирательной. Онъ сравниваетъ въ этомъ отношеніи Францію и Германію съ XI до XVI вѣка, и находитъ, что послѣдняя при избирательной формѣ болѣе преуспѣвала въ свободѣ, благосостояніи и просвѣщеніи; что если въ ней выборъ монарха не разъ былъ причиною междоусобныхъ войнъ, то во Франціи болѣе продолжительныя войны велись за право наслѣдства; далѣе, что избраніе почти всегда возводитъ на престолъ человѣка способнаго, тогда какъ при наслѣдственномъ правѣ власть можетъ впасть даже въ руки безумца, какъ Карлъ VI; наконецъ, что если при избраніи возможны междуцарствія, то наслѣдственное начало ведетъ къ регентствамъ, что еще хуже (стр. 214—221).

Дѣлая такое сравненіе, Сисмонди упускаетъ изъ виду результатъ этого историческаго процесса, а именно, что въ одномъ случаѣ государство, подъ вліяніемъ избирательнаго начала, распалось, а въ другомъ, подъ вліяніемъ наслѣдственнаго начала, оно соединилось и окрѣпло. Подобный же результатъ представляетъ и исторія Польши. Если есть научное положеніе, утвержденное на многовѣковомъ опытѣ, такъ это именно преимущество наслѣдственной монархіи передъ избирательною. Самъ Сисмонди указываетъ на то, что въ высшей способности выборнаго монарха заключается опасность этой формы

для свободы народа. Въ наслѣдственной монархіи, какъ абсолютной, такъ и ограниченной, монархъ гораздо болѣе полагается на своихъ совѣтниковъ для управленія государствомъ. Выборный же монархъ всегда является самъ душою своего управленія, и всѣ свои способности онъ устремляетъ на то, чтобы упрочить свое положеніе, сдѣлавъ его наслѣдственнымъ. Поэтому, чѣмъ болѣе блестящій результатъ даетъ избирательная монархія, тѣмъ ближе она къ своему паденію (стр. 221—6). Отсюда Сисмонди выводитъ, что такъ какъ обѣ формы имѣютъ свои недостатки, то лучше всего сохранять то, что есть, улучшая, но не разрушая (стр. 224). Самъ онъ впрочемъ, въ качествѣ женевскаго гражданина, прямо объявляетъ себя республиканцемъ и признаетъ этотъ образъ правленія наиболѣе желательнымъ для всѣхъ новыхъ государствъ и для тѣхъ, въ которыхъ перевороты уничтожили всѣ слѣды прошедшаго. Надобно только сохранить въ республикѣ выгоды монархическаго начала, необходимое единство воли. Этому требованію не соотвѣтствуютъ учрежденія правительственной коллегіи, въ которой исчезаетъ личная отвѣтственность. Отсюда паденіе французской директоріи. Для того, чтобы единство воли въ свободномъ государствѣ принесло свои плоды, необходимы два условія: надобно, чтобы выборное лицо обладало высшими талантами, и чтобы оно вездѣ оставалось такимъ, какимъ оно было во время выбора. Первое достигается предоставленіемъ выбора способнѣйшимъ лицамъ, второе ограниченіемъ срока управленія. Выборъ долженъ быть предоставленъ демократическому элементу, ибо, если народъ, по своей подвижности, неспособенъ къ управленію, то онъ способенъ различать качества лица, которое должно быть поставлено во главѣ государства, и удержать его на пути чести, правды и добродѣтели. Онъ можетъ иногда ошибаться; но эта ошибка поправима при кратковременности срока избранія. Въ большихъ государствахъ этотъ срокъ долженъ быть впрочемъ болѣе продолжителенъ, нежели въ малыхъ, но когда онъ становится слишкомъ долгимъ, власть грозитъ сдѣлаться пожизненною (5 Essai, стр. 267—274).

Становясь такимъ образомъ на сторону республики, Сисмонди говоритъ даже, что введеніе наслѣдственнаго короля въ свободную конституцію не только не должно считаться совершенствомъ политическаго искусства, но напротивъ, составляетъ только лишнее за-

трудненіе, ибо этимъ организуется постоянный заговоръ противъ того самаго порядка, который хотятъ утвердить. Это—врагъ, который вводится въ самую цитадель свободы, вручая ему оружіе для собственной защиты (стр. 280). Но такъ какъ, съ другой стороны, чистая демократія составляетъ худшій изъ образовъ правленія, то надобно искать ей противовѣса въ другомъ элементѣ, въ аристократическомъ.

Аристократія и демократія издавна борются въ человѣческихъ обществахъ; но люди начинаютъ понимать, что оба элемента необходимы въ хорошо устроенномъ правленіи. Каждый изъ нихъ вреденъ, когда онъ является исключительнымъ или владычествующимъ, но сочетаніе ихъ одно можетъ вести къ счастью народа. Подъ именемъ аристократіи разумѣются всѣ, возвышающіеся надъ массою; но къ личному положенію здѣсь присоединяется корпоративный духъ, который внушаетъ людямъ общія цѣли и стремленія. Корпоративный духъ составляетъ одну изъ самыхъ сильныхъ движущихъ пружинъ общественной жизни; онъ даетъ людямъ постоянство, самоотверженіе, даже героизмъ во имя общихъ началъ, тѣсно связанныхъ съ собственнымъ положеніемъ. Законодатель не можетъ упускать изъ виду такого двигателя; онъ долженъ извлечь изъ него всевозможную пользу для общества, подчинивши его вліянію въ особенности высшіе классы, которые одни могутъ служить оплотомъ противъ напора демократическаго элемента. Преимущества, которыми можно воспользоваться для этой цѣли, могутъ быть различны. Существуетъ аристократія рожденія, маноръ, талантовъ и образованія, наконецъ богатства. Первая во всѣ времена и у всѣхъ народовъ составляетъ предметъ уваженія. Въ ней корпоративный духъ имѣетъ преемственный характеръ; онъ обращенъ на поддержаніе чести рода, которой отдѣльное лицо является носителемъ. Аристократія маноръ основана на внѣшнемъ изяществѣ; нерѣдко она всего рѣзче выдѣляется тамъ, гдѣ не признается преимущества рожденія. Аристократія талантовъ связывается общимъ образованіемъ; но это та сила, которая менѣе всего поддается вліянію корпоративнаго духа, ибо талантъ всегда сохраняетъ своеобразный и независимый характеръ. Наконецъ, аристократія богатства обыкновенно соединяется съ тремя первыми, а съ паденіемъ ихъ болѣе и болѣе выдвигается на первый планъ и тяжелѣе давитъ на низшіе классы. Каково бы ни было

устройство общества, всѣ эти преимущества всегда сохраняются въ немъ, какъ естественныя силы. Тѣ, которые мечтали о всеобщемъ равенствѣ и объ уничтоженіи всякихъ различій между людьми, могли изобрѣсти лишь такой порядокъ, въ которомъ исчезаютъ всѣ выгоды, сопряженныя съ этими преимуществами, порядокъ, въ которомъ нѣтъ ни воспоминаній прошедшаго, ни изящества манеръ, ни образованія, ни богатства. Такой общественный бытъ былъ бы худшею изъ всѣхъ тиранній.

Если во всякомъ обществѣ необходимо существуетъ неравенство, то задача законодателя заключается въ томъ, чтобы извлечь изъ него пользу для политическихъ учрежденій. Голое право большинства отдало бы образованное меньшинство ему на жертву. Рѣшеніе вопросовъ, касающихся старинныхъ правъ, было бы предоставлено людямъ новымъ, вопросовъ, касающихся изящества, людямъ грубымъ, вопросовъ образованія—невѣждамъ, наконецъ, вопросовъ, относящихся къ богатству, людямъ бѣднымъ. Истинная же цѣль законодателя должна состоять въ томъ, чтобы власть предоставить общественнымъ преимуществамъ, которыя всего способнѣе ею владѣть. Каждое преимущество имѣетъ свои, свойственныя ему выгоды; но отдѣльно взятое, оно могло бы злоупотреблять своимъ правомъ. Политическое искусство состоитъ въ томъ, чтобы сочетать ихъ другъ съ другомъ, такъ чтобы они взаимно уравновѣшивались и направлялись къ общему благу. Всего труднѣе это сдѣлать въ республикѣ, и особенно въ республикѣ вновь созданной; но именно здѣсь необходимо найти въ аристократическомъ элементѣ твердую точку опоры противъ народныхъ волненій. Чѣмъ свободнѣе государство, тѣмъ громче слышится неудовольствіе. Меньшинство, которое должно принести въ жертву свои убѣжденія, вопіетъ о притѣсненіи; журналы раздуваютъ страсти; раздается такой хоръ жалобъ, обвиненій, клеветъ, что можно подумать, что свободныя государства управляются хуже всѣхъ другихъ. Чтобы противостоять этимъ постояннымъ бурямъ, правительство должно имѣть твердость и энергію, которыя можно почерпнуть не въ провозглашеніи началъ, не въ звонкихъ фразахъ, положенныхъ на бумагу, а единственно въ живомъ элементѣ. Это понимали древніе, которые необходимою принадлежностью всякой республики считали хорошо устроенный сенатъ. Здѣсь они соединяли все, что даетъ преимущества различнаго рода:

аристократію рожденія, но безъ личнаго права на власть, а по выбору корпорацій, аристократію манеръ, талантовъ и наконецъ богатства, но не предоставляя послѣдней первенства, и стараясь, напротивъ, сохранить нѣкоторое равенство между богатымъ и бѣднымъ (6 Essai).

Сисмонди ограничивается этими указаніями, въ сущности, весьма неопредѣленными. Онъ весьма хорошо выставилъ необходимость аристократическаго элемента, составляющаго оплотъ противъ владычества массы, но онъ только въ самыхъ общихъ чертахъ коснулся его устройства и вовсе не разсмотрѣлъ отношенія его къ демократическому элементу. А между тѣмъ этотъ послѣдній вопросъ имѣетъ существенную важность, ибо демократія, особенно въ республикахъ, является естественнымъ врагомъ всякихъ преимуществъ: она стремится все низвести къ своему уровню и подчинить все своей власти. Учрежденіе независимаго отъ нея сената, съ аристократическимъ характеромъ, можетъ вести только къ постоянной борьбѣ обоихъ элементовъ, къ борьбѣ, которая не можетъ имѣть иного исхода, кромѣ безусловной побѣды одной стороны, ибо между ними нѣтъ посредника. Здѣсь именно всего болѣе оказывается необходимость монархическаго начала, котораго значеніе не понялъ Сисмонди. Хотя онъ говоритъ, что всѣ знаменитѣйшіе законодатели и публицисты всегда стояли за сочетаніе всѣхъ трехъ элементовъ въ государственномъ управленіи, и что это одно способно дать власти хорошее устройство (5 Essai, стр. 284—285); однако, не признавая необходимости наслѣдственнаго права у главы государства, онъ тѣмъ самымъ лишаетъ монархическое начало всякой независимости и низводитъ его на степень простаго орудія въ рукахъ тѣхъ, кому предоставляется выборъ. Только наслѣдственный монархъ способенъ быть посредникомъ и примирителемъ въ борьбѣ противоположныхъ общественныхъ элементовъ; только въ немъ самое аристократическое начало, которое всегда находится въ меньшинствѣ, можетъ найти такую опору, которая дастъ ей возможность противостоять натиску массы. Аристократія безъ монархіи можетъ держаться или при несвободѣ, или при весьма невысокомъ уровнѣ образованія низшихъ классовъ. Иначе она неизбѣжно будетъ поглощена демократіею. Слѣдовательно, тѣ, которые, вмѣстѣ съ Сисмонди, отвергаютъ владычество необразованнаго большинства надъ образованнымъ меньшинствомъ, должны искать спа-

сенія въ конституціонной монархіи, которая одна способна сочетать различные общественные элементы, не противополагая ихъ другъ другу безъ всякаго посредствующаго звена, и поставляя надъ ними высшее начало, представляющее собою государственное единство и направляющее ихъ къ общей цѣли. Односторонній либерализмъ Сисмонди и тутъ помѣшалъ ему придти къ этому заключенію.

При всемъ томъ, Сисмонди въ развитіи конституціонныхъ монархій видитъ великій европейскій интересъ настоящаго времени. Монархическое начало имѣетъ глубокіе корни въ правахъ, привязанностяхъ и даже предразсудкахъ европейскихъ народовъ. Устранить его во имя проблематическихъ теорій, особенно когда опытъ не даетъ намъ, никакихъ указаній на счетъ возможности объединенныхъ республикъ, было бы верхомъ безразсудства. Единственная цѣль, которую можно себѣ положить, заключается въ сочетаніи монархическаго начала съ свободными учрежденіями. Эта цѣль можетъ быть достигнута двоякимъ путемъ: мирнымъ и революціоннымъ. Только первому могутъ сочувствовать истинные друзья свободы. Вездѣ въ Европѣ монархія является прогрессивнымъ началомъ, только крайности революцій сдѣлали изъ государей враговъ свободы. Если мы хотимъ держаться мирнаго прогресса, то надобно водворить свободу, не пугая монарховъ, а въ союзѣ съ ними. Съ другой стороны, права, которыя предоставляются народу, должны быть приноровлены къ его способностямъ. Широкое развитіе свободы невозможно у народа, къ ней непривыкшаго. Поэтому, въ развитіи представительнаго порядка необходимо соблюдать постепенность. Прежде всего, надобно дать гражданамъ широкое участіе въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, которыя составляютъ первоначальную школу свободы. Затѣмъ публичностью и гласностью судебныхъ преній надобно подготовить вліяніе суда присяжныхъ, который можетъ быть данъ только народу, привыкшему быть защитникомъ порядка, а не союзникомъ всякаго подсудимаго. Далѣе, полезно учрежденіе національной гвардіи, которая внушаетъ гражданину чувство своего достоинства и заставляетъ самую власть питать къ нему уваженіе. Наконецъ, всего важнѣе приготовленіе народа къ обсужденію политическихъ вопросовъ. Серьезное обсужденіе путемъ печати происходитъ въ книгахъ; онѣ должны быть изъяты отъ цензуры. Но далеко не всѣ народы способны выносить свободу газетъ. Въ обществѣ, гдѣ созрѣла политическая мысль, гдѣ есть богатая литература, журналистика можетъ

привлекать къ себѣ крупные таланты; но при низкомъ уровнѣ политическаго образованія она становится поприщемъ, гдѣ ратуютъ невѣжество, пошлость, самыя ложныя мысли и самыя низкія страсти. Въ незрѣломъ обществѣ, преобладающее вліяніе журналистики, пагубное для истинныхъ талантовъ, уничтожило бы всякій умственный прогрессъ, всякія разумныя пренія, а потому и всякую истинную свободу. Еще менѣе возможно допустить здѣсь политическія сходбища, которыя способенъ выносить только народъ, привыкшій къ долговременному пользованію свободы. Во Франціи клубы были всегда главными орудіями демагогіи. Наконецъ, завершеніемъ всего этого зданія должно быть собраніе представителей, въ которомъ бы гласно обсуждались всѣ высшіе интересы государства. Всякій абсолютный монархъ, говоритъ Сисмонди, въ своихъ собственныхъ интересахъ, можетъ и долженъ дать народу эти гарантіи. Но это только начало свободы. Представительному порядку представляется дальнѣйшее ея развитіе (7 Essai).

Совершенно иной характеръ представляютъ революціонныя движенія. Многіе въ настоящее время поднимаютъ знамя революціи и дѣлаютъ ее цѣлью своихъ стремленій. Но какъ бы революція ни была законна и успѣшна, тѣ, которые ее предпринимаютъ, никогда не должны забывать, что они обрекаютъ своихъ согражданъ на страшныя и неизбѣжныя бѣдствія; что они должны надолго проститься съ свободою, съ согласіемъ и съ хорошимъ правительствомъ; наконецъ, что они жертвуютъ настоящимъ будущему во имя шансовъ, которыхъ нельзя разсчитывать безъ содроганія. Однако, революціи всегда были и будутъ, ибо всегда найдутся правительства столь упорныя, что они противодѣйствуютъ всякому улучшенію, и народы столь нетерпѣливые, что они не хотятъ довольствоваться мирнымъ и постепеннымъ развитіемъ. Въ такихъ случаяхъ, когда совершился переворотъ, первая потребность общества состоитъ въ установленіи сильной власти, которая одна въ состояніи сдержать внутреннюю анархію и противостоять внѣшнимъ врагамъ. Эта власть можетъ быть ввѣрена одному лицу или находиться въ рукахъ толпы. Первая есть плодъ революціи монархической, вторая — революціи демократической.

Счастлива страна, которая въ совершенномъ ею переворотѣ нашла точку опоры въ монархическомъ элементѣ. Она имѣетъ центръ, къ

которому могутъ примкнуть разрозненныя силы. Этимъ значительно облегчается дѣло революціи. Но напрасно было бы ожидать, что такимъ центромъ можетъ быть монархъ, у котораго насильно исторгнуты уступки. Онъ остается врагомъ свободы и будетъ пользоваться первымъ случаемъ, чтобы ее подавить. Многія европейскія государства представляютъ тому примѣры. Столь же ненадежно и призваніе иностраннаго князя, не имѣющаго корней въ странѣ. Созданіе новой монархической власти въ странѣ, подвергшейся революціи, представляетъ величайшія трудности. Первая заключается въ томъ, что люди, всего болѣе преданные престолу, приверженцы законной монархіи, являются врагами новаго государя, въ которомъ они видятъ похитителя престола. Съ другой стороны, революціонеры, съ помощью которыхъ совершился переворотъ, недовольны новымъ порядкомъ вещей, который несоотвѣтствуетъ ихъ ожиданіямъ, и продолжаютъ привычную свою оппозицію. Наконецъ, самъ монархъ, связанный монархическими преданіями и заботящійся прежде всего объ утвержденіи престола, видитъ враговъ въ тѣхъ, кто его возвелъ, и ищетъ союза съ своими врагами. При такихъ условіяхъ установленіе прочнаго порядка требуетъ такой мудрости и такихъ высокихъ качествъ, что разсчитывать на успѣхъ нѣтъ почти никакой возможности.

Вслѣдствіе этого, всюду революціи часто предпочитаютъ чисто демократическій переворотъ. Но разрушеніе всего существующаго порядка ведетъ къ полной анархіи; это — возвращеніе общества въ первобытное состояніе. Какимъ образомъ изъ разрозненныхъ воль, изъ тысячей разногласящихъ мнѣній, не связанныхъ никакимъ закономъ, воздвигнется единая власть? Созовется ли собраніе, которое должно установить верховный законъ? Но въ ту пору, когда разнузданы всѣ страсти, всего менѣе можно ожидать введенія хорошей конституціи, которая требуетъ зрѣлости сужденія. Демократическая революція можетъ имѣть только двоякій исходъ. Тамъ, гдѣ есть столица, безспорно владычествующая надъ страною, надобно подчиниться ей безусловно. Это не будетъ свобода, но по крайней мѣрѣ будетъ какая нибудь власть, которая можетъ спасти страну среди бурь. Тамъ же, гдѣ нѣтъ такой централизующей силы, и народъ составленъ изъ разнообразныхъ элементовъ, тамъ остается только прибѣгнуть къ федераціи. Энергія и союзъ опытныхъ властей, черпающихъ свою силу непосредственно отъ народа, одна въ состояніи вывести общество изъ

критическаго положенія. И на это, заключаетъ Сисмонди, жаловаться нечего, «ибо эта система обѣщаетъ народу болѣе истинной свободы, болѣе согласія между его желаніями и его законами, болѣе спокойствія, болѣе гарантій противъ воинственнаго честолюбія его вождей, и однако болѣе силы для защиты, если бы онъ подвергся внѣшнему нападенію, нежели всякое другое» (8 Essai).

Этимъ Сисмонди оканчиваетъ свои изслѣдованія. Нельзя не сказать, что подобный выводъ не оправдывается предыдущимъ изложеніемъ. Сисмонди нигдѣ не разбиралъ выгодъ и невыгодъ союзнаго устройства и не сравнивалъ его съ централизованными государствами. Говоря о Соединенныхъ Штатахъ, онъ даже не разъ указывалъ на нихъ, какъ на примѣръ самыхъ необузданныхъ злоупотребленій демократіи. Такіе же примѣры онъ приводилъ и изъ политическаго быта Швейцаріи. Поэтому, фраза о преимуществахъ федераціи является какъ бы падающею съ неба. И тутъ проявляется односторонній либерализмъ автора, который нерѣдко идетъ вразрѣзъ съ собственными его сужденіями и мѣшаетъ ему дѣлать правильные выводы изъ своихъ посылокъ. Но недостатокъ теоріи въ значительной степени восполняется у него здравымъ взглядомъ на дѣйствительныя потребности политической жизни. Сисмонди ясно видѣлъ, что единственная цѣль, которую могли имѣть въ виду европейскіе народы, заключалась въ установленіи прочной и правильной конституціонной монархіи. Онъ указывалъ и путь къ достиженію этой цѣли, предостерегая отъ революціонныхъ попытокъ и настаивая на необходимости постепеннаго развитія, приспособленнаго къ общественному уровню единаго народа. Его мысли объ этомъ вопросѣ принадлежитъ не только къ лучшимъ мѣстамъ его сочиненія, но и къ лучшему, что вообще было писано объ этомъ предметѣ. Эти страницы, исходящія изъ-подъ пера искренняго либерала, можно рекомендовать всѣмъ, кому приходится дѣйствовать среди юнаго и еще мало образованнаго общества. Въ особенности его взглядъ на значеніе журналистики заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Онъ идетъ вразрѣзъ съ ходячими мнѣніями, но онъ составляетъ плодъ основательнаго изученія политической жизни. Сисмонди былъ не только теоретикъ, но и внимательный наблюдатель общественныхъ явленій. Это даетъ ему почетное мѣсто среди современниковъ.

в. Доктринеры.

1. Гизо.

Между легитимистами и либералами, между приверженцами стараго порядка и друзьями свободы, въ борьбѣ французскихъ партій временъ Реставраціи стояли такъ называемые доктринеры. Отвергая начало народовластія, они хотѣли сочетать законную монархію съ существенными исходами революціи. Отсюда выработалось своеобразное конституціонное ученіе, которое занимало средину между требованіями легитимистовъ и воззрѣніями либераловъ. Родоначальникомъ и главою этой школы былъ Ройе-Колляръ; но онъ не оставилъ послѣ себя политическихъ сочиненій. Еще бо́льшую знаменитость пріобрѣлъ другой членъ этой партіи, Гизо. Въ его сочиненіяхъ можно найти и теоретическое изложеніе взглядовъ этой школы; однако тоже не въ систематической формѣ. Съ наибольшею полностью они были высказаны въ курсѣ 1820 года, изданномъ подъ заглавіемъ: *Исторія происхожденія представительнаго правленія въ Европѣ* (Histoire des origines du gouvernement représentatif en Europe). Здѣсь, по поводу историческихъ изслѣдованій о зачаткахъ конституціонныхъ учрежденій, обсуждается и философская сторона вопросовъ. Затѣмъ, восполненіемъ къ этому изложенію могутъ служить изданныя имъ въ разныя времена политическія брошюры.

Какъ въ практическомъ отношеніи Гизо держитъ середину между легитимистами и революціонерами, такъ и въ теоретическомъ отношеніи онъ старается сочетать взгляды исторической школы и философской. Подъ именемъ послѣдней онъ разумѣетъ мыслителей XVIII-го вѣка, которые выработали отвлеченную идею права и дѣлали ее абсолютнымъ мѣриломъ всѣхъ учрежденій. Гизо соглашается съ ними въ томъ, что всѣ учрежденія должны быть обсуждаемы съ точки зрѣнія раціональныхъ началъ, которыя одни даютъ имъ высшее освященіе. Онъ соглашается и съ тѣмъ, что существуютъ коренныя права, которыхъ нарушеніе всегда есть беззаконіе. Но онъ утверждаетъ, что философская школа дурно изслѣдовала самыя начала права и еще болѣе ошибалась въ вопросѣ объ ихъ приложеніи.

Исходною точкою философской школы является отдѣльное лице. Но права невозможно открыть въ отдѣльномъ лицѣ; оно предполагаетъ отношенія лицъ, а потому не существуетъ внѣ общества.

Однако оно не произвольно установляется обществомъ, оно только признается имъ, какъ высшее правило, опредѣляющее отношенія людей между собою. Какъ раціональное начало, право существуетъ прежде своего приложенія; человѣкъ можетъ сознавать его или не сознавать, подчиняться ему или уклоняться отъ него, но во всякомъ случаѣ оно отъ него независимо. Имъ установляется нравственный предѣлъ дѣятельности одного лица на другое, и право каждаго заключается въ томъ, чтобы этотъ предѣлъ былъ относительно его соблюдаемъ; это онъ можетъ требовать во имя достоинства своей природы.

Этотъ предѣлъ не есть однако нѣчто разъ на всегда установленное. Онъ измѣняется сообразно съ измѣненіемъ самыхъ отношеній, которыя имъ опредѣляются. Такъ напримѣръ, отношенія совершеннолѣтнихъ дѣтей къ родителямъ не могутъ быть тѣже, какъ и отношенія малолѣтнихъ; сообразно съ этимъ должны измѣняться и права. Тоже самое прилагается и къ болѣе сложнымъ общественнымъ отношеніямъ. Эта измѣнчивость права въ его приложеніи не была понята философскою школою, которая задалась невозможной задачею разъ на всегда установить этотъ предѣлъ, вывести изъ чистой идеи права всевозможныя его приложенія. Правило здѣсь можетъ быть только одно: что дѣйствія воли одного человѣка надъ другимъ, а равно и отношенія общества къ лицу не должны противорѣчить разуму и правдѣ. Остальное должно сообразжаться съ дѣйствительными отношеніями людей.

Въ связи съ этою ошибкою философской школы находится и другое: она не понимаетъ условій историческаго развитія. Вездѣ въ человѣческихъ дѣлахъ зло перемѣшивается съ добромъ, заблужденія съ истиной. Если совершенство составляетъ идеальную цѣль человѣческаго развитія, а совершенствованіе его законъ, то несовершенство является необходимымъ его условіемъ. Этого не признаетъ философская школа, которая ко всѣмъ историческимъ явленіямъ прилагаетъ безусловное мѣрило и цѣликомъ отвергаетъ учрежденія, какъ скоро она усматриваетъ въ нихъ примѣсь зла. Отсюда глубокое ея презрѣніе къ фактамъ и стремленіе передѣлать ихъ на основаніи умозрительныхъ началъ. Въ погонѣ за невозможнымъ идеаломъ она не понимаетъ дѣйствительности.

Совершенно противоположнымъ недостаткомъ страдаетъ историческая школа. Для нея, напротивъ, факты—все, а раціональныя на-

чала—ничего. Она старается объяснять существующее, но не дерзаетъ его судить, между тѣмъ какъ то и другое необходимо для историческаго пониманія. Отрицаніе высшихъ началъ, раціональныхъ и непоколебимыхъ основаній права, составляетъ коренное заблужденіе, котораго одного достаточно для того, чтобы дать исторической школѣ второстепенное мѣсто въ развитіи человѣческой мысли, ибо что такое совершенствованіе, если идеальное совершенство не составляетъ его цѣли? Этимъ человѣкъ и общество лишаются именно того, что есть наиболѣе возвышеннаго и благороднаго въ ихъ природѣ [1]).

Такова точка зрѣнія Гизо. Въ основаніи своемъ она совершенно вѣрная, но въ ней есть неопредѣленность, проистекающая отъ недостаточнаго развитія идеи права. Гизо понимаетъ право не какъ выраженіе свободы, а какъ высшее правило, или законъ, господствующій надъ человѣческою волею. Вслѣдствіе этого, оно остается безъ содержанія. Верховный законъ гласитъ, что всѣ человѣческія отношенія должны сообразоваться съ правдою, но что такое правда и чего она требуетъ, эти вопросы остаются безъ отвѣта. Поэтому остается неизвѣстнымъ и то идеальное совершенство, къ которому человѣчество должно стремиться. Гизо упрекаетъ философскую школу XVIII вѣка въ томъ, что она, выставивши идеалъ, поняла его не такъ, какъ слѣдуетъ; но онъ этотъ индивидуалистическій идеалъ не замѣняетъ никакимъ другимъ.

Собственная его политическая теорія основана именно на томъ, что человѣку не дано достигнуть идеала, а требуется только исканіе истины. На этомъ онъ основываетъ свое раздѣленіе образовъ правленія. Онъ отвергаетъ классификацію, основанную на внѣшнихъ признакахъ, то-есть, на количествѣ лицъ, которымъ ввѣряется власть. Истинное раздѣленіе, по его мнѣнію, должно отправляться отъ главнаго вопроса, на которомъ зиждется всякое человѣческое общество, а именно: гдѣ лежитъ источникъ власти и гдѣ ея границы? Никакое общество не мыслимо безъ власти, потому что всякое общество держится только связывающимъ его закономъ. Но этотъ законъ не установляется человѣческою волею; человѣкъ подчиняется ему, какъ высшему, внѣ его существующему правилу. Онъ получаетъ его, а

---

[1]) Histoire des origines du gouv. représentatif, II, 18-ème leçon, стр. 281—294 (изд. 1851 г.).

не создаетъ. Поэтому и власть давать этотъ законъ принадлежитъ не человѣку, а высшимъ началамъ, разуму и правдѣ. Имъ однимъ можетъ быть присвоено правомѣрное полновластіе въ обществѣ (Souveraineté de droit). Человѣку же дано только искать правды; онъ никогда не можетъ быть безошибочнымъ ея органомъ. Всякій разъ какъ дѣлается подобное предположеніе, всякій разъ какъ правомѣрное полновластіе въ обществѣ присвоивается какому-нибудь лицу или лицамъ, такъ въ обществѣ водворяется деспотизмъ. Въ этомъ и состоитъ отличіе представительнаго правленія отъ всѣхъ другихъ. Монархія, аристократія и демократія присвоиваютъ правомѣрное полновластіе извѣстнымъ лицамъ и этимъ установляютъ деспотизмъ. Представительное правленіе, напротивъ, признаетъ, что правомѣрное полновластіе не можетъ принадлежать человѣку, ибо между людьми нѣтъ безошибочнаго органа разума и правды. Оно устраиваетъ общество такъ, чтобы различные органы совокупными силами должны были искать наилучшаго рѣшенія. Поставляя себѣ задачею приведеніе многообразія къ единству, оно старается извлечь изъ различныхъ общественныхъ элементовъ тотъ общій разумъ, который въ нихъ содержится (I, 6-ème Leçon).

Отсюда коренное различіе въ началахъ и способахъ дѣйствія представительнаго правленія и другихъ. Такъ, аристократія, по идеѣ, есть господство лучшихъ людей, начало несомнѣнно правильное. Но когда извѣстному классу, хотя бы и образованнѣйшему, присвоивается правомѣрное полновластіе, это неизбѣжно ведетъ къ деспотизму. Аристократія становится исключительною; она старается сосредоточить въ своихъ рукахъ богатство и образованіе, препятствуя возвышенію и успѣхамъ низшихъ классовъ. Признавая за собою безусловную власть, она устраняетъ всякую публичность и провѣрку своихъ дѣйствій. Все это немыслимо въ представительномъ правленіи. Оно точно также, какъ и аристократія, хочетъ ввѣрить правленіе лучшимъ людямъ, но оно ни за кѣмъ не признаетъ безусловнаго на то права. Высшая способность должна быть доказана; всякое естественное превосходство должно имѣть возможность занять свое мѣсто въ общественномъ управленіи. Здѣсь высшій разумъ вытекаетъ изъ соперничества общественныхъ силъ. Отсюда и необходимость полной гласности въ обсужденіи дѣлъ (7-ème Leçon, стр. 100—105).

Столь же отлично представительное правленіе и отъ демократіи.

Послѣдняя отправляется отъ того начала, что всякій человѣкъ, по рожденію, имѣетъ одинакое съ другими право на участіе въ правленіи. Приверженцы этой политической формы не рѣшаются послѣдовательно проводить основное свое положеніе, что каждый человѣкъ какъ свободное существо, самъ себѣ даетъ законъ, ибо этимъ уничтожилось бы всякое общество. Приходится, въ случаѣ разногласія, дать перевѣсъ численному превосходству; установляется полновластіе большинства. На чемъ же однако основано это полновластіе? Если на превосходствѣ силы, то сила не можетъ быть источникомъ права; если на перевѣсѣ мнѣнія, то это мнѣніе отнюдь не можетъ считаться непогрѣшимымъ, слѣдовательно не можетъ быть источникомъ законнаго полновластія. Само по себѣ, это начало противорѣчитъ: 1) естественному неравенству способностей между людьми; 2) неравенству способностей, проистекающему изъ различія положеній; 3) всемірному опыту, который показываетъ намъ, что вездѣ низшія способности подчиняются высшимъ. Начало народнаго полновластія, подъ предлогомъ установленія законнаго равенства, насильственно вводитъ равенство тамъ, гдѣ его нѣтъ, и нарушаетъ законное неравенство. Оно установляетъ владычество низшихъ надъ высшими, неспособныхъ надъ способными, то-есть, самую несправедливую и возмутительную тираннію. Наконецъ, оно не въ состояніи даже послѣдовательно провести свое ученіе: вручая власть большинству взрослыхъ мужчинъ, оно тѣмъ самымъ отступаетъ отъ кореннаго своего положенія.

Совершенно иначе поступаетъ представительное правленіе. Оно распредѣляетъ власть не по рожденію, а сообразно съ способностью людей дѣйствовать по указаніямъ разума и правды: фактическая власть полагается тамъ, гдѣ можетъ быть предположено законное полновластіе. Оно также установляетъ право большинства, но большинства способныхъ, притомъ такъ, что это право должно постоянно доказываться на дѣлѣ. Вслѣдствіе этого, правленіе обставляется гарантіями, которыя даютъ меньшинству возможность возвышать свой голосъ, доказывать, что оно право, и черезъ это самому сдѣлаться, наконецъ, большинствомъ. Призывая къ правленію большинство способныхъ, представительное начало все-таки не считаетъ ихъ непогрѣшимыми, а потому и не ввѣряетъ имъ власти безусловно, а ставитъ имъ разумныя границы (стр. 106—115).

Отсюда Гизо выводитъ основныя черты представительнаго устрой-

ства, а именно, раздѣленіе властей, выборное начало и публичность дѣйствій. Первое вытекаетъ изъ того положенія, что никакая фактическая власть не можетъ считаться представительницею законной власти. Во всякомъ обществѣ необходима верховная власть, ибо необходимо, чтобы кому-нибудь принадлежало верховное рѣшеніе въ общественныхъ дѣлахъ; но такъ какъ на землѣ не существуетъ непогрѣшимаго органа разума и правды, то эта власть должна быть распредѣлена между различными органами, которые совокупными силами должны искать наилучшаго рѣшенія. Въ силу того же начала необходимо введеніе въ правленіи выборнаго, по существу своему, подвижного элемента; безъ этого, установленныя власти легко могутъ присвоить себѣ не только фактическое, но и юридическое полновластіе, а это ведетъ къ деспотизму. Наконецъ, таже цѣль требуетъ гласности дѣйствій, безъ чего невозможно совокупное исканіе истины. Гласность образуетъ связь между обществомъ и его правительствомъ (8-ème Leçon).

Таково ученіе Гизо. Слабая его сторона заключается въ различеніи фактическаго и юридическаго полновластія. Онъ предполагаетъ, что законное полновластіе можетъ принадлежать единственно разуму и правдѣ. Но полновластіе въ обществѣ можетъ принадлежать единственно людямъ, а не отвлеченнымъ началамъ. Полновластіемъ называется право верховнаго рѣшенія общественныхъ дѣлъ; это именно то, что Гизо называетъ фактическимъ полновластіемъ. Оно всегда законно, если оно находится въ рукахъ установленныхъ закономъ органовъ. Для этого вовсе не требуется непогрѣшимости, которая человѣку не дана. Верховная власть можетъ ошибаться, какъ и всякая другая; но это не мѣшаетъ ей оставаться верховною и требовать себѣ законнаго повиновенія. Другой вопросъ: какъ устроить власть такъ, чтобы она ошибалась какъ можно менѣе? Въ этомъ отношеніи, можно согласиться съ Гизо, что всякое устройство, которое вручаетъ полновластіе какому-нибудь отдѣльному органу, легко подаетъ поводъ къ злоупотребленіямъ. Можно согласиться и съ тѣмъ, что по идеѣ, достиженіе государственной цѣли всего болѣе обезпечивается началами представительнаго правленія, раздѣленіемъ властей, призваніемъ способнѣйшихъ и потребностью совокупными силами искать наилучшаго рѣшенія. Но невозможно считать это устройство единственнымъ правомѣрнымъ и противополагать его всѣмъ осталь-

нымъ, какъ основаннымъ на ложномъ началѣ. Идеально лучшее не есть естественное правомѣрное. Нерѣдко даже случается, что идеально лучшее не есть фактически лучшее, ибо для осуществленія идеальнаго устройства требуются условія, которыя не вездѣ находятся.

Гизо не ограничивается выводомъ этихъ общихъ началъ; онъ прилагаетъ ихъ къ двумъ главнымъ элементамъ представительнаго устройства, къ выборной системѣ и къ раздѣленію парламента на двѣ палаты.

Выборная система, съ философской точки зрѣнія, опредѣляется началомъ способности, которая составляетъ основаніе права, ибо право принадлежитъ разуму, и единственно разуму, способность же есть возможность дѣйствовать по разуму. Въ силу этого начала, въ частномъ правѣ способность человѣка управлять своими дѣлами опредѣляется совершеннолѣтіемъ. Въ силу того же начала, политическое право дается только лицамъ, имѣющимъ ту степень независимости и умственнаго развитія, которая дѣлаетъ ихъ способными исполнять сознательно и свободно то политическое дѣйствіе, къ которому они призываются; это начало прилагается къ массамъ, вслѣдствіе чего, въ отдѣльныхъ случаяхъ, тутъ могутъ быть и неразлучныя съ человѣческими дѣлами неточности. Въ приложеніи своемъ оно измѣняется сообразно съ мѣстомъ, временемъ и обстоятельствами; но существенныя условія всегда остаются одни и тѣже, ибо они вытекаютъ изъ самаго существа дѣла. Отсюда слѣдуетъ, что съ одной стороны должны быть исключены всѣ неспособные, чѣмъ устраняется господство числа, а съ другой стороны не должна быть исключена никакая часть способныхъ гражданъ, ибо это было бы несправедливостью. Среди самыхъ способныхъ не должны быть установлены никакія различія, ибо это было бы привилегіею. Какъ скоро способность признана, такъ она должна давать гражданину равное съ другими участіе въ политическомъ дѣйствіи. Таково общее начало. Что же касается до опредѣленія внѣшнихъ признаковъ способности, то они не имѣютъ въ себѣ ничего общаго и постояннаго. Они должны измѣняться сообразно съ развитіемъ самого общества; чѣмъ они многочисленнѣе и растяжимѣе, чѣмъ менѣе они ограничиваются чисто матеріальными фактами, тѣмъ лучше они достигаютъ своей цѣли (II, 15-eme Leçon, стр. 228—237).

Другое существенное начало, которое необходимо имѣть въ виду

при установленіи избирательной системы, это то, чтобы выборное право не висѣло на воздухѣ, а было бы связано съ остальными правами гражданъ. Аналитическій духъ XVIII столѣтія велъ къ разобщенію какъ властей, такъ и правъ. Публицисты XVIII вѣка стремились къ тому, чтобы каждая власть и каждое право дѣйствовали въ своей сферѣ, не сталкиваясь и не смѣшивась съ другими. Но черезъ это право теряетъ дѣйствительную почву, ибо жизнь есть нѣчто весьма сложное; она требуетъ содѣйствія множества элементовъ, поддерживающихъ другъ друга. Въ политикѣ, идетъ ли рѣчь о власти или о правахъ, истинная цѣль заключается въ томъ, чтобы создать живыя силы, способныя повелѣвать или сопротивляться. Свобода живетъ только правами; права же ничего не значатъ, если они сами не являются властью, и властью крѣпко организованною. Отсюда необходимость связать политическія права со всѣми другими правами гражданъ, въ особенности съ мѣстнымъ управленіемъ. Сопротивленіе тогда только можетъ быть дѣйствительно, когда оно можетъ встрѣтиться всюду, на всѣхъ ступеняхъ общественной жизни, въ ежедневномъ теченіи общественныхъ дѣлъ. Если же политическое право является оторваннымъ отъ другихъ правъ, если оно проявляется только въ видѣ временнаго кризиса, оно теряетъ всякую силу, и правительство легко его преодолѣваетъ (стр. 218—225).

Эта связь политическихъ правъ съ мѣстными учрежденіями имѣетъ самое благотворное дѣйствіе и на характеръ выборовъ. Цѣль выборовъ очевидно состоитъ въ томъ, чтобы выдвинуть способнѣйшихъ людей общества, обнаружить законную аристократію, основанную на свободномъ признаніи массъ. Для этого недостаточно собрать извѣстное количество лицъ и заставить ихъ произвести выборъ. Надобно, чтобы избиратели знали другъ друга, чтобы они знали и избираемыхъ. Выборъ долженъ быть связанъ со всѣми привычками, со всею предшествующею жизнію избирателей, онъ долженъ быть выраженіемъ ихъ обычнаго образа мыслей и постоянныхъ, дѣйствующихъ въ средѣ ихъ вліяній. Тогда только онъ совершается искренно и разумно. А для этого необходимо, чтобы сходились люди, которые уже въ обыкновенной жизни постоянно дѣйствуютъ вмѣстѣ, которые связаны общими интересами и отношеніями. Они должны сходиться въ томъ центрѣ, къ которому они обыкновенно тяготѣютъ. Однимъ словомъ, избирательный округъ долженъ быть не произ-

вольнымъ опредѣленіемъ законодателя, а выраженіемъ дѣйствительныхъ жизненныхъ отношеній. Онъ долженъ быть не слишкомъ великъ и не слишкомъ малъ. Если онъ слишкомъ великъ, то взаимная связь избирателей ослабляется: изъ свободныхъ дѣятелей, они становятся слѣпыми орудіями чужихъ цѣлей. Если онъ слишкомъ малъ, то будетъ недоставать способныхъ людей. Самое расширеніе выборнаго права состоитъ въ зависимости отъ этихъ условій. Вообще желательно возможно большее расширеніе политическихъ правъ, насколько это допускается необходимымъ требованіемъ способности. Но способность можетъ проявляться въ гораздо большей степени тамъ, гдѣ человѣкъ дѣйствуетъ въ обычной ему средѣ, нежели тамъ, гдѣ онъ принужденъ изъ нея выйти. Поэтому, чѣмъ шире округъ, тѣмъ менѣе способныхъ людей можно призвать къ выборамъ.

Отсюда вытекаетъ и другое правило: количество избираемыхъ въ каждомъ округѣ должно быть небольшое. Только при этомъ условіи граждане могутъ выбирать людей, которые имъ извѣстны. Если же они принуждены наполнять значительный списокъ, они по необходимости принуждены дѣйствовать слѣпо. Тогда они подпадаютъ подъ владычество партій—владычество, которое тогда только законно, когда подчиняющіеся ему сохраняютъ способность сужденія, а не превращаются въ слѣпыя орудія чужихъ велѣній.

Отсюда, далѣе, необходимость прямыхъ выборовъ, которые одни могутъ служить истиннымъ выраженіемъ мнѣнія избирателей. Между избирателями и избираемыми должна быть живая связь. Послѣдніе представляютъ высшую способность, дающую голосъ въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ. Въ первыхъ же предполагается способность распознавать эту способность. Гдѣ ея нѣтъ, тамъ не должно быть и политическаго права; гдѣ она есть, тамъ она должна быть призвана къ выбору высшей способности. Выборы же въ двухъ степеняхъ, установляя посредствующій членъ, разрываютъ живую связь между избирателями и избираемыми, и ведутъ къ пониженію уровня политической способности, ибо предполагается, что первоначальные избиратели неспособны выбрать депутата, но способны назначить выборныхъ. Другой недостатокъ этой системы заключается въ томъ, что здѣсь приходится или установлять очень небольшіе первоначальные округи, въ которыхъ господствуютъ мелкіе интересы, или при расширеніи округа подвергаться всѣмъ невыгодамъ выборовъ по списку.

Кромѣ того, система двойныхъ выборовъ ведетъ къ устраненію меньшинства, которое при окончательныхъ выборахъ депутатовъ остается безъ представителей. Иногда же наоборотъ, меньшинство можетъ искусственно получить перевѣсъ. Между тѣмъ, истинное начало разумной выборной системы заключается въ томъ, чтобы преобладало большинство, но чтобы при этомъ меньшинство всегда сохраняло свободный голосъ. Оно требуетъ и живаго, непосредственнаго отношенія избирателей къ совершаемому ими политическому дѣйствію. При косвенномъ выборѣ слабѣетъ интересъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляется и главная пружина представительнаго правленія. Вообще, выборы въ двухъ степеняхъ изобрѣтены для того, чтобы какъ нибудь исправить недостатки всеобщаго права голоса. Призываютъ всѣхъ къ участію въ дѣлахъ, къ которымъ они неспособны, и затѣмъ стараются ослабить дѣйствіе массы удаленіемъ выборовъ отъ прямого ихъ источника. Истинное средство разлить повсюду политическую жизнь и заинтересовать возможно большее количество граждаnъ въ дѣлахъ государства, состоитъ не въ томъ, чтобы призывать ихъ одинаково къ дѣйствіямъ, къ которымъ они не одинаково способны, а въ томъ, чтобы дать всѣмъ тѣ права, которыми они способны пользоваться. Права же имѣютъ дѣйствительное значеніе только когда ими пользуются вполнѣ и непосредственно. Вмѣсто того, чтобы умалять политическое право подъ предлогомъ его расширенія, надобно повсюду ввести мѣстное самоуправленіе. Въ немъ самая политическая свобода найдетъ гораздо лучшее обезпеченіе, нежели въ такъ называемомъ всеобщемъ правѣ голоса.

Наконецъ, существенный вопросъ въ избирательной системѣ составляетъ способъ подачи голосовъ, явный или тайный. Нѣтъ сомнѣнія, что явное голосованіе гораздо болѣе согласно съ истинными требованіями свободы, которая не должна скрывать своихъ дѣйствій, когда она требуетъ гласности всѣхъ движеній власти. Однако, это начало не можетъ быть признано безусловнымъ. Все тутъ зависитъ отъ общественныхъ нравовъ, и тамъ, гдѣ свободѣ голоса грозитъ опасность отъ явной его подачи, тамъ поневолѣ приходится прибѣгнуть къ тайной. Только долговременное пользованіе свободою можетъ привести къ явному голосованію (I, 16-eme Leçon).

Мы подробно привели воззрѣнія Гизо на избирательную систему, ибо едва ли можно гдѣ-нибудь найти въ такой точной формѣ болѣе

свѣтлыхъ мыслей по этому предмету. Можно возражать противъ тѣхъ или другихъ пунктовъ, но нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ поставленъ здѣсь на настоящую свою почву. Если бы знаменитый историкъ, сдѣлавшись министромъ, проводилъ свои мысли на практикѣ, то весьма возможно, что іюльская монархія не подверглась бы такому крушенію, какое ее постигло. Но та избирательная система, которую на практикѣ такъ упорно отстаивалъ Гизо, вовсе не походила на ту, которую онъ рекомендовалъ въ теоріи. Во Франціи выборное право не было связано съ мѣстною автономіею, и цѣлые классы, принимавшіе живѣйшее участіе въ политическихъ вопросахъ, исключались изъ представительства. Извѣстно, что именно вопросъ объ избирательной реформѣ былъ ближайшимъ поводомъ Февральской революціи.

На основаніи того же ученія о представительномъ правленіи Гизо обсуждаетъ и вопросъ о раздѣленіи парламента на двѣ палаты. Онъ отличаетъ здѣсь двойную точку зрѣнія: историческую и философскую. Первая объясняется фактическое происхожденіе верхней палаты въ той или другой странѣ. Тамъ, гдѣ, какъ въ Англіи, существуетъ громадное неравенство между высшею аристократіею и остальными гражданами, полезно, чтобы эта аристократія образовала одну палату. Аристократія, разсѣянная по странѣ, какъ это было при феодальномъ порядкѣ, является гораздо болѣе притѣснительною для народа. Напротивъ, соединеніе ея въ одно политическое тѣло ставитъ каждаго въ ближайшія отношенія съ себѣ равными. Отсюда проистекаютъ взаимныя сдержки и потребность опираться на народъ, въ которомъ соперничествующіе вельможи находятъ свою опору. Только соединенная аристократія способна противостоять и захватамъ королевской власти, какъ это и было въ Англіи. И тутъ она ищетъ союза съ народомъ и отстаиваетъ его права.

Не вездѣ однако существуетъ такое аристократическое сословіе, какъ въ Англіи; но вездѣ, рядомъ съ стремленіемъ къ равенству, существуетъ и законное стремленіе къ неравенству. Во всякомъ обществѣ выдѣляются высокія личныя положенія, которыя не могутъ, безъ насилія и несправедливости, быть уравнены съ другими. Этимъ элементомъ и пользуется представительное правленіе для осуществленія основного своего начала, въ силу котораго ни какому отдѣльному органу не должно принадлежать полновластіе въ обществѣ.

Отсюда, съ философской точки зрѣнія, безусловная необходимость раздѣленія представительства на двѣ палаты. Распредѣленіе всей верховной власти между двумя столь несходными органами, какъ представительное собраніе и исполнительная власть, неминуемо ведетъ къ взаимной борьбѣ, которая должна кончиться побѣдою одной изъ сторонъ. Такой порядокъ никогда не существовалъ въ исторіи. Необходимо, чтобы сдерживающія другъ друга власти были устроены такъ, чтобы онѣ могли жить вмѣстѣ, побуждая другъ друга искать сообща наилучшаго рѣшенія. А это возможно единственно при распредѣленіи власти между исполнительнымъ органомъ и двумя палатами. Слѣдовательно, это устройство не только не противорѣчитъ началамъ государственнаго права, а напротивъ, оно съ ними согласно. Къ этому присоединяются и практическія соображенія, которыя имѣютъ однако второстепенное значеніе. Что касается до самаго устройства палатъ и ихъ взаимныхъ правъ и отношеній, то это вопросъ, который не можетъ быть разрѣшенъ теоретически. Рѣшеніе его зависитъ отъ состоянія общества и отъ распредѣленія въ немъ общественныхъ силъ (18-eme Leçon).

Гизо въ разбираемомъ сочиненіи не разсмотрѣлъ характера и значеніе высшаго элемента представительнаго правленія, именно, монархіи. Воззрѣнія его на этотъ предметъ мы должны искать въ политическихъ брошюрахъ, касающихся собственно Франціи и ея тогдашняго положенія. Прежде всего, сюда относится сочиненіе *О представительномъ правленіи во Франціи въ 1816 году* (Du gouvernement représentatif en France en 1816) [1].

Гизо отправляется здѣсь отъ того факта, что Франція раздѣляется на двѣ партіи, на революціонную и контръ-революціонную. Первая явилась побѣдительницею въ борьбѣ, вспыхнувшей въ концѣ XVIII-го столѣтія, и желаетъ упрочить плоды своей побѣды; вторая, напротивъ, старается возстановить разрушенный порядокъ. Примирить ихъ можетъ только высшая, независимая отъ нихъ власть. Таковою является конституціонный король. Дарованная имъ хартія составляетъ договоръ между борющимися сторонами, договоръ, который обѣ партіи обязаны уважать. Между тѣмъ, обѣ стараются самую конституціон-

[1]) Она перепечатана въ Mélanges politiques et historiques. 1869. Ссылаюсь на это изданіе.

ную власть короля, съ помощью хартіи, обратить въ орудіе своихъ цѣлей. Для этого ссылаются на принципъ парламентскаго правленія, въ силу котораго безотвѣтственный король долженъ предоставить все правленіе отвѣтственному министерству; послѣднее же, въ свою очередь, должно состоять въ зависимости отъ большинства палаты. На этомъ стоитъ въ особенности контръ-революціонная партія, которая имѣла большинство въ палатѣ 1815 года, но и революціонная партія держится тѣхъ же началъ.

Въ сущности, это ученіе менѣе всего согласуется съ основными воззрѣніями контръ-революціонной партіи. Оно предполагаетъ, что единственная дѣйствительная власть въ этомъ устройствѣ есть власть выборная. Но это прямо ведетъ къ теоріи народнаго полновластія, теоріи, которая не соглашается съ началами представительнаго правленія. Истинное конституціонное ученіе состоитъ въ томъ, что независимыя другъ отъ друга власти должны соединяться въ дружномъ дѣйствіи. Ни одна изъ нихъ не должна имѣть такого перевѣса надъ другими, чтобы остальныя становились для нея орудіями. Но, съ другой стороны, немыслимо и такое равновѣсіе, которое, сохраняя ихъ раздѣльными, ведетъ только къ постоянной борьбѣ и, наконецъ, къ побѣдѣ сильнѣйшаго элемента надъ слабѣйшими. Власть въ государствѣ должна быть едина. Въ конституціонной монархіи это единство установляется тѣмъ, что высшая, правящая власть, власть королевская, не стоитъ особо, а имѣетъ свой центръ въ самихъ палатахъ, гдѣ она опирается на свою партію и изъ которыхъ она беретъ своихъ министровъ. Оппозиція же имѣетъ задачею внутри самой власти напоминать ей постоянно тѣ границы, которыя она не должна преступать.

Съ этой точки зрѣнія, министерство не облекается властью отдѣльной отъ власти королевской, какъ утверждаютъ и контръ-революціонеры и либералы. Такое раздѣленіе властей не согласно ни съ теоріею представительства, ни съ положительными законами. Министерская власть сама по себѣ не существуетъ; министры получаютъ свою власть только отъ короля и дѣйствуютъ только его именемъ. Представительное правленіе ввѣряется королю, одному королю, имѣющему какъ полноту исполнительной власти, такъ и извѣстное участіе въ законодательствѣ. Значеніе же министровъ заключается въ томъ, что они принимаютъ на себя отвѣтственность за всѣ дѣйствія правительства.

Король признается неприкосновеннымъ, а потому безотвѣтственнымъ. Но эта гарантія не ведетъ къ тому, что онъ остается бездѣятельнымъ; напротивъ, она даетъ ему большую силу и большее обезпеченіе въ исполненіи своей высокой должности. Отвѣтственность же министровъ установлена для того, чтобы эта власть не выходила изъ своихъ предѣловъ. Необходимое условіе дѣйствія состоитъ въ томъ, чтобы король нашелъ людей, которые приняли бы на себя всю отвѣтственность за управленіе. Во имя этой отвѣтственности министры могутъ противиться волѣ короля; если они не могутъ съ нимъ согласиться, то они всегда имѣютъ возможность удалиться отъ дѣлъ и уступить свое мѣсто другимъ.

Съ той же точки зрѣнія слѣдуетъ разрѣшить и вопросъ объ отношеніи большинства къ министерству. Если бы большинство въ палатахъ было незыблемо, то безъ сомнѣнія пришлось бы или передать ему власть или уничтожить представительный порядокъ. Но большинство измѣняется, и правительство можетъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи всѣми зависящими отъ него средствами. Противъ случайнаго большинства оно вооружено правомъ распущенія; оно можетъ вліять и на выборахъ, и это вліяніе вполнѣ законно и всегда имѣетъ мѣсто. Оно необходимо именно для осуществленія той гарантіи, которая установляется представительнымъ порядкомъ. Управленіе государствомъ всегда и вездѣ ввѣряется исполнительной власти, участвующей и въ законодательствѣ; но эта дѣятельность сдерживается въ должныхъ границахъ тѣмъ, что правительству полагается непремѣннымъ условіемъ, чтобы она имѣла за себя большинство палатъ. Для пріобрѣтенія этого большинства оно должно быть вооружено всѣми средствами, и только когда всѣ эти средства истощены, когда принятая система окончательно оказалась несостоятельною, оно можетъ и должно уступить. Истинная цѣль представительныхъ учрежденій состоитъ, слѣдовательно, не въ томъ, чтобы подчинить правительство всѣмъ колебаніямъ большинства и тѣмъ сдѣлать его игрушкою партій, а въ томъ, чтобы заставить его быть достаточно справедливымъ, мудрымъ и умѣлымъ, чтобы сохранить большинство, несмотря на колебаніе партій. Пока оно держится въ должныхъ предѣлахъ, оно всегда можетъ быть увѣрено въ успѣхѣ (стр. 1—50).

Нельзя не замѣтить, что въ этихъ мысляхъ Гизо есть нѣкоторая неясность. Онъ противополагаетъ правленію большинства потребность

единства власти, которое ведетъ къ тому, что правительство не отдѣляется отъ палатъ, а дѣйствуетъ посредствомъ нихъ, стараясь пріобрѣсти себѣ большинство. Но если пріобрѣтеніе большинства составляетъ необходимое условіе управленія, то окончательно направленіе политики рѣшается волею этого большинства. Совершенно справедливо, что правительство не должно слѣдовать за всѣми случайными колебаніями партій. Противъ случайныхъ увлеченій и коалицій оно вооружено правомъ распущенія и возможностью законнымъ путемъ дѣйствовать на выборы. Но если за всѣмъ тѣмъ большинство оказывается противъ него оно должно уступить; слѣдовательно, оно должно отказаться отъ прежней своей политики и взять другія орудія изъ той самой партіи, которой оно старалась прежде противодѣйствовать всѣми средствами. А такъ какъ пораженіе прежней политики не можетъ быть пораженіемъ безотвѣтственнаго короля, и направленіе новой политики точно также является выраженіемъ мыслей правительства, какъ и прежняго, то очевидно, что конституціонный король не долженъ имѣть *своей* политики. Конституціонный король ставится выше перемѣны партій; онъ долженъ одинаково относится ко всѣмъ партіямъ, предоставляя имъ управлять поочередно, когда онѣ имѣютъ за себя большинство, и воздерживая ихъ только, когда ихъ стремленія противорѣчатъ благу государства. «Представительный порядокъ, говоритъ самъ Гизо въ другомъ мѣстѣ, имѣетъ цѣлью, по общему признанію, предупредить великія политическія потрясенія, превративши въ министерскіе вопросы различныя системы управленія. Онъ организуетъ партіи, даетъ имъ дисциплину, указываетъ имъ мѣста, и ставитъ престолъ выше ихъ борьбы» [1]). Это и есть смыслъ извѣстнаго изреченія: «король царствуетъ, а не управляетъ». Справедливо, что въ наилучше устроенномъ представительномъ правленіи мысль и воля короля всегда представляютъ элементъ, съ которымъ надобно считаться [2]); но это — элементъ сдерживающій, а не движущая пружина управленія, которая переносится въ отвѣтственное министерство. Желаніе поддержать королевскую власть въ ея борьбѣ съ нерѣдко крамольными партіями, привело Гизо къ тому, что онъ остался при туманномъ представленіи о необходимомъ един-

---

[1]) Du gouvernement de la France depuis la Restauration et du ministère actuel, ch. VIII (4-ea ed. p. 213).

[2]) De la session de 1828. Mélanges politiques, стр. 486—487.

ствѣ власти и не вывелъ изъ этого начала естественно вытекающихъ изъ него послѣдствій при конституціонномъ порядкѣ. Справедливо, однако, что такое положеніе королевской власти не вездѣ возможно. Гизо указываетъ на то, что въ Англіи, вслѣдствіе долговременнаго дѣйствія политической свободы, партіи упрочились, потеряли характеръ, враждебный существующему порядку и расходятся только на счетъ второстепенныхъ вопросовъ политики. Во Франціи, напротивъ, господствуетъ взаимная вражда общественныхъ силъ, которыя борются съ величайшимъ ожесточеніемъ. Тутъ правительство не можетъ отдаться ни той, ни другой, а должно становиться въ нейтральное положеніе между обѣими, стараясь составить себѣ нейтральное положеніе во имя общаго блага. Въ настоящее время, говоритъ Гизо, цѣлью должно быть утвержденіе и полное и правильное дѣйствіе королевской власти; всѣ интересы и страсти, угрожающіе счастію Франціи, угрожаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и королевской власти; она одна можетъ ихъ воздержать; а потому надобно соединиться около нея, съ тѣмъ, чтобы, увѣренная въ своей силѣ, она могла свободно располагать своими средствами [1]).

Королевская власть, на которую старался опереться Гизо, не могла однако удержаться въ своемъ нейтральномъ положеніи. Скоро и она увлечена была борьбою партій, которая во времена Реставраціи составляла преобладающее явленіе во французскомъ обществѣ. Въ то время, какъ Гизо писалъ эти строки, она старалась еще держаться умѣренной середины, противодѣйствуя увлеченіямъ своихъ крайнихъ приверженцевъ. Но съ 1820 года произошла реакція. Гизо, вмѣстѣ съ своими друзьями, былъ исключенъ изъ государственнаго совѣта, къ которому онъ дотолѣ принадлежалъ. Доктринеры слились съ либералами въ общую оппозицію контръ-революціонному министерству. Главная ихъ задача состояла въ томъ, чтобы отстоять новый общественный строй, созданный Революціею, противъ натиска приверженцевъ стараго порядка. Въ этомъ духѣ Гизо написалъ двѣ политическія брошюры: *Объ управленіи Франціи со времени Реставраціи и о настоящемъ министерствѣ* (Du gouvernement de la France depuis la Restauration et du ministère actuel) 1820 года, и *О средствахъ управленія и оппозиціи въ настоящемъ положеніи*

[1]) Mélanges politiques, стр. 59—67.

Гизо не безусловно однако отвергаетъ всякія привилегіи. Онъ признаетъ, что во всякомъ значительномъ и сложномъ обществѣ необходимо создать нѣкоторыя высокія положенія, изъятыя отъ борьбы страстей и отъ подвижныхъ человѣческихъ дѣлъ. Возложенныя на правительство обязанности требуютъ постоянства силъ, которыя должны стоять твердо и безопасно, безъ чего въ обществѣ происходятъ смуты и борьба. Сюда принадлежатъ наслѣдственность престола, преимущества правъ, наконецъ самыя права депутатовъ. Но такого рода привилегіи, сосредоточенныя на вершинѣ и обставленныя надлежащими гарантіями, становятся полезными силами. Задача политическихъ учрежденій состоитъ именно въ томъ, чтобы ввести ихъ въ должныя границы и дать имъ полезное направленіе, заставляя ихъ дѣйствовать совокупно съ силами другаго рода для достиженія общей цѣли. Таково свойство представительнаго правленія. Король остается неприкосновеннымъ, но съ условіемъ, чтобы онъ имѣлъ отвѣтственныхъ министровъ; первые имѣютъ наслѣдственное положеніе, но королевская власть можетъ всегда увеличить ихъ число новыми назначеніями; депутаты признаются неприкосновенными, но палата всегда можетъ быть распущена. Въ силу этихъ сдержекъ и гарантій, привилегія остается только тамъ, гдѣ она можетъ служить къ добру и принуждена останавливаться тамъ, гдѣ она дѣлается опасною [1]).

Такимъ образомъ, изъ стараго порядка сохраняется то, что совмѣстно съ свободою и правомъ, и что служитъ къ пользѣ государства. Замѣтимъ однако, что эта точка зрѣнія приложима единственно къ конституціонной монархіи. Въ неограниченной монархіи привилегіи имѣютъ гораздо обширнѣйшее значеніе: при недостаткѣ политической свободы, онѣ служатъ, съ одной стороны, охраною права, съ другой стороны, единственною возможною надежною властью. Въ этомъ заключается историческое ихъ призваніе. Начала свободы и права развиваются сначала въ привилегированномъ сословіи, съ тѣмъ чтобы потомъ разлиться на цѣлое общество. Но нѣтъ сомнѣнія, что такое исключительное положеніе, при безправности массы, можетъ подать поводъ къ значительнымъ злоупотребленіямъ. Когда привилегированное сословіе, забывая о своемъ призваніи, дѣйствуетъ

---

[1]) De gouv. de la France etc. Avant-propos de la 3 édit.

исключительно въ виду частныхъ интересовъ, то подобное положеніе дѣла можетъ привести наконецъ къ такой катастрофѣ, какъ Французская революція. Вмѣсто того, чтобы разсмотрѣть вопросъ съ исторической точки зрѣнія, Гизо, въ пылу борьбы, прямо становится на почву новаго порядка и требуетъ признанія законныхъ его завоеваній.

Къ союзу съ этимъ новымъ порядкомъ онъ призываетъ старую монархію. Одинаково отвергая и божественное право королей и народное полновластіе, въ которомъ онъ видитъ только проявленіе силы, онъ признаетъ законнымъ только верховенство разума, права и правды, и полагаетъ преимущество представительнаго порядка въ томъ, что онъ всего болѣе обезпечиваетъ господство этого верховнаго закона. Но именно потому, что этотъ порядокъ установляетъ владычество права, онъ требуетъ, чтобы это начало прилагалось не только къ обществу, но и къ правительству. Мало того, что каждый человѣкъ пользуется свободою, какъ законнымъ своимъ правомъ, надобно, чтобы самая власть была облечена законнымъ правомъ повелѣвать. Въ этомъ состоитъ значеніе наслѣдственной монархіи; она возводитъ право на престолъ, съ тѣмъ чтобы это начало было распространено всюду. Но это право должно быть взаимно: гдѣ нѣтъ взаимности правъ, тамъ право обращается въ тираннію. При взаимности, напротивъ, права держатся другъ другомъ и связываются съ высшимъ началомъ, изъ котораго они истекаютъ, изъ начала обязанности. Только тамъ, гдѣ права гражданъ и законная монархія тѣсно связаны, общество прочно, и правленіе становится правильнымъ. Такого рода учрежденія невозможно импровизировать. Ни законный монархъ, ни свободный народъ не создаются по произволу. Всѣ учрежденія въ своемъ началѣ проистекаютъ изъ силы; только время даетъ имъ законное освѣщеніе и превращаетъ силу въ право. Поэтому, когда существуетъ законная власть, созданная вѣками, было бы безуміемъ ее отвергнуть, тѣмъ болѣе что законная власть представляетъ нейтральное начало, которое не связано непремѣнно съ тѣмъ или другимъ порядкомъ вещей. И революція и контръ-революція стараются перетянуть ее къ себѣ; но, издавши хартію, они тѣмъ самымъ заключили уже союзъ съ революціею, которой всѣ законныя пріобрѣтенія признаны этимъ актомъ. Этой почвы и слѣдуетъ держаться, не отступая отъ нея ни на шагъ [1]).

[1]) Du gouv. de la France etc. ch. VII.

Въ другомъ сочиненіи Гизо обсуждаетъ средства, которыя правительство имѣетъ въ рукахъ для управленія Франціею. Эти средства не заключаются только въ орудіяхъ власти; въ нихъ нѣтъ недостатка. Истинными средствами управленія служатъ силы, лежащія въ самомъ обществѣ и могущія быть опорою власти. Для того чтобы пользоваться ими, правительство должно дѣйствовать не на отдѣльныя только лица, но и на массы. Оно должно имѣть въ виду различныя въ обществѣ мнѣнія, интересы и страсти. Утверждаютъ обыкновенно, что существующіе мнѣнія, интересы и страсти, составляющіе наслѣдіе революціи, не поддаются управленію. Но это происходитъ единственно оттого, что правительство не понимаетъ ихъ истиннаго смысла и не умѣетъ съ ними ладить.

Мнѣнія, унаслѣдованныя отъ революціи, сводятся къ тремъ началамъ: къ полновластію народа, къ отрицанію всякой аристократіи и, наконецъ, къ низведенію правительства на степень простаго служителя общества, котораго дѣятельность должна быть воздена въ возможно тѣсныя границы. Первое начало никѣмъ уже не принимается нынѣ въ смыслѣ принадлежности верховной власти всей массѣ граждáнъ: это ведетъ къ признанію непогрѣшимости или абсолютнаго права большинства, что противорѣчитъ справедливости и здравому смыслу. Въ настоящее время теорія народнаго полновластія ограничивается требованіемъ, чтобы правительство установлялось и дѣйствовало во имя общихъ, а не частныхъ интересовъ. Въ этомъ смыслѣ эта теорія не имѣетъ въ себѣ ничего такого, что бы могло грозить опасностью правительству, основывающему свое право единственно на разумѣ и правдѣ и постоянно готовому доказывать свою законность. Точно также и второе начало, отвергающее аристократію, очистилось отъ того фанатическаго стремленія къ невозможному равенству, которое было послѣдствіемъ революціонной борьбы. Въ настоящее время оно означаетъ только, что восходящее и нисходящее движеніе лицъ по общественной иниціативѣ не должно быть поддержано никакими искусственными учрежденіями. Естественное превосходство должно выдвигаться въ силу свободнаго соперничества, которое заставляетъ его постоянно доказывать свое право и мѣшаетъ ему сдѣлаться эгоистическимъ и исключительнымъ, чѣмъ оно неминуемо становится, какъ скоро возвышенное положеніе обставляется юридическими привилегіями. И въ этой теоріи, осно-

ванной на началахъ разума и на чувствѣ правды, нѣтъ ничего, что бы противорѣчило задачамъ здравомыслящаго правительства. Гораздо вреднѣе третье мнѣніе, хотя на него менѣе всего обращаютъ вниманіе. Оно низводитъ правительство на степень простаго служителя общества и старается по возможности стѣснить его дѣятельность. Но правительство есть предводитель общества, а не слуга. Власть должна принадлежать способнѣйшимъ; всѣ революціи, всѣ свободныя учрежденія не имѣютъ иной цѣли. Но способнѣйшіе повелѣваютъ, а не повинуются; иначе исчезаетъ въ нихъ и чувство своего достоинства и увѣренность въ своей силѣ. Правительство въ свободномъ государствѣ должно постоянно доказывать свое превосходство; но оно должно имъ пользоваться, а не отрекаться отъ себя и не унижать своего высокаго положенія. Поэтому неумѣстно и стремленіе низвести его дѣятельность до полнаго ничтожества. Безъ сомнѣнія, излишняя регламентація вредна; страсть всѣмъ управлять нигдѣ не имѣетъ такихъ пагубныхъ послѣдствій, какъ во Франціи. Но отрицаніе всякаго правительственнаго вмѣшательства составляетъ другую, столь же вредную крайность. Гдѣ власть можетъ дѣйствовать съ пользою, тамъ она должна дѣйствовать. Ей принадлежитъ иниціатива во всемъ, что касается общественнаго блага. Никто не станетъ и оспаривать этой иниціативы у правительства, которое отвѣчаетъ потребностямъ народа. Недовѣріе происходитъ единственно оттого, что она отъ народа отдѣляется.

Таковы господствующія мнѣнія. Что касается до интересовъ и страстей, возбужденныхъ революціею, то они всѣ направлены къ одному, а именно, къ сохраненію существующаго, ибо въ прошедшей борьбѣ они остались побѣдителями. Слѣдовательно, они вездѣ готовы примкнуть къ правительству, которое даетъ имъ это обезпеченіе [1]).

Гизо говоритъ и о средствахъ, которыя находятся въ рукахъ оппозиціи. Прежде всего, онъ считаетъ вреднымъ такое положеніе вещей, при которомъ вся оппозиція сосредоточена въ палатахъ, а не разсѣяна всюду и не имѣетъ возможности проявляться въ мѣстныхъ, судебныхъ и корпоративныхъ учрежденіяхъ. Вслѣдствіе этого, она принуждена только говорить, а не дѣйствовать; все стараніе

[1]) Des moyens de gouv. etc. ch. VII—X.

ея направлено не къ тому, чтобы сдержать, а къ тому, чтобы низвергнуть министерство. Для этого употребляются всѣ средства; вопросы раздуваются черезъ мѣру. Правительство, съ своей стороны, не встрѣчая противодѣйствія внѣ палатъ, заботится единственно о томъ, чтобы имѣть въ нихъ большинство, а какъ скоро оно одолѣло здѣсь оппозицію, оно погружается въ обманчивую безопасность. Истинная задача оппозиціи состоитъ въ томъ, чтобы не только критиковать систему министерства, но и при случаѣ замѣнить ее другою. Для этого она не должна держаться исключительно оппозиціонныхъ началъ: она должна имѣть свою правительственную систему и быть всегда готовою примѣнить ее на дѣлѣ. Съ этой точки зрѣнія она подвергаетъ критикѣ всѣ дѣйствія министерства; но такъ какъ она въ палатахъ находится въ меньшинствѣ, то она неизбѣжно должна обращаться къ странѣ, чтобы въ ней пріобрѣсти большинство, которое впослѣдствіи перейдетъ и въ палаты. Но здѣсь кончается ея право: если она взываетъ къ фактическому сопротивленію законамъ, изданнымъ большинствомъ, она выходитъ изъ должныхъ границъ и становится революціонною (ch. XIV—XV).

На этихъ началахъ законнаго противодѣйствія Гизо настаивалъ и въ то время, какъ онъ сдѣлался главою управленія при орлеанской династіи. Извѣстно, что попытка сочетать Реставрацію съ Революціею не удалась. Законная монархія стала на сторону стараго порядка, и была побѣждена вмѣстѣ съ нимъ. То высшее сочетаніе закона и свободы въ конституціонномъ правленіи, о которомъ мечтали и либералы и доктринеры, осуществилось при младшей линіи того же королевскаго дома, который столько вѣковъ правилъ Франціею. Гизо, который въ теоріи былъ однимъ изъ главныхъ защитниковъ основанной на парламентскомъ правленіи власти, былъ призванъ къ практическому приложенію своихъ началъ. Но тутъ оказалось, что вся его система покоилась на слишкомъ узкомъ основаніи. Онъ вполнѣ понималъ потребности парламентскаго правленія, но упускалъ изъ виду, что это правленіе должно быть выраженіемъ дѣйствительныхъ потребностей народа. Вся парламентская борьба происходила въ темномъ кругу такъ называемой «законной страны» (pays légal), то-есть, небольшаго числа избирателей. Внѣ этого круга находились цѣлые классы, принимавшіе живое участіе въ политическихъ вопросахъ, и однако исключенные изъ политическихъ правъ.

Необходимость ввести въ систему парламентскихъ учрежденій весь политическій элементъ народа, не сознавалась первымъ министромъ, который въ этомъ отношеніи слишкомъ поддавался опасеніямъ короля. Тѣ свѣтлые взгляды, которые самъ Гизо нѣкогда развивалъ по поводу избирательной системы въ Англіи, были преданы забвенію. Онъ не хотѣлъ знать то, что онъ самъ нѣкогда провозглашалъ: «публика, народъ, страна, вотъ гдѣ лежитъ сила, тутъ только слѣдуетъ и брать» (ch. VII). Результатомъ этой политики было то, что масса общества перестала видѣть въ парламентѣ выраженіе истинныхъ своихъ потребностей. Она смотрѣла на конституціонныя учрежденія, какъ на исключительное достояніе привилегированнаго кружка избирателей. Не получившіе законнаго простора живыя политическія силы сдѣлались революціонными. Искусственно воздвигнутое парламентское зданіе рухнуло вслѣдствіе напора внѣшнихъ элементовъ, а вмѣстѣ съ нимъ пала и монархія. Прошедши весь циклъ политическихъ началъ въ формѣ конституціонной монархіи, Франція стала на новую, чисто демократическую почву.

Съ своимъ паденіемъ Гизо не отказался однако отъ своего прежняго образа мыслей. Въ новомъ сочиненіи: *О демократіи во Франціи* (De la démocratie en France), изданномъ въ 1849 году, онъ старался указать на всѣ темныя стороны новаго порядка. Это было послѣднее его произведеніе на поприщѣ публицистики.

Гизо хочетъ стать на точку зрѣнія чуждую его личнаго положенія. Его смущаетъ только положеніе отечества. По его мнѣнію, коренное зло, которымъ оно страдаетъ, и которое подтачиваетъ и всѣ его правительства и его свободу, состоитъ въ идолопоклонствѣ передъ демократіей (Introd.). Если досел‍ѣ французская революція породила только смуты и сомнѣнія, то причина этого явленія заключается въ томъ смѣшеніи истиннаго и ложнаго, честнаго и извращеннаго, возможнаго и химерическаго, которое проявляется и въ идеяхъ, и въ правительствахъ, и въ учрежденіяхъ. Весь этотъ хаосъ скрывается подъ словомъ: *Демократія*. Всѣ къ ней взываютъ и хотятъ себѣ ее усвоить, и монархисты, и республиканцы, и соціалисты. Это—знамя всѣхъ надеждъ и всѣхъ честолюбій, благородныхъ и низкихъ, разумныхъ и нелѣпыхъ. Въ человѣкѣ, какъ существѣ несовершенномъ, рядомъ съ добрыми наклонностями всегда идутъ дурныя. Демократія же взываетъ ко всѣмъ имъ; она возбуждаетъ всѣ

страсти и обѣщаетъ имъ удовлетвореніе. Это, можно сказать, разнузданность всей человѣческой природы, во всѣхъ ея глубинахъ. Въ этомъ состоитъ тайна ея силы. Демократія не есть явленіе новое; но въ прежнія времена оно было мѣстнымъ и частнымъ. Теперь же общество подверглось полному объединенію; всѣ старыя преграды пали. А потому доисторическія идеи разливаются всюду, не встрѣчая препятствій. Вездѣ кипитъ борьба, непрерывная и неизбѣжная (ch. I).

Многихъ эта борьба не пугаетъ. Они воображаютъ, что предоставленная себѣ, человѣческая природа идетъ къ добру. По ихъ мнѣнію, все зло проистекаетъ отъ правительствъ, которыя насилуютъ и извращаютъ человѣка. Свобода же сама собою исправляетъ зло, а потому можетъ служить всеобщимъ лѣкарствомъ. Другіе идутъ еще далѣе: они утверждаютъ, что нѣтъ естественнаго зла, что всѣ наклонности человѣка добры; онѣ извращаются лишь потому, что не могутъ достигнуть своей естественной цѣли. Но нужно только организовать общество такъ, чтобы всѣ наклонности находили свое законное удовлетвореніе, и зло исчезнетъ и борьба сама собою прекратится (ch. II, стр. 15—16).

Первые, говоритъ Гизо, не знаютъ человѣка, вторые не знаютъ человѣка и отрицаютъ Бога. Внимательное наблюденіе человѣческой природы показываетъ, что въ ней происходитъ непрестанная борьба добра и зла. Человѣкъ призванъ къ тому, чтобы выйти изъ нея побѣдителемъ, и эта честь принадлежитъ его свободѣ. Но побѣда невозможна, если онъ не имѣетъ яснаго понятія и глубокаго чувства окружающихъ его опасностей, а вмѣстѣ своей слабости и необходимой ему помощи. Воображать, что для этого достаточна свобода, предоставленная самой себѣ, есть глубокое заблужденіе, проистекающее изъ гордости и парализующее всѣ силы, необходимыя для установленія порядка въ человѣческихъ отношеніяхъ. Ибо борьба одна и таже въ обществѣ, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ. И тутъ, рядомъ съ благородными стремленіями и возвышенными чувствами, является масса безумныхъ мыслей, грубыхъ страстей и извращенныхъ фантазій, готовыхъ все погубить. Поэтому, первая обязанность всякаго правительства состоитъ въ томъ, чтобы противодѣйствовать злу, не только въ его внѣшнихъ проявленіяхъ, но и въ самомъ его корнѣ, въ порождающихъ его мысляхъ и страстяхъ.

Между тѣмъ, демократическія правительства обыкновенно довольствуются пресѣченіемъ внѣшнихъ безпорядковъ и сами поддерживаютъ ихъ источникъ, расточая лесть страстямъ, изъ которыхъ они происходятъ. Это и ведетъ ихъ къ погибели. Для подтвержденія своихъ взглядовъ Гизо указываетъ, съ одной стороны, на Наполеона, который, хотя былъ деспотъ, но понималъ потребности власти и порядка, съ другой стороны на Вашингтона, который, будучи главою демократической республики, былъ глубоко проникнутъ правительственнымъ духомъ и всю свою жизнь боролся противъ любимыхъ идей и страстей демократіи. Онъ зналъ, что въ республикѣ, также какъ въ монархіи, нельзя управлять снизу вверхъ (ch. II).

Гизо заявляетъ свое уваженіе къ республиканской формѣ. Онъ признаетъ, что само по себѣ это—благородный образъ правленія. Онъ вызывалъ великія добродѣтели и руководилъ судьбами великихъ народовъ. Но республиканское правленіе имѣетъ тоже назначеніе и тѣже обязанности, какъ и всѣ другія. Оно должно удовлетворять какъ постояннымъ, такъ и текущимъ потребностямъ общества.

Постоянная потребность всякаго общества, и настоящей Франціи въ особенности, состоитъ въ установленіи внутренняго міра. Даетъ ли его демократическая республика? Много говорятъ о единеніи, объ общественномъ братствѣ; но прикрываясь этими высокими словами, внутри кипитъ самая ожесточенная борьба, приведшая къ междоусобной войнѣ, со всѣми ея ужасами. Со времени революціи 1789 года взаимная вражда классовъ, аристократіи и демократіи, мѣщанства и рабочихъ, собственниковъ и пролетаріевъ, не только не улеглась, но кипитъ съ большею силою, нежели когда-либо, къ стыду нашей цивилизаціи. Между тѣмъ, республиканское правленіе, болѣе, нежели какое-либо другое, нуждается въ содѣйствіи всѣхъ гражданъ. Если масса къ нему не привязана, оно не имѣетъ корней; если высшіе классы его отвергаютъ, оно не имѣетъ покоя. Въ обоихъ случаяхъ, чтобы жить, оно должно притѣснять. А это ведетъ къ его паденію. Только тѣ республики прочны, которыя умѣли пріобрѣсти, съ одной стороны, довѣріе массы, съ другой,—опору высшихъ классовъ, и тѣмъ сохранили внутренній міръ. Соединенные Штаты обрѣли это счастіе; но имъ не пользуется французская республика. Самое названіе *демократической республики*, которое она

принимаетъ, есть только отголосокъ стараго боевого крика низшихъ классовъ противъ высшихъ. Тутъ нѣтъ даже признака одной изъ тѣхъ мудрыхъ побѣдъ, которыя надолго упрочиваютъ внутренній міръ. Несмотря на достойныя похвалы старанія стоявшихъ во главѣ ея людей удержать ее на этомъ гибельномъ пути, они оказываются безсильны противъ общаго теченія и умѣютъ только повторять старыя ошибки (ch. III).

Еще несравненно хуже соціальная республика, которая обѣщаетъ разрѣшить всѣ вопросы и воображаетъ, что часъ ея насталъ. И эти мысли не новы; но прежде онѣ проявлялись только мимолетно и случайно; теперь же онѣ смѣло выступаютъ на сцену и предъявляютъ всѣ свои притязанія. Что же въ нихъ заключается? Основная мысль, которая выдѣляется изъ ученій теоретиковъ соціализма, состоитъ въ томъ, что всѣ люди имѣютъ равное право на счастіе, то-есть, на наслажденіе всѣми земными благами, безъ иныхъ границъ, кромѣ потребности и возможности. Между тѣмъ, большая часть этихъ благъ сдѣлалась исключительною собственностью нѣкоторыхъ людей и классовъ. Такая конфискація общаго достоянія въ пользу немногихъ противна основному праву человѣка; слѣдовательно надобно уничтожить личную собственность. Какъ это сдѣлать, на счетъ этого мнѣнія соціалистовъ расходятся; но идея, лежащая въ основаніи, у всѣхъ одна и таже.

Но представляя такое требованіе, говоритъ Гизо, соціалисты забываютъ, что человѣкъ, это—не единичное только существо, а человѣческій родъ, который имѣетъ совокупную жизнь и общее и прогрессивное призваніе. Въ этомъ состоитъ отличительная черта человѣка и его величіе. Слѣдующія одно за другимъ поколѣнія связаны другъ съ другомъ и передаютъ преемственно свои преданія и свое достояніе. Этимъ установляется то постоянное единство, а вмѣстѣ и то прогрессивное движеніе, изъ которыхъ вытекаютъ семейство и государство, собственность и наслѣдство, отечество, исторія, однимъ словомъ всѣ явленія и всѣ чувства, которыя образуютъ постоянную и продолжающуюся жизнь человѣчества. Между тѣмъ, соціальная республика все это уничтожаетъ. Она видитъ въ людяхъ единичныя и мимолетныя существа, которыя являются на землѣ лишь затѣмъ, чтобы обрѣсти на ней наслажденія, каждый для себя, безъ всякой иной цѣли. Это именно состояніе животныхъ. Соціальная респуб-

лика низводитъ человѣка къ ихъ уровню; она уничтожаетъ человѣческій родъ.

Она уничтожаетъ еще большее. Несокрушимый инстинктъ человѣческаго рода говоритъ ему, что Богъ руководитъ его судьбами, и что его назначеніе не ограничивается настоящею жизнью. Для теоретиковъ соціализма, напротивъ, Богъ есть только воображаемое существо, во имя котораго страдающимъ и униженнымъ проповѣдуютъ покорность своей земной судьбѣ, въ надеждѣ получить награду на небѣ. Они провозглашаютъ, что Богъ есть зло, ибо во имя Его покоряются злу на землѣ. Чтобы устранить земное зло, надобно изгнать понятіе о Богѣ изъ человѣческаго ума. Тогда массы, уже не сдержанныя ничѣмъ, захотятъ насладиться земными благами, и онѣ этого достигнутъ, ибо онѣ сильнѣйшія.

Такова философія соціальной республики. Гизо не считаетъ нужнымъ ее опровергать; это было бы оскорбленіемъ здраваго смысла. Такой взглядъ есть униженіе человѣка, а вмѣстѣ и уничтоженіе общества, ибо всякое общество зиждется на тѣхъ основаніяхъ, которыя соціальная республика стремится ниспровергнуть. Она и ненавистна и невозможна. Это самая нелѣпая и самая превратная изъ химеръ. На этомъ, однако, нельзя успокоиться. Нѣтъ ничего опаснѣе того, что вмѣстѣ сильно и невозможно. А соціальная республика сильна, ибо она пользуется всѣми средствами свободы, чтобы внушить массамъ идеи, которыя онѣ не въ состояніи разобрать; онѣ взываютъ къ ихъ страстямъ во имя призраковъ истины и справедливости. И мы не въ правѣ на это сѣтовать, ибо мы сами поддерживаемъ источникъ пожара и тѣмъ придаемъ соціальной республикѣ главную ея силу. Хаосъ, который господствуетъ въ умахъ и въ политическихъ нравахъ и который скрывается подъ словами *демократія*, *равенство*, *народъ*, ниспровергаетъ передъ нею всѣ преграды и открываетъ передъ нею всѣ двери. Говорятъ, что демократія есть все; приверженцы соціальной республики отвѣчаютъ: «демократія, это—мы». Провозглашаютъ равенство правъ и верховенство числа; они отвѣчаютъ: «сочтите насъ»! Побѣдить эту опасность можно только выясненіемъ понятій. Надобно, чтобы общество зрѣло и трезво смотрѣло на вещи, видѣло ихъ, какъ онѣ есть, и держалось въ своихъ мысляхъ, также, какъ и въ своихъ дѣйствіяхъ, той твердой умѣренности, которая устраняетъ всякія фантазіи, при-

знаетъ всѣ необходимости, уважаетъ всѣ права, оказываетъ вниманіе всѣмъ интересамъ и пресѣкаетъ всѣ захваты, идущіе снизу, также какъ и сверху, порождаемые фанатизмомъ, также какъ и эгоизмомъ. Черезъ это, соціальная республика не исчезнетъ, ибо она питается стремленіями, которыхъ нельзя уничтожить; но она перестанетъ быть опасною и мало-по-малу она войдетъ въ надлежащую колею и займетъ свое мѣсто въ великомъ прогрессивномъ движеніи человѣчества (ch. IV).

Какъ же этого достигнуть? Первый шагъ, необходимый для того, чтобы выйти изъ господствующаго хаоса, состоитъ въ признаніи всѣхъ дѣйствительныхъ и существенныхъ элементовъ общества, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ нынѣ во Франціи.

Прежде всего надобно обратить вниманіе на гражданское общество, составляющее основаніе всего общественнаго строя. Въ составъ его входятъ: семейство; собственность въ различныхъ ея видахъ; трудъ въ разнообразныхъ проявленіяхъ, и наконецъ общественныя положенія, которыя вытекаютъ изъ отношеній семейства, собственности и труда. Характеристическая особенность гражданскаго общества во Франціи, это—единство законовъ и равенство правъ; это—новый и великій фактъ во всемірной исторіи. Но среди этого единства и этого равенства правъ существуютъ глубокія неравенства, порождаемыя самымъ движеніемъ элементовъ гражданскаго общества. Въ области собственности есть богатые и бѣдные, есть крупная, средняя и мелкая собственность. Въ области труда являются самыя разнообразныя ступени, отъ вершинъ умственнаго труда до самой обыкновенной ручной работы. Иначе и не можетъ быть, ибо это—условіе всякой общественной жизни. Съ тѣхъ поръ какъ общества существуютъ, въ нихъ всегда выдѣлялись три главныхъ типа общественныхъ положеній: люди живущіе своими доходами; люди, стремящіеся увеличить свое достояніе собственнымъ трудомъ, наконецъ люди, живущіе исключительно плодами своего труда. Это—фактъ міровой, являющійся при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Затѣмъ, каждый изъ этихъ разрядовъ, въ свою очередь, распадается на болѣе мелкія различія. Въ собственности является различіе движимой и недвижимой собственности, имѣющихъ каждая свои свойства. Первая, въ формѣ капитала, получаетъ въ наше время все большее значеніе и становится главнымъ источникомъ богатства; тѣмъ не менѣе, вто-

рая, въ силу несокрушимыхъ стремленій человѣка, сохраняетъ свое преобладающее значеніе. Тоже самое мы видимъ и въ области труда. Уваженіе къ труду, признаніе его великимъ факторомъ общественной жизни, составляетъ славу новыхъ обществъ. Какою же роковою силою это великое начало сдѣлалось боевымъ крикомъ, источникомъ смутъ и потрясеній? Дѣло въ томъ, что оно прикрываетъ гнусную ложь. Тѣ, которые выставляютъ это знамя, имѣютъ въ виду вовсе не интересы труда, какъ онъ есть, а низведеніе его къ самому низменному уровню. Трудъ, какъ и всѣ великія начала, управляется человѣческою жизнью, имѣетъ свои естественные законы, въ числѣ которыхъ находится неравенство работы трудящихся, проистекающее изъ безконечнаго разнообразія задачъ и способностей. Умственный трудъ гораздо выше физическаго; и въ томъ и въ другомъ есть безчисленные оттѣнки и ступени. Между тѣмъ, именно этого закона не хотятъ признать теоретики соціализма. Все ихъ вниманіе устремлено на самый простой матеріальный трудъ; рабочимъ внушаютъ мысль, что они одни достойны этого имени и обладаютъ всѣми правами. Этимъ понижается общій уровень и превозносится человѣческая гордость. У труда отнимаются истинныя его права, которыя замѣняются претензіями нелѣпыми и низкими, несмотря на ихъ нахальство.

За гражданскимъ обществомъ слѣдуетъ общество политическое. Составными его элементами, среди свободнаго народа, являются партіи, въ обширномъ смыслѣ слова. Оффиціально, во Франціи нѣтъ иныхъ партій, кромѣ правительственной и оппозиціонной. Но подъ этимъ скрываются физическія отношенія, которыя имѣютъ глубокія корни въ прошломъ, и которыя невозможно уничтожить, а потому необходимо признать. Легитимисты не суть только династическая партія, это—остатокъ элементовъ, нѣкогда преобладавшихъ во французскомъ обществѣ. Революція могла ихъ низвергнуть, но не могла ихъ уничтожить, и нынѣ они существуютъ, примѣняясь къ новымъ условіямъ, но не отказываясь отъ своего прошлаго. Такова же и партія, которая поддерживала Іюльскую монархію, и которая составлялась главнымъ образомъ изъ среднихъ классовъ. И она сослужила Франціи великую службу. Несмотря на свои заблужденія, за которыя они такъ жестоко поплатились, эти классы во всѣ эпохи давали отечеству цѣлыя поколѣнія даровитыхъ и преданныхъ людей,

и когда они стали во главѣ правленія, они честно поддерживали конституціонный порядокъ, охраняли свободу и миръ. Вокругъ этихъ старыхъ партій бродитъ колеблющаяся масса народа, на которую постоянно дѣйствуютъ соціалисты всѣхъ оттѣнковъ. Послѣдніе не составляютъ политической партіи, ибо у нихъ нѣтъ политической программы. Цѣль ихъ—разрушеніе существующаго порядка; анархія есть то начало, къ которому они направляютъ народъ. Если они признаютъ себя республиканцами, то это происходитъ единственно оттого, что они въ республикѣ скорѣе надѣются проводить свои мысли.

Въ результатѣ оказывается, что во Франціи старое перемѣшивается съ новымъ. Подъ началами единства и равенства скрываются глубоко различныя и неравныя общественныя положенія. Нѣтъ іерархически организованнаго общества, но есть различные классы, которыхъ нельзя уничтожить. Ихъ существованіе есть фактъ, который слѣдуетъ признать. Надобно только устроить такъ, чтобы они могли мирно уживаться другъ съ другомъ. Старая аристократія, средніе классы и народъ, не должны стремиться къ уничтоженію другъ друга. Пускай они соперничаютъ въ борьбѣ за вліяніе; пускай каждая партія охраняетъ свое положеніе и свое право; но всякая радикальная вражда должна прекратиться: они должны жить рядомъ, въ правительствѣ, также какъ и въ гражданскомъ обществѣ. Это—первое условіе внутренняго міра; отъ этого зависитъ вся будущность Франціи. Какъ же этого достигнуть? (ch. V, ch. VI, стр. 100).

Въ политическомъ отношеніи нужно такое устройство правительства, въ которомъ всѣ найдутъ свое мѣсто и которое дастъ имъ вмѣстѣ удовлетвореніе и границы. На счетъ этого въ наше время ходятъ самыя превратныя мысли. Утверждаютъ, что такъ какъ существуетъ одинъ народъ, то во главѣ его должна стоять одна власть. Это—мысль революціонная и деспотическая по преимуществу; это—Людовикъ XIV и Конвентъ, которые оба говорятъ: «государство—это я». Народъ не есть только собраніе единицъ, представляемыхъ единымъ лицомъ или собраніемъ. Народъ есть организованное тѣло, составленное изъ различныхъ элементовъ, которые всѣ должны имѣть представителей въ центрѣ. Это же значитъ, что общество составляетъ союзъ различныхъ классовъ, профессій и мнѣній, которые черезъ отдѣльныхъ представителей должны совѣщаться объ общихъ

дѣлахъ. Общественное единство требуетъ, чтобы было одно правительство; но разнообразіе общественныхъ элементовъ требуетъ, чтобы это правительство не состояло изъ единой власти. Противъ этого говорятъ, что при свободныхъ выборахъ всѣ эти элементы найдутъ свое мѣсто въ единомъ собраніи, гдѣ при свободныхъ преніяхъ каждый получаетъ подобающую ему долю въ общихъ рѣшеніяхъ; это значитъ не вѣдать человѣческой природы. Въ обществѣ есть интересы консервативные и прогрессивные. Какъ тѣ, такъ и другіе не будутъ имѣть гарантіи, если рѣшеніе предоставлено единому собранію, въ которомъ преобладаетъ интересъ противоположный. Гарантія возможна только при томъ условіи, чтобы каждый имѣлъ свою собственную власть и могъ стоять за себя. Иначе будутъ только постоянныя колебанія между различными тиранніями. Всѣми признается необходимость раздѣленія власти въ подчиненныхъ сферахъ; но различіе общественныхъ интересовъ требуетъ, чтобы это раздѣленіе простиралось на самыя вершины государства. И для того, чтобы это раздѣленіе было дѣйствительно необходимо, чтобы каждая изъ этихъ властей была крѣпко организована и способна охранять свое положеніе. Въ настоящее время ищутъ гарантій въ слабости властей. Это глубокое заблужденіе. Всякая слабая власть обречена на погибель. При слабыхъ властяхъ одна изъ нихъ непремѣнно возобладаетъ надъ другими. Результатомъ такого устройства можетъ быть только анархія или тираннія. Вся сила англійской конституціи состоитъ въ томъ, что въ составъ ея входятъ крѣпкія власти. Во Франціи самые твердые приверженцы конституціонной монархіи требовали для нея монархію съ древнею и историческою основою, наслѣдственную перію и палату, непосредственно избираемую народомъ. Тѣхъ же началъ держались и основатели сѣверо-американской республики. Они во главѣ государства поставили различныя и крѣпко организованныя власти. Эти начала должны распространяться и на всю страну, на всѣ области управленія. Централизація оказала Франціи великія услуги; но ея недостаетъ на современныя потребности. Теперь борьба кипитъ вездѣ, и вездѣ различные общественные элементы должны принимать живое участіе въ общественныхъ дѣлахъ, при собственной дѣятельности и подъ собственною отвѣтственностью.

Все это, конечно, относится къ свободному правленію, а не къ неограниченной власти. Но и послѣдняя имѣетъ свои условія, кото-

рыя даютъ ей прочность. Народы, которымъ угрожаетъ анархія, всегда готовы броситься въ объятія абсолютной власти, и эта готовность отказаться отъ своихъ правъ составляетъ одну изъ самыхъ постыдныхъ сторонъ человѣческой природы. Но Франція, въ какой бы она ни находилась опасности, не должна разсчитывать на абсолютную власть для своего спасенія; ея ожиданія были бы обмануты. Въ старомъ французскомъ обществѣ абсолютная монархія находила условія умѣренности и прочности; при Наполеонѣ I она имѣла элементы силы, которые теперь не существуютъ. Военная диктатура, также какъ и тираннія народа могутъ быть только временными пособіями, но не прочными правительствами. Либеральныя учрежденія въ настоящее время столь же необходимы для общественнаго мира, какъ и для достоинства лицъ. Великое демократическое движеніе, которое побуждаетъ всѣхъ людей и всѣ классы думать, стремиться, дѣйствовать и развиваться во всѣхъ отношеніяхъ, не можетъ быть подавлено. Это—фактъ, съ которымъ надобно считаться. А если нельзя его уничтожить, то надобно сдержать его въ должныхъ границахъ и направить его на настоящій путь. Для этого необходимо, чтобы демократія играла большую роль въ государствѣ, но не была бы всѣмъ; чтобы она могла всегда возвышаться, но не могла бы унижать все, что не она сама; чтобы она вездѣ находила и выходъ и преграды. Иначе демократія себя погубитъ и Францію съ собою (ch. VI).

Недостаточно однако хорошей организаціи властей для водворенія внутренняго мира. Необходима со стороны самого народа извѣстная мѣра мудрости и добродѣтели. Глубоко заблуждаются тѣ, которые вѣрятъ въ верховную силу политической механики. Человѣческая свобода играетъ великую роль въ общественныхъ дѣлахъ, и отъ людей зависитъ окончательно успѣхъ учрежденій. Въ 1789 г. французское общество одушевлено было однимъ великимъ чувствомъ, которое унесло передъ собою всѣ преграды; это чувство было восторженное поклоненіе человѣчеству, безконечная вѣра въ его силы и развитіе. Скоро однако опять охладилъ этотъ пылъ; любовь къ человѣчеству привела къ междоусобной войнѣ и къ плахѣ. Всѣ надежды исчезли, какъ призраки. Въ настоящее время революціонеры стараются подогрѣть эти чувства, но напрасно. Францію нельзя вернуть къ 89-му году. Опытъ слишкомъ жестоко покаралъ эти надеж-

ды; въ изсякшихъ источникахъ общество не почерпнетъ новой жизни. Революціонный духъ производитъ только шумъ, а не движеніе, онъ не въ состояніи пробудить вѣрованіе, а можетъ только распространить сомнѣнія и недоумѣнія. Нужны другія нравственныя силы, чтобы вывести общество изъ настоящаго его положенія.

Первая есть семейный духъ. Семейство составляетъ первый и коренной элементъ общества; онъ же и послѣдняя его защита въ такое время, когда все становится подвижнымъ и преходящимъ. Здѣсь находятъ свой пріютъ тѣ преданія, чувства и добродѣтели, которыя могутъ служить противовѣсомъ безпорядочному движенію современныхъ обществъ.

Вторая есть духъ политическій, который существенно состоитъ въ томъ, чтобы хотѣть и умѣть принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ и играть въ нихъ свою роль правильно, безъ употребленія силы. Для этого надобно видѣть вещи, какъ онѣ есть, а не такъ, какъ мы хотимъ ихъ видѣть; надобно также научиться желать только возможнаго. Этимъ политическій духъ возвышается къ тому, что составляетъ основной его законъ и главное его достоинство—къ уваженію права, единственной основы общественной устойчивости, ибо внѣ права есть только сила, по существу своему измѣнчивая и преходящая. А съ уваженіемъ права связано и уваженіе къ основному его источнику—къ закону и къ власти его прилагающей. Этимъ устанавливается нравственное начало прочности въ отношеніяхъ людей и нравственное начало авторитета въ управленіи государствомъ.

Однако, ни духъ семейный, ни духъ политическій не въ состояніи были бы исполнить свою задачу безъ помощи высшаго начала—духа религіознаго, ибо религія одна говоритъ одинаково всѣмъ людямъ, высшимъ и малымъ, счастливымъ и несчастнымъ. Ея органы находятся вездѣ, во дворцахъ и въ хижинахъ, какъ совѣтники и утѣшители. Никакая другая сила не сдѣлала столько для поднятія нравственнаго достоинства и для самыхъ дорогихъ интересовъ человѣчества. Нѣтъ сомнѣнія, что съ этимъ связаны были и большія злоупотребленія. Отрицать ихъ невозможно; но въ настоящее время ихъ менѣе всего можно опасаться, ибо свѣтскіе элементы всюду являются преобладающими. Они имѣютъ за себя не только учрежденія, нравы, господствующія страсти, но и то общее теченіе идей,

которое неотразимо дѣйствуетъ на человѣческія общества. При такихъ условіяхъ помощь нравственной силѣ, покоящейся на вѣковыхъ основахъ, всюду проникающей и говорящей самымъ глубокимъ человѣческимъ чувствамъ, является неоцѣненною. Но эта помощь требуетъ уваженія и свободы; нѣтъ сомнѣнія, что тутъ могутъ быть столкновенія; необходимо себя оберегать противъ захватовъ. Но это—неизбѣжное условіе совокупнаго дѣйствія. Съ великими нравственными силами нельзя обходиться, какъ съ подозрительными наемниками: надобно брать ихъ, какъ онѣ есть, не покоряясь имъ, но и не порабощая ихъ, не торгуясь съ ними безпрерывно на счетъ ихъ доли, а искренно взывая къ ихъ содѣйствію во имя общественнаго блага. Только этимъ путемъ можно вывести Францію изъ той бездны зла, которая грозитъ ея существованію (ch. VII).

Таково содержаніе брошюры Гизо. Мы привели ее подробно, потому что она составляетъ послѣдній плодъ размышленій великаго историка и крупнаго государственнаго дѣятеля, игравшаго выдающуюся роль въ своемъ отечествѣ. Многое тутъ глубоко и вѣрно, но есть и слабыя стороны, на которыя слѣдуетъ указать. Пониманіе главной задачи правительства въ либеральномъ и прогрессивномъ обществѣ, какъ сопротивленіе злу, нельзя не признать крайне одностороннимъ. Во всякомъ обществѣ, а тѣмъ болѣе при свободныхъ учрежденіяхъ, правительство не должно ограничиваться противодѣйствіемъ тому, что ему кажется зломъ, а должно предусматривать необходимыя измѣненія и руководить общество на пути прогресса. Такова именно была политика англійской консервативной партіи. Она сама предвидѣла нужныя реформы, когда время ихъ созрѣло; этимъ она и сохранила свое выдающееся положеніе, а вмѣстѣ и тѣ учрежденія, которыя служили ей опорой. Напротивъ, Гизо, какъ министръ Іюльской монархіи, ограничился политикой сопротивленія, а это и привело ее къ паденію. Вмѣсто. реформъ произошла революція.

Что касается до устройства демократической республики, то Гизо вѣрно указалъ главную ея опасность—сосредоточеніе власти въ одномъ собраніи. Но вопросъ состоитъ въ томъ: изъ какихъ элементовъ можно устроить необходимые противовѣсы? Когда Гизо указываетъ на старыя партіи, какъ на неискоренимые элементы

французскаго общества, и требуетъ, чтобы имъ предоставлено было подобающее мѣсто, какъ самостоятельной политической силѣ, то подобная организація можетъ вести лишь къ нескончаемой внутренней борьбѣ и къ остановкѣ всѣхъ дѣлъ. Самостоятельными политическими силами во всякой общественной органиціи могутъ быть лишь такія, которыя признаютъ ея основы, а не такія, которыя стремятся всѣми силами ее ниспровергнуть. А таковыми являются во Франціи старыя партіи въ отношеніи къ республикѣ. Не только легитимисты, но и тѣ орлеанисты, которые остались вѣрны старымъ преданіемъ, повидимому, ничего не забыли и ничему не научились. Въ нихъ отсутствуетъ именно тотъ политическій духъ, который Гизо справедливо признаетъ необходимымъ условіемъ мирнаго сожительства. Поэтому возводить ихъ въ самостоятельную политическую силу и дать имъ особое мѣсто въ политической организаціи нѣтъ никакой возможности. Справедливо то, что онъ говоритъ объ отношеніи къ религіи и церкви; но и тутъ все зависитъ отъ духа, господствующаго въ церкви. Когда, при основаніи современной республики, клерикализмъ сдѣлался соединяющимъ звеномъ всѣхъ ея враговъ, то естественно возгорѣлась борьба, въ которой и противоположная сторона, какъ всегда бываетъ, переходила черезъ край. Установленіе мирнаго сожительства зависитъ и тутъ отъ политическаго духа, воодушевляющаго обѣ партіи. Безъ взаимнаго уваженія и уступокъ согласіе немыслимо. Гизо указалъ на необходимость внутренняго мира для благоденствія Франціи, но пока это остается только благочестивымъ желаніемъ, на осуществленіе котораго дѣйствительность представляетъ мало надеждъ.

2. ГЕЛЛО.

Теорія французскихъ доктринеровъ нашла болѣе или менѣе полное осуществленіе въ Іюльской монархіи. Вокругъ нея соединились всѣ умѣренные друзья свободы. Хартія была измѣнена согласно съ ихъ желаніями. Въ этомъ духѣ развивалось и послѣдующее конституціонное ученіе. Оно примыкало къ Хартіи, являясь ея толкователемъ или критикой.

Изъ систематическихъ сочиненій, писанныхъ въ этомъ направленіи, заслуживаетъ вниманія книга совѣтника кассаціоннаго суда Гелло (Hello), вышедшая подъ заглавіемъ: *О конституціонномъ*

порядкѣ въ его отношеніяхъ къ современному состоянію политической и общественной жизни. (Du régime constitutionel dans ses rapports avec l'état actuel de la Science sociale et politique). Первое ея изданіе появилось еще въ 1827 году, второе въ 1830, третье, совершенно переработанное, въ 1848, до Февральской революціи. Послѣднее служитъ основаніемъ нашего изложенія.

Исходная точка тутъ чисто индивидуалистическая. Гелло различаетъ два вида правленій: въ однихъ законодатель считаетъ себя полновластнымъ, въ другихъ онъ подчиняется естественному закону; въ однихъ общество есть все, а лицо является только подчиненнымъ его орудіемъ, въ другихъ же лицо составляетъ цѣль, а законодательство является средствомъ для достиженія этой цѣли. Оно не даетъ человѣку правъ, а признаетъ и охраняетъ тѣ права, которыя ему прирождены, какъ разумному и свободному существу. Послѣдняго рода учрежденія суть либеральныя. Какъ бы ни заманчива была теорія полновластія общества, она можетъ породить только деспотизмъ, а никогда свободу. Личное право, напротивъ, одно можетъ служить основаніемъ свободы, ибо оно одно даетъ понятіе о высшемъ правѣ, ограничивающемъ права законодателя. Въ лицѣ лежитъ источникъ всякаго права; здѣсь только законодатель черпаетъ первую изъ своихъ добродѣтелей, уваженіе къ человѣку, безъ котораго нѣтъ ничего, кромѣ произвола и выгодъ. Безъ сомнѣнія, человѣкъ созданъ для общества; но вопросъ въ томъ: какъ онъ къ нему относится? По одной теоріи, онъ всецѣло поглощается обществомъ и исчезаетъ въ немъ, какъ капля въ морѣ; по другой, онъ сохраняетъ за собою неотчуждаемыя права, которыя государство охраняетъ, а не уничтожаетъ. Онъ остается лицомъ отличнымъ отъ общества; онъ считается съ послѣднимъ и споритъ о размѣрѣ потребныхъ жертвъ. Если общество можетъ быть несправедливо относительно кого-либо изъ своихъ членовъ, то это доказываетъ, что право принадлежитъ не первому, а послѣднимъ.

Конечно, индивидуализмъ содержитъ въ себѣ опасность эгоизма, разлагающаго общественную жизнь. Задача законодателя—противодѣйствовать этому злу. Если же, вмѣсто того, онъ ему потакаетъ, то подобная политика можетъ сдѣлаться общественнымъ бѣдствіемъ. Но надобно всегда имѣть въ виду, что съ признаніемъ начала свободы человѣкъ выходитъ изъ опеки; онъ самъ отвѣтствуетъ за свою

судьбу. Черезъ это лицо теряетъ право обвинять правительство въ своихъ ошибкахъ. Самая благотворительность получаетъ иной характеръ, нежели при деспотизмѣ, когда лицо всецѣло отдаетъ себя власти. Она становится болѣе нравственнымъ, нежели юридическимъ требованіемъ.

Гелло видитъ въ Хартіи осуществленіе этихъ началъ. Она вся основана на личныхъ правахъ. Опредѣленіе ихъ составляетъ первую ея часть, а затѣмъ уже идетъ устройство правленія. Эти права не даруются ею гражданамъ, ибо это права прирожденныя. Она не ограничивается также ихъ провозглашеніемъ, ибо они давно были признаны сознаніемъ человѣческаго рода. Но изъ области естественнаго права она переводитъ ихъ въ право положительное, что и ведетъ къ требованію гарантій, требованію, которое можетъ истекать только изъ личнаго права. Это, безъ сомнѣнія, громадный шагъ впередъ; но надобно признать, что началомъ прогресса была философская истина, и Хартія есть философія, ставшая закономъ.

Требуемыя гарантіи не даются природою; онѣ создаются людьми. Но разумъ ихъ указываетъ, и онъ же ихъ защищаетъ. Онѣ существенно состоятъ въ раздѣленіи властей. Лицо безсильно противъ коллективной власти; поэтому власть должна быть раздѣлена такъ, чтобы ни какая ея часть не могла всего дѣлать. Личное право должно стоять выше каждой изъ нихъ, и если одна изъ нихъ на него посягаетъ, то оно должно найти защиту въ другихъ. Таково первое и необходимое условіе свободнаго правленія; иначе неизбѣжно водворяется деспотизмъ. Къ послѣднему ведутъ новѣйшія утопіи, отрицающія личное право во имя общественнаго и не признающія прирожденныхъ правъ человѣка, а тѣмъ менѣе правъ пріобрѣтенныхъ. Для приверженцевъ этихъ теорій конституціонное правленіе представляетъ только переходную стадію къ оному, лучшему порядку. Для насъ, напротивъ, несмотря на неизбѣжную измѣнчивость формъ, она заключаетъ въ себѣ непоколебимыя истины, признаніе которыхъ одно можетъ дать человѣчеству періодъ долговременнаго и мирнаго развитія. (I, Notions préliminaires).

Такова теорія Гелло. Несмотря на точку исхода, нельзя не замѣтить существеннаго ея отличія отъ индивидуалистическихъ ученій XVIII вѣка. Тамъ прирожденныя права человѣка считались единственнымъ правовѣрнымъ основаніемъ всякаго общества; здѣсь при-

знаніе ихъ является отличительнымъ признакомъ либеральныхъ учрежденій. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что свобода составляетъ неотъемлемую принадлежность человѣка, какъ разумнаго существа. Сознаніе этого начала означаетъ высшую ступень развитія человѣческой мысли и общественныхъ учрежденій. А такъ какъ личность не создается государствомъ, то и вытекающая изъ нея свобода не есть даръ общества или власти. Даже когда государство отмѣняетъ рабство, оно не даруетъ человѣку свободы, а признаетъ за нимъ то, что искони лежало въ его природѣ, но было затемнено въ общественномъ сознаніи. Въ этомъ отношеніи Геллó правъ, когда онъ положительный законъ подчиняетъ естественному. Но проявляясь во внѣшнемъ мірѣ въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ, свобода неизбѣжно подвергается многочисленнымъ ограниченіямъ, которые установляются закономъ не на основаніи какихъ-либо отвлеченныхъ, разъ навсегда опредѣленныхъ началъ, а сообразно съ измѣнчивыми условіями, потребностями и развитіемъ общества. Свобода, опредѣленная закономъ, и есть право. Въ этомъ состоитъ тотъ великій шагъ отъ умозрительныхъ началъ къ реальному ихъ осуществленію, о которомъ говоритъ Геллó. Этотъ шагъ совершается общественною властью, которая въ этомъ отношеніи является верховною, ибо она одна можетъ быть судьею тѣхъ ограниченій, которымъ подлежитъ личная свобода при разнообразныхъ условіяхъ общественной жизни. Безъ сомнѣнія, тутъ могутъ быть злоупотребленія; неограниченная власть можетъ довести свободу до полнаго уничтоженія. Противъ этого лицо ищетъ гарантій. Но эти гарантіи могутъ состоять только въ устройствѣ властей, которое не установляется естественнымъ закономъ, а есть дѣло рукъ человѣческихъ, а потому неизбѣжно принадлежитъ положительному закону, исходящему отъ той же власти. Поэтому нѣтъ возможности отрицать полновластіе государства въ области внѣшней свободы. Въ этомъ отношеніи Геллó, также какъ Гизо, впадаетъ въ односторонность, и это отражается на его ученіи о личныхъ правахъ. Онъ отвергаетъ опредѣленіе свободы, какъ права дѣлать все, что не запрещено закономъ; по его мнѣнію оно ведетъ къ самому неисцѣлимому изъ всѣхъ деспотизмовъ—къ деспотизму закона. Это опредѣленіе вѣрно лишь въ томъ отношеніи, что всякая свобода имѣетъ границы и эти границы могутъ быть положены только закономъ. Но оно ложно въ томъ отно-

шенія, что законъ не можетъ полагать границы произвольно (стр. 37). Однако тутъ же авторъ признаетъ, что точное установленіе этой границы ускользаетъ отъ нашихъ конституціонныхъ пріемовъ и не можетъ быть сведено къ опредѣленнымъ формуламъ (стр. 39). Очевидно, что законъ остается самъ себѣ судьею, и въ этомъ состоитъ его юридическое полновластіе.

Въ изложеніи личныхъ правъ Гелло слѣдуетъ порядку, котораго держится Хартія. Первое есть равенство передъ закономъ. Этимъ уничтожаются всякія привилегіи, но не уничтожается естественное неравенство силы, средствъ и положеній. Напротивъ, признавая равную для всѣхъ свободу, оно тѣмъ самымъ узаконяетъ неравенство, ибо свободное лицо живетъ и дѣйствуетъ среди разнообразныхъ условій и съ различными способностями, вслѣдствіе чего и результаты выходятъ разные. Тѣ, которые хотятъ установить всеобщее равенство, отрицаютъ человѣческую свободу и установляютъ самый страшный деспотизмъ. Свободный человѣкъ самъ отвѣтствуетъ за себя и самъ пролагаетъ себѣ дорогу; только отрекаясь отъ себя и отдавая себя всецѣло въ руки власти, онъ можетъ подчиниться всеобщему уравненію. Законъ, установляющій юридическое равенство, ограничивается тѣмъ, что онъ отмѣняетъ всякія юридическія преимущества; для него собственность бѣдняка также неприкосновенна, какъ и собственность милліонера. Только этимъ способомъ равенство совмѣщается съ свободою. Уравненіе же состояній возможно только при полномъ поглощеніи лица обществомъ (Titre 1, стр. 42—54).

Столь же несостоятельно и требованіе равенства политическихъ правъ. Естественное право, изъ котораго вытекаетъ равенство передъ закономъ, относится исключительно къ правамъ гражданскимъ, которыми опредѣляется личная свобода человѣка со всѣми вытекающими изъ нея послѣдствіями. Но естественный законъ, не установляетъ права человѣка вліять на судьбу другихъ, дѣлаться участникомъ власти. На это нужна способность, которая находится не у всѣхъ. Опредѣленіе ея зависитъ вполнѣ отъ положительнаго закона. Политическое право составляетъ гарантію личнаго права; но устройство цѣлесообразныхъ гарантій есть дѣло рукъ человѣческихъ (стр. 69 и слѣд.).

Нельзя не замѣтить здѣсь нѣкоторой непослѣдовательности въ ученіи Гелло. Если политическое право составляетъ гарантію при-

рожденныхъ правъ человѣка, которыхъ законодатель не властенъ касаться, то всякій гражданинъ имѣетъ право требовать себѣ участія въ установленіи этихъ гарантій; иначе онъ предается на жертву чужому произволу. Требованіе способности можетъ только ограничивать, а не уничтожать это начало. Мы вернемся къ этому при разсмотрѣніи ученія о политическихъ гарантіяхъ.

Напротивъ, вполнѣ послѣдовательнымъ, но не къ выгодѣ теоріи, является Гелло при разборѣ втораго личнаго права, гарантированнаго Хартіей, именно, личной свободы. Здѣсь прирожденное право признается всѣми. Весь вопросъ заключается въ его гарантіяхъ. Въ этомъ отношеніи Хартія постановляетъ, что никто не можетъ подвергаться преслѣдованію и аресту иначе, какъ въ случаяхъ, предвидѣнныхъ закономъ и въ предписанныхъ имъ формахъ. Противъ этого Гелло возражаетъ, что такимъ образомъ личная свобода всецѣло отдается на волю законодателя, который можетъ ограничить ее, какъ ему угодно. По его мнѣнію истинная гарантія можетъ состоять единственно въ предоставленіи права ареста не правительству, а независимой судебной власти. Такъ она и понималась вездѣ, гдѣ это право покоилось на твердыхъ основаніяхъ (7 Titre II, стр. 87—89). Но, спрашивается: отъ кого зависитъ установленіе и устройство судебной власти? По признанію самого Гелло, это дѣло не естественнаго, а положительнаго закона. Можно считать эту гарантію наилучшей, но нельзя не признать ея зависимости отъ воли законодателя. Мало того: всякому знакомому съ политическимъ бытомъ извѣстно, что бываютъ случаи, когда гарантіи, умѣстныя въ нормальное время, пріостанавливаются, и усмотрѣнію правительства предоставляется болѣе или менѣе широкій просторъ. И тутъ единственная гарантія противъ злоупотребленій состоитъ въ томъ, что чрезвычайныя мѣры допускаются не по усмотрѣнію правительства, а въ силу закона. Стало быть, законъ, въ концѣ-концовъ, является полновластнымъ судьею тѣхъ границъ, которыя должны полагаться личной свободѣ. Избѣгнуть этого, при условіяхъ человѣческой жизни, нѣтъ возможности.

Несравненно прочнѣе стоитъ третье личное право, признанное Хартіей—свобода совѣсти. Здѣсь всѣ согласны въ томъ, что государство не должно вмѣшиваться въ эту область. Отношеніе человѣческой души къ Богу не подлежитъ дѣйствію власти. Но здѣсь

затрудненіе возникаетъ при опредѣленіи внѣшнихъ дѣйствій. Съ религіей связаны богослуженіе и устройство церковнаго союза. Отношеніе государства къ церкви, говоритъ Гелло, можетъ быть разное. Доселѣ мы встрѣчаемъ три способа сочетанія обоихъ союзовъ: или государство подчиняется церкви, или церковь подчиняется государству, или наконецъ они существуютъ рядомъ, какъ двѣ равноправныя власти, которыя вступаютъ между собою въ соглашеніе. Но всѣ эти способы исключаютъ свободу. Пока церковь признается властью, съ которою государство вступаетъ въ сдѣлки, притѣсненіе совѣсти неизбѣжно. Истинное отношеніе можетъ установиться только тамъ, гдѣ церкви предоставляется независимость въ принадлежащей ей духовной сферѣ, въ гражданской же области признается одна власть государственная, которая, будучи независима отъ какихъ бы то ни было вѣроисповѣданій, остается нейтральною между ними. Это и есть точка зрѣнія либеральныхъ правительствъ. Хартія обѣщаетъ одинакое покровительство всѣмъ вѣроисповѣданіямъ. Но кто оказываетъ покровительство, тотъ господствуетъ. Относясь къ области внѣшнихъ дѣйствій, обрядъ богослуженія неизбѣжно подлежитъ полицейскимъ правиламъ. Законъ можетъ идти еще далѣе. Государство можетъ относиться къ церквамъ или какъ къ простымъ товариществамъ, предоставляя каждую самой себѣ и подчиняя ихъ только общимъ правиламъ, или же оно можетъ видѣть въ нихъ полезный общественный элементъ, и въ этомъ качествѣ приходить имъ на помощь. Послѣднее есть болѣе правильное отношеніе, и этого держится Хартія. Всѣмъ признаннымъ вѣроисповѣданіямъ дается одинакое пособіе въ видѣ жалованья ихъ служителямъ. Вновь же возникающимъ сектамъ предоставляется право просить законнаго признанія, представивъ правительству изложеніе своего ученія и своего устройства (Titre III).

Замѣтимъ, что если свободу совѣсти можно признать естественнымъ правомъ человѣка, на которое государство не должно посягать, то нельзя того же сказать объ одинакомъ покровительствѣ, оказанномъ всѣмъ вѣроисповѣданіямъ. Пособіе, которое имъ оказывается, основано на томъ, что государство считаетъ ихъ полезными элементами общества; но это уже точка зрѣнія не права, а политики, и тутъ государство, не нарушая ни чьего права, можетъ поступать по своему усмотрѣнію. Если оно одно вѣроисповѣданіе признаетъ болѣе

полезнымъ, нежели другія, на томъ основаніи, что оно тѣснѣе связано съ народною жизнью, то ничто не мѣшаетъ дать ему первенствующее положеніе, лишь бы этимъ не стѣснялись права другихъ. Это—не подчиненіе господствующей церкви и не притѣсненіе совѣсти, а приложеніе неотъемлемо принадлежащаго государству права судить объ отношеніи различныхъ общественныхъ элементовъ къ общему благу и оказывать имъ соотвѣтствующее этому покровительство.

Къ удивленію, Гелló причисляетъ къ прирожденнымъ правамъ человѣка и свободу печати. Въ Хартіи она, какъ и слѣдуетъ, стоитъ въ числѣ личныхъ правъ; но противъ признанія ея правомъ естественнымъ самъ Гелló приводитъ весьма вѣскія возраженія. Печать есть человѣческое изобрѣтеніе, а потому пользованіе этимъ изобрѣтеніемъ никакъ нельзя считать правомъ, дарованнымъ самою природою. Гелló признаетъ, что въ виду этихъ доводовъ, онъ долго колебался, но наконецъ склонился къ противоположному мнѣнію. Его убѣдило то, что цивилизація лежитъ въ самой природѣ человѣка; стремленіе къ совершенствованію есть его прирожденное право, а потому все, что этому содѣйствуетъ, приращается къ этому праву и входитъ въ его составъ. Свобода мысли несомнѣнно есть прирожденное право, а потому различные способы его проявленія суть только его расширеніе (Titre IV, стр. 193—7). Нельзя не сказать, что этотъ доводъ весьма слабъ: если всѣ блага цивилизаціи и всѣ совершенствованія причислять къ прирожденнымъ правамъ, какъ ихъ приращенія, то область послѣднихъ распространится на все. Свободу можно признать естественнымъ правомъ человѣка, ибо она вытекаетъ изъ его природы, какъ разумнаго существа; но способъ ея проявленія подлежитъ дѣйствію закона. Могутъ быть способы законные и незаконные. Свобода печати не есть только проявленіе свободы мысли; она имѣетъ громадное вліяніе на всю общественную жизнь, а потому государству, несомнѣнно, принадлежитъ право опредѣлять ея границы. Въ этомъ отношеніи есть существенная разница между правительствами либеральными и деспотическими. Первыя признаютъ свободу печати законнымъ правомъ гражданъ; поэтому устраняются всякія предупредительныя мѣры. Хартія постановляла, что цензура не будетъ возстановлена. Даются и гарантіи независимаго суда. Это составляетъ необходимое условіе всякаго либеральнаго

правленія. Но все же это не прирожденное, а потому неотъемлемое право. Есть обстоятельства, при которыхъ эти гарантіи устраняются. Тутъ менѣе всего можно отрицать полновластіе закона.

Гораздо вѣрнѣе то, что Гелло говоритъ о послѣднемъ личномъ правѣ, гарантированномъ Хартіей—о правѣ собственности. Въ противоположность весьма распространенному мнѣнію, онъ утверждаетъ, что оно принадлежитъ къ естественнымъ правамъ человѣка, а не установлено гражданскою властью. Источникъ его лежитъ въ правѣ человѣка, какъ разумно-свободнаго существа, налагать свою руку на матеріальный міръ и присвоивать себѣ внѣшніе предметы. Этого не отрицаютъ и противники собственности; но они ограничиваютъ это право присвоеніемъ плодовъ своего труда, не распространяя этого права на землю. Между тѣмъ, плоды труда могутъ идти и на далекіе годы. Если жатва собирается ежегодно, то обработка почвы простирается на долгое время. Плоды посаженнаго дерева собираются цѣлые десятки лѣтъ, а самое дерево годится для рубки, можетъ быть, черезъ столѣтія. Есть улучшенія почвы, которыя носятъ постоянный характеръ, напримѣръ осушеніе болотъ. Вообще, цѣли человѣка постоянны, а трудъ его носитъ плодотворный характеръ. Эти свойства сообщаются и собственности: какъ естественное право, она постоянна и индивидуальна. Положительный законъ не установляетъ ее, а только опредѣляетъ ея границы. Онѣ полагаются или во имя чужаго права или во имя общественной пользы. Личное право должно уступать послѣдней. На этомъ основано право принудительнаго отчужденія собственности. Но отбирая ее у частныхъ лицъ для общественной пользы, законъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаетъ ее, ибо это дѣлается не иначе, какъ съ предварительнымъ и справедливымъ вознагражденіемъ. И тутъ требуются гарантіи противъ произвола. Онѣ существенно состоятъ въ томъ, что рѣшающій голосъ имѣетъ тутъ независимый судъ, а для опредѣленія размѣровъ вознагражденія—присяжные. Только относительно юридическихъ лицъ требованіе вознагражденія устраняется, ибо юридическія лица не суть созданія природы, а положительнаго закона, который имѣетъ право уничтожить то, что онъ самъ вызвалъ къ жизни во имя общественной пользы. Этимъ объясняется отобраніе церковныхъ имѣній во времена Революціи. Требованіями общественной пользы объясняются и тѣ границы, которыя полагаются пользованію собственностью въ раз-

ныхъ специальныхъ случаяхъ, какъ-то, въ лѣсномъ хозяйствѣ, въ разработкѣ рудъ. Надобно только, чтобы эти границы не были произвольны, а вытекали изъ самой природы вещей. Гелло признается однако, что тутъ нѣтъ возможности постановить какія-либо твердыя правила. А такъ какъ всякая свобода имѣетъ свои границы, и эти границы полагаются закономъ, то послѣдній остается владыкою свободы. Во имя измѣнчиваго начала общественной пользы можно дойти до полнаго отрицанія собственности. Противъ этого есть только одно средство—уваженіе къ естественному праву. Единственная узда есть узда невидимая (стр. 310. См. вообще Titre V).

Въ концѣ концовъ оказывается, слѣдовательно, что въ опредѣленіи свободы законъ все-таки является полновластнымъ. Единственною гарантіей противъ злоупотребленій служитъ надлежащее устройство политической власти. Этому посвящена вторая часть сочиненія Гелло.

Какъ сказано выше, эта гарантія заключается, по его мнѣнію, въ раздѣленіи властей. Поэтому онъ начинаетъ съ общей теоріи раздѣленія властей, въ какой бы формѣ она ни проявлялась, монархической, аристократической или демократической; затѣмъ онъ переходитъ къ приложенію ея къ монархическому правленію.

Гелло возстаетъ противъ тѣхъ, которые считаютъ власть нераздѣльною, утверждая, что или она едина или ея вовсе нѣтъ. Раздѣленіе властей столь же возможно, какъ и раздѣленіе труда. Каждой изъ нихъ предоставляется принадлежащій ей кругъ дѣйствій, но ни одна изъ нихъ *не можетъ дѣлать все*; въ этомъ состоитъ основной ея принципъ. Человѣческой волѣ полагаются границы: это великое начало нравственности переносится въ политическую область (II, стр. 1—7). Поэтому первая забота должна состоять въ томъ, чтобы ни одна власть не вторгалась въ область другой, не только смежной, но и низшей. Всякія подобныя вторженія должны встрѣчать конституціонную преграду (стр. 9—17).

Гелло отличаетъ власть учредительную, законодательную и исполнительную; затѣмъ послѣдняя подраздѣляется на административную и судебную. Первая существуетъ не вездѣ. Въ Англіи измѣненія государственнаго устройства принадлежатъ парламенту, также какъ и изданіе обыкновенныхъ законовъ; во Франціи, напротивъ, съ самаго водворенія либеральнаго правленія учредительная власть была отдѣ-

лена отъ законодательной. Причина этого различія та, что въ Англіи развитіе учрежденій шло чисто практическимъ путемъ. Они измѣнялись только мало-по-малу, и парламентъ всегда находилъ сдержку въ прецедентахъ и въ установившихся обычаяхъ. Во Франціи же, конституціи создавались теоретически, а потому произволъ законодателя не зналъ границъ. Только въ отдѣленіи учредительной власти отъ законодательной парламентское полновластіе находило себѣ сдержку. Несомнѣнно, что это составляетъ цѣнную гарантію свободы. Полезно, чтобы законодатель имѣлъ надъ собою неизмѣнныя правила, которыя онъ не можетъ нарушить и для измѣненія которыхъ требуются особыя гарантіи. Нѣкоторые отрицаютъ существованіе учредительной власти, потому что она не всегда существуетъ и проявляется только по временамъ. Но именно это ограждаетъ ее отъ полновластія; иначе она поглотила бы въ себѣ всѣ другія власти. Она всегда лежитъ въ народѣ; но она переходитъ въ дѣйствительность только при особыхъ условіяхъ и съ надлежащими гарантіями (II, Titre 1, ch. 1).

Вѣскость этихъ соображеній не подлежитъ сомнѣнію: полезно обставить измѣненіе основныхъ законовъ особыми гарантіями. Но вопросъ заключается въ томъ: требуется ли для этого установленіе особой власти? Не только въ Англіи, классической странѣ конституціоннаго правленія, безъ нея обходятся, но самый примѣръ Франціи доказываетъ, что учредительная власть есть ничто иное какъ видоизмѣненная законодательная. Измѣненія въ Хартіи 1814 г., которыя легли въ основаніи Хартіи 1830 г., были произведены обыкновенными законодательными палатами, а самая эта Хартія предоставила рѣшеніе вопроса о наслѣдственности правъ обыкновенному закону, что не могло бы имѣть мѣста, если бы это право принадлежало особой учредительной власти. Впрочемъ, это—вопросъ болѣе теоретическій, нежели практическій. Какъ скоро для измѣненія основныхъ законовъ требуются извѣстнаго рода формы и учрежденія, то, какое бы имъ ни дать названіе, для существа дѣла это безразлично.

Несравненно важнѣе различіе между законодательною властью и исполнительною. Тутъ необходимы различные органы; раздѣленіе ихъ составляетъ основное требованіе ученія о раздѣленіи властей. Смѣшеніе ихъ ведетъ къ полновластію исполнителей, слѣдовательно уни-

чтожаетъ всякую гарантію противъ произвола. Только независимая отъ правительства законодательная власть можетъ обезпечивать права гражданъ. Но и тутъ есть своего рода затрудненія. У исполнительной власти нельзя отнять право опредѣлять способы исполненія. Это дѣлается путемъ постановленій (réglements) или указовъ (ordonnances). Но какъ отдѣлить одно отъ другаго и предотвратить вторженіе постановленій и указовъ въ область закона? Надобно, чтобы послѣдній совершенно точно и вразумительно опредѣлялъ то, что онъ дѣлаетъ для всѣхъ обязательнымъ и то, что онъ предоставляетъ усмотрѣнію исполнительной власти (ch. 2). Необходимъ и судья, который бы рѣшалъ подобнаго рода столкновенія. Таковымъ можетъ быть только независимая судебная власть (стр. 99).

Здѣсь можно видѣть недостатокъ принятаго Геллô раздѣленія властей. Онъ судебную власть признаетъ только отдѣльною отраслью власти исполнительной. Между тѣмъ, она призвана разрѣшать столкновенія между законодательною властью и исполнительною. Администрація обязана подчиняться издаваемымъ исполнительною властью постановленіямъ, слѣдовательно, она составляетъ подчиненную часть послѣдней. Судья же знаетъ только законъ; если постановленіе, вмѣсто того чтобы служить исполненіемъ закона, является его нарушеніемъ, онъ его не прилагаетъ и тѣмъ лишаетъ его силы. Въ этомъ состоитъ самая существенная гарантія гражданъ противъ административнаго произвола. Вся англійская свобода зиждется на этомъ началѣ. Гдѣ оно не признается, тамъ о законной свободѣ не можетъ быть рѣчи.

Эта неясность понятій у автора произошла оттого, что Геллô усвоилъ себѣ принятое дѣленіе властей на законодательную и исполнительную. Между тѣмъ, послѣдняя не ограничивается однимъ исполненіемъ законовъ: имѣя въ рукахъ все государственное управленіе, она во многихъ случаяхъ дѣйствуетъ по собственному усмотрѣнію. Принадлежащее монарху право вести войну, заключать миръ, командовать войскомъ, назначать министровъ, распускать палаты, не есть только исполненіе закона. Самыя постановленія нерѣдко имѣютъ въ виду не только исполненіе, но и восполненіе закона. Тутъ власть, очевидно, гораздо шире: ей ввѣрено осуществленіе, въ предѣлахъ закона, всѣхъ государственныхъ цѣлей. Поэтому ей всего вѣрнѣе присвоить названіе власти *правительственной*.

При такой точкѣ зрѣнія, судебная власть является отъ нея независимою. Призванная прилагать законъ къ отдѣльнымъ случаямъ по внушенію своей совѣсти, она стоитъ на ряду съ двумя другими властями, законодательною и правительственною. Этому не противорѣчитъ то, что судъ совершается отъ имени монарха: послѣдній играетъ здѣсь роль представителя и главы государства. Не противорѣчитъ и то, что судьи назначаются королемъ. Назначаются и члены верхней палаты; но и тѣ и другіе безсмѣнны, а потому представляютъ независимую власть. И это опять служитъ единственною гарантіею свободы гражданъ. Конечно, судъ не играетъ такой роли, какъ двѣ первыя власти. Онъ не стоитъ на вершинѣ государственнаго устройства; онъ не причастникъ верховной власти. Поэтому независимый судъ можетъ существовать и въ неограниченныхъ монархіяхъ, признающихъ свободу гражданъ въ подчиненныхъ сферахъ. Но въ ежедневномъ порядкѣ правильно организованный судъ служитъ, можетъ быть, важнѣйшею охраною гражданской жизни. Когда же онъ призывается къ разрѣшенію столкновеній между законодательною властью и правительственною, онъ возводится на степень политической власти. Не только гражданская, но и политическая свобода пріобрѣтаетъ въ немъ высшую свою гарантію.

Все это вполнѣ признаетъ Гелло: «нужна была власть крѣпко организованная», говоритъ онъ, «которая была бы рабою закона и только его, которая, съ абсолютною зависимостью отъ закона соединяла бы столь же абсолютную независимость отъ всѣхъ властей, которая будучи поставлена въ точныхъ границахъ, была бы вмѣстѣ неприкосновенна и сдержана, такъ чтобы она не могла ни внушать, ни испытывать страха; нужна была такая власть, для того, чтобы можно было съ полною безопасностью ввѣрить ей двойную, извѣстную намъ функцію: 1) охраненіе нашего имущества и нашихъ лицъ, которыхъ можно касаться только прошедши черезъ нее; 2) вытекающее изъ перваго охраненіе границъ различныхъ властей, для чего она одарена величайшею силою, существующею среди людей, силою инерціи. Такъ какъ всѣ повелительныя и запретительныя мѣры нуждаются въ ея санкціи, то рано или поздно онѣ къ ней приходятъ, и ей достаточно простаго отказа, чтобы ихъ парализовать» (стр. 141). Но какъ же возможно послѣ этого признавать судебную власть простою отраслью власти исполнительной?

Что касается до административной власти, то она постоянно и непосредственно соприкасается съ гражданами; поэтому и тутъ необходимы гарантіи. Между тѣмъ, эти гарантіи исчезаютъ при той полной независимости административной власти отъ судебной, какая установлена во французскомъ правѣ. Въ администраціи надобно различать двоякаго рода дѣла: съ одной стороны, она является дѣятельною и отвѣтственною, и, какъ таковая, она приказываетъ и запрещаетъ, съ другой стороны, она сталкивается съ частными интересами гражданъ, и тутъ можетъ требоваться судебное разбирательство. Въ первомъ отношеніи гражданинъ долженъ имѣть право иска противъ незаконныхъ дѣйствій администратора. Но, въ силу начала раздѣленія власти, это право у него отнято: для всякаго иска требуется предварительное разрѣшеніе высшаго административнаго собранія. Утверждаютъ, что иначе администрація будетъ подчинена суду. Такое выраженіе идетъ противъ самой идеи, которая имѣется въ виду при раздѣленіи властей. Это начало установляется, какъ гарантія противъ произвола, а тутъ всякая гарантія исчезаетъ, ибо администрація сама себѣ является судьею. Если считаютъ, что судья не можетъ быть надлежащимъ цѣнителемъ административныхъ дѣйствій, требующихъ совершенно иныхъ взглядовъ, то можно установить особое административное судилище съ правомъ дѣлать раздѣленіе, но это судилище должно быть независимое, каковымъ не можетъ быть административное собраніе, хотя бы и съ такимъ высокимъ положеніемъ, какъ французскій Государственный Совѣтъ. Еще болѣе это требованіе прилагается ко втораго рода дѣламъ. Здѣсь администрація является вмѣстѣ и стороною и судьею, начало совершенно несовмѣстное съ правильнымъ правосудіемъ и лишающее гражданъ необходимой гарантіи ихъ правъ (ch. 3, § 5).

Въ полновластіи администраціи Гелло видитъ главную опасность и для политическаго устройства. Ограничиваясь конституціонной монархіей, Гелло разсматриваетъ поочередно тѣ формы или учрежденія, которыя входятъ въ ея составъ: 1) монархъ, которому, кромѣ полноты исполнительной власти, присвоивается и часть законодательной, съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ возможность защищать себя противъ захватовъ послѣдней; 2) двѣ палаты, верхняя и нижняя; 3) министры, которые суть отвѣтственные агенты неотвѣтственнаго князя. Это—весьма сложный механизмъ, исполненный юридическихъ

фикціи; но, говоритъ Гелло, «юристы знаютъ, что юридическія фикціи суть умственныя истины, выведенныя изъ общественныхъ потребностей, и что исключать метафизику изъ права значитъ уничтожать самое право, которое ничто иное какъ метафизическое существо» (II, Titre 2, стр. 178—9).

Выгоды наслѣдственной монархіи въ конституціонномъ правленіи Гелло полагаетъ 1) въ томъ, что она отвѣчаетъ потребности общественнаго порядка и мира, сдерживая честолюбія и ограничивая борьбу низшею областью; 2) въ томъ, что она отвѣчаетъ потребности единства и послѣдовательности въ исполненіи законовъ, устраняя опасные перерывы въ правленіи. Но признавая наслѣдственность, конституціонное правленіе устраняетъ сопряженныя съ нею случайности: монархъ перестаетъ быть единичнымъ лицомъ; онъ становится учрежденіемъ. Изъ этого выводятъ ограниченіе личной его дѣятельности, которое выражается формулою: «король царствуетъ, но не управляетъ». Эта формула, говоритъ Гелло, вѣрна, если понять ее въ истинномъ ея смыслѣ. Она не означаетъ, что королю возбраняется всякаго рода вліянія на общественныя дѣла: это было бы нелѣпо, ибо это превратило бы верховнаго носителя власти въ чистаго автомата. Но въ управленіи надобно различать двѣ стороны: совѣтъ и дѣйствіе. Совѣтъ есть предварительная стадія, въ которой король можетъ употреблять все свое вліяніе, чтобы дать дѣламъ извѣстное направленіе. Здѣсь онъ является не страдательнымъ существомъ, а дѣятельнымъ разумомъ. Онъ самъ выбираетъ своихъ совѣтниковъ, онъ контролируетъ ихъ большинствомъ палаты, онъ контролируетъ самое это большинство общественнымъ мнѣніемъ и рѣшаетъ распущеніе выборной палаты или перемѣну министерства. Все это важнѣйшіе пути конституціонной жизни, но все это еще не дѣятельность, а вліяніе. Какъ же скоро отъ рѣшенія переходятъ къ исполненію, которое и возстановляетъ истинное правленіе, такъ дѣятельность конституціоннаго монарха прекращается: отвѣтственность берутъ на себя министры. Поэтому Гелло считаетъ болѣе точнымъ видоизмѣнить приведенную выше формулу, сказавъ, что «король вліяетъ, но не правитъ». (Titre II, ch. 1, §§ 1, 2). Отсюда онъ выводитъ и неприкосновенность монарха. Неприкосновенность означаетъ безотвѣтственность, а король безотвѣтственъ именно потому, что ему возбраняется всякое дѣйствіе. Хартія прибавляетъ, что особа

его священна, но это болѣе нравственное, нежели юридическое требованіе; оно означаетъ, что монарху подобаетъ высшее уваженіе, безъ чего особа его теряетъ свое обаяніе въ глазахъ гражданъ (§ IV).

Нельзя не сказать, что этотъ выводъ неприкосновенности монарха изъ того, что онъ не можетъ ничего дѣлать, не выдерживаетъ критики. Хартія признаетъ особу короля священною и неприкосновенною не въ силу означенной формулы, а потому что онъ носитель верховной власти и глава государства. Самая эта формула въ Хартіи не находится, ибо это вовсе не юридическое правило, и когда Гелло хочетъ основать его на различіи между совѣтомъ и дѣйствіемъ, то это противорѣчитъ имъ самимъ признаваемымъ правамъ монарха. Избраніе совѣтниковъ и распущеніе палаты не суть формы вліянія, а настоящія дѣйствія. Самъ Гелло признаетъ за монархомъ область, въ которой онъ является лично дѣятельнымъ, а именно, командованіе сухопутными и морскими силами (стр. 241). Невозможно поэтому отрицать у конституціоннаго монарха право на какое бы то ни было дѣйствіе. Самая формула, которая должна опредѣлять границы его власти, неприложима ко всякой конституціонной монархіи. Она умѣстна лишь при парламентскомъ правленіи, тамъ, гдѣ существуютъ прочно организованныя партіи. Это—способъ дать единство управленію при существованіи различныхъ властей, способъ политическій, а не юридическій. Гелло, какъ чистый юристъ, впалъ въ этомъ отношеніи въ крупную ошибку. Съ той же точки зрѣнія онъ обсуждаетъ и отвѣтственность министровъ (ch. 2). Онъ требуетъ, чтобы она опредѣлена была закономъ, хотя политическая сторона здѣсь гораздо важнѣе юридической, и въ опредѣленіи первой заключаются всѣ затрудненія.

Переходя затѣмъ къ законодательнымъ собраніямъ, Гелло весьма мало останавливается на верхней палатѣ. Онъ предпочитаетъ наслѣдственную перію, какъ она была установлена Хартіею 1814 г., ибо она дѣлаетъ палату болѣе независимою и устраняетъ чрезмѣрное вліяніе монарха, которое всегда имѣетъ мѣсто при назначеніи перовъ, хотя бы и пожизненныхъ. Онъ сожалѣетъ о томъ, что друзья свободы отмѣнили учрежденіе, составляющее лучшую ее гарантію (ch. III, Sect. 2).

Подробнѣе онъ разсматриваетъ составъ выборной палаты. Здѣсь, прежде всего, возникаетъ вопросъ о полномочіи. Нѣкоторые, вслѣдъ

за Руссо, отрицають возможность передачи верховной власти уполномоченнымъ; но если народъ не можетъ самъ непосредственно рѣшать свои дѣла, то иначе средства нѣтъ, кромѣ полномочія: иначе онъ лишается принадлежащей ему власти (ch. 3, sect. 1, § 1). Другіе утверждаютъ, что уполномоченные, представляя разнообразные интересы, не могутъ придти къ единству; но это единство дается идеею общаго блага, во имя которой дается полномочіе. Частные и мѣстные интересы не имѣютъ тутъ голоса. Поэтому не могутъ быть допущены общественныя полномочія (§ IV, V). Идеею общаго блага долженъ руководствоваться и законодатель при опредѣленіи, какъ избирательныхъ правъ, такъ и устройства выборовъ. Выборное право установляется не естественнымъ, а положительнымъ правомъ. Прежде всего для этого требуется способность. Признаками способности могутъ быть число, собственность, умъ. Но это не значитъ, что эти начала должны быть представляемы въ законодательномъ собраніи. Число имѣетъ рѣшающее значеніе между равными, но въ области неравенства оно никогда не можетъ имѣть нравственнаго вѣса и значенія. Когда дѣло идетъ о политическомъ правѣ, то чѣмъ большее число людей, тѣмъ болѣе они удаляются отъ пониманія общаго блага, и тѣмъ большее преобладаніе получаетъ частная польза. Безсмысленно искать признака способности именно тамъ, гдѣ она уменьшается. Гораздо высшее значеніе имѣетъ собственность, какъ признакъ политической способности; но если она принимается не какъ признакъ, а какъ то, что должно быть представлено, то этимъ извращается самый характеръ представительства и открывается просторъ законодательству въ пользу владѣющаго класса въ ущербъ неимущимъ. Что же касается до представительства интеллигенціи, то трудно понять смыслъ этого начала: развитіе ума само по себѣ есть признакъ способности. Но еще важнѣе способности независимость, ибо лучше посредственный умъ, который прямо выражаетъ свою мысль, нежели высокій умъ, который не смѣетъ высказать своей. Этимъ извращается весь выборъ, и именно эта опасность всего болѣе грозитъ при нынѣшнемъ состояніи общества, гдѣ люди подвержены всякаго рода соблазнамъ (Sect. II, § 1). Гелло убѣжденъ, что найти избирателей, то-есть, опредѣлить тотъ общественный уровень, который соотвѣтствуетъ политической способности, не трудно для законодателя. Гораздо мудренѣе

устроить выборы такъ, чтобы они были настоящимъ выраженіемъ мнѣнія избирателей (§ 2). Нормальный порядокъ выборовъ состоитъ въ томъ, что избиратели являются здѣсь дѣятельнымъ началомъ, а администрація страдательнымъ; противоположное отношеніе ведетъ къ извращенію выборнаго начала (§ 3). Гелло сравниваетъ въ этомъ отношеніи англійскіе выборы съ французскими. Въ Англіи сложились политическія партіи, которыя одушевлены политическимъ духомъ и, при всемъ разногласіи въ способахъ достиженія общаго блага, сохраняютъ уваженіе къ существующимъ учрежденіямъ. Онѣ являются главными дѣятелями на выборахъ; администрація же остается въ сторонѣ. Поэтому, несмотря на крупныя злоупотребленія, выборы являются тамъ истиннымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Во Франціи, напротивъ, настоящія политическія партіи не успѣли еще сложиться, а вмѣсто нихъ является всемогущая администрація, которая направляетъ выборы по своему усмотрѣнію, прибѣгая къ громаднымъ предоставленнымъ ей средствамъ, вліяя на избирателей всевозможными обѣщаніями и покровительствомъ, взывая къ ихъ частнымъ интересамъ въ противоположность интересамъ общественнымъ. Это—настоящая система развращенія избирателей, которая отражается и на министрахъ, развращая тѣхъ, которые ею пользуются. Все направлено къ тому, чтобы получить большинство, которое замѣняетъ всякія разсужденія; все жертвуется для этой цѣли. Въ этомъ Гелло видитъ величайшее зло современной ему Франціи. Къ исправленію его должны быть направлены всѣ лучшія силы страны. Комментируя извѣстную фразу въ прокламаціи Людовика-Филиппа, онъ спрашиваетъ: Хартія есть ли истина? и отвѣчаетъ: сама по себѣ, она есть истина, но она перестала быть таковою вслѣдствіе извращенія избирательной системы, проистекающаго отъ незнающей сдержекъ администраціи (§ IV, IX).

Гелло былъ, впрочемъ, увѣренъ, что этотъ недостатокъ можетъ быть исправленъ, и что Франціи предстоятъ долгіе годы мирнаго развитія. Но не прошло и нѣсколькихъ недѣль послѣ изданія его книги, какъ все это конституціонное зданіе рушилось, подорванное именно указаннымъ имъ зломъ. Это было живое доказательство, что для конституціоннаго правленія недостаточно однихъ внѣшнихъ формъ. Надобно, чтобы оживляющій эти формы духъ дѣлалъ ихъ истиною.

3. РОССИ.

Въ томъ же духѣ, какъ и Гелло, излагалъ французское конституціонное право Росси, итальянскій эмигрантъ, преподававшій различныя общественныя науки сперва въ Женевѣ, а потомъ въ Парижѣ. Въ 1845 году онъ былъ назначенъ французскимъ посланникомъ при папскомъ дворѣ, а въ 1845 г., въ либеральную эпоху правленія Пія IX, онъ сдѣлался первымъ министромъ папы. Но вскорѣ онъ палъ отъ руки убійцы, и это было сигналомъ революціи. Его *Курсъ конституціоннаго права* былъ изданъ много лѣтъ послѣ его смерти, въ 1866 г., въ четырехъ томахъ, иждивеніемъ итальянскаго правительства. Настоящимъ предметомъ этого курса было изложеніе дѣйствующаго государственнаго права при Хартіи 1830 года; но оно сопровождается выясненіемъ общихъ началъ политической жизни.

Росси отправляется отъ самаго назначенія человѣка. Какъ разумное существо, одаренное свободною волею, онъ носитъ въ себѣ нравственныя начала, составляющія самую сущность духовной его природы. Этимъ опредѣляется и его назначеніе. Оно состоитъ въ совершенствованіи всѣхъ своихъ способностей въ виду постепеннаго приближенія къ высшему нравственному идеалу. Отсюда проистекаютъ для него обязанности и права. Онъ долженъ соблюдать извѣстныя правила жизни, съ тѣмъ, чтобы его дѣйствія направлялись къ добру и согласовались съ его назначеніемъ, и онъ имѣетъ право на свободное развитіе всѣхъ своихъ способностей. А такъ какъ всѣ люди имѣютъ одинакую нравственную природу, то всѣ имѣютъ одинакія права и обязанности. Отношеніе человѣка къ Богу есть отношеніе низшаго къ высшему, отношеніе же къ другимъ людямъ суть отношенія равенства и братства. Поэтому никто не имѣетъ права эксплуатировать другаго, а каждый, подчиняясь общимъ законамъ нравственнаго порядка, обязанъ по мѣрѣ средствъ помогать ближнимъ въ достиженіи ихъ назначенія. Таково естественное право человѣчества. Эти великія истины были впервые съ полною ясностью провозглашены христіанствомъ. Отсюда глубокое различіе между древнимъ міромъ и новымъ (стр. XLV—XLVIII).

Но достиженіе человѣческаго назначенія возможно только въ обществѣ, а общество невозможно безъ общественной власти, призванной

служить сохраненію, развитію и благосостоянію человѣческаго рода. Эти понятія относятся другъ къ другу какъ цѣль и средство; но средство также необходимо какъ и цѣль. Общество и общественная власть не суть произвольныя созданія человѣка; они вытекаютъ изъ глубины его природы, какъ и самая личность. Задача власти заключается въ томъ, чтобы быть посредникомъ между частными интересами и общими, между свободою личною и свободою общественною; она должна искать соглашенія этихъ противоположныхъ элементовъ. И это соглашеніе, установляемое правомъ, не имѣетъ въ себѣ ничего произвольнаго. Свобода лица законна, пока она не мѣшаетъ развитію и благосостоянію рода. Съ своей стороны, дѣйствіе общественнаго союза законно, пока оно не уничтожаетъ личной свободы и не дѣлаетъ человѣка простымъ орудіемъ цѣлаго, какъ случалось въ древнихъ государствахъ. Наконецъ, общественная власть перестаетъ быть законною, когда она, извращая свое происхожденіе и свое назначеніе, смотритъ на себя какъ на цѣль, а въ обществѣ и въ лицахъ видятъ только средства, тогда какъ она сама служитъ обществу, хотя только средствомъ для установленія порядка и гарантіею свободы (стр. L—LII).

Съ этой точки зрѣнія Росси смотритъ и на существо и задачи государства. Оно не является случайнымъ соединеніемъ лицъ для удовлетворенія ихъ матеріальныхъ потребностей. Понятіе о государствѣ заключаетъ въ себѣ нравственную идею—идею права и обязанности. Общественный бытъ есть обязанность человѣка, и государство служитъ средствомъ для развитія и совершенствованія человѣческаго рода. Поэтому можно сказать, что оно составляетъ естественный законъ для человѣчества. Въ силу этого начала оно должно въ самой своей организаціи найти средства обезпечить человѣку законное развитіе его способностей, содѣйствовать развитію какъ лица, такъ и цѣлаго рода. Въ этомъ состоитъ основное начало государства: оно образуетъ единое цѣлое, имѣющее собственную жизнь и собственную волю, а вмѣстѣ и силу достаточную для достиженія присущей ему цѣли. Это—нравственное лицо, сложное, но реальное, своего рода личность, отличная отъ единичной особи, имѣющая свое основаніе въ обязанности, и которой уничтоженіе со стороны единичнаго лица составляетъ преступленіе противъ человѣчества, ибо этимъ уничтожается необходимое условіе собственнаго его развитія

и совершенствованія. Но, съ другой стороны, эта нравственная личность не должна подавлять собою единичнаго лица, для котораго она существуетъ. Истина и право состоятъ не въ поглощеніи одного начала другимъ, а въ сочетаніи обоихъ элементовъ (стр. 2—4).

Изъ этой противоположности началъ ясно, что и организація государства заключаетъ въ себѣ двоякій элементъ: организацію общественную и организацію политическую. Первою опредѣляются отношенія гражданъ между собою и къ государству, второю устройство политическихъ властей. Первая есть цѣль, а вторая средство. Когда общественная организація дана, нужно оградить ее отъ захватовъ личной силы; такою гарантіею служитъ общественная власть. Обѣ эти области опредѣляются внутреннимъ публичнымъ или конституціоннымъ правомъ, отъ котораго отличается частное право, опредѣляющее взаимныя отношенія отдѣльныхъ лицъ и семействъ. Такимъ образомъ, права лицъ раздѣляются на частныя, публичныя и политическія. Послѣдніе два разряда принадлежатъ къ области государственнаго права, но они существенно отличаются другъ отъ друга. Публичныя права принадлежатъ лицамъ, какъ свободнымъ членамъ общества, въ ихъ отношеніи къ власти; политическими же правами опредѣляется ихъ участіе въ государственной власти. Первые коренятся въ самой природѣ человѣка, въ присущихъ ей вѣчныхъ началахъ разума и правды, хотя развитіе ихъ требуетъ болѣе или менѣе высокаго уровня общественной жизни; вторыя же, какъ бы они ни были широки, всегда предполагаютъ извѣстную способность. Первыя суть самая вещь, вторыя суть ея гарантія (стр. 8—11).

Организація государства не есть однако нѣчто разъ навсегда данное, вытекающее изъ требованій разума. Она развивается исторически и видоизмѣняется сообразно съ особенностями и степенью развитія народовъ. Росси широкими чертами изображаетъ развитіе государственной идеи въ исторіи человѣчества. Онъ приписываетъ паденіе древнихъ государствъ тому, что будучи основаны на рабствѣ и на привилегіяхъ, они не имѣли внутренняго единства, необходимаго для прочной организаціи. Государство, говоритъ онъ, образуетъ единицу, или особь; безъ этого оно не существуетъ; но для этого необходимо, чтобы всѣ его части были связаны между собою и стремились къ одной цѣли. Такъ установляется единство и въ физическомъ мірѣ; но въ нравственномъ мірѣ эта задача ослож-

няется тѣмъ, что единство должно сочетаться съ дѣятельностью, свойственною человѣку. Подчиняясь общей организаціи, онъ перестаетъ быть свободнымъ существомъ. Законны только тѣ рѣшенія вопроса, которыя удовлетворяютъ этому требованію (стр. 65—7). Установленіе государственнаго единства встрѣчаетъ многія препятствія въ тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ оно составляется: таковы различія народностей, языка, религіи, даже различіе цивилизаціи различныхъ частей. Но всѣ эти препятствія преодолѣваются при наличности другихъ условій, способствующихъ формальному объединенію, а именно, сплоченности территоріи, затѣмъ общественной организаціи, основанной на равенствѣ правъ и тѣмъ самымъ дающей каждой части возможность развиваться свободно подъ охраною цѣлаго, наконецъ политической организаціи, призывающей всѣ части къ совокупному участію въ общемъ дѣйствіи, и составляющей, вслѣдствіе того, самое могущественное орудіе объединенія (стр. 67—90). Всѣ эти условія были неизвѣстны древнему міру: онъ не зналъ ни равенства правъ, ни представительнаго устройства. Римъ, который выше всѣхъ развилъ идею государства, покорилъ почти весь извѣстный тогда міръ, но это громадное тѣло могло держаться только деспотизмомъ, который подрывалъ собственныя свои основы. Свобода болѣе и болѣе изгонялась изъ общественнаго быта, а съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе и болѣе исчезало внутреннее единство. Наконецъ, это дряхлое тѣло пало подъ ударами варваровъ. Послѣдніе принесли міру недостающій ему элементъ—свободу; но это была свобода дикая, необузданная. Надобно было ее дисциплинировать, сочетать ее съ римскими началами. Это была задача христіанства. Оно могло это сдѣлать, ибо оно говорило во имя Бога единаго для всѣхъ, для Римлянъ и Германцевъ, для сильныхъ и слабыхъ, для богатыхъ и бѣдныхъ. Изъ этой великой идеи вытекала общая для всѣхъ нравственность и общее право. Равенство передъ Богомъ влекло за собою равенство передъ закономъ и братство всѣхъ людей (стр. 102). Изъ этихъ трехъ элементовъ сложилась новая цивилизація, которая заключаетъ въ себѣ всѣ условія прочнаго существованія. Но изъ всѣхъ новыхъ государствъ Франція полнѣе всѣхъ осуществила сочетаніе двухъ основныхъ началъ государственной жизни—національнаго единства и равенства передъ закономъ (стр. 246).

Росси излагаетъ развитіе этихъ началъ въ исторіи Франціи и за-

тѣмъ разбираетъ значеніе равенства передъ закономъ, провозглашеннаго Хартіей. Также какъ Гелло, онъ указываетъ на существенное отличіе этого начала отъ равенства состояній. Первое даетъ всѣмъ гражданамъ одинакое право развивать свои способности и пользоваться плодами своей дѣятельности; второе же было бы уничтоженіемъ равенства и созданіемъ привилегіи для менѣе способныхъ и менѣе дѣятельныхъ, которымъ предоставляется пользованіе плодами дѣятельности другихъ. Такой порядокъ подрывалъ бы главную причину личной дѣятельности; при такихъ условіяхъ человѣчество, вмѣсто того, чтобы идти впередъ на пути развитія, погрузилось бы въ апатію и нищету; оно потеряло бы самое воспоминаніе о своемъ достоинствѣ. Это не значитъ, что не слѣдуетъ приходить на помощь бѣднымъ и слабымъ; но отъ этого до провозглашенія общимъ принципомъ, что какова бы то ни была работа и заслуга, результатъ для всѣхъ будетъ одинъ и тотъ же—разстояніе громадное. Первое есть равенство передъ закономъ, одушевленное братствомъ; оно всегда существовало и существуетъ на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи. Задача новыхъ народовъ состоитъ въ томъ, чтобы сочетать это начало съ равенствомъ передъ закономъ, задача не всегда легкая, но разрѣшимая (стр. 255—8).

Также отлично равенство передъ закономъ и отъ суммы публичныхъ и политическихъ правъ, предоставляемыхъ гражданамъ. Равенство передъ закономъ есть начало твердое и постоянное; публичныя же права могутъ быть больше и меньше, смотря по условіямъ и организаціи общества. Законъ можетъ быть хорошъ или дуренъ, но если онъ одинъ для всѣхъ, равенство имъ не нарушается. Еще менѣе слѣдуетъ смѣшивать это начало съ политическими правами. Послѣднія всегда предполагаютъ способность. Нигдѣ политическія права не даются одинаково мужчинамъ и женщинамъ, взрослымъ и малолѣтнимъ, тогда какъ равенство передъ закономъ для всѣхъ одинаково. Нѣтъ сомнѣнія однако, что эти три начала, равенство передъ закономъ, сумма публичныхъ правъ и широта правъ политическихъ болѣе или менѣе связаны между собою. Опытъ показываетъ, что тамъ, гдѣ водворяется первое, расширяются и послѣднія (стр. 260—2).

Столь же мало противорѣчатъ равенству передъ закономъ тѣ условія, которыя полагаются для вступленія въ общественную службу.

Хартія постановляетъ, что всѣ имѣютъ одинакій доступъ къ общественнымъ должностямъ; но для всѣхъ полагаются одинакія условія, которыя должны быть исполнены для осуществленія этого права (стр. 349). Не противорѣчатъ этому началу и титулы, которые имѣютъ исключительно почетное значеніе, не доставляя никакихъ юридическихъ преимуществъ (стр. 277). Гораздо большее затрудненіе представляетъ равное несеніе общественныхъ тяжестей. Единственное сообразное съ этимъ начало есть пропорціональность налоговъ, которая и устанавливается Хартіей. Явнымъ тому доказательствомъ служитъ то, что пропорціональный налогъ можетъ быть только одинъ, тогда какъ прогрессивныхъ налоговъ можетъ быть множество; прогрессія можетъ простираться даже до уничтоженія собственности. Но осуществленіе начала пропорціональности представляетъ на практикѣ почти неодолимыя трудности. При такихъ условіяхъ, нѣкоторая прогрессивность можетъ быть допущена именно въ видахъ уравненія, тамъ, гдѣ точное опредѣленіе состояній ускользаетъ отъ дѣйствія власти (стр. 350 и слѣд.).

Затѣмъ Росси переходитъ къ подробному разбору публичныхъ правъ, установленныхъ Хартіей. Эти права суть ничто иное, какъ свобода, гарантированная въ различныхъ ея проявленіяхъ основнымъ закономъ. Здѣсь важно опредѣлить ту точку, гдѣ перекрещиваются противоположныя начала: съ одной стороны, требованіе личности, съ другой стороны, условія общественной жизни. Права лица должны быть согласованы съ правами общества, какъ цѣлаго. Всѣ эти права относятся къ области внѣшней свободы, ибо внутренняя свобода не подлежитъ дѣйствію власти. Но въ самыхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ есть различныя категоріи: 1) тѣ, которыя являются выраженіемъ личной свободы; 2) тѣ, которыя относятся къ развитію мысли и нравственнаго чувства; 3) тѣ, которыми мы усвоиваемъ себѣ предметы внѣшняго міра. Всѣ эти три разряда требуютъ особыхъ опредѣленій и гарантій (II, стр. 7—14).

Мы не станемъ слѣдовать за Росси въ его изложеніи, которое касается главнымъ образомъ дѣйствовавшаго въ его время положительнаго права. Достаточно было указать на ту совершенно вѣрную точку зрѣнія, съ которой онъ обсуждаетъ эти вопросы, а именно: признаніе личнаго права, какъ основного начала, и ограниченія его во имя требованій, вытекающихъ изъ необходимыхъ условій обще-

ственной жизни. Важнѣе то, что онъ говоритъ объ устройствѣ конституціонныхъ властей, составляющемъ высшую гарантію законной свободы. И тутъ онъ главнымъ образомъ излагаетъ положительныя постановленія французскаго закона, но онъ предпосылаетъ имъ нѣсколько общихъ замѣчаній.

Необходимость общественной власти, охраняющей права, распредѣляющей правосудіе, управляющей общими дѣлами и покровительствующей общимъ интересамъ, говоритъ онъ, признается всѣми. Но вопросъ въ томъ: какъ ее устроить такъ, чтобы она исполняла свое назначеніе? Тутъ человѣческому роду представляется задача повидимому неразрѣшимая, какъ для науки, такъ и для практики, если требовать такого устройства, которое устраняло бы всякіе недостатки и злоупотребленія. Затрудненіе возникаетъ здѣсь изъ самой природы вещей, ибо, кто говоритъ власть, тотъ говоритъ сила: безъ этого она не существуетъ. Эта сила должна служить праву и имѣть цѣлью общее благо; а между тѣмъ, по неискоренимому свойству человѣческихъ страстей, всякая сила, какъ скоро она установлена, стремится употребить данную ей власть въ пользу тѣхъ, которые ею облечены. Противъ этого искатели идеальнаго правленія думали найти гарантію въ отвѣтственности власти. Но власть можетъ быть отвѣтственна только передъ высшею властью, а передъ кѣмъ будетъ отвѣтственна послѣдняя? Кто будетъ судить судью? Какъ бы высоко мы ни восходили, мы, въ концѣ-концовъ, должны будемъ остановиться на власти, не отвѣтственной ни передъ кѣмъ, а потому имѣющей возможность злоупотреблять своимъ правомъ. Въ этомъ заключается трудность задачи, каковъ бы ни былъ образъ правленія (III, стр. 305—311).

Исходя отъ этихъ началъ, Росси усвоиваетъ себѣ то раздѣленіе образовъ правленія, которое принялъ Дестютъ де-Траси, а именно, на правленія *національныя* и *спеціальныя*. Мы видѣли, что Дестютъ де-Траси называетъ національными тѣ правленія, какова бы, впрочемъ, ни была ихъ форма, въ которыхъ признается полновластіе народа, какъ источника власти, облеченнаго правомъ всегда измѣнять ее по своему усмотрѣнію. Росси даетъ этому раздѣленію нѣсколько иное значеніе. Національными онъ называетъ тѣ правленія, безъ различія формы, въ которыхъ имѣется въ виду общее благо, уваженіе къ гражданскому равенству и одинакія средства

развитія для всѣхъ и каждаго; специальными же тѣ, которыя основаны на привилегіяхъ и имѣютъ въ виду пользу правящихъ лицъ (стр. 312).

Это видоизмѣненіе не дѣлаетъ однако раздѣленіе болѣе правильнымъ. Можно сказать, что это—самый большой упрекъ, который слѣдуетъ сдѣлать замѣчательной книгѣ Росси. Древніе дѣлили всѣ образы правленія на правильные и извращенные; но это дѣленіе, основанное на неуловимыхъ призракамъ, не могли держаться. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о томъ дѣленіи, которое принято Росси. Онъ самъ признаетъ, что встрѣчаются и чистыя монархіи и республики, имѣющія въ виду общее благо, и потому заслуживающія названіе національныхъ правленій; но онъ увѣряетъ, что всѣ правленія, основанныя на привилегіяхъ, имѣютъ склонность извращаться и преслѣдовать только интересы правящихъ лицъ или классовъ (стр. 312). Гдѣ же однако граница? Таковою не можетъ служить признаніе гражданскаго равенства, ибо это начало совмѣстно съ полнѣйшимъ деспотизмомъ. Послѣдній даже лучше уживается съ общимъ равенствомъ, нежели съ привилегированными тѣлами, которыя служатъ ему сдержкою. На это указалъ Монтескьё. Росси считаетъ специальными правленіями не только аристократическія республики, какъ Венеціанская и Бернская до революціи, но и самую Англію до билля о реформѣ. Неужели же мы должны признать, что этимъ биллемъ Англія изъ специальнаго правленія внезапно превратилась въ національное? Но преимущества однихъ частей и классовъ передъ другими продолжали существовать и послѣ; онѣ существуютъ и доселѣ. Очевидно, мы имѣемъ тутъ совершенно неопредѣленный признакъ, на которомъ нельзя основать никакого дѣленія.

Съ этой точки зрѣнія Росси признаетъ всѣ существующія до новѣйшаго времени правленія не національными. Въ древности, при существованіи рабства и отсутствіи представительнаго начала, все было основано на привилегіяхъ. Еще болѣе это относится къ среднимъ вѣкамъ: феодализмъ былъ воплощенною привилегіей, и притомъ во имя частнаго, а не общественнаго права. На тѣхъ же началахъ строились и средневѣковыя общины. Среди этого хаоса монархія явилась объединяющимъ началомъ, представителемъ общаго блага въ противоположность привилегіямъ феодаловъ и городовъ. Вслѣдствіе этого, она и пріобрѣла поддержку народа, и это привело наконецъ къ національному правленію.

Полное осуществленіе истинныхъ началъ государственной жизни Росси видитъ въ современной Франціи. Это не привилегированное правленіе, ибо оно признаетъ гражданское равенство и одинаково охраняетъ права всѣхъ и каждаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это правленіе основанное на раздѣленіи властей, что представляетъ высшую гарантію свободы. Въ отличіе отъ Сисмонди и Гелло̀, Росси признаетъ три самостоятельныя власти: законодательную, исполнительную и административную власть, и наконецъ судебную. Онъ справедливо указываетъ на то, что судебная власть призвана судить дѣйствія исполнительной власти, когда они уклоняются отъ закона, а потому она не можетъ считаться отраслью послѣдней. Когда эти три власти, говоритъ Росси, соединены въ однихъ рукахъ, и тѣ, которые издаютъ законъ, призваны его исполнить и судить возникающія столкновенія, тогда власть становится абсолютной, ибо ей нельзя положить никакихъ границъ. Напротивъ, когда власти раздѣлены, тогда нѣтъ неограниченной власти: каждая находитъ свой предѣлъ въ правахъ другихъ. Эти начала признаны всѣми. Но если подъ именемъ раздѣленія властей слѣдуетъ понимать такое устройство, въ которомъ каждая власть имѣетъ свою область дѣйствія, не соприкасаясь съ другими, то подобный порядокъ можетъ вести только къ постоянной борьбѣ или къ полному бездѣйствію. Необходимо, слѣдовательно, такое раздѣленіе властей, которое бы не исключало взаимной зависимости и единства дѣйствія. Во Франціи объединяющимъ началомъ является монархія. Она имѣетъ участіе во всѣхъ трехъ отрасляхъ правленія. Въ законодательствѣ ей присвоено право иниціативы и запретъ (Veto). Исполнительная и административная власть принадлежитъ ей всецѣло: монархъ назначаетъ министровъ и другихъ агентовъ, командуетъ военными силами, ведетъ войну и заключаетъ миръ, издаетъ постановленія для исполненія законовъ, вѣдаетъ общую администрацію страны. Самая судебная власть состоитъ отъ него въ нѣкоторой зависимости. Онъ назначаетъ судей, преслѣдуетъ преступленія через подлежащихъ смѣнѣ агентовъ, наконецъ, ему принадлежитъ право помилованія. Но во всѣхъ этихъ отрасляхъ власть его ограничена. Въ законодательствѣ участвуетъ двѣ палаты, безъ которыхъ никакой законъ не можетъ быть изданъ. Въ исполненіи онъ не можетъ уклониться отъ закона и связанъ отвѣтственностью министровъ. Въ судѣ, приговоры произносятся не-

смѣняемыми судьями и присяжными, по внушенію собственной ихъ совѣсти, а не по приказанію властей; всякіе чрезвычайные суды воспрещены закономъ. Такова сущность представительной или конституціонной монархіи: она является центромъ всего управленія, но власть ея всюду ограничена закономъ; для произвола здѣсь нѣтъ мѣста (III, стр. 373—384).

Росси подробно излагаетъ устройство и права обѣихъ палатъ и другихъ властей; но все это относится къ положительному праву. Онъ воздерживается отъ теоретическихъ комментаріевъ. Только въ концѣ курса онъ останавливается на началѣ отвѣтственности министровъ, въ которой онъ видитъ главную гарантію противъ злоупотребленій исполнительной власти. Неприкосновенность короля безъ отвѣтственности министровъ, говоритъ онъ, давала бы ему неограниченную власть. И эта отвѣтственность совершенно раціональна, ибо министры не суть простыя орудія: они—свободныя лица, которыя добровольно берутъ на себя отвѣтственность и всегда могутъ отказаться въ случаѣ несогласія съ требованіями монарха. Между тѣмъ, эта гарантія необходима; безъ нея все конституціонное зданіе рушилась бы почти вполнѣ. Дѣло въ томъ, что изъ трехъ властей законодательная и судебная рѣдко могутъ выходить изъ предѣловъ своего права. Величайшіе соблазны существуютъ только для власти исполнительной, а потому тутъ требуются болѣе сильныя гарантіи (IV, стр. 367—9). Росси сознается однако, что законъ объ отвѣтственности министровъ представляетъ значительныя трудности, ибо обвиненіе ихъ есть не только юридическій, но и въ высшей степени политическій актъ. Дѣйствія министровъ, а вмѣстѣ и ихъ отвѣтственность, могутъ быть разныя. Не говоря о ихъ проступкахъ, какъ частныхъ лицъ, которыя подлежатъ обыкновеннымъ судамъ, въ самомъ управленіи можетъ быть разная вина. Плохое управленіе, не отвѣчающее потребностямъ общества, влечетъ за собою отвѣтственность политическую и нравственную, но не юридическую. Палата отказываетъ имъ въ содѣйствіи, и это ведетъ къ перемѣнѣ министерства. Этимъ способомъ установляется согласное дѣйствіе между различными властями, и устраняется борьба, которая могла бы быть опасна. Тутъ есть оттѣнки, ускользающіе отъ закона. Можно сказать, что конституціонное правленіе достигаетъ высшаго совершенства, когда эти взаимныя тренія становятся менѣе и менѣе ощути-

тельными. Но совсѣмъ другое дѣло, когда министръ виновенъ въ какомъ-либо политическомъ преступленіи, подлежащемъ наказанію. Тутъ является юридическая отвѣтственность и нуженъ законъ. Затрудненіе заключается только въ опредѣленіи, что именно составляетъ преступленіе. Точнаго опредѣленія нельзя сдѣлать, ибо вина обыкновенно состоитъ изъ совокупности дѣйствій, изъ которой каждое, взятое само по себѣ, не имѣетъ значенія. Поэтому, преслѣдованіе такихъ дѣйствій является актомъ существенно политическимъ. Законъ принужденъ ограничиться общими обозначеніями, предоставляя суду точное опредѣленіе самаго факта. Гарантіями для подсудимаго служатъ здѣсь правила процедуры, отдѣльныя обвиненія отъ суда, наконецъ составъ высшаго судилища, которому предоставлено право произносить приговоръ (IV, стр. 380—381).

Таково ученіе Росси, которое представляетъ, можно сказать, завершеніе теоріи конституціонной монархіи во Франціи.